

Гринин Л.Е.

ФОРМАЦИИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

**ЧАСТЬ
ВТОРАЯ**

Гринин Л. Е. *Формации и цивилизации*. [Книга печаталась в журнале «Философия и общество» с 1997 по 2001 г.]

Леонид Ефимович Гринин (род. 16 декабря 1958, Камышин) — советский и российский философ, историк, социолог, политантрополог, экономист, футуролог. Доктор философских наук.

Эта книга о том как соотносятся категории «формация» и «цивилизация» и какое место они занимают в теории исторического процесса.

Оглавление

ЧАСТЬ II

ВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА..... 3

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА..... 4

ГЛАВА 5. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 7

ГЛАВА 6. ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 51

ГЛАВА 7. ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ... 293

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА 447

ПОДРАЗДЕЛ 1

ФОРМАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ 450

ГЛАВА 8. ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ФОРМАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ 453

ГЛАВА 9. ПРИНЦИП ПРОИЗВОДСТВА БЛАГ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 516

ГЛАВА 10. ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ БЛАГ И ЛИЧНОСТИ. ФОРМАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ 649

ЧАСТЬ II

ВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА¹

Теперь мы можем приступить непосредственно к теме нашего исследования. Но поскольку некоторые его моменты уже были обозначены в первой части, кое-где нам придется повториться. Прием предвосхищения выводов последующих глав и параграфов, чтобы лучше подготовить читателя к их восприятию, я буду использовать и дальше. Но должен вслед за Гегелем предупредить: «То, что я предварительно сказал и еще скажу, следует принимать и по отношению к нашей науке не за предпосылку, а за обзор целого, за результат того исследования, которым мы займемся, — за такой результат, который мне известен, потому что я уже знаю целое»².

Во второй части пойдет речь о системе основных категорий, принципов, идей и законов, а также периодизации, основных характеристиках каждого периода, соотношения формаций и цивилизаций и т. д. — словом, о том, что и составляет концепцию исторического процесса (по крайней мере, в моем понимании). Но поскольку объем обзораемого материала слишком велик, чтобы полностью охватить его в одном произведении, я назвал эту часть «Введение в теорию исторического процесса». В последней, третьей части будет дано теоретическое описание этапов этого процесса, которое наполнит схему большей жизнью.

Вторая часть разбита на два раздела, названия которых подчеркивают два последовательных этапа в разворачивании концепции. В первом разделе раскрывается смысл ряда принципов, подходов, категорий и законов, имеющих прежде всего методологическое значение и объясняющих, из каких основ исходит автор в построении своей теории исторического процесса. Это делает ее содержательную сторону (во втором разделе) более ясной и емкой и позволяет строить мыслительную модель исторического процесса

¹ Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1—6.

² Гегель Г. Сочинения. Т. VIII. М.-Л., 1935. С. 11.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Этот раздел введен потому, что мы уже приняли мысль: познание не отражает реальность, а сложным образом постигает ее. Значит, и обоснование достоинств теории не в том, что она копия исторического процесса, а в том, что мы сумели построить модель этого процесса, которая позволяет лучше иных решать определенный круг проблем. А значит, нужно еще и показать, почему автор считает такие подходы наиболее удачными. Я глубоко убежден, что, если ученый не будет стремиться объяснить (пусть не в тексте, хотя бы самому себе), почему и зачем он формулирует закон или вводит новый термин, на основании каких исходных принципов делает какой-то вывод, отчего предпочитает данный подход; если он не сумеет доказать, чем его положения лучше, а чем хуже отвергнутых; если он даже себе не признается, что какие-то моменты собственной концепции его не удовлетворяют, но он просто не знает, как быть с этими проблемами; если он не попытается спустить общую идею к конкретике, частный вывод — сопоставить с глобальным (и наоборот) и т. д. — его подстерегают серьезные ошибки, причем о многих из них он просто не догадается¹.

Сказанное относится и к практикам-исследователям. Правда, с ними нередко дело обстоит как с писателями, которые, благодаря таланту и интуиции, достигают успеха, но не в состоянии осмыслить механизм своего труда. Однако плох тот теоретик, который не может объяснить, почему он пришел к своим выводам и чем они лучше прежних.

Равнодушие к этим моментам часто происходит оттого, что ученый убежден, будто действительность именно такова, какой он ее описывает, за исключением не очень важных подробностей. Он также может полагать, что «наши исходные предпосылки...

¹ Поскольку читатель уже видел, каким образом подобные объяснения давались в первой части книги, ему легче понять, о чем, собственно, идет речь.

находятся над и вне научных методов проверки теорий»¹. К сожалению, таких взглядов придерживаются многие.

Однако мы уже неоднократно видели, что хотя реальность и объективна, это не значит, будто и формулируемые нами идеи, законы и категории адекватно «отражают» ее. Ведь комбинация и группировка фактов и материала означают неизбежный «разрыв» единой реальности, и эта операция всегда обусловлена поставленной задачей, избранными методами и многими другими вещами, включая и особенности личности ученого.

Следовательно, вполне естественно, что отправные принципы и точки отсчета, а также подходы могут сильно различаться. Чем менее конвенциональны категории и законы науки (как в обществензнании), тем это нагляднее. Однако, если мы это осознаём, у нас есть ясное понимание наших слабостей и возможность найти им компенсацию². Если же мы упорствуем в том, что наши формулировки на языке общих понятий и символов тождественны объективной реальности, мы впадаем в ограниченность и закрываем себе дорогу к более точному ее познанию. По сути, это означает непримиримую позицию, поскольку объективно существующий закон должен иметь лишь **одну верную** формулировку. Если же мы понимаем, что научный закон, объясняющий часть (сторону) объективной реальности, может быть **лишь более или менее** верным, мы спорим об **относительно** лучшем или худшем. И можем гораздо четче определить наиболее естественные и удобные комбинации и группировки для типологии или обобщения. Тогда перед нами открыт путь к сравнению и интеграции разных теорий. Как только мы вступаем на эту дорогу, становится ясной и огромная важность методов определения ценности и истинности различных подходов и концепций, как путем самопроверки автором, так и с

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 2. С. 254—255.

² Недаром некоторые западные ученые говорят о тирании единого принципа объяснения социальных явлений (Канман) и о сознательном использовании парных концепций, чтобы избежать их случайного применения (Бендикс). (См.: Кудинов В. В. Историческая социология // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 124).

помощью критики¹. И будет очевидным, что, хотя априори все подходы и теории можно считать равноправными, фактически для признания их заслуживающими внимания нужно очень и очень многое, поэтому серьезных альтернативных концепций оказывается не столь уж и много. Я полагаю, что при прочих равных условиях (логичности, непротиворечивости, обоснованности и т. п.) особенно важно в этом плане обратить внимание на: а) совместимость с другими теориями и способность к интегрированию разных точек зрения, в том числе и за счет возможности охватить большее количество аспектов и уровней; б) способность к саморазвитию. Если любое изменение в фактических данных ведет к рассыпанию теории — это верный признак ее нежизненности. Напротив, серьезные доктрины могут постоянно корректироваться при сохранении базовых принципов.

Мне кажется, что для общественной науки наилучшим был бы путь поиска способов объединения и стыковки наиболее интересных (а в идеале и большинства) альтернативных теорий².

В этом плане задача не просто в том, чтобы противопоставлять одни подходы другим (скажем, формационный — культурологическому), что в определенной мере всегда неизбежно, сколько в том, чтобы найти их точки соприкосновения и нечто общее между ними (хотя бы и весьма абстрактное). А затем с помощью различных концептуальных и технических приемов объединить в более широкую теоретическую систему. Это могло бы уменьшить количество бесплодных споров и помочь частично освободиться от крайностей во мнениях, позволило бы отсекаать нелогичные концепции. Тогда удастся не отбрасывать каждый раз

¹ «...Единственный путь, открытый перед социальными науками, состоит в том, чтобы забыть словесные перепалки и энергично взяться за практические проблемы нашего времени с помощью теоретических методов, которые в своей основе одни и те же для всех наук. Я имею в виду метод проб и ошибок, а также метод выдвижения гипотез, которые могут быть проверены на практике...» (Поппер К. Ук. соч., Т. 2. С. 256—257).

² Иногда, хотя и достаточно редко, в трудах философов все же появляются идеи о том, что имело бы смысл «концептуально увязать множество конкурирующих между собой социальных идей и теорий» (Ющенко Ю. А. К вопросу о типологии и направленности исторического процесса // Социальная философия в конце XX века. МГУ, 1991. С. 121). Но конкретных шагов мало, а методологических обоснований таких процедур и вовсе почти нет.

достижения, сделанные оппонентами, а как бы инвентаризовывать их, обосновывая возможности и пределы их правомерности и применения. И это будет не попперовский метод выживания самой подходящей теории посредством элиминации менее подходящих, а метод интеграции ряда теорий, посредством локализации сферы их применения, выработки системы правил соответствия и разворачивания, а также переходов от одних уровней, аспектов и точек зрения к другим.

В результате мы имеем шанс получить весьма широкую концепцию, которая путем надстраивания ряда общих принципов и правил позволит найти общий знаменатель для ныне противоположных взглядов. Однако она не будет прежнего типа жесткой суперконструкцией. Конечно, подобная задача не может быть выполнена не только одним человеком, но даже и целой школой. Это просто цель, к которой следует стремиться, ибо, когда она перед глазами, многие проблемы, вероятно, удастся решить. Мне думается, что именно на таком пути и могут быть преодолены те трудности, которые завели обществознание в тупик¹.

Поэтому-то я считаю важным говорить о таком варианте развития, показывать некоторые способы и примеры движения к нему. Конечно, со стереотипами, о которых шла речь выше, одной только логикой не справиться, тем более, что «мы узнаем о наличии у нас предубеждений лишь после того, как избавляемся от них»².

И тем не менее иного способа двигаться вперед, кроме аргументированной критики и предложения более рациональных решений, не существует.

ГЛАВА 5. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

§ 1. Соотношение исторического развития человечества и

¹ «Изолировавшись, каждый из специалистов сможет что-либо постичь лишь наполовину, даже в собственной области: единственная подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи. — это всемирная история» (Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 29).

² Поппер К. Ук. соч. Т. 2. С. 255.

отдельных обществ. § 2. Исходные положения и понятия для моделирования исторического процесса

Ни одна теоретическая система не может охватить всей сложности социальной жизни и даже не должна пытаться достичь этого.

Г. Мюрдаль

«Если мы сегодня постоянно слышим о кризисе исторической науки, то речь идет не столько об историческом исследовании ученых-специалистов, сколько о кризисе исторического мышления людей вообще. То и другое издавна расходятся». Поэтому необходимо «полное различие между техникой исторического исследования и мышления в области философии истории. Кризис принципиально связан со второй проблемой, лишь частично с первой»¹.

Если бы не знать, что эти слова сказаны много десятилетий назад, их можно было принять за сегодняшнюю злобу дня. Особенно на фоне увеличения влияния постмодернизма в истории. Однако и в западном, и тем более в отечественном общественном сознании обычно не ставятся под сомнение результаты конкретных исторических исследований (это при необходимости хорошо делают коллеги-специалисты). Следовательно, проблемы вызывает не столько истинность основной группы фактов, сколько их интерпретация, возможность и правомерность достаточно широких построений, локализация того или иного общества или периода в историческом процессе и т. п. — словом, теоретизирование истории.

В российской науке в недавнем прошлом и сейчас еще историки обычно упрекали философов в том, что те оторвались от реалий и не дают хорошей теории. В свою очередь историков часто критиковали за то, что они не могут отвлечься от эмпирики и не в состоянии в своих теоретических изысканиях видеть всю панораму всемирной истории. В самое же последнее время в связи с тем, что истмат перестал быть обязательной доктриной, перед которой надо расшаркиваться, расхождение между теорией

¹ Трёльч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 10, 14.

и историей, с одной стороны, в чем-то уменьшилось, но с другой — в ряде моментов даже и увеличилось. Одни, намаявшись с марксистско-ленинской доктриной, вообще стали полагать идею глобальных обобщений не только не осуществимой, но и просто вредной. Другие подхватили (или «откопали») теории самого худшего свойства, третьи — сбились на эклектику. И т. д. Правда, появился и ряд достаточно широких концепций, в которых есть весьма ценные моменты и идеи. Но тем более досадно, что такие авторы придают методологии и обоснованию своих принципов слишком малое значение. В результате они полностью не достигают поставленной цели.

Налицо, таким образом, кризис историзма, выражающийся в неспособности адекватно решить на современном уровне как «вечные» проблемы, так и специфические для настоящего времени. Он выражается в отрыве от реалий и замыкании в схоластическом круге у одних, в научном и мировоззренческом пессимизме у других, и в прямом нигилизме, а то и просто хулиганстве — у третьих. При такой обстановке уходит из-под ног почва и у тех, кто продолжает верить в познавательные возможности теоретического и исторического знания, в том, что оно имеет и практическую ценность.

Такого рода кризисы имеют сложную природу, а причины их многочисленны. Но если говорить о чисто научных и методологических, то важнейшие среди них коренятся в ошибочных гносеологических основаниях двух ведущих доктрин, связанных с теоретическим осмыслением исторического развития: позитивизма и исторического материализма. Разумеется, я ни в коем случае не хочу приравнять их друг к другу. У них огромные различия и разный потенциал. Но они сходны в том, что обе (хотя в разной степени) страдают объективизмом и придают вопросам эпистемологии малое значение¹. Поэтому-то хотя часть наших историков и теоретиков качнулась от истмата к позитивизму, в их исходных принципах изменилось не так уж много, ибо они

¹ Правда, в XX веке появились и концепции, гораздо больше обращавшие внимание на гносеологию (как и на методологию). Но зато они или отрицали возможности теоретического знания (а это путь в никуда), или до конца не изжили страх позитивизма перед широкими обобщениями.

фактически остались на почве объективизма.

Таким образом, идея о том, что историк познает реальность такой, какой она была на самом деле, подспудно продолжает жить. Вероятно, поэтому удар, нанесенный постмодернизмом, оказался столь болезненным. Но если уж под сомнение ставится правомерность выводов, которые делает историк, тогда тем более шаткими являются позиции тех философско-теоретических учений об истории и историческом развитии, которые полагают свои принципы и законы отражением объективной реальности.

Отсутствие удовлетворяющих исследователей крупных теорий, бесспорно, углубляет кризис. Но в еще большей степени ухудшает ситуацию то, что очень многие полагают, что такие обобщения изжили себя, не давая труда ясно и доказательно обосновать возможность или невозможность их создания и применения. Справедливые же замечания по поводу гносеологических и методологических ошибок отнюдь не свидетельствуют о ненужности генерализующих концепций исторического развития. Напротив, мы получаем шанс сделать их достаточно продуктивными только тогда, когда понимаем всю «механику» их построения, сознательно применяем к ним правила гносеологии, методологии и логики (а не полагаемся только на интуицию, шестое чувство и т. п.) и рационально отбираем необходимые приемы, методы и подходы.

Нигилизм в отношении крупных теорий препятствует разработке методологии их конструирования и правил применения. В результате многие ошибки оказываются просто запрограммированными и неизбежными. Ведь даже тот, кто согласился с необъективистскими исходными принципами, лишен нужного инструментария, чтобы последовательно провести их. А существующие методы и категории в их нынешнем виде мало пригодны для таких операций. Нужны методики выделения основных уровней и линий исследования¹, приспособленная к ним терминология, правила локализации теорий и многое другое,

¹ Те же методологические работы, которые делались философами и частично историками об уровнях, аспектах и т. п. в 60—80-е годы, — при том, что там встречается немало интересных замечаний, в целом были подчинены идее апологии истмата (методологического его оправдания), а следовательно, и не могли дать чего-то принципиально нового.

без чего невозможно продуктивно работать.

В этой главе подробно рассматривается одна из серьезнейших ошибок такого рода: неразведение всемирно-исторических и конкретно-общественных законов, тенденций и линий развития. Я обращаю на нее особое внимание, так как хотя такие взгляды присущи и многим западным ученым, но наиболее глубокие корни эти воззрения пустили у нас¹.

Читатель увидит, что для решения этой проблемы мало только принципиального согласия с постановкой вопроса и обоснования необходимости такого разграничения. Для этого также требуется уточнить терминологию, ввести ряд новых понятий, выполнить иные логико-методологические операции.

Первый параграф главы будет посвящен проблемам доказательств правомерности разведения всемирно-исторического развития и истории отдельных обществ, выбора средств для этого, второй — рассмотрению понятия исторического процесса и обоснованию тех методологических приемов, которые позволят нам его моделировать. В этой главе ряд терминов (генеральная линия, горизонталь, вертикаль и др.) для удобства я использую без кавычек.

§ 1. Соотношение исторического развития человечества и отдельных обществ

Итак, одна из важнейших причин неудовлетворительности крупномасштабных теорий заключается в стремлении видеть общемировые законы, тенденции и этапы развития и в целом для человечества, и в его разнородных частях, то есть отдельных обществах и регионах, в основном однотипными². Таким образом,

¹ Ведь «теория была словно овеществлена в доктрине, опыт — в окончательных законах и моделях, считавшихся пригодными на все времена и ситуации в истории. Реальная же действительность в ее конкретном движении зачислялась в категорию особенного, изображалась чем-то случайным и несущественным» (Лазар Ф. Марксизм и освобождение человечества // Марксизм и проблемы социального прогресса. М., 1986. С. 46).

² И это даже обосновывалось методологически. Вот, например, М. Я. Ковальзон говорил: «Закон науки — это абстракция. Он отвлечен от своего конкретного проявления, он всегда однозначен» (Философия и историческая наука // Вопросы философии, 1988, № 10. С. 33)

говоря словами М. Вебера, действительность подводится под схему в качестве экземпляра. Ложная простота, обманчивая ясность и логичность таких подходов манят ученых, несмотря на очевидность того, что сам метод науки «не допускает полного и окончательного доказательства»¹, особенно при приложении общего правила к конкретике. Как результат — бесконечные споры о правомерности претензий генерализующих обобщений, а также перманентная критика таких претензий.

Было бы полезным начать наши рассуждения с рассмотрения того, что в такой критике правильно, а в чем ее недостатки, чтобы яснее увидеть суть проблемы и способы ее решения. Для примера возьмем длинную цитату из работы одного видного западного экономиста. «Из великого множества исторических условий, этапов развития и событий, — пишет он, — эти теории выбирают и выдвигают на первый план определенные факторы, которые считаются существенными для развития. Кроме того, они предполагают наличие определенных взаимосвязей между изменениями в этих факторах и между ними и всей общественной структурой в целом. С логической точки зрения различия между их доктринами представляются как результат различий в указанном выборе действующих факторов и в их предполагаемых взаимосвязях. Все представители такого подхода до некоторой степени отдают себе отчет в его произвольности и пытаются оградить себя с помощью многочисленных оговорок. В действительности они часто располагают свой иллюстративный материал таким образом, чтобы показать различия в анализируемых ими исторических процессах. Однако, несмотря на такое понимание явлений и явно вопреки ему, все они убеждены, что их анализ с точки зрения этапов в общих чертах соответствует тому, о чем известно эмпирически. Они даже

(выделено мной. — Л. Г.). То, что закон, как научное построение, отвлечен от конкретного проявления, верно. Но как он может быть однозначным? Напротив, закон формулируется так, чтобы охватить массу не совсем, мало, а то и вовсе не сходных случаев. «Однозначный закон» как раз и толкает к трактовке того, что он одинаков в рамках как человечества, так и конкретных обществ и даже эпизодов.

¹ Рассел Б. Почему я не христианин. М., 1987. С.135.

убеждены, что их анализ представляет собой вполне обоснованную теорию изменений общества, то есть развития.

Изложение стадий развития — от «более низкого» к «более высокому» — делает этот подход в целом телеологическим. Общими для этих различных подходов являются следующие три особенности: **неотвратимость, непредустановленная целенаправленность и предполагаемая оценка** (хотя и необязательно оценка автора). В силу своих телеологических построений, и особенно из-за своего исходного постулата о сходстве процессов развития в различных странах в разные периоды, весь подход имеет присущую ему тенденцию принизить значение политических течений или, вернее, придать им вид predeterminedного хода событий»¹.

Аргументированность возражений очевидна: неучет (или недоучет) того, что любое выдвижение на передний план одного фактора ведет к односторонности, вера в неизбежность реализации законов; занижение роли личности и вообще активного момента; «натягивание» общей, генеральной схемы на все общества; игнорирование неудобных фактов; иллюстрация вместо ясных доказательств; постоянное использование общих понятий без четкого определения их смысла, своего рода гипноз перед этими терминами или даже «овеществление» и «одухотворение» их; смещение уровней и масштабов исследования и т. п.

Но, с другой стороны, и критик не вполне ясно осознает природу теоретического знания. В результате протест против ошибок в методологии перерастает в протест против глобальных обобщений в целом. Поскольку такое смещение характерно и для отечественных ревнителей «чистоты» и «свободы» истории, рассмотрим последнюю мысль подробнее. Постоянны возражения против применения общих понятий, будь то формации, рынок, тенденция и т. п. Но здесь видно непонимание того, что такое

¹ «Цель социологов — сделать максимально, до предела понятны то, что не было таковым в реальности, выявить смысл того, что был пережито, даже тогда, когда этот смысл в жизни людей не был осознан (Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М. 1993. С. 512).

общая теория¹. А мы уже неоднократно говорили: она неизбежно излагает материал собственным языком. Конечно, его нежелательно слишком формализовать, но точно так же нельзя полагать, что широкую концепцию можно прямо прилагать к конкретике. Историкам кажется, что, «устранив» понятия, которые их раздражают, такие как «базис» и «надстройка», «функция» и «закон» и т. п., они «освободятся». Ничуть. Не только общая теория, но и они сами не смогут обходиться без генерализующих понятий.

То, что масштабная концепция страдает неизбежной односторонностью, непредвзятому аналитику совершенно очевидно. Таково ее свойство, таково вообще наше познание. Беда, когда, с одной стороны, теоретики начинают полностью отождествлять концепции и реальность, а с другой — когда под флагом борьбы с односторонностью начинают ратовать за отказ от теорий. Между тем если что-то не может быть полностью освобождено от какого-то недостатка, это не означает, что оно непригодно. Мало того, при ясном понимании такой недостаток можно даже обратить в достоинство. Мы всегда обязаны помнить, что теории огрубляют реальность, и стремиться их сделать точнее. В этом заложен неиссякаемый источник развития, но отказываться от них или разрушать их без замены — дело опасное.

В целом указанные ошибочные идеи продолжают (хотя и не так явно) господствовать в умах наших философов, хотя сегодня уже гораздо больше говорят о правомерности выдвижения на первый план разных критериев, о разных «срезах истории» и т. п. Проблема, однако, в том, чтобы от декларации перейти к практическому совмещению этих подходов, к объединению их в общих теориях и т. п. Пока же постоянно натываешься на то, что даже авторы, вроде бы придерживающиеся верных принципов, на подсознательном или полусознательном уровне отождествляют общечеловеческие закономерности и модели и конкретные общества и считают, что ступени мировой истории суть также и

¹ Мюрдаль Г. Современные проблемы третьего мира. М., 1972. С. 545—546.

этапы каждого отдельного общества.

Эти предубеждения препятствуют и ревизии устаревшего¹. Они дают на ученого, поскольку «априорные установки, заложенные в схему, односторонне ориентируют исследователей»².

И пока не будут изжиты такие взгляды, неизбежны теоретические тупики. Ведь законы развития человечества есть обобщение явлений совсем иного порядка и уровня чем в конкретных обществах, причем последние часто вместе вообще составляют разные моменты, стороны и частички мирового. Следовательно, общие теории нельзя просто использовать для частных случаев, и наоборот частные явления не обобщаются легко в широкие концепции. И в одном и другом случае нужны особые, достаточно сложные и тонкие процедуры и соблюдение ряда правил.

Теперь целесообразно посмотреть, почему мы вообще можем вести речь об общечеловеческом историческом развитии, об общечеловеческом единстве³.

Прежде всего, чем ближе к сегодняшнему дню, тем реальнее становится само понятие человечества и тем явственнее тесная связь даже самых разных и удаленных друг от друга обществ⁴. Сначала человечество в плане действительного единства было

¹ Ибо они определяют теоретическую позицию даже очень серьезных ученых. Например, А. В. Данилова говорит: «Критический пафос следует направлять не на теорию общественно-экономических формаций, как таковую, а на те искажения, которым она подвергалась, начиная с рубежа 20—30-х гг.» (см.: Философия и историческая наука // Вопросы философии, 1988. № 10. С.48). Да ведь теория формаций изначально была не разделена между развитием всеобщим и страновым. Подобно сямским близнецам, эти две стороны были сращены уже при рождении! Значит, не об искажениях надо вести речь, а о том, чтобы последовательно разделять эти стороны. А это, как понимает читатель, требует пересмотра практически всей теории, каждой категории и вывода.

² Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии, № 11, 1990. С. 34.

³ Я не буду останавливаться на анализе многозначности слова «человечество». Кратко говоря, здесь оно используется в двух смыслах. По вертикали (этот термин и горизонталь разбираются в следующем параграфе) это «вся совокупность существовавших и существующих социально-исторических организмов» (Семенов Ю. И. Секреты Клио. С. 71), по горизонтали — совокупность только современных исследовательской задаче обществ.

⁴ «Сегодняшний мир постепенно, в ходе длительного процесса, идущего с XVI в., благодаря развитию техники, фактически стал единой сферой общения, которая, несмотря на борьбу и раздробленность, во все возрастающей степени требует политического объединения...» (Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 52). Со времени написания этих слов они стали только еще более актуальными.

только потенцией (идеей), затем постепенно, не без откатов и зигзагов, шло все более тесное объединение обществ самыми разными путями. Уже в XIX в. эволюционисты не без основания усматривали тенденцию к росту «солидарности». А в современное время интеграция становится мощнейшим фактором мировой жизни, поскольку сближение обществ ведет к универсализации их развития, уменьшению различий в моделях и вариантах. Результат сближения весьма часто начинает выражаться уже и в совершенно наглядных вещах (конгрессах, договорах и т. п.). Но, хотя «многие данные говорят о том, что универсальное единство истории на земном шаре (и вокруг него) сегодня является реальностью», однако это **ставшая** реальность. «Единство истории — это результат, а не что-то изначально гарантированное благодаря деятельности субъекта, который в процессе воспитания сам себя создает»¹.

Поэтому говорит о человечестве как **субъекте истории** правомерно только для самого последнего времени (не раньше XX века, когда появляются первые всемирные органы) и то лишь для отдельных процессов или ситуаций (например человечество против отдельной страны — Ирака), а не для всего исторического процесса, как это делают некоторые исследователи. Сам же факт мирового исторического процесса не требует наличия совокупного субъекта, поскольку вполне достаточно и того, что между субъектами — участниками этого процесса возникают различные взаимоотношения и данности, становящиеся для каждого из них некой более высокой реальностью². Возникает система отношений, связей, общения, интересов и идей, коллективных органов и т. п., которые образуются из действий многих субъектов (хотя бы субъективно и не нацеленных на подобный результат). Эта система **надобщественных и межобщественных отношений и явлений** принадлежит всем вместе (хотя и не в одинаковой степени), но однако же и никому в отдельности³. Поэтому такие

¹ Хабермас Ю. О субъекте истории. Краткие замечания по поводу ложных альтернатив // Философия истории. Антология / Составитель Ю. А. Киселев. М., 1995. С. 288.

² Если уместно сравнение, то факт реальности коллективной игры совершенно не требует состоящего из всех игроков единого субъекта, напротив, такой «субъект» исключил бы возможность игры.

³ Это напоминает то, что называют общественным сознанием. Оно есть результат

коллективные вещи для разных их участников выглядят очень непохоже. И это свойственно не только современному состоянию дел. Всегда (с момента контактов хотя бы двух человеческих коллективов) множество явлений или их сторон было общим сразу нескольким (многим) субъектам и каким-то боком каждому в отдельности. Этот процесс превращения части конкретно-общественных действий и достижений в коллективные и составляет **одну из специфических черт собственно мирового развития.**

Таким образом, если рассматривать историю ретроспективно, а при анализе исторического процесса это неизбежно¹, нельзя усомниться в правомерности выделения особого общечеловеческого уровня.

Но раз единство стало реальностью, то, значит, к этому имелись потенции. Каковы они?

Во-первых, эволюционный отбор высеивал лучшие и уничтожал худшие с точки зрения их жизнеспособности. Таким образом, вырабатывались общие механизмы и качества. Отбор и эволюция так или иначе сближали (в самых разных аспектах этого слова) человечество. А роль отбора и эволюции потенциально запускалась, как только начиналась собственно история, то есть движение и развитие (заселение, переселение, перемешивание, войны, демографическое давление и демографический вакуум и т. п.). Из сказанного следует важный вывод о том, что для каждого периода следует установить **меру и масштаб** человеческой интеграции, чтобы не впасть в крайности.

Во-вторых, между группами обществ существовали генетические и родственные связи, порой достаточно прочные, а на базе такой близости формировались и промежуточные уровни сближения человечества (региональный, цивилизационный, крупные империи и т. п.).

деятельности многих, но принадлежит всем вместе.

¹ «Следовательно, материальная философия истории должна ограничиваться культурной средой наблюдателя и настолько пронизывать ее с точки зрения настоящего, чтобы весь процесс представлял как ведущий к настоящему во внутренней непрерывности, а настоящее, в свою очередь, — как сформированное в своей глубинной структуре всем этим прошлым». (Трёльч Э. Ук. соч. С. 63).

В-третьих, это сходство системное. Оно особенно важно в плане социологии истории. Но в плане реакций на определенные явления, возможностей роста оно весьма важно и для теории исторического процесса.

В-четвертых, это сходство самих людей и их потенциальных качеств. Однако они раскрываются только в определенных условиях, что является одной из причин неравномерности развития.

В-пятых, это сходство, связанное с контактами, а следовательно, заимствованием или навязыванием, интеграцией и прочим, что в последние столетия становится все более важным.

В-шестых, другие.

Итак, сходства в биопсихических качествах людей и их потребность объединяться в коллективы дают нам возможность сравнивать эти коллективы (как контактирующие, так и неконтактирующие), чтобы определить спектр общего и различного. Кибернетические и синергетические свойства обществ как систем показывают нам сходство в их реакциях на различные явления (внешнюю угрозу, кризисы и прочее). Их генетические связи позволяют выделять группы обществ (что в теоретическом плане важно как промежуточные уровни). Наконец, контакты и борьба обществ рождают исторический отбор и эволюционный путь развития, не принадлежащий ни одному конкретно обществу, но только их группам и всему человечеству. А в целом мировое движение к интеграции, собственно, и дает основание говорить об историческом процессе.

Теперь мы можем яснее обосновать, почему принципы исследования исторического развития человечества прямо не приложимы к истории любого общества и, следовательно, почему необходимо разделять в теории эти явления как существенно различные.

Во-первых, это разные уровни абстракции: а) по исторической длительности. Очевидно, что диахронное существование человечества гораздо длительнее, чем аналогичное существование общественных организмов, которые возникают и умирают, объединяются и распадаются и т. д. Человечество и отдельное общество можно в определенном смысле представить как бесконечное и конечное. Очевидно, что и закономерности

столь разных объектов должны быть существенно иными.

Можно согласиться с Тойнби, что «действующие силы истории не являются национальными, но проистекают из более общих причин. Взятые в своем частном национальном проявлении, они не могут быть правильно поняты, и поэтому их должно рассматривать только в масштабах всего общества (то есть крупной цивилизации или всего человечества. — *Л. Г.*). В то же время различные части по-разному испытывают на себе воздействие одной и той же силы, ибо каждая из них по-своему реагирует на воздействие извне и ответно влияет сама»¹;

б) по составу и силе учитываемых нами законов. В каждом обществе одновременно действует целый ряд законов. При этом сила законов низкого уровня, воздействие случайностей и другое очень часто оказывается больше, чем действие общемировых законов². А это ведет к очень значительной специфике развития каждого общества, к тому, что одни развиваются по направлению, объективно ведущему в тупик, другие вынуждены стремиться к модернизации, которая искажает прежние соотношения и т. п.

Таким образом, можно сказать, что **общемировые законы развития, безусловно, преломляются в каждом обществе. Но преломляются часто очень специфично**, равнодействующая сил может вести общество совсем в иную сторону, чем мировой вектор. Поэтому для того чтобы приложить общемировые законы к истории любой страны и любого периода, необходимо последовательно спускаться по уровням обобщения и соблюдать целый ряд методологических правил, процедур и приемов;

в) по составу участников.

Во-вторых, они различаются в системном плане. При этом человечество выступает как целое, а каждое общество — как часть.

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 25—26.

² По образному сравнению американских теоретиков, «законы больше походят на мирный договор, где победитель может диктовать свои условия, но только такие, которые побежденная или потерпевшая поражение партия примет, предпочтя их дальнейшему сопротивлению. Если бы побежденная партия была полностью стерта с лица земли, то не было бы необходимости в каком-либо законе». Ибо «нет силы без сопротивления, нет действия без противодействия» (Коэн М. Р. Американская мысль. М., 1958. С. 58).

А часть, как известно, не равна целому¹. Говоря по-иному, человечество может быть представлено как система, а отдельные общества — как ее элементы. При этом каждое общество выступает как часть (элемент) человечества, занимающая особое, специализированное место в общей системе. Общества отличаются: а) по тому, находятся ли они в центре мира или на периферии; б) колонии они или метрополии; доноры или реципиенты; в) по влиянию войн на них; г) месту в политическом и экономическом разделении труда; д) по тому, самостоятельно они переходят в новый этап или их реформирование происходит под воздействием более передовых соседей или даже насильственно; е) по культурным, цивилизационным и этническим признакам; ж) по географической среде²; з) по многим другим. Причем эти моменты совершенно нельзя отбросить как неважные, иначе главное в истории любого общества может быть не понято. Тогда, по словам А. Я. Гуревича, историческая конкретика окажется не более чем «помехой» для развертывания генерализующих категорий, а ход истории без затруднений «выпрямится» и резюмируется в «естественно-исторических» общих законах»³.

В-третьих, специфика социальной реальности такова, что ее развитие все время усложняет как сами общества, так и их мировую систему. Следовательно, и исторические законы модифицируются, что тем более требует разграничения между их полной формой и частными проявлениями.

В-четвертых, мы видим, что общества развиваются в разных направлениях. Прорыв в новое качество осуществляют лишь отдельные из них, обладающие особыми качествами и преимуществами. За ними следуют другие, способные быстро перенять что-то и во многом уже подготовленные к прорыву. Значительная же часть обществ не в состоянии сама осуществить

¹ «Не могут части развиваться по тем же законам, что и целое. Из теории формаций нельзя вывести прогнозы развития конкретного общества...» (Алаев Л. Б. // Формации и цивилизации. — Вопросы философии, 1989. № 10. С. 36).

² Так, А. Тойнби говорит, например, что «изолированность Англии является, возможно, наиболее значимым фактом» ее истории (Тойнби А. Ук. соч. С. 22).

³ Гуревич А. Я. Ук. соч. С. 42.

такой рывок по самым разным причинам (зашло в тупик, утратило потенции, слишком специализировано, устойчиво и т. п.). Они иногда гибнут, иногда все сильнее отстают или замыкаются, уходят в сторону от перспективного пути развития, могут объединяться или распадаться и т. д. Но некоторые под внешним воздействием начинают модернизацию. Чем очевиднее преимущества авангарда человечества, тем больше таких обществ, но формы и способы трансформации могут быть самыми разными, причем это также зависит и от степени отставания.

В любом случае очевидно, что страны, вырвавшиеся вперед как более развитые, сильные или мощные, неизбежно изменяют развитие отставших, где прямо насильственным путем или путем поглощения, колонизации, где экономически, вовлекая в свою орбиту, где становясь примером для подражания. В этом плане вся история — борьба плюрализма и унификации форм и институтов.

Важно отметить, что «общество, возглавляющее процесс развития человечества, на следующем этапе может оказаться отставшим. Каждая система стремится укрепиться, но нередко совершенствуется в сторону исторического тупика. И, наоборот, общество, содержащее значительное число несистемных элементов и потому структурно «слабое», имеет большие шансы выйти на следующий этап»¹.

Таким образом, процесс перехода разных обществ к более высокой стадии не только очень сложен, неравномерен и чреват социальными взрывами. Но этот процесс во всемирном масштабе не сводим к развитию составляющих его обществ. Ибо переход каждого социального организма к новому есть лишь частичка общего движения, отличная от других частичек уже потому, что история каждого общества специфична из-за занимаемого им места на мировом эволюционном «дереве». Поэтому при анализе исторического процесса часто не требуется принимать во внимание многие вещи, очень важные при анализе отдельного общества (особенно это касается субъективных и случайных факторов).

В-пятых, когда мы сравниваем общества по горизонтали как социальные системы, достигшие определенного уровня развития

¹ Алаев Л. Б. Ук. соч. С. 37.

(при этом их прогрессивность и степень контактов нас интересует меньше), мы можем выявить у них определенные общие черты. Однако эта «сущность»: а) в каждом случае присутствует в самой разной пропорции и комбинации; б) может не быть главной по сравнению с особенностями общества; в) в абстрактном виде это общее шире, чем в конкретном, так как вбирает в себя и такие качества, которые у каждого отдельного случая могут и отсутствовать (но у суммы всех случаев они есть); г) по степени точности, жизненности, неразрывности разных качеств абстрактное сходство, конечно, уступает конкретной ситуации.

Поэтому очевидно, что и в таком горизонтальном аспекте (в котором, в отличие от вертикального, мы отвлекаемся от прогрессивности-тупиковости) законы, категории и принципы общечеловеческого уровня не относятся прямо к истории ни одной страны, ни одного общества.

Итак, хотя определенным (а часто и непосредственным) образом история человечества и любой отдельной страны соотносятся между собой, однако это соотношение не есть прямая проекция общего на частное, не есть прямое отражение общего в частном, а только сложное, не прямое соотношение.

Отсюда мы делаем два крайне важных методологических вывода. Во-первых, раз законы, степень абстракции, уровни обобщения, движущие силы, масштаб и тому подобное очень существенно различаются при описании и анализе всемирно-исторического и конкретно-общественного развития, то правомерно предположить, что и абстрактно-логические и языковые средства также будут различаться. Собственно, любой, кто этим занимался и вдумывается в суть проблемы, согласится, что даже если он применяет одни и те же категории, то фактически содержание их на разных уровнях сильно различается. А в некоторых случаях и вовсе нельзя не использовать разные средства. Но если эту мысль развить до конца и провести логические следствия из нее, то мы убедимся, что **совершенно необходимо разделить научные категории, используемые для анализа исторического процесса человечества в целом и исторического движения отдельного общества.** Употребление же для этих полярных уровней одних и тех же категорий не только запутывает дело, но и фактически лишает ученого инструмента, с помощью

которого он мог бы их продуктивно исследовать.

К числу категорий, которые применимы лишь для анализа конкретного общества, на мой взгляд, целесообразно отнести такие, как базис и надстройка, производительные силы и распределительные отношения, общественное бытие и общественное сознание, и ряд других. Мы уже видели, что их можно успешно использовать для анализа общественной системы как в рамках социологии истории, так и исторического развития отдельных обществ и их группировок. Но если масштаб их применения ограничен, очевидно, что их нельзя рассматривать как составляющие способа производства и общественно-экономической формации. Ведь последние понятия рациональнее относить только ко всемирному уровню.

Отсюда вытекает, что необходимо найти такие категории, которые объединяли бы сходные черты достаточно фундаментального характера отдельных подсистем обществ. Но, помимо этого, подобные термины должны еще показывать и определенную ступенчатость этого свойства, то есть его историческое развитие, которое можно выразить в определенных этапах и периодизации. Примерно так, как это сделано в понятии «способ производства материальных благ», смысл которого подразумевает поступательное качественное циклическое движение в определенной области жизни. Тогда эти новые категории явились бы в рамках теории исторического процесса более высокой абстракцией к терминам «производительные силы», «распределительные отношения», «политическая система» и другие.

Кроме выработки таких понятий, необходимо уточнить содержание старых, общепринятых, а также дать более четкую характеристику аморфным. Однако в целом вся понятийная система должна быть совместимой, чтобы можно было достаточно легко перейти от блока терминов, скажем, социологии истории к блоку терминов теории исторического процесса.

Во-вторых, теорию исторического процесса не имеет смысла подстраивать, подпирая кое-где старые концепции или изобретая теории для конкретного случая; ибо расшивка каких-то узких мест ведет к появлению «дырок» в других; подгоняя под особенности отдельных регионов (например, сегодня модно стало представлять все мировые процессы в двух моделях: восточной

и западной). Общую теорию исторического процесса надо надстраивать, то есть последовательно разводить мировые и страновые явления, одновременно определяя методы перехода от одних к другим. О возможности обобщить эти полярные уровни в еще более широкой концепции будет речь в следующем параграфе.

Есть смысл сказать еще о промежуточных уровнях. Во-первых, стоит отметить, что фактически в теории исторического процесса не всегда рассматривается все общечеловеческое пространство. Этот предел нужен, когда мы обзираем весь исторический процесс от начала до конца сразу. В иных случаях он может и не потребоваться. Для охвата и анализа меньших объемов можно вести речь о меж-формационном пространстве, например, анализируя одновременно такие периоды (в привычных терминах), как феодализм и капитализм. Затем мы переходим к формационному пространству. Оно никогда не соответствует мировому пространству определенных рамок, поскольку всегда есть маргинальные народы и территории. Но, кроме того, формационное пространство сильно колеблется в зависимости от стадии формации. На ее последних фазах оно в несколько раз больше, чем на первых, когда оно охватывает лишь отдельные регионы. К этим слоям высшего уровня, которые иногда и не требуется различать, нужно добавить еще формационное фактическое (синхронное) и формационное теоретическое (диахронное) пространства.

От высших уровней мы уже можем спускаться к промежуточным, средним. Задержимся немного на этом моменте. Дело в том, что очень часты советы и даже требования к историкам и теоретикам работать прежде всего с теорией «среднего уровня»¹. Причины этого понятны: жесткая генеральная схема слишком искажала реалии, поэтому те, кто не желал вовсе расставаться с теоретическими моделями, хотел найти более приемлемые и приложимые к практике. Однако, во-первых, большинство из тех, кто ратует за теории «среднего» уровня, глубоко не представляет,

¹ «Какого «масштаба» и «ранга» познавательные категории пригодны в нашем исследовании — общефилософские и предельно генерализирующие или же «теории среднего уровня», идеально-типические модели, которые строятся, исходя не из глобальных конструкций, а вбирая в себя опыт исторического исследования?» — спрашивает А. Я. Гуревич (Гуревич А. Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии, 1990, № 11. С. 42). И он склоняется, конечно, ко второму варианту.

что же это такое. Между тем этих уровней, по крайней мере, тричетыре, причем как горизонтальных, так и вертикальных (для региона, общества, его подсистемы, и ее составляющих, и для каждой ступени, этапа, подэтапа и пр.).

Во-вторых, между средним уровнем и уровнем общества (а тем более эпизода, эпохи, части общества и т. д.) все равно нет прямого соответствия, и использование этих моделей также потребует значительной методологической проработки. К сожалению, последняя часто отсутствует. Нежелание создавать инструментарий перехода от уровня к уровню весьма заметно, например, у сторонников цивилизационного подхода. Они умудряются одновременно говорить о цивилизации как уровне общечеловеческом, о локальных цивилизациях, об обществе как цивилизации да еще и о конкретном (или абстрактном) человеке цивилизации. И все это может быть запутано нечеткостью терминологии. Следовательно, эти теории должны органически включать и различного «радиуса действия» методики, в идеале собирающиеся в более широкие принципы.

В-третьих, и сами по себе эти теории среднего уровня не панацея, если у нас нет возможности связать их между собой и с более широкой концепцией, которая, надстраиваясь над ними, создает, фигурально выражаясь, крышу.

В-четвертых, систематическая работа в этом направлении очень скоро выявит, что массы нужных теорий «среднего» действия просто нет и их нужно создавать. Но разумнее разрабатывать их, опираясь на общие принципы и концепции, а не бессистемно и наощупь.

В данной работе, кстати говоря, кое-что о теориях среднего уровня будет сказано. Когда пойдет речь о структуре формации, мы проследим, как можно будет переходить к более низким уровням. Также анализируется и понятие «пространственно-временных группировок обществ», которое, на мой взгляд, есть классический пример среднего уровня. И среди этих группировок особое внимание я уделяю, естественно, цивилизациям.

Таким образом, мы видим, что число уровней велико, в принципе бесконечно, подобно тому как в математике между двумя любыми числами можно поместить любое количество чисел. Конечно, на практике, стремясь к экономии, мы избираем

оптимальное количество таких уровней. Но при этом для каждого заметного уровня необходимо четкое разграничение смысла используемых терминов, а иногда обязательны и различные категории, подчеркивающие специфику познаваемого объекта.

§ 2. Исходные положения и понятия для моделирования исторического процесса

Итак, процессы, происходящие на всемирном и конкретно-общественном уровнях, различаются не только масштабом и объемом, но и, условно говоря, «сущностью». Конечно, они очень тесно связаны между собой, но связь эта не прямая, а опосредованная, поэтому они не сводимы друг к другу и из одного уровня легко не выстраивается другой. Следовательно, для их анализа нужны хотя и взаимосвязанные, но разные категории и законы. Отсюда ясно, что мировой исторический процесс правильнее анализировать с помощью особой теории исторического процесса, отличной не только от социологии истории¹, но и от теорий развития исторических обществ. Но раз так, встает необходимость более точно определить область ее исследования и применения. Это и будет задачей настоящего параграфа.

Громеда фактов, если она не укладывается в систему, сильно затрудняет наше восприятие. Именно поэтому ученые так держатся за концепции, хотя и устаревшие, но ясные. Задача теоретика не поиск новых фактов, а более глубокое и логичное объяснение уже известных, когда благодаря новому взгляду нагромождение информации приобретает стройность и внутреннюю логику. Если, по словам Арона, профессия социолога заключается в том, чтобы подать социальный или исторический материал более осмысленным, чем он был в опыте реальной жизни², то «профессия» теоретика заключается в том, чтобы подать факты, добытые другими, более осмысленными, чем они есть в работах историков (разумеется, применительно к нашему масштабу

¹ Чем они отличаются, мы уже неоднократно говорили, поэтому в данном случае я этот момент опускаю.

² Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 511.

и аспекту). И в нашем случае теория исторического процесса, используя мысль одного ученого, будет одновременно синтезом и интерпретацией истории.

Таким образом, нам «не надо устремляться на поиски новых фактов; напротив, для нашего исследования существенно то, что мы не стремимся узнать с их помощью что-то новое. Мы хотим понять нечто такое, что уже открыто нашему взору. Ибо нам кажется, что как раз этого мы в каком-то смысле не понимаем»¹.

Марк Блок говорил, что в истории нельзя постулировать причины, их нужно искать. Это бесспорно. Однако общая теория исторического процесса позволяет, во-первых, предположить эти причины и уменьшить зону их поисков, а во-вторых, сделать некоторые факты более ясными или по-новому увидеть их.

Однако для этого такая теория должна отвечать ряду требований. Например, исключительно важно соблюсти баланс между исторической и современной позицией. С одной стороны, важнейшая объективная причина, толкающая нас к выделению особой теории исторического процесса, заключается во все большей интеграции человечества и приобретении им черт субъекта истории. Поэтому мы никак не можем абстрагироваться полностью от сегодняшнего положения дел. И эта практическая потребность, влияющая на всякое историческое суждение, по мысли Б. Кроче, придает истории свойство быть «современной историей». Но на нынешнем этапе процесс не кончается. Теоретически же он бесконечен и неисчерпаем, а мы всегда знаем только часть его. Следовательно, с развитием человечества представления о нем неизбежно будут меняться коренным образом, так же как и аспекты его моделирования. В XIX веке вряд ли кому пришла бы в голову мысль, весьма популярная в настоящее время, представлять исторический процесс как разворачивание все более сложных систем хранения и передачи информации, связи и управления.

С другой стороны, учет ретроспективы не может и не должен вести к тому, что вся предыдущая история превратится в предысторию сегодняшнего дня. Такой подход, иногда весьма

¹ Витгенштейн Л. (Цит.: Современная философия: словарь и хрестоматия. Ростов-на-Дону. 1995. С. 481).

полезный, в нашем случае нарушит пропорции, исказит закономерности исторического процесса. Чтобы этого избежать, необходимо определить масштаб и меру интеграции для разных периодов (смотрите предыдущий параграф). А для такой операции нужны, в свою очередь, надежные основания, особые процедуры и средства. Важнейшим из них в этом плане является периодизация, которой мы в свое время уделили большое внимание. В ее основу будет положено понятие общественно-экономической формации. Но только если ее полагать не «социальным организмом», не обществом на определенной фазе развития, а моделью огромного этапа развития всего человечества или его наиболее продвинутой части.

Важно также учитывать, что не только всемирно-исторический процесс не сводим к истории отдельных обществ, а представляет собой некое особое качество, но и его этапы не сводимы к этапам развития отдельных обществ. И, следовательно, периодизация всемирного процесса непосредственно относится прежде всего к нему, а к отдельным обществам — не прямо.

Поскольку ни одна теория не может охватить даже свой участок действительности тотально (тем более, что надо использовать еще и экономные мыслительные средства), для того чтобы возможно лучше понять исследуемую реальность, необходимо найти наиболее удачные точки отсчета, группировки фактов и связей, наиболее естественные этапы, не забывая, что мы используем особые средства, которые могут быть приложены к действительности только особыми же и строгими способами.

Здесь кстати вспомнить мысль Арона, что настоящие проблемы теоретизирования по поводу истории касаются способа установления отношений между суждениями, построения терминов, плоскости, где разворачиваются описываемые закономерности. Строже говоря, поставленные задачи требуют удачного совмещения двух противоположностей: стремления к объективности, каковая в нашем случае есть достаточно точно установленные исторические факты, частные концепции и

правдоподобные гипотезы¹, с одной стороны, и неизбежности условности, которая вытекает из необходимости втиснуть громадный материал в ограниченное теоретическое пространство. Совмещение этих задач при удаче позволяет выявить определенную логику как в самих событиях и фактах, так и в избранном аспекте анализа².

Достигнуть указанного соответствия невозможно без обращения к методологии. Поэтому надо отказаться от идеи универсальных методов, пригодных везде и, так сказать, естественных³. И самый широко употребляемый метод к каждой области и даже к каждой задаче требует «подгонки». Он должен соответствовать всему комплексу параметров (материалу, объему, задаче и т. д.). Система же методов должна включать в себя правила и процедуры перехода от одного к другому и условия такого перехода. Как справедливо отмечал Башляр, «метод образует единство с его применением. Даже на уровне чистой мысли размышление о методе должно оставаться активным»⁴.

Для того чтобы определить предмет, рамки, поле (область) применения того направления, которое можно назвать теорией исторического процесса, чтобы она в данных условиях соответствовала известным фактам, нужно очертить ее границы⁵. А

¹ Разумеется, в рамках историографии многое из этого может иметь не совсем доказательную силу либо быть оспорено и — чаще — по-другому интерпретировано. Но для того, кто моделирует исторический процесс, или надо признавать это в основе реальностью с учетом возможной коррекции, или отказываться от самой задачи.

² «Признать что-либо реальной вещью или событием — значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами (языкового. — Л. Г.) каркаса», — утверждал Р. Карнап (Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 301).

Я не думаю, что это полностью правильно. Однако полагаю, что если некие, неудобные прежде, факты или явления удачно помещаются в новую концепцию и становятся органичны ей, это косвенное доказательство силы данной теории и реальности указанных вещей (но реальности не в смысле особой сущности).

³ Г. Х. фон Вригт считал, что «одной из догм позитивизма является *методологический монизм*, то есть идея единообразия научного метода независимо от различия областей научного исследования...» и что позитивизм примыкает к той длительной и разветвленной традиции в истории мысли, которую он называет галилеевской (Цит.: Современная философия: словарь и хрестоматия. С. 481).

⁴ Башляр Г. Новый рационализм. С. 124.

⁵ Но, конечно, причины, по которым я настаиваю на более или менее определенных границах, совсем иные, чем те, о которых говорит Алекс Инкельс. Он пишет: «Отсутствие

для этого сначала следует сопоставить эту теорию с другими, так или иначе изучающими ее область, определить, что такое собственно исторический процесс, совершить еще ряд логико-методологических процедур.

Поскольку понятие «исторический процесс» многозначно, разные авторы вкладывают в него и разный смысл¹. Некоторые под ним понимают совокупность всех общественных отношений, иные только поступательное развитие общества. Я не думаю, что в рамках наших задач это правильно. Не могу также согласиться с тем, что «исторический процесс — это в основе своей деятельность людей»². Разумеется, кроме чисто природных явлений, все события связаны с деятельностью людей, но только малая часть этой деятельности превращается в качественное развитие, а исторический процесс и есть то, что мы описываем как качественное развитие.

Главное, что не удовлетворяет во всех этих подходах, — неразведение мирового и общественного уровней развития.

Что же есть исторический процесс в моем понимании? Во-первых, речь идет о всемирно-историческом процессе. Нотам, где мы говорим лишь о генеральной линии развития или о переходных, молодых стадиях, фактически речь идет о формационно-историческом процессе. Поэтому ясно, что, с одной стороны, понятие «исторический процесс» по объему намного больше, чем отдельные общества, но с другой — совсем не обязательно охватывает все общества, а ту их совокупность,

твердой уверенности в своих знаниях служит, по-видимому, причиной того, что представители социальных наук тратят столь много времени и энергии на определение «границ» своих областей исследования, как будто каждая из этих областей является какой-то священной землей, которую необходимо оборонять от агрессивных, варварских и языческих захватчиков». (Инкельс А. Личность и социальная структура // Социология сегодня. М., 1972. С. 271). Дело, конечно, не в том, что я считаю себя специалистом во всех областях, это и невозможно, и не нужно. Разница в том, что ученые, о которых идет речь в цитате, настаивают на «абсолютных» границах, а я веду речь о границах относительных и ситуативных, таких, от которых достаточно легко при наличии правил перейти к другим. Тем не менее, отказ от границ вообще — это отказ от возможности адекватно решать проблемы.

¹ Например, В. О. Ключевский говорил, что историческим процессом может быть названа «смена людских союзов» (См.: Основы философских знаний. Хрестоматия / Сост. В. П. Алексеев и др. М., 1993. С. 90).

² Барулин В. С. Социальная философия. М., 1993. Ч. 1. С. 224.

которая достаточна на каком-то этапе, чтобы обозначить общемировую тенденцию развития.

Во-вторых, по времени исторический процесс не включает в себя период антропогенеза, поскольку главными в нем выступали, скорее всего, биологические движущие силы, природа которых пока в наиболее важных моментах непонятна. Следовательно, это есть доили предыстория, как бы ее ни называть. С появлением же *Homo sapiens* общепринято считать, что биологические факторы идут на убыль и потому где-то уже ими можно пренебречь, не рискуя слишком сильно ошибиться. В-третьих, очень важно понять, что всемирная история и исторический процесс, хотя и охватывают по границам сходные предметы исследования, но они не равны и не синонимичны ни по объему, ни по содержанию, ни по назначению, ни по методам.

И на это стоит обратить внимание уже потому, что, хотя понятие «исторический процесс» весьма употребительно, в справочных изданиях как специальный термин оно отсутствует и заменяется понятиями «история», «всемирная история» и т. п.¹ Однако сравнив категории «история» (или «всемирная история») и «исторический процесс», мы увидим, что первая существенно шире второй. Хотя бы потому, что всемирная история включает в себя множество событий и фактов, которые не повлияли (или мало повлияли) на мировой процесс, либо мы недостаточно об этом знаем², а также историю тех народов и обществ, которые остались в стороне от «столбовой дороги» общечеловеческого развития. История ряда обществ вплетается в исторический процесс, только когда они были открыты для передовых стран и насильственно втянуты в развитие.

Таким образом, исторический процесс есть только часть

¹ Например: «Всемирная история как единый всемирно-исторический процесс отражает общие закономерности, присущие развитию человечества» (Советская историческая энциклопедия. Т. 3. С. 782).

² Конечно, в принципе можно считать, что в мире все взаимосвязанно и любое событие может влиять на любое. Но следование этому принципу убивает возможность всякого анализа, а в нашем случае мы должны обязательно производить такое деление по степени важности причин.

всемирной истории, причем представленной в определенном аспекте: не как механическая сумма историй народов и обществ, а как процесс все большего их сближения, как движение от прошлого к настоящему и в перспективе к близкому будущему, связанное с интеграцией, специализацией и дифференциацией обществ и регионов. Но такое сближение — исключительно сложный и немеханический процесс, а вклад разных народов в него колоссально различается. Превращение достижений отдельных обществ во всечеловеческое достояние идет избирательно, в жесткой борьбе, в насильственном навязывании образа жизни одних другим и т. д. При этом не стоит забывать об изменении значимости движущих сил развития на разных этапах, а также о том, что чем ближе к современности, тем сильнее скорость развития и роль нового, возникшего и утвердившегося в определенной модели, а следовательно, меньше самостоятельных центров развития.

В-четвертых, в давние эпохи прежде чем качественное развитие становилось достаточно заметным и наглядным, могли проходить века, а то и тысячелетия. Но даже и при таком медленном темпе, чередующихся периодах застоя, упадка и подъема, можно ретроспективно видеть процесс, поскольку «в этом огромном континууме великие потрясения способны распространяться от самых отдаленных молекул к ближайшим»¹.

В-пятых, однако, само понятие процесс есть такая абстракция, которая, помимо сложных гносеологических пояснений и учета ретроспекции, требует от исследователя акцента именно на движении, часто и придающем цельность разновременным явлениям. Поэтому исторический процесс не тот объект исследования, где можно отвлечься от изменений². Напротив, именно они составляют его специфику, но также и

¹ Блок М. Ук. соч. М. С. 26.

² «Смысл истории и жизни содержится в их становлении и течении», — говорит Манхейм (Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 29). Насчет смысла жизни говорить сложно, но что «смысл» понимаемого нами исторического процесса (если, конечно, корректно о нем вообще говорить) именно в его «становлении и движении», очевидно. Процесс вне движения — абсурд.

наибольшую трудность в объяснении причин прорывов в одних местах и застоев — в других, расцвета одних стран и упадка других и т. п., словом, всего того, что нередко кажется неуловимым, необъяснимым и бесконечно спорным.

Однако будет правильным несколько задержаться на понятии процесса (применительно, конечно, к нашему объекту). Глубже вникнуть в его содержание важно, чтобы яснее увидеть, какие подходы и средства необходимы для его анализа, какие методологические проблемы можно предполагать заранее. Необходимо также установить этапы прогресса, его начало, кульминацию, сегодняшнее состояние, развитие в будущем или его конец. Поэтому не могу согласиться с мыслью Карсавина, вытекающей из его общего подхода о связи истории с Творцом: «Отрицая начальный и конечный моменты развития, мы признаем его центральный момент, благодаря чему получаем возможность периодизировать и познавать исторический процесс»¹.

Вряд ли можно правильно судить о процессе, не определив его генезиса. Кроме того, чтобы оттенить выделенные тенденции, желательно (конечно, с большой долей осторожности) показать возможные (видимые сейчас) изменения на ближайшее будущее. Иначе мы теряем перспективу. Конечно, теория «не просто предсказание того, что может случиться в гипотетическом будущем. Теория прежде всего есть объяснение того, что уже случилось и совершается сейчас»². Однако нередко предсказание просто исходит из того, что «процесс, который начался и уже идет достаточно долго, будет продолжаться и должен закончиться»³.

«Процесс — это не просто множество рядом расположенных точечных событий, а именно движение от события к событию, движение, в ходе которого каждое последующее событие диалектически отрицает предыдущее. Процесс не завершается до тех пор, пока в ходе последовательных отрицаний не возникают

¹ Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С. 273.

² Burnham J. The Managerial Revolution. N. Y. 1941. P. 75.

³ Ibidem.

такие события, которые образуют уже противоположность начальному состоянию процесса, то есть до тех пор, пока различие двух ближайших событий не превратится в противоположность достаточно отдаленных друг от друга событий»¹. Сказанное частично верно, хотя есть и незавершенные, и обратные, и обратимые процессы. Главная же проблема в том, что процессы никогда не идут в чистом и отсепарированном виде. Следовательно, коренная трудность и заключается в том, чтобы «отобрать» именно те «точечные» события, которые, по нашему мнению, важны для этого процесса, не случайны ему, а необходимы. Это частный случай соотношения законов, реальности и познания. Лишь некоторые процессы имеют четкие маркеры. А поскольку в истории масса процессов уникальных, постольку неизбежны дискуссии о том, что в них было закономерным, а что — случайным.

Если же историю представить «не только как бесконечное множество событий, но и как бесконечное множество процессов»², то тем более проблемы моделирования, схематизирования выделенных направлений из бесконечного числа процессов становятся актуальными. Здесь хорошо видно различие между понятиями всемирной истории как совокупности океана событий и явлений и исторического процесса как предельной модели единства этих событий, как теории, «которая проясняет ответ на нашу центральную проблему»³. Отсюда отбор и комбинирование фактов, установление рубежей и акцентов приобретают особую значимость⁴.

Однако процесс процессу рознь. Поэтому можно посмотреть, какие у нас основания говорить об историческом процессе, как имеющем определенное направление и показывающем качественное развитие, а не, скажем, о круговороте, беспорядочном, хаотичном движении, неопределенном числе

¹ Периодизация всемирной истории. Казань, 1984. С. 7.

² Там же. С. 8.

³ Burnham J. Op. cit. P. 71.

⁴ «Как можно без предварительного отсеивания сделать предметом рационального познания феномены, имеющие между собой лишь то общее, что они несовременны нам?» (Блок М. Ук. соч. С. 16).

разнонаправленных линий и т. п. (О многом уже сказано в главе о движущих силах и прогрессе). Первое основание заключается в том, что при спорности прогресса морали и некоторых других вещей налицо количественное и качественное развитие и рост во множестве сфер, начиная с численности населения и кончая скоростью и объемом передачи информации. Второе — указанное движение ко все большей интеграции. Третье — весьма заметная нивелировка различий в образе жизни, мировоззрении и пр. Четвертое — возможность историческое движение представить в виде крупных этапов, имеющих общие процессные черты (независимо от того, какое основание для периодизации избирается). Пятое — возможность постулировать ряд закономерностей или хотя бы тенденций. Шестое — определенная системность разных сфер, составляющих части мирового исторического развития (мировых производительных сил, политического и этнического развития, социального и т. д.). Хотя эта системность и не столь тесного плана, как на уровне реального общества, но, однако, достаточно очевидна (о чем мы еще будем говорить), а в определенном смысле можно иногда говорить об инвариантности этих сторон всемирного процесса друг другу. Кроме того, имеется и иного рода системность, поскольку среди обществ существует распределение ролей. Седьмое, мы можем говорить и о единой линии развития человечества, которая, хотя и сосуществует с рядом других линий исторического движения обществ, но в определенном плане признается нами главной, генеральной, поскольку мы видим, как наиболее развитые общества и регионы тем или иным способом подтягивают к своему уровню и своей модели остальных, раз от раза уменьшая принципиальные различия в моделях развития. Есть, конечно, и другие основания.

В исследовании исторического процесса, как очевидно, существуют две крайности. Во-первых, такой анализ может тяготеть по построению к «жанру» всемирной истории с использованием преимущественно средств историографии. Во-вторых, быть настолько схематичным и жестким, что отбросит как несущественное слишком важные или слишком многочисленные моменты, не дав им нужного и адекватного объяснения. Иными

словами, тут могут спорить вечные антагонисты: исторический и логический методы.

Безусловно, без логического метода невозможно никакое осмысление исторического процесса, поскольку наше мышление неизбежно «упорядочивает» реальность, а иной раз, когда явления легко не раскладываются, в определенной мере осуществляет над ней насилие, группируя факты, события и результаты так, чтобы их легче было понять и объять. Однако нельзя абсолютизировать логическое, как якобы более важную в онтологическом плане «сущность», а следует выводить сущность из существования, иными словами, невозможно игнорировать ситуацию, когда факты очевидно не «подчиняются» теории. Надо либо по-иному их группировать и интерпретировать, либо менять теорию.

Между тем в нашей философии истории по традиции полагают, что логический метод — это тот же исторический, только освобожденный от исторической формы и случайностей, что первый есть отражение второго, но отражение, «исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс»¹. Это могло бы быть верным — как и считалось — при том, что законы объективны и неизменны. Однако, поскольку это не так, данный подход ведет к тому, что готовые теории начинают навязываться реальной истории (точнее говоря, истории, гораздо больше соответствующей известным фактам). Теория противопоставляется истории, а в разряд «мешающих случайностей» (Гуревич) часто попадают важнейшие моменты.

Поэтому применение логического метода как метода, действительно совершенно необходимого при моделировании, требует сугубой осторожности и проверки. При правильном использовании он есть процесс постоянного соотнесения теоретической конструкции с известными науке и автору фактами, нахождения их удовлетворительной интерпретации и установления связей с теориями иных уровней, а также постоянной коррекции логических выводов.

Есть смысл кое-что сказать о том, как вообще в принципе возможно описывать весь этот поток событий и фактов,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 497.

случившихся с людьми за последние несколько десятков тысяч лет.

Подходы, естественно, сильно зависят от общего взгляда на историческое развитие. Одни полагают, что между обществами гораздо больше различий и «им не сойтись никогда», а следовательно, нерационально и неверно описывать всю историю как нечто внутренне единое. Другие, напротив, считают, что различия не столь важны, а сходства гораздо более существенны. Промежуточный взгляд сводится к тому, что часть обществ можно по сходству сгруппировать в определенные типы, но развитие последних идет как бы параллельно. Это есть, собственно, подход цивилизационный.

Есть и более специальные, обусловленные либо особыми исходными посылками, либо определенными задачами. Например, описание развития человечества как движения социальной формы материи. Можно представлять историю людей как часть развития природы и колебаний биосферы. Возможно применять кибернетический или синергетический подходы, причем делая упор как на схожесть и устойчивость, так и на различия и неустойчивость систем. Но все они, как и иные, не могут претендовать на полноту, и потому их нельзя абсолютизировать.

Встает также проблема, с какого «конца» описывать исторический процесс. Иными словами, начинать ли с изложения определенных фактов, из которых потом делать определенные выводы и затем строить концепцию, или же, напротив, описать концепцию, модель, систему категорий, затем все это доказывать известными фактами? Еще Декарт предлагал начинать исследование с самых простых вещей. Такая идея в общественных науках неоднократно использовалась (конечно, не в чистом виде). Например, Спенсер открывает свои «Принципы социологии» с фактов, установленных социологией. Они касались главным образом жизни, представлений и идей первобытных народов. А затем уже он исследовал, как из зародыша, примитива, постепенно развиваются в зрелое, как из недифференцированного эволюционно возникает дифференцированное и специализированное. Как и любой метод, данный имеет свои преимущества (наглядность, упор на генезис, простота). Но он имеет и свои ограничения и изъяны. О важнейшем недостатке эволюционистских воззрений я уже говорил.

В них не очень четко различались центральные и боковые линии развития. Отсюда и примеры разного качества, когда стадии переростков выдавались за закономерные этапы генерального развития. Такие ошибки коренились, конечно, в объективизме и универсализме, но частично проистекали и из описанного выше метода.

Ведь исторический процесс (наш объект) столь громаден, а количество относящихся к делу фактов столь велико, что общие теории, как справедливо замечал Поппер, никак не могут возникнуть в результате индукции из многочисленных наблюдений, а могут быть созданы в результате постановки вопросов и ответов, ответов, которые проверяются потом всеми возможными способами¹.

То или иное решение неизбежной дилеммы: вывести категории и прочее до приводимых фактов или потом, во многом зависит также от разработанности проблемы и подготовленности читателя. Очевидно, что идея исторического процесса отнюдь не нова, а целый ряд ее моментов общепризнан. Читатель также достаточно знаком с ней. Но раз свое исследование мы начинаем не с чистого листа и пустого места, то удобнее рассматривать исторический процесс не с исходного пункта или набора фактов, а целиком, как данность. Поэтому рациональнее строить нашу теорию сверху, а не снизу (при том, что эти понятия подвижны и условны и всегда являют на практике симбиоз, но с перевесом в ту или иную сторону). Говоря словами Карсавина, «сначала надо найти основначала, а потом с их помощью осмыслить исторический процесс»².

Следовательно, мы прежде отберем основные категории, принципы и идеи, увяжем их между собой, покажем главные этапы, а потом уже будем описывать исторический процесс со ступени на ступень.

Сейчас мы перейдем к объяснению этого метода более подробно. Но сперва надо уточнить еще соотношение категорий «теория исторического процесса» и «теория истории». Мне думается, что неправильно полагать их синонимами, поскольку

¹ Один из таких способов заключается, используя мысль Гэлбрейта, в том, чтобы ответить на вопрос, образуют ли идеи теории единое целое или их приходится объединять насильно.

² Карсавин Л. П. Ук. соч. С. 16.

первая составляет часть второй. По смыслу понятие «теория истории» предполагает анализ на базе и по поводу определенного количества или совокупности исторических фактов, явлений и процессов, которые, однако, совсем необязательно должны быть связаны между собой в единую систему. Напротив, здесь есть явления и процессы автономные, параллельные, замкнутые, изолированные и т. п. Теория истории — это собственно множество теорий, с помощью которых мы можем сравнивать исторический путь разных обществ, моделировать определенные процессы, объяснять особенности каких-то эпох, вариантов развития и т. п. В теории истории наличие единого предмета исследования в большей степени есть «результат определенной техники видения предмета»¹. Само собой, что она включает и столь любимые некоторыми теории среднего уровня.

В анализе исторического процесса мы делаем акцент как раз на поиск его единого русла, стремимся представить определенный объем фактов как поток взаимосвязанных между собой процессов (в модели и вовсе — как единый процесс). При этом единство нашего предмета обуславливается не только удобством исследования и гносеологией, но и в определенной мере онтологией (ибо здесь налицо системность и ретроспективно сегодняшний результат — интеграция). Разумеется, что эти различия нельзя возводить в абсолюты.

Бегло очерчивая границы теории истории, можно сказать, что она, несомненно, связана с социологией истории (их объект во методологией истории. На самом нижнем своем уровне теория истории во многом есть уже верхний этаж методологии истории, под которым располагается методология собственно историографических исследований, где преобладают идиографические познавательные средства. Если же представить, что мы поднимаемся в плане все более абстрактных обобщений, то теория исторического процесса есть высший уровень теории истории. Но поскольку мы, фигурально выражаясь, строим это здание с крыши, она есть одновременно и центральная часть теории истории, ибо говорит о самых крупных и глобальных, сквозных

¹ Солонин Ю. Н. К проблеме единства научного знания // Гуманитарий, № 1, 1995. С. 33.

процессах, крупномасштабном членении, основных линиях развития и тем самым структурирует и другие ее уровни. Но чем подробнее наша задача, тем сильнее теория исторического процесса трансформируется в этот момент в теорию истории.

В предыдущем параграфе было обосновано, почему необходимо развести всемирный и конкретно-общественный уровни исследования. Однако только разорвать, не ища связующие их моменты и переходы, соотношения и принципы, было бы в конце неверно. В настоящей работе, посвященной именно теории исторического процесса, я не ставлю перед собой цели обстоятельно решать такую объемную задачу. Но поскольку границы между уровнями условны, а для адекватного раскрытия нашей темы необходимы перспектива, определенный фон, контекст, а равно системность знания, некоторые направления такого синтеза я должен был обозначить.

И в этой связи особенно важно постулировать, что в моем понимании теория истории и есть та суперконцепция, которая объединяет полярные уровни исследования и заполняет пространство между ними. В этой области наработано очень много. Поэтому исследователь, который бы взялся за то, чтобы представить теорию истории как цельный массив знаний, прежде всего должен был бы систематизировать эти частные концепции и найти структурирующие их методологические идеи и принципы.

Итак, исторический процесс — это понятие, содержание которого составляет часть всемирной истории, описанной как процесс, то есть в таком аспекте, когда огромный поток фактов упорядочен определенными законами и категориями, а также методологией и логикой.

Исследование исторического процесса должно отвечать одновременно двум противоположным требованиям: 1) не отрываться, по возможности, от реалий и действительного хода событий; 2) описывать развитие коротко, то есть выбирая из него самые главные факты и группируя их в определенной логической последовательности. Оптимального сочетания этих требований можно достичь (при прочих равных условиях), только используя другие, чем в историографии, научные и языковые средства. Конечно, в нашем случае они не должны быть столь

формализованны, как в математике, но нельзя и думать, что они могут быть прямо приложены к конкретике. Следовательно, и сторонники, и противники генерализующих методов и концепций в первую очередь должны учитывать этот момент, иначе дискуссия становится бессмысленной. Практически все науки применяют особый язык, и часто он различен для статических и динамических (процессных) явлений. Этот символический язык должен иметь такие правила применения, чтобы его потом можно было «расшифровать» и приложить к практике.

Однако, используя теоретические средства, желательно для получения нужного результата пользоваться минимумом терминов, законов и прочего, не умножая сущности без необходимости. И если есть возможность обойтись уже имеющимися, лучше не изобретать новые. С другой стороны, однако, принцип экономии не самоцель. И если потребность в новых понятиях налицо, неправильно бояться их вводить.

Поскольку исторический процесс (равно как и его крупные этапы) относится к человечеству в целом, которое одно и сравнивать его не с чем, постольку, на мой взгляд, методологически правильнее всего строить теорию именно как модель исторического процесса. Философия (а равно крупная теория) «есть совокупность некоторых правил интеллигибельное или понятности»¹. Используя мысли Мамардашвили относительно сознания, можно сказать, что для теории исторического процесса понятие «исторический процесс» — предельное и поэтому данная теория «есть некая попытка работать на этом пределе»². Следовательно, тут требуется «особая техника предельных переходов, где последние служат для прояснения непонятной ситуации и превращения ее в понятную»³.

В связи со сказанным выше надо отметить принципиально важный момент. Объем теории столь велик, задачи столь сложны, что есть опасность загромождать концепцию, затемнить ее массой не столь важного материала. Поэтому для подобного

¹ Мамардашвили М. К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии, 1990. № 10. С. 16.

² Мамардашвили М. К. Ук. соч. С. 15—16.

³ Там же. С. 16.

моделирования надо использовать лишь такие «составные части» и «детали», которые нам кажутся безусловно необходимыми. Но, с другой стороны, наряду с умением отбросить то, что в данном случае будет выглядеть неважным, нельзя допустить, чтобы схема стала совсем «голой». Поэтому в необходимых случаях нужно оттенять и прояснять основную линию рядом дополнительных.

При таких принципах указанная модель могла бы послужить своего рода масштабной сеткой при анализе исторического развития и облегчила бы проблемы более точной локализации отдельных обществ и периодов в рамках всего процесса.

Итак, мы имеем право и даже должны ограничиться лишь наиболее необходимыми моментами, сознательно огрубляя реальность. Нет нужды исследовать слишком много линий и направлений, самое трудное — правильно определить основные.

Мы будем использовать две главные линии (или среза), которые, будучи крайними измерениями, составят, образно говоря, систему координат. Точнее говоря, это группа или пучок линий, но в них мы выделяем центральные, а иногда — равнодействующие или средние. Тут мы пытаемся соединить два принципа моделирования: найти общее во всех обществах какого-то уровня и в то же время показать разные линии эволюции, в смысле прогрессивности — тупиковости, неравноправность развития в плане движения к новому, к современности. Отбрасывая любой из них, мы неизбежно допускаем серьезный перекося в анализе. Идея рисовать мировой исторический процесс, «сведя все к нескольким прославленным народам, которые сменяли один другого на мировой сцене, и к некоторым главнейшим эпохам, каковые принесли с собой перемены для рода человеческого»¹ при всей несомненной верности мысли о том, что вклад разных обществ в прогресс человечества очень различен, была справедливо отвергнута. Но и представление о том, что все народы развиваются по одним и тем же универсальным законам (только неодновременно), также оказалось несостоятельным. Тем более неправильным было выводить такие универсальные модели из истории отдельных обществ. Этот «эталонный», как его называл

¹ Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. М., 1993. С. 182—183.

В. П. Илюшечкин, метод был одной из важных методологических ошибок исторического материализма. Но в то же время попытки просто сравнить такие передовые, проходные общества с отсталыми и тупиковыми путем надстраивания теории или расширения некоторых понятий (типа собственности), не могли увенчаться успехом. И в этом одна из причин того, что изыскания самого Илюшечкина не достигли поставленной цели.

Уравнять общества-первопроходцы с теми, что шли в их фарватере или вовсе в другую сторону, сложно даже в социологии истории. Тем более это невозможно сделать в теории исторического процесса. Следовательно, мы должны построить такую систему координат, одна ось которой показывает сходство в строении, функциях, уровне развития, а вторая — направления и места прорывов, в результате чего сформировались такие модели развития, которые так или иначе трансформировали все остальные. Мы обозначим эти оси как горизонтальную линию, или **горизонталь**, и вертикальную, или **вертикаль**. Эти понятия используются в нашей литературе. Нередко им придают такое значение: «вертикаль» — «поступательно-прогрессивная смена общественных формаций», «горизонталь» — сосуществование разноуровневых обществ, их взаимодействие»¹.

Это вполне законный смысл, но в данном случае я бы хотел придать терминам иной. Горизонталь — это разнообразие обществ одной формации на определенном этапе (лучше всего — в этапе зрелости, когда собственные черты появляются наиболее зримо) независимо от времени (ведь общества вступают в формацию неодновременно).

Мы, следовательно, должны выделить основные характеристики-категории, которые являются синтезом определенных сходств разных подсистем обществ. Но в каждом обществе данного периода они проявляются по-разному и имеют для него различное по важности значение. Из этих характеристик-категорий мы и составляем горизонталь (модель по горизонтали). Она должна охватывать все (или почти все) общества определенного периода (формации) как достигших некоего уровня. При этом мы исходим из идеи равноправности и

¹ Философия и историческая наука // Вопросы философии. 1988, № 10. С. 48.

равнозначности любых систем и организмов, достигших данного уровня¹. Следовательно, в таком аспекте формация «не списывается» с какого-то «эталонного» общества, а включает в свое содержание ряд вариантов и подвариантов. Следовательно, то общее, что мы выделяем по горизонтали, должно быть весьма абстрактным, отвлеченным, сепарированным и не иметь ясных конкретных черт.

В отличие от горизонтальной, модель по вертикали не предполагает равноправности обществ. Вертикаль — это линия движения человечества от прошлого к будущему, но движения качественного, то есть от низшего к высшему. Развитие обществ идет не по одному направлению, поэтому перед нами целый ряд вертикальных линий. Но поскольку перспективными в конечном счете оказываются лишь некоторые из них, в модели исторического процесса основой для нас будет генеральная линия. Это понятие вбирает в себя идею о том, что развитие к новому качеству неодинаково в разных обществах не только по времени. Многие общественные системы вообще не могут самостоятельно перейти к новой формации (или к ее высшим этапам), а другие неспособны сделать это как независимые организмы.

Когда мы рассматриваем переход от одного (низшего) к другому (высшему) качеству, мы помним, что такой переход первоначально совершается в немногих или одном месте. Он является итогом развития не только самого вырывающегося вперед общества, но и всего человечества (его части). Поэтому генеральная линия есть синтезированная, собирательная линия исторического процесса. Она показывает узловые его моменты, прежде всего переход от одной формации к другой или от одного этапа формации к другому. Это не проекция пути каких-то обществ, регионов или цивилизаций. Мы ее как бы складываем, суммируя развитие ряда передовых (для каждого этапа) социальных организмов, поскольку ни одно общество не проделало такой путь, а только все человечество в целом. При этом важно заметить, что ни одно государство не может быть

¹ Сама процедура установления такого уровня и сравнения с ним общества сейчас не рассматривается, о ней мы будем говорить в своем месте.

постоянно в лидерах, и даже не было случая, чтобы оно оказалось впереди в течение всей формации. Говоря образно, генеральная линия — это «эстафетная дорожка» всемирно-исторического процесса, на которой сменилось много «бегунов», передавая друг другу эстафету.

Следовательно, генеральная линия — это линия нового, принципиально неизвестного, а потому нетипичного, то есть мутаций и скачков. Ведь типичное, как правило, не рождает чего-то качественно нового, которое появляется в местах наилучшего сочетания особых, дотоле неизвестных и небывалых условий. Например, долгое время типичным было подавление государством частной собственности, но там, где это не имело места, общества иногда добивались больших успехов (в тех же Афинах). Обычным было стремление государств к единовластию (монархии), но там, где демократия утверждалась, могло появиться и нечто особое. Общим было использование в основном ручного труда и в лучшем случае водяной и ветровой энергии. Но там, где удалось «запрячь» энергию пара, произошли коренные перемены. И только когда новое утверждается, оно может становиться типичным.

При таком подходе путь человечества оказывается как бы «выпрямленным», а боковые ветви развития служат лишь «фоном» для объяснения особенностей исторического процесса человечества. Если корректно такое сравнение, это напоминает схему развития жизни от простейших до человека, когда важнее для данной научной задачи показать преемственность этапов жизни, чем разнообразие ее форм¹.

Разумеется, генеральную линию можно проводить по-разному, поскольку ведущую роль будут играть те факторы, которые ученый, полагая их более важными, кладет в основание своей теории и периодизации. Но важно подчеркнуть, что при всех различных подходах к выделению генеральной линии в

¹ Возможен и такой пример. Если мы задумали проследить генеалогию, скажем, царя, то мы в каждом поколении будем сталкиваться с десятками людей, родственных его прямым предкам. Кто-то из них может нас интересовать по разным основаниям (прежде всего, по близости, влиянию на этого предка или по сходству с ним). Но это лишь фон. Они могут быть гораздо более значительными личностями, но у них нет главного для нашего внимания — быть прямым предком интересующего нас монарха.

значительной мере они все же и совпадают, что косвенно подтверждает плодотворность и самой идеи конструирования такой линии, и мысли о желательности интегрировать разные концепции.

Поскольку для перехода к новому нужен комплекс особых условий, постольку в этих бифуркационных точках как бы сходятся генеральные линии отдельных институтов и общественных систем. Например, новой религии (христианства) и античных культуры, государственности и права; частной собственности, мировой торговли и технического прогресса; конституционных форм правления, буржуазных отношений и протестантизма и т. д. И чем больше таких линий собирается в одном месте, тем неожиданнее и сильнее может быть эффект рывка и перемен. Таким образом, исторический процесс точнее представлять как ряд или даже массу линий и их сложных переплетений. Однако для больших масштабов достаточно говорить о единой линии¹. Зато чем меньший отрезок или объем мы рассматриваем, тем больше обращаемся к дополнительным линиям, но если не иметь общей модели, выделить из них наиболее важные оказывается часто невозможно. Учитывая сказанное, станет понятно, почему иногда я позволяю себе термины вертикаль и генеральная линия употреблять как синонимы.

Указанное движение вверх удастся моделировать точнее, если иметь определенную шкалу измерения, то есть периодизацию, которая может быть в зависимости от масштаба задачи более или менее подробной. К некоторым делениям на такой «шкале» мы можем провести и гори горизонталы, показывающие те принципиальные сходства, которые удастся увидеть и выделить для данного уровня. При этом горизонталь и вертикаль, то есть типичное и нетипичное будут оттенять друг друга. И в рамках всего исторического процесса и каждой формации указанные горизонтальное и вертикальное измерения являются для обществ и их групп, образно говоря, историческим «ростомером». Но в модели формации при необходимости мы можем, конечно,

¹ Для некоторых периодов правомерно намечать больше одной генеральной линии. До какого-то момента они потенциально равноправны (параллельны), а затем сходятся или, напротив, расходятся.

использовать и более тонкие процедуры.

Как и вертикальных, горизонтальных линий также много больше одной. Например, можно указать на линии отклонения от типичного в обе стороны. Они, безусловно, необходимы, когда какой-то аспект проблемы требует уточнений и пояснений. Однако в рамках общей теории исторического процесса все же главное их назначение в том, чтобы оттенить общее, то есть основную, центральную горизонталь. Поэтому в целом они являются дополнительными и вспомогательными, хотя и весьма важными.

Чем подробнее мы исследуем исторический процесс, тем больше вариантов и подвариантов попадает в поле нашего зрения, и тем, фигурально говоря, «ветвистее» становится схема. И если бы мы задумали провести все более-менее заметные горизонтальные и вертикальные линии развития, то получилось бы нечто, напоминающее сеть.

Правильнее будет оговориться, что все эти образы используются только для наглядности, а выражения, употребляемые для удобства объяснения, имеют языковое, а не онтологическое значение. Они, говоря словами Карнапа, просто включены в «языковой каркас» теории и выполняют служебную роль.

Важно отметить, что для моделирования генеральной линии методологически важнейшими являются прежде всего варианты, когда общества в основном самостоятельно переходят к новым рубежам. Ведь когда новое качество уже наглядно проявляет свои преимущества, модель его развития начинает заимствоваться, приспособливаться к новым условиям, модифицироваться. В результате меняются движущие силы развития и сам ход истории. Ясно, что без такого мощного ускорения смена формаций немислима. И не учитывать этот момент в теории исторического процесса невозможно.

Среди моделей перехода к новому, помимо самостоятельной, можно выделить: связанные с модернизацией, когда производительные силы и многие общественные институты прямо заимствуются; насильственного реформирования, подобно тому, что делалось в некоторых колониях или в оккупированных странах (например Япония после 1945 г.); подтягивания отсталых

районов к передовым в рамках одной страны и ряд других. Но везде причины и мотивация изменений сильно отличаются от того, что было в обществах-первопроходцах. Поскольку же многие страны не дозрели до таких перемен, к которым принуждаются внешними обстоятельствами, их общественная структура и отношения приобретают весьма особый вид, анализировать который, основываясь лишь на первичной модели, невозможно. Эту ошибку, однако, часто допускают, например, прикладывая особенности капиталистического развития Англии к странам догоняющим: России, Японии, Турции и т. д. Чтобы исследовать такие варианты в теории исторического процесса, требуются дополнительные разработки и методики.

Само собой, что все варианты развития и перехода имеют огромное теоретическое значение и интерес. Но в плане основной канвы теории исторического процесса и с учетом наших ограниченных возможностей для нас важнее всего показать причины смены старого на самом начальном этапе, когда процесс еще неясен и скрыт, когда его будущее непонятно. И сделать это методологически более правильно на модели «чистой» или достаточно чистой¹.

Сравнивая ее потом с другими моделями перехода, мы можем увидеть, где здесь результат общего, а где особенного, национального, пойдем, какие черты перехода могут варьироваться, а какие должны копироваться у первичной модели; попытаемся установить баланс закономерного и случайного в этой ситуации; увидеть, какие линии сошлись в данном месте и времени и т. п. Поэтому в настоящем исследовании вторичные и третичные модели, конечно, будут анализироваться, но гораздо меньше, чем первичная, ибо в аспекте наших задач они прежде всего оттеняют вариант самостоятельный.

Однако если мы строим модель отдельной формации, пропорции несколько меняются. Теперь уже исторический процесс становится фоном, и тогда фактически объем исследования данной

¹ Недаром же исследователи, изучающие такие переломные процессы, как переход к земледелию, образование государства, промышленная революция и т. п., очень часто говорят о первичных и вторичных процессах, моделях и т. п. Недаром же для объяснения событий первобытной истории, совершившихся тысячи лет назад, всегда с определенным сомнением используют данные этнографии.

формации, по сравнению с объемом ее в общей теории исторического процесса, существенно расширяется за счет того, что мы должны «прихватить» часть «территории» у соседних с ней формаций. Ведь замена одной формации другой — процесс весьма длительный, и они сосуществуют. Отсюда, при анализе переходного периода, где новая формация идет на подъем, а старая — на спад, в рамках теории исторического процесса, мы уделяем большее внимание именно новой, а в рамках модели отдельной формации — как раз старой. В этом последнем случае, конечно, нельзя ограничиваться одной только линией, только «передовым регионом», чтобы не создалось «ошибочное представление о полном совпадении его истории со всемирной историей»¹.

Противопоставив таким образом моделирование исторического процесса в целом и исследование отдельной формации, нужно подчеркнуть, что фактически модель исторического процесса, когда мы уже охватили ее периодизацией и главными линиями, далее «собирается» как раз из моделей ее основных частей-формаций. Однако такое «крупноблочное» строительство требует особого напряжения в местах »стыков», то есть переходных эпохах, когда еще не совсем ясное и слабое новое вырастает из зрелого и консервативного старого и долгое время сосуществует с ним. Здесь-то и нужна «техника предельных переходов». Именно здесь и происходит частичное опускание («укорачивание») жизни старой формации, которая теперь становится прежде всего фоном развития новой.

Надо также видеть, что и каждая «деталь» формации не монолитна, а в свою очередь состоит из менее крупных, но все еще весьма абстрактных вещей. В принципе такое дробление можно проводить до самых нижних уровней, что доказывает определенное единство общего поля теории истории. Но, конечно, при опускании ниже определенного уровня абстракции такой прием теряет свою методологическую ценность или становится уже не основным, а дополнительным.

В заключение главы хотел бы еще раз оговориться. Пусть у

¹ Периодизация всемирной истории. С. 13. «Выделение ведущей тенденции определяет эпоху в главном и основном — в ее внутренней тотальности; плоть и кровь этой эпохе сообщает определение совокупности как главных, так и побочных тенденций, выраженных в тотальных и локальных структурах». (Там же).

читателя не создастся мнение, что теоретизирование по поводу исторического процесса есть полная творческая анархия. Напротив. Только по возможности точно соотнеся исследуемую реальность (насколько она известна специалистам и теоретику) и те средства, которые мы имеем для ее познания и описания, мы сможем найти, отобрать или изобрести наиболее емкие и верные приемы для решения нашей задачи. Но это только первая часть проблемы. Вторая же заключается в том, чтобы проверить правильность и продуктивность созданной теории. Однако этот груз ложится на плечи уже не только автора, но и читателей, и критики.

ГЛАВА 6. ПОНЯТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ В РАМКАХ ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА*

§1. Плюсы и минусы использования различного смысла понятия «цивилизация». §2. Соотношение понятий «цивилизация» и «формация». §3. Цивилизации как пространственно-временные группировки обществ: некоторые характеристики. §4. Цивилизации и стадии исторического процесса. §5. Формирование цивилизаций. §6. Цивилизации в классическую эпоху. §7. Переход к новым культурным группировкам. Надлом цивилизаций. §8. Квазичивилизации. §9. Цивилизации и современные процессы.

Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут и другие культуры, которые увидят и поймут еще больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом.

М. М. Бахтин

В этой главе мы выскажемся более четко и определенно о проблеме, вынесенной в заглавие книги, а именно: как же соотносятся категории «формация» и «цивилизация» и какое место они занимают в теории исторического процесса.

Интерес к цивилизационной тематике не стихает. В России он, без сомнения, подогрет сменой научных парадигм¹. И поскольку ученые привыкли иметь перед глазами хоть какую-то теорию, идея цивилизации как главного и центрального понятия оказалась для многих как нельзя более кстати. Ведь по своим гносеологическим основам и духу она во многом сродни старой истматовской концепции.

В западной науке (при естественных колебаниях) интерес к этой теме остается стабильным вот уже два столетия. Разнообразие культур и религий, идеологий и образа жизни, нравов и обычаев, то

¹ Хотя взрывной рост работ по этой теме начался в конце 80-х, стоит заметить, что она вновь после перерыва стала разрабатываться в философии уже с конца 70-х годов в работах В. П. Тугаринова, В. Д. Комарова и ряда других

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1—6; 1998. № 1.

есть того, что относят к цивилизационным различиям, всегда привлекало внимание ученых. Однако XX век, кажется, сделал этот интерес еще более острым, чем прежде. В XIX — начале XX в. западные страны мало считались с восточными, гораздо больше их волновали отношения между ними самими и классовая борьба внутри них. Однако первая мировая война и особенно пробуждение Азии обострили внимание к культурно-религиозным, поведенческим и мировоззренческим различиям Европы и других регионов. А концепции Шпенглера и Тойнби дали импульс для активного обсуждения этой темы в науке и обществе. Модные прежде идеи неравноценности и столкновения рас (Гобино, Лебон и мн. др.) переросли в теории принципиальной несхожести или даже столкновения цивилизаций. Вторая мировая война, крах колониализма, экономическое усиление ряда дальневосточных стран, быстрое обогащение нефтедобывающих обществ, рост исламского фундаментализма и многое другое не могли не потребовать глобальных объяснений. Поскольку же национализм в современную эпоху сплошь и рядом обрягается в цивилизационные (религиозные) одежды, а значение национальных групп и движений весьма велико, обе тематики часто переплетаются. Это увеличивает их значимость, и в результате они занимают почетное место в индексе популярных тем.

В современный период, когда трения между развитыми странами обычно не переходят рамок нормы, а социальные конфликты слабы, вопросы взаимоотношений между Западом и другими группами стран становятся, если можно так выразиться, наиболее сюжетными, сенсационными и интересными в плане развития интриги, конфликтности и т. п. Модность, определенная яркость, привлекательность и, если хотите, эффектность указанных проблем приводят к тому, что вокруг них множество различных спекуляций и шума. В самое же последнее десятилетие их популярность, кажется, еще выросла. Ведь прежнее острое идеологическое противостояние социализма и капитализма ушло в прошлое, и на передний план вышли противоречия между богатым Севером и бедным Югом, между Западом и исламскими странами. Неудивительно, что некоторые ученые,

например С. Хантингтон, пытаются объяснить эти процессы как столкновение цивилизаций. Однако при всей значимости цивилизационных различий не они, на мой взгляд, определяют направления развития современности, не в них, условно говоря, «смысл» эпохи, хотя очень многие как раз придерживаются именно такой точки зрения.

Необходимость рассмотрения в комплексе вопроса о цивилизациях именно в **первом разделе второй части** вытекает из того, что высокая популярность данной темы требует заранее определить место этой категории в общей концепции, а также предварить некоторые идеи, которые подробнее будут анализироваться дальше. Здесь также удобно будет показать одну из проекций разворачивания исторического процесса и высказать ряд соображений о современной ситуации. Когда же читателю станет ясна позиция автора по поводу цивилизаций, он легче поймет и его аргументацию в отношении теории исторического процесса в целом.

Занимаясь цивилизационной проблематикой, невозможно не обратить внимание на факт огромной многозначности и в то же время неряшливости в использовании разных смыслов понятия «цивилизация». Это побудило меня тщательно оговорить, в каких плане, аспекте, смыслах и почему используется и трактуется оно в настоящей работе. Но я считал более важным не просто перечислить разные значения и вариации данного термина или изложить историю его употребления², но и ясно показать плюсы и минусы различного словоупотребления и следствия, которые отсюда вытекают. Пусть же читателя не смущает и не удивляет, что этому уделено столько внимания и места.

Настоящее исследование посвящено теории исторического процесса. Понятие «цивилизация» в этих рамках, в моем представлении, не является определяющим. Тем не менее проблемы, с ним связанные, выглядят очень важными. Но читатель должен ясно понимать, что если ставится задача добиться

² В ряде работ история термина излагается, и это избавляет меня от выполнения такой обязанности.

достаточно органичного вписывания цивилизационных аспектов в общую теорию исторического процесса, то культурологические, антропологические, философские смыслы данного понятия могут учитываться лишь постольку, поскольку они не противоречат общему взгляду. Более важно, думается, подчеркнуть, что те объекты, которые называются цивилизациями (локальными), являются одной из связей между теорией исторического процесса и социологией истории, особенно если учесть, что локальные цивилизации представляют собой в известной мере особые линии развития, отличные от генеральной или в определенные моменты расходящиеся с ней. И здесь удобно будет попытаться показать, каким образом совмещаются и разграничиваются в одной проблеме моменты, относящиеся к теории исторического процесса, теории истории (как читатель помнит, эти направления науки не совпадают полностью) и социологии истории.

Должен сказать, что хотя в данной главе и избран определенный аспект, согласно которому строится исследование и расставляются акценты, все же вне целого, вне всего контекста теории исторического процесса и социологии истории адекватно понять и объяснить даже самые общие моменты цивилизационной проблематики не удастся. Необходимо учитывать особенности развития производительных сил и влияния географической среды, растущую интеграцию стран, то, как новации в одних сферах ведут к трансформациям в других, определить связь цивилизационного слоя с иными подсистемами и т. д. Поэтому нужно будет вспомнить многое из того, что говорилось о соотношении базиса и надстройки и особенно общественных бытия и сознания, в том числе тезис о том, что чем заметнее перемены в бытии, тем сильнее ощущается его влияние.

§ 1. Плюсы и минусы использования различного смысла понятия «цивилизация»

С одной стороны, слово «цивилизация» обладает определенным ароматом и привлекательностью. С другой — оно столь «нещадно затрепано», что «почти утратило сколько-нибудь

четкий смысл»³. Иногда под ним понимают нечто предельное, покрывающее собой все остальные понятия. Иногда — весьма узкое, подобно тому, как делал Шпенглер, обозначая ей стадию вырождения культуры. Нередко это синоним духовной культуры, а порой — синоним культуры в историко-археологическом смысле. Иногда цивилизация — это отдельное общество или даже некая субкультура в нем. А то под ней понимают громадные стадии исторического процесса.

В одном контексте это совершенно уникальные и неповторимые явления, в другом — эпохальный тип культуры. Иные, как Тойнби, убеждены, что культура фундаментальнее производства и есть основа цивилизации, а другие утверждают, что последняя состоит прежде всего из производственной технологии, которая и определяет специфическую ей культуру. И такие антиномии можно продолжать. А очень часто это вообще выражение, которое, по сути, не поддается научному анализу или столь широко, что становится предельным. Таковы, например, словосочетания

«современная цивилизация», «цивилизация будущего» и т. п. Словом, «понятие цивилизации представляет собой одно из тех общих понятий, которым чрезвычайно трудно дать определение»⁴. Считается, что «всем известно, что оно означает»⁵, и, очевидно, поэтому многие вообще полагают излишним как-то оговаривать его содержание. Но даже и там, где автор дает свое толкование этого слова, оно часто повисает в воздухе, ибо такое определение должно быть соотнесено со всей совокупностью терминов и принципов. А периодизацию в виде схемы стадий цивилизаций необходимо удачно интегрировать в теорию исторического процесса. И это в определенных рамках, может быть, главная задача.

Лично я полагал бы, что для **строго научных целей** проще было бы вовсе отказаться от такого термина, оставив его для нестрогого употребления, поскольку чрезмерные расплывчатость

³ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. М., 1992. Т. 1. С. 79.

⁴ Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М., 1990. С. 678.

⁵ Там же.

и многозначность исключительно запутывают дело⁶. Но практически сделать это невозможно. Примерно так смущал Карнапа термин «закон», но лучшего не нашлось. Аналогична ситуация и со словами «прогресс», «эволюция» и другими. Несмотря на всю сложность их научного применения, они прочно вошли в оборот. Поэтому с понятием цивилизации следует работать так, чтобы уменьшить его недостатки.

Нет смысла подробно останавливаться на истории этого термина. Как известно, впервые он появился у французских просветителей XVIII в. И слову этому была суждена счастливая судьба. Попытаемся перечислить основные значения, в которых оно употребляется. Само собой, что при нечеткости и подвижности смыслов, при их слитности, когда подразумеваются сразу два-три, а то и больше, подобную систематизацию можно сделать и по-другому (даже в ряде вариантов). Но принципиального значения те или иные нюансы такой операции сейчас не имеют.

1. Цивилизация как определенная локальная культура.

1а. При этом цивилизациями называют нередко не только культурные, но также примитивные или маргинальные общества (группы сходных по культуре обществ)⁷.

1б. Большинство же исследователей ими обозначают только общества, достигшие определенной культурной зрелости (письменности, городов, социальной стратификации и прочего)⁸.

1в. Иногда цивилизации трактуют прежде всего как некую особость, уникальность, неповторимость культуры какого-то

⁶ Например, Уайтхед пишет, что это слово «говорит о некотором идеале жизни человеческих сообществ. Отдельный человек может быть цивилизован, все общество может быть цивилизовано, но смысл слова «цивилизован» будет несколько различен в этих двух случаях» (там же). Но я бы сказал, что смысл будет (особенно в научном плане) даже очень различен, тем более если вести речь также и о человеческой цивилизации в целом.

⁷ Например, Жак Маке использует такие выражения, как «цивилизация копья», «цивилизация лука» и др. (Маке Ж. Цивилизации Африки южнее Сахары. М., 1974).

⁸ И сегодня, как и сто лет назад, о цивилизации можно говорить как о совокупности «признаков общественного и политического уклада и духовного развития, отличающих высокую степень развития человеческого общества от первобытного состояния» (Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Брокгауза-Ефрона. М., 1994. Т. 4. С. 1992). Однако проблема именно в том, какова эта совокупность, точнее, каков минимум признаков и какие из них наиболее важные. А разброс мнений здесь очень велик.

общества или периода.

2. Цивилизации как некие реально-исторические единицы (и соответственно единицы исследования). Но такая единица может представляться: а) как совокупность группы обществ, имеющих единство; б) как отдельный социальный организм, социум, нация, этнос и т. п.

3. Цивилизация как определенная стадия развития, отделяющая общества, достигшие некоего уровня культуры, от более примитивных. Однако момент вступления в такую стадию трактуется по-разному⁹. Между тем вполне понятно, что «при нащупывании генеральных тенденций исключительно важное значение приобретает точка отсчета»¹⁰.

3а. Цивилизация как некий общечеловеческий рубеж развития.

3б. Но может быть и толкование, что это некий средний этап развития человечества, который сменится послецивилизационной эпохой.

4. Как синоним культуры¹¹ или (у Шпенглера) как особая стадия развития культуры.

5. Как последовательные ступени развития человечества, то есть в смысле стадии исторического процесса. При этом в основание смены цивилизации кладут самые разные факторы, поэтому вариантов здесь много.

6. Как некий результат исторического процесса, данный на сегодняшний день (или исследуемый период). «Цивилизация как

⁹ Среди отечественных ученых распространен критерий, «когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе» (Гобзов И. А. Вопросы цивилизации на страницах французского журнала «Commtaiges»//Философия и общество. 1997. № 5. С. 167). В известной мере это развитие идей Моргана и Энгельса. Иногда таким критерием выдвигают момент появления государственности. Ученые прошлого могли противопоставлять цивилизованное общество нецивилизованному как обществу, в котором «господствует разделение занятий», обществу, «где разделение занятий слабо» (Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 23). Нечто подобное утверждали Спенсер и ряд других эволюционистов, а также сторонников теории общественной солидарности. Сходные мысли можно найти и у классиков марксизма. (См., например: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 173).

Иногда о цивилизации говорят как о рубеже перехода к производству продуктов питания (См., например: Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982).

¹⁰ Массон В. М. Первые цивилизации. М., 1989. С. 3.

¹¹ «Слово это в соответствии со своим традиционным употреблением означает то же, что и «культура» (Швейцер А.) Подобное утверждали также Бердяев и многие другие. (См. также Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Киев, 1995. С. XVIII).

общее создание всего человечества»¹².

7. Цивилизация как особый аспект исследования общества — социального организма (в этом плане особенно часто противопоставляют цивилизации и формации).

7а. Цивилизация как собственно социальная организация, которая характеризуется всеобщей связью людей, тем, что общество функционирует на основе именно социальных, а не родовых отношений.

8. Цивилизации как особые линии, «ветви» разворачивания исторического процесса.

9. Самые разные аксиологические, антропологические и гуманистические толкования, вроде того, что цивилизация есть степень свободы, нравственности, гуманизма; что это процесс всестороннего улучшения жизни каждого человека и народа и т. п., которые в деталях в данной работе нет смысла анализировать. Относительно антропологических и гуманистических аспектов можно сказать, что они тем важнее, чем уже объект нашего исследования. Когда мы говорим, например, об особенностях мышления римлян в Италии определенного периода, там без таких нюансов не обойтись, ибо мы должны сравнить людей исследуемого периода с людьми прошлого и будущего этой цивилизации и с их современниками из других. Чем шире исследование, тем меньшее место будут занимать эти аспекты. Изучать же плодотворно в этом плане человека вообще (человека вне эпохи и общества) трудно. Ведь еще Адам Фергюсон говорил: «Человечество следует рассматривать в группах, в которых оно всегда существовало. История отдельного человека — лишь единичное проявление чувств и мыслей, приобретенных им в связи с его родом, и каждое исследование, относящееся к этому предмету, должно исходить **из целых обществ, а не из отдельных людей**»¹³.

Если же к сказанному добавить еще некоторые иные смыслы, которые можно выудить из разных контекстов, если учесть, что

¹² Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995. С. 287.

¹³ Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. Цит.: Философская энциклопедия. Т. 5. С. 320. (Выделено мной. — Л. Г.)

часто в работах исследователей это «скорее некий интуитивный образ, чем логически выверенная категория»¹⁴, если принять во внимание, что основания для выделения и классификации локальных цивилизаций самые разные, если иметь в виду, что одновременно используется несколько взаимосвязанных между собой значений слова, то станет очевидным, насколько сложно оперировать этой категорией в строго научном плане.

Единственная возможность — сколько хватит умения, пытаться разграничивать эти смыслы и какие-то отбросить. Должен сразу оговориться, что я строго отказываюсь от употребления понятия «цивилизация» в значениях 5, 6, 7, 9.

Однако относительно иных необходимы пояснения. Очевидно, что исследователь не только не обязан связывать себя единственным смыслом, но просто не в состоянии этого сделать. Ведь фактически перед нами несколько блоков значения термина.

И внутри каждого блока строгое разграничение крайне затруднено. Выходом из этой ситуации будет определение и выявление базового смысла, от которого в этой системе координат начнут зависеть и остальные, с ним связанные.

Как уже сказано, **базовый смысл используемого понятия «цивилизация» в данном исследовании — это пространственно-временные группировки обществ, взятые в аспекте культурно-идеологической (религиозной) близости.** Здесь в целом я следую за традицией, идущей еще от Монтескье и Гердера. Такой подход уже вполне определенно обозначен у Данилевского, ярко — у Тойнби и продолжает разрабатываться в разных вариантах рядом современных ученых, как отечественных, так и зарубежных¹⁵. Что касается такого момента, как исследование отдельного общества в цивилизационном аспекте, то сфера применения у него, на мой взгляд, ограничена. Нет резона в рамках социологии истории делать это особо, если мы можем исследовать общества с точки зрения его сознания. Но если мы

¹⁴ Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций?//Вопросы философии. 1991. № 3. С. 29.

¹⁵ Например, согласно мысли Хантингтона, «цивилизация является высшей формой объединения, созданного культурой и фактором широкой культурной идентичности» и может включать в себя несколько национальных государств (Цит.: Гобозов И. А. Ук. соч. С. 169).

изучаем в рамках какой-то цивилизации каждое (или конкретное) общество, чтобы увидеть сходства и различия, разные роли и т. п., такой подход будет уместным и удачным.

У цивилизаций-группировок есть ряд свойств и черт, которые неизбежно расширяют базовый смысл и придают ему дополнительные, тесно с ним связанные. Рассмотрим их.

Во-первых, поскольку такие образования не появляются изначально, а есть результат исторического развития мира в целом (и каждого связанного с ними общества в отдельности), то за базовым значением следует и второе: цивилизации — это определенный, очень важный рубеж развития человечества, которого разные общества достигают, естественно, неодновременно. Этот рубеж, при всех разногласиях, можно принципиально замерить, ибо он связан с приобретением каждой группой обществ неких признаков и параметров.

Но он, конечно, не определяется только новациями в области духовной культуры, а связан с целым комплексом перемен в жизни обществ и человечества, от смены хозяйственных занятий, политических форм и социальных отношений до изменения в мифологии и художественных пристрастиях. Ведь невозможно забывать, что жизнь общества и группы обществ, всего человечества (при учете уровня обобщения) есть целостность, которую мы постигаем только по частям, в отдельных аспектах. Следовательно, и анализ цивилизаций не может полностью игнорировать развитие всех остальных сфер, и данная проблема не будет по-настоящему решена вне общей системы и установления приоритетов доминирования. И среди множества изменений необходимо начать анализ с аграрной революции, которая привела к мощному росту населения. Нарастающий же процесс трансформации в конечном счете затронул все сферы жизни, в том числе привел в некоторых обществах к невиданному взлету культуры.

Но поскольку речь идет о цивилизациях как группировках именно культурно-идеологических, для нашей задачи указанный рубеж человечества можно ограничить сферой культуры и общественного сознания. Таким образом, с первыми двумя тесно

связан и третий смысл — достижение человечеством нового этапа развития культуры и нового типа общественного сознания. Тут кстати сказать, как автор понимает соотношение терминов «цивилизация» и «духовная культура». Последний будет, очевидно, шире, ибо культура сопровождает историю человека всегда, а цивилизация в этом плане есть лишь определенный уровень культуры. Кроме того, духовная культура, которую можно отнести к цивилизационному слою, уже, чем вообще духовная культура.

Как уже сказано, показатели достижения узлового уровня культуры мы определяем весьма абстрактно, ибо в каждой отдельной цивилизации они могут быть существенно различными и внешне непохожими. А неповторимые комбинации этих признаков и вовсе делают отдельные цивилизации очень своеобразными. Отсюда ясно, что при избранном базовом толковании термина значение особенности, уникальности (четвертый смысл) так или иначе в нем присутствует. Ибо понятно, что если мы ведем речь о группировках обществ, которые являются устойчивыми и стабильными в длительном времени, то такие группировки никак не могут быть идентичными, напротив, они именно потому и выделяются, что входящие в них общества более близки друг к другу, чем к остальным. Это значение всегда подразумевается при социсторическом анализе, но часто не играет большой роли, и для каких-то случаев, например поиска наиболее важных общих черт, мы можем его временно игнорировать. При более подробных же сравнениях и характеристиках оно может стать важнее и даже в каких-то случаях самым главным. Особенно, если мы переходим от социсторического к историческому или культурологическому анализу. Исследователь должен помнить о такой подвижности и чувствовать, какое место занимает то или иное из связанных значений.

Как сказано, цивилизации есть некий мост между социологией истории и теорией исторического процесса. Поэтому они неизбежно являются и единицами исследования обоих научных направлений (пятый смысл). С учетом же больших различий между цивилизациями в рамках теории исторического процесса они также могут быть представлены как особые линии

развития (шестой смысл).

Таким образом, полностью избежать определенного смешения смыслов слова «цивилизация», думается, невозможно. Поэтому, говоря абстрактно, и было бы проще отказаться от термина вовсе. Но раз на практике это нереализуемо, данные неудобства необходимо нейтрализовать или уменьшить, во-первых, признанием самого факта, во-вторых, более тонким анализом. Но главное — это выявить базовый смысл и соподчинить ему все

остальные. Тогда в принципе можно легко установить, какие смыслы выходят в данный момент на передний план и почему.

Теперь необходимо рассмотреть, продуктивно ли полагать понятие «цивилизации» центральным в теории исторического процесса, а в основу его периодизации класть смену типов цивилизаций. На мой взгляд, такие подходы в принципе страдают той имеющей серьезные последствия ошибкой, о которой шла речь в прошлой главе: неразведением уровней всемирного и локального. Посмотрим это на примере идеи о всемирной цивилизации, о которой пишут многие авторы¹⁶.

Правы ли те, кто говорит о всемирной цивилизации как о ставшей или хотя бы становящейся реальности уже сегодня? Конечно, в данный образ можно вкладывать разное содержание. Если под этим понимать достаточно реальное единство, взятое в отдельных срезях, например естественно-математических и некоторых других наук, технологии, мировых торгово-экономических связей, систем информации, то формально утверждение выглядит правильным. (Правда, еще огромно число мест, никак не вписывающихся в это единство своей архаичностью.) Но тогда надо отказываться от попыток представить цивилизацию как тотальность и точно выделять

¹⁶ Особняком от многочисленных утверждений о переходе к мировой цивилизации стоит такое высказывание: «Однако в любом случае цивилизация как способ общественной жизни себя исчерпала». Сколько можно понять автора, цивилизация должна замениться постцивилизацией, и эта ступень будет связана с переходом «от мифологического (религиозного и светского) к рациональному обоснованию существования, борьбы за выживание» (Горюнов В. П. Методология определения постцивилизации//Первый Российский философский конгресс. Т. IV. СПб., 1997. С. 57). При том, что мысль об исчерпании потенциалов цивилизации мне близка, не могу не отметить родовые ошибки объективизма и у этого автора. К тому же из его тезисов трудно понять, какое именно значение он вкладывает в категорию «цивилизация».

такой срез-основание, который, мы полагаем, позволяет говорить о мировой цивилизации уже сегодня (возможно ли это, увидим дальше). Однако при столь ограниченном содержании эта категория не может стать центральной. К тому же, если отбросить смысл определенной духовной идентичности, то есть ли вообще резон в научном употреблении такого слова? (В обычном плане оно вполне уместно.) Если же под всемирной цивилизацией понимать некое тотальное единство человечества, такую целостность, которая во многом определяет ментальность большинства землян, то очевидно, что реально ее на сегодняшний день не существует. Ведь, например, нет не только единых стандартов в образовании, но огромная часть землян вообще неграмотна или малограмотна. А говорить о единой цивилизации вне общих мерок в образовании, не говоря уже об идеологии и образе жизни, затруднительно. Можно лишь предполагать, что при благоприятных тенденциях в достаточно далеком будущем нечто подобное и возникнет. Таким образом, о всемирной цивилизации допустимо в принципе говорить как о возможной (но не неизбежной) тенденции превращения культурной близости в отдельных областях знаний и деятельности в единство духовно-морального и идеологического свойства. Но и для указанной перспективы можно вполне обойтись понятиями единства человечества, единого человеческого общества и планетарного сознания. Следовательно, понятие цивилизации какой-то существенной дополнительной нагрузки и в том случае нести все равно не будет. Зато говорить о едином человечестве в принципе можно уже сегодня, ибо данное единство поддерживается достаточно сильными материальными основами и взаимной экономической и экологической зависимостью, хотя, конечно, и эта система еще только в начале формирования.

Но, предположим, мы настаивали бы на наличии такой культурной цивилизации человечества. Тогда надо напрочь отказаться не только от идеи столкновения цивилизаций в современности, но и их значительной несовместимости и признать, что западная, конфуцианская, исламская и иные цивилизации современности, по сути, «диалекты» всемирной, а в

главном они сходны. Вряд ли многие согласятся с этим. И будут правы.

Итак, сегодня можно говорить лишь о некоторых намечающихся сближениях, точках соприкосновения, о взаимном синтезе, обогащении, при более заметном доминировании в смысле влияния западной цивилизации. Как пойдет этот процесс, насколько интеграция будет быстрой и системной, сказать крайне сложно. То, что экономическая и технологическая, экологическая и информационная близость будет менять и сознание, приводя его к какому-то общему знаменателю, к общим культурным и образовательным стандартам, вне сомнения, но процесс этот долгий, небесконфликтный и во многих чертах непредсказуемый. Какие-то моральные императивы (особенно в отношении к природе, правам личности) должны быть выработаны, однако даже в основных моментах идеология будущего — пока загадка.

Но в любом случае, в каком бы плане ни настаивать на идее мировой цивилизации, все равно это в смысле обобщения совсем иной уровень, чем региональная и тем более локальная цивилизация, не говоря уже о цивилизации как особом срезе отдельного общества. На высшем уровне единство принимает иные очертания и формулировки, чем на более низком, даже если считать отдельные цивилизации местными вариантами всемирной, и тем более, если мы выделяем просто общие абстрактные черты у непохожих цивилизаций. Мы уже много раз видели, что общемировые законы и тенденции по-разному преломляются в каждом локальном варианте. Именно поэтому употребление одного и того же термина (к тому же очень нечеткого) для столь разных уровней неудобно, непрактично и непродуктивно. А главное — для углубления научного познания в принципе ничего не дает.

Кроме того, ведь развитие частей мира (даже при стремлении видеть его единой цивилизацией) по направлениям, темпам, специализации и массе других характеристик сильно отличается. А раз так, то надо признать многоканальность и многонаправленность исторического движения. Собственно это

лейтмотив сторонников цивилизационного подхода, справедливо указывающих на то, что представление исторического процесса однолинейным искажает реальную историю. Но если этот момент не упускать из вида, тогда, говоря о единой мировой цивилизации, надо четко оговорить, что: а) либо все линии равноправны; б) либо среди них есть более важная, генеральная; в) либо эта генеральная есть синтез, равнодействующая разных линий.

Первое утверждение, очевидно, несовместимо с идеей мировой цивилизации, ибо каким образом таковая может множиться из различных локальных цивилизаций без интеграции? Признание второго или третьего тезиса невозможно без четкого разграничения уровней. Но тогда надо отдавать себе отчет, что если мы стремимся показать общее движение исторического процесса, то и должны делать упор на общем, следовательно, «отсекать» боковые ветви развития и игнорировать то, что собственно и составляет дух локальных цивилизаций. Таким образом, сама идея мировой единой цивилизации плохо совмещается с двумя другими, на мой взгляд, составляющими все же то специфическое, без чего понятие цивилизации в научном плане теряет смысл. Это идеи уникальности и неповторимости каждой отдельной цивилизации и многонаправленности (разнонаправленности) исторического развития разных регионов и обществ.

Следовательно, неосознанно и помимо желания происходит подмена обоснования ценности цивилизационного подхода. Он, собственно, возник в противоположность идее универсальности законов, линейности исторического процесса, евроцентризма, как способ научной защиты оригинальных культур, иного образа жизни, как попытка перейти от плоскостного к объемному изображению исторического развития, как стремление возвысить особость и уникальность развития разных частей мира. И поскольку цивилизационщики не отказываются от такого наследия и данной платформы, постольку глобализм выхолащивает сам дух цивилизационности, превращает этот метод в его антипод, а смысл термина радикально меняется. Можно спорить со взглядом

на всемирную историю как на движение достаточно замкнутых и самодостаточных цивилизаций, но отказать ему в определенной логике и обоснованности нельзя¹⁷. Однако при попытках механически совместить идею единого исторического процесса и равноправных разнонаправленных цивилизаций говорить о логичности и непротиворечивости не приходится.

А если вдуматься, какая необходимость для научного познания в таком глобализме и переносе смысла слова на общечеловеческий уровень, то ответить будет затруднительно. Правда, на первый взгляд кажется, что сам термин «цивилизация» вроде бы говорит что-то особое, но если попытаться выявить, что именно, ответа не находится¹⁸. Ибо в таком контексте это понятие слишком аморфно и плохо поддается анализу. Мало того, им пытаются подменить более точные термины, такие как человечество и исторический процесс, или даже поставить над ними в качестве более емкого. На самом же деле оно гораздо менее удобно. В сочетании же с каким-то определяющим эпитетом типа «техногенная, информационная» и т. п. понятие «цивилизация» просто означает лишнюю сущность, и его очень легко заменить словами «стадия», «эпоха» или даже «общество».

Таким образом, не следует придавать этой категории глобальный, структурирующий всю теорию истории характер. Следовательно, и класть в основу периодизации исторического процесса смену цивилизаций (их типов) непродуктивно в принципе. (Исключение составляет только двучленная периодизация, о которой скажу чуть позже.) В конечном счете и здесь «цивилизация» оказывается просто лишней сущностью,

¹⁷ В этой связи я не могу полностью согласиться с мнением Ю. И. Семенова, что «плюралистическое понимание истории несостоятельно» (Семенов Ю. И. *Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве*// *Философия и общество*. 1997. № 1. С. 158). Под плюралистами он как раз объединяет всех тех, кто утверждает, что развитие идет разными ветвями, представленными разными цивилизациями (культурами, этносами и прочее) от Гобино до Гумилева. Действительно, как всеобъемлющая концепция всемирно-исторического процесса это неверный подход. Об этом мы уже говорили и еще будем говорить. Но без плюралистического фона генеральная линия (или унитаризм, по Семенову) столь же неадекватен.

¹⁸ С ним как будто всегда ассоциируется нечто культурно-духовное, но мы уже видели и еще увидим дальше, что происходит с этим моментом в термине «мировая цивилизация».

которую без труда можно заменить любым термином, типа стадия, фаза, этап. Попробуем разъяснить сказанное.

Во-первых, сам термин теряет свою значимость при попытках унифицировать весь исторический процесс по мировым типам цивилизаций, либо при более тщательной проработке от «цивилизационности» остается только название, которое запутывает дело.

Во-вторых, нередко сложно понять, из каких оснований исходят авторы. О принципах периодизации мы будем подробно говорить в своем месте, пока же можно только заметить, что любая периодизация по сущности самой операции огрубляет действительность и схематизирует ее. Задача же в том, чтобы, не отказываясь от удобства такой процедуры и чрезмерно не усложняя ее, найти основания, в наименьшей степени искажающие реальность (грубо говоря, подобно тому, как выбирают ту проекцию в картографии, которая дает меньшие искажения, но искажения есть всегда, и о них нужно помнить). Когда же начинаешь анализировать, какие основания учитываются при выделении этапов развития цивилизации, то выясняется следующее:

а) иногда они либо вовсе не понятны, либо совершенно произвольны и непостоянны, что логически недопустимо. Например, «мировая цивилизация проходит в своем развитии следующие этапы: локальные цивилизации (шумерская, индская, эгейская и др.); особенные цивилизации (индийская, европейская и др.); всемирная, охватывающая все человечество, она формируется в настоящее время как процесс перехода от предыстории к подлинно человеческой истории»¹⁹. Нет смысла реконструировать за автора то, из чего он исходит. Это могут быть и пространственный объем, и разнородность входящих в состав цивилизации этносов, обществ или что-то иное. Во всяком случае, когда в мировой цивилизации есть еще и этап всемирной цивилизации, да плюс еще это рубеж перехода от предыстории к истории, путаница неизбежна;

¹⁹ Формации или цивилизации? // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 46-47.

б) хотя, на первый взгляд, кажется, что должны быть какие-то общие, единые для всех цивилизационные основания, фактически мы видим те же факторы развития, что и во всех остальных периодизациях, которые варьируются в зависимости от исходных посылок и склонности автора. Например, ряд ученых за критерий смены цивилизаций берет смену типов хозяйства, связанных с производственными революциями. Но что тогда остается от термина «цивилизация», кроме названия? С другой стороны, обосновывать всемирную периодизацию развитием идеологии, религии или иного духовного фактора оказывается весьма сложным или даже невозможным, ибо сегодня очевидно всем, даже ярым сторонникам доминирования идеального начала, что сближение обществ идет прежде всего за счет материально-технического и информационного развития, а уже за ним, но с большим отставанием следует и культурная интеграция;

в) даже поставив цель четко обосновать принципы подобных периодизаций, оказываешься в тупике. Рассмотрим еще одну: локальные (космогенные); более интегрированная техногенная; глобальная (антропогенная). Но ее автор Г. Г. Дилигенский совершенно откровенно признает (и это делает ему честь) весьма, на мой взгляд, принципиальную вещь: «При сопоставлении различных цивилизаций оказывается крайне трудным, может быть, вообще невозможным сформулировать единый принцип их детерминации (по аналогии, например, с детерминацией формаций). Представляется более вероятным, что каждой цивилизации присущ особый, свой собственный механизм детерминации»²⁰. Здесь есть над чем подумать. Действительно, можно считать, что в локальных цивилизациях многие вещи имеют «свой собственный механизм детерминации», из которого их (для ряда задач) только и удастся объяснить. Но можно выявить и много общих черт, правда, носящих характер не чистых, а более абстрактных сходств (наличие религии, творческого меньшинства и т. п.). Однако трудность не столько в определении сходств и различий между отдельными локальными или региональными

²⁰ Дилигенский Г. Г. Ук. соч. С. 33. (Выделено мной. — Л. Г.)

цивилизациями, а в том, чтобы обосновать принцип смены их типов во времени. Если же сделать этого нельзя, любая периодизация останется лишь простым упражнением для ума. К тому же при отсутствии единого принципа появляется искушение вставить и еще какие-то ступени. Например, почему бы не выделить после локальных еще особо этап цивилизаций с мировыми религиями? Их-то локальными никак нельзя назвать.

В-третьих, мы вновь возвращаемся к проблеме смыслов термина. Нас опять преследует терминологическая «матрешка». Внутри более масштабных цивилизаций «прячутся» конкретные. Да, вполне можно обобщить их существование в едином для человечества этапе. Но в таком случае — и это надо особо учитывать — проблема неповторимости каждой цивилизации, ее уникальности и т. п. отходит на задний план, а на переднем стоит задача — найти общее в мировом масштабе. Ибо невозможно одновременно и равноценно решать обе разнонаправленные задачи.

Однако тогда возникает законный вопрос: а для чего, собственно, «городился огород», для чего отвергали «диктат» формационного подхода, если на его место поставить иную весьма жесткую схему, да еще такую, в которой нет единого принципа детерминации? Что остается от «сущностных параметров цивилизационных комплексов», которые заключаются «в определенных системах мотивации человеческой деятельности, в питающих ее мотивы ценностных образованиях, которые проникают во всю толщу общества»²¹? Можно ли выявить эту мотивацию на столь высоком и абстрактном уровне? Зачем, декларируя важность сохранения многообразия в истории, опять все сводить к общим типам в теории, которая для познания исторического процесса ничего нового не дает? Попробуем для примера задать вопрос: что общего между отдельной цивилизацией прошлого и «антропогенной» цивилизацией человечества? Да, это общее можно найти, но прежде придется совершить ряд промежуточных операций. Сначала выделить

²¹ Там же. С. 32.

сходные черты на уровне локальных цивилизаций древности и средневековья. Потом сравнить этапы (типы) мировой цивилизации. И только затем перейти к поставленной задаче. Но в конце концов полученный результат окажется весьма тривиальным, не соответствующим затраченным на него усилиям. Например, что и какая-нибудь шумерская цивилизация, и современная антропогенная обладают минимумом культуры. Следовательно, и стоящего общего не отыскиали, и от особенного ушли.

В-четвертых, налицо постоянное смешение общечеловеческих и локально-конкретных особенностей, что делает подход еще более запутанным и непродуктивным.

В-пятых, поскольку авторы чаще всего исходят из того, что есть некий рубеж, после которого общества и человечество вступают в цивилизацию, периодизация по типам цивилизаций никак не может подходить ко всему историческому процессу. Фактически речь идет лишь о его части. Исключение составляют только двучленные периодизации, когда весь исторический процесс мы делим на две части²²: доцивилизационную и цивилизационную²³. Либо трехчленные, вроде моргановской: дикость, варварство, цивилизация. Число членов может быть и большим, важно, чтобы этап цивилизации занимал равное по статусу место в периодизации, а не получалось так, что рубежи внутри цивилизации становятся равнозначными доцивилизационным.

В-шестых, даже если формально такие периодизации сделаны правильно, фактически их основная цель связана со стремлением

²² Рубежом периодизаций подобного типа может быть появление государственности, письменности, индустриальности или любой другой важный момент в истории человечества. Существовало, что это не просто важный, но единственный в своем роде момент.

²³ Примером такой периодизации может служить периодизация Ю. В. Павленко, который всю историю делит на два периода: эпоху развития обществ присваивающего хозяйства и эпоху развития обществ производящего хозяйства в целом, определяемая как цивилизационный процесс (См.: Павленко Ю. В. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза // Философия и общество. 1997. № 3. С. 131 и др.). Во второй период автор включает и то, что традиционно называется поздней первобытностью, или варварством в моргановско-энгельсовском толковании. Павленко обосновывает свои идеи стремлением синтезировать линейную и циклическую модели истории.

уделить главное внимание прежде всего цивилизационному периоду или даже вовсе какому-то одному его подэтапу. А доцивилизационное время остается лишь фоном, что при претензии на освещение всего исторического процесса невольно искажает перспективу. При этом логика истории не увязывается с логикой систематизации. Ведь если мы разделим исторический процесс на время доцивилизационное и время цивилизаций, то этапы внутри цивилизационной эпохи не должны быть равноправными моментами в периодизации с доцивилизационным. Но из-за того, что фактически такие огромные и внутренне завершённые периоды, например стадии аграрного или промышленного производства (по Тоффлеру первая и вторая «волны цивилизации»), вполне соотносятся с доцивилизационной эпохой, то есть временем присваивающего хозяйства, возникает серьёзная внутренняя противоречивость подобных периодизаций, если прикладывать их ко всему историческому Процессу²⁴.

Завершая разговор о периодизациях, укажу ещё на один возможный принцип их построения: в качестве центра избираются некие эпоха или явление, а свойства крайних членов периодизации сравниваются с центральным. Например, таковы периодизации, в центре которых стоит индустриальное общество: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное. Аналогично построена периодизация К. Боулдинга, который делил историю на доцивилизационный, цивилизационный и постцивилизационный периоды. Длительный переход к последнему, согласно его взглядам, начался в XX в. Однако, хотя такой метод и удобен, когда нам нужно просто создать определённый фон, чтобы исследовать какую-то эпоху, он мало подходит для описания исторического процесса, где каждый период должен быть теоретически равноправен с остальными.

Таким образом, попытки представить цивилизацию ядром

²⁴ Таковы, скажем, «волны цивилизации» Э. Тоффлера. Но если сам Тоффлер и не скрывал, что такая периодизация у него служит прежде всего заставкой, прологом к описанию ближайшего будущего, то те, кто пытается распространить его систему на весь исторический процесс, неизбежно вступают в указанное противоречие фактов и логики.

теории исторического процесса и построить вокруг нее периодизацию истории оказываются неудовлетворительными.

В завершение параграфа как автор, придающий особую важность возможности синтезировать разные подходы, не могу не остановиться на идеях такого рода в отношении термина «цивилизация». В последние годы было несколько попыток создания интегрирующей цивилизационные идеи науки: «цивилизациологий», «цивилиографии», «теории цивилизации» и т. п. Я не хочу сказать, что такая задача в принципе неправомерна и нерешаема. Но невозможно просто механически объединить смыслы. Нужны базовые принципы и определения, вокруг которых и пойдет работа по связыванию разных подходов. Причем эти принципы не могут быть руководством прямого действия, как порой думается некоторым авторам. Они требуют очень объемного разворачивания и обоснования, а также особых методик, приемов и процедур. И — стоит обратить особое внимание — необходимо локализовать и ограничить сферу применения каждого подхода, а также точно указать, когда и как можно перейти к другим аспектам.

Однако и при правильной методологии, думается, для теории исторического процесса такие интегральные задачи не слишком плодотворны. Почему? Во-первых, из-за слишком большой неопределенности термина и того, что он сплошь и рядом используется не как научное, а как обычное языковое понятие. (В этом последнем назначении он часто весьма удобен и хорош, и нет причины от него отказываться.) Следовательно, синтез столкнется с трудностями приведения нелогичного к логике. Вовторых, и, возможно, это даже главное, исторический метод, который неизбежно присутствует в любом исследовании, связанном с историей и историческим движением, плохо совместим с методом аксиологическим и антропологическим (если не понимать под последним чистую условность в смысле всего того, что вообще касается человека). Либо эти последние методы должны быть соподчинены историческому.

Мы не поймем историю адекватно, если станем рассматривать ее прежде всего с позиции морали, психологии и

оценок сегодняшнего дня, поскольку не сможем установить правильные пропорции и избрать удобные точки отсчета. Насколько правомерно, скажем, толковать цивилизацию как степень свободы человека²⁵, когда мы видим, что в ряде цивилизаций он живет под гнетом религиозного страха, подвергается бесконечным насилиям и нашествиям. О таких цивилизациях в полушутку Марк Блок говорил как о «нецивилизованных цивилизациях». При этом степень свободы не только сильно варьируется от одной цивилизации к другой в рамках даже одного уровня их развития, но и более прогрессивные в одном смысле не являются таковыми в плане духовной свободы. Для примера достаточно сравнить античную и христианскую цивилизации. Мы, конечно, можем дать исторический экскурс, исследовать фазы «свободы», насколько это вообще возможно и правомерно, но в таком случае гуманистические подходы неизбежно займут соподчиненное и сравнительно скромное место.

Сказанное равным образом относится и к настоящему, и к будущему, если речь идет о широком контексте в рамках исторического процесса. (Иное дело, когда мы переходим к анализу отдельных цивилизаций, особенно их фрагментов, и оценкам деятельности некоторых их корифеев, а также когда мы говорим о конкретных сегодняшних проблемах и лозунгах.) Так, например, никогда, ни в какие времена в будущем не может возникнуть состояние, при котором в истории «центральную роль будут играть не государства, классы и партии, не войны и классовые конфликты, но сам человек, развитие человеческой личности и отношений людей», и это развитие будут пронизывать «борьба человеческих страстей, мыслей и эмоций, мотивов и ценностей...»²⁶ Войны и классовые (но не социальные, не групповые, корпоративные и т. п.) конфликты могут уйти в прошлое, проблемы адаптации и развития людей могут стать приоритетными, но очевидно, что не

²⁵ Само понятие «свободы» совершенно не измеряемо, оно измеряемо только в отдельных аспектах: свобода юридическая, свобода от труда, от определенных запретов и т. п. Степень же внутренней свободы есть состояние психологическое, и оно плохо поддается социстическому измерению.

²⁶ Дилигенский Г. Г. Ук. соч. С. 42.

отдельные люди участвуют в истории, тем более если речь идет об общечеловеческой цивилизации, субъектами которой станут входящие в нее государства и надгосударственные образования, народы, правительства, крупные корпорации и организации и т. д. Развитие же человеческой личности и отношений в обществе в любом случае происходит — при самом индивидуалистическом строе — в коллективах и социальных группах, под воздействием глобальных явлений и велений времени (технологии в частности).

Кроме того, стоит обратить внимание, что даже в аспекте гуманистического подхода в вышеприведенном высказывании не все ладно. Борьба «человеческих страстей и эмоций» наличествовала всегда, и она несла как хорошее, так и плохое. В современных условиях при господстве индивидуализма и неспособности общественного мнения заставить считаться с коллективными интересами, указанная мысль о необходимости и далее развивать «борьбу человеческих страстей и эмоций» несет в себе отнюдь не положительный заряд. Ибо такая «борьба» просто способна дезинтегрировать общество. Вопрос должен стоять о том, насколько удастся совместить общие и групповые интересы с частными, как уменьшить вред индивидуализма, какой идеологией побудить людей к осознанию общих целей, обузданию непомерных потребностей, самоограничению и самоконтролю. А это, понятно, может быть только при достаточно эффективном общественном управлении и мнении, которому в конечном счете и должно быть подчинено в разумных пределах индивидуальное. Именно на это и должна быть направлена социализация.

Таким образом, указанная интеграция взглядов на цивилизацию в рамках теории истории будет эффективна лишь при соподчинении различных значений и подходов предмету и задачам данной науки. И думается, в таких рамках цивилизация не способна играть цементирующей и интегрирующей роли, ибо локальные цивилизации — явление преходящее, а глобальная цивилизация — понятие непродуктивное. Поэтому трактовка цивилизаций как близких между собой по культурно-идеологическим основаниям достаточно устойчивых и узнаваемых во времени и пространстве группировок обществ представляется

мне наилучшей в плане вписывания ее в теорию истории и вплетения в схему исторического процесса. И это станет еще более очевидным из следующего параграфа.

§ 2. Соотношение понятий «цивилизация» и «формация»

Хотя категорией «формация» мы основательно займемся в следующем разделе, где подробно скажем о достоинствах и недостатках использования этой абстракции, будет правильным посвятить специальный параграф тому, «как уладить спор между соперничающими друг с другом интерпретациями»²⁷, тем более что сопоставление этих терминов вынесено в заглавие книги.

Конечно, в общем плане дело не в терминах. Важнее, какой смысл в них вкладывается и насколько он становится общепринятым. Но с учетом многозначности и неопределенности этих понятий, отсутствием всяких договоренностей по поводу их употребления, с одной стороны, и большой распространенностью — с другой, спор о них приобретает собственно концептуальное и методологическое значение. И уж коли мы оставляем привычные термины, то должны максимально возможно оговорить их содержание, показать и доказать, почему и в каких ситуациях избранные нами значения лучше. Многие же теории грешат тем, что пытаются решить все проблемы сразу, полагают, что какой-то принцип, идея, категория могут все расставить по местам. Таковы, например, надежды на то, что удастся просто дополнить какой-то подход другим (формационный цивилизационным или наоборот), тогда как такое совмещение требует подгонки и приладки.

Напомню, что в отечественной науке из-за смешения уровней понятие «формация» используется одновременно в двух смыслах: как ступень всемирной истории и как состояние общественного организма. Причем чаще главной является именно вторая версия, во всяком случае при сопоставлении с цивилизациями это значение, как мне кажется, преобладает. Лишь очень немногие ученые,

²⁷ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 14.

например Ю. И. Семенов, считают, что «общественно-экономические формации выступают прежде всего как стадии развития человеческого общества в целом»²⁸. Но, думается, что характерная обмолвка «прежде всего» не нужна, а следовало бы утверждать категорично: понятие формации применимо исключительно лишь в масштабах, намного превышающих отдельное общество. О формационном масштабе уже шла речь в предыдущей главе (он колеблется от крупного региона до мирового уровня).

Я вполне понимаю и в какой-то мере принимаю аргументы тех, кто предлагает вовсе отказаться от понятия «формация». Его до определенной степени — если речь идет о нем, как о всемирной стадии — можно заменить словами фаза, ступень, этап и т. п. Однако такая замена не будет полной и равноценной. Мы еще вернемся к этому в своем месте. В общих же чертах причины, по каким я полагаю необходимым оставить «формацию», таковы.

Действительно, данная категория характеризует последовательно сменяющиеся крупные этапы мирового исторического процесса. Однако, как уже говорилось, эти этапы исследуются и по «горизонтали», то есть выделяются некие абстрактные сходства обществ каждого этапа, и по «вертикали», то есть показывается, каким образом одно состояние сменяется другим. Поэтому задача — не просто наметить те или иные стадии или этапы. Задача — показать, что перемены в разных сферах жизни и общества происходят в определенной систематичности; что в этом движении можно выделить главные и боковые линии; что здесь налицо циклы, позволяющие говорить об определенных закономерностях. Следовательно, правильнее вести речь не просто о стадиях, а стадиях, переход к которым осуществляется в виде определенного цикла, имеющего сходные фазы разворачивания. Но «если это подлинный цикл, то объяснение следует искать прежде всего в его внутренней природе. Каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущей и присущих ей противоречий, в них находя и подготавливая условия

²⁸ Семенов Ю. И. Ук. Соч. С. 160.

для очередного поворота»²⁹. Мало того, чтобы понять такой цикл, надо еще выделить в развивающейся системе относительно главные элементы и причины. Характер этого, условно говоря, циклического спиралевидного движения весьма сложен, чтобы удалось описать его в понятии стадия, ступень или этап. Говорить о структуре, составляющих категориях и моментах, обломе, линиях и прочем применительно к этапу кажется достаточно странным. Ведь этап — это чисто временное понятие, а общественно-экономическая формация — понятие пространственно-временное и при этом структурно очень сложное и неоднородное. Также и понятие «цикл» не полностью заменяет понятие формации. Стадиальность, цикличность — это только часть содержания формации, хотя и крайне важная. По этим и другим причинам я полагаю необходимым оставить последний термин как основной в теории исторического процесса.

Поскольку формацию трактуют как модель отдельного общества, неудивительно, что весьма распространено мнение представлять формации и цивилизации как разные аспекты социальных организмов. При этом чаще полагают, что более продуктивен именно цивилизационный аспект, как более широкий, интегративный, гуманистический и менее схематичный, чем формационный. Но некоторые авторы, напротив, считают, что «цивилизация фиксирует более конкретно-эмпирический пласт общественной жизни, ее особенности и взаимосвязи, нежели формация»³⁰.

Мне кажется очевидным, что ни та ни другая категория не может быть локализована на исследовании отдельного общества: обе имеют масштаб больше конкретного социального организма. Проанализируем, однако, каков их базовый смысл для теории исторического процесса? Рассмотрим с семантической стороны, от каких значений терминов отказаться сравнительно легко, а от каких крайне трудно или даже невозможно. Думается, что в понятии «формация» отбросить смысл «всемирная ступень

²⁹ Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 46—47. ³⁰ Барулин В. С. Социальная философия. Ч. 1. С. 239.

³⁰ Барулин В. С. Социальная философия. Ч. 1. С. 239.

развития» нельзя. Во-первых, это слово обязательно предполагает стадильность, без чего в теории исторического процесса оно лишается всякого значения. Во-вторых, толковать понятие формации исключительно как модель определенного общества невозможно, если не вписывать его в более широкие рамки. Иначе оно или становится бессмысленным (нам не с чем сравнивать отдельное общество), или придется говорить о бесконечно большом числе формаций. Между тем, чтобы задать такие широкие рамки, необходимы и более широкие категории. Однако цивилизация на эту роль не подходит, а других нет. Можно было бы еще полагать смыслы всемирного и конкретно-общественного неразрывными (как это представлено в историческом материализме). Однако мы видели, что такой взгляд противоречит фактам. Поэтому говорить о каждом социуме как о местном варианте мировой формации и исходить из того, что все общества развиваются однотипно, — значит надеть на теорию «смирительную рубашку».

Напротив, отказаться от смысла: формация — модель конкретного общества — можно весьма безболезненно, ибо для анализа общества в плане социологии истории термина «формация», как мы убедились, не требуется. Вполне достаточно таких, как «социальный организм», «социальная система», «подсистемы общества» и им подобных. И для исследования исторического движения отдельных обществ в рамках теории истории термин «формация» как основной не обязателен. Он выступает лишь как внешний, с помощью которого создается исследовательский фон. Ведь общее преломляется очень по-разному в каждом случае, поэтому глупо стараться обнаружить копии абстрактных черт формации в конкретике. Следовательно, достаточно сказать, что данное общество соответствует такой-то мировой формации, ближе к такому-то ее варианту на определенном этапе, или же отметить, что социум слишком специфичен, соотнести его с уровнем формации сложнее, чем другие, поэтому требуются дополнительные процедуры. Если же мы еще определим, что интересующий нас социальный организм входит в такие-то пространственно-временные

группировки и регионы, то можно считать, что определенные внешние сравнительные рамки для анализа того места, которое занимает это общество, заданы.

Итак, отказ от толкования формации как модели локального общества не только не лишает ее смысла, но, напротив, придает этой категории нужную системность. И мы ее можем представить как высшую абстракцию логически соподчиненных ей категорий, отражающих отдельные стороны исторического процесса на крупных ее стадиях.

Иная ситуация с термином «цивилизация». Здесь аспект стадильности играет подчиненную роль, поскольку нужен в основном, чтобы увидеть исходный уровень для перехода к цивилизациям и показать, какие изменения появились у них с течением времени и в разные эпохи. Без значения всемирности (как последовательной смены ступеней мирового развития) этот термин не только не теряет своей научности, но, собственно, и обретает ее. Аспект всемирности здесь нужен, чтобы подчеркнуть, что это закономерное явление определенного этапа истории. И он задает внешние рамки для анализа локальных цивилизаций; позволяет нам увидеть в них общее и особенное, сравнивать их. Но не является базовым. Если же мы отказываемся от термина цивилизация в смысле определенная локальная устойчивая культурная совокупность, имеющая особые, только ей присущие черты, мы теряем специфику слова, ибо заменить особый смысл термина «цивилизация» (как пространственно-временной группировки) не удастся даже при помощи понятия «культура».

И, напротив, если термин цивилизация подгоняется под смысл стадий исторического процесса, то, по сути, теряется надобность в нем, раз мы начинаем видеть «старые» и «новые» цивилизации, «скорее, как глобальные, чем как локальные феномены»³¹. И, как сказано, тогда его легко заменить иными терминами: стадия, ступень и т. п. Мало того, тогда исчезает и необходимость поиска объединения формационного подхода с цивилизационным, поскольку оба термина становятся по

³¹ Дилигенский Г. Г. Ук. соч. С. 29.

назначению идентичными, следовательно, какой-то из них уже и не нужен. И цивилизации отнюдь не выигрывают в этом плане.

Из сказанного ясно, что не может быть удачным подход, с одной стороны, стремящийся превратить понятие цивилизации «ведущую (высшую) парадигму исторического познания» (М. Барг), а с другой — представить понятие формации периферийным или вообще снять его. Здесь есть ряд вариантов. Один из них — ограничить формацию локально-общественным масштабом, а цивилизации представить как этапы исторического процесса. При другом — цивилизационность представляется как универсальное явление, присущее всем обществам, а формационность — только некоторым, ее «следует полагать не универсальным, а вторичным от цивилизации феноменом»³². Еще один — ограничивать формацию локально-общественным уровнем, а цивилизации представлять как независимые и в целом равноправные линии развития истории³³. Последнюю комбинацию можно принять, только если мы отвергаем саму идею единого исторического процесса. В противном случае теряется общее поле (единого исторического процесса) для совмещения формационного и цивилизационного подходов.

Неудовлетворительны и идеи представить в мировом масштабе формационный и цивилизационный подходы параллельными, т. е. равноценными и взаимодополняющими. Разумеется, они дополняют друг друга, но только в рамках исследования отдельных обществ, их групп и периодов. Следует учитывать, что теория формаций «рассматривает весь исторический процесс», а «теория цивилизаций охватывает лишь... 0,6% человеческой истории»³⁴. Кроме того, в рамках теории исторического процесса мы различаем разные линии развития, как генеральную, так и боковые.

Среди многочисленных взглядов на рассматриваемую

³² Формации или цивилизации? С. 49 (Зубов А. Б.).

³³ «По-моему, весьма удачен термин «ветви развития», используемый японскими учеными (Я. Мураками, С. Кумон и С. Сато). Каждая цивилизация представляет собой отдельную «ветвь развития» (Белов И. В. Там же. С. 51).

³⁴ Бабушкин С. А. Теория цивилизации. Курск, 1997. С. 27.

проблему есть и такие, которые мне ближе и к которым формально можно отнести и мой подход. Однако прежде чем сказать о них, приведу одну цитату. Препятствия на пути «изучения истории цивилизаций» «связаны и с неразвитостью теории исторического процесса... в ней не хватает целого блока, который позволял бы сопрягать представления о социальной сущности и гетерогенной природе исторического процесса», следовательно, «необходимо вскрыть диалектику мирового и локального уровней истории, теоретического и эмпирического уровней исторической науки»³⁵. Эта весьма верная мысль объясняет, почему не удаются и не могут удаться попытки объединения указанных подходов. Ибо сделать это объективистски и механически невозможно. Да, верно, что «формационный подход, для того чтобы решить стоящие перед ним задачи, должен интегрировать цивилизационный подход»³⁶. Но пока не обозначены границы содержания категорий, не разведены всемирный и конкретно-общественный уровни, пока не реконструирована теория исторического процесса, такие идеи останутся в лучшем случае декларациями. И неудивительно, что их сторонникам в общем-то и неясно, как же это сделать, «в каких конкретно формах могло бы происходить такое объединение»³⁷ и каковы конкретные результаты применения этой идеи.

Хочу процитировать и еще одну мысль: «Пока ясно, что ось времени (этапы, формации) надо дополнить осью пространства (культуры, цивилизации, особые пути развития). Но эти два пути нельзя противопоставлять, как нельзя противопоставлять длину ширине»³⁸. Это уже более диалектично. Однако неправомерно считать, что формации есть только ось времени, а цивилизации — ось пространства. И те, и другие сосуществуют во времени и пространстве, и стало быть, они должны быть в определенной мере соподчинены. И вот это соподчинение и составляет главный

³⁵ Формации или цивилизации. С. 50 (И. Н. Ионов).

³⁶ Там же. С. 49.

³⁷ Там же. С. 59.

³⁸ Там же. С. 37 (Л. Б. Алаев).

предмет споров и трудностей.

Как же автор представляет себе сосуществование этих категорий? Одно понятие должно включать в себя другое. А именно: цивилизации как пространственно-временные группировки должны найти место в системе понятий, объединяющихся в более широкой и более высокой по уровню категории «формация». Но формации и цивилизации как понятия не сопрягаются прямо. Они расходятся, грубо говоря, на два-три уровня. Структуру формации мы будем исследовать особо, на мой взгляд, она исключительно сложна, поскольку представляет собой обширную систему соподчиненных категорий высокой степени обобщения. Одни из них показывают абстрактные сходства отдельных сфер общества, другие — способы более тесного объединения обществ и их взаимодействия. К числу последних и относится понятие пространственно-временных группировок. А цивилизации, как мы говорили, один из видов таких группировок. А если учесть, что цивилизации в этом значении характерны не для всех формаций, а лишь для одной из них (второй), разница в уровнях абстракции предстанет еще нагляднее. И это не стремление все разложить по полочкам, создать абсолютную систематизацию или запутать дело. Просто, пока мы не представим себе разницу в уровнях, мы не поймем, каким образом можно переходить от одной категории к другой, какие процедуры требуются, чтобы от локального масштаба перейти ко всемирному. Это одна из гарантий несовершения ошибок.

Сказанное можно представить и более наглядно. Каждый уровень обозначим отдельной цифрой (но учтем неизбежные относительность, условность и схематизм):

1. Формация как обобщающее понятие.
2. Отдельная формация (в данном случае вторая, условно назовем ее аграрно-ремесленная).
3. Вариант формации (но этот уровень не всегда необходим).
4. Пространственно-временные группировки.
- 4а. Для ряда случаев нужно особо выделить культурные пространственно-временные группировки обществ, одной из которых и является цивилизация.

5. Цивилизации как вид пространственно-временных группировок.

А уже анализ собственно отдельных цивилизаций лежит еще ниже:

6. Типы цивилизаций.

7. Отдельные крупные цивилизации как группировки обществ.

8. Общества как составные части цивилизаций. Наконец, еще ниже лежат:

9. Общества в определенный момент истории.

10. Отдельные элементы обществ.

11. И т. д. уже до конкретного человека (для антропологических изысканий).

И если вдуматься во всю последовательность процедур, можно понять, насколько нелепыми являются попытки говорить о цивилизациях в абсолютных понятиях, пригодных для всех уровней и случаев. Но в то же время ясно, что без общих концепций нарушается правильная перспектива³⁹.

Можно сказать, что в цивилизациях как бы преломляются и пересекаются законы, характерные как для формации вообще, так и конкретных обществ, достигших ее уровня развития. И в этом плане цивилизации представляют весьма интересный уровень обобщения, именно тот средний уровень, который столь часто достаточен для историографических теоретизирований. Следовательно, общие свойства формаций находят свое выражение и в характеристиках цивилизаций, однако в весьма различных формах и обличьях, и в каждом случае могут иметь разное по важности значение в общем балансе свойств. И хотя отдельные цивилизации реально удастся понять лишь при конкретном анализе, определенные общие тенденции, связанные с развитием формаций, бесспорно, выводимы. Так, с переходом

³⁹ Нельзя также упускать из виду, что реальность едина, и в конкретных обществах конкретных эпох сосредоточено и общее, и особенное, и локальное, и всемирное. Анализ же этой реальности по слоям, уровням, аспектам и т. д. ведется для большей результативности. Однако, когда удастся абстрактные категории ввести в синтез исследования конкретного общества, мы получаем во многом более четкую картину. Перед нами возникнет уже не прежнее, бессистемное целое, а структурированное нашим познанием и потому гораздо более понятное.

второй формации к зрелости и расширением ойкумены появляются цивилизации высшего типа, связанные с мировыми религиями, центр которых уже не отождествляется с каким-либо народом или страной. А переход к индустриализму ведет к надлому тех цивилизаций, которые не в состоянии трансформироваться в иной тип культурной группировки.

Обстоятельно о соотношении цивилизаций как пространственно-временных группировок и формационного развития мира мы поговорим в следующих параграфах. Сейчас надо отметить, что если только мы не настаиваем на реальности и неизменности сущностей, уровни абстракции приходится учитывать в любом случае, независимо от сути принятой нами теории. Пусть мы избрали бы иное соотношение (допустим, цивилизации как категория крупномасштабного членения истории, а формация как локальная модель общества). Тогда, наоборот, формация стояла бы ниже на два-три уровня, чем цивилизация. Это могло бы выглядеть так:

1. Цивилизация как обобщающее понятие.
 2. Цивилизации как последовательно сменяющиеся этапы мирового процесса.
 3. Локальные цивилизации внутри цивилизаций-этапов.
 4. Аспекты анализа обществ внутри локальных цивилизаций:
 - 4а. Формации (модели обществ) внутри локальных цивилизаций;
 - 4б. Цивилизационный аспект анализа общества. От него —
 5. Отдельные моменты исследования культуры-цивилизации.
- Как только такая процедура (показанная здесь очень приблизительно и грубо) выполнена, сразу становится ясно, что использование одного и того же термина в разных значениях ведет к очень большим неудобствам. А ведь нужно к уровню № 3 добавить еще 3а — цивилизации как отдельные линии развития исторического процесса. В принципе, если приложить усилия, чтобы разграничить уровни и смысловые значения, пользоваться такой системой станет возможно, хотя и весьма неудобно. Однако плодотворность ее для развития теории истории очень и очень сомнительна. Но если к такой проработке не прибегать, данный

подход способен нанести только вред.

§ 3. Цивилизации как пространственно-временные группировки обществ: некоторые характеристики

Некоторые черты цивилизации, а также их соотношение с другими пространственно-временными группировками и подсистемами общества мы уже видели. Теперь необходимо систематизировать и развить сказанное. Настоящий параграф сделан в социсторическом плане, то есть цивилизации здесь рассматриваются в первую очередь как теоретически равноправные феномены, которым необходимо дать развернутую характеристику, выделить их общие черты и показать, как они различаются в вариантах. Это позволяет нам сравнивать цивилизации по структуре и функциям и в то же время помнить об особости каждой из них. Во вторую очередь я показываю ступени развития анализируемого явления от зарождения до зрелости.

Сформулируем несколько вопросов и проблем, которые придется затронуть, правда с разной степенью глубины, в данном параграфе.

1. Какие элементы в структуре цивилизации можно считать наиболее специфическими и, следовательно, в плане идентификации наиболее важными?

2. Каковы главные связи внутри цивилизации, определяющие ее устойчивость? Как эти связи соотносятся с иными?

3. Какие условия необходимы для появления первых цивилизаций, какие требуются для появления более развитых цивилизаций?

4. Что можно сказать о структуре цивилизации?

5. Какие типы цивилизаций можно выделить?

6. Какие и почему цивилизации оказываются более жизнеспособными, какие наиболее склонны к экспансии и распространению?

Процесс исторического развития, в той степени, в какой рассматривается в данном параграфе, описан не в проекции

генеральной и боковых линий развития, а с позиции как бы пучков развития, каждый из которых является в значительной мере или в главном автономным и теоретически равноценным.

Но мы уже не раз говорили, что такой объект, как цивилизации, есть один из мостиков между социологией истории (теоретическое равноправие объектов) и теорией исторического процесса (показ вертикальной линии развития и преемственности в достаточно длительном отрезке времени). И, следовательно, отвечая на вопросы о циклах жизни цивилизаций, о рубеже достижения уровня цивилизации, о появлении элементов, характерных для более зрелых цивилизаций; о том, как соотносится рост объемов и зрелости каждой цивилизации с ростом ойкумены и пр., мы одновременно неизбежно затрагиваем и проблемы теории истории. Поэтому указанные вопросы освещены частично и в следующих параграфах, написанных как раз в плане теории исторического процесса, с акцентом именно на его генеральную линию. Многое же вовсе очерчено лишь бегло или осталось за кадром.

Итак, мы исходим из того, что выделение и анализ цивилизаций — это своеобразный и весьма плодотворный метод описания достаточно естественных и устойчивых группировок обществ во времени и пространстве, которые выделяются именно по культурным и духовным признакам. Но, очерчивая предмет своего исследования, не забудем: указанные объекты базируются на **аграрно-ремесленном производстве** (как вариант, могут модифицироваться торговлей). Присваивающее же хозяйство не соответствует цивилизации уже потому, что неспособно создать нужное для нее количество населения, тем более обеспечить условия для постоянной концентрации больших масс людей в отдельных местах. А индустриальное производство — слишком динамично для цивилизаций. Таким образом, сказанное задает внешние рамки для нашего анализа.

Это же объясняет, почему правомерно говорить о типичных чертах цивилизации вообще, несмотря на бросающиеся в глаза культурно-идеологические их различия. Сами условия социально-духовной жизни и характер периода аграрно-ремесленного

производства рождали существенные сходства между обществами. «Везде земля была основой экономики, жизни, культуры, семейной организации и политики. Везде господствовало простое разделение труда и существовало несколько строго определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, илоты, рабы или крепостные. Везде власть была жестко авторитарной. Везде социальное положение человека определяло его место в жизни. Везде экономика была децентрализованной, так что каждая община производила большую часть того, в чем испытывала нужду»⁴⁰. Если так было и не повсюду, то в большинстве случаев, а поскольку цивилизации состоят из обществ, это общее не могло не отразиться и на их структурно-системных свойствах.

Далее, для вступления в этап, когда образуются цивилизации, нужны определенные стартовые условия и некий уровень развития, что уже само по себе позволяет говорить об определенном соответствии. Кроме того, цивилизации складывались не как украшение жизни, а как ответ на вполне осознанные и достаточно жгучие потребности. Поэтому легко заметить их сходства по функциям. А последнее нередко ведет и к формированию аналогичной структуры. Но даже и представленные как уникальные, цивилизации вполне сравнимы между собой в этом особом ряду, т. е. ряду уникальности⁴¹.

Говоря о том, что базисные условия жизни обществ как бы задают определенные рамки принципиальной схожести цивилизаций по функциям и структурам, нельзя обойти вниманием и обратный процесс влияния более высоких качеств цивилизации на отдельные общества. Вообще же при анализе этих

⁴⁰ Тоффлер Э. Третья волна//США: экономика, политика, идеология. 1982. № 7. С. 85. Подобные сходства отмечают многими специалистами в разных областях общественной науки. Например, исторические демографы утверждают: «Во всех исторических культурах можно видеть циклическую эволюцию: первый этап развития общества сопровождался повышенным ростом населения, второй — упадком общества, регрессом и уменьшением численности населения вследствие войн, эпидемий и т. д., третий — поисками равновесия и более-менее продолжительной стагнацией. Не случайно... все цивилизации, у которых можно наблюдать указанный цикл, основаны на развитии сельского хозяйства» (Павлик З. Проблемы демографической революции//Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 158).

⁴¹ См. об этом Тойнби А. Постижение истории. С. 88. На страницах 87—90 он также указывает основные причины сравнимости цивилизаций.

группировок один из коренных вопросов — **соотношение цивилизаций и обществ, которые их составляют**. Тут следует учесть, что в отличие от государств цивилизации — нечетко структурированные образования, и, следовательно, при определенных условиях для того или иного общества главными будут именно цивилизационные основы, а при иных — государственные, этнические и прочие.

Поэтому при переносе характеристик цивилизаций на отдельные социальные организмы надо учитывать массу вещей: пограничные влияния на стыке цивилизаций, неоднородность последних и наличие в них разных вариантов, которые олицетворяются в тех или иных социумах; какое место занимает исследуемый социальный организм в системе цивилизации (центральное или периферийное); состояние общества в данный момент, влияние на него факторов, которые могут быть гораздо важнее цивилизационных, и многое другое. Словом, тут общая методологическая ситуация целого-частей, из которой вытекают специфические трудности: спорность выделения группировок, особенно отнесения к ним пограничных и подвергшихся противоположным влияниям обществ; неоднородная реакция частей на изменение целого и наоборот; проблемы отделения качеств, присущих лишь системе в целом, от свойств составных ей элементов и т. п.

Возможность обнаружения сходств у локальных цивилизаций опровергает идею о том, что «наука не обладает методологическим инструментарием, позволяющим выделять сущностные, определяющие параметры цивилизационных комплексов. В лучшем случае, мы умеем описывать конкретные цивилизации, но не знаем, в чем состоят их системообразующие основания»⁴². Это неверно. Конечно, как и любые группировки, они имеют флуктуации, т. е. могут расширяться и сужаться, централизоваться и распадаться, их развитие может быть медленным или взрывным и т. д. Но, несомненно, что мы в состоянии в очерченный нами период и по описанным признакам их идентифицировать и найти

⁴² Дилигенский Г. Г. Ук. Соч. С. 31. 43 Тойнби А. Ук. Соч. С. 77.

для этого нужны параметры. Например, Тойнби достаточно четко заявляет: «Вселенская церковь является основным признаком, позволяющим предварительно классифицировать общества одного типа»⁴³. Но, кроме этого, он также выделяет такие «системообразующие основания», как «творческое меньшинство», «внутренний и внешний пролетариат», «универсальное государство» и другие, а также систему движущих сил: «вызов-и-ответ», «уход-и-возврат» и т. д. Есть у него и категории, с помощью которых можно устанавливать преемственность цепи цивилизаций во времени. Разумеется, система понятий может быть в чем-то оспорена, основания изменены, но ее наличие само по себе доказывает существование необходимого научного инструментария и возможность его совершенствования.

Собственно, тот анализ, который провел Тойнби, есть уже отправной пункт для любых рассуждений о цивилизациях, ибо — при налете мистики и таинственности — в его основе лежит не только научный, но и весьма эффективный (если его правильно локализовать) метод. Особо стоит отметить еще раз, что он определяет цивилизации именно как совокупность обществ (общество в широком смысле слова в его терминологии, в противовес узкому — одной стране, нации)⁴⁴. Далее он показывает, что главное в такой совокупности именно культурная и особенно религиозная близость, вопрос об «отношении между людьми и богом», как выражаются иные авторы⁴⁵. Тойнби также показывает ветви эволюции и в этом плане преемственность, родство («сестринские цивилизации»), а частично и взаимодействие цивилизаций. Как он пишет, максимальное число сменяющихся поколений в любом случае не превышало трех; и в каждом случае суммарный срок их жизни не достигал шести тысяч лет, ибо последний этап каждой из цепей цивилизаций —

⁴³ Тойнби А. Ук. Соч. С. 77.

⁴⁴ Он, в частности, говорил: «Одним из кардинальных положений моей теории была мысль о том, что наименьшей ячейкой умопостигаемого поля исторического исследования должно служить целое общество, а не случайные изолированные фрагменты его, вроде национальных государств современного Запада или городов-государств греко-римского периода» (Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995. С. 24).

⁴⁵ The Origins of Civilization. N. Y., L., Toronto, 1968. P. V.

цивилизация, ныне существующая»⁴⁶. По его мнению, после трех поколений наступает уже видовое отличие цивилизаций⁴⁷.

Вновь напомним, что авторская теория в известной мере опирается именно на эту традицию: представлять цивилизации как некое единство определенной группы обществ и соответственно отмечать рубеж, когда первые такие общества достигли того порога, с которого их можно признавать именно цивилизациями. Но, разумеется, нельзя не отметить и принципиальные недостатки концепции Тойнби:

1. Его система исторического процесса выглядит предельной, а единство человечества если и находит в нем место, то неадекватное. Следовательно, отсутствуют нужные контекст, перспектива, фон, и в результате возникают перекосы. Он стремится объяснять цивилизации в первую очередь из самих себя, а значит, в анализ вводятся различного рода таинственные и непознаваемые вещи.

2. Цивилизации не поставлены в общий ряд с иными группировками, и отсюда также перекосы и стремление представить эти образования как наиболее естественные и главные в историческом процессе.

3. Отказ от поиска генеральной линии исторического процесса, причем отказ принципиальный, что лишает систему многого.

4. Объективизм, стремление представить цивилизации прежде всего как естественные и онтологические сущности, забывая, что во многом, а в ряде ситуаций и в основном, это логические конструкции.

Попробуем дать определение цивилизации. Это особый тип пространственно-временных группировок обществ на определенных стадиях исторического развития человечества⁴⁸, которые выделяются прежде всего по культурно-идеологическим признакам и характеризуются значительной устойчивостью и длительностью существования.

⁴⁶ Тойнби А. Постигание истории. С. 86.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Аргументация идеи о том, что цивилизации при переходе к индустриализму заменяются иного типа культурными группировками, в следующих параграфах.

Цивилизации имеют большие особенности в духовном и культурном плане, в них складываются неповторимые и устойчивые черты образа жизни, мышления, стереотипы и образцы для подражания.

Сделаем некоторые пояснения к вышеприведенному определению. Во-первых, относительно системности и «организованности» цивилизаций как пространственно-временных группировок. В этом отношении (как, впрочем, и в других) различия очень велики. Встречаются цивилизации, явно имеющие единый центр (или, по крайней мере, претендующие на это), а есть децентрализованные (вроде греческой до македонского завоевания). Центром может быть религиозный лидер (римский папа, тибетский далай-лама) или столица ведущего в цивилизации государства. Таким образом, высокая степень организованности цивилизаций вполне возможна, особенно при достаточно долгой их жизни. Они могут стремиться к тому, что Тойнби называл «универсальным государством». Однако это вовсе не неизбежно. Иначе говоря, такие прочные и упорядоченные формы объединения могут быть очень важными для любой отдельной цивилизации или определенного периода ее жизни, но в качестве общей социсторической характеристики это необязательно. Тем более что период сплочения часто сменялся эпохой децентрализации.

Во-вторых, рождение цивилизаций не было изолированным процессом. Когда в результате аграрной революции на определенном историческом рубеже увеличилось население и изменились формы его организации, а также выросли масштабы и плотность обществ, стали возникать, помимо цивилизации, иные формы новых пространственно-временных группировок, в том числе крупные государства и крупные этносы. С одной стороны, эти процессы этногенеза, политогенеза и цивилизогенеза поддерживают и подпирают друг друга, и каждый из них либо был бы невозможен, либо остановился бы на ранней стадии без остальных. С другой — указанные формы не только сопрягаются, но нередко как бы соперничают и конкурируют друг с другом, оспаривая первенство.

Но далеко не во всех местах складывание государств и этносов

имело параллельным процессом формирование и цивилизации. Вероятно, в ряде случаев такая форма культурно-идеологического единства просто не могла появиться, и поэтому такие государства заимствуют уже готовые цивилизационные моменты и включаются в орбиту существующих культурных ареалов. А по мере все большего развития устоявшихся и развившихся религиозных и культурных систем народам, выходящим на историческую арену, создать новую и достаточно конкурентную идеологию становилось все труднее. Последняя такая вспышка была связана с исламом. Но и там успех опирался на древнюю культуру арабов и их близость к иудаизму и христианству.

В-третьих, несомненно, что «цивилизация — это нечто большее, чем просто сумма составляющих ее частей... можно подробно обрисовать население, армию, технику, экономику, политику, искусства, можно описать города и веси, классы и сословия, нравы и мораль, и все равно останется нечто неуловимое...»⁴⁹. Отсюда следует, что цивилизации не просто сумма элементов, но среди этих последних желательно найти такие, которые будут считаться **относительно главными и составляющими специфику таких группировок**. Разумеется, цивилизации не сводимы только к ним, но, чтобы понять феномен цивилизации вообще, именно на них следует обращать особое внимание. Однако выводы, связанные с исследованием отдельных цивилизаций и определенных их периодов, только соотносятся с общими соображениями, но прямо из них не вытекают. Найти «нечто неуловимое» можно лишь скрупулезным и конкретным анализом.

В-четвертых, из определения прямо не выводится ответ на такие вопросы: Как отличить цивилизации от доцивилизированных образований? Как определить, цивилизация перед нами или другая культурная группировка? Как разделить цивилизации между собой? Как отделить цивилизации от их части? Принцип такого разграничения аналогичен тому, как это делалось в параграфе об этносах. Здесь нужны последовательность операций и соблюдение

⁴⁹ Лернер М. Ук. соч. С. 11.

уровней. Однако общие исходные положения, определяющие важнейшие характеристики цивилизаций, так или иначе, но прослеживаются в любой из подобных операций.

В-пятых, нельзя путать черты, характеризующие цивилизации как зрелые явления, и причины, необходимые для их возникновения. Как и многое другое, переход к ним был синкретическим и комплексным процессом. Поэтому условия для рождения цивилизаций не есть часто именно главное и специфичное в них. Последние для цивилизаций (так же, впрочем, как и для государства, этноса и т. п.) становятся понятными (ясно различимыми) лишь в зрелости, когда их наиболее характерные черты обретают определенную автономию от остальных. Для цивилизации это период мировых религий. Здесь цивилизационность явно отделяется от государственности, ибо цивилизация не связывается конкретно с каким-то государством; а процессы их распада или интеграции в основном не влияют прямо на ее характер.

На ранних же стадиях синкретичность крайне затрудняет анализ. Ибо при такой тесной связи чертами цивилизации становятся и характер государственного строя, и антропологические или языковые особенности населения и т. п. Цивилизации так же, как государства и этносы, надстраиваются над прежними формами и связями (родовыми, племенными, протополитическими, примитивно-религиозными и т. п.) и преобразуют их. Но теоретически вполне возможно вычленять то, что делает этносы, государства или цивилизации качественно новым явлением, новой ступенью развития.

Теперь подумаем над тем, что же это за элемент, который позволяет говорить о цивилизациях как о социсторическом явлении определенных периодов и находить общее в них. Отличительными чертами каждой конкретной цивилизации (особенно ранних их форм) могут быть и не культурно-идеологические характеристики: государственный строй; неповторимая природа (например единственная река-кормилица, вроде Нила), накладывающая отпечаток на весь уклад жизни; этнические признаки, особенно язык.

Но все это и другое, без чего ту или иную цивилизацию бывает невозможно представить, нельзя полагать главными характеристиками в рамках поставленных здесь задач. Почему? Во-первых, нам необходимо определить такие свойства, которые, хотя и в разной степени, но можно обнаружить во всех цивилизациях. А вышеуказанные черты: неразрывная связь с одним определенным государством, особенности географической среды, того или иного языка — не являются универсальными. Скажем, такую цивилизацию, как христианская, составляли самые разные страны и народы. И даже если полагать, что единым в ней был язык богослужения — латинский, то ведь с переводом священных книг на национальные языки и переходом церковной службы на них же христианство не исчезло. Во-вторых, в единой реальности этносов, государств, обществ и цивилизаций мы должны вычленить лишь определенный пласт. Ведь чтобы увидеть сходство таких более или менее очерченных группировок в большом объеме пространства и времени, необходимо выделить наиболее специфические и характерные их черты. Между тем и политические, и этнические особенности, подстраивание под природу и другое существовало до цивилизаций и параллельно им. В-третьих, этот элемент должен присутствовать в любых фазах жизни цивилизации. Однако будет прослеживаться достаточно ясная связь между расцветом, зрелостью, надломом и упадком (гибелью) цивилизации в целом и развитием данного элемента. В-четвертых, по мере перехода цивилизаций как пространственно-временных группировок в целом от более ранних к более зрелым формам заметность и значимость такого элемента, очевидно, должны возрастать.

Тойнби полагал, что таким элементом может быть религия. Подобной точки зрения придерживались и продолжают держаться и другие исследователи. И во многих, даже в большинстве случаев это правильно. Однако не во всех. В рамках же наших задач очень желательно под какое-то понятие подвести все случаи. Тогда удастся найти некие глубинные общие свойства. Иначе приходится часть явлений оставлять в стороне либо подгонять их под более

узкое понятие⁵⁰. Например, мы должны будем настаивать, что конфуцианство есть религия (ибо религия другого типа в Китае определяющей роли не играла). Вряд ли также будет правильным утверждать, что именно религия составила сущность античных цивилизаций. Она, бесспорно, занимала значительное место в духовной жизни. Но все же перед нами, скорее, формы ранних гражданских идеологий, связанных с культом государства, а также интересом к историографии и своего рода политологии. В Греции и Риме она имеет большие особенности. В первом случае наблюдается особая и тесная связь с искусством⁵¹, философией, в Риме — с правом и административной практикой.

Есть также сомнения и относительно ряда иных случаев, особенно для ранних цивилизаций. Так, не найдены какие-то заметные черты развитых религиозных культов в такой загадочной цивилизации, как хараппская. Еще одним подтверждением вышеприведенной мысли могут служить, например, такие утверждения: «Характерной чертой индо-буддийской культурной традиции является то, что **лежащие в ее основе религии — индуизм, буддизм и даосизм — не являются религиями в собственном смысле этого слова:** они представляют собой сложнейший религиозно-философский, мировоззренческий комплекс, который не только выполняет религиозные функции, но и является менталитетом, образом мышления индо-буддийского Востока. Если, например, христианство или ислам оказали и продолжают оказывать непосредственное влияние на миропонимание исповедующих их народов, определяют характер их космологических и космогонических представлений, но в то же время все-таки не тождественны последним, то в рамках индо-буддийской традиции такое «влияние» проследить почти

⁵⁰ Принципиально похожая ситуация анализировалась с терминами «собственность» и «распределительные отношения».

⁵¹ Один только факт подтверждает сказанное. В греческих городах всегда, начиная с классических времен, были статуи. В период же эллинизма «города украшались огромным, поражающим воображение количеством произведений искусства. Когда Филипп V взял Терм, центр Этолийского союза (но весьма скромный город), Полибий насчитал в нем 2000 статуй! Как и в предыдущие эпохи, грек не представлял себе архитектурных сооружений без скульптурного убранства» (Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С. 130).

невозможно: **понятие религии, по сути дела, тождественно здесь понятиям философии, мировоззрения, менталитета**⁵². Вряд ли все же правомерно считать, что указанные религии «не являются религиями в собственном смысле слова», ибо понятие религии отнюдь не просто и ясно, а, напротив, есть камень преткновения для специалистов, несмотря на то, что эти феномены изучаются очень давно. Тем не менее многое в цитате и верно⁵³.

Таким образом, думается, что целесообразнее не подгонять центральный в социсторическом плане элемент всех цивилизаций под религию, а попытаться найти более широкое обобщение, которое позволит все эти особенности построить в определенную систему. И если вспомнить, что одна из важнейших функций религии — идеологическая (это нагляднее видно в развитых, собственно цивилизационных религиях), то такой элемент можно обозначить как идеологию. Конечно, она не везде выступает достаточно четко и обособленно и может быть как бы растворенной в общественном сознании. Но так или иначе ее все же возможно вычлениить. И тогда становится видно, как сильно она структурирует всю духовную жизнь и создает стереотипы поведения. Идеология может быть связана с религией, или с государством, или быть принадлежностью, выражаясь сегодняшним языком, гражданского общества, либо — чаще — является синкретичной.

Но прежде чем идти дальше, необходимо остановиться на самом термине. Конечно, это слово имеет определенный смысловой отпечаток: за ним видится государственная пропаганда, подавление инакомыслия, или представляется строго

⁵² Галаганова Г. С. Индо-буддийская культурная традиция//Запад и Восток. Традиции и современность. М, 1993. С. 142—143. (Выделено мной. — Л.Г.)

⁵³ Необычность индийской религии отмечают многие. В книге М. Ф. Альбедиль удачно подобраны соответствующие высказывания. Так, И. В. Гете был возмущен этим учением и определил его как «ни на что не годное», а сонмы индийских богов, по его мнению, «поощряют бессмысленные страсти и благоволят безумным порывам, словно высшей степени святости и блаженства» (Альбедиль М. Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. М., 1991. С. 133—134). А Г. Гессе подчеркивал: «Западному человеку, занимающемуся Индией, больше всего хлопот и затруднений доставляет то обстоятельство, что бог для индийцев может быть одновременно трансцендентным и имманентным, но в этом сама суть индийской религии» (Там же. С. 137).

упорядоченная система идей и подчиненных им знаний. Однако это более характерно для близких к нам эпох⁵⁴.

Понятию идеологии дано столько определений, часто совершенно противоположных, что использовать его становится затруднительным. Стоит, однако, заметить, что главный интерес исследователей был связан с современными идеологиями, особенно крайними и агрессивными. Между тем появление такого пласта сознания, как идеологический, из отдельных зерен примитивной первобытной философии и космологии было очень важным событием и рубежом в развитии человеческой мысли. Он, правда, не имеет четкой границы, поэтому первые цивилизации в отношении идеологии еще достаточно просты, выделить ее удастся порой только ретроспективно. Более заметной она становится с появлением философии и развитых религий.

Следовательно, при всех несоответствиях прежних представлений реалиям, при всей их примитивности для современного наблюдателя формирование идеологии было очень прогрессивным и продуктивным явлением, ибо она структурировала знания и представления, создавала такой каркас духовной жизни, к которому, фигурально говоря, привешивались остальные формы общественного сознания. Поэтому-то при всей наивности многих верований классические цивилизации до сих пор продолжают излучать определенную творческую субстанцию, привлекать нас неповторимым ароматом свежести и молодости.

В XIX веке в связи с усилением социальной и идейной борьбы в Европе светские социально-политические идеологии начинают заменять идеологии религиозного толка.

С развитием же общественной науки, с проникновением в тайны воздействия на психику, с разоблачением надежд на открытие вечных истин, с пониманием того, что на взгляды идеологов влияют многие причины, в том числе и их классово-

⁵⁴ Хотя такие формы идеологии были и в древности (и в средние века), они отнюдь не являлись правилом. Это связано лишь с отдельными (чаще монотеистическими религиями). Но и в них имелись разные Школы и толкования. И лишь в отдельные периоды или в отдельных странах ортодоксия становилась непримиримой.

партийная позиция, с институционализацией социальной борьбы и многим другим она, естественно, стала получать новые, чаще негативные оценки как жесткого мировоззрения, как орудия пропаганды в руках определенных лидеров или власть имущих слоев. Неудивительно, что многие, подобно Ж. Эллюлю, определяли ее как низведенную до уровня чувств и ощущений упрощенную политическую доктрину или глобальную концепцию мира.

И действительно, отказ от плюрализма, стремление законсервировать мысль в условиях быстро меняющегося мира, постоянное промывание мозгов с помощью пропаганды не могло уже быть прогрессивным явлением. Тем более, что происходило дробление идеологии в тех обществах, которые не допускали ортодоксии. Она начинала обслуживать самые разные группы, порой выполняя роль религий атеистического толка.

Каково будущее идеологий? Возможно, что мы еще увидим новые их формы, поскольку потребность в концептуально оформленном мировоззрении, включающем в себя представления и о мире, и о социальных явлениях, и моральные императивы вкупе с целеполаганием жизненных установок, коренится как в психике социального человека, так и в базовых потребностях общества, тем более в условиях ограниченных ресурсов.

Таким образом, идеология не есть чисто цивилизационное явление. Но с цивилизациями связан первый этап ее развития, когда она еще явно не отделилась от других уровней общественного сознания⁵⁵.

То, что религия переходит в другие формы мироосмысления, философия смыкается с религией или заменяет ее; искусство становится своеобразным культом или религия принимает вид

⁵⁵ Идеология прошлого также не связана лишь с цивилизациями, но может быть присуща определенному государству в рамках цивилизации или какому-то слою, группе. Я не ставлю задачу проследить связь цивилизационной идеологии и идеологии отдельных государств или социальных слоев. Но хотя тут нет прямой зависимости, все же обычно определенные соответствия имеются. Например, в Греции идеология в существенной мере выражалась через литературу и искусство. И легко увидеть, что и государственная идеология, и позиции разных групп часто облакаются именно в такие формы. Даже в Спарте песни Тиртея выполняли идеологические функции.

эстетических действий; то, что научные знания становятся религиозно-идеологическим объектом, и, напротив, религия возвышается до глубоких научных открытий; то, что сама религия может делать упор в одних случаях на попытки магическим образом повлиять на действительность, а в других полностью отказывает людям в возможности изменить ход событий; то, что политическая и сакральная часть жизни удивительным образом переплетаются; то, что в некоторых системах все формы сознания образуют иногда непонятный симбиоз, который невозможно толковать однозначно (религия перед нами, философия, идеология или образ жизни) — это и многое другое из того же ряда показывает родство разных форм сознания, достигших определенной зрелости, в плане их объясняющих, мировоззренческих, систематизирующих, определяющих образ жизни и мировосприятия функций. Поэтому-то их правильнее обобщить более емким понятием. Я бы даже полагал, что лучше найти иной, более высокий и абстрактный термин для такого обобщения, чем идеология. Но пока он мне неизвестен.

Таким образом, я вкладываю в понятие «идеология» весьма широкий смысл и толкую ее как предельную концептуальную конструкцию и постулаты мировоззрения, выход за рамки которых неизбежно ведет к разрушению основных принципов и исходных посылок. И я хотел бы, чтобы в данном контексте и читатель трактовал это понятие возможно шире, как некие принципы объяснения мира, основы взаимопонимания конкурирующих систем (там, где существовал плюрализм), общие мировоззренческие, гносеологические и этические послышки. И выход за это поле (иногда достаточно широкое и нечетко обозначенное) ведет уже к разрушению указанных посылок и принципов или переходу к новой идеологии. Толкование идеологии как достаточно широкого поля, объясняющего жизнь и упорядочивающего знания и познание, будет верно и для тех случаев, когда перед нами ортодоксальные религии. Например, в христианстве существовали, помимо соперничающих, но освященных традицией линий (православие, католичество), также и масса боковых, объявленных еретическими (аринство,

нестерианство, монофизинство и т. п.) и еще большое число чистых ересей, которые, однако, мы не можем просто выбросить за борт христианской цивилизации.

Это необходимо учитывать, когда встанет вопрос о том, как отличать одну цивилизацию от другой, а цивилизацию в целом — от субцивилизации. Конечно, на протяжении жизни цивилизации ее идеология не только развивается, но и разветвляется (доктрины соперничают внутри нее самой), отказывается от одних постулатов, возвеличивает другие, иногда меняется весьма радикально.

И все же обычно мы ее можем узнать или выработаны методики такой идентификации.

Различия в идеологии позволяют порой увидеть и понять важные, даже сущностные особенности цивилизаций. В этой связи можно привести цитату, в которой сравниваются именно в мировоззренческом аспекте две во многом похожие великие древние цивилизации: египетская и месопотамская. «Соответственно судьбы Фараона и Гильгамеша символизируют главное различие между двумя речными цивилизациями. Египтяне были вполне уверены в своих возможностях с помощью магии влиять на сверхъестественное; жителей Междуречья никогда не покидало глубокое беспокойство за их отношения с богами. В свете этого различия многие контрасты между двумя литературными традициями и двумя стилями цивилизации становятся более понятными»⁵⁶.

Итак, об идеологии в настоящем исследовании говорится в широком плане, как о комплексе определенных мировоззренческих (часто переведенных в дидактическую форму) представлений, составляющих достаточно развитую систему и имеющих (прямо или косвенно) огромное влияние на духовную и обычную жизнь.

⁵⁶ The Origins of Civilization. P. VI.

О практицизме египтян другой автор пишет: «Египтяне были по преимуществу практичным народом: все, что они создали — математическую систему, инженерные сооружения и даже искусство — имело утилитарное назначение» (Котрелл Л. Во времена фараонов. М., 1982. С. 31).

Идеология — это некий комплекс более теоретического или канонизированного обобщения знаний, верований, представлений и обычаев. Следовательно, она в научном смысле категория абстрактная. В каждом случае и на разных этапах идеология цивилизации может принимать разный вид. Иногда одна форма сознания явно доминирует, иногда создается неразрывный симбиоз, иной раз видно, как разные формы или учения соперничают за гегемонию; встречается и сугубый плюрализм. Где-то идеологический слой совершенно отчетлив, где-то его можно лишь реконструировать. Таким образом, было бы точнее говорить о мировоззренческом (идеологическом) комплексе цивилизации, который не сводим ни к одной форме (слою) общественного сознания цивилизации, хотя во многих случаях и правомерно выделять главные моменты этого комплекса. Но, чтобы не усложнять изложение, оставим термин «идеология» без изменений.

Однако далее необходимо будет сделать еще целый ряд пояснений к приведенному выше тезису об идеологии как элементе, через который удобнее и точнее всего показать явление цивилизации как пространственно-временной группировки обществ. Цивилизационные связи включают в себя и культурные, и этнические, и другие, но без связей на основе идеологии они теряют свою специфику. Это можно объяснить и тем, что культурный пласт цивилизации вырастает при переходе культуры в новую стадию.

Таким образом, понятие «идеология» в принципе требует очень объемного исследования, может быть, не меньшего, чем сам термин «цивилизация». Но в данной работе это и невозможно, и в принципе не слишком необходимо. Поэтому достаточно будет исходить из вышеприведенных определений, учитывая, что цивилизационные идеологии есть ранние ее формы, менее зрелые и четкие, чем идеологии нового времени. Конечно, в древности и в средние века мы можем найти нечто, напоминающее и национализм, и классовые, и государственные идеологии. Но они встречались реже, чем религиозные. Опять же все эти нерелигиозные идеологии древности были так или иначе связаны

с религиями или имели тенденцию к превращению в нее (например, в Китае стал обожествляться и сам Конфуций). Кроме того, они исходили из более широких (хотя и не столь четких) основ, чем обычная национальная или групповая идеология. Нигде классовая теория не могла принять столь глобальный характер, каковой она была, скажем, в социалистических учениях.

Выделение в качестве общего специфического элемента цивилизации именно идеологии, а не религии оправдано еще и тем, что религии присущи и нецивилизированным обществам. Поэтому границу между ними и цивилизациями окажется провести и вовсе сложно. Идеологический рубеж все-таки просматривается яснее. Разумеется, зачатки идеологии были еще и в первобытном обществе, но как система «теоретических» и упорядоченных представлений, надстроенных над всей духовной жизнью, она, безусловно, более позднее явление. Как известно, культура и особенно искусство как ее важнейшая часть сопровождают человечество с очень давних пор, и у многих народов, которых мы не относим к цивилизованным, достигают высокого уровня. Но **цивилизация как качественно более высокая ступень культуры есть культура, структурированная идеологией**, в результате чего взаимное развитие того и другого становится обоюдным и взаимоподпитывающим друг друга⁵⁷. Таким образом, там, где мы говорим о цивилизации, можно говорить и об идеологии в указанном выше плане. Но стоит отметить, что в ранних цивилизациях идеологический слой гораздо менее четко выражен и обособлен по сравнению с цивилизациями более позднего времени, и **чем более развиты цивилизации, тем яснее просматривается идеология и заметнее ее структурирующая роль**. Это вполне понятно, так как наиболее специфические черты явления обнаруживаются именно в зрелом его состоянии. Однако значение идеологии, ее форма сильно различаются и в пределах цивилизаций одного уровня развития.

⁵⁷ Можно, кстати, отметить, что современное искусство и культура также мало связаны с идеологией и поэтому представляют иной этап культурного развития (другое дело, как его оценить: как более высокую ступень или как упадок, закат искусства вообще, или как какой-то промежуточный переходный этап).

Идеология есть особый элемент общественного сознания, назначение которого состоит в выработке концепций, теорий, принципов объяснения всей совокупности жизни, в том числе ее исходных начал и законов, а также идеалов и моральных императивов. Другими словами, по мере развития обществ, накопления знаний и интеллектуальной способности возникает потребность в систематизации и структуризации знаний, в том, чтобы жить в осмысленном, упорядоченном, объясняемом мире, чтобы создать гармонию между существованием и средой, между реальностью и мышлением.

Мировоззрение имеется уже у примитивных народов. Идеология есть более высокая форма мировоззрения. Ее зачатки присутствуют уже в ранних мифах. Более развитую форму она принимает в мифах более поздних, на которые могут опираться первые цивилизации. Эта очень ранняя и примитивная форма идеологии постепенно канонизируется, обрастает толкованиями, комментариями. Идеологии растут и совершенствуются, превращаясь в философии, теологии, азы науки.

Соответственно и формируется слой общественного сознания, способный подняться вплоть до высших трансцендентальных и интеллигибельных моментов философии и теологии. С этой духовной «крыши» цивилизации и объединяют общества (помимо прочих связей). А по мере развития и с течением времени происходит как бы диффузия идеологии в нижние слои общественных сознания и психологии. Особенно если идет целенаправленная пропаганда.

Таким образом, в паре с идеологией, но находясь в подчиненном положении, цивилизацию цементирует и массовая (либо сословно-кастовая или их симбиоз) психология. С одной стороны, идеология частично сама опирается на психологию (редуцируется к ней при любой варваризации либо экспансии на отсталые территории), инкорпорируя или систематизируя часть ее моментов. С другой — тезисы идеологии (хотя и искаженно) проникают в психологию. При этом иногда психология за долгий срок заметно подтягивается к идеологии, а иногда, наоборот, происходит синтез за счет того, что новая идеология понижает свой

уровень и, оставаясь формально преемницей старой, фактически сильно отличается от нее.

С другой стороны, иногда дух объяснения выходит за идеологические рамки, стремится стать более научным. Но это или ненадолго, или имеет ограниченный круг применения. Всегда в каких-то достаточно сложных и неоднородных явлениях имеются как более низкие, так и (реже) более высокие формы. Последние могут иногда послужить мостиком в будущее, и на них обычно обращено особое внимание исследователей.

Таким образом, цивилизации вырастают вместе с идеологиями и меняются вместе с ними, и это одна из причин того, чтобы утверждать: идеологии являются наиболее специфичной частью той группировки, что мы называем цивилизацией. Но хотелось бы особо подчеркнуть, что я не пытаюсь свести сущность цивилизации к идеологии. Да и целое невозможно свести к его части. Но именно идеология, как абстрактный элемент, показывающий определенные черты всех цивилизаций, во многом дает ключ к пониманию особенностей цивилизации как феномена и соответственно исходный пункт для поиска методик отличия их от других феноменов и между собой.

Как мы видели, идеология является системой, которая может выражаться не только в ортодоксальном учении, но и в некоем общем интеллектуальном слое, культурном поле, ряде исходных интеллектуальных принципов или тех духовных артефактов, которые они принимают или, напротив, отрицают. Этим определяется направление мысли и духовных интересов, проблематики, к которой обращаются в течение веков, методы мышления и критики.

Сказанное характерно для тех цивилизаций, в которых большую роль играла философия или же была значительная веротерпимость. В Китае издавна имелся лозунг: «Пусть расцветает сто цветов, пусть соперничают сто школ». В Индии первичное деление философских школ связано с их отношением к авторитету вед, соответственно: ортодоксальные (астика) и неортодоксальные (настика). А их общность видна уже из того, что каждая из школ считала необходимым изложить точку зрения своих

оппонентов и опровергнуть ее. «Если мы откроем обширные труды ведантистов, то найдем там тщательное и продуманное рассмотрение взглядов всех других систем: чарвака, буддийской, джайнской, санкхья, йога, миманса, ньяя и вайшешика; равным образом в трудах буддийских или джайнских философов рассматриваются взгляды других философских систем»⁵⁸. В Греции целый ряд проблем на протяжении веков оставался в центре философской проблематики, в том числе и место богов в космогонической системе. Кроме того, такие понятия, как Логос, Космос и прочие, использовались практически всеми школами.

По форме выражения можно выделить следующие типы идеологии. Правда, чистых типов не было и не могло быть. В некоторых случаях доминирование одной формы очевидно, в других оно гораздо менее четко.

1. Религиозно-культовый. Характерен для цивилизаций с политеистическими религиями, где философско-теоретическая мысль была слаба.

2. Религиозно-теологический. Характерен для цивилизаций с мировыми и монотеистическими религиями. Как вариант можно отметить религиозно-философский, характерный, например, для индуизма.

3. Религиозно-политический. Характерен для цивилизаций, объединяющих общества немонархического (демократического, олигархического, аристократического) типа. Здесь религия может играть большую или меньшую роль, значение же идей, связанных с государством и его благом, долгом перед ним, служением ему, иногда становилось ведущим. Местами этот тип становится просто политическим или политико-философским, политико-правовым, политико-эстетическим и т. д. Тогда формами прославления общественного (государственного) блага могли служить искусство и литература, или на передний план выступают право, философия.

Таковыми цивилизациями были не только греческая и римская, но и финикийская в ее карфагенском варианте. Судя по тем

⁵⁸ Чаттерджи С., Датта Д. Индийская философия. М., 1994. С. 18.

фрагментарным останкам, что дошли до нас, от карфагенской культуры, так существовала литература на различные гражданские темы (историография и, возможно, политические трактаты; исследования в области хозяйства, в том числе знаменитый агрономический трактат Магона). Литературные памятники хранились в библиотеках⁵⁹. Помимо того, в Карфагене имелся определенный культ служения государству. До нас дошли упоминания о легендах, сходных с римскими, например, о подвиге братьев Филенов, которые дали зарыть себя живыми, чтобы добиться благоприятной для Карфагена границы с Киреной⁶⁰. Впрочем, и знаменитая ганнибалова клятва говорит о том, что служение государству рассматривалось как высокий долг.

4. Государственно-этический, характерный для конфуцианства.

Стоит сказать немного о философии. В рамках обозначенного нами периода она становится особой и в определенной мере высшей формой идеологии, тем более если надстраивается над развитой религией, превращаясь в теологию и теософию.

Философия некоторых народов или периодов достигала необычайных вершин и являла удивительные для столь давнего времени способы систематизации мира и жизни. Но и у нее существовал определенный потолок. Дело в том, что философия и наука — сообщающиеся сосуды. Там, где появлялась философия, была в какой-то мере и наука. Но в данном случае чаще всего именно философия была главной, а наука — второстепенной. Последняя должна была обслуживать определенные идеи и концепции, обеспечивая их доказательствами, которые нередко были весьма казуистичными, стремились не столько к истине, сколько к внешней логичности.

Неудивительно, что, достигнув совершенства, некоторые философские системы могли служить долгими веками или даже тысячелетиями. Выше них подняться было очень трудно, потому что не было достаточного количества научных фактов, особенно

⁵⁹ См.: Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М. 1987. С. 196.

⁶⁰ См.: там же. С. 201.

научных методов, которые будили бы мозг мыслителей, требовали бы от них объяснения. Ибо философия, по крайней мере философия той эпохи, согласно определению одного автора, обладала предметом, который «по преимуществу априорен»⁶¹, т. е. доопытен, а знания представляются как «суждения, резко отличные от всех остальных: а именно, сущностно необходимые, в высшей степени интеллигибельные и абсолютно достоверные»⁶².

Даже в Греции философия не могла длительное время находиться вне рамок какой-то идеалистической системы. Для того чтобы объяснить мир из него самого, научных фактов было совершенно недостаточно. Поэтому самые удивительные проникновения мысли повисали в воздухе при столкновении их с реалиями. Такова была судьба атомистического учения ДемокритаЭпикура, которое не могло удовлетворительно объяснить постоянство форм или предположения о том, что Земля вращается вокруг Солнца. Ведь представления о силе гравитации еще не было, отсюда сложность опровержения нелепых для нас аргументов (вроде того, что облака и прочее отстали бы от Земли при ее движении). Следовательно, наиболее логичным было обращение к неким вечным идеальным силам, вроде платоновских Идей, аристотелевского Перводвигателя, наконец Абсолюта. Именно в этом моменте и сошлись мистическое христианство и рациональный эллинизм. Мы также видим и постепенный сдвиг интересов эллинской философии от космологии (хотя она всегда была в кругу важнейших тем): софисты усомнились в возможностях человеческого разума, Сократ и Платон все более сосредоточивались на этических проблемах; школы эллинистической философии (эпикурейцы, стоики, скептики и другие) «были прежде всего нацелены на этические увещевания относительно того, к каким философским укрытиям следует прибегать, чтобы пережить беспокойные, смутные времена»⁶³. А далее через Плотина и его последователей круг замыкается, возвращая философию в лоно религии и теологии. В контексте

⁶¹ Гильдебранд Д. Что такое философия? СПб., 1997. С. 95

⁶² Там же. С. 127.

⁶³ Тарнас Р. Ук. соч. С. 67.

же религиозной философии наука и вовсе не могла вырваться за определенные рамки. Ведь «теологически-телеологический способ рассмотрения природы есть единственно соответствующий этой точке зрения; но именно этот способ рассмотрения и не объективный, и не физический, и не проникает в саму природу»⁶⁴.

В некоторых обществах философия умудрялась заменять религии в ряде функций, например создания сект. В Индии, «как только появлялась новая система мысли, группа ее сторонников воспринимала ее как философию жизни и создавала школу этой философии. Они жили ею и передавали ее поколениям своих приверженцев, которые следовали их образу жизни и мыслей. Таким образом, благодаря непрерывной цепи сменяющихся приверженцев различные системы индийской философии могли существовать в течение столетий»⁶⁵.

По степени развития идеологии можно разделить на три группы:

1. Идеология крепко связана с местными особенностями, народами и ситуациями (такowymi были древнейшие цивилизации Египта, Междуречья, а также Южной Центральноамериканские). Эти идеологии были привязаны к конкретному этносу и государству. Они в то же время представляли собой хотя и не очень развитые, но как бы законченные системы, и из них самих более высокая идеология создаться не могла. У этих цивилизаций заимствовались отдельные пласты знаний или технических приемов их передачи (письменность и т. п.), но не сама идеология.

2. Идеологии, которые можно перенимать частично и на базе которых можно было создать более высокую. Такими были иудейская, греческая и римская, персидская (зороастрийская)⁶⁶. Христиане у первой частично заимствовали религиозную систему и даже священные книги, у греков — философию и систему наук,

⁶⁴ Фейербах Л. История философии. Собрание произведений. В 3 томах. Т. I. М., 1974. С. 68.

⁶⁵ Чаттерджи с., Датта Д. Ук. соч. С. 23.

⁶⁶ Поскольку я не даю четкой системы по количеству цивилизаций, то иногда позволяю себе вольности с их названиями, используя синонимичные названия, но, надеюсь, что без ущерба для восприятия. Впрочем, дать такую систему можно лишь в более объемном исследовании, иначе схема окажется слишком узкой.

у римлян — право; арабы восприняли от персов огромную часть их культуры. Основное ядро идеологии или ее очень важные пласты, таким образом, становятся уже универсальными и пригодными для многих народов и ситуаций. Большое значение имеют степень развитости языка, на котором создана данная культура, и объем произведений, на нем написанных.

Стоит отметить, что переход к этим более развитым цивилизациям означал и скачок к высоким формам мышления, созданию некоторых философских и метафизических систем, которые оказали (а некоторые и продолжают оказывать до сих пор) исключительное влияние на всю последующую духовную жизнь. Тут кстати вспомнить «осевое время» Карла Ясперса, приходящееся на VIII—II века (800—200 гг.) до н. э.⁶⁷, в каковой период возникла и греческая, и индуистская философия вместе с буддизмом, и учение Конфуция, а также и другие китайские школы мысли, проповедовали древнееврейские пророки, и, вероятно (здесь есть расхождения в датировках), жил создатель зороастризма Заратустра⁶⁸.

Идеологии, которые можно заимствовать практически целиком (мировые религии и конфуцианство). Здесь надо учитывать притягательность идеологии и культуры. Когда они быстро усваиваются и перенимаются целиком или в основном, это дает им огромные преимущества. Тогда они могут сами претендовать на то, чтобы господствовать в неограниченном объеме обществ, как это делали христианство и ислам.

От ступени к ступени, как понятно, идеология становится все более четкой и системной.

⁶⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 32.

⁶⁸ «В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лаоцзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-изы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исайя, Иеремия и Второисайя; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга» (Там же. С. 32—33).

Разумеется, цивилизации можно классифицировать и по объему созданного. Если самые первые, переходного периода цивилизации или вообще не имели письменности, или их надписи были короткими, деловыми, то цивилизации, которые уже можно определить как зрелые (месопотамская, египетская), создают гораздо больше литературных памятников. Без сомнения, помимо чисто временных факторов, здесь важную роль играет именно наличие идеологии, вокруг которой, как бусины на нитку, нанизываются все остальные виды творческой деятельности. Еще больше (иногда во много раз) создано памятников человеческой мысли в цивилизациях более высокого порядка. Например, важнейшие буддийские тексты на тибетском языке собраны в 108 томов (Ганджур), а комментарии к ним в 225 томов (Данджур). При этом и разнообразие сфер творчества, и дифференциация деятельности, и высота мысли несопоставимы.

Таким образом, по уровню развития идеологии в целом мы видим три ступени цивилизации, если не считать ранних, не реализовавшихся до отпущенной им зрелости, а потому во многом еще переходных, черты которых обозначились слабо, либо такие, которые представляли несколько иные культурные формы или не имели потенциалов к развитию. Соответственно мы и будем о них говорить как о переходных. Достаточно зрелые или прожившие большое время можно делить на первичные (египетская, месопотамская, крито-микенская), вторичные (иудейская, персидская-зороастрийская, античная) и третичные (христианская, конфуцианская, исламская)⁶⁹.

Конечно, здесь много натяжек, поскольку между этими ступенями располагаются и промежуточные формы. Так, цивилизация майя, кажется, была существенно ближе к Первичным, чем к переходным; финикийско-карфагенская по многим показателям приближалась к античной; индуистская скорее принадлежит ко вторичным, а буддийская — к третичным, но, исходя из идеологии, вероятно, можно считать правильным мнение

⁶⁹ Некоторые цивилизации прошли две или даже три из указанных ступеней в виде этапов собственного развития. Особенно показательна в этом смысле китайская цивилизация.

тех, кто говорит о единой индо-буддийской цивилизации. (Иногда, достигая какой-то ступени развития, цивилизация в целом может остановиться, а одна из ее ветвей — достичь более высокой стадии.)

Указанные 3 ступени развития цивилизаций (или четыре, если считать предваряющую их переходную стадию) просматриваются и с другой стороны. Общеизвестно, что обычно религии делят на языческие (политеистические) и монотеистические. Но с точки зрения нашей задачи здесь стоило бы внести уточнение. Несомненно, что ранние, переходные от догосударственной эпохи цивилизации, с их еще не сложившимся пантеоном богов, примитивной мифологией сильно уступают политеизму с развитыми формами культа и идеологии (первичные Цивилизации). А среди последних более высокую ступень, несомненно, занимают те, кто имеет развитую философию или иную форму идеологии (вторичные). Такие цивилизации по уровню аналогичны монотеистическим, не мировым (типа иудаизма, позднего зороастризма)⁷⁰. И, наконец, наиболее развитыми являются цивилизации с мировыми религиями или их аналогами (третичные)⁷¹.

Рассмотрим теперь, каковы же стартовые условия для возникновения цивилизаций. Но нельзя отождествлять понятие стартовых условий с признаками цивилизации. (О последнем мы поговорим в § 5. Но коснемся этого достаточно кратко, ибо этот вопрос исключительно сложен и дискуссионен. Возможно, что мы более обстоятельно вернемся к нему в третьей части книги.) Ведь достижение этих стартовых условий, т. е. объективных предпосылок, совсем не означает, что цивилизация обязательно возникнет. Как и факт, что цивилизация возникла, не означает, что она имеет потенции для развития и в будущем, не погибнет на ранней стадии. Кроме того, нельзя смешивать объективно необходимые условия, без которых немислимо говорить о

⁷⁰ Стоит оговориться, что даже поздний зороастризм не был классической монотеистической религией, однако существенно приближался к нему и в этом плане сильно отличался от обычного язычества. Поскольку в нашем исследовании такие тонкости не столь важны, я не вдаюсь в них.

⁷¹ Это деление перекликается и с триадами родственных цивилизаций у Тойнби.

рождении цивилизаций, и те причины, которые приводят к рождению конкретны цивилизаций. Ибо далеко не все общества, у которых имелись такие объективные предпосылки, оказались способными реализоваться как цивилизации. Тут могло повлиять очень многое: от отсутствия нужного деятеля до близости к более развитым центрам.

Также не надо путать стартовые условия первичны цивилизаций, каковые должны быть особыми, исключительными, от стартовых условий для появления вторичных и третичных цивилизаций. Они могли уже в каких-то моментах и не быть исключительными, например в смысле изобилия и плодородия почвы. Однако исключительность требовалась уже в более цивилизационном плане, например особые условия для возникновения новой мировой религии. Здесь к месту вспомнить слова Тойнби, что «независимые цивилизации (т. е. самостоятельно возникшие, а не трансформировавшиеся из более ранних, — Л. Г.) появились благодаря мутации примитивных обществ»⁷². Мутация же означает особость и часто даже неожиданность — в смысле прежних тенденций — в развитии, иногда скачок, переход количества в качество, иногда случайное достижение, именно которого и не хватало, чтобы начался процесс. Несомненно, что «причина генезиса цивилизации кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких»⁷³. Тойнби считал, что причины генезиса есть не «единая сущность, а отношение»⁷⁴, и, в конечном счете, это отношение есть ситуация вызова и ответа, которой он справедливо придавал большое значение. «Вызов побуждает к росту»⁷⁵.

Таким образом, в общем плане возникновение цивилизаций есть особый ответ обществ на возникшие проблемы. Но в каждом случае эта ситуация особая, часто неповторимая.

Стоит напомнить, что цивилизации возникли не вдруг, а между варварством и ними лежал достаточно длительный

⁷² Тойнби А. Ук. соч. С. 93.

⁷³ Там же. С. 107.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 119.

переходный период, и общества, находившиеся на этом этапе, по ряду показателей могли уже приближаться к цивилизациям. Поэтому вопрос о том, что отличает предцивилизационные образования от ранних цивилизаций, теоретически представляет собой большую проблему. Недаром Тойнби признавался, что ему «не удалось до конца раскрыть предмет настоящего исследования — различия между примитивным обществом и цивилизацией»⁷⁶. А некоторые исследователи, например Э. Сервис, используют понятие «архаической цивилизации», имея в виду предгосударственные и предцивилизационные образования⁷⁷. Вопрос этот мы частично разберем в § 5.

Речь пойдет о стартовых условиях для появления переходных и первичных цивилизаций, которые включают в себя как материальные, так и духовные вещи.

Мне думается, что, во-первых, это достаточное изобилие хозяйства: а) позволяющее аккумулировать большой излишек; б) открывающее простор для роста населения и хозяйственной территории; в) резко стратифицирующее общество. Ведь недаром наиболее древние цивилизации появились именно в ирригационных районах. Базой для возникновения цивилизаций могут быть и неполивные, но плодородные почвы, как в Южной и Центральной Америке (в Китае во II тыс. до н. э. земледелие также было неполивным). Война, которая играла исключительную роль в деле образования государств, не выполняла такой для формирования цивилизаций.

Во-вторых, надо говорить о неких центрах власти, организации масс и аккумуляции ресурсов. Таковыми могли выступать города (недаром многие исследователи ранних цивилизаций отмечают их исключительную роль), но могли также храмы, царские дворы, какие-то культурные центры. Однако очень важно отметить: эти центры должны были обладать монополией (или контролем) на очень важные блага и решения. Их власть, кроме того, должна была не просто опираться на принуждение, но источать необходимые уважение или сакральность, которые создают власть

⁷⁶ Тойнби А. Ук. сош. С. 94.

⁷⁷ См.: Service E. R. Origins of the state and civilization. N. Y., 1975, P. XI, XII and others.

подражания, т.е. достаточный престиж, чтобы быть официальным или неофициальным законодателем образа жизни. При этом, в-третьих, носители этой власти должны были иметь какую-то корпоративную, политическую, сословную или иную организацию (систему), которая бы цементировала и порядок, и образ жизни, и главные связи в обществе. Об этом чуть позже.

В-четвертых, нужны были некие достижения в духовной сфере⁷⁸. Прежде всего то, что явилось базой для кристаллизации идеологии: достаточно развитая система мифов и верований, чтобы можно было создавать канонизированные тексты; либо комплекс определенных этических и философских принципов, в дальнейшем складывающихся в особую религиозно-философскую или идеологически-этическую систему; а также зачатки научных знаний и практических сведений.

Необходимы были также какие-то новые и достаточно эффективные системы и формы фиксации, передачи и хранения информации. Наиболее удачным вариантом явилось письмо, в дальнейшем ставшее фундаментом любой перспективной цивилизации.

Правда, вопрос о происхождении письма весьма спорен. И в данном случае, как и всегда, когда пытаются обнаружить начальный этап какого-то процесса, «установить первопричину создания столь всеобъемлющего понятия, как система письма, чрезвычайно трудно»⁷⁹, и, быть может, надо вообще отказаться от попыток «проникновения во мрак его происхождения»⁸⁰. Высказывались даже мнения, что письмо возникло в эпоху среднего палеолита, т. е. у неандертальцев⁸¹. Но в любом случае, к какому бы периоду ни относить его начало, ясно, что клинописные или иероглифические системы, возникшие соответственно в

⁷⁸ Стоит отметить, что дифференциация культуры растет вместе с увеличением общественного разделения труда, при этом некоторые технические моменты могут весьма серьезно влиять на уровень развития и жизнь цивилизации. В частности, это касается удобного для письма материала.

⁷⁹ Д. Дириингер/Цит.: Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965. С. 58.

⁸⁰ М. Коэн/Цит.: Там же. С. 59.

⁸¹ См.: Истрин В. А. Ук. соч. С. 59.

Междуречье и Египте⁸², отличаются от пиктографических знаков первобытных народов примерно так же, как поэмы Гомера от мифов австралийцев. Таким образом, для формирования цивилизации, как правило, требовалось (в зависимости от точки зрения), чтобы письмо или возникло, или обрело свою зрелую форму.

Но могли быть и аналоги письма, вроде кипу-узелкового письма инков⁸³. Тот факт, что в некоторых ранних цивилизациях не было письменности, либо она была достаточно примитивной и не позволяла выражать абстрактные понятия, указывает на то, что стартовые условия в разных ситуациях могли варьироваться и возможность образования цивилизации не была намертво связана с изобретением достаточно удобного письма. Те же инки создавали весьма впечатляющую цивилизацию общей площадью около 2,5 млн кв. км с численностью населения, но разным подсчетом, от 4 до 12 млн⁸⁴, с единым государственным культом солнца, которому воздвигли множество храмов, «к каждому из них были приставлены жрецы и девственницы-весталки, поддерживающие священный огонь»⁸⁵. Но, разумеется, без изобретения или заимствования обычного типа письма нормальное развитие любой цивилизации было бы невозможным.

При прочих равных условиях, думается, что больше шансов на появление цивилизаций имели те области, где была достаточная этническая однородность. В дальнейшем в них письменность и письменный язык, единая идеология способствовали определенной монолитно этносов.

С другой стороны, национальные идеологии дал своей этнической базы и сопредельных территорий распространялись с трудом и были неспособны перерасти в надгосударственные и

⁸² Некоторые авторы называют их первичными в отличие от буквенных алфавитных европейских «вторичных», следовавших «уже существовавшим образцам» (см.: Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 48).

⁸³ «Практика показывает, что в истории существовали бесспорно цивилизованные народы, не имевшие письменности (например, перуанские инки)». (Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 161).

⁸⁴ См.: Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960. С. 37, а также прим. ред. на этой же странице.

⁸⁵ Там же. С. 39.

тем более мировые. Тау, греки властвовали долгое время над половиной мира, но нового в цивилизационном плане на этой территории создать не смогли, ибо их идеология была чужда местному населению. А арабы на той же территории создали новую цивилизацию.

Вопрос о количестве цивилизаций, о том, можно ли говорить о том или ином образовании как именно цивилизации или определять его как иного типа культурную группировку обществ, весьма сложен и нуждается в разработке специальных методик. В данной главе я не ставил задачей обосновать точное количество цивилизаций. Ибо это потребовало бы довольно объемных и сложных доказательств в отношении целого ряда объектов, причем надо было бы проследить их исторический путь⁸⁶. А это задача особого исследования. Нам же важнее сказать о некоторых главных характеристиках цивилизаций.

Какая-то часть цивилизаций ни у кого не вызывает сомнений. Это достаточно зрелые и существовавшие длительное время образования, религию, идеологию и культуру которых мы знаем удовлетворительно. О других именно как о цивилизациях можно говорить с меньшей уверенностью. Здесь сложности связаны, во-первых, с малым количеством данных, дошедших до нас, и с нерасшифровкой письменности, во-вторых, с тем, что они или погибли по неясным причинам на ранних стадиях, или были поглощены более высокой цивилизацией, или слились с ней.

Трудность отделения переходных форм от ранних здесь смыкается с проблемой идентификации собственно цивилизации. Одним из примеров этого могут служить этруски. Есть ли основания говорить о наличии этрусской цивилизации? С одной стороны, некоторые факты вроде бы бывают на это. Так, существовала особая письменность есть свидетельства о неких священных или магических текстах. Перед нами, несомненно, группировка обществ. Этрурия была федерацией двенадцати

⁸⁶ Само собой ясно, что число цивилизаций может сильно варьироваться в зависимости от исходных посылок и поставленной проблемы.

самостоятельных родов-государств, некоторые из них контролировали внутри своего государства и другие города. И важно, что «федерация была преимущественно религиозным союзом», а не политическим⁸⁷. Но, с другой стороны, весьма неясен уровень развития этрусской идеологии. Была ли она достаточной, чтобы считать Этрурию сложившейся или хотя бы складывающейся цивилизацией. Или это хотя и в ряде моментов похожая на цивилизацию, но иная форма культурной пространственно-временной группировки обществ, просуществовавшая несколько веков? Не оказалась ли римская гражданская идеология служения государству в конце концов более сильной и привлекательной, или вопрос был только в военном превосходстве римлян? Это и многое другое остается неясным.

По-видимому, складывание цивилизаций как особых способов объединения обществ не было однолинейным процессом, а здесь также были перспективные и боковые формы, или, используя выражение Тойнби, одни оказались способными соблюдать правила движения, а другие нет, и их «постигла беда, когда они, нарушив правила, повернули вспять»⁸⁸ или вбок. Причем это деление на магистральные и боковые формы прослеживается не только на ранних, но и на последующих стадиях культурно-идеологического развития.

Проблемы идентификации цивилизаций также усложняются наличием столь серьезных расхождений внутри отдельных из них, что они могли быть сильнее межцивилизационных.

Решая проблему, признавать ли те или иные образования самостоятельными цивилизациями или частью более крупной цивилизации, необходимо обратить внимание на идеологию. Напомню, что речь должна идти о предельной идеологии, т. е. такой, общие моменты которой ясно не вытекают из иной идеологии. Иначе отдельными цивилизациями придется признавать ответвление единой религии.

⁸⁷ См.: История древнего мира. Кн. I. Ранняя древность. М., 1989. С. 378, 379.

⁸⁸ Тойнби А. Ук. соч. С. 87.

Рассмотрим вопрос, правомерно ли считать (вслед за Тойнби и другими) православие и католицизм разными; цивилизациями. Мне думается, что правильнее полагать все христианские районы единой цивилизацией. Нас не должна смущать разница в догматах или церковной организации. Ведь значительные различия внутри цивилизаций совершенно естественны. Вспомним, что даже в ранних цивилизациях было постоянное соперничество по поводу того, какие боги в пантеоне являются главными (что было связано и с ролью храмов и городов в жизни государства). Если же религия становится мировой, в ней всегда обнаруживаются разные течения. Поэтому в цивилизациях необходимо выделять **подцивилизации (субцивилизации)** или **варианты цивилизаций**. И нежелательно экстраполировать процессы, происходящие в отдельных частях цивилизации, на другие части.

Ясно также, что если начать выискивать различия, то и в рамках, казалось бы, гомогенных образований вполне легко их обнаружить. Напротив, более широкие обобщения позволяют увидеть, что любая крупная группировка неоднородна, неоднотипна, непостоянна. Есть центр и периферия, есть более и менее крупные центры, есть пограничные районы, жители которых переходят из веры в веру. Есть места, где возникают ереси или реформации, есть более и менее секуляризованные; более и менее ортодоксальные, подчиненные центру или автономные; налицо многочисленные варианты симбиоза старого и нового, местного и пришлого и т. д.

Кроме того, тесно соприкасаясь, например находясь в единой империи или длительно торгуя, соперничая, цивилизации могут образовывать надцивилизационные формы. Эд. Мейер называл их «культурными комплексами»⁸⁹. Такие зоны интеграции принимают весьма причудливые культурные вариации.

Нельзя не отметить также, что в рамках цивилизации существует конкуренция идей. Мы можем, а в некоторых случаях

⁸⁹ Он выделял три таких комплекса: 1) восточный и эллинский, впоследствии перерастающий в римско-эллинский; 2) комплекс христианских стран и ислама в средние века и новое время; 3) восточноазиатский комплекс (Индии и Китая) (См.: Историография античной истории//Под ред. В. И. Кузищина. М., 1980. С. 144).

и обязаны выделить одну главную идеологию (или ортодоксальный вариант ее) и ряд других, но уже менее важных. Это характерная (хотя и в разной мере) черта любой цивилизации. В зависимости от степени развитости интеллектуальной жизни, ортодоксальности и непримиримости религии и идеологии общественной структуры эта конкуренция могла быть постоянной в виде сосуществования; либо в виде отдельных колебаний в рамках одной религии (когда в пантеоне богов происходит перемещение по важности и соответственно изменяется роль жреческих и храмовых корпораций); либо в виде религиозного реформаторства, подобного деятельности Эхнатона в Египте; либо вариантов религии и ересей и т. д. Конкурирующие идеологии иногда давали симбиоз, так или иначе обогащали и искажали друг друга.

Таким образом, однородность отнюдь не присуща цивилизации как группировке обществ. Поэтому ничего удивительного нет и в разнородности христианской цивилизации, в постоянной борьбе за первенство ее духовных лидеров. Хотел бы отметить, что качественно католицизм до XII—XIII веков не отличался от православия. Последнее оказалось заложником государственности, обслуживая потребности государства и в Византии, и на Руси («Москва—Третий Рим»). Поскольку же Византия с XII в. клонилась к упадку, а развитие Руси отставало от Запада, то и в последующем православие не имело возможности принципиально измениться. Зато в Европе в XV—XVI вв. начинался переход к новому этапу развития, которому требовалась и иная идеология. И тут-то выявились некоторые до тех пор не проявлявшиеся как преимущество черты католицизма и христианства вообще (в т. ч. автономность от государства), о чем еще будет речь. Значит, в рамках нашего исследования правильнее вести речь о том, что раздел церквей в 1054 г. и дальнейшие события не создали из одной цивилизации две, а явились лишь предвестниками начала перехода Западной католической Европы к новому этапу в целом и в духовно-культурной, Идеологической жизни — в частности. Различия же европейской религии (протестантизма и существенно реформированного католицизма) и православия в новое время, в

конечном счете, показывают не сосуществование разных, хотя и родственных цивилизаций, а принципиальное различие между уровнем цивилизации и формирующейся; культурной группировкой обществ нового типа⁹⁰.

В известной мере то же можно сказать и об индо-буддийской цивилизации. Одна ее часть в виде индуизма в целом осталась на второй ступени развития, другая постепенно переросла в третичную цивилизацию, оставаясь родственной индуизму. Но надо сказать, что деление на цивилизации не есть нечто незыблемое; объединение или разъединение их в теории, а следовательно, и число цивилизаций сильно обусловлены задачей, аспектом и объемом исследования.

Поговорим теперь о тех связях и конструкциях, которые являются специфичными для цивилизаций и делают; их устойчивыми. Цивилизации — это образ жизни. Но жизнь в обществе можно анализировать по ряду уровней. Для воспроизводства верований и суеверий примитивной религии достаточно определенного материального базиса и семейно-родового быта. И эта низшая, «клеточная» связь очень важна для понимания прочности цивилизации, причин ее регенерации в самых тяжелых условиях.

Но, помимо материальных, этнических и социальных оснований, позволяющих цивилизациям долго сохраняться, необходимо попытаться выявить их собственные отношения, связи и узлы переплетения последних, без чего цивилизации в избранном нами значении не существует. Ибо указанная «клеточная» связь становится вместе и цивилизационной только тогда, когда идеология и психология народа срослись, когда последняя впитала главные или очень важные элементы первой, когда психология подразумевает наличие идеологии и доминирование ее в ведущих моментах. В противном случае этот низший субстрат сохраняется, но цивилизация исчезает. Так произошло, например, в Латинской Америке, где и этнический

⁹⁰ О ней в § 4 и 7. Много позже, в XVIII—XIX вв., и православие существенно трансформировалось, постепенно меняя свой классический облик.

момент, и верования индейцев кое-где сохранились даже до наших дней, а цивилизация умерла очень давно. Ибо исчезли идеология и ее носители.

Для того чтобы цивилизация обозначилась, требовалось оформление идеологии. Однако напомним, что она (как и общественное сознание в целом) не может быть представлена только как чисто идеальное явление. Напротив, чтобы стать самой собой, она должна иметь не только духовные формы, но и иные (материальные, политические, социальные) основы. Поэтому-то одно из важнейших отличий цивилизации от доцивилизированных обществ — именно **институционализация слоя людей**, связанных с идеологией, т. е. складывание корпораций, организаций тех, кто владеет знаниями, информацией и правом их развития, толкования, хранения и т. п. В какой-то степени, конечно, можно говорить о корпорациях шаманов или колдунов, жрецов в примитивных культурах. Но они никогда не достигали такого организационного уровня. Рост этого слоя начинается именно в переходный период к цивилизациям. Например, друиды у кельтов, особенно у галлов, представляли собой очень влиятельное сословие. И, кстати говоря, лишение их привилегии, запрет жертвоприношений (императорами Тиберием и Клавдием) привели к ликвидации друидов как сословия в Галлии. А с этим стала угасать и древняя кельтская религия.

Следовательно, опираясь на народный субстрат, составляя часто с ним симбиоз, вырастая из него, цивилизации должны надстроить собственные связи, которые и определяют их жизнеспособность и потенции. Эти связи нужно рассматривать именно как культурно-идеологические. Для существования таковых нужны, естественно, их носители. Последними могли быть и члены жреческих корпораций, и каста, подобная брахманской, и

аристократия, и особые кланы и т. п. С этими людьми в представлениях остальных связывались таинственность, особая сила или благодать, что создавало им и соответствующий престиж. Они нередко обладали и большими богатствами или были организаторами производства. Наиболее совершенным

видом поддержки и воспроизводства цивилизационных связей являются жреческие корпорации и их высший вид — централизованная церковная система.

Характеристика цивилизации, следовательно, зависит не только от сущности и догматов ее идеологии, но и от того, каковы указанные силы и связи. Один из вариантов апологии цивилизации может исходить именно из этого, надо отметить, что в любой цивилизации сосуществуют и взаимно дополняют друг друга разные связи. Если есть чисто цивилизационные (например общая религия), но нет этнических, политических, торговых и иных, то такое единство достаточно слабо. Оно намного сильнее, когда общая религия имеет главу, а культурные связи достаточно интенсивны. Тем более если это подпитывается канализированными материальными потоками (например в Римской католической церкви). Но особенно прочно единство, когда связи накладываются друг на друга. Иногда при этом возникают какие-то очень удачные для распространения цивилизаций условия.

Итак, чтобы меньшинство могло творить, сохранять и передавать культуру, нужно было изобрести определенный социальный порядок, причем чем прочнее он был, тем прочнее могла быть и цивилизация. Чаще для цивилизаций характерны малая грамотность населения и смутные представления о соседях. Появление более высоких типа грамотности и стиля мышления может быть связано с более интенсивной экономической жизнью или особой ролью и развитостью городов. При этом могут рождаться и весьма развитые формы культуры, не только меньше свойственные цивилизациям, но и таящие в себе возможность их разложения.

Таким образом, для воспроизводства цивилизаций **необходимы не просто наличие определенной идеологии и культуры, не просто база в виде языковой, этнической или иной близости, но достаточно устойчивые, крепкие и социально значимые материализованные связи (и стоящие за ними силы),** которые могли бы воспроизводить нужные для них (и объективно для цивилизации) условия, поддерживать и развивать культуру, которые бы обладал правом и возможностями трансформировать

идеологию и подстраивать ее под актуальные потребности. Не везде такие корпорации были одинаково могущественны. Одно дело — крупные храмы в городах Междуречья, другое философские школы в Древней Греции. Но, однако, в Греции были и иные корпорации, которые опирались на мощь или поддержку государства (деятели искусств ораторы, спортсмены и т. п.), а позже возникли и материальные объекты — хранилища знаний, наиболее известные из которых Музейон и Александрийская библиотека.

Для рождения цивилизации нужен был баланс между политическими формами и элитами, с одной стороны, и формами и элитами духовными — с другой. При этом такое соотношение могло быть весьма различным на разных стадиях жизни цивилизации. Многие из них оформлялись, так сказать, под крылом политической силы. Те данные, которые дошли до нас о целом ряде переходных цивилизаций или форм, аналогичных им, показывают, что монументальные сооружения, скульптуры и памятники нередко строились не столько для культовых целей, сколько для возвышения политических лидеров. Эта неразрывность, синкретичность политического, социального и идеологического весьма заметна не только для переходных и первичных, но еще и для вторичных цивилизаций.

В многообразии связей цивилизации все же обычно можно выделить ведущие, а также главные ее несущие конструкции, которые нередко определяют и ее специфику в целом. Правда, с течением времени связи по плавности могут меняться местами. Цивилизации в ряде случаев были силами, компенсирующими слабость и непрочность государств, когда же роль государства резко возрастала, нередко дело обстоит наоборот: цивилизация держалась именно силой государства, особенно если рядом была агрессивная другая цивилизация.

Однако очень важно отметить, что в большинстве случаев опоры цивилизации не были абсолютно увязаны с политическим образованием высшего порядка, т. е. крупным государством. Это видно уже на примере того, что ряд цивилизаций существует в системе многочисленных враждующих

между собой государств. Но даже когда кажется, что вся цивилизация охвачена одним государством (Египет), налицо определенная специфика. **Цивилизация может замыкаться в рамках одного государственного организма, но ее существование совсем не обусловлено такой ситуацией, ибо ее связи в большой мере иные, чем политические, хотя и переплетены с ними.** Ведь с распадом государства она сохраняется, а нередко и неплохо развивается. В истории и Египта, и Китая мы видим такие примеры. Конечно, определенные взлеты связаны или могли быть связаны с централизацией, но могло быть и наоборот. Однако сейчас речь идет не о причинах подъемов, а жизненных основах и устойчивости цивилизаций.

Цивилизации оказываются более устойчивыми, чем конкретные политические формы, поэтому распад государства не смерть для них⁹¹. В такие периоды весьма нагляден факт, что цивилизация — именно группировка ряда обществ. Однако при децентрализации государства образуется не бесконечное число дробных частей, а хотя и многочисленные, но все же достаточно сильные, чтобы поддерживать определенный порядок (номы, удельный царства и княжества, города-государства). Мне кажется, что здесь можно проследить генетическую конструкцию. Основы цивилизации закладываются именно на таком уровне малых государств.

Следовательно, цивилизационная связь вполне в состоянии поддерживаться и нередко даже развиваться на таком уровне. А в некоторых случаях именно такая раздробленность создает определенные предпосылки для развития отдельных сфер культуры. Таким образом, единице которая является нормой или, лучше сказать, достаточным уровнем, чтобы быть составной частью цивилизации, является именно малое государство. Централизация вызывается не столько потребностями духовного единства или развития, сколько хозяйственными, военными или

⁹¹ В связи со сказанным яснее становится и мысль Тойнби о том, что в отношении цивилизаций можно пренебречь иногда и политическими формами. «И если бы им удалось сквозь пелену политических отношений рассмотреть более глубокий культурный план, они бы поняли, что политическая статичность Востока, в сущности, не имела столь уж большого значения, возможно, и вовсе не оказывала влияния на богатство и полноту жизни общества» (Тойнби А. Ук. соч. С. 84).

политическими причинами. Но, разумеется, при более тесных контактах и цивилизационные связи принимают более интенсивные и иногда качественно новые формы.

Существует, однако, и предел малости государства как составной части цивилизации, ниже которой культура не может не только развиваться, но и долгое время сохраняться. Представим себе Афинское государство раздробленным еще на 5—10 частей. Ясно, что в таких мини-государствах большинства достижений афинян просто не могло возникнуть. Для этого не было бы ни средств, ни культурной среды, ни просто потребности. Совсем крошечные общины в лучшем случае способны какое-то длительное время поддерживать культуру, но без постоянных контактов с более мощными партнерами уровень ее неизбежно начнет падать.

Таким образом, цивилизации могут находиться в очень разном соотношении с государством: стремиться к тому, чтобы слиться с ним; быть разбросанными среди десятков и сотен мелких государств; объединять всего несколько стран (например, иудейская цивилизация состояла из двух государств, Израиля и Иудеи); иметь центр в виде основного государства и периферию из нескольких менее крупных и иногда зависимых держав; в одной империи могут сосуществовать несколько цивилизаций (держава Ахеменидов). Она может быть вообще по природе надгосударственной (цивилизации с мировыми религиями) и т. д. При этом такое соотношение в пределах жизни одной цивилизации способно существенно и неоднократно меняться. Но какой-то закономерности, в том плане, что определенным фазам существования цивилизации строго соответствует определенное соотношение с государством, нет. Все это говорит о том, что цивилизационные и политические связи существенно различны. Но также и подчеркивает идею о том, что цивилизация — именно группировка общества. Даже когда в своем пределе она стремится срастись с государством, и тогда обычно ее влияние распространяется за границы этой державы (например, Египет имел влияние на окраины: Пунт, Нубию, Синай, и экспортировал туда свою культуру), либо поклонники религии живут в разных

странах. Но и в любом случае крупное государство, как мы видели, в потенции состоит из таких частей, на которые может при определенных условиях распасться.

Несовпадение цивилизации и государства хорошо видно из того, насколько разной могла быть политика в отношении культуры. При этом в рамках одной цивилизации в каких-то государствах наблюдался ее подъем, а в каких-то — упадок. Во всяком случае, мы можем увидеть во взаимоотношениях власти и культуры следующие варианты: параллелизма, нейтралитета или безразличия, когда политика никак не вмешивается в религиозные и культурные дела, а культура игнорирует государство; поддержки и даже симбиоза; противостояния в самых разных вариантах (гонения на религию и, напротив, отлучение императоров от церкви) или враждебности, когда, например, новая власть уничтожает культуру покоренных территорий; поддержки одной части культуры (религии, школы, учения) и преследование другой.

Можно выделить несколько типов основных цивилизационных связей:

1. Религиозные.
2. Государственно-административные.
3. Государственно-религиозные.
4. Межгосударственные культурно-этнические.
5. Культурно-экономические. Проанализируем их.

Те, в которых основа — жреческие или церковные корпорации, а храмы или священные места есть центры, узлы таких связей. Особое значение они играют в отсутствие единого государства. Понятно, что чем более централизована церковь, тем сильнее ее роль. Вспомним ситуацию, когда Римская империя ослабла, была разделена и погибла. Тогда единство этих территорий поддерживалось именно на цивилизационном уровне с помощью христианской церкви и личных контактов ее сторонников. О подобной ситуации в Западной Европе после распада империи Карла Великого Карсавин говорил: «С распадением империи церковь одна объединяла весь католический мир, жаждавший видимого, конкретного тела

Христов... а раздробленная империя, всегда признававшая верховенство религиозного начала, утратила религиозное оправдание своего бытия»⁹².

Жреческие или церковные корпорации обычно обладают высоким социальным статусом (хотя в период общественных кризисов уважение к ним может падать) и значительными, а то и просто огромными материальными ресурсами. Нередко они выделяются в особые привилегированные сословия или касты, а также претендуют на особую близость к сверхъестественному, особую благодать, монополию на совершение таинств и обрядов и т. п., напуская на свою деятельность иной раз покров мистики, страха, таинственности и прочего. Этому мог способствовать и особый язык богослужения. Недаром же католическая церковь так противилась службе на местных языках, не разрешала мирянам самим читать и тем более толковать священное писание. Неудивительно, что в таких цивилизациях подобные корпорации или их отдельные органы, части нередко претендовали на верховенство и в светских, политических делах, начинали контролировать всю жизнь. Очень характерна в этом плане иудейская цивилизация с колоссальной ролью жреческой корпорации и исключительным значением идеологии⁹³.

Нарушение системы таких связей, тем более разрушение их, способно привести цивилизацию к кризису или даже гибели. Напротив, сохранение их позволяет ей долгое время агонизировать. Когда римский император Феодосий I в конце IV в. н. э. (391 год) издал эдикт о закрытии всех языческих храмов, жрецы различных культов были разогнаны без права продолжать свою религиозную деятельность. Это коснулось и Египта. Там уже долгое время цивилизация была в упадке, однако умудрялась сохраниться и при персидском, и при греческом, и при римском господстве. Ибо существовали храмы и жреческие

⁹² Карсавин Л. П. Культура средних веков. Кинв, 1995. С. 77.

⁹³ Ее особенностью было наличие всего одного храма в Иерусалиме, правда, он «сосуществовал рядом с многочисленными «высотами», на которых приносил жертвы народ» (Культурно-бытовые очерки по мировой истории. № 1. Захаров А. А. Эгейский мир. М., 1918. С. 49—50).

корпорации. Но с уничтожением главных цивилизационных связей и центров было забыто и сложное искусство чтения иероглифов. Это окончательно подорвало древнюю цивилизацию, и христианство полностью захватило и Египет⁹⁴.

2. Во втором типе цивилизаций главные связи — **государственно-административные**. Здесь должно быть налицо (по крайней мере в течение весьма длительных периодов) централизованное и достаточно организованное бюрократическое государство. Оно стремится унифицировать жизнь, и цивилизационные связи нередко подстраиваются или встраиваются в государственные⁹⁵. Но так или иначе, хотя в какие-то периоды (порой длительные) они сливаются, это разные виды связи. Интересные примеры соотношения цивилизационных и государственных основ можно хорошо наблюдать и в истории борьбы пап со светскими государями, когда роль папства то безмерно усиливалась, то сводилась к карикатуре.

Особый интерес в плане прослеживания цивилизационных и государственных отношений представляет собой Китай. История его вплоть до новейшей знает периоды распада на несколько, а то и много государств, которые иногда сосуществовали столетия. Поэтому и сама по себе эта страна могла бы рассматриваться как цивилизационная пространственно-временная группировка. Фактически же эта конфуцианская (китайская) цивилизация существенно шире собственно Китая, ибо последний временами аннексировал соседние государства (Корею, Вьетнам). Культурное же его влияние было еще более значительным.

В этой цивилизации, как, может быть, ни в одной другой, мы видим подчиненность цивилизационных связей государственным. Само государство в некоторые периоды своего расцвета по степени развитости аппарата и управления вполне сравнимо с державами нового времени. Весьма совершенна была и система обучения,

⁹⁴ См.: Косидовский З. Когда солнце было богом. М, 1991. С. 96; Иллюстрированная история религии: В 2 т./Под ред. проф. Д. П. Шантепи де ля Соссей. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. 1992. Т. 1. С. 166-167.

⁹⁵ Более частный пример покажет это наглядно. Сравните положение русской церкви до Петра I и после него. Значительная автономия русской патриархии теперь заменяется митрополиями, которая превращается, по сути, в одно из ведомств государства.

вплоть до сельских школ. Заметим, что знания здесь имели во многом практическую направленность, в отличие от греков, элита которых могла кичиться, что не унижает мудрость служению практике⁹⁶. Поэтому и развитие культуры шло в первую очередь по пути усовершенствования государства и законов. Неудивительно, что роль религии в Китае была слаба в сравнении не только с христианством и мусульманством, но и большинством других цивилизаций. Мало того, даже в отношении существовавших религий, «на китайской почве рационализм одолевал любую мистику, заставляя ее уходить в сторону, забиваться в углы, где она только и могла сохраняться»⁹⁷. Тем не менее в отдельные периоды значение религий существенно возрастало. Так, во второй четверти IX в. н. э. в Китае было 40 тысяч буддийских храмов и монастырей с огромным числом (более 700 тысяч) монахов и монахинь⁹⁸. Отдельные императоры, подобно индийскому Ашоке, были ревностными поклонниками этой религии. (Еще больше ее роль была в некоторых окраинах данной цивилизации, например во Вьетнаме.) В иные периоды, однако, буддизм преследовали, иногда разрушая десятки тысяч храмов и монастырей и разгоняя сотни тысяч монахов⁹⁹. В отдельные эпохи, особенно в период кризисов и распадов, социальных конфликтов, роль даосизма (и буддизма) могла возрастать, и резко. Как известно, знаменитое восстание «желтых повязок» (конец II века н. э.), фактически разрушившее империю Хань, шло под даосскими лозунгами «великого равенства» и возглавлялось даосским магом Чжан Цзюэ. Эти даосские секты даже образовали свое теократическое «государство» (или группу общин), про-
существовавшее несколько веков.

Факт возрастания роли религий в период кризисов, на мой взгляд, подчеркивает мысль о том, что цивилизационные связи имеют собственную природу, что они способны существовать

⁹⁶ См. об этом: Кессиди Ф. Х. Об одной особенности менталитета древних греков//Вопросы философии. 1996. № 2.

⁹⁷ Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1983. С. 285.

⁹⁸ См.: Всемирная история. Т. III. М., 1957. С. 42.

⁹⁹ См.: Там же. С. 43.

как под эгидой крупного централизованного государства, так и в период его раздробления, высвечивая в последнем случае даже свои новые грани, являясь связкой именно ряда обществ в группировку. Но оставаясь важным элементом китайской цивилизации в условиях господства государственной идеологии — конфуцианства — религии в целом не могли стать ее главным элементом¹⁰⁰.

Итак, на уровне отдельных государств ясно, что мощный слой бюрократии цементирует волю державы. Поэтому поддержание и развитие идеологии и культуры, борьба с инакомыслием, культурное строительство, забота о «добрых нравах» и многое другое становятся функциями государства. Однако цивилизации — это группировки обществ. Каким образом обеспечивается единство на межгосударственном уровне, с учетом соперничества, войн и прочего? Рассмотрим это опять же на примере конфуцианской цивилизации.

В некоторые периоды Китай просто присоединял Корею, Вьетнам и пр. В другое время китайский император претендовал на то, что все окружающие народы — его вассалы или даже данники. Стоит также отметить, что поскольку между странами этого региона имелось много общего и в государственной идеологии, и в теории государственного строительства (управления), и в опоре на классические труды, то существовала соответственно и определенная общая международная практика и общие нормы того, что можно назвать межгосударственным или международным правом. Связи, конечно, были непостоянными, но временами достаточно интенсивными. И это в целом соответствовало темпам и уровню жизни цивилизаций. Так или иначе, общая конфуцианская культур внедрялась в окружающие Китай страны¹⁰¹. Кроме того, распространенные в этом регионе

¹⁰⁰ Впрочем, ведь и в Индии буддизм не стал государственной религией. Кажется, в том варианте, в котором он распространялся в этих двух великих странах, в нем чего-то не хватало. То ли слишком сильное отвлечение от мирского, то ли отсутствие призывов к экспансии правоверной религии, то ли унаследованная от индуизма веротерпимость, то ли еще что-то мешало ему уподобиться христианству и исламу.

¹⁰¹ Например, для Японии VIII в. н. э. было характерно, что власти насаждали конфуцианство не только среди чиновников, но и в школах для детей знати, где изучались

религии (тот же буддизм) могли дополнять единство. Например, в раннее средневековье японские буддийские монахи нередко обучались в Китае.

Каким образом прослеживаются связи в эпохи де централизации крупных государств? В это время, хотя и в меньших размерах, но внутри каждого государства продолжается поддержка культурного режима. В то же время при межгосударственных отношениях сохраняется некая единая основа для общения и взаимопонимания. Зная прежнего единства продолжает существовать и время от времени поднимается то одним, то другим.

Каждое из множества государств продолжает считать себя наследником прежнего величия. Поэтому цивилизация может существовать в таком виде весьма долго, тем более что государства перенимают друг у друга достижения и обогащают общую культуру местными вариациями. Важно отметить, что не только культурные контакты полностью не прерываются, но и корпорации чиновников и ученых имеют надгосударственный уровень, ибо они могут переходить от государя к государю, а их чины и звания обычно признаются в большинстве удельных государств.

3. Можно также выделить промежуточный, но по значению очень важный тип между жреческим и государственным, где смыкались религия и политика. Чаще всего такой точкой соприкосновения была идея божественности царской власти (яркий пример — Египет). Это делало прочность цивилизации выше. Нечто подобное существовало и в Персидской цивилизации.

конфуцианские книги (См.: Пасков С. С. Япония в раннее средневековье VII—XII вв. М., 1987. С. 67).. К середине IX в. японская знать настолько усвоила китайскую письменность, систему стихосложения, технику живописи, что уже «не могла удовлетвориться простым подражанием китайским образцам и искала собственные средства изображения своей жизни и окружающего мира» (Там же. С. 108). Стоит также отметить, что хотя конфуцианство и распространилось среди чиновничества, оно не стало основой мировоззрения знати, тем более, что она здесь была военно-феодалного толка. Можно учесть и большую роль местной религии, а также определенную воинственность, которую приобрел здесь буддизм. Поэтому с определенного времени, возможно, Японии правильнее считать уже обособившейся от конфуцианства цивилизацией либо более перспективной ее ветвью.

Говорить о сложившейся цивилизации в период Ахеменидов (VI—IV вв. до н. э.) еще трудно. Скорее там сосуществовали цивилизации, и эта империя связывала Запад и Восток. Но уже с династии Сасанидов, т. е. с III века нашей эры, о такой цивилизации говорить вполне можно. Царская власть считалась божественной и не знающей ограничений. Зороастризм стал государственной религией. «Повсеместно существовали зороастрийские храмы, где поддерживался неугасимый огонь... Уже в III в. редактировались тексты священной книги зороастризма — Авесты»¹⁰². Можно подчеркнуть два важных момента. Во-первых, зороастризм выдержал конкуренцию с манихейством и позже с учением маздакитов, а также с христианством в разных его формах: несторианством и монофизитством. Это показывало как высокое развитие государственной религии и то значение, которое ей придавалось, так и зрелость цивилизации, раз в ней возникают альтернативы идеологии и ее ереси. Даже ислам здесь установился далеко не сразу. Если арабы захватили Иран в седьмом веке, то достаточно быстрая исламизация страны пошла лишь через столетие, в середине VIII, и только в IX в. ислам стал религией большинства населения центрального Ирана и Хоросана¹⁰³.

Во-вторых, о наличии именно государственно-жреческой цивилизации свидетельствует такой, на мой взгляд, любопытный факт. Будучи родственным народом индоариям, иранцы также имели систему варн (каст). И здесь была каста жрецов. Но в отличие от Индии здесь еще была и каста писцов (дипиран), со словие более позднее, которое оформлялось в эпоху крупных государств и роль которого особенно выросла при Сасанидах¹⁰⁴.

4. По-иному, чем в цивилизациях с преобладанием государственно-административной связи, выглядит ситуация там, где единого государства никогда не было. Хотя идеи единства присутствуют и тут, и могут быть и попытки объединения, но отсутствует та идейная основа, которая колоссально облегчает

¹⁰² История Ирана. М., 1977. С. 110.

¹⁰³ См.: Там же. С. 126.

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 109.

централизацию. Поэтому здесь существует надгосударственная идеология, связанная с этническим, культурным или социально-политическим единством. На основе последнего в Греции, например, постоянно составлялись политические союзы демократов и олигархов. Здесь складывается определенный баланс сил и соответственно те правила и обычаи, которые лучше или хуже, но уважаются, в том числе и выведение колоний недовольной или побежденной частью граждан. Эта близость в общих вопросах, несмотря на отчаянную порой вражду, позволяет нередко государственным деятелям менять политическую ориентацию и переходить в случае конфликтов со своим городом на службу в другие (даже к военному противнику), а потом иногда вновь возвращаться назад, на родину.

Рассмотрим на примере Эллады, каковы здесь могут быть главные связи и корпорации. В Греции имелаась база в виде этнического родства и общей религиозно-культовой традиции, а также храмовые корпорации жрецов. Но не они создавали культурную специфику. Нужно отметить особый эстетический характер всей духовной жизни. Не только само искусство, спорт и религия, но и философия, и даже наука (особенно математика) имеют или приобретают эстетические черты. Здесь мы видим «корпорации» спортсменов и политиков, ораторов и актеров, философов» и поэтов и др. Они знают и признают (в смысле статуса) друг друга. Сосуществуют многочисленные школы, поддерживающие те или иные связи; переход из города в город, из государства в государство не слишком затруднен. Тем более что активные торговые связи и мореплавание облегчают такие культурные контакты.

Несмотря на всю пестроту (и на множество соперничающих философских школ), у этих групп есть сходные черты, что в общем плане позволяет говорить как бы о единой культурной «корпорации». Чтобы подтвердить сказанное, позволю привести длинную цитату одного из крупных знатоков эллинизма. Многое из того, что он говорит о III—II вв. до н. э., в целом относится и к более ранним, и к более поздним временам.

«Более гуманная цивилизация множила общественные

здания, служившие развлечению. Повсюду на склонах холмов возникали каменные театры. Из эллинистических театров наиболее значительны театры в Дельфах, Додоне, Оропе, на Делосе в Греции, в Приене и Пергаме в Анатолии, в Сиракузах (перестроен Гиероном II) и в Эгесте на Сицилии. Математические исследования исправили оптические иллюзии, превратив театры в научно выстроенные композиции, гармонично вписанные в ландшафт. Значительные модификации, внесенные в их план, позволили сделать настоящие, постоянно действующие сцены. Раньше актеры располагались на деревянном возвышении перед проскением, игравшим роль задника, теперь они поднимались на проскений. Это изменение особенно было заметно в театре Приены (его можно отнести к 150 г. до н. э.).

Гимнасии, палестры, стадионы свидетельствуют о повсеместной (даже в маленьких городах) любви к физическим упражнениям — основе свободного воспитания. Гимнасий, где регулярно собиралась молодежь, становился также университетским центром города. Учителя в гимнасии преподавали литературу, науки, философию, музыку, здесь же выступали приезжие декламаторы. Эта функция была зафиксирована в надписях, начиная с III в. до н. э., и на протяжении всего этого века в Афинах грамматики, риторы или софисты обыкновенно назначали встречи в гимнасии. Новым нуждам отвечали новые помещения — комнаты для занятий (акротерии) и библиотеки; вокруг них разбивались сады для прогулок философов. Чтобы насладиться беседой, в эти святилища тела и духа, находившиеся под особым покровительством бога Гермеса и любимого греческого героя Геракла, приходила не только молодежь, но и взрослые. Гимнасии все более и более вписывались в городской ансамбль, и если раньше их строили за пределами города, то теперь они часто соседствовали с агорой»¹⁰⁵.

С существенной поправкой на роль религии и брахманов в Индии можно отметить, что и там наличествовала такая культурная

¹⁰⁵ Левек П. Ук. соч. С. 129—130.

корпорация, неофициальные члены которой признавали и узнавали друг друга, будучи разделены тысячами километров и несколькими государствами. Такие корпорации были и в христианской Европе, и в исламском мире. Вопрос только в том, что не они играли первую скрипку.

5. Можно сказать и о таком типе цивилизации, где связь, помимо общей религии и этнического единства, поддерживалась прежде всего торгово-экономическим способом. Такие цивилизации не отмечены слишком большими культурными достижениями. Таковы финикийцы, но все же и у них были заслуги, в частности усовершенствованный алфавит.

Каковы же способы распространения и экспансии цивилизаций? Они многообразны. Это может быть чисто внутренним делом той корпорации, которая владеет идеологией. И тогда используется ее организация или личный энтузиазм ее членов. Но может быть и миссионерство, опирающееся на государство. И если победитель обладает более высокой культурой или идеологией да еще применяет иные (экономические, социальные) стимулы для поощрения отказа от местных верований, возможен массовый переход из одной веры в другую. Нередко рука об руку идут культурная и торговая деятельность.

Для успеха цивилизационной экспансии в перспективе нужно, чтобы идеология выполняла роль знамени, чтобы она обладала теми качествами, которые обезоруживают население, способствуют и стимулируют ее внедрение на место или поверх автохтонных религий. Здесь могут сыграть свою роль и агрессивность, и способность к объединению нового, и привлекательность (лучше кнут и пряник сразу, вроде идеи загробного воздаяния) и т. п. Так, история арабского завоевания показывает, что страны с древней и развитой культурой оказались беспомощными не просто перед армиями арабов, но и перед их идеологией. Культура арабов была ниже, но их религия выше и активнее. Даже индуистская цивилизация дрогнула (хотя и устояла) перед исламом, и многие ее последователи перешли в мусульманство.

Но если победитель культурно ниже побежденного, то

распространение цивилизации идет через ее унижение. Другими словами, победитель должен осваивать достижения покоренной цивилизации и весьма часто глубоко воспринимать их. Монголы, которые осели в завоеванном Китае, стали со временем конфуцианцами. Те же монголы, которые покорили исламские территории, превратились в мусульман. Здесь к месту сказать, что, поскольку завоеватель для управления подвластной, но более развитой территорией должен обращаться к накопленным знаниям, он, естественно, привлекает тех, кто этими знаниями владеет. Но ведь знания-то существуют на определенном языке и в определенной духовной системе. Люди же в те времена еще не научились рационально использовать знания и отделять в их целостности форму от содержания, важное от неважного. Чаще всего их брали целиком (тем более, если это священный текст), не различая мистики и рациональности. Естественно, не существовало (за отдельными исключениями, типа сократовской философии) и рациональной системы обучения. Все приходилось воспринимать и учить только так, как этого требовал ритуал (да еще и самому процессу обучения придавали таинственность). Кроме того, многие языки были слишком неразвиты, чтобы на них можно было перевести указанные тексты. Ясно, что завоеватели (особенно в последующих поколениях) должны были воспринимать и язык¹⁰⁶, и дух цивилизации, чтобы не оставаться вечно в зависимости от знатоков.

Отметим, что имеется масса случаев перенимания цивилизации правящей верхушкой, как более заинтересованной, осведомленной, или мобильной, более способной к этому, чем основная масса населения. Так крестились многие короли и племенные вожди.

Наконец (но не последний по количеству) способ через колонизацию, когда материнская культура, как матрица, воспроизводится на новом месте. Так распространялась греческая и финикийская цивилизации.

¹⁰⁶ «Для некоторых цивилизаций язык является более важным средством продолжения и сохранения культуры, чем религия или общественные институты» (Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С. 341). В моем понимании, когда цивилизация структурируется идеологией, это не совсем верно, но во всяком случае роль языка трудно преувеличить.

В этом параграфе я не стану подробно рассматривать циклы жизни цивилизации, которые в целом достаточно хорошо раскрыл Тойнби. Сделаю несколько кратких замечаний. Молодые цивилизации более способны к экспансии (если сама идеология или политические факторы этому благоприятствуют). Общая причина наступления надлома цивилизаций в том, что они не имеют потенциалов к более высокому культурному развитию. Если же такой канал открывается, как это случилось в эллинистическом мире и поздней античности, то при ограниченной производственной и социальной базе возникает духовный кризис. Классические же цивилизации становятся в плане знания (и соответственно социальной системы их контроля) системами завершенными, пытающимися раз и навсегда решить философские, моральные, космогонические и прочие проблемы. Разве не показательно, что томизм — учение, сложившееся в III веке, и до сих пор остается официальной философией римско-католической церкви? Таким образом, закрываются пути к тому, чтобы приспосабливаться к изменениям. А поскольку раньше или позже ослабевает сила, способная сохранять устой, или истощается источник богатства, или появляются внешние враги, или вырастают слои общества, недовольные порядком, кризис так или иначе наступает. Не стоит забывать и о конкуренции цивилизаций, что особенно опасно в периоды кризисов и надломов.

Стабильность цивилизации основывается на стабильности жизни, особенно хозяйственного и социального порядка. Она поддерживается стремлением внушить, что это наиболее правильные вера и образ жизни. Но это же и является причиной того, что на очередной вызов не следует правильного ответа. Чем более ортодоксальна и закрыта идеология, тем труднее она заимствует и перестраивается. Ясно, что в некоторые периоды разрушить основы прежнего порядка исключительно сложно. Для этого нужно изменить либо этнический состав населения, либо уклад жизни. Но в периоды кризисов, когда старые порядки и так уже подорваны, когда доверие к прежней идеологии исчерпано, глубокие перемены в цивилизациях вполне возможны.

Внешние вторжения бывают причиной гибели цивилизации.

Но не всегда. Отчего это зависит, можно увидеть, сравнивая две великие цивилизации — Китай и Рим. Почему для Рима вторжение варваров стало в конце концов роковым, а в Китае аналогичные неоднократные завоевания не привели к гибели цивилизации? Тут налицо ряд причин. Во-первых, в недрах Римского государства уже вполне сложилась иная цивилизация — христианская, которая в принципе могла обойтись без империи. В Китае же любые диссиденты стремились овладеть административной машиной. Во-вторых, в Китае, в отличие от Рима, имелось достаточно сильное этническое и культурное единство. В-третьих, необходимость поддерживать хозяйственную жизнь с помощью централизованного руководства в Китае ощущалась гораздо глубже, чем в Риме. В-четвертых, Римская империя крепилась державной идеологией. С ослаблением мощи она исчезла и уже не могла возродиться. Китай же имел не просто государственную, а еще и морально-этическую, то есть в определенной мере вечную и не зависимую от того, кто именно стоит у власти, идеологию. Наконец, в-пятых, — по численности вторгшихся. В Китае никогда завоеватели, будучи кочевниками, не могли представить в процентном отношении серьезной величины к основному населению. Иное дело — в Западной Римской империи, куда в общей сложности переселилось за два века много миллионов варваров, и где большая часть покоренного населения во многом представляла полуварваров.

§ 4. Цивилизации и стадии исторического процесса*

Данный параграф помещен для того, чтобы обозначить канву изложения остальных пяти и предварить их восприятие: чтобы за некоторыми частностями последующих параграфов не потерять целой картины. Кроме того, здесь продолжится разговор о соотношении формаций и цивилизаций, только уже в более практическом плане, и некоторые важные черты такого соотношения будут показаны при обзоре исследуемой линии исторического процесса. В этой связи несколько предварительных замечаний.

*Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1—6; 1998. № 1, 2.

1. Автор вообще считает некорректным давать названия формациям, поскольку, избранные по какой-либо одной стороне, эти обозначения неизбежно вызывают ассоциации и упреки в детерминизме или редуccionизме. Поэтому удобнее обозначать формации по номерам (от первой до четвертой). Но читатель полностью еще не знаком с моей периодизацией, и, чтобы ему было легче в ней разобраться, в этой главе в качестве синонимов я называю формации по принципам производства (упрощенно говоря, по ведущим формам хозяйства). Надо также все время помнить, что формационное пространство гораздо более широкое, а формационный уровень более абстрактен, чем пространство и процессы одного общества.

2. Условность границ между формациями (о чем будет в своем месте обстоятельный разговор). Обозначение таких границ во многом зависит от тех оснований, которые кладутся в основу периодизации. В авторской концепции это смена принципов производства в связи с производственными революциями (аграрной, промышленной, научно-технической). Для нашей цели важнее всего отметить, что я исхожу из того, что между первобытностью, т. е. обществами присваивающего производства, и индустриализмом лежит **единая — вторая формация**, в данной главе также условно называемая **аграрно-ремесленной**. Кроме того, границей между первой формацией (условно, **первобытной, или охотничье-собираательской**) и второй является переход от присваивающих к производящим формам хозяйства, то есть к примитивному земледелию и скотоводству. Таким образом, в моем понимании период примитивного (ручного, мотыжного) земледелия и соответствующих ему родоплеменных отношений есть именно **начало** аграрно-ремесленной, а не конец первобытной (охотничье-собираательской) формации.

Мы уже говорили и далее будем еще аргументировать то положение, что время цивилизаций как пространственно-временных группировок обществ приходится именно на период второй формации. Однако, точнее, стадия примитивного земледелия прямо не связана с цивилизациями. Это еще как бы

эпоха подготовительная, предцивилизационная, в течение которой оформляются их отдельные элементы и моменты. А о цивилизациях можно говорить уже с расцвета аграрно-ремесленной формации, каковой, в моем понимании, наступает с переходом к интенсивным формам земледелия (ирригационному или плужному).

Соответственно, верхняя граница рассматриваемой второй (аграрно-ремесленной) формации мне видится как начало ранней промышленной революции, строго говоря, ее лучше считать первым этапом промышленной революции, т. е. для Европы это XV—XVI вв. Но смена цивилизаций другой, более высокой, формой культурных группировок обществ происходит несколько позже. И о причинах такого временного сдвига я скажу ниже.

3. Сближение (временное или долгосрочное) обществ между собой по самым разным основаниям характерно для любой стадии исторического процесса. Но чем более плотно располагаются общества и чем их больше, тем важнее этот процесс. Соответственно, от формации к формации он приобретает все большую интенсивность и значимость. Поэтому, когда начинаешь анализировать такие явления, важно в рамках своей задачи выделить **базовые** единицы, которые и составляют основной уровень обществ, стремящихся к объединению.

4. Как мы видели в предыдущем параграфе, на смену первичным и локальным цивилизациям приходят вторичные (региональные), а затем и третичные, связанные с мировыми религиями. Их также можно считать региональными, но размеры их в целом много крупнее вторичных.

Итак, первая формация сменяется второй на рубеже складывания примитивного сельского хозяйства. Однако формирование черт новой формации и уход старой даже в передовых регионах — процесс достаточно долгий. Следует учитывать также то, что победа высшей формации невозможна, если в движение не будут включены новые территории и общества, на которых и возникнут разнообразные ее варианты. Таким образом, этот переходный период от одной формации к другой принадлежит им обеим. Но его все же, как говорилось в

предыдущей главе, при обзоре всего исторического процесса удобнее относить к новой (а не к уходящей) формации.

Ритм смены различных составляющих формацию моментов (как и сфер общества) неодинаков. Такие соотношения между подсистемами имеют очень большие отличия на формационном и локальном уровнях, хотя определенные соответствия между большим и малым масштабами проследить можно. Однако в настоящий момент мы в основном ведем речь о формационном масштабе, причем о генеральной (а не боковых) линии развития исторического процесса. Поскольку в переходный период наиболее революционные перемены идут именно в производстве, постольку формирование зрелых типов остальных подсистем (социальной, политической и др.) происходит по времени позже. И этот лаг может быть весьма велик. В переходные между формациями периоды развитие производительных сил способно особенно сильно опережать развитие духовной сферы.

Таким образом, именно в переходный между первой и второй формациями период, когда совершается аграрная революция, начинается процесс складывания цивилизаций, формирования отдельных их элементов, возникают всевозможные комбинации и происходит отбор наиболее удачных из них. Где-то процесс генезиса цивилизаций находится в неразрывной связи с формированием государства и этноса, а где-то значительно отстает от них.

После завершения аграрной революции, то есть с переходом к зрелым для второй формации видам хозяйства, развитие производительных сил, конечно, не останавливается, но все же не влечет столь революционных изменений, как прежде. Поскольку складывание цивилизаций отстает от перемен в производстве, постольку новый этап коренных перемен в них, т. е. **переход от выделения собственно идеологии** из аморфной стихии мифов и культовых текстов к появлению **зрелых форм** идеологии происходит в период много позже соответственных им по степени значимости перемен в хозяйстве. При этом, растянувшись на ряд столетий, глубокие духовные трансформации могли совпасть даже

и с моментами хозяйственного упадка или кризисов. Такая разорванность во времени, кажущееся несовпадение циклов¹ создавали убеждение в том, что уровень цивилизации никак не связан с развитием производительных сил, а культура фундаментальнее экономики (Тойнби). Между тем существенные взаимозависимости между этими (как и другими) составляющими моментами формации, несомненно, имеются, хотя в каждом обществе они преломляются по-своему.

Ранние цивилизации (египетская, крито-микенская, месопотамская) со сравнительно слабой и рыхлой идеологией, недостаточно связанной с этикой и наличными наумными знаниями, сменяют цивилизации второго поколения, в которых возникает большая дифференциация в областях духовного знания и интеллектуальной деятельности, появляются религиозно-этические и политико-этические концепции, философия, а местами или временами отдельные формы общественного сознания пытаются играть роль идеологии (философия, право, политическая форма, литература и искусство). Это иудейская, греческая, раннекитайская и раннеиндийская цивилизации². Но и они в конце концов доходят до своего пика. Затем одни из них застывают, другие трансформируются в более высокий тип цивилизаций, а иные служат основой для таких изменений на базе новой идеологии.

Стоит отметить, что некоторые возникшие религиозно-этические и философские учения в первом тысячелетии до н. э.

¹ Фазы циклов, конечно, могли и совпадать. Так, в первый период эллинизма расцвет хозяйства шел одновременно с расцветом культуры и общественной мысли и в значительной мере способствовал последнему.

² О высоком развитии философии и складывании своего рода корпорации философов в древнейшем Китае, еще до его централизации, свидетельствуют следующие любопытные факты. В одном из китайских государств эпохи Чжаньго (Сражающихся царств) — Ци уже в IV в. до н. э. «в период правления циского царя Хуаньгуна (374—356 г. до н. э.) было создано первое в истории Китая своеобразное высшее учебное заведение — академия Цзися. В ней работали и обучались представители различных философских и политических школ: конфуцианцы, даосы, натурфилософы и др. Как сообщает Сыма Цянь, циский правитель Сюаньван (342—324 г. до н. э.) пожаловал титулы «высших сановников» многим слушателям академии за их выдающиеся проповеди. «Они не вникали в государственные дела, — писал Сыма Цянь, — а занимались лишь обсуждением различных теорий. Поэтому в царстве Ци ученые академии Цзися процветали и было их сотни и тысячи» (История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974. С. 19). Во многом аналогичные явления существовали и в раннеиндийской цивилизации.

прошли долгий инкубационный период, чтобы стать потом основой массовых движений и цивилизаций. Это касается буддизма и зороастризма. Да и конфуцианство далеко не сразу превратилось в государственную идеологию. Для превращения христианства в государственную религию также потребовалось три века.

Новая стадия (третичных, по нашей терминологии) цивилизаций связана с мировыми религиями или их аналогами, в которых идеология стала **надэтнической и надгосударственной**, где религия и мифология оказались совместимыми (до определенного предела) с философией и наукой. И в тот момент, когда эта форма цивилизаций достигла своего пика, в Европе начинаются глубокие и коренные перемены в экономике. Вновь тектонические сдвиги в производстве, подготовленные массой изменений во всех сферах жизни, начинают опережать развитие других сфер жизни.

Ранняя промышленная революция XV—XVI вв. и Великие географические открытия были подготовлены процессами, начавшимися ещё в XIII в. в некоторых областях и в некоторых отношениях (это касается экономики особенно итальянских государств и таких форм, как развитие кредита, мануфактуры, специализированной торговли, регионального разделения труда и ряда других). Рост городов и специфика городской жизни в Западной Европе, специализация производства и укрепление частной собственности, невиданный взлет торговли (в том числе морской), а с ней кредита, учета, банковского дела, все более широкое применение механизмов и машин, водной и ветровой энергии и ряд других процессов привели в конце концов к большим переменам и в духовной жизни.

В течение этих веков в Европе складываются по крайней мере две формы, которые можно оценить как высшие, сверхзрелые идеологии цивилизации. Это гражданская в значительной мере идеология и связанные с ней культура, наука и прочее, характерные для таких итальянских государств, как Флоренция, Милан и другие, а также выросшее на этом движение мысли и духа, получившее название Раннего Возрождения. Указанные

явления, однако, хотя и имели огромное влияние на всю дальнейшую культурную жизнь Европы и мира, на роль массовой идеологии в тот период не годились. Дух Возрождения был достаточно индивидуалистическим, его идеи в большой мере эстетскими, чтобы утвердиться в широких слоях населения. Это могло случиться лишь в небольших и особых экономических и политических зонах (и то на ограниченный период). Подобное мировоззрение имело мало шансов для распространения в больших, аграрных прежде всего, государствах.

Зато другая идеология — реформистская религия — стала духовной основой жизни ряда стран. Эта новая вера, как известно, оказалась весьма совместимой и с новыми экономическими веяниями и потому способствовала промышленным и иным переменам.

Однако как господствующая основа культурно-идеологической группировки ряда европейских и колониальных обществ она продержалась недолго, ибо ее сила была и ее слабостью. Эта религия дробилась на секты, словно под мельничными жерновами, и, следовательно, никак не могла встать над обществом, да еще не имея мощной церковной организаций. Но главная причина постепенного уменьшения роли протестантизма была в динамике роста экономики, науки, печати. Поэтому она постепенно сменяется другой, стадийно более высокой, культурной группировкой обществ, связанных с формированием единого культурно-научного и правового пространства, к которой в течение определенного времени так или иначе примыкают все новые европейские страны, а также белые и частично небелые колонии³. Роль главного стержня переходит теперь от религии к научным и политико-правовым, а также к социальным (основывающимся на концепции прав человека) и

³ Такие перемены происходили, естественно, с разной скоростью в разных странах. Быстрее, конечно, в протестантских. Поэтому в последних и религиозность уменьшалась быстрее. Замечая это, мыслители могли объяснять такой процесс по-всякому. Например, Ф. Ницше писал: «Мы, жители Севера, несомненно, приходим от варварских рас, что видно также по нашей способности к религии: мы плохо одарены ею» (Ницше Ф. Сочинения в двух томах. Т. 2. М., 1990. С. 280).

философско-историческим (концепции прогресса, роли просвещения, эволюции и другие) теориям. Теперь изложение и доказательства практически любой серьезной идеи имеют научную форму. И чем ближе эпоха, тем это очевиднее.

Прежде чем очерчивать процесс далее, надо сделать такое отступление. Мы говорили о выделении пространственно-временных группировок обществ по разным основаниям. Однако почти не уделили внимания производственно-экономическим. Дело в том, что в аспекте нашего исследования во второй формации они играли гораздо меньшую роль, чем иные, хотя в определенных случаях могли стать предпосылкой для прочного политического объединения (особенно наряду с этническими и культурными факторами). Например, общества, располагавшиеся вдоль мощной реки, подобно тому, что было в Нильской долине, составляли естественную производственную группировку, объективно нуждающуюся в общем руководстве ирригаций.

Подобные экономические межобщественные группировки особенно заметны в связи с торговлей. Таковы эллинские города, расположенные по побережью Эгейского моря. В эпоху эллинизма сложился комплекс обществ, связанных не только морской, но и сухопутной торговлей, а также и финансовыми потоками. На Западе Средиземноморья торгово-экономически долго господствовал Карфаген. Затем в эпоху римского могущества Средиземноморье стало практически единым торгово-экономическим пространством.

В средние века такие группировки имелись: в Балтийском море, где центральную роль играл союз Ганзы, опять же в Средиземном море, в Аравийском море и прилегающих к нему заливах в связи с индо-арабской торговлей и в ряде других мест. Вершиной таких торговых группировок стали Португальская и Голландская колониально-торговые империи.

Эти экономические и производственные группировки существенно влияли на смешение цивилизаций, образование интеграционных зон, на культурно-идеологический обмен. Но все же они были слишком зависимы от геополитических

факторов, от случайностей политики и могли внезапно прийти в упадок и распасться. В результате различных причин время от времени перемещался также их центр, и тогда порой менялось и все остальное. Эти процессы прекрасно описаны Броделем.

Но главное для нашего исследования, что, модифицируя развитие цивилизаций, данные группировки сами по себе не могли стать базой и тем более истоком новых цивилизаций. В лучшем случае экономические, этнические и культурные линии совпадали. Однако с XVII в. начинают складываться иного типа экономические группировки, которые постепенно связали торговлей и коммуникациями не только всю Европу, но и Америку, Океанию, а во многом Восток и Африку. Тип такой группировки можно назвать, используя термин Валлерстайна и Броделя, «мир-экономикой». Хотя они также еще долго оставались связанными с политическими формами (колониальные империи), роль их в формировании нового типа культурных группировок становится уже гораздо больше (но еще не определяющей).

Изменения в Европе, расширение европейского экономического пространства до мирового создают условия для надлома других цивилизаций. В этих районах экономика развивалась последние столетия вбок от генеральной линии. Сами по себе совершить рывок и выйти в новую формацию они уже не могли, следовательно, и такие устойчивые типы группировок, как цивилизации, сами по себе не могли быть заменены. Однако внешние воздействия создали кризис и способствовали надлому этих цивилизаций. Лишь много позже, уже под влиянием прямого вмешательства или внутренней модернизации, в этих странах начинаются экономические перемены, которые приводят также к глубоким политическим кризисам, выразившимся в революциях, военных поражениях, гражданских войнах, подъеме национально-освободительного движения и т. д.

Эти изменения, дополненные обретением политической независимости, огромными сдвигами в мировой экономике, связанными с научно-технической революцией, породили новые формы культурных группировок на основе некоторых бывших

цивилизаций. Они возникли и там, где раньше цивилизаций не было или до них не доросли (например в Латинской Америке, в Африке). Первоначально, однако, эти новые формы родились в результате индустриализации в некоторых странах во второй половине XIX — начале XX века, в частности в царской России и императорской Японии. Подобные процессы начинались также в ряде стран Азии (Китае, Турции и др.). Такие культурные группировки, связанные с особой реакцией общественного сознания на большие перемены в экономике и культуре, я называл **квазицивилизациями**, поскольку они внешне весьма похожи на классические цивилизации, а роль идеологии в них очень велика. Можно выделить религиозные квазицивилизации, которые возникают на базе мировых или иных религий. Сегодня наиболее значительным из таких образований выступает мировой исламизм. Однако в результате революций и иных процессов появились и образования с нерелигиозной идеологией. Наиболее ярким примером будут социализм и фашизм. Это секулярные квазицивилизации. Об этих и других культурных группировках пойдет речь в § 8—9. Все они характерны для третьей (индустриальной) формации.

Однако изменения последних десятилетий в третьем мире по времени совпали с переходом западных и других развитых стран от третьей к четвертой формации (научно-информационной). И хотя теоретически движение отсталых обществ, вступивших в индустриальную (третью) формацию, к ей соответствующим формам культурных группировок и не связано с вышеуказанным развитием передовых государств, фактически эта связь очень ощутима. Ведь единство мира стало несравнимо выше, чем раньше. Поэтому естественно, что перемены в продвинутых обществах накладывают очень своеобразную печать на культурноидеологические явления в отстающих регионах.

Изменения в передовых странах (и, следовательно, мира в целом) характеризуются, кроме многого другого, появлением экономических группировок, которые, в отличие от прошлого, имеют четкую договорную и правовую базу. В Европе на основе

такого экономического союза складывается и нечто вроде политической конфедерации нового типа. Возможно, что в будущем базовым политическим уровнем станут уже не отдельные государства, а именно такие (или аналогичные им) группировки. И роль их в формировании культурных объединений нового типа, по-видимому, будет гораздо больше, чем в прежних формациях.

Однако, как мы только что видели, в переходные эпохи культурное развитие отстает от изменений в производстве. Передовые страны сейчас находятся именно в таком периоде. Поэтому, хотя целый ряд явлений будущего уже сложился, говорить о культурных группировках четвертой формации как о системе сложно, ибо таковые пока в зрелом виде не только не существуют но, по-видимому, еще отсутствуют весьма важные или даже определяющие их элементы. Можно, однако, предположить, что базовые единицы таких группировок окажутся большими, чем одно государство, а сами они, вероятно, охватят даже не один регион, а ряд регионов, и будут иметь весьма плотную величину контактов на основе общего правового поля и сходного уровня развития. Бесспорно, огромную роль здесь сыграют новые средства коммуникации, проникающие в каждый дом, к каждому человеку. А также и наука, которая, вероятно, существенно изменит свой облик под воздействием новых средств передачи и обработки информации (аналогично тому, как это случилось с наукой в результате промышленной революции).

Может быть, главным звеном таких группировок станет будущая идеология. Родится ли она вообще и какой предстанет — остается гадать. Но если все же возникнет, то вполне возможно, что основные ее постулаты будут заключаться в том, чтобы оберегать природу. И не придется удивляться, если прежнее цивилизационное наследие с его поэтичным и трепетным отношением к природе получит здесь свой ренессанс⁴.

⁴ Поскольку вопрос о культурных группировках четвертой формации относится уже больше к футурологии, чем к теории исторического процесса, я в § 9 воздерживаюсь от анализа этого момента.

§ 5. Формирование цивилизаций

Итак, мы выяснили, что цивилизации появляются на определенном этапе исторического развития, а время это совпадает с периодом завершения аграрной революции и переходом к зрелым формам хозяйства. Мы и начнем исследование с генезиса цивилизаций.

В первобытности существовали разнообразные объединения родов, групп или племен на основе экономических, политических, но особенно культурно-родственных или религиозных контактов. Иногда группы таких близких в этно-культурном отношении племен называют соплеменностями. Но общего властного центра они обычно не имели.

С переходом к земледелию и скотоводству и ростом населения растут по объему и структурной сложности не только сами группировки обществ, но и входящие в них базовые единицы. И те и другие приобретают новые качественные характеристики. Крупные роды, племена и малые вождества теперь складываются в племенные группы, крупные вождества, конфедерации, союзы племен и т. п. На базе этих этно-политических единиц постепенно формируются первые государства или их аналоги и первые, еще рыхлые, этносы, а также и культурные группировки, в том числе переходные к цивилизациям.

Все эти процессы заняли ряд тысячелетий и во многих регионах продолжались в течение всей писаной истории. Но генеральная линия исторического процесса обозначилась уже более пяти тысяч лет назад, когда на базе первых малых государств и других политических единиц стали образовываться новые формы объединения обществ — достаточно большие государства. А прежние культурные группировки начали перерастать в первичные цивилизации⁵. И в результате государственного давления, а также под воздействием общей формирующейся

⁵ По терминологии некоторых ученых, это было одно из самых критических среди важных эволюционных событий мировой истории {См.: Evolutionary materialism//Histoty and Theory. 1997. № I. P. 83}.

идеологии образовались первые крупные и достаточно сплоченные этносы. Таким образом, мы видим, как постепенно прежде предельные сплоченные образования обществ становятся лишь базовыми единицами для новых, более крупных группировок. На протяжении всей древней и средневековой истории с колебаниями и откатами, но идет рост как базовых единиц, входящих в цивилизации, так и самих этих группировок. Государства, вроде Нижнего и Верхнего Египта, — это предел для государства в III—IV тыс. до н. э. А затем идут уже гигантские империи. Цивилизации, также сначала представлявшие полосы земли, зажатые в узких долинах рек, потом оказались способными охватить чуть не полмира

В результате появляются основные группировки обществ второй формации: крупные государства, крупные этносы и цивилизации. Где-то, по-видимому, их формирование шло одновременно или, точнее, синкретично, лишь позже разделение их обозначилось более ясно. Где-то до цивилизаций не доросли и позже заимствовали готовые формы или примкнули к уже сформировавшимся. Где-то, имея более-менее оформленные народности, обошлись без крупных государств. А в иных случаях, напротив, формирование государства надолго опередило образование сплоченных этносов из конгломерата объединенных племен, орд и народцев. Таким образом, соотношение могло быть различным. Но длительное время генеральная линия так или иначе связывалась именно с синкретическим и параллельным развитием всех трех форм группировок⁶. И уже позже на их базе начинаются перекомбинации в масштабах целых регионов (особенно Переднеазиатского).

Тот факт, что многие государства появляются в обществах без намека на цивилизацию, показывает, что: а) государства, возникающие в менее благоприятных местах, особенно в степи, на

⁶ бы все же предположил, что политогенез и этногенез несколько опережали цивилизогенез. Но поскольку все эти процессы для древнейших мест возникновения цивилизации слабо известны, можно считать их параллельными или как вариант полагать, что одной из важнейших особенностей формирования первичных цивилизаций было именно параллельное формирование этносов и государств, что обусловило как их силу, так и ограниченность.

периферии, и связанные в первую голову с войной и завоеванием, могут длительное время не требовать цивилизационных форм. Особенно, если сплачиваются разноэтничные единицы. Управление с помощью прямой силы, грабежа и угроз — менее высокая политическая форма, чем управление путем хозяйствования, администрирования и регулирования. Там, где политическая власть есть чистая надстройка над хозяйством, где высшие слои считают занятие хозяйством второстепенным делом, трудно ожидать появления цивилизации⁷. Кроме того, в государствах, редко населенных, возникновение цивилизации менее вероятно. **Она рождается в сгустках населения, богатства, специализации и власти.**

О некоторых причинах появления цивилизаций именно в тех регионах, где они впервые обозначились, кое-что сказано (мы говорили о стартовых условиях). Это материальные причины изобилия, ограниченности хозяйственных территорий, большой концентрации населения, необходимости централизации и использования знаний для регулирования производства и другие. О многих же причинах, к сожалению, нельзя сказать чего-то определенного. Так, вероятно, столь высокий уровень культуры и письменности родился не вдруг, а опирался на достижения каких-то предшественников. Но об этом приходится лишь догадываться.

Теперь мы остановились перед проблемой различения ранних цивилизаций и переходных к ним обществ. Другими словами, как отличить примитивную, но уже цивилизацию от предцивилизационного еще состояния? Для этого нужны весьма тонкие методики. Для начала стоило бы указать и на необходимость для такого перехода достичь определенного минимально нужного объема, масштаба, подобно тому, что говорилось о соотношении вождеств и ранних государств⁸.

⁷ Это видно даже внутри одной цивилизации. Можно сравнить Афины и Спарту. Много ли внесла в эллинскую цивилизацию последняя? Одна из причин в том, что спартиаты мало занимались хозяйством. Между тем в Афинах знать всегда уделяла ему большое внимание, еще задолго до Перикла и даже Солона. А городские власти тратили много сил на регулирование денежных отношений, поощрение ремесла, снабжение горожан и т. п.

⁸ Например, трудозатраты на сооружение монументальных памятников могут быть одним из показателей. Так, для создания олмекского центра Ла Вента, по оценкам, потребовалось 18

Конечно, ранние цивилизации могут сейчас показаться совсем небольшими, но следует учесть эпохальную разницу. Тот объем, который был нормален прежде, в иных условиях уже совершенно недостаточен. Ведь мы видим, что хотя размеры цивилизаций в разные периоды различны, но в общем они идут по пути расширения. Также и объемы территории или населения ранних цивилизаций в целом решительно превосходили показатели варварских обществ.

Вопрос о различении первых цивилизаций от предцивилизационного состояния сложен, как и любая проблема, требующая найти какое-то начало в достаточно непрерывном эволюционном процессе, а также как и любая проблема, связанная с экстраполяцией зрелых признаков на ранние образования. Мы уже видели, что для возникновения цивилизации нужно много разных условий, причем эти условия одновременно связаны и с образованием государства, и с социальной стратификацией, и с рядом других, на первых порах не расчлененных и потому обуславливающих друг друга процессов.

Поэтому для образования цивилизации требуется определенный баланс между политической и сакральной сторонами, между силой политической и административной власти, с одной стороны, и значением жреческого сословия — с другой. Некоторые народы сумели достичь оптимальных сочетаний в этом отношении. Другие — нет. Так, думается, что у кельтов (особенно галлов) перекося был как раз в сторону чрезмерной роли жрецов (друидов), что, возможно, препятствовало образованию государства и необходимой редистрибуции и аккумуляции ресурсов. Противоположный пример — хетты. (Конечно, они по развитию стояли выше галлов, но для нас это сейчас не принципиально). Хетты, напротив, проявили заметные успехи в политической и соответственно военной областях. Но, хотя они и заимствовали письменность и культуру из Месопотамии, исследователи отмечают, что по

тыс. человеко-дней. А для возведения Белого храма в шумерском городе Урук требовался непрерывный труд 1500 человек в течение пяти лет, т. е. уже 2 миллиона 740 тысяч человеко-дней (Данные взяты из: Массон В. М. Первые цивилизации. С. 9. По ним же произведен расчет).

сравнению с соседними народами (египтянами, вавилонянами, критянами) их искусство бедно⁹. Не слишком значительна и литература, нет серьезных священных текстов.

Словом, культура (в том числе и письменная) у хеттов была, а цивилизации не создалось. Здесь не сложилась достаточная идеология, хотя определенные ее зачатки были. Но она была направлена именно на политическую мысль (и, может быть, в этом отношении даже опередила свое время, а потому оказалась непродуктивной). Ведущая роль в общении с богами была предоставлена царю, и «в качестве главного «слуги» богов он служил всем божествам своего царства и как бы являлся ключевой священной фигурой государства»¹⁰. Практицизм и политичность хеттского общества выражались и в идее обусловленности различных несчастий «скорее, не гневом богов, а человеческой слабостью и несправедливой жизнью»¹¹. И, вероятно, этим объясняется и большой интерес к истории и ее урокам, а также гораздо большим, чем у современных им народов, развитием историографии. Таким образом, у хеттов не сложилось цивилизации, основанной на развитии религии и мифологии, подобно другим ближневосточным народам, но в то же время у них не было и цивилизации с политико-государственным уклоном, как в Китае, где появились развитые политико-этические учения; ни как в Риме, где долго существовал культ служения именно государству (а не монарху). Хеттское общество оставалось неким гибридом месопотамской и местной культур.

Итак, процесс формирования цивилизаций в целом, конечно, невозможно рассмотреть без учета вышеуказанных и ряда других факторов в их совокупности. Но поскольку у нас задача связана именно с цивилизациями как культурными группировками обществ, постольку мы ограничиваем комплекс признаков и причин.

В целом можно принять за основу вслед за некоторыми

⁹ См.: Маккуин Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 123.

¹¹ Там же. С. 146.

учеными три главных внешних признака ранних цивилизаций: наличие монументальной архитектуры, городов и письменности (но вообще точек зрения по этой проблеме много). Сочетание всех трех дает уже определенное основание говорить о наличии примитивной цивилизации. Однако здесь возникает ряд проблем и сложностей. Все это **внешние** признаки, и они более полезны при оценке археологических результатов при отсутствии идеологических текстов. Все они должны базироваться на каком-то стержне. Само по себе их присутствие может еще и ничего (в интересующем нас аспекте) не доказывать, во всяком случае ясно не подтверждать, что перед нами культурная группировка обществ именно цивилизационного, а не какого-либо другого типа. Так, письменность нередко была предназначена прежде всего для хозяйственных и политических целей. Между тем более важен для определения начала цивилизации момент, когда письменность начинает обслуживать также и нужды культа, мифологии, прославления богов или обращения к ним.

И возникновение городов не говорит однозначно, что перед нами цивилизация. Известна масса примеров, когда города возникают до появления и письменности, и развитой культуры. В. М. Массон полагает, что этот признак в иных случаях может быть заменен наличием высокоразвитого ремесла, отделившегося от земледелия¹².

Наличие монументальной архитектуры в известной степени дает возможность предполагать и наличие какой-то идеологии. Однако это не обязательно. Ибо такие сооружения не везде носили именно культовый характер, а нередко больше политический. Я бы даже сказал, что монументализм, как и создание больших скульптур, — это, в известной степени, проекция прошлого на новые материальные возможности. Ранние политические образования, получившие огромные по тем временам ресурсы, еще не знают, как их использовать, и **развивают прежние направления, заложенные еще в первобытности и в переходный период.** К тому же

¹² Массон В. М. Ук. соч. С. 54.

монументальные сооружения создаются чаще именно там, где появляется достаточно сильная политическая власть, которая возникает очень часто до появления развитой культуры.

Таким образом, указанные признаки очень важны, но сами по себе даже в совокупности они могут и «ошибиться» (мы только что рассмотрели хеттское общество, где все признаки были налицо. Хотя это пример и из другой эпохи, но все же достаточно показательный). В то же время отсутствие какого-либо признака не означает и отсутствие цивилизации¹³. Так, мы видели, что у инков не было письменности. Но цивилизация там была однозначно.

Мне думается, что все же надо обращаться к тому моменту, который мы признали центральным — к складыванию примитивной идеологии (с учетом, конечно, того, что ее уровень, форма и объем для ранних переходных стадий совсем иные, чем для зрелых). Авторы книги «Происхождение цивилизованных обществ», подводя итоги своим исследованиям, в заключение работы подчеркивают сложности проведения различий между примитивными и цивилизованными обществами в, казалось бы, очевидных вещах: искусстве, письме, даже философии¹⁴. Они видят возможность обнаружения такой границы в «великом различии в уровнях критической мысли, достигнутых этими двумя типами обществ»¹⁵. Они также утверждают, что «цивилизованные общества начинаются с их космологии, теологии и других крупных гипотез, отличных от подобного в примитивных обществах»¹⁶. Эти мысли подтверждают правильность предложенного мной подхода, однако термин «идеология» (при его несовершенстве) кажется мне все же более предпочтительным,

¹³ Многие ученые хорошо это понимают. Например, профессор Клайд Клакхолм подчеркивал, что цивилизацией можно считать общество, которое имеет два из следующих 3 признаков:

города с населением свыше 5000 человек;
письменность;
монументальные религиозные центры.

Менее диалектична позиция Гелба, который считал, что без письменности нельзя говорить о цивилизации. (См.: Daniel G. The first civilizations. L., 1968. P. 25).

¹⁴ The origin of civilized societies. Princeton, New Jersey. 1959. P. 178-181. 15Ibid. P. 181.

¹⁵ Ibid. P. 181.

¹⁶ Ibid.

чем «уровень критической мысли» (хотя цитированные авторы и оговариваются насчет условности этого понятия). Дело, думается, не столько в критичности, сколько в систематичности, разработанности, объеме новых идей и гипотез, в том, что они начинают становиться сердцевиной всей остальной культуры.

В этой связи возникает проблема определения места и роли мифологии. Говорить о мифах в теоретическом плане в их соотношении с идеологией весьма сложно уже потому, что существует великое множество определений этого понятия¹⁷. По мысли Леви-Строса, «с какой бы точки зрения мифы ни рассматривались, их всегда сводят или к беспочвенной игре воображения или к примитивной форме философских спекуляций»¹⁸, но, по выражению одного ученого, в мифе по-прежнему «основное остается загадочным»¹⁹. Таким образом, у мифа имеется много функций: объяснительная, религиозная, культовая, философская, развлекательная, моральная, связанная с игрой фантазии и т. д.

Переход от чисто варварского состояния к предцивилизации связан в том числе с переходом от разрозненных и слабо оформленных идей первобытности к системе мифов и выраженной в них примитивной философии, теологии, космологии и т. п. и (или) к системе морально-космологических предписаний, правил и т. п. Все это известно как героический эпос либо нечто аналогичное ему. Таким образом, эпоха вед в Индии или гомеровских поэм в Греции — это период предцивилизационный. В значительной мере сказанное относится и к обществам германцев и скандинавов (накануне их христианизации) с их буйным мифотворчеством.

Развитая мифология при наличии других условий (особенно письменности и государственности) может перерасти в раннюю

¹⁷ В одной книге, изданной еще в начале 70-х годов, утверждается, что насчитывается свыше 500 таких определений (Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия. Л., 1971. С. 19). Американский ученый У. У. Дуглас утверждал, что у него столько же значений, сколько существует ученых, его применяющих (Взято из: Альбедиль М. Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., 1991. С. 135).

¹⁸ Цит.: Альбедиль М. Ф. Ук. соч. С. 135.

¹⁹ Там же.

идеологию цивилизации, включающую в себя как вариации на основную мифологическую тему, так и различные толкования мифов, а также культовую сторону, искусство и пр. По мере развития цивилизации идеологическое ядро становится все очевиднее, хотя от цивилизации к цивилизации по стройности, объемности, четкости и роли оно, конечно, сильно различается.

Религиозные верования и различные мифы складываются и умножаются в течение долгого времени, наслаиваясь и дублируя друг друга. При консолидации обществ нередко «одна группа божеств не заменяла другую... в результате общий пантеон становился все многочисленнее и сложнее»²⁰. Неудивительно, что в таком великом хаосе в предцивилизациях нетрудно увидеть элементы, сходные с цивилизациями, и, напротив, сложно определить принципиальные различия.

Но тогда законен вопрос, как отличить мифологию предцивилизационную от мифологии, становящейся частью идеологии ранних цивилизаций. В целом надо исходить из того, что мифы все-таки порождение прежних эпох. Это подтверждается уже тем, что указанная систематизация в виде, например, эпосов начинается еще в предцивилизационную пору. И эта мифология для той эпохи нередко является, условно говоря, предыдеологией. Из сказанного ясно, что мифы выполняют роль переходного мостика между дои цивилизационными эпохами. На ранних этапах формирования цивилизаций они могут (трансформировавшись и приобретя упорядоченный характер) выполнять роль ранней идеологии. Но затем эта роль должна перейти к иным формам. А мифы остаются определенным культурным слоем, из которого может черпать и религия, и философия, и литература с искусством.

Сложность различения первичных новых явлений от перезрелых старых может заключаться еще и в том, что в период высокой зрелости и перезрелости каких-то форм и явлений определенные привычные вещи обретают такую четкость, системность и завершенность, какой никогда не знали в

²⁰ Маккуин Дж. Г. Ук. соч. С. 120.

классическую эпоху. Иногда именно такие сверхзрелые формы и освещают «сущность» каких-то явлений (и это одна из причин ошибочной экстраполяции более зрелых форм на менее зрелые). Но в этих перезрелых формах появляются и частички, элементы совсем нового. Однако они еще не приобрели нужной четкости, еще непонятны и потому слабо узнаваемы, могут исчезнуть, чтобы появиться позже или замениться аналогами.

Соответственно и в ранних формах нового старые перезрелые явления не уходят сразу. Они и не могут уйти, ибо им еще нет необходимой замены, к тому же нет еще и жгучей потребности в том, чтобы их убрать. Она явится позже (иногда много позже), когда новые явления станут достаточно сильными, оформленными и наберут импульс к развитию²¹.

Таким образом, и в перезрелых формах уходящего, и в молодых формах приходящего есть (перемешано, слито, скомбинировано, неразрывно) и старое, и новое. Следовательно, по наличию или отсутствию каких-то вещей, признаков обычно разделить их затруднительно или невозможно. Качественная разница, скорее, в их пропорциях и функциях. Можно указать на ряд принципиальных возможностей такого различия. Во-первых, функции старого в новом должны меняться. Во-вторых, новые элементы в перезревших формах еще не составляют систему, еще только усиливают возможности старого. В молодых образованиях, хотя и нечеткая, слабая, но есть уже система нового, а следовательно, и функции нового также заметно меняются. В-третьих, замыкание в систему может быть связано с появлением какого-то, на первый взгляд, не слишком важного момента, изобретения, события и прочего. Оно может быть самым разным, поскольку играет роль спускового крючка. Ведь, по словам Ортеги-и-Гассета,

«в любой перспективе появление нового элемента влечет за собой перетасовку всех остальных элементов иерархии»²².

²¹ Этот период может быть вторым переломом, вторым скачком, иногда выступающим как завершение спирального кольца развития, отрицанием отрицания.

²² Ортега-и-Гассет. Новые симптомы // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 206.

Не вдаваясь в обстоятельный анализ возможных методик различения этих стадий, можно сказать, что какая-то часть представлений должна была систематизироваться (степень систематизации, естественно, могла быть разной и зависела как от общего уровня развития, эпохи, окружения, наличия письменности, так и от социально-политических причин). Такое системное ядро могло быть связано с попытками как-то организовать «пантеон» богов, выделив главных; канонизацией культовых действий, особенно погребальных обрядов, вокруг чего наслаиваются искусство, литература, мифология и прочее (так, вероятно, было в Египте); упорядочением жреческой иерархии или социальной роли жрецов, что неизбежно требует идеологического обоснования; попытками создать государственный религиозный культ; созданием или канонизацией священных книг (это более характерно уже для рождения вторичных и третичных цивилизаций); приведением в систему мифов и подобными вещами.

Таким образом, в ранних цивилизациях, хотя и продолжает существовать множество мифов с их разными функциями, но они уже приобретают более иерархический вид. Эта иерархия зависит от общего характера формирующейся цивилизации, но так или иначе ядро мифов, поясняющих исключительность положения жреческого сословия или государя либо настаивающих на совершенной важности исполнения определенных этических норм и т. п., кристаллизуется и встраивается в систему религии. Дальнейшую трансформацию мифологии К. Ясперс описывает так: «Мифологической эпохе с ее спокойной устойчивостью пришел конец. Основные идеи греческих, индийских, китайских философов и Будды, мысли пророков о Боге были далеки от мифа. Началась борьба рациональности и рационально проверенного опыта против мифа (логоса против мифа), затем борьба за трансцендентного Бога, против демонов, которых нет, и вызванная этическим возмущением борьба против ложных образов Бога. Божество неизмеримо возвысилось посредством усиления этической стороны религии. Миф же стал материалом для языка,

который теперь уже выражал не его исконное содержание, а нечто совсем иное, превратив его в символ. В ходе этого изменения (по существу, тоже мифотворческого), в момент, когда миф как таковой уничтожался, шло преобразование мифов, постижение их на большой глубине. Древний мифический мир медленно отступал, сохраняя, однако, благодаря фактической вере в него народных масс свое значение в качестве некоего фона, и впоследствии мог вновь одерживать победы в обширных сферах сознания»²³.

§ 6. Цивилизации в классическую эпоху

Поскольку в § 3 достаточно говорилось о характеристиках цивилизаций именно классического периода, то в данном параграфе я соответственно многое опускаю, сосредоточиваясь на узловых проблемах развития различных форм, стадий и линий процесса, на определении его генеральной линии²⁴. Анализируемый период второй формации, от появления первых государств (3000 лет до н. э.) и до ранней промышленной революции XV— XVI вв., для нас характерен тем, что в начале его первые цивилизации как пространственно-временные группировки обществ определенного и нового для тогдашнего человечества типа уже достаточно сформировались, и далее, в течение всего указанного исторического отрезка, развитие цивилизаций в целом шло на подъем, по восходящей линии. Поэтому данную эпоху для цивилизаций я условно называю классической. Период же их жизни после рывка Европы в новое время — это уже постклассическое время, эпоха надлома и упадка цивилизаций, развитие по нисходящей линии, осложненное заимствованиями разного рода от обществ более высокой формации.

Итак, с появлением интенсивных форм сельского хозяйства, ростом ремесла, торговли, урбанизации и формированием ранних

²³ Ясперс К. Смысл и назначение истории. С. 33—34.

²⁴ Но не следует забывать, что здесь речь идет о генеральной линии именно цивилизационного развития, а не вообще результирующей исторического процесса. Они, конечно, часто совпадают, но, однако же, далеко не всегда.

идеологий цивилизации начинают приобретать вполне зримые, хотя еще и незрелые черты. При этом и египетская, и месопотамская²⁵ (шумерская) цивилизации возникли и обрели устойчивость в удивительно короткий период времени. Такая быстрота их созревания постоянно наводит исследователей на мысль о предшественниках, облегчивших их предцивилизационные искания²⁶.

Таким образом, первоначально генеральная линия развития сосредоточивается на Ближнем Востоке (включая Египет). Но надо сказать, что указанная линия не была единственной. Восточнее развивалась хараппская цивилизация, датировка ранней фазы которой иногда определяется как 3200—2200 (вариант 2900—2100), а зрелой — 2700—2100 (вариант 2200—1800) до н. э.²⁷. К началу III тыс. до н. э. относят и возникновение первых государств в Эламе. В самом начале второго тысячелетия до н. э. формируется цивилизация на Крите. Существовали и другие, если не полностью, то полумцивилизированные районы. Однако несомненно, что ближневосточная линия развития очень долгое время была ведущей. Именно здесь сосредоточился центр культурной, политической и экономической жизни человечества. Но по мере появления все новых государств и цивилизаций начинается их столкновение, обогащение и развитие, что в конечном счете приводит к формированию цивилизаций иного рода и с более высокой идеологией.

Разумеется, от появления первичных цивилизаций до формирования цивилизаций более высокого типа проходило

²⁵ Здесь и далее, как и принято, названия Междуречье и Месопотамия являются синонимами.

²⁶ «Вполне вероятно, что шумеры приспособили для своих нужд уже существовавшую систему и технику письма. Эта система принадлежала, видимо, более ранней, исчезнувшей цивилизации, местной или иноземной, которая, может быть, имела отношение к иностранным элементам в шумерском словаре, к топонимике региона и, возможно, к именам почитавших там божеств» (Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. М., С. 39).

²⁷ См.: Альбедиль М. Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., С 16—17. По поводу ранней ойкумены человечества она пишет: «До недавнего времени в исторической науке было принято излагать историю человечества с Месопотамии, Передней Азии и Египта, которые входили в так называемый «плодородный полумесяц». Развитие археологии показало, что рога полумесяца вытягиваются все дальше, чем их обозначил Джеймс Н. Брестед, введший этот термин, и захватывают долину Инда, долины великих китайских рек, пустыню Сахару, которая также представляла собой один из древнейших очагов культурной зоны» (Там же. С. 13).

какое-то, достаточно длительное время. Во-первых, культурная ойкумена должна была существенно (в разы) расшириться как за счет вовлечения в нее периферийных народов, так и за счет хозяйственного и политического распространения уже возникших и укрепившихся цивилизаций. Во-вторых, должны были произойти и культурные перемены (усовершенствование письменности, накопление знаний и специализация интеллектуальной деятельности, развитие религиозных представлений и прочее). В-третьих, требовались также и новации в хозяйстве: domestикация новых растений и животных и их приспособление к различным местным условиям, развитие ремесла (в частности металлургии), торговли, мореплавания и т. д. В результате в одних районах перешли к достаточно продуктивному богарному земледелию, а в других, напротив, от неполивного, но на ограниченных природным плодородием площадях к более продуктивному искусственному орошению. Все это, а также культурные заимствования от древних цивилизаций, создало условия для возникновения и укрепления государственности и цивилизованности уже в областях, в которых не было столь большого изобилия и в которых на прежнем уровне хозяйствования базовые условия для этого отсутствовали (например в Греции или в Италии).

В ходе этого процесса можно говорить и о передвижке генеральной линии развития. Первоначально она скорее была ближе к Египту. В самом деле, разве не намного раньше образовалось там единое крупное государство? Да, вероятно, и вообще институт государства появился там быстрее. Мощь государства позволяла аккумулировать колоссальные ресурсы. Разве можно сравнить пирамиды IV династии в XXVIII—XXVII вв. до н. э. в Египте и сооружения (храмы и прочее) разрозненных шумерских городов? То, что в Египте в ту и последующие эпохи товарно-денежные отношения были развиты гораздо хуже, чем в Междуречье, возможно, являлось даже его преимуществом.

Однако долгое время опережая Междуречье, затем идя с ним вровень, постепенно Египет начинает отставать. Во всяком случае,

уже со второго и особенно с начала первого тысячелетия до н. э. генеральная линия все сильнее уклоняется именно туда, в Месопотамию. Причины достаточно очевидны. Во-первых, в результате расширения цивилизованной ойкумены центр и перекресток политических и иных интересов переместился именно в Месопотамию, а Египет все более оказывался на периферии²⁸. И культурное значение месопотамской цивилизации в результате оказалось намного больше²⁹. Во-вторых, сравнивая по степени переимчивости эти цивилизации, видим, что месопотамская оказалась в этом плане более отчуждаемой. Остановимся на этом моменте подробнее и одновременно отметим некоторые важные для нашего исследования различия между указанными цивилизациями.

Египетская развивалась на постоянной этнополитической базе, иноземные вторжения и начались поздно, и не имели такого значения, как в Междуречье (в этом отношении Египет сходен с Китаем). Месопотамская зато не была так жестко связана с природными условиями и определенным государством. Разрушение же политических организмов, периоды смут и децентрализации оказались гораздо сильнее и глубже, чем в Египте, а степень централизации в Междуречье — существенно слабее. Здесь, по точному замечанию древнего мудреца,

²⁸ Конечно, можно проследить линию культурных заимствований из Египта греками. Но эта связь проявила себя как очень важная лишь гораздо позже времени, о котором сейчас речь, и была намного более опосредованная, чем заимствования ближневосточных народов из Междуречья. К тому же греки охотно перенимали и у других восточных народов. Так, по словам Геродота, эллины заимствовали имена своих богов и многие обычаи, письменность и иные знания у древних египтян, финикийцев и других. А Диодор Сицилийский утверждает, что Гомер, Ликург, Солон и мудрецы более поздних времен Демокрит, Платон встречались с восточными мудрецами и заимствовали у них знания (взято из Вейнберг И. П. Рождение историн. М., 1993. С. 12).

²⁹ Военно-политическое значение Египта, как и других стран (Хеттской державы. Миганий), часто было намного больше, чем у Вавилонии, которая длительными периодами могла быть «лишь одной из второстепенных фигур на военно-политической арене» (История Древнего Востока / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1988. С. 129). Но культурное влияние месопотамской цивилизации на окружающие ее страны и более далеких соседей было гораздо значительнее египетского. И международным культурным центром, несмотря на столетия политического упадка, оставался все же почти всегда Вавилон, иногда деля эту славу с другими Регионами и городами, вроде знаменитой Ниневии или Ашшура. С усилением же Ассирии и военно-политический центр оказывается в Месопотамии, хотя районы соперничества крупных держав могли лежать в Других местах, например в Палестине.

«владычество переходит от народа к народу»³⁰. Но именно благодаря тому, что этот цивилизационный центр постоянно захватывали все новые семитские (и несемитские) народы и государства, его культура в разной степени, но перенималась ими. Наиболее полно восприняли ее уже в вавилонском варианте ассирийцы. Но и окраинные народы: эламиты и хетты, хуритты и урартийцы — также взяли многое. Далее мы увидим, что на базе такой завоевательной и подражательной ротации здесь намечается некое движение к созданию более высокого типа культурной группировки, чем первичная цивилизация.

О египетской цивилизации мы, без сомнения, думаем как о единой на протяжении по крайней мере до македонского завоевания. Иная ситуация в Междуречье. Несомненно, в широком плане можно говорить о единой месопотамской цивилизации, что мы и делаем. Тем не менее этот культурный центр развивался на базе по крайней мере двух последовательных цивилизаций: шумерской и вавилонской. Фактически же процесс был еще сложнее. С конца третьего тысячелетия появляется промежуточная шумеро-аккадская ступень (аккадский язык использовался очень долго), а с конца второго тысячелетия — ассиро-вавилонская. Конечно, количество этих ступеней достаточно условно, но сложность ситуации они вполне характеризуют. Тем более, что в Междуречье меняется несколько раз господствующий язык цивилизации. Таким образом, стоит отметить, что те же этапы взросления цивилизации в Египте есть фазы внутри одной цивилизации, в Месопотамии — разных, хотя высокая степень их преемственности несомненна.

Прежде чем продолжать рассуждение дальше, целесообразно кратко посмотреть на рост контактов и культурной ойкумены в течение жизни месопотамской цивилизации и в целом Ближнего

³⁰ «Много народов прошло через Месопотамию, и большинство из них оставили после себя письменные памятники. С момента, когда проясняется лингвистическая принадлежность обитателей Месопотамии, и до конца политической независимости страны главными ее обитателями на юге считаются шумеры, вавилоняне и халдеи, а на севере — ассирийцы, хурриты и арамеи». Среди племен-завоевателей, «которым время от времени удавалось обосноваться в отдельных районах Месопотамии», «можно упомянуть кутиев, западных семитов (амореев), касситов, эламитов и хеттов» (Оппенгейм А. Ук. соч. С. 39).

Востока как долгое время самого интенсивного по смене доминирующих обществ, политических столкновений, этнических перемещений и перемешиваний региона. Ибо эти процессы привели к весьма любопытным культурно-цивилизационным формам, о которых пойдет далее речь.

Появившиеся более пяти тысяч лет назад первые города-государства Ур, Киш, Лагаш и другие постепенно расширяют собственные границы и пытаются стать гегемонами в этом районе. В конечном счете на этой базе формируется в Нижнем Междуречье шумерская цивилизация. Однако, как это нередко бывало, политического объединения общества Нижней Месопотамии достигают лишь благодаря иноземному вторжению из Аккада. И при Саргоне, который стал «властителем четырех стран света», границы государства существенно расширяются. То, что аккадцы воспринимают более высокую культуру шумеров, представляет весьма обычное для второй формации явление, когда завоеватели-варвары легко перенимают культуру, а то и язык покоренных. Для Междуречья это исключительно характерно. В течение пяти веков (конец III — начало II тыс. до н. э.) происходит множество событий, в том числе вторжение кутиев, их изгнание после более чем векового господства, подъем ряда шумерских городов, образование сильного государства под властью царей Ура. Затем страна подвергается новому вторжению, что окончательно меняет здесь этническую и языковую ситуацию (трансформирующуюся уже с приходом аккадцев), и шумеры сходят с исторической сцены. Возникает мощное политическое образование — Старовавилонское царство. Соответственно растет культура, систематизируется мифология, а при наиболее известном царе этой династии — Хаммурапи — кодифицируется право. У этой цивилизации появляются и спутники, так или иначе оказывающиеся под культурным воздействием Вавилонии³¹.

Вторжение хеттов в середине второго тысячелетия до н. э.

³¹ Такие спутники были еще у шумерской цивилизации. Например, Уже «в конце XXV в. до н. э. шумерская клинопись стала использоваться и в Эбле, древнейшем государстве на территории Сирии, где найдены библиотека и архив» (История Древнего Востока. С. 166).

подорвало жизненные силы этого государства. В результате хозяевами Вавилонии стали на три с половиной века новые кочевники — касситы. Затем началось многовековое соперничество Вавилонии и Ассирии (как часть общей и очень сложной военно-политической борьбы государств этого региона, в которой участвовали многие страны и народы, включая Египет, Урарту, финикийцев, арамейев, арабов и др.). Наконец, Ассирия в начале первого тысячелетия до н. э. завоевала Вавилон. Культуру побежденных она, однако, не только восприняла, но и распространила весьма далеко. Спустя длительное время (после восстания, разрушения и восстановления города) Вавилон все же освободился, принял участие в разгроме ослабевшей Ассирии и дележе ее наследства. И это был последний и не слишком долгий этап независимости Вавилонии, ибо она была покорена персами. Правда, подобно египетской, месопотамская цивилизация не сразу сходит со сцены, она стагнирует и при персидском, и при греческом, и при парфянском владычестве. И, подобно египетской же, полностью исчезает лишь в начале новой эры, когда древняя клинопись окончательно забывается.

Таким образом, на протяжении ряда веков происходит перемешивание населения³², обогащение культур, пантеонов богов, мифологии и прочего. Лучи вавилонской цивилизации проникают все дальше, а культурные изменения становятся очень важными. Но, несмотря на очень тесные контакты, массу культурных заимствований, крепкие торговые связи, схожесть систем письма и многое другое, вторичной цивилизации здесь не возникло, как не возникло вплоть до арабской эпохи, несмотря на длительное господство Ахеменидов и века эллинизма, третичных цивилизаций.

В связи со сказанным возникает вопрос: почему генеральная линия развития цивилизаций, столь долгое время находящаяся в районе Ближнего Востока, с середины первого тысячелетия до н. э. переходит в другие (как в более западные, так и более восточные)

³² Особенно активно политику переселений, ассимиляции населения осуществляла Ассирия. Но и другие тоже. Всем, например, известна история вавилонского пленения иудеев.

регионы? Почему при столь интенсивной жизни, при постоянных контактах месопотамская цивилизация, а равно и весь Передний Восток не смогли перерасти во вторичные цивилизации? Ведь если не считать периферийные их районы, иудейского и финикийского, вплоть до периода Сасанидов (о котором шла речь в § 3) крупной цивилизации вторичного уровня там не появилось³³. Есть смысл высказать по этому поводу ряд мыслей.

Разумеется, тут много самых разных причин. Несколько общих соображений относится также и к Египту. В целом понятно, что, будучи истоком, началом цивилизации, дав возможность культурного развития многим народам, создав плацдарм для взлета мысли, эти цивилизации за долгий период своего развития оказались слишком закостеневшими, консервативными, слишком в своем роде уже завершенными, чтобы суметь совершить качественный прорыв к новой идеологии. Удивительно долгое время сохраняться они могли. И это, к слову, было их несомненным преимуществом перед другими, той же хараппской или крито-микенской, которые исчезли сравнительно рано (хотя, конечно, определенное культурное наследие их и осталось). Быть одновременно очень устойчивым и динамичным — редкое сочетание.

Следовательно, и застой этих цивилизаций во многом связан с застоєм в идеологии. Что можно сказать по этому поводу о Междуречье? Несомненно, что идеология там уже давно переросла уровень мифологии, поскольку существовала сложная система общения с богами. Но, с другой стороны, некоторые исследователи не без основания считают, «что влияние религии на отдельных людей и на общество в целом не имело в Месопотамии существенного значения... Человек жил в чрезвычайно умеренном религиозном климате, определявшемся скорее социальными и

³³ И очень любопытно отметить, что в «осевое время» Карла Ясперса не попали (кроме древнеиудейских и Заратустры) никакие другие философы и пророки Переднего Востока. Либо их имена не дошли до нас, либо — скорее — их мудрость была не того уровня, чтобы породить новое интеллектуальное явление, вроде философии. Зато множество философов было в Индии, Китае, Греции.

экономическими, чем культовыми координатами»³⁴. Таким образом, религия не стала здесь ни главным жизненным стержнем, ни главной ареной духовной и общественной деятельности (как, скажем, в Иудее).

Традиция как бы заменяет вдохновение, а молитвы, их формы, время и место, ритуал, жертвоприношения и прочее не рожают экстаза, поскольку тщательно разработаны и описаны.

Поэтому, хотя многие истоки иудаизма, христианства и ислама можно увидеть в мифологии (всем известны мифы о первом человеке, всемирном потопе и пр.) и этике вавилонян и ассирийцев³⁵, все же «ассиро-вавилонской религии не удалось достигнуть уровня более поздних универсальных религий. Ее философия, хотя и опиралась на достижения таких наук, как, например, астрономия, была еще слишком примитивна»³⁶. Правда, определенные намеки на разработку более совершенной идеологии в поздний период (уже после разрушения Ниневии) имелись. В это время «возникают сложные богословские теории, перерабатывающие старые ассиро-вавилонские религиозные традиции в духе монотеизма. Великие боги объявляются различными воплощениями единого Мардука. Каждый из них воплощает одну из его функций: могучий и жестокий Нергал — это Мардук силы, Набу — Мардук мудрости и т. д.»³⁷. Однако, помимо умственных упражнений идеологов, нужны были еще и потенции общества. А их становилось все меньше.

Но зададимся вопросом, насколько могла сложиться такая идеология в ситуации многоэтничности (ведь недаром миф о смешении языков связан именно с Вавилоном, с Вавилонской башней)? Следует обратить внимание на то, что при том уровне

³⁴ Оппенгейм А. Ук. соч. С. 139.

³⁵ Например, что несчастья, выпадающие человеку, — это наказание за грехи. Причем «избавиться от божьей кары можно было лишь путем искреннего покаяния и искупления греха добрыми делами. Ассиро-вавилонские жрецы составляли списки добрых и злых поступков, предлагая кающемуся припомнить, что он сделал недозволенного и какие благочестивые дела не удосужился совершить» (Садаев Д. Ч. История Древней Ассирии. М., 1979. С. 201).

³⁶ Там же. С. 200.

³⁷ Там же. С. 200.

идеологии, который был в древности, на межэтнической основе легче складывались устойчивые культурные связи и гораздо сложнее цивилизационные. Последние легче развивались на близкой этнической основе обществ, сходных не только языком, но и (или) религией, мифологией, обычаями. Такова была египетская цивилизация, таковы же были и древнеарабская, и крито-микенская, и эллинская, и китайская (на протяжении многих сотен лет до утверждения конфуцианства), и другие; на основе колонизации возникла финикийская; во многом этнорелигиозные единства арийцев сформировали и индуистскую. Однако ареал распространения таких близких народов обычно не мог быть слишком велик. В более же крупных и «сложных цивилизациях расовые, этнические и лингвистические категории совпадают очень редко»³⁸. Но в Месопотамии, пожалуй, такое несовпадение было слишком сильным. А если добавить еще несовпадение всех этих компонентов с государством, ситуация предстанет и вовсе не простой.

Ранние многоэтнические цивилизации могли существовать только при сильном государстве и едином культе (подобном тому, какой существовал у инков). Но такие цивилизации-империи оказывались непрочными, и при распадении вместе с государством могла исчезнуть и цивилизация, ибо государственные и цивилизационные связи оказывались здесь слишком соединенными. Общего культа в Месопотамии не было, как не было и очень прочных государственных организмов. Многоэтнические цивилизации могли возникнуть и укрепиться также при активной экспансии развитой цивилизации на покоренные отсталые районы, опирающейся на государственную силу, например при романизации ряда римских провинций³⁹. Частично так было и на Ближнем Востоке, но в периоды наивысшей активности той же Ассирии и Вавилонии ее соседями были уже не столько отсталые, сколько культурные народы.

³⁸ Оппенхейм А. Ук. соч. С. 37—38.

³⁹ Значительной степень ассимиляции разноплеменного населения была и в империи инков, где широко распространился с помощью государственного принуждения язык кечуа.

Идеология ассирийских царей, видевших свое величие в разрушениях и жестокостях⁴⁰, явно не могла их вдохновить.

Еще один вариант объединения в одной цивилизации разноэтничных народов и государств, когда в роли завоевателей оказываются народы, стоящие на более низкой отметке, чем завоеванные. Тогда может идти полное или частичное перенимание культуры и даже богов, мифологии (кстати, это показатель того, что она может выполнять роль ранней идеологии и заимствоваться), письменности и т. п. До греков все завоеватели Месопотамии и были такими.

Таким образом, распространение цивилизационной идеологии на другие общества до появления мировых религий легче всего шло в областях, близких этнически или религиозно; при разноэтничном субстрате цивилизация могла существовать лишь под эгидой сильного государства, а распространялась цивилизация либо путем экспансии на менее развитые, нецивилизованные народы, в результате чего происходило языковое и этническое сближение с более культурной народностью (или даже этническая ассимиляция), либо, напротив, путем восприятия культуры покоренных победителем. Само собой, что существовали комбинации.

Но когда завоеватель этнически чужероден, то его более высокая культура очень часто не может стать приемлемой для покоренных, обладающих своей древней культурой и численно преобладающих. Именно такая ситуация характерна для восточной части эллинистического мира. Таким образом, когда цивилизации зрелые, устоявшиеся, с законченной систематизацией встречаются с другой, даже более высокой, их интеграция затруднена, если нет надэтничной и надгосударственной

⁴⁰ И беспрестанно похваляющихся, подобно Синнеххерибу, разрушившему Вавилон в 689 г. до н. э., тем, что телами убитых «заполнил я широкие площади города. Город и его дома от фундамента до стен я разрушил, я опустошил и предал огню» (Цит.: Кленгель-Бран лт Э. Путешествие в Древний Вавилон. М., 1979. С. 60).

Такие надписи обычны для правителей Ближнего Востока, но история Ассирии просто перенасыщена ими.

идеологии. Иноземное господство не ломает религиозно-идеологической преграды между господами и покоренными, а создает стойкое неприятие или даже противостояние ментальностей. Без надгосударственной и надэтнической идеологии, которая хотя бы в ней духовно уравнивала покоренных и властителей, такие процессы в отношении достаточно древних и культурных народов будут исключением. Поэтому неудивительно, что хотя романизация состоялась во многих местах (в основном это были народы некультурные, кроме италиков, более близких римлянам), ни греки, ни египтяне, ни иудеи не были романизированы. Зато христианизация этих районов шла весьма активно. Она затронула и Передний Восток, но там гораздо успешнее пошла исламизация, как религия, генетически более близкая населению, да и арабский язык был близок к другим семитским.

Но данное рассуждение не снимает факта существования в Переднеазиатском регионе издавна общего момента и в письменности, и в письменных языках⁴¹, и в традициях литературы и культуры, и в культурных интересах, и во многом другом. А такие образования, как держава Ахеменидов, бесспорно, имели и некий общий культурный субстрат, надстраивающийся над локальными цивилизациями и местными культурами, хотя еще рыхлый и слабый для серьезной их интеграции. Еще больше сказанное характерно для эллинистического мира.

Как же можно оценить их в рамках нашего исследования? Мне думается, что в связи с такой культурно-политической интеграцией и общим культурным ростом на Ближнем и Среднем Востоке складывается более высокая по типу культурная группировка обществ, чем первичная цивилизация. Она в какой-то части аналогична вторичным и третичным цивилизациям, но более рыхлая и менее прочная, чем они, поскольку не могла обойтись без подпорок в виде политического (или политико-

⁴¹ Во втором тысячелетии до н. э. на Ближнем Востоке господствовала клинопись, которую ученые иногда называют «латиницей Древнего Востока». Естественно, что вместе с ней заимствовались и многие понятия.

этнического) господства. Однако при дальнейшем развитии и благоприятной обстановке на этой базе возможен переход ко вторичным или третичным цивилизациям, что и случилось в конце концов в Передней Азии, но чего бы не произошло без определенной культурной нивелировки, идущей здесь с глубокой древности.

Теперь можно данный тезис несколько развить. В первом тысячелетии до н. э. (где-то несколько раньше, где-то позже) все явственнее (в ретроспекции) наблюдается цивилизационный перелом, связанный (в моем понимании) с переходом ко вторичным цивилизациям. Во всяком случае именно этот духовный перелом зафиксирован многими. Но стремление цивилизаций выйти за пределы ограниченной территории наблюдается уже во втором тысячелетии. Достаточно явно это видно в Египте, что связано с его усилением в эпоху Нового царства в XVI—XII вв. до н. э., с завоевательными походами XVIII и XIX династий в Сирию, Палестину и на Юг. Гораздо более оно заметно в Месопотамии, откуда культурное влияние распространяется в Малую Азию, Закавказье и т. п.

Можно считать, что слабые аналоги вторичной цивилизации как культурной группировки обществ складываются на Ближнем Востоке уже в конце второго — в первые века первого тысячелетия до н. э. (особенно в связи с периодическим усилением Ассирии) в виде группы обществ, достаточно интенсивно связанных культурно, имеющих общий пласт культуры и частично мифологии, а также целый комплекс общих представлений, выработавшихся в ходе военных, политических, торговых и династических контактов. Недаром ведь и древнейшая история дипломатии начинается здесь. Персидская империя Ахеменидов была уже более совершенным аналогом вторичной цивилизации.

Стоит отметить, что в этот период расширяется начавшееся уже в новоассирийское время распространение вместо клинописи нового типа письма — буквенно-звукового. В частности, арамейский язык и арамейское письмо стали «международным

средством общения для всего Переднего Востока вплоть до Египта». «Арамейское письмо и арамейский язык вытеснили вавилонскую клинопись и аккадский язык даже на их родине в Месопотамии. Широкое распространение арамейского письма привело к тому, что оно использовалось не только в монументальных надписях, но и на черепках и папирусе»⁴². Мне кажется, что это один из важных показателей складывания указанной выше группировки нового типа — аналога вторичной цивилизации. Ведь именно клинопись была точкой соприкосновения разноэтничных и непохожих народов Ближнего Востока, ибо вместе с клинописью приходила и месопотамская культура. «Именно клинопись была стержнем месопотамской цивилизации, объединявшим все ее аспекты и позволявшим сохранять традиции»⁴³. Утрата ее роли есть свидетельство глубокой трансформации культурной жизни этого региона.

Уже в державе Ахеменидов хоть и поверхностно, но соединились две прежние и новая линии: египетская, месопотамская и греческая. В эллинистических же государствах впервые пытаются слиться два широких и важнейших потока мирового развития: восточный (точнее, пока еще ближневосточный, но и в нем уже прослеживаются и второстепенные индийские влияния) и западный (эллинский). Причем, хотя синтез и не стал органическим, обогащение культур было взаимным, пусть все же Запад перенял больше. И территория эллинистической группировки расширилась, так как включала в себя и западные, и северные (азовско-черноморские) колонии греков. Таким образом, **эллинистический мир не стал новой цивилизацией, но его можно считать хотя и не очень совершенным, но аналогом уже третичной цивилизации.** Это доказывается и тем, что если персидская эпоха не ознаменовалась какими-то сверхвыдающимися культурными достижениями, то эллинистическая, бесспорно, дала их.

Еще более развитым аналогом третичной цивилизации

⁴² Фридрих И. История письма. М., 1979. С. 106. ⁴³ История Древнего Востока. С. 164.

⁴³ История Древнего Востока. С. 164.

явился римский мир. С одной стороны, это была новая, высокоразвитая вторичная цивилизация (романская) части европейских обществ, сама по себе весьма крупная. С другой — Римская империя включала в себя и ряд территорий, каждая из которых была самостоятельной цивилизацией и не могла быть просто романизирована. Однако же существовало определенное надцивилизационное культурное единство, хотя и не слишком прочное, которое по уровню можно рассматривать как аналог третичной цивилизации. Недаром ведь и высшая третичная цивилизация, христианская, возникла именно здесь. В восточной части империи постоянно в течение веков шли поиски синтеза разных культур, выражающиеся в том числе в распространении гностики и различных восточных культов (Изиды, Митры и др., а также иудаизма), предтечей христианства.

По-другому шло развитие от первичных цивилизаций к более развитым в иных местах. В Индии оно опиралось на не очень нам известное харапское наследие. Имея такую базу и собственную эпическую культуру, индоарии достаточно скоро (уже в первые века первого тысячелетия до н. э.) могли создать раннюю вторичную цивилизацию, связанную с канонизацией мифологии, священных и философских текстов (точнее, тексты совмещали в себе все сразу). А затем на этой базе начинается

расцвет литературы, религиозной мысли, философии, выделяются разные школы, среди которых наметилась и «веточка» к появлению первой третичной цивилизации — буддизма⁴⁴. Но и сам индуизм, с его удивительной устойчивостью, развитой философско-теологической и космологической мыслью постепенно перерос в то, что можно назвать аналогом третичной

⁴⁴ Буддизм начал распространяться за пределы Индии еще задолго до новой эры. Но мне кажется, что пуповина, связывающая его с индуизмом, порвалась в конце XII в. н. э., когда «монастырские центры буддизма по всей Северной Индии были полностью опустошены захватчиками-мусульманами в конце XII в. Богатство и власть их покровителей перешли к мусульманским правителям. С гибелью и рассеянием монахов буддизм в Индии уже не мог выстоять. Культы буддистов-мирян были с легкостью поглощены индуизмом. Некоторое время буддизм еще существовал, особенно в Южной Индии, но около 1500 г. окончательно сошел с индийской сцены» (Религиозные традиции мира: В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 298). А завершенность буддийская цивилизация приобретает в XVI—XVII вв., когда над Тибетом воцаряется власть Далай-Ламы, с которым обычно ассоциируется эта религия.

цивилизации. Таким образом, эту группировку можно интерпретировать как высокого уровня вторичную цивилизацию, которая одновременно за счет своей зрелости во многом аналогична третичной цивилизации.

Развитие в Греции вначале во многом походило на ситуацию в Индии. Завоеватели вроде бы и разрушили прежнюю культуру (или доругили, если она уже пришла в упадок). Но, опираясь на микенское наследие, дорийцы в значительной мере смогли сократить (едва ли не миновать) этап первичной цивилизации и вскоре перешли ко вторичной, связанной с расцветом искусства и философии.

Развитие в Китае было связано с гораздо большим, чем у других, постоянством этно-культурной базы, благодаря чему от этапа к этапу прослеживается прямая преемственность. Переходного типа цивилизация II тыс. до н. э. постепенно перерастает в первичную цивилизацию, а затем в первом тысячелетии — и вторичную. В это время создается множество различного направления учений, часть из которых становится идеологическим оружием (или прямо руководством к действию) в ряде китайских государств⁴⁵. А далее постепенно в связи с централизацией утверждается конфуцианство (как аналог мировой религии), вобравшее очень многое из других учений, в том числе легизма, дополненное и оттененное буддизмом и даосизмом, и возникает третичная цивилизация.

Итак, весьма схематично можно выделить несколько линий развития цивилизаций от примитивных к третичным. Где-то

⁴⁵ Живший в V в. до н. э. Мо Цзы в ответ на приглашение юеского вана, который собирался ему пожаловать земли с приписанными к ним семью с половиной тысячами семей, воскликнул: «А раз он не в состоянии понять мои слова и принять мои принципы, то, обещай он мне даже все царство Юе, я бы не взял. Потому что принять царство от царя, который этого не понимает, означало бы продать самого себя [за царство], а если уж продавать себя, то незачем ехать за этим [так далеко] в Юе — это можно сделать и [здесь], в срединных царствах» (Анатомия мудрости. 106 философов. Жизнь, судьба, учение: В 2 т. Т. 1. Симферополь, 1995. С. 161). Это показывает, как высоко ценили себя мудрецы, как престижно было иметь их в своем царстве, и что в отдельных случаях такие философы становились первыми государственными советниками. Наиболее известный из них — знаменитый легист Шан Ян, проводивший в IV веке радикальные реформы в царстве Цинь.

это, по сути, этапы развития одной цивилизации вплоть до третичной, постепенно и расширяющейся территориально, и выходящей за рамки одного, хоть и крупного, государства. Такова китайско-конфуцианская. Где-то вторичная цивилизация возникает, частично минуя этап первичной, за счет наследства погибшей цивилизации. В Индии вторичная цивилизация в своем движении к третичной разветвляется, и буддизм постепенно распространяется далеко за пределы родины, но и процветает в основном вне ее. Сам же индуизм развивается до аналога третичной цивилизации. В Греции и Риме идут попытки создать третичную цивилизацию за счет синтеза разноэтничных культур, но недостаточно успешно, пока на этой почве не родится новая идеология. На Ближнем Востоке мы видим движение от первичных цивилизаций к аналогам вторичных и третичных, поскольку в целом идет нарастание культуры, но государственные, расовые, этнические и языковые моменты не совпадают. В связи с тем, что классических крупных вторичных цивилизаций в этом районе долгое время не складывалось, переход к третичной затягивается еще сильнее, чем в Европе.

Вернемся к моменту формирования вторичных цивилизаций. На этом этапе можно отметить появление философии, и частичное отделение духовной культуры от религии, и приобретение последней особого эстетического направления, и рождение политической идеологии, и т. п. (иногда в комплексе, иногда как варианты). В этой пестрой палитре имеются даже начатки рационального мышления и вполне секулярной и развитой литературы и искусства. Мало того, становится все больше элементов духовного, которые могут быть заимствованы без идеологии и обрядности. Среди линий развития молодых вторичных цивилизаций индийская и китайская оказались более плодотворными, чем ближневосточная, но все-таки они не стали главными. Генеральная же линия цивилизационного развития с середины первого тысячелетия до н. э. определенно перемещается в Грецию, а затем в римский мир, в котором «дух

государственности обеспечивал стабильность институтов»⁴⁶.

Надо сказать, что вторичные цивилизации, в основе которых нет цельной идеологии, едва они становятся достаточно зрелыми, очень часто по своим свойствам имеют короткий век. (Более устойчивыми являются явно идеологические вторичные цивилизации, вроде иудейской.) Пробужденная мысль не может уже остановиться, она стремится к новому, в результате убеждения становятся относительными, оспариваемыми, не вечными. Такие вторичные цивилизации неизбежно стремятся к более высокой стадии: возникают культурные аналоги третичных цивилизаций. А затем в конце концов из этих элементов складываются новые варианты, пока не создаются условия для того, чтобы возникли такие идеологии, которые могли бы усваиваться целиком безотносительно к тому, какой народ и какой политический организм их заимствует, а также и достаточно ортодоксальные, чтобы не подвергаться сомнению. Но, конечно, страны избирали из мировых религий и их аналогов те, которые оказались им по разным причинам ближе. Генеральная линия исторического процесса, таким образом, шла от национальных и языческих цивилизаций к монотеистическим и интернациональным (вариант — к государственно-этической идеологии).

Что же касается развития за пределы третичных цивилизаций, то среди последних длительное время не видно было, какие же свойства поздних цивилизаций дают преимущества в отношении возможности перехода к более высоким культурным группировкам и к более высокой стадии развития обществ в целом. Целесообразно посмотреть, какие же качества христианства позволили совершить прорыв к новому. Ибо, как справедливо утверждал Йохан Хёйзинга: «Возникновение нового — не этого ли наш дух более всего ищет в минувшем!»⁴⁷.

О соотношении Востока и Запада у нас еще будет возможность обстоятельно поговорить. Здесь важно отметить принципиальный момент. При множестве, целом комплексе причин,

⁴⁶ Гофф Жак Ле. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 9.

⁴⁷ Хёйзинга И. Осень средневековья. М., 1988. С. 5.

выделить из которых **абсолютно** главные не представляется возможным (речь может идти лишь об **относительно** главных), только из самой по себе цивилизации, из идеологии, мировоззрения и прочего удовлетворительно их не объяснить⁴⁸. Нужно обращаться к более материальным основаниям, ибо культуры могут быть правильно поняты только через призму приспособления медленного нарастающего изменения к окружающей их среде⁴⁹. Но в то же время без определенных потенций и особенностей цивилизационного субстрата такого рывка могло и не быть. Однако эти потенции долгие столетия были незаметны или не играли важной роли, поскольку либо другие вещи забивали их, либо просто не было условий для их реализации⁵⁰. Поэтому сейчас наша задача — выявить в западной цивилизации такие черты и потенции культуры, духа, религии и менталитета, которые в конечном счете дали ей преимущество, не предопределяя пока их значимости в общем комплексе причин.

Несомненно, что наследие античности очень многое дало Европе. Это подчеркивается всеми. Особенно стоило бы отметить роль римского права, удачно наложившегося на обычное право ряда германских народов, и взаимоотношения гражданина и государства⁵¹. Даже в темные для развития культуры столетия после падения Западной Римской империи это право, хотя и сильно

⁴⁸ Поскольку неправомерно «рассматривать культуру как абстрактный духовный организм в изоляции от социально-политических сторон жизни» (Цит.: Предисловие к кн.: Грюнебаум Г. Э. фон. Классический ислам. Очерк истории 600—1258. М., 1986. С. 6. — Так критиковали более раннюю работу Грюнебаума).

⁴⁹ Wagner P. L. Concept of Environmental Determinism in Cultural Evolution // *The Origins of Agriculture* / Ed. A. Reed. The Hague—Paris, 1977. P. 49.

⁵⁰ Нечто похожее происходит и сегодня с наследниками конфуцианской цивилизации, у населения стран которой оказались такие необходимые черты, как послушание государству, дисциплина, умение подчинить частные интересы корпоративным, уважение к начальству, способность довольствоваться малым и копить и ряд других, которые помогли странам Восточной и Юго-Восточной Азии совершить прорыв в экономике.

⁵¹ «Поскольку вся сложность и хитросплетения права в западном мире основаны на римской модели, особенно важно, что римское право имело нормативные основания, что было противоположно корпоративному коллективизму в государстве. И это могло быть центральным моментом, облегчающим отрыв от полной лояльности государству. Такая противоположность основывалась на образцах греческого полиса» (*Theories of society foundations of Modern Sociological Theory* // Ed. by T. Parsons. Two volumes of one. Toronto, Ontario, 1965. P. 580).

варваризированное, было важным моментом. «Быть может, основное историческое значение этих разбросанных осколков римского права состоит в том, что они помогли выжить представлению о том, что право должно играть роль в упорядочении политических и общественных отношений»⁵². С конца XI в. начинается подъем права, что было очень важным фактором будущего рывка. Но мы долго на роли права останавливаться не будем. Зато приведем ряд цитат относительно некоторых духовных истоков Запада. У греков была «традиция осмыслять мир, прибегая к помощи архетипических принципов... В основании ее лежит взгляд на космос как на упорядоченное выражение неких первоначальных сущностей, или трансцендентных первопринципов, которые можно постигать по-разному: в виде Форм, Идей, универсалий, неизменных абсолютов, бессмертных божеств, божественных «начал»...не только у Сократа, Платона и Аристотеля (а до них — у Пифагора, после них — у Плотина), но и у Гомера и Гесиода, у Эсхила и Софокла можно найти отблески некоего общего видения, которое отражает типично греческую склонность к выявлению в хаосе жизни проясняющих все универсалий»⁵³. «...Греки одарили Запад традицией, требовавшей от космологии не только удовлетворять человеческую потребность жить в осмысленной Вселенной (эту потребность уже учитывали архаические мифологические системы), но также обозначать некий связный физический и математический план Вселенной, следуя подробнейшим систематическим наблюдениям за небесами»⁵⁴. И «к противостоянию теоретического и эмпирического знания будет приковано внимание целых поколений будущих философов. Сама проблема оказалась столь значительной лишь из-за греческих, в частности платоновских, представлений о геометрии и божественности, вернее, об их неразрывной связи друг с другом и с небесами»⁵⁵. Словом, традиции греческой научной и философской

⁵² Берман Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 65.

⁵³ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 9.

⁵⁴ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 46.

⁵⁵ Там же. С. 49.

мысли, их проблематика существенно ориентировали европейскую мысль даже в первые века средневековья. Нельзя забыть, что отцы церкви, на трудах которых строилась вся последующая теология, были вскормлены античной традицией и опирались на нее. Наконец, не следует упускать из виду, что греки активно стремились «преодолеть эллинистический раскол между рационалистическими философиями и мистериальными религиями»⁵⁶. И достаточно успешно такой синтез обеспечила философия Плотина, из которой активно черпали идеи не только ранние, но и поздние христианские философы. И само христианство явилось очень сложным синтезом, среди источников которого особенно важны иудаизм и — в своей концептуальной части — греческая философия (но также и греческий язык — язык Евангелия). Таким образом, от греков Европа усвоила «центральное для классической мысли напряжение: напряжение между мифом и разумом»⁵⁷.

Стоит напомнить, что арабы также немало заимствовали от греческой мудрости и что в Европу многое попало впервые именно от них. Однако их цивилизация оказалась не столь гостеприимной для античной традиции, как европейская⁵⁸. Арабская культура стала неким мостом между Западом и Востоком, но все же сама она больше тяготела именно к последнему. А «иранская цивилизация сыграла такую же роль в развитии мусульманской культуры, как греческая цивилизация в сложении христианства и его культуры»⁵⁹.

⁵⁶ Там же. С. 75.

⁵⁷ Там же. С. 18. Сравни с мыслью Карсавина о том, что основной средневековой проблемой была, кратко говоря, проблема «единства Божеского с человеческим во всех сферах жизни» (Карсавин Л. П. Культура средних веков. С. 165).

⁵⁸ Однако роль античной философии была немаленькой и для ислама. Например, Адам Мец вполне определенно связывает его культурный подъем в IX—X вв. (III—IV вв. мусульманского летоисчисления) с заимствованием от Запада. Он, в частности, пишет: «Движение, которое на протяжении III и IV вв. преобразило ислам, явилось, в сущности, ничем иным, как вторжением целого потока христианских идей в религию Мухаммада». Многие из этих идей было, «даже судя по названию, всего лишь древней гностикой, которая вновь ожила на своей родине и на протяжении этих двух столетий начала господствовать во всех областях духовной жизни». И в примечании он добавляет, что неоплатонизм «и сам был всего лишь отпрыском древней восточной мудрости» (Мец А. Мусульманский ренессанс. М., 1966. С. 229). Тут он весьма удачно подмечает как бы маятниковые культурные движения с Востока на Запад и с Запада на Восток, происходящие в течение длительного времени.

⁵⁹ Фрай Р. Наследие Ирана. С. 344.

Следовательно, при всей важности духовного наследства античности само по себе оно не могло дать решающего преимущества. Ведь самой близкой и полной наследницей была Византия, однако здесь преимущества христианства не только не вылились в рывок, но даже не предотвратили упадка и исчезновения. Тем не менее при прочих благоприятных условиях это наследие, в том числе наличие определенных концепций и традиций, проблематики и прочего, оказалось исключительно важным, в частности, когда в эпоху Возрождения потребовалась новая идеология.

Из качеств, присущих христианской цивилизации, особо хотел бы отметить умение или интерес, или потребность к **заимствованию**. Эта черта видна уже у предшественников христиан: греков и римлян. Греки издавна и длительное время заимствуют с Востока знания и даже материал для письма. Римляне, в свою очередь, активно перенимают культуру греков, но также и других народов, так или иначе связанных с Востоком (пунийцев, этрусков и других). Само христианство, как сказано, есть сложный синтез. Средневековые европейцы также брали достижения отовсюду, но больше всего от арабов.

Тут следует сделать такое отступление. Заимствования и синтез пришлого с местным характерен для всех цивилизаций, но в разной степени. Многое ли взяли от соседей китайцы? Изменилась ли радикально индуистская цивилизация, имея столь плотный контакт с мусульманством⁶⁰? Не закоснела ли Византия, сохраняя древнее наследие? Одна из причин такого слабого стремления к заимствованию — более высокая, чем у соседей, культура и приобретенное на ее основе убеждение в своем культурном и ином превосходстве. А это ведет к недооценке других, к нежеланию заботиться о серьезных переменах в своей культурной традиции.

Стоит немного остановиться на сравнении в плане склонности к заимствованиям Китая и Европы. Всем известно, что в Китае

⁶⁰ Попытки синтеза новой веры из индуизма и ислама были, причем неоднократные. Но чего-то действительно важного появилось мало. Одним из таких исключений явился сикхизм.

были сделаны многие изобретения, серьезно изменившие жизнь человечества, что дает основания говорить о научном и техническом «гении Древнего Китая». Люди, восторгающиеся им, склонны даже утверждать, что «едва ли не половина важнейших изобретений и открытий, на которых сегодня зиждется наша жизнь, пришла из Китая»⁶¹. Среди них «посев злаков рядами, интенсивная прополка, железный плуг, отвал плуга для переворачивания вспаханной почвы и усовершенствованная упряжь» (т. е. хомут), а также стремяна и многое другое⁶². Возможно, тут могут быть и преувеличения, но в целом картина ясна. Китай представлял из себя зрелую и способную к важным усовершенствованиям цивилизацию, в первом тысячелетии новой эры, возможно, самую развитую. Но эти достижения и отсталое окружение приучили китайцев относиться к чужому свысока. В книге А. Я. Гуревича приведен интересный факт из английского источника. Когда европейцы появились в Китае, они познакомили китайцев и с кое-какими собственными изобретениями. «И хотя в средневековом Китае культивировалось недоверие и неприятие всего чужестранного, механические часы заинтересовали китайских правителей, — но не как инструмент точного измерения времени, а как забавная игрушка»⁶³.

В сравнении Китая и Европы мы ещё раз можем увидеть, как сила цивилизации в дальнейшем становится ее слабостью и наоборот. Ведь «на ранних этапах своего становления бюрократическая система Китая во многом способствовала развитию науки и лишь на более поздней ступени она стала активно препятствовать ее прогрессу, не дав совершить того скачка, который сделала Европа»⁶⁴. И наоборот, слабость государств в Европе на первых порах мешала развитию многих культурных сфер. Но в дальнейшем определенная автономия граждан, корпораций, городов и общин от государства в этой (и

⁶¹ Научный гений Древнего Китая. История открытий и изобретений // Курьер ЮНЕСКО на русском языке. Ноябрь, 1988. С. 4. Журнал целиком посвящен этой теме.

⁶² Там же. С. 6, а также 18.

⁶³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 136.

⁶⁴ Научный гений Древнего Китая. С. 8.

других) областях оказалась преимуществом. В плане влияния государства на культуру Китай как бы опередил свое время (а это часто может стать препятствием для прогресса). «В Китае высокая культура, связанная больше с этикой и государственной бюрократией, чем с религией и церковью, была, вероятно, исключением и в этом отношении (но только в этом!) предвосхищала современную связь государства и культуры»⁶⁵.

Таким образом, налицо определенный прагматизм европейцев. Молодые цивилизации вообще более склонны к заимствованиям, особенно если они убеждены, что в главном они превосходят своих учителей (например в правильности религии). Расцвет арабской цивилизации во многом связан именно с их умением учиться и перенимать достижения других. Сам ислам — это в значительной степени сознательный синтез иудаизма, христианства, некоторых восточных традиций и местного субстрата. В арабской культуре переплавляется собственный слой с достижениями иранцев, среднеазиатов, античности, индийцев и даже китайцев. Но все же, кажется, европейцы в этом плане опередили и мусульман, ибо они взяли больше от них, чем дали⁶⁶. Вне сомнения, без индийских цифр, китайского пороха, бумаги и компаса и ряда других достижений более ранних времен Европа не смогла бы совершить рывок.

Однако не всегда даже активные заимствования дают новый плодотворный синтез. Здесь нередко нужна еще и удача. По этому поводу Гарольд Дж. Берман рассуждает: «В самом деле, каждая из древних составляющих западной культуры трансформировалась путем смешения ее с другими двумя ингредиентами. Самое удивительное здесь то, что столь антагонистичные элементы вообще удалось свести в единое мировоззрение.

⁶⁵ Геллнер Э. Нация и национализм. М., 1991. С. 287.

⁶⁶ Например, Грюнебаум категорично заявляет по поводу крестовых походов: «Арабский мир подарил христианскому гигантское культурное богатство — от предметов повседневного быта, деталей геральдики и образцов вооружения до всеобщего расширения знаний; этот дар, разумеется, не был оплачен; по-видимому, мусульмане удовлетворялись тем, что заимствовали у латинян несколько технологических и стратегических приемов. Крестовые походы, несмотря на их неудачу, представляли ценность для Запада (и только для Запада)…» (Грюнебаум Г. Э. Ук. соч. С. 185-186).

Древнееврейская культура не потерпела бы ни греческой философии, ни римского права; греческая культура не принимала римского права или древнееврейской теологии; римская культура не терпела древнееврейской теологии и сопротивлялась значительной части греческой философии. При этом Запад в конце XI и начале XII в. соединил все эти три элемента и этим трансформировал каждый из них»⁶⁷.

Другим преимуществом христианства является рационализм. Особенно нагляден он в протестантизме, что, как известно, весьма способствовало развитию капитализма. Но какие потенции христианства смогли здесь реализоваться? Макс Вебер отмечал рациональность религиозности уже в иудаизме и затем в христианстве. Он говорил о «рационализме пророчеств». Исследователь его творчества И. Вайс так объясняет эту мысль: «Таким образом, религия пророков характеризуется высокой степенью рациональности в двояком смысле, в том что: 1) мир понимается как насквозь «земной»; 2) образ жизни предполагается как высокосознательный и, следовательно, подвергается ответственному контролю со стороны индивида. В этом втором пункте заключена связь между рациональным и этическим характером религиозности этого типа». В результате, когда создались особые обстоятельства, «рациональное пророчество», ставшее частью христианства, оказалось единственным, вызвавшим к жизни процесс «расколдования мира» и тем самым подготовившим почву «для нашей современной науки и техники и капитализма»⁶⁸.

«Согласно Вайсу, веберовская социология религии извлекает свои мотивы и руководящие позиции как раз из опыта того, «что между религией и рациональностью существует изначальная переплетенность, которая не противоречит их антагонистическим отношениям в других аспектах: определенные формы внутрирелигиозной рационализации могли развязать силы

⁶⁷ Берман Г. Дж. Ук. соч. С. 21.

⁶⁸ См.: Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М., 1991. С. 211.

рационализма в мире (как это исторически и произошло), тогда как внутримирским образом возвращенная рациональность, со своей стороны — что представляется естественным — втянула за собой в поле религии процессы рационализации»⁶⁹.

Можно еще остановиться на сравнении ислама и христианства. Исследователи отмечают следующие их различия. Качества, о которых идет речь, присущи обоим религиям, но здесь подчеркивается именно степень обладания данными чертами. Во-первых, большую тотальность ислама, то есть проникновение его в большее число сфер жизни, чем у христианства, в частности в право, экономику. Во-вторых, большую гибкость ислама, способность принаравливаясь к изменяющимся социально-политическим условиям. Догматизм христианства кое-где сильно тормозил такое приспособление.

В-третьих, меньшая отделенность в исламе духовной и церковной жизни от политической. Здесь надо напомнить, что ислам возник как идеология теократического государства, и даже расколы в нем имели преимущественно политическую основу. Сами институты государства формировались вместе с религией, в то время как в Европе они были созданы вне решающей связи с христианством. Поэтому в исламских странах слитность с государством присутствовала почти везде, а в Турции, как известно, султан был и главой всего мусульманского мира. Христианство же возникло не только вне государства, но целые века подвергалось гонениям, поэтому отделенность церковной и светской власти, независимость церкви от государства и от бюрократии там сохранилась⁷⁰. Особенно это характерно для Западной Европы. В тех же областях, где церковь стала частью государственного аппарата (например в Византии, позже России), христианство не проявилось как путь к новому, поскольку его потенции оказались невостребованными.

В-четвертых, культурная среда возникновения христианства

⁶⁹ Там же. С. 211—212.

⁷⁰ Отмечается даже, что такая разделенность очень способствовала развитию западного права, в частности «правового плюрализма», который «делает превосходство закона необходимым и возможным» (Берман Г. Дж. Ук. соч. С. 27).

была гораздо выше, поскольку оно опиралось на греческую и иудаистскую философию и теологию, появилась в обществах, в целом намного культурнее арабского, и общинах, среди которых было много высокообразованных людей. Поэтому общий исходный уровень мысли в христианстве был выше. И это зафиксировано в трудах отцов церкви, книги которых держали определенную духовную «планку» даже в условиях упадка, а много позже стали одной из составляющих для рывка духа.

В-пятых, мусульманство никогда не имело столь стройной церковной организации, канонизации взглядов и обрядов и институтов, подобных христианским церковным соборам, где утверждались каноны и осуждались ереси. В-шестых, в противоположность христианству в исламе существовала «относительная свобода истолкования религиозными авторитетами положений мусульманской доктрины и права»⁷¹.

По поводу этих отличий мне бы хотелось высказать несколько мыслей. Поскольку не только в главных, но и во многих второстепенных чертах христианство сформировалось в первые четыре века н. э., т. е. или вне государства, или лишь в первые десятилетия своего официоза, неудивительно, что христиане имели такую стройную церковную систему и придавали столь большое значение догматической и обрядовой стороне. Возможно, это был вернейший способ сохранить религию в условиях подполья и гонений, как-то противостоять репрессиям, компенсировать нелегальность организации⁷², а также и привлечь на свою сторону всех ненавидящих римскую власть. Таким образом, институционализация церкви и обрядовой стороны религии были в христианстве сильнее⁷³. Мне думается, что этот

⁷¹ Ислам в истории народов Востока: Сборник статей. М., 1981. С. 6.

⁷² Возможно, это свойственно многим подпольным или гонимым направлениям. Разве в российской социал-демократии в начале XX века не шли споры, доходящие до расколов, по, казалось бы, маловажным и даже ничтожным вопросам?

⁷³ Алексис де Токвиль подчеркивал исключительную по сравнению с другими религиями связь формы и содержания в католицизме, в котором «форма и суть столь часто взаимосвязаны, что не могут быть отделены друг от друга» (Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 332, сноски).

момент, наряду с тем, что в Европе духовенство имело и более четкую сословную оформленность, сыграл важную роль как в самой возможности возникновения, так и в облегчении совершения такого важнейшего явления, как Реформация (наряду со многим другим, конечно). Столь сильный упор в христианстве на нерушимость догматов, таинств и прочего при жесткой централизации церкви приводил к тому, что любая попытка изменений самых ничтожных, казалось бы, вещей расценивалась как ересь. (Кстати, раскол в православной церкви XVII века также был вызван в общем-то малозначащими обрядовыми вещами.) Поэтому, когда недовольство церковью достигло предела, именно догматическая сторона стала ареной соперничества. И любопытно заметить, что и отцы Реформации стояли нерушимо за

канонизацию новой реформированной религии⁷⁴. Терпимость к разным мнениям ученых-богословов в исламе была гораздо выше, следовательно, и борьба с ортодоксией не принимала столь глобальных масштабов. Стоит вспомнить, что Реформация выдвигала также лозунг возврата к истокам христианства, к Библии. Между тем у мусульман их священная книга (и сама по себе более цельная) была более доступна мирянам, чем в Европе.

Отдаленность же церкви от государства и сословная обособленность духовенства вели к тому, что критика была направлена против церковников, Римского папы, против владения землей и обогащения церкви и т. п., а не против христианства или христианского государства. А в такой борьбе победить можно было, только опираясь на заинтересованность именно политической власти, стремящейся и усилить свой суверенитет, и поживиться богатствами, и к тому же имеющей давние традиции соперничества с духовным лидером.

⁷⁴ В этом плане показательны отношения Лютера и Цвингли. Они были очень близки в большинстве пунктов, расходясь лишь в толковании некоторых таинств, в частности причастия. Однако этого было достаточно, чтобы Лютер, только еще готовясь к диспуту с Цвингли, заранее говорил, что «одна сторона должна принадлежать дьяволу» (Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М., 1995. С. 145—146).

Кстати будет сравнить буддизм с обеими мировыми религиями. От них он отличался гораздо меньшей агрессивностью и ортодоксальностью, поскольку «всегда был терпимой гибкой религией, усваивающей другие верования»⁷⁵. «В целом можно сказать, что веротерпимость буддизма коренится в том, что Будда делал упор на практике, а не на правильной вере, на нравственности, а не на формальном соблюдении установленных норм поведения, и на воздержании от насилия. Для Будды реальность скорее создается субъективно, чем дается объективно... **Учение о том, что мир создается кармой, в конечном счете возлагает бремя правильного или неправильного поведения на отдельного человека**»⁷⁶. Это говорит о том, что буддизм уже изначально был как бы реформированной религией, которая есть больше личное дело каждого, чем государства или общества. Тем более, что он оторвался и от кастовости индуизма. Как увидим в следующих параграфах, при переходе к новым формам культурных группировок это стало даже преимуществом. Но в исследуемый период это как бы уменьшало общественную значимость идей, а следовательно, не давало возможности и совершить духовный переворот в обществе, который в Европе был немислим без социального и даже политического.

Заканчивая параграф, вновь вернемся к Индии и Китаю. Долгое время они в цивилизационном плане сохраняли потенции параллельных генеральных линий. Но все же географический фактор, многонаселенность, слишком большая древность традиции, меньшая склонность к экспансии идеологий и ряд других вещей не позволили создать в них условий для рывка. Относительно Китая я также хочу сказать о не столь уж важной, но весьма интересной и характерной в ключе проводящихся нами сравнений причине: а именно о том, как влияла его система письма на возможность качественной духовной трансформации. Особенность иероглифики по сравнению с буквенным письмом состоит не только в больших трудозатратах для овладения ею или

⁷⁵ Религиозные традиции мира. Т. 2. С. 371.

⁷⁶ Там же. (Выделено мной. — Л. Г.).

потребности в слишком большом количестве знаков. Иероглифика имеет определенные преимущества, которые создают «совершенно недоступное иным письменностям и языкам, независимое от звучания речи психическое переживание»⁷⁷. В книге М. Ф. Альбедиль приводится ряд ярких цитат на этот счет, которые я повторяю в сноске⁷⁸. Известно также, что хотя красивому почерку и очертаниям букв придавалось в свое время большое значение, но никогда это мастерство не поднималось до высот рисования иероглифов тушью, как это культивировалось в Китае. Однако такой способ письма, придающий особую поэтичность и экспрессию литературе, вряд ли мог стать базой для создания научного языка, языка рационального мышления.

⁷⁷ Альбедиль М. Ф. Ук. соч. С. 91.

⁷⁸ Так, академик В. М. Алексеев подчеркивал, что «иероглифика — это картина, картина же усваивается иначе, чем разговор о ней». Американский поэт Эзра Паунд писал: «Внимая Востоку даже с моим скудным знанием идеограммы, я понял, что несколько часов работы с ней оживляют больше, делают больше для того, чтобы вырвать человека из окостенения, чем месяц работы с великим греческим автором». Наконец, сама Альбедиль отмечает «две особенности иероглифического письма в его поэтическом употреблении: во-первых, конкретную экспрессивную образность иероглифики, ее импрессионистский потенциал, и, во-вторых, единство аутентичного языка и природных процессов, возможное только в этих системах письма. Судите сами: китайская идеограмма «хороший, добрый» являет собой картину, соединяющую женщину и ребенка, т. е. жену и сына, подразумевая, что хорошо может быть лишь тому, кто это имеет. Другой выразительный пример: идеограмма «мир, покой», соединяющая в себе изображение дома, сердца и чаши. Или идеограмма «мысль, мнение», в которой показаны в соединении мозг и сердце — лишь их союз может породить мысль» (См. там же. С. 91—92).

§ 7. Переход к новым формам культурных группировок. Надлом цивилизаций*

Уже с X—XI вв. в Европе начались серьезные изменения в экономике, торговле, социально-политических отношениях. Они сопровождались и существенными духовными трансформациями, что выразилось и в движениях за обновление церкви, и в росте теоретической мысли, и в развитии искусства, и в зарождении правовых систем. Важную роль, как известно, в подъеме экономики и культуры сыграли крестовые походы.

Наиболее ранним, динамичным и успешным было развитие итальянских городов. Э. Сапори даже назвал XII—XIV вв. в их истории «экономическим Возрождением»¹. Исключительное положение в торговле с Востоком и рост богатства, особость политического строя этих государств, большая преемственность античных традиций способствовали этому. И поскольку в Северной Италии экономический и с ним связанный социальный подъем опережал соответствующие изменения в остальной части Европы, в результате уже с XIV века там формируются идеология и направление мысли, духа, образа жизни. Это явление получило, как известно, название Возрождение (Ренессанс), потому что его лозунгом и важнейшей чертой было стремление изучить и воскресить античное наследие и подражать его образцам. Оно также неразрывно связано с гуманизмом, т. е. верой в возможности человека и прославлением его деяний, обращением к радостям земной жизни и земным проблемам, формированием новой этики индивидуализма и т. д. При этом, как пишет Бертран Рассел, «освобождение от авторитета церкви привело к росту индивидуализма, вплоть до анархизма»². В Ренессансе особую роль приобрели искусство, светская литература, а также наука, но прежде всего гуманитарная.

Важно отметить гражданский характер этой идеологии³ и ее

¹ См.: История Италии: В 3-х т. М, 1970. Т. 1. С. 389.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1–6; 1998. № 1–3.

² Рассел Б. История западной философии: В 2-х т. Т. 2. Новосибирск, 1994. С. 9.

³ В таких государствах, как Флоренция, высшая культура не была «теологической. Она была практической, гражданской, светской, основанной на римском праве, преподававшемся в университете в Болонье, опиравшейся на расчет, а в своих вершинных проявлениях — на

особый интерес к политике (и соответственно истории)⁴. Но, конечно, это мировоззрение (как и искусство) еще во многом было религиозным. И это вызывает споры, оценить ли его как светское или как религиозное. Понятно, что оно не могло быть чисто светским, но, однако, степень гражданственности, устремления на земное и возврата к традициям прошлого здесь колоссально отличалась от прежнего. Но особенно важно, что утверждается, причем достаточно рано (уже в конце XIV в.), совершенно ясное и концептуально оформленное представление о наступлении нового периода истории в виде знаменитой идеи о средних веках как времени мрака, которые закончились и сменились возвратом к античному наследию⁵. Эта идея, как известно, позже нашла свое выражение и в периодизации истории.

Любопытно отметить, что политические схватки XII—XIV вв. в итальянских городах, ереси нового типа и распространение идей Возрождения фактически осуществили в Италии своего рода реформацию. Это проявилось, например, в охлаждении к религии (взгляд на нее в чем-то стал напоминать отношение образованных греков к своим богам), в приятии гуманистических идей и светской морали даже при папском дворе, а также в распространении нравственной вседозволенности. Возможно, поэтому «идеи Реформации не волновали гуманистическую интеллигенцию Италии, и к вопросам культа и веры она проявляла полное равнодушие»⁶.

Невозможно умалить значение культурных достижений Италии в XIV—XVI вв. и их влияния на всю Европу. Однако они явились лишь составной, а не главной частью того мировоззрения; которое изменило европейскую цивилизацию. Почему же основой для

учение Аристотеля». «Память о свободе Рима питала эту гражданскую идеологию. Ее воплощением были предпринимавшиеся работы по украшению города, которые доверялись художникам, избранным на основе конкурса, и были призваны чтить культ единственной богини — богини города» (Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 206, 211).

⁴ Один из теоретиков Возрождения и канцлер Флорентийской республики Леонардо Бруни писал в предисловии к Аристотелевской «Афинской политике»: «Первое место среди нравственных учений, которые формируют и развивают человеческую жизнь, занимают учения о государстве и об управлении им, ибо они направлены на благо всех людей» (Гарэн Э. Проблемы Итальянского Возрождения. М., 1986. С. 68).

⁵ «Становление новой эпохи... было отмечено двумя мотивами: обращением к античному миру и классическому знанию и провозглашением того, что одна эпоха человеческой истории — эпоха средневековья — уже завершилась» (Там же. С. 34).

⁶ История Италии. Т. I. С. 423.

перехода к новому не стала эта гражданская идеология? Думается, что причины таковы: 1. Это была идеология отдельных небольших государств с особым строем. И, следовательно, она не могла быть легко заимствована другими обществами⁷. Кроме того, политическая жизнь этих стран оказалась неустойчивой, конфликтной, а их неспособность отстоять самостоятельность привела не только к величайшему позору Италии, но и упадку самой политической доктрины республиканизма. Последняя начинает теперь заменяться мечтой о твердой монархии, а призывы к общему благу — идеями политической целесообразности и конъюнктуры (особенно ясно это выражено у Макиавелли). 2. Идеология была слишком эстетской и индивидуалистической, чтобы сплотить массы. Здесь, в Италии, «царила ужасающая нравственная и политическая анархия»⁸. Те же элементы, что заимствовались в то время европейской интеллигенцией, не могли стать убеждением широких народных масс. В эту эпоху наиболее подходящей идеологией во многих местах Европы могли стать лишь преобразованные религиозные учения. Однако без идейной подготовки Ренессанса Реформация или не состоялась бы, или имела бы более низкий культурный уровень.

Итак, перемены в Италии явились как бы авангардными боями нового со старым. В других же странах Европы развитие приняло иной оборот. Мы видим, как уже с XIII века нарастает духовный кризис, который в разных местах выражается в виде ересей, религиозных движений и ранних реформации, а также антифеодальных восстаний. Вся литература XIV—XV веков, как ученая, так и народная, была «проникнута сознанием порчи церкви и необходимости реформы»⁹. Новые слои общества (горожане)

⁷ Лишь гораздо позже, уже в эпоху великих революций (начиная с борьбы за независимость северо-американских колоний), такие идеи могли стать массовым убеждением, поскольку и социальное развитие стало выше, и уже два века (XVII—XVIII) шла идеологическая подготовка, особенно наглядно выраженная в движении Просвещения.

⁸ «Крупнейший итальянский историк литературы Фр. де Санктис выдвинул развивавшийся затем многими историками тезис о моральном упадке итальянского общества конца XV в., сопровождавшемся отрывом от народной основы идеологов этого общества — итальянских гуманистов, как причине внутренней слабости Италии. В конце XV — начале XVI в. гуманисты, как и все общество в целом, утратили какие-либо идеалы — религиозные, моральные, политические. Итальянцы, пораженные язвой крайнего индивидуализма, политической индифферентности и скептицизма, оказались неспособными к какому-либо сопротивлению» (История Италии. Т. 1. С. 430).

⁹ Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М., 1995. С. 61.

требовали (прямо или объективно) признать их образ жизни правильным и одновременно укоротить аппетиты церкви и некрасивое поведение ее слуг. Падал авторитет и самого Рима. Быстро развивающееся книгопечатание позволило теперь образованной части общества добиваться права прямого обращения к священным книгам. Было и много других признаков духовной борьбы и кризиса. Например, характерной его деталью было то, что уже в XIV—XV веках развитие схоластики зашло в тупик. По этому поводу уже цитировавшийся Рассел замечает: «Дисциплина — интеллектуальная, нравственная и политическая

— связывалась в умах людей Возрождения с схоластической философией и церковной властью. Аристотелевская логика схоластов была ограниченной, но она приучала к известного рода точности. Когда эта школа логики была отвергнута как устаревшая, она была заменена на первых порах не чем-то лучшим, а лишь эклектическим подражанием античным образцам. Вплоть до XVII столетия в области философии не было создано ничего значительного»¹⁰.

Все это дает основания считать, что XV—XVI вв. — это **фаза надлома цивилизации в Европе**. Однако в отличие от ситуации в цивилизациях, не способных к качественному рывку, в данном случае кризис привел западную цивилизацию к переходу в более высокое состояние, а в конечном счете к рождению нового типа культурной группировки обществ.

В итоге церковный и идеологический кризис XV—XVI веков вылился в движение, которое создало новые формы христианства, где прежний грех (стяжательство и накопительство) возводится в добродетель и в знак господней избранности. Идеи Реформации, более чем вековая борьба ее со сторонниками католичества, главные ее результаты в целом достаточно известны, чтобы подробно останавливаться на них. Я скажу только о некоторых вещах.

Во-первых, требование реформы церкви стало во многих странах не просто духовным, но политическим лозунгом. Некоторые государи в результате сумели укрепить свой суверенитет и пополнить казну. Кое-где, как в Голландии, новая религия стала

¹⁰ Рассел Б. Ук. соч. Т. 2. С. 9.

знаменем национально-освободительной и революционной борьбы.

Во-вторых, сам католицизм не мог оставаться прежним и начал существенно трансформироваться в эти и особенно последующие века, так что фактически реформация, но только тихая, прошла и во многих католических областях. В этом отношении достаточно напомнить, сколь большое внимание стали уделять вопросам образования иезуиты и насколько добротным было оно.

В-третьих, хотя реформаторы и проиграли в ряде стран (Франции, Польше и др.), но их борьба, бесспорно, оставила там свои следы.

В-четвертых (и в нашем аспекте это особенно важно), протестантская религия не могла оставаться неизменной. А цивилизации в пределе тянутся к неизменности. Как ни пытались реформаторы сделать свои догматы вечными, все их попытки в конечном счете оказались тщетными. «Несмотря на преследования, брань и унижения, люди все-таки свободнее дышали в умственной атмосфере, созданной Реформацией, чем под властью церкви. «Задачей реформаторов, — говорит известный английский писатель Бэрд, — было открыть шлюзы; с этих пор поток, несмотря на их благонамеренные усилия остановить и ограничить его, с силой и шумом понесся дальше, где разрушая пограничные столбы, где оплодотворяя новую ниву, но везде принося с собой жизнь и освежение»¹¹. Фактически мирское постепенно становится важнее священного. И такая ситуация открывает возможности выхода в новое культурное состояние. В конце концов, по выражению И. Вайса, «религия обнаружила себя сосланной во внутреннее отдельного человека»¹².

Итак, можно сделать вывод, что реформированное христианство (где само по себе, где вкупе с идеологией Ренессанса) являло собой как бы сверхзрелую фазу развития цивилизации. Как мы говорили в § 4, эти изменения были подготовлены (в системном плане) экономическим развитием предшествующих веков. И, следовательно, уже в это время (XIII—XV вв.) начинает складываться тот самый «капиталистический дух», которому такое исключительное внимание уделил Макс Вебер, хотя окончательная

¹¹ Ян Гус, Мартин Лютер... С. 166.

¹² Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. М., 1991. С. 209.

его победа и далась «путем тяжелой борьбы против целого сонма враждебных ему сил»¹³. И так же, как относительно производства о XII—XIV вв. нередко говорят как о ранней производственной революции в Европе (хотя мне думается, что это не совсем так) и находят здесь немало черт капитализма, так и в сверхзрелой фазе идеологии христианства — протестантизме — мы видим важные черты идеологии и психологии будущего.

Таким образом, можно считать, что в XIII—XV вв. западноевропейская часть христианской цивилизации достигает пика развития для классической цивилизации, но почти одновременно, то есть уже в XIV—XV вв., вступает в кризис, а затем и в состояние надлома. В XVI — первой половине XVII в. на основе реформированной религии она входит в новую, в целом нехарактерную для классической цивилизации сверхзрелую фазу, которая ведет к неизбежной трансформации идеологии и культуры. Следовательно, с одной стороны, этот период породил такие культурные явления, которые можно считать началом перехода к культурной группировке обществ нового типа и новым идеологиям¹⁴. Но с другой — в ней до предела, до своего логического конца развиваются черты прежнего. Поэтому, хотя эта фаза уже очень заметно отделяется от старого (современникам порой кажется —

¹³ (Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма// Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 77). Я специально подчеркиваю этот момент начала перемен в сознании, связанных с наживой, новыми формами деловых отношений и этикой, мощным развитием права. Дело в том, что Вебер особо ставит в упрек марксизму (частично и справедливо), что последний пытается объяснить появление капиталистического духа «отражением» экономических отношений. Но в доказательство неверности этого взгляда он берет то, что такой дух вполне присутствует уже в начале XVII века, то есть, по его мнению, «до какого-то бы ни было «капиталистического развития» (Там же). Однако последнее утверждение неправомерно. Ибо для указанного времени (конец XVI — начало XVII в.) следует говорить уже о вполне сформировавшемся «духе капитализма». Но он не родился уже готовым. И если начало капиталистического развития надо искать несколькими веками раньше, то совершенно естественно, что и зачатки нового «духа» стали формироваться задолго до XVI—XVII веков. По мере развития производства и отношений собственности он постепенно освобождался от пут прошлого. И протестантизм как духовная и социальная революция действительно сыграл огромную, эпохальную, решающую роль, однако же не породил его из ничего. В результате там, где Реформация состоялась, капиталистическое мировоззрение стало достаточно полным, а там, где нет, — длительное время оставалось лишь частичным.

¹⁴ Например, распространено мнение, что «ключом к обновлению права на Западе, начиная с XVI в., стала лютеранская концепция способности индивида по Божьей милости изменять природу и усилием своей воли создавать новые общественные отношения» (Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. С. 44).

радикально), но все же она больше принадлежит ему. Однако движение к новому началось, и его элементы начинают все явственнее складываться в систему. Значит, хотя развитие христианской цивилизации и продолжалось еще длительное время (XVII—XIX вв.), но это было уже развитие по нисходящей линии, тем более, что оно касалось прежде всего католической части Европы, подтягивающейся в описанном выше плане к протестантской.

Окончательно в достаточно ясных и зрелых чертах новая культурная группировка ряда стран Западной Европы и примыкающих к ним белых колоний сложилась уже спустя время после начала промышленного переворота, где-то во второй половине XIX века. Однако в предыдущих, XVII (вторая половина) — XVIII веках, она уже определенно обозначилась. И не случайно переворот в науке и философии приходится именно на XVII в.

Историк науки Дж. Бернал считает вторую половину XVII в. третьей фазой научной революции в новое время, когда, по его мнению, «наука достигает зрелости»¹⁵. Мне думается, что будет оправданным привести ряд выдержек из его книги, которые покажут, в чем именно произошли наиболее радикальные сдвиги.

«После крупных религиозных и политических волнений предыдущего столетия вторая половина XVII века была периодом относительного спокойствия и действительного процветания. Бедствия и войны не прекращались, однако оказывали удивительно мало влияния на работу ученых. Да и соперничество между отдельными странами не создало пока еще серьезных помех для свободы передвижения или общения. То был век сознательного построения цивилизации — *Le Grand Siecle*, и ученые пользовались тогда признанием и почетом как составная часть единого общего мира науки и литературы. Правительства и правящие классы всех ведущих стран имели известные общие интересы в торговле и мореплавании, равно как в промышленности и сельском хозяйстве. Эти интересы должны были обеспечить движущую силу для наивысших достижений третьей фазы научной революции — первой фазы развития науки, когда были сделаны организованные и сознательные усилия использовать науку в практических целях.

¹⁵ См.: Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 245 и далее. Первая фаза, по Берналу, Возрождение (1440—1540), вторая — 1540—1650 гг.

Это были те *плоды*, взращивать которые так настойчиво убеждал людей Бэкон тридцать лет тому назад; для сбора этих плодов были применены методы Бэкона — как экспериментирования, так и организации исследовательской работы. Люди, которым предстояло это сделать, были типичны для своего века и своих народов. В отличие от придворных и университетских профессоров первых двух фаз развития научной революции, зависевших от покровительства государей, «виртуозами» XVII столетия были люди с независимыми средствами, в большинстве своем купцы, средние землевладельцы и преуспевающие представители свободных профессий — врачи, адвокаты и немало священников...

Третья фаза научной революции соответственно представляла собой период образования первых хорошо организованных научных обществ — Лондонского королевского общества и Французской королевской академии, поставивших перед собой задачу сосредоточить свое внимание на главных технических проблемах того времени — *накаливании и гидравлики, артиллерийского дела и мореплавания*, одновременно чуть ли не нарочито избегая общих философских дискуссий. Прогресс науки особенно стимулировали проблемы мореплавания, ибо именно при нахождении их решений в замечательном синтезе Ньютона объединялись два элемента ранней науки — механика и астрономия»¹⁶.

Чтобы дополнить эту характеристику, приведем еще одну выдержку уже из другого произведения: «Авторитет науки, признаваемый большинством философов новой эры, весьма существенно отличается от авторитета церкви, ибо он является по своему характеру интеллектуальным, а не правительственным. Никакие кары не обрушиваются на головы тех, кто отвергает авторитет науки; никакие соображения выгоды не влияют на тех, кто его принимает. Он завоевывает умы исключительно присущим ему призывом к разуму. Другой чертой, отличающей авторитет науки, является то, что он как бы соткан из кусков и частичек, а не представляет собой, подобно канону католической догмы, цельной системы, охватывающей человеческую мораль, человеческие надежды, прошлую и грядущую историю Вселенной. Авторитет

¹⁶ Бернал Дж. Ук. соч. С. 246—247.

науки высказывает свое суждение только о том, что в данный момент представляется научно установленным, а это составляет лишь крошечный островок в океане неведения. Авторитет науки еще в одном отношении отличается от церковного авторитета, который провозглашает свои суждения абсолютно верными и неизменными во веки веков: суждения науки являются опытными, делаются на основе вероятностного подхода и признаются подверженными процессу изменения. Это порождает склад ума, весьма отличный от склада ума средневекового догматика.

До сих пор я говорил о *теоретической* науке, представляющей собой попытку *познать* мир, с самого начала важное значение приобрела и *практическая* наука, представляющая собой попытку *изменить* мир, и это значение неуклонно возрастало, пока она почти совершенно не вытеснила в умах людей науку теоретическую»¹⁷.

Новый тип культурной группировки обществ можно условно назвать **научно-правовым**, поскольку в указанном объединении Европы роль права и науки стоит выделить особо. Но, конечно, существовало большое единство в искусстве и литературе, а также было много общего в политических и социальных теориях и принципах. Поэтому следует условиться, что общее в литературе, искусстве, философии и в другом подразумевается, а в социально-политических доктринах входит в понятие «правовая». Чуть дальше мы посмотрим, как они были связаны с правовыми моментами и наукой.

На протяжении всего нового времени мы видим неуклонный рост и права, и науки. Благодаря как общим концепциям, так и развитию практической юриспруденции в зрелой фазе новой культурной группировки многие общества воспринимают прогрессивные правовые принципы, и возникает значительная совместимость правовых систем разных стран¹⁸. В это же время

¹⁷ Рассел Б. Ук. соч. Т. 2. С. 8.

¹⁸ «...Существовали многочисленные узы между разными национальными системами права. Все эти системы разделяют некоторые основные способы категоризации. Например, все они находят равновесие между законодательством и вынесением решений, а в вынесении решений — баланс между законами и иными нормативными актами и судебными прецедентами. Они проводят резкую грань между гражданским правом и уголовным правом. Во всех этих системах преступления анализируются, как впервые сделал Абельяр в начале XIII в., с точки зрения деяния, умысла или небрежности, причины, обязанности и других сходных понятий... За этими и многими другими сходными категориями анализа лежат общая политика и общие

происходит унификация научной информации и принципов. Рассмотрим это чуть подробнее.

Общие принципы права и отношения к личности теперь таковы, что в целом ряде государств иностранцы могут себя чувствовать вполне комфортно, поскольку существует охрана экономических и личных прав человека либо в самой стране пребывания, либо со стороны их отечеств. Все чаще нарушение этих прав вызывает политические протесты, а то и суровые санкции. Следовательно, фундаментальной основой западной культурной группировки были именно правовые моменты: безопасность и целый ряд прав личности, наиболее ясно сформулированных в различных декларациях и конституциях. Количество «неотъемлемых» и «природных» прав по мере развития увеличивалось, так же как и круг тех, кто ими обладал.

Относительно науки можно отметить следующие идеологические принципы: а) отказ от веры в традиции, религиозные доктрины, авторитет и в целом от того, что Ф. Бэкон называл «идолами», а также, используя мысль Рассела, изгнание из нее всех следов анимизма; б) вера в мощь науки, ее способность решить множество проблем, создание своего рода культа науки, научной деятельности (самоценной вроде бы по своей природе) и личности ученого (эти идеи достигают своего пика где-то в первой половине XX в., а потом уже возникают сомнения в безгрешности науки); в) вера в мощь человеческого разума; г) вера в разумность истории и общественный прогресс.

Правовые и научные принципы так или иначе проникают и в политические доктрины. Любые политические концепции, будь то монархизм или республиканизм, социализм или либерализм, колониализм или национализм, расизм или аболиционизм, реформизм или революционный экстремизм, теперь так или иначе пытаются обосновывать свои идеи и правовыми (или псевдоправовыми) принципами: природными правами людей (**народов, классов**), легитимизмом, эквивалентностью обмена и т. д. Нечто аналогичное происходило и с наукой. В какие бы одежды ни рядились идеологии, они также обставлялись научными аргументами

(и идей социального блага). Даже самые циничные и человеконенавистнические концепции (расистские, нацистские, коммунистические, колонизаторские) строились на научных (точнее псевдонаучных) исходных началах. Исключительную роль в этом смысле приобрели общественные науки. История делается оружием межгосударственной борьбы. Каждый народ стремится отыскать свои корни и, по мысли Мирчи Элиаде, «гипноз «благородного происхождения» пробуждает... настоящую страсть к национальной истории, особенно к ее ранней стадии»¹⁹. Это родство с древними греками, арийцами, римлянами, саксами, славянами или скифами становится предметом исключительной заботы националистов, и на этой почве часто возникают новые мифы.

В целом идеи общего (национального, классового, расового, народного или иного другого) блага, якобы подтвержденные наукой и обоснованные юридически, оправданные всем ходом предшествующей истории, а то и вовсе всей мировой эволюцией и несущие прогресс, становятся мощнейшим социальным и идеологическим оружием.

Таким образом, в этот период возникает множество политикоправовых концепций и течений, которые сосуществовали (подобно тому как в Греции или Индии сосуществовал целый ряд философских школ). Общая же идеология становится плюралистичной, неортодоксальной, имеющей сходство прежде всего в определенных принципах и исходных установках. Среди них одним из важнейших была идейная терпимость, что препятствовало монополизации идеологии. Поэтому, как уже отмечалось в § 3, точнее говорить здесь об **идеологическом (или мировоззренческом) комплексе**, внутри которого существуют более оформленные идеологии низшего уровня, связанные между собой определенными общими постулатами, посылками и представлениями, и в то же время являющимися порой непримиримыми оппонентами. Жесткость, ортодоксальность переходят к идеологиям низшего уровня: национализму, социализму и т. п., причем некоторые из них (подобно отдельному направлению в мировой религии) могут при определенных обстоятельствах охватить большие регионы. Правда,

¹⁹ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 1996. С. 182.

национализм в отличие от таких интернациональных концепций, как коммунизм, не может быть единым для многих стран, ибо ориентирован на одну, собственную, нацию (государство). Но даже и он в разных обществах имеет сходные принципы. И часто становится как бы буфером между надобщественной идеологией группировки обществ и социальной психикой отдельной нации. (Об этом в следующем параграфе.)

Рост национализма был подготовлен развитием производства, транспорта и средств связи. Объемы населения и богатства стран Европы выросли. В результате социальные организмы оказались более сплоченными, и для собственного воспроизводства и расширения теперь сами нуждались в идеологии, способной поддерживать единство своего населения²⁰.

Само собой, что в этой новой культурной группировке очень многое из прежнего, цивилизационного напоминает о себе. Общая религия, единые корни, культурные традиции и т. д. таковы, что кажется, будто развитие идет все еще в рамках единой цивилизации, что сами основы (дух) этой цивилизации в целом те же, что и тысячу лет назад. Однако цивилизации как системы, как культурно-идеологической группировки уже нет. Есть многое из того, что ее составляло. Но эти элементы, во-первых, и сами по себе сильно изменились, во-вторых, встроены в иную уже систему (группировку), в которой играют иную роль. Прежде центральные моменты становятся факультативными, остаточными и наоборот. Таким образом, живые обломки и остатки цивилизации составляют теперь особый культурный и ментальный слой. Причем следует отметить, что без него новая группировка возникнуть не может. Это напоминает то, что говорилось об этно-культурном пласте доцивилизационных эпох, на котором вырастают цивилизации.

Следовательно, сам факт непрерывности каких-то институтов, преемственности и отсутствия резких переломов в традиции отнюдь не означает, что в **научном** плане можно говорить о Европе второй половины XVII — первой половины XX века как

²⁰ Карл Поппер пишет по этому поводу: «Согласно современным тоталитарным теориям, государство как таковое не является высшей целью. Сегодня высшая цель — кровь, народ, раса. Высшие расы способны создавать государства. Высшая цель расы или нации заключается в создании могущественного государства, которое может служить мощным инструментом ее самосохранения» (Поппер. К. Открытое общество и его враги. В 2-х т. Т. 2. М., 1992. С. 62—63).

продолжающей свое развитие христианской цивилизации. В лучшем случае следует вести речь о ней как постоянно идущей по нисходящей линии. Но поскольку религию как центр группировки заменили другие вещи, постольку гораздо продуктивнее говорить о развитии нового типа культурной группировки. В теоретическом плане эта ситуация напоминает другую, когда современное компьютеризированное общество с очень изменившимися правовыми и особенно социальными нормами выдавалось нашими учеными в типологическом плане за все тот же классический капитализм времен молодости Маркса на основании того, что институты частной собственности и общественные группы предпринимателей и наемных работников продолжают существовать.

Поэтому хотя религия в рассматриваемый период все еще имела большое влияние на умы, но ее роль в плане структурирования общественного сознания заметно, во многом радикально, меняется. В результате в течение XIX—XX веков политика и идеология, по словам Белла, узурпировали религиозную форму²¹. С другой стороны, сама религия, особенно в организационных моментах, нередко принимала правовые или политические принципы²².

Например, Вебер отмечает, что «хотя поселения в Новой Англии были созданы проповедниками и graduates (окончившими учебные заведения. — *Прим. ред.*) вместе с представителями мелкой буржуазии, ремесленниками и йоменами, движимыми *религиозными* мотивами», дух капитализма был там развит сильнее, чем в будущих Южных штатах, основанных вроде бы крупными капиталистами из деловых интересов²³.

Разумеется, процессы трансформации цивилизации не были слишком быстрыми, поскольку традиции не могут сразу исчезнуть. И

²¹ Bell D. The End of Ideology. The Free Press of Glencoe. Illinois 1960. См. также: Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y. 1978. Мысль об изменении роли религии в этот период вообще достаточно распространена.

²² «Правовые нормы сыграли немаловажную роль в оформлении англиканской религиозной организации, ее обрядности и даже вероучения, в формировании различных разновидностей протестантизма» (Ключков В. В. Религия, государство, право. М., 1978. С. 91).

²³ (Вебер М. Ук. соч. С. 77), но лично для меня наиболее ярким свидетельством наличия этого нового духа служит то, что даже пираты Вест-Индии, у которых, казалось бы, должен править лишь закон силы, перед каждой экспедицией оформляли отношения между собой (т. е. между капитаном, офицерами, командой и пайщиками) в виде подробных и весьма четких договоров, составлявшихся нередко с помощью юристов. И нарушить такой договор было нелегко даже для самых отчаянных джентльменов удачи.

в разных местах они протекали с очень неодинаковой скоростью. В этом плане любопытно посмотреть заметки Токвиля об Америке, чтобы увидеть, насколько новое бросалось в глаза европейцу в обществе, меньше связанном с традиционностью. С другой стороны, достаточно открыть заметки маркиза де-Кюстина о России, чтобы увидеть, как изменилось мировоззрение европейцев по сравнению с более традиционным.

Попробуем теперь суммировать доказательства, почему мы не можем считать, что изменения в Европе, произошедшие в новое время, не привели к новой, более высокой цивилизации. (Разумеется, в рамках авторского ее определения и на основе тех признаков, которые я обосновал как важнейшие.) Бесспорно, отдельные черты в отдельных цивилизациях могут напоминать характеристику Европы в XVIII—XIX и даже XX вв. Прежде всего, это касается гражданских идеологий античности. Недаром столкновения классов и социальные революции в XIX—XX веках вызывали столько ассоциаций с античностью, борьбой демократов и олигархов, бесконечными социальными переворотами (и их классовыми объяснениями) в полисах Греции или городских республиках средневековья. Можно обнаружить и другие параллели. Однако же несомненно, что в целом перед нами нечто принципиально новое.

Во-первых, как мы видели, меняется идеология, в которой религиозный ее стержень и центр заменяются другими, политикоправовыми и научными. Таким образом, происходила секуляризация жизни и идеологии. По этому поводу Тойнби писал: «Эта великая духовная революция настигла западный мир ближе к концу XVII века, когда после сотни лет бесконечных кровавых гражданских войн под знаменами различных религиозных течений западные народы почувствовали отвращение не только к религиозным войнам, но и к самой религии. Реакцией западного мира на этот печальный опыт порочности религиозного фанатизма было то, что он отвернулся от религии вовсе и переключился на технологию...»²⁴.

Во-вторых, более высокий уровень развития науки и образования в Европе не соответствует характеристикам цивилизации, поскольку

²⁴ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995. С. 179.

перерастает их. Ведь надо учесть, что она толкуется именно как **пространственно-временная группировка обществ с общим широким идеологическим комплексом.**

Особенности цивилизации таковы, что за определенным пределом начинают коренным образом меняться ее главные характеристики. Мне думается, что достижение зрелости третичными цивилизациями — это и есть тот предел, качественно выше которого на подъем они уже идти не могут. Точнее, не могут, оставаясь стабильными цивилизациями, если трактовать это понятие через идеологию и как группировку обществ. Трактовать же цивилизацию по-другому и удачно поместить это понятие в теорию исторического процесса, как мы видели, весьма затруднительно.

Культурный уровень цивилизации связан с устойчивой (в идеале неизменной) идеологией. Это особенно характерно для самых зрелых, монотеистических цивилизаций. Истины, даваемые религией, моральные нормы, ей предписываемые, законы — все опирается либо на божественное откровение, либо на откровение близкого к богу пророка, либо такого мудреца, авторитет которого непререкаем и незыблем. Ни о какой научной критике, строгих доказательствах и аргументах, праве на сомнение и проверку фактов, идеи относительности знаний и прочего, что составляет основу рационального и научного познания, либо вообще нет намека, либо это не играет серьезной роли. Таким образом, более высокое развитие науки должно вести к изменению специфики цивилизации, говоря философским языком, ее сущности. Цивилизаций с научным уклоном (не с элементами науки и не с отдельными направлениями ее, превращенными в культ) не было и, собственно, не может быть, ибо для этого в условиях аграрно-ремесленного производства нет нужной материальной и технической базы. Даже в тех классических цивилизациях (вроде эллинской), которые заметно продвинулись в направлении развития науки, она в целом была оторвана от практики, а те отдельные открытия, которые сделали ученые, оставались без применения тысячелетия. И можно согласиться, что принципиальное отличие науки в античности от науки нового времени состояло в «различном взаимоотношении

между наукой и техникой»²⁵.

То же касается и степени распространения грамотности. Да, мы знаем отдельные общества отдельных цивилизаций, в которых число грамотных было немалым. Но что касается общедоступности знаний (особенно для детей низших и бесправных слоев), широты распространения информации, включая и результаты сложнейших изысканий, этого не было нигде. Да и не могло быть уже потому, что не было материальной базы в виде книгопечатания и газет. Книги, даже при сравнительно дешевом писчем материале, были дорогими, а потому практически недоступными большинству. Грамотность там, где она была распространена среди простолюдинов, по большей части носила практический характер для ведения дел и переписки.

В-третьих, отметим такую особенность новой культурной группировки, находящую свое отражение и в идеологии, как практицизм, нацеленность на реальный, конкретный результат. Прежде существовали, как подчеркивалось в предыдущем параграфе, элементы такого практицизма. Теперь же он принимает совершенно отчетливые формы, в частности мощнейшего изобретательства. Согласно Тойнби, даже «бывшее почетное место религии заняла технология»²⁶. Другая особенность — бурный рост такого жанра и формы сознания, как публицистика, которая постепенно занимает все более важное место и очень сильно влияет на литературу. Следует указать и на индивидуализм как идеологический принцип, к тому же хорошо подкрепленный правовыми и демократическими институтами.

В-четвертых, и это в конечном счете главное, материальная основа этой культурной группировки другая — промышленная. А отсюда и темпы изменений не соответствуют цивилизационным характеристикам. Цивилизации нормально воспроизводятся при медленных (часто незаметных для наблюдателя) изменениях. Они вполне приспособлены к полной стабильности и могут выживать даже в условиях деградации. Но быстрые изменения по своей природе препятствуют бесперебойной передаче традиций, ломают привычный образ жизни, подрывают авторитет тех или иных слоев,

²⁵ Рожанский И. Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской империи. М., 1988. С. 280.

²⁶ Тойнби А. Ук. соч. С. 180.

перемешивают элементы культуры. Многочисленные переломы в своей истории цивилизации компенсировали затем возвратом к стабильности, при этом общий базис жизни оставался в определенных рамках сходным. Ибо цивилизационным миром являлась именно та часть планеты, где большинство людей работало на земле²⁷. Индустриализм же по своей природе постоянно меняет сам образ жизни²⁸. Кроме того, индустриализм Запада был связан с коммерциализацией жизни, в том числе и в духовной сфере. Святость, авторитарность, непререкаемость и прочее в идеологии плохо увязываются с коммерциализацией. Недаром пророки обычно клеймили или третировали торговцев, недаром возник символ изгнания менял из храма. Наконец, индустриализм все больше сплетался с демократией, которая также плохо уживается с авторитарностью в духовной жизни.

Если бы развитие Европы к середине—концу XVIII в. стабилизировалось, а затем раскрывались бы лишь некоторые потенции, если бы не было промышленного переворота и глубочайших социальных революций, то такое явление, вероятно, можно было назвать более высокой формой цивилизации, ибо здесь еще оставалась, хотя и сильно модифицированная, экономическая основа цивилизации, а также все еще прежнего типа стратификация общества, а с ними, соответственно, и идеология консерватизма. Однако в том-то и суть, что ритм развития совершенно изменился и вместо стабилизации стал еще ускоряться.

В-пятых, главные узлы культурных связей уже в основном иные, чем в цивилизациях. Это уже не храмы, не монастыри, а средства информации и их хранилища (газеты, журналы, публичные библиотеки, музеи), научные центры, в том числе всевозможные научные и культурные общества, светские образовательные учреждения и прочее. Изменились и университеты, помимо того, что их стало гораздо больше. Значение богословских факультетов резко упало, как и вообще роль церкви в образовании. Соответственно изменились и характеристики того слоя, который

²⁷ Toffler A. The third wave. N. Y., 1980. P. 21.

²⁸ «Индустриализм — это не только фабричные трубы и сборочный конвейер, это нечто гораздо большее. Это богатая, многосторонняя социальная система, которая оказала воздействие на каждый аспект человеческой жизни и атаковала каждый признак Первой Волны (т. е. аграрного, традиционного общества. —Л. Г.)» (Toffler A. Ibid. P. 22).

является «владельцем» идеологии. Таким в Европе и Северной Америке становится интеллигенция, а духовенство постепенно превращается в один из ее отрядов.

В-шестых, близость между собой европейских обществ теперь основывается уже не просто на принадлежности к христианству. Они в идеологическом плане ощущают единство и в отношении с остальным отсталым миром. Последний часто (если позволяет сила) не только не принимается в расчет, но и становится объектом, который необходимо «цивилизовать». Если прежде Запад мог гордиться своим преимуществом (весьма относительного плана) лишь в религии, то теперь все яснее видится общее преобладание в уровне развития, культуры, науки, права и т. д. И это вызывает к жизни целый ряд идеологий, основанных на идее превосходства белого западного человека: расизм, цивилизаторский колониализм, джингоизм, империализм и т. п.

Разумеется, следует отметить и очень высокое развитие литературы, искусства и философии. Но сам по себе факт достижения таких вершин, на мой взгляд, не свидетельствует об исчезновении цивилизации. Поскольку известны цивилизации и с эстетическим и философским уклоном, при прогрессе в основном лишь в этих областях, можно было бы пытаться представить европейскую ситуацию как цивилизацию, в которой главными формами выражения являются искусство и философия. Однако и литература, и искусство, и философия — весьма древние формы общественного сознания. Поэтому можно было бы сказать, что в европейской действительности XVIII—XIX веков они находят как бы потолок своего развития²⁹. Ведь ни литература, ни тем более живопись и музыка XX века художественно не выше, чем они были в XIX в., а во многих отношениях и ниже. Причем совершенно определенно наблюдается: **по мере развития этой культурной формы роль искусства и литературы падает** (и на определенных этапах начинается собственно декаданс, регресс, который сегодня

²⁹ Весьма вероятно, что в будущем они обретут новые возможности, но пока современные процессы привели их или к прямому упадку, а то и вырождению, или к тому, что такие формы сознания, как философия, поэзия, серьезная музыка и прочее, становятся своего рода раритетами и уделом узкой группы ценителей. Наиболее же плодотворная философия: рационально-научная, логическая — становится недоступной для просто интеллигентного, хорошо образованного человека в гораздо большей степени, чем это было лет 300—200 назад.

обозначился исключительно явно). Сказанное относится и к философии. Расцвет ее приходится на более ранние этапы исследуемого периода, и пика она достигает в творчестве Гегеля и Канта. При этом работы последнего знаменовали собой решительный гносеологический поворот от объективизма и, значит, единственной истины, к осознанию ее многомерности. Философия же таких титанов, как Маркс, Конт, Спенсер и других, уже не чисто спекулятивная, а больше научная. В середине и особенно во второй половине XIX в. и тем более в первой половине XX в. явственно обнаруживаются упаднические настроения в философии и фактический отказ от возможности объяснить и подчинить себе мир. Она начинает превращаться в «укрытие» (используя выражение Р. Тарнаса) от жестокого мира в собственной болезненной психике, раздавленной и раздвоенной несовершенством жизни. **Зато обратно пропорционально растет роль науки.** Она, как изобретательство и публицистика, находит еще более полное выражение в современном периоде, переходном к новым формам культурной группировки обществ.

Но вернемся к началу процесса трансформации западной цивилизации и посмотрим, как он отразился на остальном мире. Уже первые контакты европейцев существенно повлияли на него. Уничтожены были самые отсталые цивилизации, находящиеся в Латинской Америке, которые быстро погибли от сравнительно небольшого напора Европы, ибо слишком велик оказался технический и культурный разрыв, слишком неожиданным был сам факт появления белых. Из всех стран нехристианского мира только Турция представляла в военном отношении опасность для Европы. Зато восточные государства становились объектом выгодной экспансии. Торговля Португалии, Голландии и других стран, деятельность миссионеров начали существенно влиять на жизнь и политику азиатских стран. Экспансия все усиливалась, отдельные крупные области становились уже колониями. Более сильные государства отгораживались от Европы. Напор Запада особенно возрос в связи с новыми возможностями, открывшимися в результате промышленного переворота, который сделал его способным поработить и одновременно встряхнуть, пробудить от спячки весь остальной мир. А тем самым другие цивилизации

оказались обреченными на кризис и упадок, раньше или позже вступая в фазу надлома.

Есть смысл подумать, что из себя представляет надлом в разных цивилизациях. Это может быть весьма длительный период, в течение которого цивилизации теряют потенции, престиж, импульсы к развитию. Однако цивилизованность как форма жизни остается еще долгое время, ибо ничто другое заменить ее пока не в состоянии. В этом, собственно, коллизия надлома и дальнейшего кризиса: старое теряет авторитет, ослабевают вера в него, надежда и уверенность, что все обстоит так, как должно. Но новой идеологии, способной заменить отживающую и дать людям стержень жизни, нет. В результате возникает вакуум, который заполняется время от времени либо экспансией других идеологий, либо попытками обновить старую. (И в XVIII—XIX вв. зафиксировано много попыток обновить или оживить и конфуцианство, и ислам, и индуизм.) Если решающего успеха добиться здесь не удастся, то стагнация усиливается и идут разрушительные и дезинтеграционные процессы. Успех же означает или переход под «контроль» другой цивилизации, или выход в новую, более высокую цивилизацию (так римский мир переходил в христианство), или вовсе рывок за рамки цивилизации, как случилось в Европе в результате Реформации, либо превращение цивилизации в квазичивилизацию (о чем речь пойдет в следующем параграфе).

Само собой, что явления, связанные с надломом, очень не похожи не только в разных цивилизациях и на разных исторических этапах, но даже в пределах общей цивилизации в разных обществах. Ведь это не просто духовный кризис, а еще и социальный, политический, а нередко и вовсе общий, системный. Цивилизационный надлом — обычно лишь часть общественного кризиса, причем иногда это часть центральная, а иногда неглавная. Естественно, что разные общества и по-разному реагируют на него, и имеют разные возможности и варианты для выхода из него.

Надлом цивилизаций, еще не достигших потолка своих потенций, может потом при удаче смениться частичной стабилизацией. Иное — надлом цивилизаций, в своем развитии дошедших до предела или столкнувшихся с обществами намного более высокого порядка, чем они. Мы уже видели, как такой

процесс проходил в Европе. Там надлом естественно перерос в новую, более высокую форму. Другое дело в странах, которые попадают в зависимость, терпят военные поражения, становятся колониями или стремятся к модернизации. Реакция, как сказано, может быть самая разная — от попыток перенять достижения лидеров до бесконечных уступок им, лишь бы ничего не менять. На такой вызов смогли дать правильный ответ лишь отдельные страны отдельных цивилизаций. Прежде всего, конечно, это были страны христианской же цивилизации, более близкие и географически, и духовно к Западу, в частности Россия при Петре I³⁰. Из стран других религий до первой мировой войны только Япония смогла аккумулировать силы и сделать рывок самостоятельно.

Более характерна неадекватная реакция. Основная трудность состояла в том, что надо было перенимать новое, связанное с техникой, вводить новые отношения и т. д. Осознать это, а тем более принять и решительно претворить в жизнь для элит оказывалось крайне тяжелым³¹. Но так или иначе, инородные идеи включаются в их мировоззренческий комплекс. Одновременно в недрах цивилизаций появляются движения, которые стремятся обновить идеологию, приспособить ее к современности или к тому, чтобы свергнуть обанкротившийся режим. Это предвестники более радикальных перемен в цивилизациях, вошедших в глубокий кризис.

Посмотрим, как вели себя разные цивилизации. Раньше всех вступила в стадию кризиса и стагнации индийская, которая надломилась уже в результате давления ислама, а после английского завоевания и вовсе оказалась подавленной и неспособной уже к самостоятельному развитию на прежней основе. Возрождение же Индии, связанное с борьбой за независимость, шло уже под влиянием европейской идеологии, хотя и опиралось на традиции. Мусульманский мир оставался в достаточно тесных отношениях с Европой и даже в лице Турции успешно соперничал с ней долгое время, заимствуя военную технику и стратегию. В разной степени это делали также Египет и Иран. Однако исламские страны попадали во

³⁰ В дальнейшем наша страна еще несколько раз пыталась совершить модернизацию, чтобы догнать Запад, но в конце концов в XX веке их пути все же разошлись.

³¹ В результате чаще всего попытки реформ, вроде политики самоусиления в Китае, давали слабые результаты.

все большую зависимость от европейских, их государственность приходила в упадок³², а народные движения (например в Иране) были неспособны дать нечто новое, лишь увеличивая сложности. Окончательный кризис исламской цивилизации проявился в конце XIX

— начале XX века. В частности, он привел к революциям начала XX века. Наиболее же радикально он разрешился в Турции благодаря реформам Кемаля Ататюрка по европеизации страны. О природе сегодняшнего исламизма речь пойдет в следующих параграфах.

Китай и Япония закрылись от Запада на длительное время, пытаясь жить, как жили. Надлом у них выразился позже, при жестоком столкновении с мощными европейскими военными флотами.

Интересно отметить, что XVIII — первая половина XIX в. в Китае — это время относительного мира и значительного роста населения и производства. Но такое развитие уже никак не могло заменить необходимость технической модернизации. И с 40-х годов XIX века Китай вступает в тяжелый и, можно сказать, общий кризис, грозящий как существованию самого государства (что и случилось после революции 1911 года), так и основам ее цивилизации.

Быть может, меньше всего пострадала буддийская цивилизация. Во-первых, она длительное время мало соприкасалась с Европой. Во-вторых, буддизм по природе терпимее к другим религиям, концепциям и образу жизни и больше нацелен на личное, индивидуальное совершенствование и спасение, чем остальные религии³³; в результате он легче приспосабливался к новым веяниям и меньше страдал от их конкуренции. В-третьих, будучи меньше связан с государственной властью, он и меньше терял авторитет от

³² О степени упадка может свидетельствовать такое мнение, высказанное в самом конце XIX века: «Мы уже выше объясняли печальное состояние персидских шиитов, здесь, **повидимому, нельзя рассчитывать на возрождение ислама**» (Иллюстрированная история религии в двух томах. — Спасо-Преображенский Валаамский монастырь. Российский фонд мира, 1992. Т. 1. С. 408. — Выделено мной. — Л. Т.). Между тем, именно в Персии (Иране) в конце XX века установился и существует наиболее радикальный исламский режим.

³³ Мы уже говорили, что в этом плане буддизм весьма похож на реформированное христианство периода, когда страсти Реформации и строгости ее первых отцов уже остались позади. И поэтому реформация для буддизма происходила и происходит гораздо менее революционно и более незаметно, чем в христианстве.

поражений и неудач правительств. Тем не менее, с проникновением Запада и христианства в вотчины буддизма, ростом национального самосознания и национализма у ряда народов, распространением политических идеологий Запада (социализма в частности) возникает, хотя и менее глубокий, кризис и буддизма (например, в Индокитае), а вместе с этим и его определенная трансформация.

Итак, **надлом** — это состояние цивилизации, связанное с кризисом и потребностью в изменении главных постулатов идеологии и важнейших цивилизационных связей. Это может выражаться в ослаблении авторитета и доверия к идеологии или потере ее монополии, осознании того, что слой идеологов не способен решить наиболее важные проблемы или найти идеологические обоснования для объяснения ситуации и необходимости перемен. Последнее же часто вызывает требование реформации и изменения социального положения и статуса «идеологов», особенно если они объявляли себя непогрешимыми.

Однако в условиях современности, когда лишь немногие страны могут остаться в стороне от мировых экономических и прочих процессов, стагнация не может продолжаться долго: так или иначе хотя бы отдельные общества цивилизаций совершают модернизацию (в том или ином виде) или иную трансформацию, а это влечет за собой реакцию распространения таких форм и на другие общества данной цивилизации. Об этом мы и поговорим в следующем параграфе.

§ 8. Квазицивилизации

В этом и частично следующем параграфах будут рассмотрены явления, связанные с трансформацией цивилизаций в более высокие типы культурных группировок, характерных для третьей (индустриальной) формации, но представляющих, в отличие от научно-правовой, которую мы рассмотрели в прошлом параграфе, не генеральную, а боковые линии исторического развития.

Длительное время западноевропейская группировка была единственной культурной группировкой нового типа. Однако под ее воздействием постепенно наметились серьезные сдвиги и в ряде отстающих стран как христианской, так и иных цивилизаций. Но

такое развитие происходило в огромной степени за счет давления внешних факторов и заимствования, а не вызревало внутри обществ. Значит, уход цивилизаций в данном случае подталкивался не естественно-эволюционным и внутренними процессами, а вынужденными реформами. Причем перемены глубоко касались образа жизни лишь части населения, прежде всего интеллигенции, чиновников, горожан. Поэтому они никак не могли быстро и радикально разрушить устоявшиеся представления в массах, продолжавших жить в основном по-старому.

Вследствие и в результате этого здесь и трансформация приняла особый характер, и формы группировок получились иные, чем научно-правовая. Дело в том, что некоторые черты цивилизации, связанные с огромной ролью религии в духовной жизни, под воздействием начинающейся модернизации получили тут как бы новый мощный импульс³⁴. Поэтому своеобразие данной группировки заключается в том, что внешне она кажется прежней цивилизацией, а принципиальные различия между ней и цивилизацией, вытекающие из огромных перемен в экономике, транспорте, связи, образовании и т. п., как бы камуфлируются. Этот тип культурной группировки обществ органически объединяет в себе и черты нового в культурной сфере, и черты цивилизации. Но последние здесь — это не просто остатки старого, которые постепенно отмирают. Нет, они становятся ее органической частью наряду с новыми явлениями, и она в принципе не может существовать ни без того ни без другого.

Наряду с традиционными, частично измененными и реформированными, распространялись и заимствованные идеологии. Но по уровню они были в целом выше тех, в которых народные массы по своему объективному развитию нуждались. И все-таки несколько позже в ряде случаев и эти заимствованные идеи стали основой массовой идеологии. В отличие от вышеописанной она была нерелигиозного (а то и прямо атеистического) характера. Но особенности индустриализирующихся обществ тем не менее придали ей большое сходство с религиозной верой как по функциям, так и по структуре. Среди общих черт этих идеологий укажем: мессианизм, пророчества, обещание светлого будущего, канонизация главных

³⁴ В следующей главе мы еще будем говорить о том, что для исторического развития это совсем не редкость, когда новое содержание облекается в старые формы.

текстов и идей, культ основоположников и вождей, мифологичность общественного сознания и другое³⁵.

И ту и другую форму группировки нового типа я объединил названием **квазицивилизация**. К подробным ее определениям и характеристикам мы обратимся чуть позже, когда кратко рассмотрим некоторые из них и путь к ним. Предварительно только отметим, что при заметном сходстве с цивилизацией она не имеет примитивной производственной базы последней и вытекающей из этого стабильности.

Приставка «квази», как известно, означает «якобы», «мнимый» и т. п. Именно мнимость тождества этих образований с цивилизациями я и хотел подчеркнуть как наиболее важный момент данной части моей концепции. Конечно, их можно было бы назвать постцивилизациями, что в некотором плане было бы точнее. Однако это смазало бы то обстоятельство, что квазицивилизации являются лишь одним из видов постцивилизационных группировок. Таким образом, термин «квазицивилизация» я избрал, во-первых, чтобы яснее отделить эту форму группировки от цивилизации. Ведь определенное сходство религиозной квазицивилизации и цивилизации, из которой она вырастает, очень часто затемняет эпохальные и качественные различия между ними. Во-вторых, чтобы подчеркнуть, что хотя религиозные и нерелигиозные квазицивилизации могут на первый взгляд показаться сильно непохожими, между ними тем не менее имеется фундаментальное сходство.

Анализируемые изменения в XIX — начале XX в. (где-то раньше, где-то позже) обозначились и в Турции, и в России, и в Китае, и в Индии, и в Японии, и в Персии, и в Индонезии, и в ряде стран Латинской Америки. Разумеется, сила изменений везде была весьма разная. Ведь цивилизация не есть что-то монолитное. Трансформация ее начинается лишь в отдельных местах, и пути к новому никогда и нигде не бывают однотипными. Но так или иначе там появлялись или бурно росли национальная буржуазия и рабочий класс, собственная индустрия, современная финансовая система, а вместе с этим современного типа интеллигенция и культура, знания и

³⁵ Эти сходства между религиями и нерелигиозными идеологиями были подмечены достаточно давно.

специалисты, необходимые для развития производства, военного дела, транспорта; появились правовые системы или элементы современного права и т. п. Там, где эти институты имелись уже давно, а в это время получали большее развитие, естественно, и культурные перемены были шире и глубже, и секуляризация жизни — сильнее. Но во всех обществах характерной чертой было то, что основная часть населения оставалась темна и невежественна, неграмотна или малограмотна, состояла в таких общественных отношениях, которые больше (или главным образом) принадлежали внеэкономическим способам принуждения, вплоть до фактического рабства. Влияние религии, даже на интеллигенцию, было еще очень велико.

Во всех перечисленных и некоторых других обществах, кроме Латинской Америки, где, как увидим дальше, сложилась несколько иного плана культурная общность, началось движение к такой культурной группировке, которую я назвал **квазицивилизацией**. Быстрее всех, как мне кажется, уже во второй половине XIX и в начале XX века ранний тип квазицивилизации образовался в России и Японии, в остальных шел переход к ней:

В России это произошло в результате реформ и модернизации второй половины XIX века. Многие процессы, начавшиеся уже давно, в это время принимают очень масштабный характер. Впервые, сама церковь сильно изменилась. Если, например, в 60-е годы XVIII века при Екатерине II только ставился вопрос о том, что для народа необходимо издавать хотя бы катехизис, то теперь священные книги переводились на русский язык и печатались огромными тиражами. Закон божий стал очень широко преподаваться, причем церковь была одним из главных инициаторов распространения просвещения. Строилось много церквей, особенно в селах, где народ таким образом мог принимать участие в культурной жизни. Подобная реформация существенно изменила и отношение к религии, и возможность обсуждения религиозных вопросов. Параллельно с этим народная культура поднимается на щит. Последнее не редкость для квазицивилизаций, опирающихся на национализм, в отличие от классических монотеистических цивилизаций, презиравших и изгонявших народную культуру как языческую.

Во-вторых, православие во многом выполняло роль идеологии и

естественного барьера от Запада. Уже с 40-х годов XIX века оно в сочетании с другими особыми институтами русского общества (самодержавием и общинным мировоззрением) стало основой новой идеологии. Причем как официальной, так и оппозиционной (славянофильство и русская религиозная философия). Основная мысль была об особости, избранности русского (православного) народа, его мессианской роли. Правда, с этой идеологией начинали конкурировать другие, опирающиеся на западные идеи (прогрессистские. западничество, социализм) или занимающие промежуточное положение (народничество, националистические, панславянские). Отметим, что в России не было тотальной религиозной квазицивилизации. Она скорее была полурелигиозной, и даже в официальной идеологии политический момент (самодержавие, величие России) был очень, если не самым важным.

Но поскольку в России сложилась кризисная обстановка, а политическая, правовая и особенно социально-экономическая модернизация не пошла до конца (прежде всего с земельной реформой), постольку первичная квазицивилизация трансформировалась во вторичную. Перед Россией стоял выбор: она могла окончательно присоединиться к западной культурной группировке, многие элементы которой уже были заимствованы, или пойти по своему особому пути. Всем известно, как в 1917 г. распорядилась история. Так возник социализм (коммунизм) — квазицивилизация, в основе которой лежит секулярная идеология, но по функциям очень сходная с религиозной. Несмотря на то, что, по словам З. Бжезинского, коммунизм пришел слишком поздно для индустриального Запада и слишком рано для прединдустриального Востока, он вполне нашел свою нишу. В конце концов на основе коммунистической идеологии возникла огромная группировка стран, а сторонники данной доктрины имелись почти во всех остальных. Эти идеи оказались в «значительной мере способны удовлетворить духовную жажду — жажду смысла цели и преданности идее, но лишь извращенным путем, приводящим к тяжелым последствиям»³⁶.

К секулярному типу квазицивилизаций, кроме коммунизма,

³⁶ Хиггинс Р. Седьмой враг // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 65.

относится также фашизм³⁷. Правда, он имел более короткий век. Фашизм — мутовка европейской научно-правовой группировки, гибрид ее, социализма, национализма и империализма. История фашизма в общих чертах известна всем. Европейские страны, побежденные в первой мировой войне или недовольные ее результатами, как Италия, стали питательной средой для него. А великий кризис породил в обществе пренебрежение к традиционным буржуазным ценностям. Используя термин А. Уолесса, можно сказать, что возникла ситуация «ревитализации», т. е. неудовлетворительности культурной системы и потребности в новой.

Хотя фашизм и не был чисто атеистической квазицивилизацией, но роль религии в нем не являлась достаточно существенной. По этому поводу Карл Поппер замечает: «...Фашизм не так уж сильно использовал открытое обращение к сверхъестественному. Речь идет не о том, что он по необходимости был атеистическим или что в нем отсутствовал мистический или религиозный элемент, а о том, что вызванное марксизмом распространение агностицизма привело к ситуации, в которой никакая политическая вера, претендующая на популярность в рабочем классе, не могла связать себя с какой-либо традиционной религиозной формой. Именно поэтому фашизм добавил к своей официальной идеологии, по крайней мере на ранних этапах своего развития, некоторую долю эволюционистского материализма девятнадцатого века»³⁸. Стоит уточнить, что нацизм не был религиозным прежде всего потому, что тенденции научно-правовой группировки шли в направлении постепенной

³⁷ По типу идеологии к ним примыкает и национализм, только с той разницей, что он по охвату относится прежде всего не к группе, а к одному обществу. Однако в современных условиях определенное идеологическое единство наблюдается и у националистов разных стран, которые порой — при всех различиях — поддерживают друг друга, как, скажем, это делала Латвия в отношении Чечни. Некоторые черты квазицивилизации одно время угадывались и в западной группировке стран после второй мировой войны до конца 80-х годов, сплотившихся на основе антикоммунизма и защиты ценностей западного мира (демократии и прочего). Но это, конечно, лишь черты, а не система, к тому же эти общества быстро трансформировались во что-то совсем новое, которое еще трудно определить.

Очень любопытный пример — апартеид в Южной Африке. Это, пожалуй, промежуточный тип между квазицивилизацией и отдельным обществом. Но с учетом того, что власти ЮАР создавали внутри страны псевдогосударства (бантустаны), для определенных целей ее можно считать и секулярной квазицивилизацией.

³⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 74.

секуляризации. Однако в результате ее духовного кризиса, вызванного в том числе разгулом коммунизма и фашизма, ужасами войны (но в целом объясняющегося началом ее трансформации в более высокий тип группировки), религиозная идеология частично возрождается, но, конечно, уже в ином, сильно политизированном и социализированном виде. Этот подъем выразился в Европе в частности в резком увеличении роли христианских партий.

Коммунизм и фашизм оказались конкурирующими теориями и квазицивилизациями, поэтому они сравнительно легко (в зависимости от расклада военных и политических сил) сменяли друг друга в одних и тех же обществах. При этом обе системы обогащались, заимствуя «удачные» приемы и элементы.

Во многом похожей на раннюю российскую квазицивилизацию была японская. Япония, где сочетались местные, конфуцианские и буддийские традиции, с позднего средневековья в определенном плане может рассматриваться как особая цивилизация. Со времени же Мэйдзи началась ее качественная трансформация, и до поражения во второй мировой войне она представляла собой тип полурелигиозной, полуполитической квазицивилизации. Интересно отметить, что в указанный период японский буддизм теряет свои позиции, равно как и конфуцианство, зато бурно развивается синтоизм и культ императора. Но это не было рождением особой синтоистской цивилизации, поскольку древняя религия стала лишь частью того идеологического комплекса, который цементировал японскую квазицивилизацию. Мне думается, что вполне понятно, почему на смену аполитичному буддизму явился синтоизм. Ведь последний прекрасно подходил на роль националистической, монархической и милитаристской идеологии. И то, что государство активно его внедряло и поддерживало³⁹, вполне характерно для квазицивилизации. Национализм, империализм, милитаризм, вера в святость служения

³⁹ «Синтоизм стал официальной государственной идеологией, нормой морали и кодексом чести. На синтоистские принципы опирались императоры, возродившие и резко усилившие культ богини Аматэрасу: не только в главных храмах, но и в каждом домашнем алтаре японца (камидан) отныне должно было находиться изображение богини, превратившейся в символ японского национализма. Синтоистские нормы лежали в основе патриотизма и преданности императору... Наконец, на древние синтоистские мифы о сотворении мира, богине Аматэрасу, императоре Дзимму опиралась официальная японская пропаганда в своих националистических претензиях... создать «Великую Азию»...» (Васильев Л. С. История религий Востока. М., 1983. С. 339)

родине, императору, стремление к выполнению долга и прочие идеологические, традиционные, моральные и политические установки слились в особую идеологию, очень сильно влиявшую на умы японцев.

Теперь о переменах в других цивилизациях с конца XIX века. В исламских обществах наибольшие изменения произошли в странах, теснее связанных с Европой, включая и мусульман Индии. Где-то шла борьба за демократизацию и социальные реформы, где-то — за независимость, но везде происходили активные политические процессы, создавались партии и движения. Со второй половины XIX в. усиливается критика традиционного богословия. В частности, т. н. новые мутазилиты (свободомыслящие) развивали учение о свободном исследовании священных книг. В Турции из-за цензуры их труды распространялись косвенным способом, обычно путем цитирования индийских мусульманских теологов. Последние печатались свободно, пользуясь английским либерализмом. Стоит привести высказывания, показывающие степень радикализма. «Современный застой в мусульманской общине происходит главным образом от взгляда, укоренившегося в умах всего мусульманства... будто бы мусульманин, чтобы считаться правоверным последователем пророка, обязан всецело подчинить свои суждения толкованиям людей, которые жили в IX веке и не могли иметь никакого представления о XIX веке...» «Мусульманский закон (шариат), если только его можно называть законом, поскольку он не включает в себе никакого органического закона, никоим образом не является бесспорным и неизменным»⁴⁰.

Особенно решительное продвижение общества в сторону научно-правовой группировки наблюдалось в Турции в результате реформ Кемаля Ататюрка. В 1919 году он заявил, что «отныне султанат и халифат принадлежат истории»⁴¹. «Кемалисты твердо решили положить конец засилью клерикалов в турецком государстве. Они видели в исламе, в исламских догмах, в духовенстве, всегда враждебном всему новому, передовому, чуть не основное препятствие на пути Турции к прогрессу... Кемалистские реформы

⁴⁰ Взято из: История XIX века / Под ред. профессоров Лависа и Рамбо: В 8 т. М., 1939. Т. 8. С. 13.

⁴¹ См.: Еремеев Д. Е. На стыке Азии и Европы. Очерки о Турции и турках. М., 1980. С. 157.

отделили ислам от государственных дел. Освобождено было от влияния ислама и народное образование»⁴². Проводились и другие реформы, вплоть до введения латиницы и некоторых изменений в религиозных службах. Но все же, конечно, полностью приблизиться к научно-правовой группировке не удалось. Помимо ислама, роль идеологии в Турции выполнял и выполняет национализм, что очень наглядно проявилось в факте ее военного вмешательства в кипрскую проблему. Если бы Турция оказалась побогаче, то она, вероятно, могла бы стать центром особой группировки, более близкой к генеральной линии, чем другие. Но, к сожалению, главные — нефтяные — богатства найдены отнюдь не в самых развитых исламских странах.

Существенные успехи в том же направлении были сделаны в Египте, чему способствовали прямое европейское финансовое вмешательство и английское управление. После революции 1952 года продвижение Египта в сторону одновременно и квазицивилизации (с колебаниями то в религию, то в социализм), и Европы усилилось. В конечном счете в настоящее время он представляет собой по типу духовного развития общество промежуточного плана между Западом и исламской квазицивилизацией, во многом аналогичное Турции (в том числе отсутствием нефти и большим населением). По идеологическому определению времен Садата, это «государство науки и веры».

До обретения независимости и нефтяных богатств мусульманские общества были бедными. Поэтому движение к Европе облегчалось надеждой с обретением европейских знаний и институтов стать сильными и богатыми. С другой стороны, ненависть к империалистам-колонизаторам толкала их в объятия СССР и социализма, которые также были для них символами обретения могущества и богатства. Поэтому социалистические идеи и институты активно усваивались многими исламскими странами. Но параллельно весьма заметна была и тенденция к возрождению ислама⁴³, который, однако, объективно уже начинал выполнять существенно

⁴² Там же. С. 156.

⁴³ См. о реформистских движениях в разных странах в XIX — начале XX века: Религиозные традиции мира. Т. 2. С. 103—106. В некоторых же странах, вроде Пакистана, ислам был идеологией обретения независимости и самостоятельности, поэтому там его роль не ослабевала.

иную роль — знамени национально-освободительной и антиколонизаторской борьбы.

Эта двойственность была заметна уже изначально. Вот что писали по этому поводу французские историки 90 лет назад: «...При всяком умственном движении в мусульманском мире приходится считаться с двумя факторами, приводящими к одному и тому же результату: с бессознательным подражанием Европе, с одной стороны, и с желанием бороться против Европы — с другой, вооружить исламизм, чтобы дать ему возможность бороться равными силами. В конце концов исламизм стремится стать либеральным, чтобы защищаться от либерализма, и преобразуется из чувства самосохранения; этим объясняется, почему в этом обновлении мусульманских доктрин главными деятелями являются ученые мусульманской церкви, очень привязанные к своей религии и имеющие большую склонность отождествлять с нею свою национальность»⁴⁴. Мне думается, что указанная двойственность очень наглядно проявилась в Иране. Он одновременно стремился модернизироваться (последняя мощная попытка была сделана при свергнутом шахе⁴⁵), и в то же время там культивировалась мысль о том, что именно шиизм — истинный наследник величия ислама. В этом плане шиитские теоретики весьма напоминают православных столетней давности. В конечном счете в Иране возобладали, к сожалению, исламская модель⁴⁶.

Исламская цивилизация стояла, таким образом, перед альтернативой, по какому пути ей пойти. С обретением же богатства, причем богатства, не требующего напряжения и перестройки общества, возобладал исламизм. Даже бедные исламские общества, лишенные нефти, надеются на помощь богатых «родственников» или ориентируются на них. Усилению религиозной идеологии способствовала также насаждаемая иллюзия о том, что с возрождением ислама вернется и прежнее (средневековое) арабское величие и процветание.

⁴⁴ История XIX века. Т. 8. С. 12—13.

⁴⁵ Значительную роль в усилении конфронтации шаха и духовенства сыграло недовольство последнего экономическими преобразованиями, от которых духовенство много теряло, особенно земельной реформой.

⁴⁶ Однако в последнее время, кажется, в этом обществе вновь начинается движение к демократии и другим западным ценностям.

В Индии постепенная трансформация началась в конце XIX века в связи с ростом влияния Индийского национального конгресса, а после первой мировой войны рост самосознания создал мощную национально-квазицивилизационную идеологию освобождения. Квазицивилизация окончательно формируется после обретения независимости в 1947 г. В отношении культурного развития Индия в некоторых моментах весьма напоминает Россию до 1917 года и многие страны Латинской Америки, поскольку интеллигенция в значительной мере европеизирована, а народные массы темны и невежественны. Например, по числу специалистов с высшим образованием Индия занимает одно из первых мест в мире, но в то же время 60 % взрослого населения неграмотно⁴⁷. Подобные контрасты типичны для ряда квазицивилизаций. В такой ситуации растут национализм, бряцание оружием (теперь уже ядерным), нагнетание конфронтации с соседями и запугивание народа внешней угрозой. Для индийского общества характерны также экстремизм и терроризм, сильны тенденции провозглашения национальной исключительности.

Несколько позднее других вступают на путь трансформации буддийские общества⁴⁸. Некоторые его районы, вроде Тибета, Непала, возможно, и до сих пор еще не вышли из фазы цивилизации, зато страны Юго-Восточной Азии стали трансформироваться еще со второй половины XIX века. И поскольку буддизм был веротерпимым, то особой реформации для изменений ему не потребовалось, как не возникло и серьезного фундаментализма. Следовательно, и переход к квазицивилизации происходил мягче. Появляются идеи упрощения буддизма (например, среди бирманских монахов⁴⁹). С конца XIX века начинается миссионерская активность буддизма на его родине — в Индии и других местах. Но наибольшие успехи в своем распространении он сделал позже. Важно отметить, что в странах буддийской ориентации в одних случаях политические движения были связаны с национализмом, в других — с социализмом,

⁴⁷ См.: Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. М., 1993. С. 151.

⁴⁸ Раньше всех это началось в Японии, где «после реставрации Мэйдзи возрождение синтоизма сопровождалось антибуддийскими акциями — слишком уж связан был буддизм в памяти людей с периодом сёгуната» (Васильев Л. С. Ук. соч. С. 339).

⁴⁹ См.: Религиозные традиции мира. Т. 2. С. 367.

в-третьих — с политизацией самого буддизма⁵⁰ или его огосударствлением. Последнее как раз свидетельствует о трансформации к квазицивилизации, ибо политизация обычно буддизму несвойственна. Вся эта разноголосица и смесь идей характерны при переходе к квазицивилизации и на ее начальной стадии, когда идет конкуренция идеологий.

В буддийских районах Индокитая бурные события, связанные с проникновением колонизаторов, католичества, вызвали к жизни национализм и социализм. Японская оккупация, вероятно, была тем рубежом, который окончательно сдвинул там цивилизованность. Борьба с Францией, Америкой, проникновение и распространение коммунизма перевели эту территорию в послецивилизационное состояние, соответствующее квазицивилизации⁵¹. Причем в ряде случаев господствуют национализм и коммунизм, а в других — национализм и антикоммунизм.

Несколько слов о развитии китайской цивилизации. Кризис там, как сказано, начался в 40-х годах XIX века. Поражения от иностранцев, их вмешательство, страшная тайпинская война — все это привело впервые в истории Китая к попыткам перенять достижения иноземцев. Однако они не удались. Массовая эмиграция китайцев способствовала проникновению в эту страну новых идей. В конце концов там происходит революция и — и также впервые за всю его историю — уничтожается императорская власть. Это, конечно, был ярчайший показатель глобальной трансформации. В течение следующих 40 лет Китай обретал себя в постоянных переворотах, распадах и объединениях, революциях и войнах (как внешних, так и гражданских). Социалистические и националистические идеи глубоко проникли в это общество. В

⁵⁰ «В Бирме начало национально-освободительного движения современного типа оказалось связанным с защитой национальной культуры, религии, обычаев. В 1897 г. в г. Мандалае было организовано общество буддизма, подобные религиозно-просветительские организации возникли и в других городах. В 1901 г. была создана первая общественная организация — буддийская ассоциация молодежи (БАМ). Светские политические организации начали возникать во время первой мировой войны. Влившись в БАМ, они придали более радикальный характер этой организации. В 1917 г. руководство БАМ взяло курс на антиимпериалистические действия» (История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времен до наших дней. М., 1986. С. 511).

⁵¹ Точнее говоря, часть обществ, а другие еще находятся в поиске собственных устойчивых форм, например, Кампучия, но некоторые из них, вероятно, так их и не обретут, поскольку сегодня и время квазицивилизаций уходит.

результате победы коммунизма Китай образовал социалистическое общество, которое стало частью социалистической же квазицивилизации. В ней он вместе с некоторыми другими странами, как более либеральными к частной собственности, так и ортодоксальными, продолжает оставаться. С переходом Китая, Северной Кореи и Индокитая в социализм, а Южной Кореи, Тайваня, Гонконга в «капитализм» конфуцианская цивилизация как таковая перестала существовать. Однако тысячелетние традиции, конечно, продолжают давать себя знать, поскольку никакими кампаниями «критики Конфуция» их невозможно моментально истребить, и число реальных и потенциальных сторонников конфуцианства велико. Поэтому полностью исключить его перерождение в квазицивилизацию (например, при изменении режима в Китае) нельзя. Ведь эта вера очень хороша в качестве государственной идеологии и менее фанатична, ортодоксальна, религиозна, чем идеология мировых религий.

Сделанный краткий обзор исторического развития должен был показать и органическую связь квазицивилизаций и цивилизаций, и — что для нашего исследования наиболее важно — их различия. То, что ряд квазицивилизаций внешне кажутся все теми же цивилизациями, не должно вводить в заблуждение и затемнять для исследователя важнейшие процессы, идущие в этих регионах, типологически сходные с процессами в других квазицивилизациях. Не стоит повторять ошибки прошлого, тех же народников, полагавших, что Россия в конце XIX века в принципе все еще та же, что была сто — двести лет назад, как, конечно, не стоит и повторять заблуждения социал-демократов, думающих, что страна догоняющего типа может повторить путь стран-первопроходцев. Теория квазицивилизации как раз помогает увидеть ситуацию в более адекватном виде.

Итак, делаем важный вывод: **время цивилизаций как культурно-идеологических группировок обществ, основанных на аграрно-ремесленном производстве, с конца XIX — начала XX в. все очевиднее стало уходить в прошлое. И, несмотря на внешнюю видимость возрождения некоторых цивилизаций в современный период, процесс исчезновения цивилизаций продолжается. Будущего они не имеют.**

Поскольку такое утверждение вызовет возражения, необходимо

его подробно аргументировать. Посмотрим, что оно означает. Но прежде чем развивать эти тезисы, принципиально важно подчеркнуть, что речь идет не о том, что цивилизации и цивилизованность в тотальном плане исчезли как важный исторический момент из жизни Запада, а на Востоке могут существовать. Нет, они уходят повсеместно⁵², но разными темпами и путями. Поэтому то, что Восток еще не полностью распрощался с ними, не означает, что они всегда должны ему сопутствовать. Нельзя слишком разводить развитие Запада и Востока, как нельзя и игнорировать их различия. И, конечно, надо вновь напомнить то, что автор имеет в виду уход (медленный и трудный) цивилизаций **как идеологических систем и пространственно-временных группировок**. Однако такое исчезновение цивилизаций совсем не означает, что полностью и сразу уходят также цивилизационные моменты, слои или характеристики. Напротив, многое из них остается. Система сначала нарушается, потом распадается, но ее части способны жить еще очень долго, особенно если ей органически присущ медленный темп. Феодализм как система может быть разрушен, но остатки его оказывают влияние целые века. Колониализм может уйти, но живые следы его, возврат к адекватным ему формам и прочее бывают очень живучими. Одна более развитая религия может сменить другую, примитивную, но значительная часть прежних верований продолжает жить неограниченно долго. Социализм как политическая и социальная система в России ушел, но прежние стереотипы, законы, отношения, ментальность и прочее будут ощущаться еще долгие десятилетия.

Таким образом, уход **каких-то отношений как центра доминирующей системы совершенно не означает, что с ними разом уйдут и представления, отношения, связи, стереотипы, представители господствующих в этой системе слоев и т. п.** Тем более, если производственный базис этой системы в значительной (или преобладающей) своей части не меняется радикально. А это

⁵² Утверждения об уходе цивилизаций хотя изредка (и без обстоятельной аргументации), но все же встречаются, следовательно, я в этом плане не одинок. Могу сослаться на М. А. Чешкова, который подчеркивает, что цивилизация есть **исторически ограниченный** способ организации жизни человечества (См. Чешков М. А. Глобалистика: предмет, проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 1998. № 2. С. 137. *сн.* Выделено мной. — Л. Г.).

вообще свойственно индустриализирующимся обществам, где перемены в одних секторах могут длительное время существенно не менять отношения в других (особенно в сельском хозяйстве). Покуда остаются помещики и малоземельные крестьяне при отсталой агрономии и технике, отношения будут так или иначе носить печать полуфеодальных или полукрепостнических. Раз освободившиеся страны не выбрались из отсталости, невежества и пережитков родоплеменных отношений, их связи с развитыми странами могут возвращаться к неокOLONиальному уровню. Пока не сложилось крепкого и устроенного государства, родоплеменное кумовство будет давить на весь госаппарат. И т. д.

Итак, почему я утверждаю, что время цивилизаций ушло? Во-первых, с нового времени не только Европа стала уходить от цивилизованности, но не появилось ни одной новой цивилизации. Напротив, мы видим, что их число сократилось. В современном мире возможно лишь возникновение новых квазицивилизаций или похожих на них типов на базе каких-то культурных общностей или прежних цивилизаций, хотя и для этого шансов становится постепенно все меньше. Но новые цивилизации возникнуть не могут ни в каком случае. (О том, что в плане культурной группировки обществ представляют собой Африка и Л. Америка, которые иногда называют цивилизациями, — в параграфе 9.)

Сказанное вполне понятно. Время для вызревания цивилизаций, то есть время культурного мрака, в котором вспыхивали огни первых письменностей, священных текстов и философских систем, ушло. Сегодня в периферийных регионах какие-то силы могут пытаться опираться на традиции варварских или дикарских религий, но на этой базе создать живую, самобытную цивилизацию невозможно. Это все равно, как надеяться, что в современных условиях можно заново повторить процесс индустриализации, начиная ее с ремесла и мануфактуры. Ведь модернизирующиеся страны сразу привносят к себе новейшую технологию. А следовательно, и ориентируются уже на готовые образцы. Неужели народы, отставшие в культурном развитии, станут сами создавать новую религию, тем более науку, образцы искусства? Это немыслимо. Это было редкостью уже и тысячу лет назад, когда варварские народы заимствовали христианство, ислам и их культуру в

готовом виде.

Во-вторых, стоит также задаться вопросом, что в новое и новейшее время принципиально нового создали внеевропейские цивилизации? Да, можно назвать немало известных имен у разных народов, но эта культура или представляет собой комбинацию западного и местного, или (как русская культура XIX века) есть национальный вариант европейской. А в остальном мы затруднимся с ответом⁵³. Причем в таком симбиозе собственной и заимствованной культур чаще всего рождается не новый синтез, а появляются как бы локальные варианты общечеловеческой (стержнем которой являлась западная классическая) культуры. К тому же в них новое определяется как раз заимствованным, а не местным. Даже развитие современных религий представляет собой или их реформацию, или возврат к первоначальным истокам⁵⁴, либо рационализацию. А нередко идет просто примитивизация религии, обрядов, идеологии, чтобы облегчить привлечение паствы. Особенно характерны в этом плане некоторые направления буддизма и индуизма⁵⁵.

Но раз оригинальных духовных достижений нет, значит идеологическая система регрессирует. В условиях же сосуществования с более высокими культурными системами и интеграцией мира стагнация не может затягиваться, начинаются трансформации, часто и болезненные, и не всегда прогрессивные.

В-третьих, религия может оставаться господствующей, могут появляться новые пророки, секты, направления и т. п. Но само ее развитие именно как религии фактически останавливается⁵⁶. В

⁵³ Из немногих достижений цивилизаций, имеющих действительно мировое значение в этот период, я упомянул бы идею и форму «ненасильственного сопротивления» (сатьяграха), обоснованную и опробованную Махатмой Ганди в первой половине XX века. Но ведь эти идея и движение несут политический характер и в таком виде однотипны идеям всеобщей политической стачки и т. п.

⁵⁴ Но за этим всегда кроется иное, как это часто наблюдалось во многих течениях, у тех же отцов европейской реформации, славянофилов и прочих, ибо нельзя дважды войти в одну и ту же воду.

⁵⁵ К слову отметить, что и Запад многое берет из чужой культуры: музыку, восточные единоборства, медицину, йогу, даже всякого рода мистическую чепуху. Конечно, это заимствование не коренное, однако оно служит сближению культур, следовательно, уходу цивилизаций.

⁵⁶ Даже протестантизм в этом смысле ничего принципиального не нес. Во многом он просто вернулся к тому, что было в раннем христианстве с его более высокими философскими основами, частично к Библии, несколько очистил от шаманства католицизм. Конечно, он дал (помимо воли) определенную духовную свободу, а также другую мораль, удачно подошедшую к

самом деле, по достижении определенного уровня она или вообще не может развиваться далее как религия, или это развитие ведет в конечном счете к ее разложению. Ибо куда идти от идеи единого, благого, всемогущего, не имеющего облика и присутствующего везде, до всего и после всего и в любой момент Бога и Духа? Конечно, могут быть различные спекуляции (и новое время в философии родило не одну такую), но они не становятся религиями просто потому, что вера в первую очередь воспринимается душой, психикой, волей, а уже потом умом. Слишком хитроумные и сложные концепции, следовательно, отвергаются⁵⁷. Кроме того, такие идеи логически ведут к концепции единой для всех людей религии. Но подобная абстрактная, умственная религия совершенно не приемлема для цивилизации.

Религия идет на подъем как идеология, когда в ее рядах собираются теоретики, которые не просто являются глубоко религиозными людьми, но для которых в этой священной идеологии и заключена главная мудрость. Между тем современная интеллигенция может быть религиозна, но она должна одновременно совмещать религию и науку, массу фактов, от которых невозможно отмахнуться. Ведь чтобы эта интеллигенция стала таковой, она предварительно должна усвоить гору научной и культурной информации. Следовательно, много вещей, которые в древних и мировых религиях толковались буквально, сейчас уже принимать как святое и истинное невозможно. Религию приходится рафинировать, отделять миф от того, что можно принять. И уже одно это ставит предел для развития религии к более высокой идеологии. И, конечно, не случайно активно разрабатываются концепции непротиворечия или даже синтеза веры и науки, в частности в индуизме и исламе. В этом плане идеологам секулярной квазицивилизации было легче, ибо их идеология имела гораздо более наукообразный вид.

новым экономическим веяниям (точнее, потому и дал, что они уже были, и понятно, что далеко не всякая религия способна их учесть), открыл простор индивидуализму и предприимчивости, расширил распространение грамотности и возможность самостоятельного суждения о религии. **Но именно как религия он не выше христианства в целом.**

⁵⁷ Такого рода деистические построения, когда идеологи представляют власть бога ограниченной законами природы, Г. В. Плеханов саркастически называл «небесным парламентаризмом».

В-пятых, расцвет современных религиозных квазицивилизаций только потому и возможен, что: а) эти общества прочно вошли в мировую интеграцию и пользуются ее плодами; б) они под флагом международной безопасности пользуются своими естественными богатствами, не боясь прямого военного вмешательства. А ведь именно эта угроза более всего подталкивала прежние элиты к модернизации; в) их главные, земные, насущные знания и культура выработаны не внутри них, а в другом месте и заимствуются, а не порождены собственной цивилизацией. В результате колоссальный разрыв между позитивным и идеологическим знанием не приводит к немедленному кризису мировоззрения, как произошло бы в ином случае. Тем не менее сдвиг к позитиву идет и неизбежно ускорится. Следовательно, подобно тому, как индустриальный социализм был возможен лишь на достаточно высокой стадии индустриализма вообще, квазицивилизации также стали возможными лишь на высокой стадии развития мировых знаний и науки, которые особым образом трансформировались в этих регионах.

Добавим еще, что хотя квазицивилизации возникают на сравнительно ранних стадиях индустриализации⁵⁸, как всякая идеологическая система они не уходят сами собой вместе с дальнейшим развитием, а для этого требуется определенный нажим или переворот, ибо за идеологией стоят не только традиции (сами по себе очень живучие), но и социальные силы. И чем жестче идеология, тем больше может потребоваться усилий для выхода из этого тупика. Следовательно, общества, даже если они объективно готовы выйти на более высокий уровень, могут долго искусственно задерживаться на стадии квазицивилизации.

Таким образом, в рассматриваемом нами аспекте можно сказать, что конец XIX — первые десятилетия XX века — это постепенный переход части обществ разных цивилизаций в новые формы, это ответ на их надлом, кризис и стагнацию. Такое движение в разных обществах шло разными темпами, с разной глубиной, а в ряде регионов оно началось вообще лишь сравнительно недавно. Причем, как это характерно для начальных периодов трансформации, рождаются разные переходные формы,

⁵⁸ Этих обществ, а не мирового индустриализма, который, как сказано, должен быть уже зрелым.

одни превращаются в другие, одновременно сосуществует ряд альтернативных идеологий. Но из ряда конкурирующих идеологий в конце концов выделяется главная.

Следовательно, квазицивилизация — это и не цивилизация, находящаяся в состоянии постепенного регресса, и не цивилизация, идущая на подъем. Это **нечто иное и новое**. Разумеется, в начале своего формирования квазицивилизация еще остается как бы в лоне исходной своей цивилизации, но уже сильно отличаясь от последней⁵⁹. Прежние идеологические основы постепенно заменяются. И хотя у квазицивилизаций религиозного типа религия и не перестает быть в центре мировоззрения, все же в этот центр постепенно добавляются иные ингредиенты, особенно политико-государственные, так что развивается идеология смешанного, симбиотического, но не чисто религиозного типа.

В некоторых отношениях эти процессы похожи на период Реформации (XVI—XVII веков) в Европе. Но тогда возникает вопрос, нельзя ли и квазицивилизацию трактовать как высшую, сверхзрелую (перезрелую) фазу цивилизаций, как это делалось в отношении периода Реформации в Европе? В принципе это возможно, но думается, что в отличие от XVI — первой половины XVII в. в Европе будет и неадекватно, и нецелесообразно. Почему?

Во-первых, потому что описанные выше процессы в квазицивилизациях были в значительной мере вынуждены внешними обстоятельствами, и поэтому здесь сочетание старого и нового не просто связано с переходом от первого ко второму, но становится органическим, совершенно обязательным.

Во-вторых, базис этих обществ уже другой по сравнению и с тем, что они сами имели раньше, и с Европой начала XVII в. И уже потому, что их материальная база существенно превосходит европейскую указанного времени, будет неверно уподоблять их полностью периоду Реформации. Ведь более высокий по развитию базис так или иначе ведет к появлению пусть и других, чем в Европе, но более высоких духовных форм, чем цивилизация. Кроме того, о

⁵⁹ Надо также учитывать, что истоки перемен, иногда даже их теоретическое обоснование, находятся в периодах, достаточно удаленных от рождения квазицивилизации, обычно в последних стадиях цивилизации, когда начинает ощущаться неудовлетворенность положением дел. Поэтому неудивительно, что некоторые истоки современных исламских доктрин можно проследить с XVIII века, например, в учении ваххабитов.

реформированном христианстве мы еще можем говорить как о сверхзрелой фазе цивилизации, поскольку это был путь первых, а такое развитие обычно имеет полный цикл, который требуется для взросления и базиса, и всего остального. При заимствовании же готовых форм цикл неизбежно укорачивается прежде всего за счет именно начальных фаз.

В-третьих, мы говорили, что при качественном рывке производительных сил другие сферы отстают от них в развитии. А когда духовное развитие существенно не успевает за технологическим, нередко возникают неадекватные реакции. Но важно подчеркнуть, что такое несоответствие не просто происходит за счет автономного развития самой духовной сферы, а является именно реакцией на перемены в производительных силах и (или) распределительных отношениях⁶⁰. Поэтому опора на заимствованные технику и знания позволяет нередко достаточно долго сохранять атрибутику старого. Но чем зрелее квазицивилизация, тем яснее можно увидеть — даже если внешне они и кажутся именно цивилизациями, — что на самом деле это уже более высокая форма, как коренным образом различаются, скажем, монархия сословная и конституционная. И чем дальше уходят такие объекты в развитии, тем очевиднее, что говорить, что квазицивилизация — это все та же цивилизация, все равно, что ставить знак равенства между азиатским способом производства и социализмом, между индустриальным и античным капитализмом и т. п., поскольку базис у них разный.

В-четвертых, при толковании религиозной квазицивилизации как сверхзрелой фазы цивилизации затемняется родство однотипности первой с секулярной квазицивилизацией. А оно доказывается еще и тем, что существуют не только секулярные и религиозные, но и промежуточные полурелигиозные. Теряется и определенная близость квазицивилизационной идеологии с национализмом (о чем еще будет речь).

В-пятых, не надо забывать, что квазицивилизации являются не генеральной, а боковыми ветвями развития, и потому, естественно,

⁶⁰ Отсюда видно, что, например, резкое увеличение роли религии в исламских обществах в последние десятилетия есть не столько ее автономное возрождение самой из себя, из прежней исламской цивилизации, а неадекватная реакция общественного сознания на резкий рост богатства и мировой роли этих стран, а также перемены в технологии.

имеют большие особенности, отсутствующие или менее важные для развития по генеральной линии. Следовательно, роль тех или иных качеств существенно или даже резко различается. Так, значение идеологии в квазицивилизациях гораздо выше, чем в научно-правовой группировке.

Здесь стоит еще раз пояснить. С одной стороны, невозможно упускать из вида, **что квазицивилизации и научно-правовая группировка, а также и другие стадияльно им однотипные формы⁶¹ есть варианты культурных группировок обществ индустриальной эпохи.** Между этими сформировавшимися и формирующимися в новое и новейшее время видами культурных группировок **послецивилизационного типа** существуют важные сходства, которые сформулированы ниже. Но сходства эти выделяются, так сказать, **по горизонтали.** В отношении же **вертикального** развития, и особенно близости к генеральной линии развития, они сильно разнятся. Так же, как социализм и капитализм — это варианты индустриального общества, в чем-то похожие, а в чем-то антагонистичные.

Но как бы ни трактовать это явление, даже определяя его как сверхзрелую фазу цивилизации, все равно, с учетом того, что нам известны результаты развития такого этапа, можно говорить о **конце цивилизаций как пространственно-временных культурных группировок обществ.**

Теперь посмотрим более обстоятельно, почему все-таки в квазицивилизациях столь симбиотично и неразрывно соединились, казалось бы, столь разные черты. Дело прежде всего в особенностях обществ, которые сами очень неоднородны⁶². В нем есть новые секторы, которые, однако, еще нуждаются в отсталых, находящихся на

⁶¹ Эти формы культурных группировок характерны для индустриализирующихся и индустриальных обществ раннего и среднего уровня развития, не имевших прежде цивилизационных форм или представлявших собой периферийную под(суб)цивилизацию (о них в § 9).

⁶² Например, К. Боулдинг говорил о Японии начала 60-х годов XX века, что в ней было представлено одновременно как бы множество эпох. Он пишет о ней, как о «мозаичном обществе», сравнивает с мозаичным полотном, сложенным из отношений и явлений, которые принадлежат всем обществам, расположенным на великом течении истории, начиная от древней Иудеи до последних лет последнего столетия (Boulding K. E. A. Primer on Social Dynamics. History as Dialectics and Development. N. Y., L., 1970. P. 133). И это очень характерно не только для тогдашней Японии, но и для многих современных государств третьего мира.

принципиально низкой отметке. Индустриализирующее государство или страна (например нефтедобывающая), прочно втянутая в международное разделение труда, это еще незрелое, во многом переходное общество. Надо также учитывать быстрый рост населения. Чтобы сплотить такое разнонаправленное общество, нужны крепкие обручи в виде сильной идеологии. Но такая идеология изначально ориентируется на то, чтобы подходить большинству (а не только на образованную элиту). Если же возникает еще и необходимость заигрывать с народом (например, при элементах демократии), тогда потребность в идеологии, больше или меньше включающей в себя мифологические вещи, становится объективной и насущной, а опора на нее представляется исключительно естественной, удобной и надежной. Таким образом, квазицивилизация нуждается в идеологии, которая может быть доступна массам и с помощью которой этими массами легче управлять.

В период формирования квазицивилизации в ней сосуществует множество очень разношерстных, но по уровню сходных идеологий⁶³. В зависимости от степени развитости стран, их исторических особенностей и многого другого в конечном счете главной становится или секулярная, или религиозная (полурелигиозная). Тем не менее в процессе развития отдельных обществ один тип идеологии может смениться другим. Точнее исторически было так: секулярная сменяла религиозную. И поэтому, думается, что секулярная идеология соответствует более высокому этапу квазицивилизации, если, конечно, она устанавливается за счет внутреннего развития, а не насильственно навязывается извне. Это связано также с тем, что секулярные квазицивилизации: а) вышли из лона научно-правовой группировки, поэтому ближе к Западу и в некоторых смыслах к генеральной линии исторического процесса; б) имеют более высокий уровень образования, культуры, науки. Поэтому может статься, что некоторые нынешние религиозные квазицивилизации начнут дрейфовать именно в сторону превращения в секулярные или скорее в подсекулярные. Но я вполне допускаю,

⁶³ Уже упомянутый Боулдинг писал о приверженности умов японских интеллектуалов к марксизму в начале 60-х годов. И этот феномен оказывалось трудно объяснить даже самим японцам. (Ibid. P. 134). Это как раз один из примеров такого плюрализма, когда общество выходит из одной квазицивилизации и ищет путь в другую группировку. Впрочем, к марксизму испытывали и еще продолжают испытывать приверженность и в более развитых обществах.

что секулярная идеология может в отдельных обществах смениться религиозной (как это вырисовывается в некоторых бывших исламских республиках СССР).

В любом случае то, что в России, в буддийских и конфуцианских странах религиозные идеологии сравнительно легко сменяются светскими и наоборот, говорит о внутреннем родстве или сходстве квазицивилизаций. И такие переходы обществ из одной квазицивилизации в другую, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что **квазицивилизационная идеология есть особая реакция общественного сознания группы обществ на быстрые перемены в базисе и в окружении** этих государств. Тем более, если перемены вызваны внезапно свалившимся богатством. Когда общества бедны и хотят стать богаче, они начинают видеть возможность реализации этого в отказе от старого и перенимании другого, передового. Легкое богатство делает излишними такие усилия.

Вообще же выбор идеологии в современных условиях многими молодыми государствами или режимами⁶⁴ иногда напоминает ситуацию с выбором религии варварскими державами, когда их общества дорастали до нее. По сути, им было все равно, какую религию выбирать, основную роль играли чисто исторические или личные предпочтения, случайность. Иными словами, на определенном уровне послецивилизационного развития социальные организмы, не идущие по генеральной линии, нуждаются в определенной идеологии, с помощью которой легче интегрировать и сплотить общество. Такие страны часто не могут развиваться просто сами по себе, им нужен пример⁶⁵. Естественно, что на выбор сильно влияет и фактор наличия подходящих идеологических форм. Отсюда неудивительны в неустоявшихся обществах переходы от одной идеологии к другой, как прежде совершались переходы от

⁶⁴ Не стоит забывать, что основное количество, скажем, исламских, государств, — это сравнительно новые или сверхновые государственные организмы, либо государства, в которых сменился политический режим, как в Иране. Уже в 50-е годы многие исследователи отмечали, что мусульманский мир бурными темпами дифференцировался и дробился на «множество исламов», которые уже нельзя привести к одному знаменателю. (См.: Религия и общественная мысль народов Востока. М., 1971. С. 231).

⁶⁵ Здесь следует различать общества, где движение к квазицивилизации было самостоятельным в смысле поиска идеологических и общественных форм, и общества, которые заимствуют готовые формы квазицивилизации или которым их навязали. В последних случаях степень влияния идеологии может быть иной, меньшей.

одной религии к другой.

В любом случае, однако, внедрение и сохранение на высоком уровне такой квазицивилизационной идеологии без резкого усиления роли государства, соответственно большей или меньшей примеси национализма, огромного влияния средств информации и прямого контроля за ними со стороны государства, развития системы образования и т. п. невозможно. Иначе она играть столь важную роль не может.

Следовательно, эта идеология становится **политической**. Правда, и раньше отдельные религии в отдельные периоды могли играть такую роль. Но в отличие от квазицивилизации для цивилизации это не было обязательным, а представляло особенности отдельных из них. И, кстати, именно в этих случаях религиозные квазицивилизации и становятся наиболее тотальными. Так, ислам всегда имел потенции политической идеологии, которые временами могли вполне зримо реализовываться, особенно в периоды военной экспансии под флагом борьбы с неверными как высшей доблести⁶⁶. Поэтому вполне естественно, что в современных условиях эти черты (тотальность, связь с государством, политичность) приобретают новый смысл и сверхзрелость. Следовательно, так же, как мы определяли особенности христианской цивилизации, позволившие ей стать путем для генеральной линии развития, так и в исламе мы легко находим те его качества, которые в новых условиях сделали его исключительно удобным средством для превращения в государственную идеологию. В результате не требовалось заменять его какой-то светской идеологией, как в случае христианства и социализма⁶⁷.

Однако в современных условиях политизация идеологии смещает ее центр именно в политическую, а не религиозную сторону⁶⁸. Этому способствует хотя бы факт демократизации многих режимов, что неизбежно связано с политизацией общества. И чем зрелее квазицивилизация, тем это заметнее. Причем может быть прямая борьба между этими двумя тенденциями в виде

⁶⁶ Правда, в периоды политического упадка он принимал характер вполне мирной религии.

⁶⁷ Определенную преемственность между ними увидеть несложно.

⁶⁸ На примере Северной Ирландии, где уже десятилетия продолжается противостояние католиков и протестантов, очень хорошо видно, что религия выступает именно как политическая (сродни национализму, коммунизму и т. п.), а не духовная идеология.

политических и идеологических схваток между государством и фундаменталистами⁶⁹. Однако разве и фундаментализм не есть также способ захвата власти? Итак, если раньше цивилизованность и политичность (государственность) дифференцировались, что мы специально подчеркивали для третичных цивилизаций как свойство цивилизаций высшего типа, то теперь они стали симбиозом, но уже на более высоком уровне развития.

Вообще индустриализм демонстрирует много черт, в которых какие-то качества представляют собой органический синтез, подобно тому, что мы говорили о нации, в которой этническое и политическое сливаются неразрывно. И не случайно национализм, особенно как идеология, столь характерен для третьей формации. Также не случайно, что цивилизационные и национальные характеристики сегодня очень часто совпадают или дополняют друг друга, хотя, как мы видели, цивилизованность в своем зрелом виде есть именно наднациональное качество.

Продолжим сравнение между зрелой цивилизацией и квазицивилизацией и подробно проанализируем черты их сходства и особенно различия. Главное сходство видно невооруженным глазом. И в том и другом случаях группировку и каждое отдельное общество цементирует идеология, которая иногда может пронизывать все: от политики до быта. Соответственно и главные культурные связи и узлы (в квазицивилизациях не все, а часть) сосредоточиваются в идеологических учреждениях. Естественно, велика и социальная значимость ее адептов и служителей. Но у цивилизаций в целом она значительнее. Зато в квазицивилизациях существенно выше роль государства в поддержке идеологии и ее служителей. Конечно, случаи насаждения и поддержки религии с помощью государства достаточно обычны в прежнее время. Но вообще это не обязательно. Очень часто религия существовала полуавтономно или даже почти автономно (особенно когда уже утвердилась в массах), используя собственные возможности и привлекая мощь государства эпизодически. А в некоторых случаях и вовсе пыталась размежеваться с ним. Обычно церковь больше привлекала материальная сторона

⁶⁹ Это особенно характерно для исламских обществ, правительства которых даже координируют свои действия в этом плане. (См. об этом: Юрьев М. Ф. История стран Азии и Северной Африки после второй мировой войны (1945—1990). М., 1994. С. 227).

отношений с властью (дарения, льготы), чем репрессивная и агитационная. Теперь же в квазицивилизациях особенно важной становится именно пропагандистская и контролирующая (репрессивная или правовая) его мощь.

Поскольку в квазицивилизациях весьма заметно стремление к ортодоксальности, к тому, чтобы их идеология стала абсолютно господствующей и распространялась бы на все новые общества, особенно сильное сходство (порой даже в мелочах) наблюдается между ними и ортодоксальными цивилизациями (христианством и мусульманством). При этом в некоторых смыслах в квазицивилизациях как бы доходят до логического завершения отдельные черты этих цивилизаций: закрытость, идейная нетерпимость, формирование образа врага, стремление к экспансии — подобно тому, как некоторые черты феодализма доходят до логического завершения уже в первых фазах капитализма.

Отметим также, что ни в одной цивилизации идеология **никогда не внедрялась столь широко, массово, даже агрессивно, как сегодня**. Обычно насаждение религии среди иноверцев и язычников носило скорее формальный характер, миссионеры чаще довольствовались внешней видимостью, чем стремлением, чтобы их паства разбиралась в тонкостях богословия. Ныне фактически такая установка (хотя на практике никогда и не реализуемая) существует. И это еще одно из отличий квазицивилизаций от цивилизаций.

Таким образом, в квазицивилизациях усиливается склонность к ортодоксальности и нетерпимости, хотя не для всех она является важнейшей чертой. Тем не менее, если агрессивность нынешнего исламизма можно объяснить изначальной направленностью этой религии, то оказалось, что даже традиционно мирный буддизм в лице нитирэновских сект может быть агрессивным⁷⁰. Последнее

⁷⁰ Характерно, это течение возникло именно на последних стадиях японской квазицивилизации (1937 г.), а получило большое распространение уже в условиях ее краха и идеологического кризиса. Суть его идеи — не характерные для буддизма утверждения о том, что все остальные религии, включая и другие формы буддизма, неистинны. Второй президент этого общества Тода Дзесэй «поощрял агрессивную миссионерскую деятельность, направленную на будущее обращение всего мира с нитирэновской объединенной буддистской Японией в центре» (Религиозные традиции мира. Т. 2. С. 368). При всей утопичности задачи этому движению удалось создать свою политическую партию, многочисленные центры и обратить в свою веру более шестнадцати миллионов японцев, а также несколько сот тысяч людей в других странах.

подтверждает, что в условиях квазицивилизаций и при определенной местной (националистической) среде удастся использовать в качестве тотальной и нетерпимой даже религию, которая, казалось бы, по своей природе мало пригодна для этого. Политизация буддизма характерна для ряда стран Азии. Например, весьма велика его роль в политике Шри Ланки, где среди монашества, разделенного разной партийной принадлежностью, идут острые политические споры и конфликты.

В качестве иллюстрации изменения роли буддизма можно взять Таиланд в 50—60-е годы XX века. Там уже давно его роль в государстве была выше, чем в других странах. Однако в указанное время она существенно вырастает. И — что важно в нашем исследовании — налицо связь идеологии и национализма. «Система общественного образования в Таиланде... служит в настоящее время (начало 70-х гг. — Л. Г.) опорой существующего строя, источником национализма и шовинизма, формирует понятия о национальном единстве, долге, лояльности. В учебных программах основной акцент делается на историю тайской нации, на подвиги и деяния национальных героев. В детях воспитывают чувство долга по отношению к королю, буддизму, конституции, правительству, семье, школе, обществу... С 1950 г. буддийская религия и мораль стали обязательными дисциплинами во всех школах», их изучают с первого класса в течение 12 лет. А религиозная педагогика легла в основу гражданского обучения⁷¹.

Правительство вместе с церковными иерархами стремилось контролировать педагогические кадры и даже пыталось для этого реформировать саму сангху (слово означает буддийскую общину и всю церковную иерархию) и более тщательно отбирать и проверять тех, кто желал стать ее членом. Ведь, по словам одной газеты, «эти люди должны соответствовать своей роли в этом «университете национальной морали» и правильно пропагандировать учение Будды массам, а не руководствоваться только своими личными интересами»⁷². Стоит напомнить, что речь идет о буддизме, где

⁷¹ Религия и общественная мысль народов Востока. С. 84—85.

⁷² Там же. С. 91. В 1963 г. на собрании руководителей буддийской церкви было решено объединить усилия правительственных чиновников и церковных властей для фактического контроля за выдвижением кандидатов в сангху, чтобы лучше защищать буддийское учение (Там же. С. 91—92). Весьма характерным было и выступление короля в 1965 г., который

всегда подчеркивались индивидуальность пути спасения и индивидуальная ответственность личности за свои поступки и за путь к нирване.

Очень существенно, что одна из важнейших причин такого возвышения буддизма в Таиланде — антикоммунизм. При этом высшие иерархи церкви постоянно подчеркивали, что коммунисты пытаются разложить буддийскую общину изнутри, поскольку «буддизм труднее разрушить извне, а гораздо легче подорвать веру в дхамму через самих верующих, которые часто нарушают заповеди религии»⁷³. Не напоминает ли это борьбу с попытками империалистов разложить социализм изнутри через молодежь?

Но хотя квазицивилизации еще способны создать (или модернизировать, возродить, укрепить) массовую идеологию, которая впитывается сотнями миллионов человек и становится их убеждением и образом жизни, однако история уже отживших квазицивилизаций показывает, что слишком долговечными они не могут быть. И в этом их отличие от цивилизаций. Главное, как уже сказано, в том, что материальная и техническая база квазицивилизаций совсем, принципиально иная, чем у классических цивилизаций. В них — даже при закрытости — создается, поступает и распространяется гораздо больше информации, чем в обществах прежнего типа. И чем дальше квазицивилизация уходит от традиционного уклада, чем меньше численность крестьянства, чем выше грамотность, чем технологичнее общество, тем меньше основ для сохранения идеологии. К тому же с развитием новых средств информации и способов их получения возрастает и сложность сохранения идеологии. Ведь при прочих равных условиях влияние идеологии и религии тем прочнее, чем более темным, невежественным и оболваненным оказывается население. Но, разумеется, эти идеологические системы держатся и на других основах, поэтому не стоит уподобляться просветителям XVIII века,

призывал усилить пропаганду буддизма, причем не только в Таиланде, но и в других странах. Монарх призывал защищать буддизм от любой критики и нападков и подчеркивал, что главной «враждебной силой», выступающей против религии, являются учителя, которые «тайно пытаются злостно исказить дхамму (т. е. истинное учение, правильный путь в вере. — Л. Г.) путем ее произвольного толкования. Это приносит основной вред буддизму, хотя имеются и другие источники зла» (Там же. С. 89).

⁷³ Религия и общественная мысль народов Востока. С. 92.

всерьез полагавшим, что все беды происходят от недостатка знаний и культуры.

Таким образом, тип хозяйствования и способы инвестиций таковы, что они волей-неволей меняют образ жизни. А абсолютная идеология несовместима с достаточно быстрыми изменениями в образе жизни. Кроме того, такие общества обычно берут на себя

«повышенные обязательства», связанные с их идеологией. И эти обязательства могут оказаться непомерными и непосильными. Возникает идеологический кризис, поскольку население воспитано на таких обещаниях. Определенная деидеологизация жизни, следовательно, по мере развития квазицивилизации неизбежна, и потому что растет уровень образования, и потому что никогда прежде не было столь высокой степени контактов между народами, и по ряду иных причин (в том числе расслабления, изнеживания элиты, а поддержка идеологичности требует напряжения). Но эта деидеологизация не совершается автоматически, а требует идеологической же борьбы.

Выше мы уже отмечали некоторые особенности идеологии квазицивилизации по сравнению с цивилизациями. Если бы речь шла только о секулярном типе квазицивилизации, вопрос был намного яснее. Однако наличие, на первый взгляд, общей основы в цивилизации и религиозной квазицивилизации затрудняет проблему. Чтобы разобраться в ней более основательно, вспомним, что идеология не есть принадлежность только цивилизации. Напротив, с цивилизацией связан лишь первый этап ее существования. Поэтому вовсе не удивительно, а вполне естественно наличие идеологических образований послецивилизационного типа. Надо также вспомнить, что понятие «идеология» употреблялось для упрощения. Фактически же речь идет об идеологическом (мировоззренческом) **комплексе**, тем более при анализе квазицивилизаций.

Но если мы говорим о мировоззренческом комплексе квазицивилизации, желательно увидеть, каковы его составляющие (на практике, конечно, неразрывные).

В данной схеме я объединил и верхний его слой (пункты 1, 2, 5, 6), который можно условно считать единым для всех (большинства) обществ квазицивилизации; и нижний (пункты 3, 4), сильно различающийся в отдельных странах. Однако с учетом возросшей

роли государства без этого нижнего слоя о квазицивилизации говорить невозможно. Чуть позже мы разберем этот момент.

1. Какая-то доктрина, т. е. чисто теоретическая часть или традиционная религия. 2. Политико-идеологическая часть, связанная с осмыслением роли и места данной группировки в мире, истории, определением врага (империализм, сионизм и т. п.) и соответственно друга (таким нередко выступал СССР). Это связующее звено с собственно доктриной и политико-национальными моментами.

3. Политическая часть, т. е. приспособление доктрины к местным условиям путем обоснования места и роли данного общества в группировке, в том числе особого его положения (например, ООП в исламе), или другим способом. 4. Политико-националистическая часть: а) добавление национализма к идеологии; б) какой-то культ личности. Последнее может выступать связующим звеном всех прочих элементов. 5. Какие-то западные или общемировые идеи: прогресс, демократия, благо народа, мир, охрана природы и т. п. б. Часть западных или международных идей, связанных с наукой, культурой, технологией. При этом в разных случаях на первое место будут выходить разные элементы.

Конечно, некоторые из политических составляющих были и в идеологическом комплексе цивилизаций, но гораздо менее ясно выраженные. Но, само собой, ничего подобного современному западному влиянию не было и быть не могло, а в последнем счете, именно оно (само по себе и за счет активизации внутренних сил обществ) меняет структуру идеологии квазицивилизации.

В такой сложной структуре идеологического комплекса существенно трансформируется религиозный момент даже религиозных квазицивилизаций. Ведь идеология теперь не просто квинтэссенция и толкование догматов веры, как это было в зрелых цивилизациях. Нет, она надстраивается уже и над теологией, а ее стержень представляет собой сложный сплав религиозных, политических, правовых, социальных и мировых идей, а также общечеловеческой науки и культуры, частью в чистом виде, частью — в искаженном местными особенностями.

Изменения в роли религии в идеологическом комплексе подтверждаются и тем, что кое-где религиозная карьера уже не столь привлекает, как в прежние эпохи, особенно если это не единственный

путь к власти или богатству (это достаточно характерно для квазицивилизаций, особенно при их взрослении). Поэтому в ряде случаев молодежь предпочитает получить светское образование, а поступающих в духовные учебные заведения не хватает, и в результате образуется и нехватка священнослужителей⁷⁴.

Говоря об идеологическом комплексе группировки обществ, мы не должны забывать, что в нем нужно выделять несколько слоев, в том числе два базовых: надобщественный и общественный. И в отношении этого последнего между цивилизациями и квазицивилизациями имеются, может быть, еще более серьезные различия, чем указанные выше.

Если мы сравним цивилизации мировых религий в период их зрелости, то увидим, что их верхний объединяющий слой, включая теологию и философию, покоился на пласте местных доцивилизационных религий (при этом шла постоянная борьба с язычеством) и этнических особенностей (но не политизированного национализма) или над слоем другой цивилизации. В квазицивилизации же нижний (местный) элемент — это национализм или какой-то политизм иного плана (но все равно смешанный с национализмом). И это показывает совсем иной уровень развития составных единиц квазицивилизации по сравнению с цивилизациями.

На связи квазицивилизационной и националистической идеологии стоит немного остановиться. Можно сказать, что национализм в чистом или смешанном виде присутствует в идеологии культурных группировок обществ разных типов третьей индустриальной формации. Но стоит уточнить, что в чистом виде он больше присущ обществам, тяготеющим к научно-правовой группировке. Таким был и национализм в Европе в XIX — начале XX века, и он хорошо уживался с верой в общий прогресс и общую западную культуру. А квазицивилизациям больше свойствен национализм, смешанный с какой-либо идеологией или религией. Тем не менее данная идея о

⁷⁴ Например, в Египте. Во всяком случае так было в 70-е годы, когда, по свидетельству газеты «Аль-Ахрам», каждый год сокращался прием в религиозные институты. Эта же газета скорбела, что молодежь «только тогда стучится в двери факультета основ религии, когда перед ней закрываются двери всех прочих факультетов». Эта же газетная статья отмечает, что само мусульманское духовенство «больше, чем кто-либо другой, стремится не посылать своих сыновей на учебу в религиозные институты» (Степанов Р. Н. Некоторые наблюдения относительно современных процессов в исламе (на примере Египта) // Ислам в истории народов Востока. М., 1981. С. 185, 186).

присутствии национализма как нижнего слоя идеологии культурных группировок хорошо объясняет его схожесть по многим параметрам с идеологиями наднационального уровня индустриальной формации.

Из сказанного ясно, что хотя идеологический комплекс связывает ряд обществ, но это не значит, что в каждом обществе квазицивилизации степень влияния всех элементов одинакова. Напротив, мы видим очень большие различия в иерархии компонентов.

Иногда внутренняя идеология (тот же национализм) гораздо важнее, чем внешняя. Бывает и наоборот, внешняя идеология превалирует над внутренней⁷⁵. Нередки и расколы в идеологических группах, когда моменты несогласия гораздо важнее моментов схождения. Такие колебания от одной крайности в идеологии к другой могут быть и внутри одного общества. В том же СССР были шараханья от того, чтобы национальные чувства выхолостить, до того, чтобы затмить ими и сам социализм, пока наконец не определился какой-то баланс неразрывности социализма и великодержавного национализма, патриотизма и интернационализма.

Если взять исламский мир, то наряду с непримиримыми и умеренными идеологическими режимами, наряду с воинствующими, вроде палестинцев, есть и такие, где явно преобладают именно политические моменты. Возьмем Ливию или Ирак. Здесь налицо комплекс личной диктатуры и культа личности в сочетании с политико-идеологическими идеями и камуфляжем в виде демократии, народовластия или блага народа, антиимпериализма и антиамериканизма, социализма, государственности и, конечно, исламизма. В Ливии, помимо этого, наблюдаются еще попытки представить власть как бы анонимной, безличностной, правящей от имени народа и религии.

Таким образом, роль ислама оказывается ведущей далеко не везде. В иных же случаях термин «исламский» вообще употребляется «всуе» так же, как и слова «демократический», «народный», «социалистический» и т. п. Фактически же он не означает ничего, кроме того, что это понятие связывается с чем-то хорошим⁷⁶. Ведь он

⁷⁵ Например, в Иране. Однако и там шиизм выполняет роль национального знамени и, возможно, в существенной степени именно он и делает режим столь одиозным.

⁷⁶ В этой связи я хотел бы указать, что исламские партии в своих программах нередко выдвигают внешне исламские лозунги, а фактически вытекающие из мирового контекста и конкретной ситуации. Например, партия Истикляль («Независимость») в Марокко приняла в

становится теперь знаменем, под которым можно примазаться к богатым «родственникам» (как это происходило и с социализмом в период его расцвета, и с антикоммунизмом, и с демократией. Они часто были чуждыми данному обществу, но власть ради приобретения субсидий, оружия, поддержки и т. п. начинала их усиленно насаждать с помощью государства).

Квазицивилизация, как и цивилизация, есть группировка обществ. Но для первой это менее необходимо, чем для второй. Ведь квазицивилизации, как и остальные культурные группировки третьей формации, имеют **политический** уклон, так или иначе, но неразрывно связанный с государством и государственной политикой. Поэтому они иногда могут сосредоточиваться и в одной стране, причем такой, которая по своей природе не должна децентрализовываться. Тем не менее **квазицивилизация** всегда **больше конкретного общества**. Например, императорская Япония постоянно стремилась к захватам, превращаясь в группировку обществ (в Японскую империю, как известно, входили Корея, часть китайских земель и ряд неапонских островов). Царская Россия сама по себе являлась группировкой обществ. Кроме того, она была еще и лидером православия, пытаясь привязать к себе балканские страны. И частично выполняла панславянские функции. Даже Израиль не есть просто одно государство, поскольку он стал духовным и национальным центром множества еврейских общин, следовательно, в этом плане также выступает группировкой обществ. Отметим, что существуют и переходные типы, таковой была ЮАР, между явными группировками ряда обществ и явно отдельными странами.

Среди квазицивилизаций можно выделить несколько главных

1960 г. программу. В ней, в частности, говорится, что основными принципами партии являются: «вера в бога, преданность родине и королю, решимость создать свободную нацию, освобожденную от пут колониализма, фундаментом которой являются устои ислама и которая участвует в развитии арабской цивилизации» (Луцкая Н. С. Исламская доктрина в идеологической и политической платформе партии Истикляль // Ислам в истории народов Востока, М, 1981. С. 64—65). Однако «в программном документе ислам интерпретируется соответственно духу времени, как религиозно-политическая система, основными принципами которой являются прогресс, справедливость и свобода, освобождение человечества от деспотизма и тираний», как общественно-политический режим, предусматривающий «братство, свободу, взаимное сотрудничество, веротерпимость и содружество людей любой расы и любых убеждений, утверждение всеобщей социальной справедливости, рассмотрение общественных интересов в качестве мерила человеческой деятельности» (Там же. С. 65).

типов. Одни создают новую секулярную идеологию. И поскольку она более оформлена и псевдонаучна, ее роль в определенном смысле даже выше, чем в других типах квазицивилизаций. Недаром ведь тоталитарными считают общества именно секулярных квазицивилизаций. Другие просто вырастают из прежних цивилизаций, являются их наследниками и черпают свои идеи из прежней идеологии, религии и теологии. Таковы сегодня индийская, буддийская и наиболее тотальная — исламская. На примере царской России и императорской Японии мы рассматривали полурелигиозные квазицивилизации.

Еще одним очень интересным типом является **реанимированная** квазицивилизация. Таковой выступает Израиль. В этом обществе наглядны основные признаки квазицивилизации: обязательная идеология (плюс и язык), стремление к тотальности и экспансии, ярко выраженная политичность и национальный момент, постоянное стремление иметь внешнего врага, вмешательство идеологов в право, экономику, частную жизнь⁷⁷ и т. п. Но полностью религиозной ее назвать нельзя, по многим параметрам она напоминает секулярные, а по некоторым и научно-правовую группировку, из лона которой и вышел Израиль. Здесь налицо развитая партийно-демократическая система, высокий уровень образования, науки, культуры и современный индустриальный базис. Надо оказать, что и здесь даровые деньги в виде различных субсидий и пожертвований очень влияют на поддержку идеологичности общества.

Следует высказать ряд мыслей как по поводу самого процесса перехода цивилизаций к квазицивилизациям, так и по поводу **общих черт** квазицивилизаций. Но только надо еще раз оговориться, что так же, как цивилизации, каждая квазицивилизация индивидуальна и уникальна. Поэтому общие их черты — это абстракция, требующая для своего приложения особых правил применения. Иначе совместить общее и особенное в исследовании исторического процесса немислимо.

⁷⁷ В Израиле «некоторые области закона находятся в ведении ортодоксальных коалиций (например, контроль над разделами гражданского права, касающимися брака и развода, в некоторых городах контроль за печатью, работой общественного транспорта и театральными представлениями в субботу). Такие ограничения часто рассматриваются неверующими как ущемление их гражданских прав, и хрупкое равновесие нередко нарушается, когда та или иная группа решает присоединиться к их позиции». (Религиозные традиции мира. Т. 1. С. 559).

1. Квазицивилизации характерны для индустриализирующихся и индустриальных обществ, которые выходят (вышли) из стадии цивилизаций, но избрали догоняющую модель развития (или модель насильственного реформирования), либо модель обществ-рантье, живущих за счет использования своих природных богатств. В последнем случае индустриализм (хотя и другим своим боком — через потребление и инвестиции) все равно присутствует.

2. Необходима мощная идеология. В устоявшихся системах она бывает обычно господствующей. Однако альтернативные все же сохраняются. Ведь даже в чисто атеистических квазицивилизациях, применяя репрессии, не удалось полностью уничтожить религию, а в некоторых соцстранах (вроде Польши) она всегда занимала важное место.

3. Нужна постоянная поддержка идеологии со стороны государства. Однако теснейшая связь идеологии и власти приводит к тому, что в каждом государстве могут быть свои собственные и весьма важные ее нюансы. Но коль скоро она ставится на службу государству, то неизбежно в большей или меньшей степени становится конъюнктурной.

4. Идеология в отличие от цивилизации становится все доступнее. Даже религия из таинственного учения, открытого для понимания и тем более толкования лишь немногим, частично трансформируется в массовую учебную дисциплину, спускается до уровня всеобща и политинформации, а следовательно, превращается в знание, о котором потенциально может судить каждый. В такой ситуации стоит лишь ослабнуть репрессивному аппарату, как начинается или отход от нее, или фактическое игнорирование, или перевод в личное дело⁷⁸.

5. Характерной чертой ряда квазицивилизаций является двойственность, в частности приятие знаний, технологии, науки, нередко и ряда институтов Запада и резкое неприятие его образа

⁷⁸ Появляются печатные толкования Корана, которые совершенно не соответствуют ортодоксальному пониманию (См. Степанов Р. Н. Ук. соч. С. 183). В одном из духовных журналов доктор Али аль-Аммари сетовал на то, что люди не обращаются за фетвами к богословам, но «с фетвами выступает каждый, у кого появляется для этого случай» (См. там же). Фетва — это заключение по вопросу, имеющему отношение к нормам мусульманского права и правилам поведения мусульман (фикх), а также к общим принципам шариата. Дает такое заключение муфтий, факих (мусульманский правовед) или другой специалист по религиозно-правовым вопросам.

жизни, морали, идеологии, а также создание в его образе врага для своего населения. Сегодня это очень характерно для ислама, но ярко проявлялось, например, в довоенной Японии, особенно в период после первой мировой войны. Не так агрессивно, но радикально отрицали западную мораль индуизм, буддизм, конфуцианство (и в прошлом были популярны лозунги о том, что техника — западная, мораль — конфуцианская). Я не говорю уже о коммунизме (или в зеркальном отражении — фашизме). Но эта двойственность, вообще вытекающая и из природы квазицивилизаций, и из того, что они должны догонять (победить) Запад, подрывает ее устойчивость.

Очень любопытное проявление двойственности — колебание в идеологии между светским и духовным. С одной стороны, самые религиозные «разбавляют» ее прагматикой. С другой — даже секулярные склонны к созданию культа. Все, кто знаком с социализмом, хорошо это знают: собрания, похожие на религиозные, бесконечные изображения и памятники вождей, даже их «мощи» и усыпальницы, всякого рода почти культовые святилища и прочее. В религиозных и тем более так. Относительно Индии, например, отмечено, что во время движения за независимость сам ИНК представлял такой симбиоз: «С одной стороны, Индийский национальный конгресс — современная светская демократическая организация. С другой — религиозно-реформаторское движение, возглавляемое «святым», аскетом Махатмой Ганди, стоящим как бы «по ту сторону» формальной политической организации и именно этим придающим ей силу. Новейшая история индо-буддийского общества знает целую плеяду деятелей этого типа, чуравшихся формальной власти, но пользовавшихся колоссальной реальной властьюавторитетом»⁷⁹. Другая деталь, характерная уже для современной Индии: «Гипсовые бюсты Индиры Ганди, премьер-министра Индии, убитой в Дели в результате покушения в октябре 1984 г., можно увидеть сейчас в любой деревне и каждом городе. Подобно какой-нибудь богине, она стоит обычно на перекрестках дорог, украшенная гирляндами цветов, со свеженанесенным красным пятном на лбу. Большая часть неграмотного населения Индии поклоняется ей, признавая, что ее бюст обладает силой, которую

⁷⁹ Галаганова С. Г. Индо-буддийская культурная традиция // Запад и Восток. Традиции и современность. М., 1993. С. 154.

можно уви деть, к которой можно прикоснуться, которую можно позаимствовать⁸⁰». В разной мере, но это характерно и для других квазицивилизаций. Используя мысль Г. Гибба относительно ислама, можно сказать, что их идеологиям еще присуще «символическое мышление», хотя, конечно, гораздо меньше, чем в эпоху цивилизаций.

6. В разной степени, но всем квазицивилизациям свойственны ограничения частной собственности, лозунги социальной справедливости и передела имущества. Особенно ярко это проявляется при социализме. Но и в фашистских странах было очень много сделано, чтобы ограничить свободу предпринимательства, поставить его под госконтроль, перераспределять с помощью указов имущество и т. п. Очень сильные традиции в этом отношении в исламе. В некоторых странах частью исламской экономической системы объявляются традиционные мусульманские налоги, которые якобы способны самым лучшим образом регулировать распределение богатства среди населения⁸¹. Уже много веков мусульманские ростовщики и банкиры ловчат, когда приходится давать деньги в долг под проценты, поскольку Коран прямо запрещает получение лихвы. Когда идеологические догмы пытаются применить к современной экономике, ничего, кроме курьезов, быть не может⁸². Об иудаизме в этом плане уже говорилось. Всякого рода социалистические и общинные устремления характерны для Израиля изначально и по сегодня.

Близость в некоторых отношениях правовых систем квазицивилизаций налицо. Скажем, Рене Давид указывает на такое сходство между индуизмом и исламом, поскольку оба они «обязывают своих последователей помимо принятия на веру определенных догм к определенному пониманию мира. Это понимание предполагает особую общественную структуру... особый образ жизни; таким образом, религиозные предписания в широкой степени играют ту же роль, которая в других типах обществ принадлежит праву»⁸³. Но легко найти общее в праве социализма, фашизма, иудаизма,

⁸⁰ Религиозные традиции мира. Т. 2. С. 249.

⁸¹ См.: Ислам: краткий справочник. М., 1983. С. 25,

⁸² Например, в Пакистане был создан мусульманский беспроцентный банк, но он лопнул через пять лет. (См.: Еремеев Д. Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1990. С. 271). Этот казус мне весьма напоминает попытку организации прямого трудоустройства при социализме.

⁸³ Цит.: Религия и общественная мысль народов Востока. С. 216—217.

расизма и др.

7. Проникновение мировой культуры. Там, где местное население должно много работать, чтобы вырваться вперед, оно неизбежно очень многое (и хорошее, и плохое) усваивает из мировой культуры, и все это сплачивается в новый комплекс. Там, где денег много и местное население паразитирует, оно привыкает к западным благам, хотя внешняя атрибутика и поддерживается. Это подтачивает идеологию, и кризис может внезапно многое изменить. Внегосударственные, точнее не имеющие границ и фактически мировые, средства информации также взламывают прежнюю культуру.

Как было сказано, **квазицивилизации — один из послецивилизационных типов культурных группировок, свойственных индустриальным обществам.** Ряд черт таких группировок уже был рассмотрен, в том числе в прошлом параграфе в приложении к научно-правовой в Европе. Есть необходимость теперь уже на новом, материале суммировать **общие черты постцивилизационных группировок**, что облегчит нам переход к последнему параграфу этой главы.

1. Идет правовая унификация жизни, поэтому многие моменты права и уважения к правам иностранцев становятся общепринятыми. Если раньше нужны были селтельмены для проживания европейцев, то теперь все больше областей мира, в которых такое проживание становится безопасным и комфортным.

2. Роль идеологии может быть различной, но везде по крайней мере достаточно важной. При этом значение государства и политики в выработке, поддержании, распространении такой идеологии возрастает по сравнению с цивилизационным периодом. Вместе с этим возрастает и роль политического компонента в идеологии, а религиозный ее центр или уходит на периферию, или смешается, или переплетается с другими компонентами. Сама религия политизируется в зависимости от конкретной ситуации самым разным способом: ставится на службу государству или, напротив, в оппозицию ему; создаются религиозного и полурелигиозного толка партии и общества; становится предлогом для вмешательства в иностранные дела и т. п.

3. Меняются главные узлы культурных связей с храмов,

монастырей на учебные заведения светского (или полусветского) типа, библиотеки, научные заведения, академии и т. п. Другими словами, носителем идеологии постепенно становится интеллигенция, а не только служители культа, а последние постепенно становятся частью, отрядом интеллигенции. Конечно, везде этот процесс идет по-разному, но идет везде. Место монастырей даже в области религии занимают различные общества, религиозные организации⁸⁴, идеология активнейшим образом вторгается в СМИ и прочее.

4. Меняется и соотношение идеологических и общих знаний, которое постоянно увеличивается в пользу последних. Особенно это заметно в системе образования.

То, что и научно-правовая группировка и квазицивилизации — формационно однотипные явления (хотя первая ближе к генеральной линии и более прогрессивна), доказывается фактом перехода от одной к другой и наоборот в периоды общественных кризисов. Особенно показательным был переход части европейских обществ к национал-социалистической идеологии, причем и в других странах она нашла достаточно широкую поддержку. А после поражения фашизма эти страны сравнительно легко вернулись к прежней форме, а Япония повернула к ней (а через некоторое время они начали дрейф к новой, более высокой группировке). И то, что ряд социалистических стран относительно просто сейчас возвращаются в русло научно-правовой и даже переходят к новой (связанной с четвертой формацией) группировке, также показывает, что это одноформационные типы, хотя отнюдь не равноценные.

6. Наконец, очень важно, что целый ряд стран из разных квазицивилизаций и других культурных группировок, подобно Японии, взял курс на ускоренное приближение к научно-правовой группировке. Конечно, путь этот тяжел и некоторые способны сойти с него, захлестнутые волной клерикализма или массовых идеологических (с религиозными знаменами) движений. Но там, где успехи развития налицо, где они проникли глубоко и утвердились

⁸⁴ Главное их отличие от всякого рода религиозных орденов прошлого, если они легальны — в открытости, массовости, правовой основе. И как легальные, так и запрещенные организации тесно связаны с политикой. Либо они поддерживают режим, а тот поддерживает их, либо, напротив, борются с государством за власть.

прочно, там и другая духовная ситуация. Таким образом, появляются уже аналоги научно-правовой группировки или даже варианты ее.

§ 9. Цивилизации и современные процессы*

Перемены в сегодняшнем мире крайне многообразны. Поэтому для их описания и объяснения нужна большая группа теорий и методик. Каким-то одним фактором или процессом объяснить их невозможно¹. Я, разумеется, и не ставил перед собой столь невыполнимую задачу. Речь идет только об определенной линии в избранных мною в этой главе рамках исследования. Однако, думаю, что в этом аспекте концепция ухода и постепенного исчезновения цивилизаций как пространственно-временных группировок обществ и замены их нового типа группировками многое помогает понять.

Но чтобы составить хотя бы общее представление о современной ситуации, одной этой идеи явно недостаточно. Сегодняшние процессы не просто многообразны и разнонаправленны, пестры и многолики. Главное, что многие из них еще в начальных стадиях и лишь набирают силу, а результаты их пока вовсе не ясны и вызывают острые споры. Следовательно, они не имеют даже такой неполной степени завершенности, как процесс формирования и взросления квазицивилизаций. Ведь то, что некоторые из них уже исчезли, исчерпав свой жизненный ресурс, все-таки дает возможность яснее представлять результат развития оставшихся квазицивилизаций, хотя любое заглядывание в будущее, любой перенос прежних циклов на новые периоды чреваты ошибками.

Но, несмотря на такие трудности, современные процессы совершенно необходимо теоретически осмыслить в увязке со всем ходом исторического процесса. Здесь возникает много проблем. Например, что будут представлять из себя нового типа культурные группировки будущего, черты которых сегодня только угадываются, а также, какую роль может сыграть цивилизационный субстрат в их формировании. Но даже для самого приблизительного и общего

¹ Тем более таким ключом не могут служить идеи перехода к новой всемирной цивилизации, столкновения цивилизаций, конца истории или чего-то подобного и эффектного. Эти концепции не способны адекватно объяснить даже один аспект, одну линию исторического процесса.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1—6; 1998. № 1—3.

ответа на подобные вопросы я считаю методологически совершенно необходимым **выделить ведущие и боковые направления развития.**

Возьмем, например, национализм. В этом параграфе (в избранном для исследования аспекте) затронуты причины его подъема и его перспективы в современном мире, а также связь национализма с цивилизационными моментами. Какова его судьба как идеологии и как мощной движущей силы? Ведь он исключительно многолик и выполняет исторически разную роль. К тому же сегодня во многих случаях национальное и цивилизационное очень тесно связаны. Распад и уход цивилизаций сопровождаются ростом национализма, а вызревание квазицивилизаций и их активная борьба за влияние в мире во многом опираются на националистическую идеологию. При этом многие общества и квазицивилизации, по сути, ведут борьбу с генеральными тенденциями будущего под в целом уже устаревшими лозунгами (вроде борьбы с империализмом, неокOLONиализмом и т. п.). Чтобы разобраться в таком клубке явлений, также теоретически необходимым было **выделить разные линии развития: генеральную и боковые.** Они соответственно выражаются в тенденции к уменьшению национального суверенитета, с одной стороны, и росту национализма, в том числе агрессивного и эгоистичного, не желающего считаться с мировыми требованиями и задачами, — с другой.

Итак, мы видели, что с XIX в. цивилизации в разных местах начали трансформироваться в новые виды культурных группировок: религиозные и секулярные квазицивилизации. В тех же районах, которые не знали цивилизаций или были периферийной частью христианской цивилизации, стали образовываться их аналоги. По времени это началось раньше всего в Латинской Америке. Но мы начнем рассмотрение с Африки.

В новое время европейцы застали кое-где на этом континенте зарождающиеся очаги цивилизации на базе раннегосударственных образований. Но у них не хватило ни времени, ни потенций, чтобы сформироваться. В Африке также имелись периферийные районы христианства (в Эфиопии) и ислама. Этот материк, казалось бы, был наиболее подходящим местом для возникновения новой цивилизации. Но история Африки как раз нагляднее всего

подтверждает, что время для этого ушло. Цивилизации здесь так и не появилось. Но, если даже не брать во внимание невозможность повторения таких процессов в современном мире, все равно необходимые условия в Африке и сегодня полностью не сложились. Нет единой развитой религии и соответствующих идеологических связей, узлов и слоев, которые создают цивилизацию. И хотя часть интеллектуальных и политических лидеров и связывает надежды на духовное возрождение Африки с традиционными религиями и культурными институтами, старая культура не имеет шансов вырасти во что-то перспективное, ибо для этого требуется слишком много времени².

А большинство местной интеллигенции, из тех, что не погрязли в кумовстве и коррупции полностью, даже если они субъективно чувствуют себя «почвенниками», фактически оторвались от корней и тяготеют к западной культуре.

Но в то же время определенное духовное надгосударственное и надэтническое единство в XX веке на черном континенте сложилось. Однако из-за того, что государственность в Африке за отдельными исключениями формировалась в лоне колониализма и фактически приобрела более высокие формы, чем требовал уровень развития, а также благодаря определенному подъему производства, образования и перениманию в отдельных сферах более высоких отношений эту культурную группировку следует относить хотя и к весьма примитивному, но все-таки **послецивилизационному** типу. Из прошлого параграфа, хотя я и не заострял на этом внимание, должно быть совершенно ясно, что, как и любое явление, длительно существующее в историческом времени, квазицивилизации и их аналоги в зависимости от стадии зрелости (и, конечно, других причин) очень сильно отличаются по степени развитости и культурности.

² Такие надежды, что возрождение Африки должно основываться на системе африканского мировоззрения, что можно соединить африканские религии, традиционные ценности и социализм и т. п., были и, в меньшей степени, все еще остаются популярными среди интеллигенции. В прежнее время они даже становились программными пунктами государственных манифестов, например в Кении. Однако даже страстный патриот африканских религий Окот п'Битек на свой же вопрос: «Переживут ли африканские божества революцию в науке и философии, убившую христианского бога?» — сам отвечает: «Я в этом сомневаюсь» (п'Битек О. Африканские традиционные религии. М., 1979. С. 99). Конечно, религии умудряются найти свою нишу, поэтому речь не об их исчезновении, а о том, какую роль в духовной жизни смогут они играть, центральную или нет, и станут ли они локомотивами движения вперед.

Ясно, что чем зрелее такая группировка (при прочих равных условиях), чем выше, например, грамотность населения, численность интеллигенции, способность к восприятию мировых достижений и т. п., тем развитее она. Даже на протяжении нескольких десятилетий степень развитости меняется радикально. В 30-е годы в СССР неграмотных и малограмотных было большинство, а основу населения составляли крестьяне. В 80-е годы ситуация изменилась кардинально. Разные стадии зрелости группировок отличаются едва ли не так, как разные типы техники. Сравните паровые машины первой половины XIX и первой половины XX века!

Отсюда понятно: раз Африка еще находится на весьма низкой стадии развития, то и тип культурной группировки еще едва соответствует самым первым этапам третьей формации, а в некоторых отношениях он еще ниже. Следовательно, эту группировку по многим параметрам невозможно сравнивать с более развитыми. Но все же в стадильном плане она выше цивилизационных группировок. К тому же ее отсталость в некоторой степени компенсирует то, что интеллигенция пользуется плодами более высокой культуры.

Но, с другой стороны, «перепрыгивание» через культурную стадию чувствительно дает себя знать. То, что в Африке не было цивилизации, одна из функций которой несколько нивелировать, уравнивать в культурном и мировоззренческом (а частично и в бытовом) отношениях, а также сплачивать составляющие ее этносы и общества, играет очень большую роль. В Африке гораздо слабее нижний, местный слой культурной группировки. И, кстати сказать, определенная редукция к цивилизационным основам по мере взросления этой группировки должна быть, например, в реанимации для националистических целей местных религий или в призывах к возврату к традиционным ценностям, которые якобы более органичны африканскому духу, и т. п. Но решающего значения для сплочения Африки это иметь не может.

Таким образом, **нижний слой еще во многом доцивилизационный, а верхний уже во многом постцивилизационный.** И это делает такую культурную группировку слабой, рыхлой, подверженной разным влияниям. На нижнем слое из-за того, что мало по-настоящему крепких и устойчивых государств, еще очень и очень

силен трибализм, следовательно, отсутствуют национальное самосознание и минимальный уровень национализма. Верхний же слой более развит, поскольку идеологи пользуются плодами более высокой культуры. В целом это свойственно и некоторым квазицивилизациям, но в Африке проявляется исключительно сильно.

Что же объединяет африканские страны? Объективно — региональная и расовая близость, исторические судьбы бывших колоний, общий уровень развития и сходство в общественных институтах и типах старых религий. Многие страны имеют и языковое родство. Но в нашем аспекте самый главный вопрос: что есть современная Африка в плане идейного единства? Существенно ее сплотила борьба против колониализма и апартеида. Сегодня же существует нечто вроде межгосударственной официальной идеологии, а именно идея униженного и ограбленного континента, которому теперь бывшие порабощатели должны возместить все мыслимые и немыслимые потери.

До конца XIX века африканские народы, исключая мусульман и христиан, почти не имели интеллигенции и не ощутили себя целостностью. Идея panaфриканского единства и единой африканской культуры стала формироваться на рубеже XIX — начала XX веков. К середине XX века она стала обретать и первые организационные формы. Подъем национально-освободительного антиколониального движения помог Африке осознать себя единой, ускорил процесс формирования будущих наций. Эти лозунги, без сомнения, затронули и значительную часть населения. Была создана и общеафриканская политическая организация (Организация Африканского Единства), а также целый ряд региональных экономических. Длительное время незаконченная борьба с колониализмом и режимом ЮАР, подогреваемая вмешательством СССР и Кубы, поддерживала эту освободительную идеологию. Однако по мере получения независимости обнаружились огромные трудности и неспособность их преодолеть. Поэтому наступило разочарование в прежней идеологии. В результате многие из интеллигенции «пришли к мысли, что колониализм как институт был не только отрицательным, но и положительным фактором»³.

Теории единого фронта борьбы с колонизаторами и

³ Дэвидсон Б. Африканцы. Введение в историю культуры. М., 1974. С. 268.

неоколонизаторами пошли на спад и трансформировались в идею «долга» Африке со стороны Запада. Образ врага, характерный для исследуемых группировок, следовательно, присутствует и здесь. Но чтобы сплотить общество и общества, такая идеология должна спуститься на низкий, межличностный, внутриколлективный, бытовой уровень. Этого явно нет. Среди большинства населения эти идеи не получили прочной опоры, поскольку массы во многих местах еще не доросли до представления даже о национальном, не говоря уже о межнациональном единстве. Поэтому данная идеология имеет поверхностный, некрепкий еще характер, тем более что между странами сегодня расслоение гораздо большее, чем оно было в 50—60-е годы. Страны Магриба, Судан и некоторые сахарские государства все сильнее тяготеют к исламской квазичивилизации. Часть бывших французских колоний связана с Европейским Союзом.

Как и другие послечивилизационные группировки начальной стадии, Африка также подвержена идеологическому плюрализму. Но, поскольку тут не было цивилизации, он свойствен ей еще в большей степени: ведь идеологии и религии стремятся занять сразу две ниши. Африка сосредоточила в себе ряд идеологий третьей формации. СССР много сделал для проникновения туда марксизма, и некоторые режимы исповедовали его (в собственном, конечно, варианте). Западные идеи либерализма, демократии и прочего тоже имеют сторонников. Активно вторгается в некоторые районы ислам. Католичество пытается не только удержать и расширить свои позиции. Не ослабляют своей деятельности и протестантские конфессии. В некоторых случаях правящие режимы берут на вооружение и местные идеологии, например негритюд или культурный национализм.

В известной мере можно считать чем-то вроде одного из вариантов идеологии (кстати, свойственный в очень большой степени и Латинской Америке) постоянные попытки армии взять власть и ответственность за развитие событий на себя. Быть может, это некоторая замена крепости этнических и государственных традиций. Ведь по наблюдениям ряда исследователей, например Б. Брайса, такие явления, как трибализм, менее характерны для вооруженных сил Тропической Африки, чем для общества в целом. Армия обособлена, военнослужащие теряют связи с родственниками

и друзьями и по некоторым причинам чувствуют себя более привилегированным слоем, чем их соплеменники⁴. Самуэль Декало, в свою очередь, отмечает, «что армия обычно появляется на арене политической борьбы, когда ее корпоративные интересы находятся под угрозой, и действует в этих случаях как самый организованный профсоюз в стране»⁵. Следовательно, армия нередко выступает как силовой стержень в рыхлой политической структуре.

Таким образом, как культурная группировка Африка (особенно без магрибских мусульманских стран) существует. Ее можно было бы назвать **регионально-расовой**. Но она достаточно аморфна, поскольку история не выработала единой африканской культуры. Можно говорить лишь о многих культурах, имеющих определенное сходство, в том числе и в плане их исходно низкого уровня. Каков дальнейший путь Африки в указанном аспекте, сказать сложно. Она может в конечном счете разделиться на несколько более идеологически оформленных регионов, если, например, ряд стран оторвется от общего отсталого уровня, а часть примкнет к более высоким или богатым группировкам. С другой стороны, нельзя отрицать того, что идеи бедного Юга способны быть в какое-то время достаточно спланированными. Но все же такая идеология не может сравниться в этом плане с развитой религией и вряд ли способна сколько-нибудь серьезно и длительно интегрировать регион. Ведь стоит какому-либо африканскому обществу сделать рывок в развитии, как подобная идеология становится уже и невыгодной для него самого. К тому же она держится, пока ее морально признают развитые страны, что не может длиться вечно.

Существует и возможность возникновения квазидоцилизации на почве каких-то национально-расовых (региональных) идеологий. Расовые, точнее, расово-политические идеи весьма удобны и, можно сказать, естественны для Африки. Об этом свидетельствует, в частности, и эволюция теории негритюда. Но до того, чтобы такая идеология по-настоящему сплотила континент или его значительную часть, Африке еще нужно дорасти и в экономическом, и в этническом, и в политическом отношениях. При подъеме

⁴ См.: Зарубежная историография о роли вооруженных сил в странах Африки: Реферативный сборник. М., 1977. С. 154.

⁵ Там же. С. 114.

национализма, как сказано, могут быть взяты на вооружение и атрибуты прошлого, в частности местные религии. Надо сказать, что и сами они постепенно изменяются, особенно за счет заимствований многих идей из христианства, других вер и идеологий. Но в целом для указанных целей примитивную религию придется «доращивать» с помощью государства. А сделать это достаточно трудно хотя бы потому, что такие религии мало связаны с моралью и обслуживанием современных политических институтов.

Иногда цивилизациями называют такие регионы, как Латинская Америка. Казалось бы, единые религия и язык, географическая близость, общность исторических судеб и стоящих проблем, ряд общих культурных и расово-этнических особенностей должны были способствовать формированию латиноамериканской цивилизации. Но в период испано-португальского католического господства это было невозможно, а позже время формирования цивилизаций ушло окончательно. В конечном счете здесь сложилась уже послецивилизационная культурная общность. По сравнению с Африкой этот регион и намного более развит, и имел цивилизационную основу. Поэтому нижний слой культурной группировки в виде религиозных и светских идеологий существенно развит. Зато верхний достаточно слаб. Правда, в период борьбы за независимость возникли ростки общей для континента национально-революционной идеологии. Это укрепило осознание Латинской Америки как чего-то единого, которое зародилось уже в период испанского владычества. Но это мировоззрение дальше существенно не развилось. Не появилось и никакой иной общей идеологии. Хотя здесь временами и усиливались антиимпериалистические настроения и пропагандировались идеи континента, страдающего от неокOLONIALИЗМА (прежде всего со стороны США), в целом они играли здесь меньшую роль, чем даже в Африке.

Следовательно, говорить об этой группировке как о квазичивилизации нельзя. Последняя, думается, уже и не сложится здесь, поскольку латиноамериканские страны, во всяком случае наиболее передовые из них, во многом уже переросли этап, когда такие жесткие идеологии могут охватить общество.

Почему в Латинской Америке не возникло общей идеологии? Мне кажется, важнейшая причина в том, что здесь роль

католической церкви была очень велика. Тут даже возникали церковные государства (в XVII в. в Парагвае господствовали иезуиты), а священники нередко возглавляли народные восстания и революции. Поэтому новой религии здесь появиться не могло. Местные и африканские культы так или иначе смешались с христианством, но принципиально нового из этого не получилось. Реформация запоздала и была очень неполной. Следовательно, католичество перестроиться так, чтобы взять на себя политические функции, не сумело. По мере же индустриализации, роста образования и влияния Европы постепенно его роль существенно уменьшалась, а ничего нового, равноценного ему на смену не пришло. Собственная культура выросла, но на основе европейской. В результате для этой постцивилизационной группировки исключительно характерен идеологический плюрализм. Причем, поскольку религия не сумела перестроиться, а общества в ряде отношений были более высокими, чем в азиатских религиозных квазидоцивилизациях, здесь широко распространяются секулярные идеологии.

С одной стороны, Латинская Америка тянется к западной модели. С другой — это регион, уже давно склонный к революционности, в XX веке — к марксизму. И если бы не помощь США и их мощное противодействие коммунизму (вплоть до карательных санкций), и если бы СССР был поближе, то вполне возможно, что социализм занял бы почетное место на территории этого региона. Жизнь показала, что он хорошо здесь приживался (на Кубе существует уже 40 лет), и многие страны оказались подвержены этой идеологии⁶.

Питер Бергер объясняет притягательность марксизма для интеллигенции, особенно развивающихся стран, следующим образом. Интеллигенция заметнее любых групп населения отделилась от

⁶ Например, в Перу огромную роль играла и все еще играет коммунистическая маоистская организация «Сендеро Луминосо». С 1980 г. она начала открытую борьбу за власть, утвердилась в ряде районов страны, где установила «революционную законность», т. е. казнила «по приговору революционного трибунала» представителей местной администрации, перераспределяла имущество и т. д. В целом установился такой террор, что даже крестьяне постепенно стали отворачиваться от нее. Т. Е. Ворожейкина, из статьи которой я взял эти сведения, совершенно верно отмечает, что возникновение этой организации явилось следствием ускоренной модернизации и тех трудностей для населения, которые возникли в связи с ломкой традиционного уклада. (См.: Ворожейкина Т. Е. Государство и общество в Перу // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 65—66.)

религии и религиозной морали и поэтому сильнее всех страдает от «отчуждения», свойственного современному образу жизни. Поэтому ее представители восприимчивее ко всяким мирским посланиям, возвещающим об искуплении грехов. Социализм же обещает и плоды модернизации, и восстановление утраченных ценностей традиционного периода. Интеллигенция в первую очередь поддается на эту идеологическую приманку. К тому же ее представители склоняются в пользу социализма, поскольку полагают, что это общество даст им власть и привилегии, в которых им отказывает капитализм или современный им строй⁷. Это же объясняет и склонность к национализму и ему родственным идеологиям. Нашли здесь свое место и фашизм, и расизм. Вообще этот континент склонен к идеологии насилия: масса переворотов, революций, насильственного реформирования, терроризма сопровождает его историю и по самый последний день.

Общества Латинской Америки политизируются, о чем свидетельствует, скажем, рост в 60—80-е годы массового движения самого разного плана (в том числе низового, народного). «Наряду с христианскими низовыми общинами, это были правозащитные, экологические, кооперативные, индейские движения, комитеты жителей народных кварталов и «поселков нищеты», безработных и бездомных, женские, материнские и молодежные организации»⁸. В последние десятилетия появились по направлению чисто западные движения, например «гуманистическое». Оно появилось в Аргентине, распространилось на ряд стран Латинской Америки и даже Европы, а в 1989 г. даже оформился Гуманистический интернационал⁹. Таким образом, данная группировка приобретает зрелость. Я назвал бы ее **этно-культурной**. Единство выражается и в организационных формах. Создано много политических, военных и особенно экономических объединений. Но возможно, что эта

⁷ Бергер П. Капиталистическая революция. 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе. М., 1994. С. 252—253. Поэтому, когда автор вышеупомянутой статьи о Перу называет идеологию маоизма, взятую на вооружение сендеристами, «весьма экзотической в условиях Перу» (Ворожейкина Т. Е. УК. соч. С. 65), это поверхностное суждение. Я думаю, что в условиях идеологического вакуума как раз такие идеологии: простые, доступные, много обещающие и исключаящие для человека трудность самостоятельного решения — являются весьма подходящими. Особенно для новой интеллигенции и студенчества, склонных к радикализму.

⁸ Строганов А. И. Новейшая история стран Латинской Америки. М., 1995. С. 382.

⁹ Там же. С. 383.

группировка распадется в связи с увеличивающимся разрывом в уровне развитости между странами. Мексика, скажем, вполне определенно тяготеет к США. Не исключено, что США сумеют стать центром интеграции обеих Америк. Для части стран может оказаться привлекательнее интеграция в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Итак, вернемся к тезису об исчезновении цивилизаций. Поскольку ритмы развития разных сфер неодинаковы, сильно различен по темпам, времени и радикальности и уход разных элементов цивилизации. Живые остатки и огромные участки цивилизаций в Индии, исламских странах, Китае и т. п. держатся на том, что образ жизни во многом остается старым: неграмотность или малограмотность характерны для села, так же как прежний тип семьи, а то и общины. Естественно, что, по мере того как эти явления будут исчезать, начнут уходить и остатки цивилизаций. Но, конечно, не сразу. Ведь этнические и религиозные стереотипы передаются на самом низком (межличностном) уровне и поэтому держатся весьма долго. Поэтому любому традиционному обществу, устои которого изменились, а с ним изменились и понятия о статусе, месте в обществе, ценностях, свойственны ломка психологии и дискомфорт. Разве и мы не испытываем подобного?

Уход цивилизаций как живых систем в прошлое ощущается очень многими. Однако объяснения этому даются самые разные. Смена цивилизаций, их столкновение, переход от локальных к мировой цивилизации, даже конец истории¹⁰. Некоторые авторы говорят о конце формационности как способа развития обществ. К последнему тезису мы еще вернемся в следующих главах. А сейчас попробуем разобраться, что же означает исчезновение цивилизаций? А это означает, что они одновременно и уходят и остаются. И эта диалектика сбивает с толку многих исследователей. В качестве примера остановлюсь на одной статье о конфуцианстве. В ней приводится мнение ряда китайских и российских ученых, что сегодня «конфуцианство в КНР как **мировоззренческая система перестало существовать, поскольку оно потеряло способность продуцировать новое** и, оказавшись лицом к лицу с христианской

¹⁰ Но история — это развитие, а не разнообразие, поэтому даже при полном перенимании западной культуры другими обществами (вариант чисто абстрактный) история не кончится. Впрочем, в будущем хватит и разнообразия.

культурой, потерпело поражение»¹¹. В то же время подчеркивается, что конфуцианские ценности играют большую роль не только в Китае, но и в других странах Восточной и Юго-Восточной Азии¹². На первый взгляд, одно противоречит другому, и так же выглядит и в контексте статьи. Но на самом деле это очень типично для постцивилизационной эпохи. Ценности могут оставаться (христианские ценности оставались даже в атеистическом Советском Союзе) и играть существенную роль. А идеологическая система уже разрушена или — в религиозных квазидоцивилизациях — трансформировалась. Стоит также обратить внимание: не столкновение с **христианской** культурой, а столкновение с технологической, более производительной и мощной системой, разрушает цивилизации. Попытки представить отступление цивилизаций в современном мире как результат столкновения равновеликих культур (западной и восточных) совершенно неадекватны.

Исчезновение цивилизаций означает также, что исключительно на цивилизационной основе какое-то жизнеспособное в условиях современности новое появиться уже не может. Новое может родиться только при переносе, «трансплантации» передового на цивилизационную почву. Иными словами, возможность частичного сохранения старого в том, чтобы умело совместить сильные (для современных задач) стороны цивилизации с новым.

Но исторические традиции и особенности, склад мышления и привычки людей — это определенный слой, который начинает играть роль важного преимущества только тогда, когда система открывает для этих потенциалов дорогу. Это как талант или способности: чтобы они реализовались, нужны подходящие условия. В отношении же наций такие условия иногда складываются лишь через века. С другой стороны, лучше или хуже, но определенные качества должны развивать и другие общества, поскольку они стремятся не отстать. В свою очередь, у них есть и собственные потенциалы. Кроме того, сегодняшнее преимущество завтра может обернуться недостатком,

¹¹ Шикин Ю. М. Человек в политической жизни конфуцианского общества//Первый Российский философский конгресс. Т. IV. СПб., 1997. С. 429. С выделенным мной местом стоит не просто согласиться, но и добавить, что конфуцианство как мировоззренческая система сдало свои позиции не только в Китае.

¹² Там же.

тормозом. Следовательно, «религия и этика могут обеспечить узаконение, но не побудительные мотивы поведения в хозяйственной сфере»¹³, а «культурное сравнительное преимущество может быть только временным, причем сознательными действиями его можно изменять как в положительную, так и в отрицательную сторону или утратить вовсе»¹⁴.

Поэтому неверно цивилизационные (религиозные, национальные или иные) особенности выставлять как всегда определяющий фактор, указанием на который все можно объяснить и который, в представлении ряда авторов, является как бы некоей неизменной сущностью. С одной стороны, старое и привычное не уходит быстро и легко, оно на каких-то уровнях сохраняется, иногда исключительно долго. Но с другой — когда трансформируется система, старое никак не может остаться неизменным, и оно всегда так или иначе меняет обличья. Роль его не может быть постоянной (так можно условно считать для определенных задач и периодов, но в строго ограниченных рамках). В связи же с тем, что жизнь сегодня весьма динамична, существенно преобразуются и те вещи, которые кажутся вроде бы вечно стабильными. Сравните хотя бы отношение каждого поколения к религии, браку, семье, сексу, удовольствиям, долгу и т. д., учтите влияние мировой среды и еще множества вещей, и станет ясно, что и в «неизменном» идут, пусть и не очень заметные, изменения, при накоплении определенного количества которых нечто вдруг меняется радикально. Агрессивные и воинственные прежде народы теперь направляют свою энергию на совсем иные цели. Народы, в которых государственность была искони слаба, вдруг проявляют особое стремление к возвеличиванию своей нации и государства и наоборот. И масса иных примеров.

В связи с вышеизложенным полезно посмотреть на страны Восточной Азии, так называемые «новые тигры», или новые индустриальные страны: Южную Корею, Сингапур, Тайвань и др. Питер Бергер совершенно справедливо называет восточноазиатскую модель «вторым вариантом» капитализма¹⁵. Причем важные условия

¹³ Бергер П. Ук. соч. С. 207.

¹⁴ Там же. С. 214.

¹⁵ Сегодняшний кризис в этом регионе как раз подтверждает эту особость и определенную незрелость индустриализма там, связанную в том числе и с большой диспропорцией между производительными силами и общественными институтами.

для такого динамичного развития дает этика конфуцианства. И вслед за другими Бергер отмечает эти качества: практицизм, прагматизм, активная, а не пассивная жизненная установка, большой интерес к материальным благам, привычка к дисциплине и лояльность к власти, способность к ограничению потребления ради будущего и т. д.¹⁶. Однако он предостерегает от преувеличения роли цивилизационных корней в поисках причин успеха модернизации.

«Некоторые историки и отдельные антропологи, — пишет он, — смотрят на культуру как на какое-то древнее зачатие, произнесенное столетиями раньше и определяющее судьбу всех последующих поколений. Подобный взгляд столь же неверен, как и тот, который совсем игнорирует культуру»¹⁷.

Таким образом, цивилизационные исходные посылки не предопределяют абсолютно в каждый исторический момент потенции обществ. Но, конечно, нередки и ситуации, когда те или иные качества населения и общественных структур становятся относительным преимуществом перед странами других культурных ареалов. В этом случае задача — скрестить две системы, чтобы получил ся жизнеспособный организм, но в современных условиях семя развития имеется только в заимствованном, а в местном — удачная форма или почва. Тут стоит сказать, что при прочих равных условиях в религиозных квазицивилизациях, в которых роль религии менее тотальна, объективно условий для модернизационного рывка больше. И среди стран, сделавших наибольшие успехи в экономике, таких большинство.

Сравнивая сегодняшние возможности тех или иных цивилизаций, надо иметь в виду не просто различия в культурных традициях, но и общий уровень развития культуры. Можно спорить о достоинствах и недостатках ислама и, например, буддизма в их потенциях к модернизации, но нельзя ставить рядом с ними Африку,

¹⁶ См.: Бергер П. Ук. соч. С. 208. Попытки представить культурные особенности неизменным элементом так же неудовлетворительны, как и стремление выявить неизменную «природу человека» вообще. По словам Джона Дьюи, эти теоретики пренебрегли основным вопросом: «Как составные элементы человеческой природы стимулируются и подавляются, усиливаются и ослабляются; каким образом определяется их структура в процессе взаимодействия с условиями культуры» (Дьюи Д. Свобода и культура. London, 1968. С. 48). И в обоих случаях утверждения о неизменности тех или иных качеств могли соответствовать «щедам и политике, которые данная группа стремилась осуществить» (Там же).

¹⁷ Бергер П. УК. соч. С. 213—214.

поскольку ее исходный уровень значительно ниже. Также и сравнивая страны разных цивилизаций, следует помнить об их исходном культурном уровне. В этом плане, скажем, Иран или Египет несравнимы со странами Персидского залива, жители которых лишь недавно были кочевниками (а часть остается такой и по сегодня).

Рассматривая европейский и восточноазиатский варианты капитализма, конечно, нельзя не увидеть множества различий, в том числе обусловленных разным цивилизационным наследием. Однако при господстве однотипной технологии, соответственно и во многом однотипного образования, а также стандартов жизни и в значительной мере права, культурные различия между новыми и «старыми» индустриальными странами становятся на порядок-два меньше, чем прежде¹⁸. А остающиеся связаны не только принадлежностью к разным культурным ареалам, но, может быть, даже больше обусловлены все еще разным уровнем культуры. Поэтому различия между новыми и «старыми» индустриальными государствами сокращаются, а между новыми индустриальными странами и многими исламскими, тем более африканскими, растут.

Конечно, ритмы развития техники и культуры очень разнятся, и в этом часто трагедия нашего времени и источник всяческих сложностей. Привычки, суеверия, традиции не уходят так быстро, как старые средства производства. Однако же эти несходства ментальностей в быстро развивающихся странах занимают уже иную нишу в общественной системе¹⁹, чем прежде. Кроме того, связанная с современной техникой массовая культура, будь она американской, индийской, японской, мексиканской или какой-то еще, помимо национальных корней, рассчитана на международного потребителя (или годится для него), и, следовательно, идет

¹⁸ 30 лет назад З. Бжезинский отмечал, что наиболее передовые страны вступают в эпоху, в которой технология и особенно электроника в возрастающей степени определяют социальные изменения, преобразуя нравы, социальную структуру, ценности и мировоззрение общества (Brzezinski Z. *Between Two Ages. America's Role in the Technetronic Era*. N. Y., 1970. P. XIV). Сегодня все новые страны вступают в «технотронную» эпоху и сильно меняют свою культуру и прочее. Если же нравы те, кто полагает, что лет через 20 стоимость общения через расстояния упадет во много раз и стимулы к общению соответственно возрастут, то это еще более усилит объединяющие и нивелирующие процессы.

¹⁹ Хотя и способны в будущем явиться обоснованием каких-то амбиций или претензий, как сегодня в самых развитых странах вдруг авантюристические политики вспоминают о каких-то якобы особенностях глубокой давности и на этой основе говорят о необходимости отделения территории.

неизбежный синтез всяких культур, образуется нечто новое, хотя и не всегда лучшее или достойное.

При анализе причин сохранения тех или иных элементов цивилизации очень важно иметь в виду, что многие стереотипы и отношения, оформившиеся в цивилизациях, вполне отвечают уровню производства, политической и социальной жизни еще и сегодня²⁰. Вот на этой нише цивилизационные отношения и слои, если возникают сильные социальные группы, в них заинтересованные, могут задерживаться, стабилизироваться и, соединившись с новыми явлениями, превращаться в систему, преодолеть которую уже очень сложно²¹. Но это система уже иного, послецивилизационного типа. Данный процесс мы разбирали в прошлом параграфе.

Итак, смена чего-либо не есть его полное исчезновение. Главное, что изменилась структура в целом, ее основные связи и направления развития. Но значительная, иногда преобладающая часть элементов старого остается, порой прекрасно приживается и в новых условиях. Однако оно начинает играть уже более или менее иную роль, чем раньше, поскольку уходит из центра системы. Это может выражаться в том, что частично такие явления, преобразовавшись, поднимаются на более высокий уровень, а частично как бы спускаются на более низкие ступени в системной иерархии. Подобное происходит и при распаде цивилизаций. Цивилизационные формы порой начинают играть роль внешних маркеров в некоторых послецивилизационных процессах. Поэтому различия между богатыми и бедными странами, между развитыми и их догоняющими, бывшими метрополиями и колониями, белой и другими расами принимают иной раз форму, которая кажется столкновением цивилизаций. Однако это уже более глобальные водоразделы современного мира.

Одновременно цивилизационные отношения заняли и более

²⁰ Если в России традиционно люди привыкли к тому, что, с одной стороны, государство может издавать самые нелепые распоряжения и спорить с этим бесполезно или очень трудно, то с другой, они и интуитивно считают, что все так же и должно делать государство. Это пока еще соответствует уровню развития и находится в ситуации, когда одно подпитывает другое.

²¹ «Если посмотреть на элементы африканских стран в их совокупности, то можно заключить, что эта структура отличается необычайной жесткостью. Каждый из ее элементов характеризуется «встроенным» сопротивлением ко всякого рода преобразованиям, и, взаимодействуя в состоянии равновесия, структурные элементы усиливают друг друга» (Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985. С. 245).

низкую нишу, поскольку они сращиваются с национальными моментами. Цивилизационный слой культуры и общественного сознания составляет очень важную часть национальных идеологий, поэтому, образно говоря, национализм очень любит рядиться в цивилизационные одежды. Но поскольку современное государство даже отсталых народов, как правило, вполне способно взять на себя и идеологические и культурные функции, которые прежде обычно могли реализоваться в основном на уровне межгосударственной культурной группировки, во многих случаях в этом симбиозе идей, идеологий и ментальности начинает преобладать именно национальное.

Прежде чем перейти к разговору о национализме, полезно вспомнить, насколько это разнообразное явление. Разумеется, это предмет особого исследования. Мы затронем его только в указанном выше ракурсе. Для нас стоит указать на необходимость учета уровня развития национализма, чистоту его идеологии и процессов, его роль в мире. Тем не менее, думается, что любая попытка увязать национальную тему с теорией исторического процесса важна, поскольку, по характеристике самих этнологов, академическая дисциплина, которую обычно называют «расовые и этнические отношения», богата литературой, но бедна теорией²².

С одной стороны, национализм, безусловно, связан с индустриализмом, что отмечается многими²³. Например, Эрнст Геллнер утверждает, что «аграрные общества не стремятся использовать культуру для определения политических единиц, другими словами, у них нет необходимости становиться националистическими»²⁴. И с ним в общем плане (ведь бывали исключения и в доиндустриальный период) нужно согласиться. Однако, с другой стороны, промышленное развитие очень по-разному влияет на национальные процессы. И сегодня, как и в прежние времена, говоря словами Карла Дейча, в одних районах

²² Van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. N. Y.; Oxford, 1981. P. 1.

²³ Э. Ян, Э. Д. Смит, Р. Хилсман и другие указывают на то, что национализм не присущ органически человеку, что он сравнительно молод, и его «возраст» два-три столетия (часто его подъем связывается с Великой французской революцией), а кое-где и вовсе два-три десятилетия. Об этом вопросе см. также: Armstrong J. A. Nations before Nationalism. The University of N. Carolina, 1982. P. 4.

²⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991. С. 166.

экономический рост ведет к национальной унификации, а в других — к национальным различиям²⁵. Национальные особенности, конечно, играют весьма большую роль в темпах развития и уровне жизни стран. Достаточно вспомнить о Японии и отметить факт исключительной национальной однородности японцев, что, по словам одного японского автора, есть «божий дар для японской индустрии», поскольку работники хорошо понимают и чувствуют друг друга, порой даже без слов²⁶. Но успешное экономическое развитие происходит и в условиях многонациональности, равно как и наоборот.

Национализм присутствует почти везде, и это подтверждает, что он органически свойствен третьей формации. В то же время он различен по функциям и прогрессивности, а также не похож в проявлениях и формах и на разных этапах этой формации, и в разных идеологических системах. Национализм в Африке неразрывен с трибализмом. Нации там только формируются, и в то же время процесс их формирования существенно осложнен новыми моментами: мировой интеграцией, невиданным ростом населения. Последний фактор, к слову сказать, оказывает огромное влияние и на национальные тенденции других континентов. Ведь никогда ранее численность народов не росла так быстро. Естественно, что сознание не успевает за этим.

В квазицивилизациях национализм чаще присутствует не в чистом, а в смешанном виде. Он нередко не просто осложнен религиозными и идеологическими проблемами, но сами национальные границы связаны с религиозными отличиями. Люди четко не разводят свою национальную и религиозную принадлежность. Это характерно, скажем, для Индии, Пакистана и некоторых других стран. Впрочем, разве в дореволюционной России главной характеристикой не была «православность», а не «русскость»? В то же время в крупных странах квазицивилизаций национализм ведущих наций напоминает прежний европейский: он великодержавного толка, в пределе стремится к тому, чтобы растворить меньшие народы. Соответственно национализм

²⁵ Deutsch K. W. Nationalism and Social Communication an in inquiry into the oundations of nationality. Second Ed. Massachusets institute of Technology. 1966. P. V.

²⁶ Моритани М. Современная технология и экономическое развитие Японии. М., 1986. С. 89.

сепаратистский также агрессивен, террористичен и, как только завоевывает свое место, начинает подавлять собственные меньшинства. (Мы это хорошо видим и в странах СНГ.) Чем ближе к Европе, тем чище национализм. Кое-где в мире он играет роль секулярного фактора.

В крупных же и наиболее развитых нациях национализм имеет уже иные (системно более высокие) основания. Это национализм не столько агрессивный, сколько ностальгический, ибо людьми владеет ощущение, что нация начинает растворяться в международных процессах и общностях, и нечто стержневое в их жизни уходит. Вот, например, известный французский националист Ле Пен говорит: «Видимо, национализм является необходимой жизненной реакцией, направленной **против глобализации мира, создания общего мирового правительства**»²⁷. Это характерное мнение. Только там, где процесс межгосударственной интеграции зашел так далеко, как в Европейском Союзе, этот момент выходит на первый план. В речах любого националиста малых народов, особенно в отсталых обществах, говорится о притеснении или ущемлении, старых обидах, а главное — требование независимости или автономии. У националистов наций крупных, но впавших в кризис, как в России, главная тема — величие их нации и что его надо возродить и поддерживать. Националисты квазицивилизаций часто убеждены в мессианской роли данного народа и в том, что нужно быть непримиримым к его врагам. У тех, что стремятся стать региональными сверхдержавами (вроде Индии и Пакистана), главное — их место в элите государств. Часты сетования на гегемонию американцев и прочее. Но вопросы, связанные с глобализацией мира, всех их волнуют (если волнуют) гораздо меньше, чем националистов французских или английских.

Завершение распада цивилизаций сегодня идет не в вакууме и не изолированно. Этот процесс связан с массой других, точнее сказать, составляет часть общего потока. Но особо следует подчеркнуть его параллельность и связь с процессом, который еще только начинает обозначаться, поэтому недостаточно осознается, но вне которого трудно понять и уход цивилизаций. Это **распад государственных систем** как наиболее завершенных и оформленных, как в некоторых

²⁷ Интервью с Ле Пенom//Аргументы и факты. 1998. № 21. С. 3. (Выделено мной. — Л. Г.)

смыслах предельных и формирование политических систем более высокого типа. О чем идет речь?

Государство (развитое и централизованное) было и остается еще в плане дееспособности, участия в мировом процессе, формирования высших политических целей, оформленности и многом другом высшей единицей исторической и политической жизни. Однако в последние несколько десятков лет такими государствами все привычнее становятся именно **национальные** государства. В результате все более укореняется представление, будто «политические и национальные единицы должны совпадать»²⁸, что каждую национальную культуру необходимо обеспечить «своей собственной политической крышей»²⁹. Вместе с этим усилились национализм и процесс выделения каких-то частей из многонациональных государств или их распад. Нередко отсталые народы под крылом более мощной нации дорастают до собственной идеологии, которая вполне естественно становится националистической.

Это, конечно, еще не доказывает «кризис» государства в указанном выше плане. Но то, что национальные движения возникли и в странах, которые, казалось бы, давно и прочно сформировались и в которых не идет речь ни о каком национальном неравноправии, на мой взгляд, есть один из показателей того, что государство как главная единица и субъект исторического процесса начинает постепенно уступать место другим, более высоким. **Ослабление или расколы государств становятся частью все более важного процесса их интеграции в надгосударственные и наднациональные объединения.** Многие страны входят в них достаточно органично. Но в некоторых случаях по разным причинам (среди которых не последнее место занимает честолюбие политиков и вождей) часть нации стремится войти в такое (и мировое) сообщество прямо, непосредственно, минуя ступень более крупного государства.

Таким образом, допустимо сказать, что жизнь в национальном большом доме перестает быть совершеннейшей необходимостью для малых этносов. Почему?

Можно отметить достаточно очевидные, но тем не менее

²⁸ Геллнер Э. Ук. соч. С. 23.

²⁹ Там же. С. 104.

фундаментальные причины. Почему прежде удавалось объединить разнородные части и сплавить их в единые нации? Дело существенно могла облегчать определенная тяга к единству. Но она была решающей далеко не всегда. Часто на первый план выходила сила, собирающая земли. При этом международная ситуация и право были совсем иные, чем сейчас. Малые государства и народы не чувствовали себя в безопасности. В любой момент они могли стать жертвой агрессии или местом, где разворачивались кровавые события. Стало быть, объективных возможностей для их самостоятельного существования часто или не было, или они были плохие. Не то сейчас. Практически все чувствуют себя в безопасности, причем перекалывают заботу о ней на ведущие державы и мировое сообщество. Крошечные страны (если у них есть нефть) могут обогащаться, не беспокоясь по поводу того, что для охраны этого колоссального богатства нужна сильная армия. Реакция мирового сообщества на агрессию Ирака убеждает малые страны и нации в своей безопасности. Тогда для чего же нести бремя гегемонизма и несвободы в рамках крупных государств?

Итак, с приобретением безопасности у значительной части народов уходит и тяга к единению, тем более в странах, где единой нации не сложилось. Указанная ситуация может быть проиллюстрирована аналогией. Пока личности не были обеспечены независимость и безопасность, спокойное и комфортное пользование богатством, немногие отваживались порывать с коллективами и корпорациями (цехами, гильдиями, сообществами, братствами и т. п.), которые могли более или менее обеспечить защиту и права своих членов. Но по мере того как общество все более берет на себя эти функции, желание нести обязанности в коллективе утрачивается, и коллективизм начинает рассматриваться как несвобода, тирания над личностью, тормоз развития.

Кроме того, чем шире размах и частота явления, тем либеральнее и терпимее к нему относится общественное мнение, в данном случае международное. В результате этого и с учетом общей либерализации ослабевает и репрессивное воздействие на инакомыслящих. То, что раньше было тягчайшим государственным преступлением, ныне во многих случаях в целом безопасное и весьма перспективное средство сделать политическую карьеру, образовать партию,

получить власть, влияние и известность. И коли этот канал существует, им, естественно, будут пользоваться. И раз репрессии по отношению к сторонникам национализма из-за общего политического климата перестают быть успешными, а то и вовсе отсутствуют, число национальных движений растет.

Конечно, национализм существовал и при самых сильных репрессиях. Но любое явление приобретает наиболее широкие и мощные очертания, только когда сняты жесткие препоны. Вспомните историю профсоюзов или некоторых политических партий. Они выживали и при запретах, и в подполье. Но наиболее влиятельными они становятся все же при легализации или признании де-факто³⁰. Национализм также может вдохновляться примером других, как это было в революциях или антиколониальной борьбе. Следует также иметь в виду и несравнимую с прежними временами возможность помогать сепаратистам из-за рубежа.

В наиболее же общем плане логичен вывод: **поскольку усиливаются наднациональные связи, естественно, что могут ослабеть внутринациональные, ибо часть напряжения переходит вовне.** И в плохо сращенных местах при определенных условиях могут возникнуть трещины. А с учетом распространенности и оправданности в глазах общественного мнения национализма различные причины сепаратизма легче и удобнее камуфлировать именно под него.

Таким образом, получается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: национализм усиливается потому, что ослабевают как системы национальные государства. Но парадоксальности здесь нет. Поскольку наций как совершенно обособленных и гомогенных сущностей нет, а они представляют собой более или менее сплоченные определенным сходством, условиями и внешними рамками общности, постольку при определенных условиях их сплоченность и однородность усиливаются, а при других — напротив, ослабевают. И формирование надгосударственных общностей как раз и является таким условием. В этой связи очень наглядно проявляется двойственная **этнополитическая** природа наций, причем в зависимости от

³⁰ Напомню общеизвестные цифры. До февральской революции в партии большевиков было 30 тыс. членов. К Октябрю их стало более 300 тысяч. А затем уже многие миллионы.

обстановки сдвиг может быть как в одну, так и в другую сторону.

В целом национализм в мире как бы заново тасует колоду государств, чтобы создать новые наднациональные образования. Ведь не все страны способны легко интегрироваться в них. Насколько мог вписаться СССР в европейское или азиатские сообщества? Это проблематично. В любом случае его наследники осуществляют это намного легче. Прежде крупные империи были пределом интеграции, и они соседствовали с мелкими государствами. Теперь крупные межгосударственные сообщества становятся нормой, следовательно, старые связи, как менее насущные, могут рваться. Поэтому распад крупных многонациональных государств играет объективно прогрессивную роль, в конечном счете способствуя уменьшению национального эгоизма.

Однако найти объяснение и место какого-то процесса в мировой эволюции совсем не значит признать также его наиболее оптимальным и тем более нравственно принять его. Поэтому такую дезинтеграцию нельзя приветствовать. Ведь для современного мира не меньшую, а, вероятно, большую значимость имеют стабильность и предсказуемость. Такие способы, какими пользуются оголтелые националисты, не отвечают уже уровню развития человечества, ведут к деградации районов, установлению жестких режимов, массовой ломке человеческих судеб и жизней³¹. И подобно тому как революции, хотя и выполняли исторически относительно прогрессивную роль, но, из-за того, что являлись крайне опасными, разрушительными и жестокими, в конце концов были заменены реформами, так и в данном случае путь к интеграции не обязательно лежит через национальную вражду.

Итак, можно сказать однозначно: сепаратизм становится весьма опасным и разрушительным процессом. Чаше всего такие движения идут под лозунгом того, что данная нация должна иметь свое государство. Много лет назад этот принцип был разоблачен как

³¹ Такие процессы, связанные с борьбой, войнами между нациями, классами, государствами, Боулдинг называл диалектическими, подчеркивая, что они более важны на коротких отрезках, в отличие от недиалектических, то есть длительных, более незаметных и мягких. (См.: Boulding K. A Primer of Social Dynamics: History as Dialectics and Development. N. Y., 1970. P. V—VIII and others.) Общеизвестно, что в результате этнических конфликтов в обществе возникают серьезные проблемы, мешающие его развитию. Иногда эти конфликты становятся даже главным препятствием для прогресса. (См.: Stavenhagen R. Ethnic Conflicts and Nation-State. L.: N. Y., 1996. P. IX.)

миф, который не только является совершенно неприменимым на практике, но никогда и не был ясно сформулирован³². Логические аргументы против него достаточно весомые: «Даже если кто-то и знает, что он имеет в виду, когда говорит о национальности, все же остается не вполне ясным, почему национальность должна считаться более важной и более фундаментальной политической категорией, чем, к примеру, религия, рождение в определенном географическом регионе, лояльность по отношению к правящей династии или, наконец, политические, например, демократические убеждения (последние, можно сказать, являются объединяющим фактором многоязычной Швейцарии). И в то время как религия, территория или политические убеждения могут быть более или менее ясно определены, никто не может внятно сказать, что он имеет в виду под нацией, чтобы этот фактор мог послужить основанием для практической политики»³³.

Однако идеологии, с одной стороны, и логика с рационализмом — с другой — вещи, плохо совместимые. К тому же, если обратиться к цифрам, на первый взгляд кажется, что идея национального государства вполне подтверждается практикой. По подсчетам, которые производились еще до распада СССР, Югославии и Чехословакии, из 164 государств, в которых проживало большинство населения мира, 45 стран являлись однонациональными, то есть в них более 95% населения принадлежит к одному этносу³⁴. Еще в 62 странах выделяется ведущий этнос, составляющий от 60 до 95% населения³⁵. С остальными дело обстоит совсем по-иному: тут и многонациональность, и смешанность населения, и пограничные споры с соседями, и прочее. После распада указанных стран ситуация вроде бы еще более выровнялась в пользу национального государства. Однако в национальном плане тут далеко не все благополучно. Посмотрим на СНГ или бывшую Югославию. Там нет ни одной страны, где бы не осталось национальных меньшинств. И развитие нередко идет то в русле притеснения этих меньшинств, то борьбы последних. Если же сепаратизм разорвет такие страны, как

³² Поппер К. Ук. соч. С. 63—64.

³³ Поппер К. Ук. соч. С. 63.

³⁴ Данные взяты из: Мировое политическое развитие: век XX. М., 1995. С. 204.

³⁵ Там же. С. 204.

Индия или Китай, то мировое сообщество погрязнет в урегулировании бессмысленных конфликтов.

Кроме того, — и это особенно важно — начинается дробление даже тех наций, которые казались вполне сплоченными. Национализм, точнее псевдонационализм («хилые национализмы», по Гарольду Берману), начинает угрожать стабильности повсюду и разъедать общества. Поэтому, мне думается, этот процесс уже подходит к своему зениту. Говоря физическим языком, его масса достаточно скоро достигнет критической точки, после чего он пойдет на убыль и отношение к нему в мировом сообществе (особенно среди ведущих и развитых стран) начнет изменяться. И уже в сравнительно недалеком будущем право наций на самоопределение перестанет рассматриваться как безусловное, появятся эффективные инструменты воздействия на сепаратистов, а также более тонкие формы решения национально-политических проблем, не влекущие столь негативных последствий.

Конечно, сегодня идут очень разные процессы. И можно вслед за Дейчем спросить, становится ли объединение наций более гомогенным и однородным или, напротив, еще более различным и разделенным?³⁶ Однако в плане исторической перспективы очевидно, что национализм как агрессивный сепаратизм, как непримиримая и ортодоксальная идеология, порождающая терроризм и войны, должен отойти на второй-третий план. Это было очевидным и тридцать лет назад, когда З. Бжезинский писал, что национализм перестает быть главной силой, определяющей характер перемен нашего времени³⁷. Само собой, что этот результат не запрограммирован и не фатален. При каком-то изломе политики крупного государства, при близорукости или совершенно новой ситуации развитие может пойти по плохому сценарию. Но на сегодняшний день движущие силы интеграции в общем плане выглядят достаточно мощными.

Разумеется, втягиваться в мировую политическую интеграцию такой сверхдержаве, как США, через всю историю которых проходит красной нитью культ нации (Лернер), возможно, будет очень не просто. Но сейчас, на первых порах, их мощь и численность населения вполне соответствуют мощи и численности населения

³⁶ Deutsch K. W. Nationalism and its Alternatives. N. Y., 1969. P. 129.

³⁷ Brzezinski Z. Op. cit. P. 54.

объединенной Европы. А в будущем, по-видимому, необходимость облегчит эту задачу. Ведь США, вполне вероятно, предстоит играть роль центра в интеграции всей Америки, а может быть, и во всем Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Верно, что и в дальнейшем могут найтись государства, которые «будут следовать агрессивному курсу в отношении своих соседей, чтобы наложить свою руку на природные ресурсы, защитить этнические меньшинства или держать соседние страны настороже»³⁸. Но, думается, это станет уже исключением. Безусловно, и в последующие десятилетия могут возникать вспышки национализма. Ведь поскольку мир развит неравномерно, одни страны будут уже уходить от этого, а другие лишь подтягиваться к такому этапу. Но в целом он пойдет на спад.

Следовательно, хотя, бесспорно, нас ждут еще десятилетия, когда националистические проблемы будут весьма острыми в отдельных районах и странах, можно однозначно сказать, что **политический национализм как явление, как идеология, как направление развития означает путь в тупик, путь, противоположный генеральной линии развития мира.**

С другой стороны, еще яснее обнаружится тенденция к постепенному отказу от части национального суверенитета в пользу наднациональных, региональных и мирового сообществ. Эта тенденция весьма ясно вырисовалась уже и сейчас, но эффектные и яркие вспышки национализма затемняют ее глобальную и магистральную суть. С послевоенного времени многие страны начинают добровольно ограничивать свой суверенитет в казалось бы наиболее важных вещах³⁹, сначала экономических, потом социальных и политических. Это касается права устанавливать пошлины и налоги и определять их размеры, запрещать и поощрять ввоз и вывоз товаров и какие-то виды деятельности, печатать деньги, устанавливать правила содержания заключенных и использования их труда, вводить те или иные политические свободы или ограничивать их, проводить войсковые учения, а также еще массу политических или военно-политических вещей. В конце концов, главное в суверенитете:

³⁸ Купер Р. К 2015 г. появится много новых «Южных Корей» и «Ираков»//Известия. 20 марта 1998. № 51. С. 5.

³⁹ В это же и даже в более раннее время популярной стала идея мирового правительства. А в начале века дебатировался лозунг Соединенных Штатов Европы.

право войны и мира, правила выборов и избирательных цензов и другое — под международным контролем. И все это, и многое другое, безусловно, означает, что **внутренние дела государства, в которые никто не вмешивается и которые регулируются только национальными законами и условиями, сужаются, а международное, региональное или союзное (определенного сообщества) право расширяется.**

Это и есть главное доказательство того, что **национализм во всемирном масштабе ограничивается и сокращается, и в перспективе этот процесс должен усилиться.**

И — что важно отметить — наиболее заметно сокращается национализм наиболее передовых наций, по большей части уже переболевших им. И особенно это очевидно в Европе. Даже такие нации, как швейцарцы, начинают думать о вхождении в ЕС. Вслед за передовыми идут и другие страны, в которых порой даже самые ярые националисты соглашаются на ограничение суверенитета.

Вышеизложенное позволяет в плане генерального развития в рамках задач этой главы сказать, что идет **процесс постепенного перехода мира к пространственно-временным группировкам нового типа — устойчивым добровольным наднациональным политико-экономическим объединениям.** В результате, как сказано, национализм уменьшается. Но, конечно, если наднациональные сообщества становятся для некоторых более привлекательными, чем национальные, то кое-где может временно усилиться и тенденция к расколу, казалось бы, спаянных наций и, как следствие, ослабевать и взламываться национальные государственныекрепления. Так, в позднее средневековье микросоударства с легкостью входили и выходили из состава более крупных, чтобы присоединиться к ведущим.

Постоянные разговоры о национальных движениях, их шумовые акции и все с этим связанное могут побудить читателя воспринять утверждения о том, что националистическая активность — неперспективная линия развития человечества, которая в достаточно скором по историческим меркам (т. е. несколько десятилетий) времени должна пойти на спад, с большим скепсисом. Поэтому я хотел бы предложить такую аналогию. Представим себе период после реставрации Бурбонов во Франции в 10—20-е годы XIX века. Почти

повсеместно господствует монархизм. Мало того, по сравнению с прежними эпохами он стал агрессивным. Монархи забывают интересы своих стран перед общей угрозой тронам. Они формируют собственный Священный союз и соответствующую идеологию. Немногие, не считая революционеров, поверили бы тогда, что монархизм исторически обречен частью исчезнуть, частью стать просто декорацией, оставаясь лишь кое-где на периферии. Но непредвзятому аналитику это было бы в целом ясно, поскольку тенденция уже обозначилась.

Сказанное касается и положения дворянства и аристократии в аналогичное время. Поверили бы в России, что дворянство полностью исчезнет через сто лет? Вряд ли. А в 20—30-е годы XX века многие ли всерьез считали, что колониальным империям осталось жить очень недолго?

Таким образом, уйдут не нации и национальные различия, а уйдет как мощная сила национализм, раскалывающий государства, создающий угрозу безопасности, терроризирующий мир, развязывающий войны и т. д. Как ушел революционный напор, но социальные проблемы (хотя и другого уровня) не уходят. Только решаются они совсем иными методами. Сегодня революционные всплески бывают лишь в периферийных районах. Следовательно, национальные вопросы, проблемы и отношения перейдут из сферы самых острых политических проблем, жарких схваток и прочего в более низкую сферу. Примерно так, как это случилось с религией в развитых странах. Естественно, что речь идет о длительном периоде, о генеральной линии (которой могут быть противопоставлены иные), о неравномерном движении, временами идущем вбок или вспять, о том, что перелом в пользу общечеловеческого может сопровождаться различными конфликтами.

Вектор генерального развития пошел в сторону создания наднациональных образований нового типа и, следовательно, в сторону преобладания региональных и мировых интересов над национальными. Параллельно идет и формирование нового общечеловеческого сознания. Дэйв Радьяр удачно назвал этот процесс «планетаризацией сознания». Естественно, что такое развитие не может быть быстрым, легким и безболезненным. Напротив, главное противоречие современности (в рамках теории

исторического процесса) обозначилось уже сегодня, а завтра станет совершенно очевидным. **Это противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным эгоизмом.** Оно проявляется в самых разнообразных формах, как легко узнаваемых, так и подспудных. Агрессивность квазицивилизаций, рост национализма — это лишь начальные этапы такого процесса. Между тем впереди проблемы, связанные с ограничениями в принятии решений политически и экономически свободными и самостоятельными странами. А такое ограничение требует и определенных политических механизмов. И значит, необходима трансформация традиционных демократических структур, над которыми должны надстроиться надгосударственные. И здесь, без сомнения, будет очень много трений и столкновений, пока идея приоритета мировых интересов над национальными не возобладает в умах хотя бы граждан передовых стран. Даже для частичного преодоления указанного выше противоречия среди многого другого потребуются совместить демократию внутри общества с общечеловеческими интересами. А международное право должно возобладать над внутренним.

Будет кстати высказать и некоторые предположения о том, как могут идти перестройка в области национального производства и увязка его с мировыми интересами. Во-первых, здесь крайне желательны договоренности об ограничении экономического роста. Разумеется, это очень трудный шаг. Но до тех пор, пока между странами будет господствовать дух соперничества в том, у кого быстрее растет валовой продукт, пока главным критерием оценки работы правительств останется величина роста производства и потребления, многие общемировые проблемы не решить. Нужно квотирование темпов роста хотя бы в тех областях экономики, которые вредно влияют на природу. Точнее, нужно начать с этого. Вовторых, необходимо совместить стремление к развитию с необходимостью беречь природу и здоровье. Для этого желательно двигаться в сторону постепенного отказа от накачивания искусственного спроса и бесконечной смены добротных вещей только потому, что они «устарели». Производство должно переориентироваться от наращивания выпуска товаров массового назначения к товарам и услугам, развивающим личность, а также к

развитию общепользовных благ (охране окружающей среды, повышению безопасности и т. п.).

Борьба между национальным или групповым эгоизмом, с одной стороны, и общемировыми потребностями — с другой, не может быть простой. Тем более в условиях усиливающихся диспропорций в росте населения между странами и нациями. Поэтому преуменьшать вероятность экологических и иных бедствий или утверждать, что все образуется само собой, было бы и абсурдно, и преступно. Но мне думается, что первый шаг на пути к ограничению анархии в наиболее опасной для человечества экологической области уже сделан. Я имею в виду Международную конференцию ООН по изменению климата в Киото в 1997 г., которая, может быть, впоследствии станет оцениваться как эпохальное событие. Как известно, там удалось договориться о том, что выброс в атмосферу так называемых «парниковых газов», концентрация которых грозит глобальным потеплением климата, в целом к 2008—2012 годам по сравнению с 1990 г. будет сокращен на 5,2%. При этом объемы сокращения для разных стран различны. И хотя не все участники согласились с данными решениями, и хотя их выполнение может саботироваться, кажется, люди начинают находить практические механизмы решения самого главного вопроса современности и будущего, вопроса о сохранении баланса между природой и обществом. Стоит отметить и возможность переуступки квот выбросов одними государствами другим, что может способствовать реальному выполнению обязательств. Ведь в этом случае за право сделать сверхнормативные выбросы придется платить тем, кто не выбрал свою квоту. Следовательно, их сокращение станет экономически выгодным.

В связи с глобальными переменами в разных сферах жизни начинают обозначаться и контуры принципиально новых культурных группировок. Но высказать предположения об их чертах будет легче, если сначала рассмотреть причины и проявления духовного кризиса, который испытывает научно-правовая группировка западных обществ. А признание того, что он налицо, кажется, становится чуть ли не общим местом. Начало его легко прослеживается с первой мировой войны, хотя предвестники появились гораздо раньше. Его осознание становится темой многих философских и публицистических произведений 20—30-х годов. Идея кризиса выносится в названия

работ Шпенглера, Швейцера, Сорокина и других. Питирим Сорокин в конце 30-х годов писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань...»⁴⁰.

Успехи техники и науки, перемены в социальной жизни после второй мировой войны, а также потребность в отстаивании идеалов свободы и демократии против угрозы тоталитаризма временно сняли ощущение остроты кризиса, однако далеко не у всех. Увеличивающееся экологическое неблагополучие, рост социальной напряженности в связи с расовыми, молодежными и прочими движениями, разгул терроризма и преступности усилили пессимистические настроения, разочарование в прогрессе, страх перед техникой, неуверенность в будущем. Динамичные и пугающие процессы в третьем мире, агрессивность фундаментализма, демографический взрыв и другое создают еще более мрачный фон. Отсутствие или ослабление сплачивающей идеологии разлагает общества. И хотя традиционные религии, а также всевозможные культы и секты пытаются заполнить духовный пробел, они не адекватны современным реалиям. Да и в любом случае сотни религий и сект не заменят единой веры. Тем более, что христианство, веру и духовно, и нравственно высокого уровня, начинают заменять всякого рода секты бесполезного и даже просто вредного толка. И, к слову сказать, перечисленные негативные явления западной жизни являлись и являются одним из главных козырей тех идеологий, которые боролись против Запада.

Наиболее общей причиной такого кризиса мне видится все возрастающая диспропорция между ростом производительных сил и духовным развитием. Темпы изменений производственной подсистемы намного выше, чем в духовной сфере. Это, как мы говорили, вообще свойственно обществу и человечеству в целом при переходе от одного крупного этапа (формации) к другому. Однако никогда прежде темп развития производства, техники и технологии не был столь бурным, а степень влияния на природу столь сильной. И это создает огромные трудности и вызывает тревогу. Опасность

⁴⁰ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

также и в том, что общественное сознание может не суметь вовремя среагировать на новые и, может быть, непоправимые изменения, а в результате развитие пойдет худшим путем.

Из сказанного можно понять: одна из фундаментальнейших причин кризиса состоит в том, что обществу не удастся вернуться к сбалансированности, к каковой оно, как и любая система, стремится. Между тем такие важнейшие его элементы, как мораль, идеология, брачно-семейные отношения, право, система социальной стратификации и другие, выработаны в условиях достаточной социальной консервативности и по своей сути для нормального функционирования требуют воспроизводства определенной стабильности.

Постоянные изменения, разрыв между поколениями, высокий уровень миграции, рост урбанизма, международных контактов, появление небывалых морально-правовых проблем и масса других вещей ведут к тому, что эти институты стабильности общества разрушаются. В результате число антиобщественных поступков, преступность, аморализм, неверие ни в какие духовные и нравственные ценности достигли ненормального для мирного времени уровня (и становятся сравнимыми с периодами полной общественной нестабильности: войн, революций, хаоса)⁴¹, а индивидуализм, общественная апатия, иждивенчество, стремление к гедонизму, психологическая тяга к переменам ради самих перемен угрожают самому существованию общества.

В конечном счете, высокий темп перемен и порожденная им неуверенность в будущем лишают жизнь смысла, а бесконечная погоня за материальными благами не может удовлетворить уже очень многих, духовно наиболее активных людей. И вследствие идеологического вакуума потребность в вере, осмысленности жизни удовлетворяется суррогатами самого худшего свойства.

Попробуем суммировать, в чем же выражается духовный кризис научно-правовой группировки, которая весь XX век мучительно трансформируется во что-то новое?

Во-первых, это связано с потерей или ослаблением веры в прогресс, разумность эволюции и утратой перспективы дальнейшего

⁴¹ Сказанное, конечно, в большей мере касается крупных государств, в малых ситуация благополучнее.

развития. Во-вторых, с падением уровня духовной культуры, превращением ее в массовую, безнравственную и антиэстетическую. В-третьих, то, что являлось гордостью западного образа жизни — техника, все больше страшит. Она расслабляет людей не толь ко физически, но и духовно, а теперь и интеллектуально. В-четвертых, идет дальнейшая секуляризация, которая также способствует падению прежней морали и нравственных принципов. В самом деле, сексуальная революция и ее последствия, переполненность жизни эротикой, а также масса других вещей, например культ насилия, не могут не тревожить. Неудивительно, что одними (и не только мыслителями) все это воспринимается почти апокалиптически, и в то же время большинство не понимает ситуации и, говоря словами Печорина, бешено гоняется за удовольствиями. «Человек вновь стоит лицом к лицу с хаосом; и это тем страшнее, что большинство ничего не замечает: ведь повсюду машины работают, учреждения функционируют, научно образованные люди говорят без умолку», — восклицал Романе Гвардини⁴². Он называл современную культуру в широком смысле слова «не-культурной культурой», поскольку по характеру она мало напоминает то, что «мы звали культурой»⁴³.

Очень опасен и психологический разрыв между стремительным развитием науки, информатики и техники, с одной стороны, и психическими, интеллектуальными и моральными возможностями среднего человека — с другой. Становится все труднее справляться с потоком информации, перемен, требований, которые все чаще входят в противоречие с выработанным опытом. И это генерирует отклонение в поведении от нужных обществу норм у все большего числа людей. А с учетом того, что количество источников повышенной опасности и их разрушительное влияние растут, сказанное очень усугубляет проблемы бытовой и производственной безопасности, терроризма, новейших видов преступности и т. п.

Можно говорить и о многих других явлениях. Но особенно хотелось бы заострить внимание на кризисе современного права, который углубляется. Воспользуюсь мнением специалиста: «Кризис западной традиции права — не просто кризис философии права, но и кризис самого права... Право становится более фрагментированным,

⁴² Гвардини Р. Конец нового времени//Феномен человека. Антология. М., 1993. С. 284.

⁴³ Там же. С. 284—285.

субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности». Распад западной традиции права лишь частично берет начало в революции 1917 г. и ее последствиях для всего мира; лишь отчасти в массированном вторжении государства в экономику и бюрократизации жизни. «В значительно большей степени этот кризис проистекает из кризиса самой западной цивилизации, начавшегося в 1914 г...Почти все страны Запада сегодня находятся в той ситуации по отношению к праву, что ведет к презрению к закону со стороны всех классов населения. Города становятся все менее безопасны. Система обеспечения неимущих почти сломалась под тяжестью правил, которые невозможно исполнить. И богатые, и бедные, и «средние» массово нарушают налоговое законодательство. Едва ли есть хоть одна профессия, которая не обходит тот или иной правительственный закон. А само правительство сверху донизу опутано незаконными действиями. Но не это главное, а то, что единственные, кто испытывает по этому поводу угрызения совести, по-видимому, те, чьи преступления открылись»⁴⁴.

К этой картине можно добавить и то, что закон все чаще превращается в кистень или инструмент ограбления зазевавшегося; и разгул феминизма в судах; и отсутствие правовых инструментов, с помощью которых можно заставить людей уважать общечеловеческие и общенациональные интересы; и возникновение правовых ситуаций в связи с совершенно новыми явлениями, которые подрывают моральные устои и важнейшие общественные институты; и многое другое. Кризис права усугубляет и наука, которая постоянно ставит сложнейшие и невероятные прежде морально-правовые задачи и подбрасывает небывалые казусы.

Следует сказать и о начавшемся кризисе в самой науке. Он стал очевиден, когда политики организовали наиболее способных ученых для создания средств, способных уничтожить человечество, а определенным его, рубежом явилась атомная бомбардировка японских городов. Корпорации ученых по-прежнему рассматривают развитие науки как самоцель, в отрыве от общей ситуации. Мало того, большинство ученых превращается в «частичных» ученых,

⁴⁴ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. 1994. С. 53—54.

выполняющих лишь свою долю общей работы и не представляющих последствий исследований, точнее, даже не желающих их представлять и морально отвечать за них. Все это обезличивает науку. И если раньше вера в ее абсолютную полезность затемняла ее опасные потенции, то теперь у многих надежда на науку сменилась страхом перед ней, как перед фактором, способным внезапно и непредсказуемо изменить жизнь гигантских масс людей. А то, что наука по-прежнему претендует на способность справиться с нарастающими проблемами, ослабляет стремление к поиску оптимальных решений насущнейших проблем и определение средств контроля за развитием ее самой. Поскольку наука достигла зрелости намного позже, чем, скажем, право, очень возможно, что пик ее кризиса еще впереди. Тем более, что она все более коммерциализуется, а вместе с этим приобретает и многие пороки рыночной экономики.

Однако эти негативные моменты, доказывающие кризис научно-правовой группировки в целом, можно рассматривать также как показатель начавшейся трансформации в новую культурную группировку. Мы по-прежнему, как и десятилетия назад, «как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей... культурой создаваемого завтра»⁴⁵. Но все-таки теперь эта будущая культура стала более очерченной. Мои предположения о некоторых чертах новой культурной группировки, в которую может перерасти научно-правовая, я и хочу высказать. Более вероятно, что в виде уже какой-то системы она сумеет сложиться лишь на базе длительно функционирующих крупных экономических и политических группировок. Очень возможно, что это будет Европейское объединение. Но поскольку и сами политические образования находятся в стадии становления, завтрашняя идеология тем более неясна. Поэтому нужно сразу оговориться, что размышления о будущем могут быть изложены лишь в самом общем плане. Говоря словами одной книги, это просто рамки для предположений. Они далеки от того, чтобы исчерпывающе указать тенденции каждого важного элемента будущего или тем более покушаться на

⁴⁵ Сорокин П. Ук. соч. С. 427.

предсказания какого-то аспекта будущего⁴⁶.

Подчеркну, что я говорю сейчас о генеральной линии развития исторического процесса, как она мне видится. При этом логично думать, что и в будущем (хотя и с меньшим масштабом различий) проявятся разные линии развития. И, следовательно, группировки будущего, сложившиеся на основе постцивилизационных образований, окажутся весьма непохожими, а те или иные цивилизационные и религиозные элементы будут играть неодинаковую роль. Но думаю, что все же эти различия окажутся принципиально меньшими, чем между научно-правовой группировкой и квазичивилизациями.

Тут кстати отметить, что поскольку генеральное направление в передовых странах ведет к ограничению национального, то впоследствии это может привести и к некоторой трансформации наций, точнее, к тому, что национальные отличия в такой группировке наблюдателям за ее пределами будут казаться маловажными, как сегодня для нас маловажно отличие между шотландцем и англичанином. Станут ли говорить о **европейце** французского или немецкого происхождения, как сегодня об американце немецкого или польского происхождения, сказать сложно. Но будет неудивительно, если в глазах людей остального мира принадлежность к «европейской общности» станет главной «этнической» характеристикой жителей Европы.

Тяготение обществ друг к другу возникает по самым разным причинам и основаниям. При этом история делает выборку наиболее удачных комбинаций, которые в дальнейшем могут оказаться моделями для других. И естественно, что объединения, в которых сходство в образе жизни, культуре и других фундаментальных вещах дополнялось сходством в интересах или осознанием необходимости объединиться, могли иметь важные преимущества. Так, к концу нового времени базовыми политическими единицами стали национальные государства. Теперь, однако, постепенно ведущими становятся надгосударственные образования. И поскольку эти группировки также складываются по разным основаниям, то более устойчивыми и перспективными могут выступить именно такие, где помимо общего интереса имеются и существенные сходства. **И здесь-то как раз факт исторической, культурной, религиозной и**

⁴⁶ Kahn H. and Wiener A. The Year 2000. N. Y., 1968. P. XIX.

цивилизационной близости способен оказаться очень важным. Ибо при прочих равных условиях такая близость облегчает как процесс интеграции, так и само стремление к ней. (Хотя она отнюдь не всегда будет оказывать решающее воздействие.)

Очевидно также, что такая интеграция может вызывать определенный ренессанс цивилизационных форм, особенно там, где цивилизации еще не полностью ушли. **Но это ренессанс не цивилизаций как таковых, а некоторых цивилизационных форм, которые история пытается использовать повторно для иных уже целей.**

Следовательно, культурные группировки, которые сформируются на основе устойчивых политико-экономических группировок, могут иметь в качестве глубинного слоя всем понятные и для всех более или менее общие и близкие культурные и моральные вещи. Но ведь должно быть и нечто новое. Что это будет?

Прежде чем дать даже самый общий ответ, такое отступление. В книге Кана и Винера высказана очень ценная, на мой взгляд, мысль: если постиндустриальное общество уменьшает значимость экономических критериев, то возможен возврат ко многим предындустриальным ценностям или появление их постиндустриальных эквивалентов⁴⁷.

Действительно, некоторые явления сегодня кое в чем напоминают то, что было в обществах древности. Известно, что уменьшение в эпоху капитализма роли таких социальных признаков, как статусные и сословные различия, резко усилило различия экономические (классовые). Обретение же равных и всеобщих политических прав, а при переходе к постиндустриальному обществу и многих социальных гарантий, уменьшило, в свою очередь, различия по обладанию собственностью, увеличив значение образования и известности. Но, кроме того, проявились и социальные моменты, отдаленно напоминающие первобытное общество. Например, выросла роль половозрастного деления, что выразилось не только в углублении границ между поколениями, не только в движении женщин и молодежи, но и в формировании особой идеологии этих групп. Идеологи феминизма даже утверждают, что

⁴⁷ Kahn H., Wiener A. Op. cit. P. 342—343.

сегодняшние проблемы связаны с тем, что наиболее важные социальные и духовные вещи ориентированы на мужское начало. И без переориентации их на женское ситуация существенно не изменится⁴⁸.

В конечном счете, в будущем, когда и эти (по сути, переходные) различия уменьшат свое значение, очень вероятен возврат к некоторым аналогам традиционных обществ и цивилизаций. Среди них нас сейчас в первую очередь интересует стабильная идеология. Но поскольку прямого возврата к старому быть не должно, надеяться на ренессанс религий, в частности христианства, в долгосрочном плане, мне кажется, не стоит (в краткосрочном, конечно, это возможно). Но в то же время отказ от принципа деидеологизации общества и обретение какой-то достаточно интегрирующей идеологии вероятны и очень желательны. И если такая идеология появится, то, может быть, она и станет ядром новой культурной группировки. Разумеется, пока она не сложилась и не овладела значительной массой, что-либо конкретное сказать о ней трудно. Можно лишь предполагать, что особую роль в ней будет играть отношение к природе, живому. В любом случае необходимо, чтобы в ней сочетались искренность веры и рациональность науки. Ведь нелегко представить себе, что последнюю можно просто отбросить или законсервировать. Но нельзя и думать, что наука бесконечно может развиваться анархически. Ведь она превратилась не просто в производительную силу, а в силу и политическую, и военную, и социальную, и моральную. Ряд ее направлений (в частности в области генетики) становится опасным и порождает сложнейшие этические и правовые проблемы. Раз она является общим достоянием человечества, то не может использоваться преимущественно в интересах определенных корпораций или групп, будь то промышленники, военные, объединения специалистов, меритократов или ученых. Таким образом, сложнейший вопрос о соотношении науки и веры, долгие столетия мучивший философию, всплывает вновь перед идеологами, но уже в ином виде.

Что еще можно предположить в такой идеологии? Крайне важно,

⁴⁸ К категории увеличивших или изменивших свое значение частично относятся и этнорасовые признаки. Есть и совсем новые, например сексуальные. И активность так называемых сексуальных меньшинств растет.

чтобы в ней утвердились идеи сбалансированности развития.

Люди должны найти возможность совместить две противоположности: не отказываясь от развития и улучшения жизни, не позволять новациям существенно нарушать стабильность образа жизни, идеологии, других важнейших основ общественной крепости. Этот длительный и очень трудный процесс трансформации, конечно, затронет привычки очень широких слоев населения и может войти в противоречие с ближайшими их интересами. Естественно, что всякие резкие перемены здесь вредны, как опасно сильно тормозить на высокой скорости. Но так или иначе нужно убедить различные влиятельные группы в необходимости подчиняться общим интересам и заставить их с помощью общественного мнения считаться с ними.

Для того чтобы жизнь стала устойчивой, а развитие сбалансированным, необходимо отказаться от представлений, что развитие экономики, науки, культуры и политики может и дальше в прежней мере идти как бы автономно. Нет, постепенно их синтез усилится. В частности, экономика должна во все большей мере проникаться не только социальными, но и культурными проблемами, а культура не может быть отдана на откуп бизнесу, чтобы только делать на ней деньги, профанируя ее.

Следующий, связанный с предыдущими момент, — это сознательное стремление к ограничению потребления, к самоограничению. По образному выражению Д. Белла, мы доросли до нового словаря, ключевым понятием в котором будет предел (limit). Предел роста, предел расхищения окружающей среды, предел вооружения, предел вмешательства в живую природу и т. д.⁴⁹. Дэйн Радьяр писал: «Мы стоим на пороге Века Синтеза: но если люди не будут готовы переступить через эгоистический индивидуализм, столь воспеваемый нашим обществом, и не научатся чувствовать и жить категориями солидарности и служения, то нам грозит пришествие синтеза тоталитарного толка, который замедлит развитие человечества»⁵⁰.

Но чтобы эта идеология стала массовой, передовые страны должны показать пример. Быть может, появится новое издание идеи

⁴⁹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N. Y., 1978. P. XXIX.

⁵⁰ Радьяр Д. Планетаризация сознания. От индивидуального к целому. М., 1995. С. 10.

«бремени белого человека», который должен спасти планету?

Поскольку речь идет о стабильности, необходимо увидеть, что же давало такую стабильность в прежние эпохи и как это применимо в ближайшем будущем. В частности, одним из вариантов такой трансформации может быть поиск путей совмещения морали и права, которые ныне сильно разошлись. Дело в том, что право не успевает за быстро изменяющейся жизнью, тем самым теряет важнейшее свое качество — стабильность с медленными изменениями. Упорядочить и ограничить новации, ведущие к серьезным проблемам и дезинтеграции, одному только праву невозможно, оно слишком отклонилось от общественного интереса в пользу частного. В союзе с моралью такое более реально. Это станет возможным, если при выработке и коллизии правовых норм важнейшим приоритетом и мерилom будет мораль и понятие нарушения общественной морали. При этом некоторые ее нарушения должны вызывать и правовые санкции, а деятельность, угрожающая общественной нравственности, правовым путем запрещаться или ограничиваться. Может быть, удастся и политическое (государственное) право «скрестить» с моралью, чем поставить какой-то заслон на пути опасных честолюбцев и проходимцев.

В некоторых цивилизациях, например исламе, нет такого разрыва между правом и моралью. Возможно, это станет преимуществом исламских стран в будущем. Если такое направление синтеза нравственности и закона проявится⁵¹, то в этом случае цивилизационные традиции могут внести дополнительные различия и в правовые системы, но, с другой стороны, поскольку они должны идти к унификации, это во многом облегчит и притирку морали.

Мне думается, что настает время пересмотреть и некоторые вещи, которые кажутся «священными» и «неотъемлемыми». Следует поставить под контроль не только развитие науки, но и свободу слова и информации, ибо разрушительность антиобщественной, аморальной и антикультурной информации становится все сильнее. Речь, конечно, идет не о возрождении тоталитаризма, а о том, что ряд институтов и принципов, переходя определенный оптимум, требует

⁵¹ Может быть, одним из первых предвестников этого является общее решение многих развитых стран признать преступлением взятку должностным лицам иностранных государств, что ограничит беспринципность бизнесменов. Одновременно это и свидетельство усиления тенденции к приоритетности надгосударственного права перед государственным.

регулирования⁵². Так произошло со «священным» правом частной собственности, и она уже в течение последних ста лет постоянно подвергается различным ограничениям. Так должно быть со «священным» правом свободы слова и «творчества», под флагом которого в корыстных целях развращаются миллионы и миллионы людей. Ведь поскольку интеллектуальная продукция стала товаром, она должна подвергаться тем же, а то и большим ограничениям, что и обычные товары, и соответствовать стандартам безопасности для здоровья (в данном случае психического), следовательно, вписываться в определенные морально-правовые рамки.

Если верно, что в будущем главный интерес «экономики» будет связан с воздействием на человека, его тело, интеллект и психику, то, вероятно, наследие некоторых цивилизаций окажется очень уместным и востребует. Например, массовое распространение могут получить поразительные достижения индубуддийской цивилизации в области подчинения тела духу, дающие удивительный эффект в плане организации здорового образа жизни. Уже и сегодня многое из йоги и других систем достаточно популярно во всем мире.

* * *

Итак, мы завершили обзор развития цивилизаций от их зарождения до трансформации в послецивилизационные типы и далее к пространственно-временным группировкам четвертой формации. Надеюсь, я убедил читателя в том, что определение понятия «цивилизация» как пространственно-временной группировки обществ в рамках теории исторического процесса и социологии истории наиболее продуктивно. А вычленение идеологического комплекса в качестве центрального элемента в таких культурных группировках дает достаточную практическую возможность для их идентификации, сравнения и анализа.

Мне думается, что проведенный в этой главе подход позволяет удачно решить проблемы, которые иначе ставят исследователей в тупик. Среди них: выделение общих черт и свойств цивилизаций и

⁵² Д. Белл задает вопрос, на который он желал бы получить утвердительный ответ: если удастся установить какие-то очертания предела развития экономики и технологии, очертим ли мы также предел исследований в таких культурных разработках, результаты которых ведут к переходу моральных норм и восприятию демонического, из-за убеждения, что все исследования есть «творчество»? (Bell D. Op. cit. P. XXIX).

сохранение возможности показа уникальности каждой; выделение генеральной и боковых линий в развитии цивилизаций, что позволяет совместить идею единого исторического процесса и многонаправленности истории; поиск общей природы в современных религиозных и светских идеологиях; причины резкого подъема роли религии и национализма в последние десятилетия; сохранение больших различий в образе жизни населения западных и незападных стран при более сходной производственной базе; причины кризиса права, демократии и духовных ценностей в современном мире и ряд других.

В то же время моя теория не только не противоречит многим другим взглядам, как общим, так и частным, но и удачно интегрируется с ними. Однако эта интеграция становится продуктивной лишь при соподчинении точек зрения путем локализации сферы действия каждой и определения степени их применимости. И возвращаясь вновь к этому вопросу, хочу сказать, что в рамках теории исторического процесса и в целом теории истории попытки совместить формационный и антропологический подходы для более глубокого объяснения цивилизационного развития человечества будут и впредь неудачными и лишь затемнят ситуацию. Причин тому много, и мы о них говорили. Одна из важных заключается в том, что фактически для объяснения исторического здесь пытаются использовать, по сути, внеисторические факторы, каковыми выступают события «давно минувших дней» или вовсе «природа человека», неясные «гуманистические» свойства или потребности индивида и т. п.

Безусловно, в объеме конкретных историографических проблем антропологический подход в соединении со специфическими историографическими или историко-социологическими методами вполне может быть продуктивным. Но стоит выйти за рамки конкретных исследований, как мы сталкиваемся с непреодолимыми трудностями. Мне кажется, что это одна из причин того, что в нашей науке очень заметными стали мысли о некой предначертанности сегодняшнего развития многих стран и регионов событиями, которые произошли тысячи лет назад.

Проделанный экскурс ни в коем случае не предопределяет исследования исторического процесса в целом. Это своего рода шурф

в его массиве или его вертикальный разрез, позволяющий сделать некоторые предварительные выводы. Именно поэтому такое исследование было помещено в разделе введения в теорию исторического процесса. Но мы и далее будем так или иначе затрагивать проблему цивилизаций.

ГЛАВА 7. ЗАКОНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА*

§ 1. Некоторые взгляды на понятие исторических законов и предварительные выводы из них. § 2. Общие подходы к анализу законов исторического процесса. § 3. Группировка законов. § 4. Пояснения к некоторым законам. § 5. Закон подвижности (замены) функций.

...В истории намного чаще, чем в других науках, мы сталкиваемся с проблемой «неисчерпаемости предмета исследования».

К. Поннер

Проблема всеобщих законов истории, поднятая Вико, пророком и провозвестником философии истории, как его называл Курт Брейзиг, была очень популярной и дискуссионной в XIX и первой половине XX века. Различные точки зрения выдвигали на первый план от одного единственного и все объясняющего закона до десятков законов. При всех разногласиях многих объединяла общая вера в то, что «пути развития всех народов и групп народов Земли идут в одинаковом или мало различающихся направлениях и... немногие различия, которые, как и почти во все времена, являет картина человечества, могут быть объяснены лишь различием в скорости развития, с какой отдельные части человечества прошли эти слои пути»¹. Оппоненты этого взгляда были столь же безапелляционны. Одни утверждали, что, напротив, все народы развиваются, по-разному, поскольку «существуют великие неизменные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации», и «эти неизменные, самые общие и самые основные законы вытекают из душевного строя рас»², другие объясняли все различия благодетельным или губительным

¹ Слова К. Брейзига. Цит.: Современная западная социология. Словарь. М., 1990. С. 43.

² Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1995. С. 13.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1—6; 1998. № 1—5.

влиянием отдельных личностей. В целом же господствовало стремление поставить на передний план объяснения истории какой-то один из ее факторов или определенную их комбинацию.

В начале, а особенно ближе к середине XX века, идею преобладающей роли и даже «существования» исторических законов стали все более отрицать. Риккерт, например, настаивал, что дело собственно не в том, насколько легко или трудно открывать исторические законы, а в том, что само это понятие включает в себе внутреннее логическое противоречие, поскольку понятия исторической науки и науки о законах совершенно не совместимы и взаимоисключающи. «Теперь мы должны спросить, возможно ли исследовать индивидуальные человеческие судьбы и частные формы человеческого существования научно и каким образом это может быть сделано?» — в свою очередь спрашивал Вильгельм Дильтей³. Все чаще утверждалось, что «попытка доказать существование необходимых законов невозможна и напоминает вполне попытку вытащить самого себя за волосы из болота»⁴. Но изгоняемая в дверь, указанная идея стала входить в окно то путем возврата к концепциям детерминирования развития общества географической средой, то в виде теории больших экономических циклов, то смены этапов развития в зависимости от типа хозяйства и т. п. Однако в целом в настоящее время она не особенно популярна на Западе, хотя само понятие «закон» встречается в современной историографии довольно часто⁵. Интерес к законам истории значительно уменьшился и у нас.

Как при критике, так и при апологетике данного понятия — что очень важно подчеркнуть — практически все понимают закон в «классическом» духе, как жесткий и универсальный. Между тем (и это необходимо повторять вновь и вновь) без изменения взгляда на содержание исследуемой категории мы не сможем плодотворно использовать ни само это понятие, ни отдельные законы. Ведь хотя опыт поиска всегда определяющих исторических законов оказался неудачным (однако не бесплодным), тем не менее отказ от

³ Цит.: Stanford M. An Introduction to the Philosophy of History Maiden, 1998. P. 162.

⁴ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 516.

⁵ Но понятия общественных или исторических законов, тем более их определения, в справочных изданиях часто избегают. Например, в недавно вышедшем «A Dictionary of Philosophy» (Ed. T. Maunter. Cambridge, Mass., 1998) есть только понятия законов природы и законов познания (см. P. 232—233).

использования законов вообще обедняет возможности теоретического познания, а в чем-то закрывает для него очень перспективные направления. Следовательно, необходимо это понятие превратить в достаточно гибкое, учитывающее различия в задачах, материале и познающем субъекте. Быть может, такое пренебрежение к эвристическому и методологическому значению понятия «закон», отказ от поиска более тонких способов его интерпретации является одной из причин того, что западной историографии не удалось преодолеть «дефицит теории»⁶.

Природа познания только в принципе одинакова, но сама реальность исключительно разнообразна, поскольку степень полноты, точности наших знаний и инструменты познания очень различны в разных сферах, науках и случаях. Отсюда мы должны говорить о разных типах законов. А поскольку реальность неисчерпаема и бесконечна в своих связях и отношениях, а мы пытаемся постичь ее несовершенными и ограниченными средствами, следует отказаться от идеи абсолютно главных законов и довольствоваться относительно (для определенных рамок) главными.

Колоссальная сложность вопроса о соотношении бытия и познания вызывает время от времени затяжные дискуссии, а-то и кризисы. И сегодняшний кризис исторической науки усложняется и подпитывается противоречивостью взгляда на саму историческую реальность среди историков и теоретиков истории. С одной стороны, некоторые историки сегодня рассматривают исторические тексты как конструирование эстетических объектов, скорее составляющих мир лингвистических смысловых значений, чем как нейтральное отражение внешнего к ним мира⁷. С другой — хорошо известно, что историки — даже большинство нетрадиционалистов — настаивают на том, что они имеют дело с реальностью и правдой⁸. Преодоление этого противоречия, мне думается, также связано с более точной интерпретацией понятия законов.

О законах уже шла речь в первых главах этой книги, что

⁶ См. об этом: Могильницкий Б. Г. К. вопросу о теоретико-методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография (критический анализ). М., 1989. С. 18.

⁷ Toews J. E. A New Philosophy of History? Reflections on post modern historicizing // History and Theory. 1997. V. 36. № 2. P. 234.

⁸ Roberts Y. Postmodernism Versus the Standpoint of Action // History and Theory. 1997. V. 36. № 2. P. 253.

позволяет, опираясь на сказанное, многие рассуждения опускать. Ведь данная глава есть применение общих положений к уже более определенным координатам исследования — теории исторического процесса. Поэтому не стоит забывать, что речь идет не вообще об общественных законах, а именно о **законах исторического процесса**. Отсюда вся структура главы направлена именно на то, чтобы связать понятие законов с теорией исторического процесса, дать формулировки, толкование и систематизацию важных для нас законов.

Некоторые типичные взгляды на законы истории рассматриваются в первом параграфе. Однако необходимо оговориться: в связи с тем, что сторонники этих подходов, как правило, четко не различают понятий исторического закона и закона исторического процесса, не всегда и я, комментируя их точки зрения, имею возможность вносить такие уточнения. Между тем указанные понятия совершенно необходимо разграничить уже потому, что именно в игнорировании такого различия лежит одна из основных причин гносеологической непримиримости взглядов на законы истории. Ведь законы, применимые для анализа исторических ситуаций, часто не годятся для рассмотрения крупных исторических процессов и периодов и наоборот.

Во втором параграфе речь пойдет о том, что в рамках исторического процесса можно понимать под **главными** законами. Для этого нам придется проанализировать, насколько вообще применимо и продуктивно понятие закона исторического процесса, показать, что использование любого закона имеет ограничения содержательного, методологического и практического характера. В последующих параграфах излагаются некоторые подходы к систематизации законов, возможность их группировки в блоки и системы и более обстоятельно рассматриваются некоторые законы или их группы. В целом же эта глава должна помочь сделать более ясными принципы, на которых строится теория исторического процесса, и облегчить понимание многих идей и категорий, которые будут рассматриваться в следующем разделе.

§ 1. Некоторые взгляды на понятие исторических законов и предварительные выводы из них

Попытки найти универсальные исторические законы, которые бы давали «архимедову точку зрения» на историю и соответственно определяли ее «смысл», подверглись во многом справедливой критике. Подобная философия истории, согласно Риккерт, неизбежно связана с метафизикой. А, по его мнению, метафизика, которая хочет служить базисом для философии истории, сразу впадает в почти непреодолимые трудности. Но обоснованность критики вовсе не означает и правильности полного отказа от поиска условий применения понятия «закон» для исторического процесса и истории.

Если не считать тех, кто по-прежнему ищет законов, и тех, кто безразличен и беспечен к подобным проблемам, то, по мысли М. Мандельбаума, можно выделить три группы взглядов на природу исторического знания и объяснения: 1) «идеалисты» (Риккерт, Дильтей, Кроче, Коллингвуд, Оукшотт и др.) утверждают, что историческая наука радикально отлична от естествознания и не может иметь общей с ней методологии; 2) теоретики «охватывающего закона» (Поппер, Гемпель, Гардинер и другие), наоборот, исходят из принципа единства научного знания и считают, что с логической стороны история подчиняется тем же требованиям, что и естественные науки; 3) «реакционисты» (Дрэй, Донаган, Ноуэл-Смит, Берлин и др.) не согласны с этим и доказывают логико-методологическую специфику исторической науки, чем сближаются с «идеалистами»⁹. Однако их исходный пункт иной и характеризуется тезисом», «что надлежащий анализ исторического объяснения должен соответствовать суждениям, которые высказывают историки, давая то, что они считают объяснениями особенных происшествий»¹⁰. Их идейные истоки лежат не в идеалистической философии истории, а в «новейшей ветви аналитической философии, которую можно назвать анализом обыденного языка»¹¹. Важно также отметить расхождения в трактовке задач и назначении исторической науки. В целом же, думается, что как правота, так и односторонность есть во всех трех подходах, хотя и в весьма разной степени. И, следовательно, было бы желательно поискать, в какой мере и как возможно совместить эти

⁹ См.: Кон И. С. К спорам о логике исторического объяснения (схема Поппера—Гемпеля и ее критики)//Философские проблемы исторической науки. М., 1969. С. 282.

¹⁰ См.: там же. С. 283.

¹¹ См.: там же.

точки зрения, в частности путем уточнения того, как сочетаются гносеологически общие с естествознанием и специфические черты в анализе исторической реальности; как правильное скомбинировать требование объективного знания с неизбежной субъективностью выбора задач и средств их решения и сосуществованием ряда альтернативных концепций.

Противоречивость взглядов, отстаивающих полное несходство истории и естественных наук и невозможность отсюда исторических законов, мы уже анализировали в первых главах. Поэтому наиболее интересным и полезным будет сейчас сосредоточиться на позиции второй группы, как более взвешенной и продуктивной, хотя и ее никак нельзя считать удовлетворительной. Ведь с одной стороны, ученые, ее представляющие, отстаивают тезис о том, что и для истории характерны законы. А с другой — эти законы они фактически представляют как малополезное средство познания. В результате, хотя критика объективистских представлений о законах истории выглядит аргументированной и логичной, конечные их выводы становятся негативными и, по сути, ставят познавательные преграды для изучения исторического процесса.

Прежде чем идти дальше, рассмотрим, о каких законах ведут речь Гемпель и Поппер (в их взглядах, конечно, есть существенные различия, но сейчас это не столь важно). Идея «подведения под закон» или «охватывающего закона» означает, что и исторические события (если само это понятие уточнить) допускают свое объяснение с помощью законов, но речь идет не столько о практическом применении такого метода, сколько о логическом принципе¹². Кроме того, указанные законы весьма часто выступают как «тривиальные». Их, по словам Поппера, можно принимать без доказательств, но они не представляют никакого интереса и абсолютно неспособны внести порядок в предмет исследования. Он приводит следующий пример, связанный с объяснением первого раздела Польши в 1772 г.: «Если из двух армий, которые примерно одинаково вооружены и имеют приблизительно одинаковых полководцев, но одна из них имеет

¹² Гемпель подчеркивал: «Это, естественно, не означает, что каждое такое событие может быть действительно объяснено данным способом. Анализ объяснений, производящихся с помощью охватывающих законов, показывает нам их логическую структуру, но он ничего не говорит о том, в какой мере индивидуальные события, происходящие в мире, могут быть объяснены» (Гемпель К. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // Философия и методология истории. М., 1977. С. 79).

подавляющее превосходство в живой силе, то другая никогда ее не победит»¹³. К этому примеру мы еще вернемся, пока же отметим, что неопозитивисты делали полезное дело, поскольку фактически отвергали и опровергали идею о полном различии познания в естественных науках и истории. И в этом плане идея «подведения под закон» Гемпеля и Поппера была весьма важной. Кроме того, они укрепляли мысль о правомерности не одной-единственной, а разных интерпретаций исторических событий. В этом случае упор делался на то, чтобы избранная интерпретация была относительно лучшей, больше внимания уделялось методам ее проверки. И я полностью согласен с тем, что «главное состоит в том, чтобы осознавать принятую точку зрения и быть критичным, то есть по мере сил избегать неосознанных и, следовательно, некритических пристрастий в представлении исторических фактов. В любом другом отношении интерпретация должна говорить сама за себя, и ее достоинствами являются ее плодотворность, способность объяснять факты истории, а также возможность на ее основе объяснять проблемы сегодняшнего дня»¹⁴.

Ученые этого направления подчеркивали также необходимость правил для того, чтобы применить общее положение к частному случаю. Так, по мысли Гемпеля, история дает нам обычно не строгое объяснение, не возможность дедуцировать событие из универсальных законов, а нечто подобное «объяснительному эскизу».

«Такой эскиз состоит из более или менее расплывчатого указания на закон и начальные условия, которые рассматриваются как существенные, и, чтобы превратить этот скетч в развернутое объяснение, необходимо его «наполнить». Это наполнение требует дальнейшего эмпирического исследования, направление которого указывает эскиз»¹⁵.

Но, с другой стороны, во многом верные, порой даже очень верные мысли приводят к недостаточно продуктивным выводам. Например, Поппер пишет: «С нашей точки зрения, действительно не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения. Задача

¹³ Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 305.

¹⁴ Поппер К. Ук. соч. С. 305.

¹⁵ Цит.: Кон И. С. Ук. соч. С. 268.

истории как раз и заключается в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. Те, кого интересуют законы, должны обратиться к обобщающим наукам (например, к социологии)»¹⁶. На первый взгляд, это правильно. Действительно, масса исторических вещей такова, что удобнее их объяснять более простыми и менее «дальнобойными» средствами, чем закон. Однако совершенно очевидно, что, если избегать общих выводов в пределах стремящихся именно к закону, поиск объяснений исторического события во многих случаях мало что дает, поскольку не позволяет делать обобщений и искать коренных и глубинных причин. Такая историография останется на уровне жизнеописания, в лучшем случае, политической истории. И хотя без такой истории не может быть и всей остальной, ограничиваться ею, попятно, невозможно.

Помимо того, что конкретные исторические законы имеют малую ценность, Поппер также убежден и в том, «что те универсальные законы, которые используются в историческом объяснении, не содержат никаких селективных или унифицирующих принципов, никакой определенной «точки зрения» на всю историю в целом»¹⁷. Понятие обобщающих законов, в его трактовке, применимо, и то с большими оговорками, лишь к отдельным аспектам истории, например истории политической власти, экономических отношений, технологии или математики. Тогда можно, но в очень узком смысле слова, сформулировать некоторую точку зрения на мировую историю. Но он добавляет, что для этого, конечно, потребуются дополнительные принципы, вроде идей, что большое значение в истории имеют характер «великого человека», «национальный характер», этические или экономические условия и т. п.¹⁸. Более глобальные теории, касающиеся взгляда на историю, Поппер в отличие от научных теорий называет общими интерпретациями и считает, что они «важны потому, что выражают определенные точки зрения», и соответственно лучшими из них будут те, которые способны лучше объяснять факты истории и сегодняшнего дня¹⁹.

Без сомнения, такой подход в отношении законов много лучше того, что предлагают идеалисты и «реакционисты». Однако если

¹⁶ Поппер К. Ук. соч. С. 305.

¹⁷ Поппер К. Ук. соч. С. 306.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 307, 309.

исходить из логики предыдущих рассуждений самого Поппера, то и степень обобщения на уровне отдельных аспектов истории так же легко оспорить, как и более высокую, а интерпретациями можно назвать любые, несколько выходящие за скромный объем, обобщения. А главное, подобных аспектов столь много, что никакого теоретического каркаса для теории исторического процесса невозможно получить. Ведь даже указанные им дополнительные принципы могут «сплотить» теорию только в своем жестком объективистском варианте. А при более взвешенном подходе рядом с ними тут же появляются другие (часто противоположные) принципы, поэтому они сами требуют объединения. Фактически эти принципы есть некоторые из ряда движущих сил (факторов) истории, о верховенстве которых в свое время было столько споров. Очевидно, что в рамках всей истории ни один из них не может быть ведущим, а только в меньшей системе координат. Объединяющие принципы (об этом в своем месте) должны обосновываться не только онтологически, но в первую очередь методологически, а для этого иметь прочное основание в виде системы законов и других аналитических средств. Следует обратить внимание на важный момент в рассуждениях Поппера. Действительно, отдельные законы имеют ограниченную сферу своего применения, хотя иной раз и весьма широкую. Иными словами, один, даже два-три закона не могут обеспечить общий взгляд не только на историю в целом, но и на исторический процесс. Подобные беспочвенные надежды свойственны именно объективистам. И читатель увидит, что важнейшая задача этой главы (как часть обшей методологической цели книги) — показать, каким образом определяется сфера применения законов, чтобы определить адекватную им познавательную роль.

Но от мысли об ограниченности действия законов можно идти в разных направлениях. Я пытаюсь найти более точное место законов в познании исторического процесса, не выпячивая их как всегда главные, но и не умаляя их значения. Для этого я прибегаю к разным методологическим способам: ищу возможности укрупнять законы, связывать их в группы, показывать, как они дополняют или заменяют друг друга; ищу, как можно переходить от одного к другому, как определять объем их действия, как, наконец, объединяются они в систему, помогающую создать общую теорию

исторического процесса. В результате последняя превращается в «интерпретацию», опирающуюся на большой арсенал теоретических познавательных средств, включая и систему законов разного уровня. А можно, продекларировав некоторые возможности законов, фактически отказаться от них, ссылаясь на то, что они не столь точны, как естественнонаучные. И тогда эта «интерпретация», обедненная теоретически и неизбежно более однобокая, чем в варианте, описанном выше, действительно будет просто выражать одно из ряда возможных мнений.

Поэтому, думается, что и достаточно объемные обобщения гораздо продуктивнее все-таки называть законами. А там, где наступает предел действия отдельного закона, можно переходить к их группам и системам. Конечно, законы обществензнания менее точны, чем в естественных науках, но ведь это особые, исторические законы. И здесь не просто спор о терминах, речь идет о гораздо более важных вещах. Если мы ведем разговор о законах, конечно специфических, но все же имеющих определенное сходство с законами вообще, мы можем стремиться постепенно ко все большей степени точности, насколько нам позволяет это сделать материал. Если речь идет лишь об интерпретациях, которые отражают разные взгляды, то наука об историческом развитии обществ и человечества никогда не выйдет из теоретических «пеленок».

Кроме того, хотя подчеркивание особого характера рассматриваемых законов исключает требования той точности, которую можно достичь в познании стабильных на протяжении длительного времени объектов²⁰, он все же позволяет легче нащупать наиболее плодотворные направления исследования. Ведь у нас остается не просто возможность сделать наилучший выбор из ряда конкурирующих объяснений, но и с помощью методологических правил пытаться их интегрировать. Настаивая на особом характере

²⁰ «Сто лет назад, — писал Дж. Маршак в статье «Вероятность в общественных науках», — было модно говорить о железном законе спроса и предложения или (вместе с Карлом Марксом) претендовать на то, чтобы предсказывать будущее общества. Сегодня мы научились — возможно, отражая определенные тенденции в физических науках, — быть вполне счастливыми, когда мы можем сделать прогноз лишь с определенной (специфированной) вероятностью... Такое знание — обычно лучшее, на что мы можем когда-нибудь надеяться в области общественных наук, где неопределенность физической среды усугубляется разнообразием и капризностью человеческой природы» (Цит.: Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии. М., 1960. С. 95).

общественных законов, хотел бы все-таки заметить, что, если бы на их исследование было положено столько же усилий и ресурсов, как на законы природы, точность их, не достигая точности физики, тем не менее существенно бы повысилась. Не следует забывать, что, когда ученым удастся достичь конвенции по каким-то вещам, зрительно степень их точности со временем становится значительно выше, чем в случае параллельных точек зрения, но которые в принципе могли бы быть также унифицированы путем договоренностей.

Итак, возвращаясь к взглядам Поппера и других, следует подчеркнуть, что, хотя они и критикуют идеалистов, различия между историей и «обобщающими науками» в их толковании становятся почти столь же резкими, как у Риккерта и Виндельбанда. Тем самым фактически постулируется разрыв между историей и теорией.

Отсюда получается, что попытка найти общее в исторических и природных событиях при отрицании возможности важной роли исторических законов, с точки зрения эпистемологии, приводит к формальным результатам.

Стоит подумать, в чем коренная причина неудовлетворительности идей Поппера и Гемпеля. Мне кажется, здесь не до конца преодолено представление о законах, сложившееся в эпоху классического позитивизма и даже раньше, когда считалось, что сила закона должна позволять дедуктивно выводить из него событие. Отсюда идея, что законы, по сути, главные средства познания, а объяснить событие — значит подвести его под закон. А поскольку в практической историографии сделать это затруднительно, кроме законов «здорового смысла», то есть достаточно примитивных, постольку законы начинают казаться не особенно нужными теоретическими инструментами. Отсюда и фактический отказ от понятия закона для исследования истории, замена его понятиями «квазитеория», «интерпретация», «конкретные, или специфические интерпретации»²¹, умаление роли теории истории, раз исторический процесс можно интерпретировать по-разному, а на основании теории невозможно предсказывать события. Кроме того, толкуя законы в классическом смысле, они не учитывают проблему яркости-неяркости их проявления. А без этого невозможно понять ни объема их действия, ни важности его в каждом конкретном случае, ни их коллизий и т. п.

²¹ Поппер К. Ук. соч. С. 308.

Сегодня и в отношении законов природы взгляды изменились в сторону отхода от «строгой» необходимости²². Тем более это должно быть сделано в отношении идеи общественных законов. Но здесь получается порочный круг. Поскольку от этой категории отказались, над ее развитием не работают и о ней сохраняется устаревшее представление, которое уже априорно отвращает от нее исследователей. Поэтому, мне думается, что магистральный путь — понять, что следует говорить о разных типах законов²³. И, следовательно, трактовка самого понятия «закон» становится иной, менее жесткой, более вариантной и менее объективистской. Тогда не придется бояться самого понятия «закон» в применении к изучению исторического процесса и теории истории (а также и историографии), поскольку такая боязнь весьма сильно ограничивает исследователя. В результате, с одной стороны, откроются многие сходства в познании природных и исторических явлений, а с другой — масштаб и причины различий в этом плане станут более реальными и понятными. Только так, думается, можно совместить идею особи исторического материала в плане познания по сравнению с природным материалом и идею, что и в исследовании исторической действительности можно использовать такие теоретические средства, как законы.

Таким образом, признание важной познавательной роли законов должно сочетаться с отказом от рассмотрения закона как главного инструмента познания всегда и везде, и с убеждением, что каждому типу законов нужны и особые познавательные средства и у каждого типа есть свои ограничения²⁴. Упрощенно

²² Поппер К. Ук. соч. С. 308.

²³ «Характеристика историком индивидуальных явлений предполагает, что существуют различные типы событий и, следовательно, имеются более или менее детерминированные регулярности, которые ассоциируются с каждым типом и которые отличают один тип от других», — говорит Нагель (Цит.: Карийский А. М. Философия американского натурализма. М., 1972. С. 139).

Можно согласиться и с М. Фридом, что гораздо легче достичь согласия о часто повторяющихся, *по* существу математических моментах, чем добиться консенсуса о возникновении (конституировании) новых форм. (Fried M. H. The State, the Chicken and the Egg; or, What Came First? // Origins of the State. Eds. R. Cohen, E. R. Service. Philadelphia, 1978. P. 37—38).

²⁴ Тогда легче будет и «разграничить вопросы логического анализа и вопросы, связанные с оценкой: например, изучение понятий, обычно употребляемых историками, и способа их употребления явно отличается от вопроса, являются ли эти понятия наилучшими или наиболее

говоря, нужно совместить инструментализм и объективизм, ведь хотя реальность объективна, но законы — условно ограниченный участок этой реальности.

Узкое представление о законах со стороны как их сторонников, так и противников нередко ведет к попыткам строго связать каждое событие с определенным законом. А для этого иногда приходится к конкретному случаю придумывать особый закон, от того они часто и тривиальны. Между тем гораздо правильнее пользоваться более крупными формулировками и выработать правила их «сворачивания» и «разворачивания», перехода от уровня к уровню, от аспекта к аспекту, а также и правила определения важности тех или иных законов для любого момента. Следовательно, поиск более крупных законов и далее их систем становится не просто необходимостью, а одним из выходов из тупика противопоставления теории и истории.

Сказанное также помогает объяснить, почему при опускании на низкий уровень крупный закон как бы растворяется и даже становится «лишним» для конкретной задачи. Действительно, многие проблемы историографии часто не требуют особых законов. Тем не менее исторический опыт для этого требуется. И часто он даже вовсе не такой тривиальный. Этот опыт и позволяет историку вживаться в эпоху, представлять себя на месте исторических деятелей, понимать психологию поступков, причины конкретных событий: выигранных и проигранных битв, тех или иных политических решений и т. д. Пока историография занималась хроникой событий и морализаторством, вопросы о законах истории были неважны. Чем глубже идет исследование, чем больше факторов затрагивается, чем больше сравнений, обществ и эпох вмещается, тем сильнее потребность в теоретических средствах анализа, включая и законы. Но здесь весьма и весьма нечетка грань между теоретизирующей историографией, с одной стороны, и философией истории, социологией истории и теорией истории — с другой²⁵ (а также и между ними самими). Недаром же крупные историки,

плодотворными и не требует ли историческая терминология какого-то пересмотра, который мог бы привести, скажем, к большей точности» (Гардинер П. Цит.: Кон. И. С. Ук. соч. С. 266).

²⁵ Именно для подобных ситуаций Р. Арон подчеркивал, что «гораздо труднее, чем обычно об этом думают, различить науку и философию истории» (Арон Р. Философия истории//Философия и общество. 1997. № 1. С. 261).

исследуя отдельные проблемы, вынуждены обращаться к всемирной истории или мировому историческому процессу. Говоря словами историка Дж. Р. Элтона, имея дело с частью, они учитывают всеобщее²⁶.

Если угодно, в данной ситуации можно применить такое сравнение. Законы баллистики необходимы не только при конструировании, но и испытании оружия. В то же время меткий стрелок может их и не знать (хотя они ему и не мешают). Но чем обширнее и разнообразнее арсенал оружия, которым владеет человек, тем в целом больше требуется ему теоретических знаний (включая и указанные законы), чтобы судить о достоинствах и особенностях каждого. И в этом смысле различия между создателем, испытателем и просто знатоком оружия становятся не столь четкими, при том, что они черпают сведения друг от друга. Сказанное касается и вообще любой другой техники.

Разбирая попперовский пример о Польше, можно сказать, дело не в том, чтобы с помощью законов объяснить, почему слабая Польша в конце XVIII века не могла устоять против сильных соседей и подверглась разделам. Это достаточно ясно. Проблема, связанная с законами, возникает, если мы спросим: «А почему Польша оказалась слабой по сравнению с соседями, тогда как в конце XVI— начале XVII в. была сильнее России и Пруссии?» И, пытаясь ответить на этот вопрос, мы, вероятно, столкнемся с более глубокой проблемой, почему одни общества отстают, а другие вырываются вперед, — словом, к вопросу о неравномерности исторического развития. Отсюда уже недалеко и до использования закона неравномерности развития. А здесь уже начинаются философия и теория истории. Раздел Польши можно рассматривать и как пример эволюционного отбора в истории.

Легко привести и другие ситуации, когда конкретное событие можно или даже необходимо рассматривать с помощью законов. Только не следует забывать о существенной разнице между законами историческими (среднего или малого действия) и исторического процесса (дальнего действия). Если такое различие игнорируют, неизбежны объективистские поиски прямого подтверждения

²⁶ См.: Черняк Е. Б. Дискуссия об узловых теоретических проблемах всемирной истории//Современная зарубежная немарксистская историография (критический анализ). М., 1989. С. 33.

глобального закона. В то же время между указанными уровнями нет не только непреодолимой, но и вообще какой-то четкой грани. И это не менее важно помнить, поскольку достаточно часто имеет место (даже среди крупных ученых) резкое противопоставление законов (тенденций, процессов и т. п.) разного радиуса действия с объявлением одних более важными, чем других. Например, К. Боулдинг в своей книге «Начала социальной динамики» делит исторические процессы на диалектические и недиалектические (эволюционные). Первые (войны, революции, столкновения партий и т. п.) связаны с борьбой между системами или группами и победой одной из сторон. Для вторых конфликты, даже если они и есть, несущественны, а их центральный момент — кумулятивное нарастание качества, эволюционность и продолжительность. Коренное убеждение Боулдинга состоит в том, что диалектические процессы важны на коротких отрезках и таковыми представляются их участникам. Но это не главные силы истории, а только волны и вихри в великом потоке, в котором главными являются недиалектические (эволюционные) процессы²⁷.

Я думаю, что в таких случаях особое внимание нужно уделить точности определения ситуаций, когда можно говорить о главности тех или иных исторических сил. Но обязательно подчеркивая, что речь идет об **относительной** главности. Это касается и оппонентов Боулдинга, отдающих предпочтение «диалектическим» процессам. Иначе, даже помимо желания исследователей, возникают слишком резкое противопоставление и фактическая подмена одних вещей другими. Мне видится более верным, полностью учитывая различия между законами (и теориями) разного уровня, искать между ними связь и методику переходов от одних к другим. Ибо крупные процессы включают в себя и менее масштабные, нередко в своих результатах зависят от них, но в то же время никогда не сводятся к ним полностью. А «диалектические» процессы часто имеют собственную природу и не могут быть представлены только как момент более крупных или как полны (пена) в море истории.

Итак, нетрудно понять, почему многие историки часто не только безразличны к теории, но и, по точному выражению одного

²⁷ Boulding K. A Primer on Social Dynamics: History us Dialectics and Development. N. Y., 1970. P. V.

исследователя, берут на вооружение идеологию, сознательно не позволяющую развивать общую объяснительную теорию. Очевидно, что они не желают тратить большие усилия на то, чтобы овладеть ею в ущерб тому, что считают более важным и практичным. Но налицо также сопротивление навязываемым представлениям об истории как иллюстрации теории, о неумолимости законов, принижающей роль исторических деятелей и случайности, и т. п. Возникает более или менее осознанное недовольство «бесцельным» и практически не слишком важным теоретизированием, подогреваемое тем, что теоретики претендуют на то, чтобы «направлять» историков. Нельзя забывать также, что цели историографии и теории истории существенно различаются: одно дело возможно точнее и ярче описывать конкретные события, другое — в сильно индивидуализированных вещах искать общее.

Таким образом, как говорит Мартин Банзл, соперничество между практической историей и философией истории приводит к существованию как бы двух параллельных миров, один из которых населен историками, другой — философами²⁸.

Нечто подобное можно сказать и об антагонизме между сторонниками частных и более масштабных концепций. Первые, признавая необходимость теории, в то же время фактически один ее тип объявляют полезным, а другой — бесполезным, как якобы неэффективный, неверифицируемый, схоластический и т. п. Особенно сильна «дискриминация» в отношении законов. Такое стремление (психологически и гносеологически понятное) ограничить набор используемых теоретических средств внешне кажется практичным, но на самом деле и роняет авторитет теории в целом, и затрудняет ее применение, поскольку ведет к расползанию теории, повторению ошибок, противоречиям, ненужному дублированию.

Обладая для определенных целей практически эффективной теорией, теоретик теории среднего действия вроде бы имеет большое преимущество перед создателем более крупных концепций, тем более если последний рассуждает безотносительно к тому, каким образом его идеи могут быть использованы. Но, с другой стороны, когда первый вынужден выходить за привычное поле и начинает ситуацию в понятом им участке действительности переносить в

²⁸ Bunzl M. Real History. Reflection on historical practice. L. N. Y., 1997. PL.

иную систему координат, часто неизбежны перекосы, натяжки, преувеличение роли какого-то аспекта, явления, возврат к уже отжившим доктринам и т. п. В результате порой появляются взгляды, гораздо худшие по качеству, чем те, что критиковались, но которые выдаются за новое слово в науке.

Недоучет того, что законы — это далеко не всегда главные инструменты познания, ведет к резкому противопоставлению события и закона, истории и теории, ибо возникает жесткая дилемма: либо законы нужно применять всегда и везде, либо их нельзя использовать вовсе. Применение же законов зависит не только, а иногда не столько от того, анализируем ли мы единичное событие или большую группу событий, сколько от того, какого рода-проблемы мы решаем, какие вопросы ставим, насколько достаточно для них средств обычного здравого смысла, чисто историографической техники или же требуются специальные теоретические исследования. В принципе (как мы говорили в первой главе) любое событие можно поставить в общий ряд и исследовать с помощью законов, но далеко не всегда это рационально. И само собой, что как средства более объемные, законы гораздо важнее в анализе эпохальных явлений и более широких исторических полотен, чем в описании коротких по времени и малых по охвату пространства отрезков истории. Но жестких границ между конкретной историографией и теорией истории ставить нельзя уже потому только, что «ценности», которые сегодня во многом определяют нашу «область интересов» (М. Вебер), достаточно быстро могут измениться. Следовательно, неисчерпаемость исторической действительности такова, что к одному и тому же событию мы вынуждены обращаться вновь и вновь, часто объясняя его каждый раз по-разному. И значит, никогда нет уверенности в том, что, если сейчас мы обошлись без законов, они не потребуются в другом случае. Опять же стоит чуть выйти за рамки определенной канвы, как возникают вопросы, которые нелегко понять без теоретических средств. Поэтому следует согласиться с Р. Коллинзом, что «нам всегда придется работать на двух уровнях: теоретическом уровне абстрактных и универсальных принципов и уровне исторических частностей. Если наши теории удачны, мы будем все лучше и лучше объяснять, как конкретные комбинации переменных в теоретических моделях порождают

многообразные конструкции исторических частностей»²⁹. Я бы только уточнил, что нам приходится работать сразу на нескольких уровнях, переходя от одного к другому, но из них два можно признать базовыми.

Значит, **применение или неприменение законов для объяснения тех или иных событий связано с эффективностью, рациональностью, удобством для исследователя.** Чем больше набор его средств и чем лучше он им владеет, тем легче и продуктивнее он работает. И поэтому закон не следует особо выделять из общего теоретического арсенала ни для того, чтобы объявить его главным и универсальным способом анализа, ни для того, чтобы представить его ненужным по сравнению с остальными. Закон стоит в ряду теоретических средств, которые в теории науки называют номологическими. Но важно помнить, что «до сих пор не удалось удовлетворительно решить проблему разграничения номологических высказываний, с одной стороны, и других общих высказываний, в особенности так называемых случайных обобщений, с другой стороны»³⁰.

Преувеличение роли какого-то познавательного и аналитического средства, будь то закон, дискурс, аналогия, культ фактологии или что-то другое, ведет в тупик, даже если удастся и решить какие-то отдельные проблемы. И неудивительно, что некоторые американские историки бьют тревогу по поводу того, что «особенно энергичные» представители «новой научной истории» «предают забвению общие цели исторической науки во имя технического решения отдельных проблем». Отсюда возникает опасность превращения истории в эзотерическую дисциплину, доступную для немногих избранных³¹. Соответственно пренебрежение каким-то инструментом есть обратная сторона преувеличения роли других (и наоборот), что неизбежно ведет к ухудшению качества анализа, а в чем-то вообще делает его неверным.

Итак, те, кто ратует за признание важной роли исторических законов, часто дискредитируют саму идею, поскольку стремятся обнаружить главные законы, которые бы могли объяснить все, даже

²⁹ Цит.: Розов Н. С. Начала рациональной философии истории. Выпуск № 3. Новосибирск, 1998. С. 3.

³⁰ Тондл Л. Проблемы семантики. М., 1975. С. 407.

³¹ См.: Могильницкий Б. Г. Ук. соч. С. 18.

если определенные ограничительные оговорки и делаются. По поводу подобных подходов К. Ламонт с юмором замечает: «Философия детерминизма, несомненно, близка многим, так как она, повидимому, освобождает от усилий в разрешении их проблем и снимает озабоченность будущим, которое полностью предустановлено»³².

Но если мы откажемся от идеи универсальных законов, не отказываясь от *самого* понятия «закон», перед нами откроются значительные перспективы. Ибо, хотя и нет абсолютной системы отсчета, и мы сами ее устанавливаем, «но исходя из решающего, то есть произвольного отбора, другие методы истории могут иметь строго научный характер, претендовать на универсальную значимость процесса»³³. Поэтому очень частые ссылки на непродуктивность, ненужность или бесполезность законов для историографа совершенно не являются аргументом против существования законов в историческом познании (и тем более в познании исторического процесса). Просто это показывает, что у законов, как и у других средств познания, есть свои ограничения, которые необходимо учитывать, так же как надо видеть, где проходит та грань, за которой прежде неэффективные средства становятся более эффективными, а затем и важнейшими. **И этот подход во многом снимает бесконечный спор о законах в истории.**

Таким образом, не стоит ни преувеличивать, ни преуменьшать познавательную роль закона.

Но законы нужны не только для ответа на те или иные проблемы, но и для того, чтобы компактно группировать большой материал, упорядочивать поток событий. Некоторые философы языка говорят о «систематизационной мощности помологического высказывания (теории, закона, гипотезы и т. п.). Особым случаем систематизационной мощности являются объяснительная мощность, предсказательная мощность, диагностическая мощность и т. д.»³⁴. Я думаю, что в любом законе сосуществуют все перечисленные (и некоторые другие) виды систематизирующей мощности. Однако пропорции их очень различны для разных типов законов. И поскольку законы теории исторического процесса обычно нельзя

³² Lament C. Freedom of Choice Affirmed. N. Y. 1967. P. 28.

³³ Арон Р. Ук. соч. С. 259.

³⁴ Тондл Л. Ук. соч. С. 408, 414—415.

выразить в количественных значениях, для них объяснительная мощность и мощность упорядочения гигантского количества фактов становятся крайне важными. Если, скажем, в историографическом исследовании остра проблема недостатка фактов (например для ранних исторических периодов), то законы играют роль гипотез, которые помогают эти разрозненные факты связать. Если, напротив, фактов более чем достаточно, но они противоречат друг другу, без теории в них не удастся выделить основную канву. А те или иные законы помогают отделить наиболее важные события от менее важных, если, конечно, не настаивать на абсолютности такого деления.

Помимо систематизирующей, в разумных дозах полезна и мировоззренческая функция законов, поскольку (переиначивая слова Риккерта) как бы ни была конкретная историография «интересна в частностях, она никогда не сможет удовлетворить культурного человека, дать ему действительно широкое мировоззрение»³⁵.

Таким образом, можно пытаться интегрировать разные подходы к проблеме законов истории, усваивая их сильные места и ограничивая недостатки. В меру своих сил я и попробую это сделать во втором и последующих параграфах.

§ 2. Общие подходы к анализу законов исторического процесса

Итак, главные причины, которые дискредитируют понятия закона, — это объективизм и толкование его в классическом духе. Но несмотря на убедительную критику сторонников «неумолимых» законов, продолжающуюся уже более ста лет, и сегодня все еще весьма ощутимо это стремление открыть главный для понимания всей общественной и исторической жизни закон, чтобы разом решить основные проблемы философии и теории истории³⁶. При этом подобный поиск часто связан с попытками механического редукционизма, когда «предполагается основная редукционная база, представленная элементами элементарного уровня, при помощи

³⁵ Риккерт Г. Философия истории // Приложение к кн.: Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1993. С. 287.

³⁶ Вот только один пример: «Подобно тому, как река течет под влиянием силы тяжести, историей движет демографическое давление...» — категорично утверждает один историк, игнорируя массу других факторов (Нефедов С. История древнего мира. Екатеринбург, 1994. С. 250).

которого можно объяснить явления и процессы высших уровней. Поэтому также признается принципиальная возможность дать научный образ этих явлений и процессов высших уровней при помощи тех понятийных и теоретических средств, которые используют научный анализ элементарного уровня»³⁷. Речь идет, например, о том, чтобы обнаружить некие неизменные основы природы человека или предельно малые элементы социальной жизни и, объявив их главными, вывести из них ведущие законы и прочее. Но тогда неизбежно «встает вопрос о научной допустимости редукции, то есть вопрос, который старый механицизм вообще не ставил»³⁸. А при поиске ответа на него очень часто обнаруживается, что целое не есть просто сумма его частей, а представляет нечто качественно большее.

Все сказанное объясняет, почему я считаю необходимым более обстоятельно задержаться на рассмотрении взглядов, стремящихся, образно говоря, представить закон неограниченным монархом истории. Они тем более досадны, что становятся убеждением даже серьезных теоретиков. Приведу цитату одного очень мною уважаемого ученого, разобрав которую, будет легче перейти к анализу принципиально важных моментов в толковании законов исторического процесса:

«...В основе развития всего человеческого общества лежит диалектика двух взаимосвязанных законов: закона стадийного (формационного) развития общества на базе и под воздействием ступенчатого развития его производительных сил и закона неравномерного развития составляющих его обществ докоммунистической эпохи. *Тот и другой, по существу, являются главными в системе историко-социологических законов, с которыми имеет дело теория общественных формаций.* Все остальные историко-социологические законы (соответствия производственных отношений производительным силам, классовой борьбы и другие) подчиняются их действию и конкретизируют последние в тех или иных аспектах, либо на тех или иных стадиях развития»³⁹.

Стоит задержаться на этом утверждении. Во-первых, очень

³⁷ Тондл Л. Ук. соч. С. 316.

³⁸ Там же, С. 317.

³⁹ Илюшечкин В. П. Проблемы формационной характеристики сословно-классовых обществ. М., 1986. С. 31. (курсив мой. — Л. Г.).

симптоматично выражение «законы подчиняются». Оно явно не корректно. Ведь речь идет даже не о том, что события «подчиняются» закону (что также не особенно корректно), а о том, что одни законы «подчиняются» другим. А этого-то как раз мы часто не на блюдаем в истории. И классический спор о законах, собственно, и крутится вокруг этого момента, то есть когда общее правило не подтверждается не просто в отдельных обществах или эпизодах, а в целой группе сходных случаев, которые можно рассматривать как проявление особого закона⁴⁰.

Поэтому гораздо точнее говорить о законах разных уровней, что они определенным образом соотносятся между собой, держа в уме, что в любом конкретном случае или в более мелком объеме важнейшими могут оказаться как раз законы (или причины) малого действия. Ведь в историческом процессе мы видим много систем разного уровня, которые, будучи тесно взаимосвязанны, в то же время стремятся к обособлению и подчиняются внутренним ритмам. Отсюда законы более крупных систем не всегда подходят для меньших или не всегда играют в них определяющую роль.

Во-вторых, — и это сейчас принципиально важно — очевидно, что указанные Илюшечкиным законы можно сформулировать по-иному. Ведь он и сам пишет: «Оба указанных закона взаимозависимы, взаимообусловленны и составляют в этом смысле, так сказать, две стороны одной и той же медали. Это выражается в том, что действие первого из них (то есть стадийного развития. — Л. Г.) во многом определяется действием второго (неравномерности. — Л. Г.), который в свою очередь действует лишь в пределах, определенных первым, и лишь в направлении реализации первого»⁴¹. Но раз так,

⁴⁰ В историческом материализме это было источником постоянных теоретических парадоксов. Скажем, государство объявлялось продуктом развития классовых антагонизмов, но вдруг «обнаруживался» ряд доклассовых государств. Рабовладельческий строй приписывался обществам с мизерным количеством рабов; феодализм трактовался как система господства крупного частного землевладения, но распространялся на многие страны, в которых частное землевладение отсутствовало. Буржуазные революции происходили там, где не было буржуазии, социалистические — в отсутствии пролетариата и т. п. Это было результатом наивной веры в то, что общественные законы прямо отражают реальную картину исторического процесса. Такое представление один исследователь определял как «метафизический компонент» марксистской теории истории (Zalejko G. *Soviet Historiography as a «Normal Science»/Historiography between Modernism and Postmodernism. Contribution to the Methodology of the Historical Research — Poznan Studeis in the Philosophy of the Sciences and the Humanities. V. 41. Amsterdam — Atlanta, GA, 1994. P. 183*).

⁴¹ Илюшечкин В. П. Ук. соч. С. 31.

почему бы не сформулировать более крупный закон, ибо один проще, чем два? Тем более, если закон неравномерности действует лишь в определяемых законом стадийного развития рамках и направлениях. (Это, конечно, неверно, иначе бы мы не сталкивались с таким направлением, как регресс, но сейчас это не столь важно.) Тогда мы получим единый «закон стадийного (формационного) развития общества на базе и под воздействием ступенчатого развития его производительных сил с учетом неравномерного развития отдельных обществ» (я не меняю авторских формулировок и не обсуждаю их корректность).

С другой стороны, почему именно два главных закона, а не больше? Ведь из двух его законов можно «сделать» и большее количество. Скажем, первый закон легко разложить на два: закон ступенчатого развития общества и закон перехода со ступени на ступень в результате переворота в производительных силах. Могут быть и иные варианты⁴².

Это с очевидностью свидетельствует, что формулировки законов не имеют полностью не зависимый от сознания характер. Ведь только в процессе познания мы делим единую реальность на части, причем это деление во многом условно, конвенционально и ситуативно. И если эту мысль принять, легко увидеть, что, раз закон понимается как **условно ограниченный нами**, а не естественно оформившийся и структурировавшийся **момент (часть) действительности**, то в зависимости от ряда причин (объема, задачи, формулировки и т. п.) он **может выделяться по-разному**. При этом число законов, с

⁴² Вот еще пример укрупнения законов (также без обсуждения корректности формулировок). «Движение к адекватности основных компонентов способа производства общественной жизни — важнейший закон развития общества», который «прокладывает себе дорогу» «именно через действие конкретных законов соответствия производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки и т. д.» (Ковалев А. М. Диалектика способа производства общественной жизни. М., 1982. С. 156, 162). Да, часто можно наблюдать движение к гармонизации и притирке общественных элементов. И это хорошо объясняется стремлением системы к закрытости или максимальной устойчивости. Недаром ведь системные законы иногда объявляют ведущими.

Но очевидно, что процедуру укрупнения законов легко продолжить. Ведь одновременно с движением к тому, чтобы гармонизировать отношения элементов, действует и противоположная тенденция на нарушение соответствия. Следовательно, можно объединить обе тенденции в один закон. В то же время нетрудно понять, что законы, которые Ковалев называет «конкретными», для многих ситуаций слишком абстрактны и требуют разукрупнения или разворачивания. Читатель помнит, сколько внимания уделено в этой книге, напри мер, проблеме соотношения базиса и надстройки.

которыми придется оперировать, будет зависеть от разумной достаточности. Зачем лишние, если и без них можно получить тот же результат? Немаловажно и удобство их использования. Предположим, что мы все свели к одному закону (как, например, показано выше). Это будет рационально лишь для самого общего приближения или особых случаев (скажем, если необходимо максимально кратко и емко выразить суть дела). Более практические задачи лишают смысла подобную операцию. Ведь в столь большом блоке нам не удастся показать многие источники и движущие силы развития, сходство и разнообразие, не прибегая к фактическому разложению и уточнению данного закона.

В-третьих, из чего исходить, определяя главенство законов? Например, по моему мнению, абстрактно утверждать, что закон соответствия производственных отношений производительным силам подчиняется закону стадийного развития, равнозначно спору о том, что было раньше, яйцо или курица. Ведь согласно цитате, формационное движение идет под воздействием ступенчатого движения производительных сил. А ясно, что переход последних на более высокую ступень возникает именно в результате нарушения их соотношения с производительными силами и его восстановления на новом уровне.

Стало быть, речь о главенстве закона может идти только в очерченной системе координат. Илюшечкин вроде бы и определяет границы своего утверждения (что, кстати, делается учеными далеко не всегда). Он оговаривается, что речь идет о «системе историкосоциологических законов, с которыми имеет дело теория общественных формаций». Однако стоит вспомнить, что в историческом материализме данная теория имела дело не просто с историческим процессом, а с гораздо более широким масштабом: теорией истории плюс то, что я называю социологией истории, плюс значительная часть философии истории. В такой необъятной системе невозможно говорить об одном-двух-трех главных законах. Даже в более узкой области теории исторического процесса сделать этого нельзя. В самом деле, почему мы утверждаем, что в историческом процессе главные — законы формационного развития и (или) неравномерности развития? А разве нельзя сказать, что главным будет закон все более тесного сближения обществ? А будет ли неверным заявить, что таковым является закон все большего

ускорения развития человечества под влиянием ускорения развития производства и науки? А не может ли быть главным закон, согласно которому развитие идет не по одной линии, а по целому ряду, причем лишь отдельные из них ведут к прогрессу, а другие — в тупик? (или как вариант представить эти линии равнозначными). А так ли уж неправ Спенсер, выдвигая на первый план общеэволюционный закон развития от аморфной однородности к определенной (дифференцированной) разнородности? В значительной мере можно согласиться и с другим законом подобного масштаба, «которому подчинено как человеческое развитие, так и развитие животного и растительного царства». Он «состоит в том, что всякое изменение как обществ, так и видов может быть сведено к изменению в окружающей среде. Где эта среда остается неизменной, там остаются неизменными и населяющие его организмы, и организации. Новые формы организмов и общественных организаций появляются лишь в результате приспособления к изменившейся среде»⁴³. Можно привести и еще целый ряд таких законов, действительно исключительно важных.

Сказанное лишний раз подчеркивает мысль, что, поскольку поле исследования необъятное, **одной формулой, одной категорией, одним законом или прозрением дела не решить**. Настаивать на каком-то строго определенном количестве однозначно главных законов может только объективист. Ибо он верит в то, что законы есть некий вечный и изначальный порядок, своего рода обособленная и структурно оформленная сила, а не в то, что законами мы называем определенные свойства какого-то класса (выделяемого нами!) явлений реальности, которыми последние обладают не только в самой разной степени, но и в самом разном сочетании с другими свойствами (законами). И только в процессе познания эти свойства принимают логически четкий и оформленный вид «разложенных по полочкам» понятий.

Поэтому идея главных законов имеет смысл, только если признать значительную условность такого деления по важности. Но и тогда **выделение одного-двух относительно главных законов рационально лишь для определенных систем координат или особых аспектов исторического процесса**. Причем такая операция

⁴³ Каутский К. Материалистическое понимание истории. Т. 2. М. — Л., 1931. С. 630.

даст правильные результаты лишь при точно поставленных задачах и соблюдении ряда правил, о которых мы еще скажем. Следовательно, закон стадильности развития, то есть утверждение о прямой связи стадий исторического процесса с определенными ступенями развития производительных сил, может действительно стать ведущим, но только в более узких рамках периодизации исторического процесса, и то при четко заданных параметрах, с допущениями и в общем виде (то есть лишь для генеральной линии исторического процесса). И вот в таких строгих границах проблема **относительно** большей значимости каких-то сил, факторов, составляющих приобретает весьма важный характер. Например, в подобном плане можно говорить о выделении одного элемента системы как основания для периодизации исторического процесса.

Таким образом, в теории исторического процесса **базовым** уровнем для выделения и использования относительно главных законов будет уровень отдельных важных аспектов или крупных магистральных задач этой теории. Здесь число наиболее важных законов невелико, а их действие легче проследить. Связь же указанных аспектов между собой — особый этап теоретизирования. Необходимо добавить, что, хотя различных участков и аспектов можно выделить много, далеко не все из них (а меньшинство) окажутся плодотворными и удачными. Значит, их нет нужды и анализировать. Следовательно, при сравнении конкурирующих теорий исключительно важным становится вопрос **экономии** сил и времени исследователей, или, говоря по-иному, вопрос наибольшей методологической, познавательной, систематизационной или какой-то иной роли законов и других средств познания.

Продолжая начатый в прошлом параграфе разговор по поводу замечания Поппера о применимости законов лишь к определенным областям истории, стоит подчеркнуть, что есть смысл вести речь об относительно главных законах и в рамках теории исторического процесса в целом (как и других крупных блоков обществензнания). Однако это будет уже не базовый уровень, во-первых, потому что в данном масштабе таких законов становится гораздо больше; во-вторых, они как бы начинают стремиться к укрупнению.

Такие уточнения и ограничения дают нам шанс совместить идею

объективизма о мощной объяснительной силе законов, с одной стороны, и справедливые утверждения противников детерминизма о невозможности объяснить ход истории одним-двумя законами.

Сужение сферы действия главных законов делает их более познаваемыми и признаваемыми, но все еще не позволяет сделать их достаточно удобным средством анализа. Ведь даже и в ограниченном нами объеме отдельный закон слишком широк, чтобы его просто прикладывать. Он повисает в воздухе без того, что можно назвать методикой или даже «инструкцией» его применения, соответствующими его характеру и типу и включающими в себя: указание на то, когда его действие наиболее заметно, ярко или значимо; формулировки для разных уровней и аспектов; определение вариантов проявления закона. Возможно и нечто вроде «таблицы», т. е. характеристики его «поведения» для разного вида обществ или периодов.

Сказанное тем более относится к глобальному закону, проявления которого могут быть безграничными (хотя все их исследовать обычно и не нужно). Но коли автор вводит его в научный оборот и объявляет важным, он должен хотя бы обрисовать общие подходы и определить условия для его реализации. Это позволит многое о законе предположить, понять, насколько он практически важен и применим, и наверняка избавит от желания видеть его всегда и везде важнейшим и все определяющим. Если подобная работа приобретет хоть какую-то систематичность, то скоро обозначатся правила и принципы формулирования и применения законов, причем не только для теории исторического процесса, но и многих других областей обществоведения.

Признание существования разных типов законов и особенностей использования каждого из них, вероятно, лишит силы и вечный аргумент противников законов, которые доказывают их бесполезность тем, что конкретные проявления последних нередко различаются между собой и не совпадают с общей формулировкой. Но они исходят из классического представления, где единообразие случаев, подпадающих под закон, как бы разумеется само собой. Так же рассуждают и объективисты. Поэтому отсутствие такого единообразия было постоянным источником дискуссий в советской науке. Некоторые надеялись разрешить это противоречие, разграничивая понятия общих и специфических законов. Но,

разумеется, в рамках объективизма удачным такой подход быть не мог. По поводу таких попыток Д. Белл иронизировал: «Для теоретика Глезермана существуют «общие» и «специфические» законы. «Общим» законом социального развития является то, что социализм как новая общественно-экономическая формация неизбежен. Но поскольку каждая страна, проходящая через капитализм или минуящая его, не обязательно должна следовать по одному и тому же самому пути, существуют также «специфические» законы. Поскольку в ходе истории существует так много вариантов, логика аргументации ведет к тому, что мы вскоре обнаруживаем существование «специфических» законов для каждого случая! Такова цена этой теории»⁴⁴.

Но и позиция самого Белла небезупречна. Ибо абсурдно требовать точного повторения. Совершенно естественно, что разные общественные системы могут вести себя по-разному, даже двигаясь в одном направлении. Мало того, если исходить из идеи, что **законы исторического процесса являются особым, связанным с развитием типом законов**, и учесть ограниченность случаев, подпадающих под них, невозможность повтора событий и экспериментов, то становится логичным утверждение, что **они по самому своему характеру должны предполагать ряд вариантов реализации**.

Поэтому работа в области поиска более точных и емких формулировок таких законов может быть успешной, лишь когда удастся найти правильную методику соотношении общей формулы и частных проявлений. А наилучший путь для этого, как мне кажется, — такой способ выделения общего в частных случаях, который действительно позволял бы увидеть их важные сходства, но принципиально не требовал, чтобы это общее в каждом конкретном случае обязательно считалось главным или чтобы весь спектр характеристики общего был полностью представлен в частном. Причем такое соподчинение должно идти вместе с поиском методики перехода от одного к другому.

Если бы число главных законов было ограничено, если бы они оставались главными постоянно, то, познав их, мы бы познали в

⁴⁴ Цит. по: Диалектика общего и особенного и историческом процессе. Философские проблемы общественного развития. М., 1978. С. 35.

основном действительность, и нам осталось бы нанести лишь некоторые штрихи. Иерархия законов по значимости и их основные формулировки не менялись бы в зависимости от состояния науки, общественного развития, постановки проблемы и прочего. Однако это не так в отношении любой области (даже систем геометрии может быть много). Но особенно заметна подвижность, относительность законов в социальной и (тем более) исторической реальности. Это вытекает из специфики последних, и каждый теоретик, признает он законы или нет, ощущает крайнюю сложность адекватного их описания. И неудивительно, что о социальной теории говорят как о весьма неопределенном и подвижном объекте, поскольку отсутствует согласие даже по ее главным и базисным моментам⁴⁵. Также вполне объяснимо, почему перестали пользоваться понятием общественных законов. Но недостатки этого инструмента познания устранимы, если учитывать различие типов законов и использовать особую методику их применения.

Итак, мы не отказываемся от признания важной теоретической роли законов, но отвергаем мысль о существовании одного или нескольких абсолютно главных законов и переносим базовый уровень действия относительно главных на отдельные аспекты теории исторического процесса. Однако эти посылки открывают путь к неожиданной идее о бесконечном количестве возможных законов. Каким образом? Вспомним еще раз, что действительность мы можем постигнуть не тотально, а лишь в частностях. А научные законы охватывают условно выделенные нами участки действительности. И поскольку она видится бесконечной, то и число комбинаций по условному выделению таких частей реальности в принципе не ограничено, тем более что они, фигурально выражаясь, могут накладываться друг на друга и частично совпадать. Поэтому и число возможных законов так же бесконечно, как бесконечна сама постигаемая реальность⁴⁶ (но

⁴⁵ Social Theory Today. Oxford, 1988. P. 10.

⁴⁶ При этом я исхожу из того, что реальность есть нечто единое. Правда, ее можно представлять и по-другому, например, как постмодернисты — в виде совокупности «слабо связанных между собой фрагментов» (см.: Шандыбин С. А. Постмодернистская методология и вопрос политического ангажирования социального исследования (на примере этнологии)//Философия и общество. 1998. № 2. С. 179). Но при таком взгляде количество комбинаций тем более представляется бесконечным, ибо оно еще сильнее зависит от условности нашего выделения. Однако я думаю, что установка на дискретность не слишком продуктивна,

только в принципе, а не на практике. О практике будет речь позже).

Однако при анализе бесконечности возникают и достаточно неожиданные для обычного сознания вещи. В математике есть такое интересное правило, что в бесконечном ряду чисел бесконечно и количество чисел, имеющих какие-то особые свойства. Например, хотя количество чисел, делящихся нацело, скажем, на пять, в пять раз меньше общего количества целых чисел, тем не менее и оно бесконечно. Следовательно, и **число главных законов**, хотя их и меньше, чем всех, **в принципе бесконечно**.

Чуть дальше мы подробно рассмотрим следствия, которые вытекают из такого неординарного утверждения. Сейчас же отметим, что оно хорошо объясняет, почему нередки случаи, когда ученому, открывшему нечто, кажется, что это коренным образом переворачивает науку. Если число главных законов не ограничено, значит открытие таковых вполне реально, хотя вовсе не обязательно требует перестройки данной области знания. Но если исследователь думает, что количество подобных законов должно быть малым, и, с другой стороны, видит, что выведенный им закон реален, он приходит к идее, что его открытие требует переосмысления всей научной системы. Естественно, это обычно воспринимается коллегами как мания величия. Однако правота есть и с одной, и с другой стороны.

Просто открытие является важным, но в определенной системе координат, и поэтому его автор должен обозначить их, показать, как это связывается с общим знанием, что именно и каким образом нужно пересматривать и уточнять, тем более, если аналогичные выводы удастся получить и иным путем.

Одним из психологических подтверждений сказанного может послужить рассказ волгоградской ученой, которая выдвинула «закон двойной инверсии обратной связи» (смысл его было бы долго пересказывать). Любопытно другое. Она пишет: «Осознав, что мне удалось выйти на новое знание — сформулировать новый закон, объясняющий специфику регулирования разных стадий развития эволюционирующих систем и механизм перехода из одной стадии в другую, я решила провести то, что называют патентным поиском, — в доступных мне источниках.

Каждый раз с замиранием сердца я открывала новую книгу или

статью, где, мне представлялось, возможно было упоминание подобного закона, и каждый раз с удивлением обнаруживала, что этого там нет»⁴⁷.

Мне самому хорошо известно такое чувство. И меня очень удивляло, что именно мне пришли в голову те или иные идеи, казалось бы, лежащие на поверхности. Они выглядели для меня главными и объективными законами (и действительно были важными идеями, но в определенных рамках применения, как я понял позже). И именно мысль о том, что к сходным выводам часто удастся прийти с диаметрально противоположных позиций, была одним из составных моментов идеи, что **реальность настолько многообразна, что ее можно комбинировать по-разному, и значит, число аспектов такого анализа, а следовательно, и главных законов, теоретически не ограничено, хотя практически жесткие ограничения, конечно, имеются. Но в любом случае это открытая система с неопределенным числом членов.** При таком подходе устраняются излишние амбиции, повышается вера в ценность открытий среди обществоведов, на автора открытия ложится дополнительная ответственность по методологическому внедрению своих новаций в общую систему. Отсюда возрастает интерес к общим теоретическим вопросам и методологии. Что же вытекает из положения о неограниченном числе главных законов? Ведь оно сильно контрастирует как с объективистскими представлениями о небольшом количестве доминирующих законов⁴⁸, так и с утверждениями, что в истории о законах вести речь нет смысла. Как будет выглядеть теория исторического процесса, если его принять?⁴⁹ (Приведенные ниже следствия можно вывести и из аналогичных

⁴⁷ Мальцева Н. А. Человек и человечество на пути к устойчивому развитию. Волгоград, 1996. С. 162.

⁴⁸ Можно спорить, сколько главных законов признает исторический материализм, но, думаю, не более пяти-шести, в крайнем случае, если очень постараться, десяти. Гвидон Залейко вообще насчитал только четыре: прогрессивного развития производительных сил, соответствия производственных отношений производительным силам, классовой борьбы и социальной революции (Zalejko G. Op. cit. P. 183).

⁴⁹ Исследователь мышления Макс Вертгеймер говорит о важности подобных вопросов для науки вообще. Относительно физики он пишет: «Читатель может вспомнить историческую ситуацию. Физики прошлого пытались построить *perpetuum mobile*. После многих безуспешных попыток внезапно возник вопрос: как бы выглядела физика, если бы фундаментальные законы природы делали невозможным существование *perpetuum mobile*? Став центральным, этот вопрос привел к огромным переменам (Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 257—258).

вопросов к другим гносеологическим и методологическим положениям, следовательно, они касаются не только данной теории, но и иных блоков обществоведения.)

1. Прежде всего становится ясно, что степень важности законов не есть постоянное качество, а зависит, говоря физическим языком, от положения наблюдателя. И, используя этот «принцип относительности», мы должны для каждой задачи или области исследования избрать особую систему координат (что не будет слишком сложным делом, если войдет в практику). И уже в этих рамках можно говорить об **относительно** главных для нее законах. Проблема переносится, следовательно, из метафизической плоскости в методологическую, поскольку теперь она во многом упирается в наиболее рациональную методику определения степени важности законов и других теоретических средств. Будет кстати сказать, что, подчеркивая противоположность абсолютной и относительной важности законов, следует учитывать и разную степень самой относительности. А она сильно колеблется: от эпизода в конкретной и преходящей задаче до общепризнанного в течение длительного времени момента науки. В последнем случае относительность как бы существенно приближается к абсолютности.

Таким образом, появляется надежда совместить две противоположные идеи: о невозможности подчинить историю законам и о продуктивности ее исследования с помощью законов. К тому же признание факта существования множества законов открывает перед нами и надежду найти более емкие и глобальные формулировки, более фундаментальные свойства, что, собственно, и является магистральным путем науки.

2. Законы теперь становятся одним из ряда средств анализа. И, стало быть, если они перестанут претендовать на «гегемонию» в исследовании исторического процесса и тем более истории, отношение к ним должно измениться. Тем самым вопрос об использовании законов превращается из априорного спора об их свойствах в вопрос об их преимуществах или недостатках в каждом конкретном случае. Разумеется, при внедрении в практику необходимости доказывать обоснованность выбора тех или иных теоретических средств появляется надежда обнаружить и четкие общепризнанные критерии такого предпочтения. А отсюда прямой путь к поиску общего и особенного в разных теоретических и

методологических инструментах, что должно их сделать более точными и тонкими.

Таким образом, принятие тезиса о бесконечности законов (и ему аналогичных) неизбежно требует от нас окончательно расстаться с надеждой раз и навсегда решить основные проблемы, то есть отказаться от своего рода идеи «вечного двигателя» в общественном знании, и в то же время заставляет искать пути сближения различных теорий и аспектов, что открывает исключительно важные перспективы.

3. Образуется как бы некий концептуальный симбиоз, в котором онтология, гносеология и методология, особенно на высоких уровнях обобщения, не просто сближаются, но теснейше переплетаются. (Ныне же они и обособились, и противоречат друг другу.) Гносеология при этом позволяет более продуктивно выбирать участки, ракурсы, аспекты анализа и (при отказе от надежды познать «главное») требует от нас гораздо больше внимания обращать на то, насколько ясно и точно мы понимаем и сам процесс познания, и нашу рефлекссию над ним. Это прояснит причины, препятствующие более точному познанию, и заставит искать пути устранения или уменьшения их негативного влияния.

Идея о том, что могут быть разные исходные посылки, точки отсчета, системы терминов и прочее для описания одной и той же области онтологии, наряду с некоторыми другими посылками представляет определенную гносеологическую основу для сохранения минимального единства даже в условиях плюрализма. Но последний должен вести не к анархии, а к поиску средств для определения точек единства этих, по Попперу, интерпретаций, чтобы сделать наше знание более точным и адекватным. Однако чего-то существенного в этом плане можно добиться только с помощью методологии.

Отсюда правильная гносеология дает и продуктивную методологию, ибо первая может скорректировать свои положения с практикой только через вторую. В этом смысле методология становится как бы результирующей и гносеологических, и онтологических сторон нашего исследования. Она, образно говоря, играет роль своего рода системы мостиков между многочисленными частными теориями (и относительно главными законами) разного уровня. Таким образом, создается нечто действительно более единое, чем нынешнее сосуществование (причем отнюдь не мирное)

многочисленных и все множащихся теорий. Тем более, что эти знания служат базой для слишком большого числа доктрин разного радиуса действия, которые противоречат друг другу и запутывают любого, кто попытается выйти за их рамки. Но, конечно, это не монолитное объективистское единство, когда из нескольких посылок чуть не априорно выводится все остальное или когда закон, годящийся для определенных случаев, «натягивают» на всю теорию. Мы понимаем, как много искусственного, условного и договорного в наших концепциях, частью неизбежного, частью отражающего слабость индивидуальных знаний или современного уровня науки.

Достижение указанного единства открывает большие перспективы как в области создания частных теорий, только с более ясным пониманием их места в более широкой системе, так и в том, чтобы снять многие проблемы, устранить дублирование, примирить некоторые противоречия, укрупнить или ограничить различные доктрины, — словом, сделать за счет методологии эту область более упорядоченной, но нисколько не подавляя свободу поиска, а лишь облегчая его.

4. Без сомнения, остро требуется структурирование и упорядочение слишком объемного знания, каким предстает даже теория исторического процесса, не говоря уже о всем социальном блоке. Если отказаться от мысли, что общественные законы действуют всегда и везде, то поиск путей для указанной систематизации неизбежно ведет к появлению технологий, дающих действенные и общепризнанные средства анализа идей и теорий. Важнейшим среди них, по моему мнению, может стать необходимость точно определять место и случаи применения теории и проверка этих заявок. Ведь как справедливо говорят некоторые аналитики, концепции лишь тогда могут быть фальсифицированы, когда известно, где они применимы. Другой ведущий принцип проверки и отбора идей связан с тем, насколько удобно переходить от этой системы отсчета к остальным, насколько удастся интегрировать ее в общее знание.

5. Таким образом, теория исторического процесса превратится из чистой онтологии в значительной мере в методологическое обоснование набора теоретических средств, с помощью которых мы можем сформулировать знания о его основных направлениях, тенденциях, измерениях, этапах, движущих силах и т. п., что позволит

гораздо легче решать более частные проблемы теории истории и анализа современности. Соответственно изменятся во многом и проблематика и техника исследований.

Необходимость же для исследователей точно и ясно описать, где, как, в каких случаях и с какими ограничениями применимы их идеи, ведет к тому, что первый этап такой работы по проверке истинности и ценности концепций вынуждены будут делать сами авторы, одновременно указывая, как их выводы вписываются в общее знание. Тогда и критика будет более продуктивной. Это избавит социальную науку хотя бы от части лишних споров, ненужной траты сил и массы абсолютно пустых и внутренне противоречивых работ, авторы которых даже и не думают над тем, зачем и для чего они пишут. Они просто пользуются тем, что в обществоведении нет ясных методов проверки теорий, что все привыкли к тому, что можно писать едва ли не то, что приходит в голову, не затрудняя себя хотя бы элементарной логикой.

6. Таким образом, общественная теория станет намного более объемной и в то же время более внутренне связанной, ибо отпадет необходимость в создании и отбрасывании огромного множества идей и теорий, из которых становятся известными лишь немногие и часто совсем не самые удачные. Ибо «естественный отбор» в условиях отсутствия четких методов проверки верности и важности концепций сводится к победе тех, кто имеет больше возможностей для рекламирования или занимает лучшие места в науке, кто сумеет создать больше эффектной шумихи вокруг своей работы. Масса теорий, которые сегодня оказываются неизвестными или невостребованными, смогут служить, если найти им сферу точного применения, показать, как они вливаются в общее знание, и т. п. Естественно, что это изменит продуктивность общественной науки и вообще ее роль. Есть также надежда, что в ходе такой работы многое может быть конвенционализируемо, чтобы уменьшить хотя бы терминологическое дублирование и чрезмерную многозначность терминов.

Таким образом, от противоположности абсолютного универсализма или от полного отказа от поиска общего мы переходим к работе над относительным порядком и единством как внутри крупных блоков нашего знания (типа теории исторического процесса), так и между ними. Последнее и позволит точнее увидеть

границы между этими областями и понять условность всяких границ. И все же при столь высокой степени относительности невольно закрадывается сомнение: а не «является ли вера в научный метод только суеверием ученого, свойственным тому виду игры, в котором он участвует?»⁵⁰. Как же здесь не запутаться и не впасть в крайний релятивизм?

Во-первых, надо уточнить принципиальное соотношение между областью наших интересов в целом и теми системами координат, которые мы строим для определенных целей внутри нее. Риккерт говорил, что мы нуждаемся в чем-то вневременном для того, чтобы придать временному историческому процессу объективный смысл. Сам он, как известно, пытался решить эту проблему за счет понятия ценностей, в том числе за счет разработки всеобщей системы ценностей. Конечно, «вневременное» в качестве опоры при рассуждениях необходимо, но, мне думается, нет возможности (а в общем-то и нужды) считать его вечно неизменным. И для «вневременного» также есть своя система координат, то есть оно будет константой только по отношению к чему-либо, что существенно меньше его по объему и охвату. Примерно так, как Земля есть нечто постоянное ко многому, находящемуся на ней, но это не значит, что она вечна и неизменна в принципе. В нашем случае пока есть исторический процесс (или — если оспаривать это понятие — некий непрерывный поток исторических, т. е. преходящих событий) и пока есть непрерывная традиция попыток понимания, осмысления и объяснения этого процесса, есть и масштаб «вневременного», с которым мы можем связывать меньшие системы координат.

Во-вторых, история науки показывает, что ни в коем случае **не следует проводить какой-то принцип до его абсурдности**. Так, скепсис в отношении возможности познания переходит в агностицизм, а то и солипсизм. Так, идея опираться только на факты преобразуется в концепцию отказа от крупных обобщений. Так, верная мысль об особенностях познания истории перерастает в концепцию невозможности исследовать ее теоретическими средствами.

Важная проблема философского языка искажается требованиями отказаться от философской проблематики как якобы метафизической.

⁵⁰ Рассел Б. Человеческое познание. М., 1957. С. 348.

Стремление к выявлению структурных свойств и постоянств дошло в развитии структурализма до чрезмерного занижения роли субъекта⁵¹. И т. п. вплоть до сегодняшнего постмодернизма, который во многом правомерные утверждения об «исторической относительности и зависимости любой истины и любого знания от языка и культуры»⁵² довел до абсурда. В результате в принципе разрешаемые проблемы неоднозначности смысла и интерпретаций текстов и необходимости самоанализа историка над собственным творчеством переросли в едва ли не полный отказ от признания истории как реальности, существующей вне дискурса (и нашего сознания), и отсюда в попытку стереть грань между литературой (т. е. вымыслом) и историографией, т. е. фактами, хотя бы в той или иной степени и спорными⁵³. Впрочем, по сути, отрицаются и сами различия между фактами и вымыслом на основании того, что в отдельных случаях между ними действительно сложно провести границу.

Мне кажется, что в какой-то мере постмодернизм есть одна из реакций на ускорение темпов развития, в результате которого все элементы общественной системы находятся в движении и развитии,

⁵¹ См. об этом: Шандыбин С. А. Ук. соч. С. 182—183.

⁵² Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 341.

⁵³ Это новый этап давнего спора по поводу ее назначения. Один из современных авторов пытается найти баланс между разными ролями истории. Он пишет, что попытки, делавшиеся в XX столетии, представить историю либо как форму науки, либо как форму литературы, совершенно ошибочны. История — это не концепция, а деятельность особого рода. И первая задача философа в его трактовке — осознать специфическую природу этой деятельности в ее всестороннем значении. Он полагает, что история лучше понимается как бесконечная дискуссия, составляющая важную часть продолжающегося диалога человечества (Stanford M. An Introduction to the Philosophy of History. P. VIII). Однако хотя в зависимости от целей исследователя та или иная из задач историографии может выходить на первый план, мне кажется, что все же в общем смысле научная функция должна преобладать. Ведь легко представить историю, изложенную сухо, с обращением к расчетам и формулам. Но представить ее игнорирующей факты, просто как полет фантазии — невозможно.

В приведенном высказывании затронута также важная функция истории — идеологическая, ибо деятельность, о которой идет речь, безусловно, связана с обретением и сменой идеологий (в широком смысле слова). И эта функция тем значимее, чем выше уровень обобщения. Там, где факты имеют более научную форму проверки и тем самым приобретают особую доказательность (например в археологии), там она менее существенна. Поэтому указанная функция в целом не является специфической для истории. А вот опора на факты (при всей дискуссионности этого понятия), стремление наивернейшим способом их подтвердить и сгруппировать, была, начиная с момента достижения зрелости историографии, и остается наиболее **специфической** ее частью, без которой она как особая **деятельность** исчезает. Разумеется, характер источников, скудость или обилие фактов и многое другое диктуют свое историку, но это уже иной вопрос.

поэтому в каждый момент они становятся заметно не равны сами себе. И сознание никак не успевает их идентифицировать, дать им четкую характеристику. Поэтому начинает казаться, что объективность вообще уходит. Бесспорно, постмодернизм нанес сильный удар по объективизму, остро поставил ряд эпистемологических проблем, сделал лингвистический анализ «исторического нарратива» дополнительным мощным инструментом познания. Но как идеология, как позитив на перспективу он ничтожен. Это путь в мелкотемье, эпигонство, эстетство, формализм и декаданс. Поэтому не могу удержаться, чтобы не привести цитату, разоблачающую бесплодность этого течения. Это «квазинигилистическое отрицание всех и всяческих форм «тотализации» и «метаповествования» — любых устремлений к интеллектуальному единству, цельности или всеобъемлющей связности — и само-то представляет собой позицию вовсе не безупречную, поскольку, основываясь на собственных же принципах, она, по сути, способна оправдать себя ничуть не больше, чем все те метафизические построения, против которых постмодернистское мышление и ополчилось... Собственно, единственным постмодернистским абсолютом является критическое сознание, которое, разложив все и вся на части, по-видимому, следуя своей же логике, неудержимо стремится совершить подобную деструкцию и с самим собой. Таков шаткий парадокс, на котором и балансирует все постмодернистское мышление»⁵⁴.

Итак, мне крайне не хотелось бы, чтобы указанный тезис о неограниченном числе законов восприняли так, чтобы довести его до крайности. **Принципу следуют до разумных пределов.** В природе и реальности вообще нет абсолютно чистых вещей и явлений, и в них всегда есть что-то от противоположности. Есть обычно также пограничные, переходные и иные ситуации. В нашем случае необходимо констатировать, что хотя мы приходим к идее о неограниченном числе относительно главных законов, но **на пути этой неограниченности встает много практических ограничений.**

Во-первых, ясно, что какие бы объемные обобщения мы ни делали, все равно мы всегда постигаем только часть реальности либо видим ее сразу лишь в одном измерении из многих. И, следовательно,

⁵⁴ Тарнас Р. Ук. соч. С. 341.

основное большинство законов нас мало интересует⁵⁵. А в каждой выбранной нами системе координат (аспекте, ракурсе, области и т. п.) количество главных законов многократно уменьшается по сравнению с их общим числом.

Во-вторых, целый ряд моментов продолжает уменьшать и число относительно главных законов в уже избранной нами системе координат. Это связано и с практическим удобством, и с общественной потребностью, и с актуальностью самой проблематики, и с уровнем наших знаний.

В-третьих, на отбор относительно важных законов будет очень сильно влиять соответствие формулированных или избранных законов общепринятым фактам и логике. Ибо тут не может быть речи о свободе от них, тут нельзя сочинять «кентавров». Если о законах можно говорить, что они не объективны, то реальность-то объективна. Поэтому расхождения обобщений и фактов должны быть постоянными моментами истины и источниками тревоги, пунктами, от которых начинаются все новые попытки разрешения этих проблем, в том числе и путем уточнения сферы приложения данного обобщения или закона.

В-четвертых, поскольку перед нами встает задача, **как конечными и ограниченными средствами изобразить бесконечное**, мы сортируем законы по их потенциям, удобству применения, объяснительной силе и т. д.

Таким образом, при выборе относительно главных законов (как и других теоретических средств) можно руководствоваться рядом правил. Назовем только некоторые из них: а) правило соответствия законов задачам, поскольку изменение масштабов, объемов, границ и т. п. может потребовать изменения числа или иерархии законов; б) правило экономии средств, в частности, достаточного минимума средств для решения задачи; в) правило отсутствия (минимизации) опровергающих фактов; г) правило удобства использования и легкости интеграции в общую концептуальную систему. Соответственно, чем органичнее закон в нее вписывается и чем

⁵⁵ Эту многомерность можно увидеть и в малых масштабах. Например, Гемпель совершенно справедливо говорит, что полное объяснение какого-либо исторического события (то есть объяснение во всех мыслимых аспектах и следствиях) невозможно. Поэтому он уточняет: «Индивидуальные же события, в принципе допускающие их объяснение охватывающими законами, то есть события, описываемые утверждениями, можно принять за *частные аспекты или факты конкретных событий*» (Гемпель К. Ук. соч. С. 80).

меньше перемен в ней влечет, тем, при прочих равных условиях, он полезнее, а сама схема — ценнее; д) правило максимального охвата спорных моментов, когда новое положение «примиряет» стороны антиномии или находит место для ряда дискуссионных точек зрения. В этой книге такие попытки делаются постоянно, и в данной главе тоже. Естественно, что ни эти правила, ни принципы не должны рассматриваться как догмы.

При таком подходе множество «законов» отпадает или попадает в адекватное им поле. Следовательно, «бояться» утверждения о бесконечности числа главных законов нет причины. Ведь действуют многочисленные ограничения, а при большем внимании к этим методологическим проблемам возникнут и достаточно четкие правила отбора⁵⁶.

Итак, очевидно, что на практике **число главных законов** в какой-либо области знания или для решения той или иной задачи **ограничено, но строго не зафиксировано**. И это последнее крайне важно, поскольку надо всегда оставлять место для новых открытий, уточнений, обобщений, изменения угла зрения и т. п., в результате чего комбинация относительно главных законов может измениться. Жестко определять число главных законов почти то же, что строго ограничить число главных событий для исследователя какой-то эпохи. Разумеется, часть таких событий ясна и лежит на поверхности. Но по мере углубления в проблему становится видно, как одни события переходят в другие, как они соединяются или дифференцируются в зависимости от точки зрения и аспекта, как неожиданно выходят на авансцену новые, до того остававшиеся в тени.

Тем более, это касается теории исторического процесса, уровень обобщения которой для относительно главных законов выше базового (т. е. такого, в котором их число мало, а действие соответственно заметнее). Здесь их гораздо больше и они активнее переходят друг в друга. Естественно, что я и не стремился строго определить количество главных законов для данной теории, ибо это было бы метафизикой. Но если бы вопрос был поставлен жестко, то, помимо двух названных (формационного развития и

⁵⁶ Если корректно, можно привести такой пример. Хотя обычно конституция говорит, что президентом может стать любой гражданин, на практике у абсолютного числа людей нет никаких шансов стать им. А из ряда претендентов в конце концов остается один, хотя бы порядок его выборов и вызывал нарекания.

неравномерности), я отметил бы еще те, без которых, мне думается, вообще невозможно в целом описать и смоделировать исторический процесс: закон ускорения развития и сближения обществ; законы близости к генеральной линии и формационных сходств по горизонтали; закон соответствия формационных характеристик (о всех них пойдет речь в следующих параграфах). Но, во-первых, формулировки этих законов могут меняться, и их можно укрупнять и разукрупнять. Во-вторых, связь и взаимодействие между законами весьма велики, поэтому и границы между ними достаточно относительно и подвижны. В-третьих, есть и еще целый ряд законов, без которых очень важные моменты исторического процесса не объяснить⁵⁷. В-четвертых, надо помнить и о том, что между принципами, постулатами, законами и категориями нет жесткой границы, и они могут быть представлены друг через друга.

Таким образом, в конечном счете мы сами определяем минимально необходимое количество относительно главных законов, в то же время отдавая себе отчет: а) это число может быть изменено под влиянием различных важных причин, например изменения наших знаний; б) по мере спуска к более конкретным или боковым задачам главность законов и их иерархия в этом плане могут (и даже должны) меняться.

В результате, если мы систематизируем законы, определим их типы и прочее, то увидим, что чем больше их сформулируем, тем ближе они окажутся друг к другу, тем сильнее будут налагаться друг на друга, дублировать друг друга, тем более густая получится «сеть». Мы же определяем нужный нам «размер ячейки». При этом станет ясно, где и когда такие законы можно укрупнить, например объединить противоположные тенденции или сходные явления в разных подсистемах в один закон, либо, напротив, разукрупнить его.

Таким образом, рамки действия, область применения законов

⁵⁷ Однако законы, которые относятся только к отдельным периодам исторического процесса, мы в рамках теории исторического процесса не будем рассматривать как главные, хотя именно им противники исторических законов и делают обычно «скидку». Так, скажем, З. Джорден говорит, что законы, специфичные для определенных формаций, еще, возможно, поддаются научному анализу и проверке, общесоциологический же закон смены формаций якобы принципиально непознаваем с помощью такого анализа (см.: Черняк Е. Б. Дискуссии об узловых теоретических проблемах всемирной истории//Современная зарубежная немарксистская историография (критический анализ). М., 1989. С. 35). См. также: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 213.

различны и определяются разными моментами. И от исследователя потребуется известное напряжение, чтобы с нужной степенью точности определить эти границы. В этом ему способны помочь уже некоторые предварительные методологические правила, которые я изложу тезисно.

А. Надо подобрать к закону, так сказать, ему обратный, противоположный, чтобы создать полную картину.

Б. Следует рассмотреть те события (явления, факты и прочее), которые мы относим к выделенному закону, в разном контексте. Разумеется, на первых порах мы владеем не всеми, а только частью из них, но и этого было уже достаточно, чтобы сделать первона чальную формулировку закона. Поместим эти события в то, что я называл «спектром качества», т. е. поставим их как бы в один ряд по избранному качеству. Нам, вероятно, удастся добавить в него и дополнительное количество единиц аналогичных в избранном аспекте явлений. Затем поместим эти события в прямо противоположный им ряд. Тогда мы легче увидим и истинный масштаб различий между крайностями, и единство этих противоположностей, а также область переходов между ними.

Теперь станет яснее и объективность, и условность выявленного нами качества (свойства и т. п.), а также то, что существуют и некоторые критические точки этого качества, о которых в следующем пункте. Читатель может вспомнить, что нечто подобное мы совершали в отношении понятий государства, этноса, цивилизации и других, и видели, как трудно было определить, например, где начинается собственно государство, а где еще догосударственные (или боковые) явления. Зато в стадии яркости специфические свойства этих институтов и явлений были весьма наглядны.

В. Теперь мы можем и даже обязаны определить целый ряд крайне важных вещей. Во-первых, указать, когда закон проявляется наиболее (или хотя бы достаточно) ярко. Ибо он наиболее интересен для нас именно в моменты яркого проявления.

Во-вторых, выяснить, когда закон не проявляется вообще и когда проявляется с противоположным знаком. Таким образом, мы как бы задаем критические **точки**. Все это позволит нам уже начерно отграничить сферу его действия, ядро и периферию, связь его с некоторыми другими законами. Следовательно, мы уменьшим опасность экстраполяции ярких случаев на неяркие и в то же время,

зная, каковы наиболее зрелые черты, сможем ретроспективно угадать их в самом начале развития.

Г. Теперь мы можем «включить» то, что я называл «реле качества», то есть попытаться определить, в каких случаях яркость проявления усиливается, а в каких — слабеет. Это позволит и уточнить, и проверить формулировки, а также выявить пробелы и по возможности заполнить их.

Д. Очень желательно попытаться составить максимум формулировок, вытекающих из главной, чтобы увидеть картину более полной. Нужно также проследить, как «ведет себя» закон при снижении (повышении) уровня обобщения, изменении аспекта.

Е. Желательно посмотреть, в какой мере совпадает наш закон с другими, которые можно рассматривать как полностью или частично заменяющие или конкурирующие. Следует тщательно сравнить, насколько и в чем он превосходит или уступает им. Тогда станет яснее его ценность (или, напротив, ненужность). Виднее также будут область и границы и случаи его применения.

Ж. Теперь стоит подумать, можно ли совместить наш закон с его «оппонентами» и «конкурентами». И если это удастся, мы увидим все его характеристики как бы более объемно. Это позволит определить его место в общей иерархии законов данной системы координат (и предположительно уже и других систем). Станут также яснее и следствия для общей теории при введении его в систему аналитических средств.

Такой анализ позволит также убедиться, что даже в очерченной нами области изолированное влияние отдельных законов будет преобладающим лишь в определенных случаях. Во всех остальных ситуациях действие анализируемого закона уже во многом затемнено, изменено или обусловлено действиями других законов, а искомое нами качество приходится вычленять из общего баланса сил. Следовательно, необходимо устанавливать характер и степень их взаимодействия: будут ли это взаимоусиливающие, или взаимоослабляющие, или еще более сложные комбинации и сочетания. При устойчивых взаимоотношениях законов, а также из-за трудности их разделения при наложении друг на друга и в ряде других случаев возникает теоретическая необходимость и целесообразность в группировке законов. И возможности такой операции мы рассмотрим в следующем параграфе.

В заключение о том, что выпало из поля нашего внимания, сосредоточенного прежде всего на относительно главных законах исторического процесса. Вполне очевидно, что для работы необходимы и законы меньшей значимости, которые создают для ведущих своего рода фон и среду, и без которых конкретные механизмы реализации главных становятся непонятными или искажаются. Следовательно, требуется создание определенной иерархии законов по важности, которая в зависимости от целей будет иметь больше или меньше ступенек, а также ясное представление о принципах такой иерархической системы.

Я могу сделать лишь несколько замечаний по этому поводу.

Во-первых, надо помнить, что иерархия рассматривается как строгая для определенной задачи, аспекта, концепции. Так, если в теории исторического процесса мы выделяем относительно главный закон для генеральной линии, то в боковых линиях могут быть свои особые законы. В общем плане они рассматриваются как неглавные, но при сужении исследования именно боковыми направлениями истории начинают представлять уже относительно главными.

Однако, чем постоянное какие-то выводы в науке, тем важнее и выведенный иерархический порядок и тем большую объективность он приобретает.

Во-вторых, исходя из правила достаточности, даже неглавных законов не должно быть слишком много. Ведь как сказано, их роль — оттенять, дополнять, развивать и конкретизировать главные. Кроме того, они находятся как бы в резерве, чтобы при изменении иерархии занять место последних. Естественно, что в этом случае они сами потребуют «свиты» неглавных, каковыми станут частью те, которые вообще не были задействованы, частью прежние главные.

В-третьих, надо различать измененные при переходе на иные уровни или для особых случаев формулировки относительно главных законов при переходе и сопутствующие им неглавные законы. При этом последние иногда и сами трансформируются при смене уровня, а иной раз имеют смысл лишь при строго определенных условиях.

В-четвертых, не следует забывать, что переход с базового для относительно главных законов на, условно говоря, более чем один уровень, скорее всего повлечет и смену иерархии законов. Иными словами, если базовым мы называем уровень важных аспектов и задач (типа периодизации исторического процесса), охватывающих весь

процесс (или основную его часть), то переход на одну ступеньку: уровень исторического процесса в целом, или, напротив, одной формации — еще во многом сохраняет базовую иерархию. Дальнейшее же движение вверх или вниз ведет к ее изменению. Так, если мы работаем лишь в рамках части формации, то относительно главными начинают выступать уже внутрiformационные законы.

§ 3. Группировка законов*

Данный параграф посвящен некоторым операциям по систематизации законов, что становится совершенно необходимым, раз мы принимаем идею о неограниченности их числа. Здесь частично будут использованы процедуры классификации и типологии. Правда, общепринятых четких различий в значении этих понятий нет. Поэтому сразу оговорюсь, что под типом закона имеется в виду некое сходство или особая важная черта законов, которые существенны для их понимания и применения. Другими словами, акцент сделан в сущностную (качественную, онтологическую) сторону. Например, законы стабильности отличаются от законов развития прежде всего в этом плане. Напротив, при классификации большее внимание уделено

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1—6; 1998. № 16.

форме, объему, уровням и т. п., то есть методологической и гносеологической сторонам. Так, мы можем выделить классы законов большего или меньшего, чем теория исторического процесса, объемов; более фактические и более методологические и т. д. Однако слишком большого значения таким различиям придавать не нужно уже потому, что никакой закон (тем более крупный) обычно полностью не укладывается в одно измерение, а законы, принадлежащие к одному классу, могут быть разных типов, и наоборот. Кроме того, абсолютно чистых качеств нет, поэтому у каждого закона можно обнаружить, пусть в небольшой степени, черты прямо ему противоположного. А есть и много промежуточных вариантов. Тем не менее при правильно заданных параметрах принадлежность закона к какому-либо множеству может существенно прояснять те или иные его смыслы.

Будет использована и процедура, по которой назван весь параграф, — **группировка**. Она удобна для объединения законов, которые либо действуют совместно, либо в познавательном плане связаны так, что одно вытекает из другого (цепляет, подпирает его и т. п.). Однако и это деление не стоит абсолютизировать. Законы никак не укладываются в одно измерение, и поэтому «членство» их в одной группе не препятствует одновременному вхождению в другие. Очевидно также, что принадлежащие к одной группе законы могут относиться к разным типам и классам.

Необходимость такой операции вытекает из предыдущих выводов. Мы выяснили, что базовый уровень законов — значительные аспекты и задачи теории исторического процесса. Когда же эти последние объединяются в еще более крупные секторы, то мы не можем уже ограничиться единичным (отдельным) законом. Требуется более крупные аналитические средства, которыми могут выступать, хотя, конечно, и не во всех случаях, **группы** или **блоки** законов¹. Группировка имеет важное значение. Ведь при неограниченности числа законов анализировать их в блоках значительно легче, к тому же внутри группы всегда можно сделать тот или иной акцент. При такой

¹ Слова «группы» и «блоки» в таком контексте употребляются как синонимы. Группировка законов бывает нужна не только при укрупнении объема, но, например, при решении проблем, находящихся на стыке двух аспектов. Для определенных задач можно иногда какие-то крупные законы приравнять к целой группе.

процедуре нередко открываются и новые пласты смысла законов, а также становятся более наглядными такие идеи, как:

условность выделения того аспекта реальности, который охватывается отдельными законами;

очень тесная связь, даже, точнее, наложение, частичная неразделенность «территории», регулируемая разными законами.

Нередко между законами после объединения их в группы удастся установить особые и даже новые соотношения. Например, относительно некоторых характеристик общественно-экономической формации будет верным: *при ускорении темпа развития исторического процесса формационный цикл по времени сокращается, но пропорции между фазами цикла в основном сохраняются*². Или: *чем сильнее сближение обществ в общечеловеческом масштабе, тем меньше вариантов развития имеет формация и относительно понятия генеральной и боковых линий развития*. В подобных случаях законы также могут приобретать вид одной части (переменной, члена) такого соотношения. И тогда даже вполне очевидные получают более глубокий смысл. Например, сопоставляя законы стадийного (формационного) развития и неравномерности, можно сказать, что *в результате перехода на новую стадию (и далее внутри одной стадии при переходе с одной ее фазы на другую) могут (а то и должны) меняться лидеры и аутсайдеры, перспективные и тупиковые линии развития*.

В связи с вышесказанным необходимо рассмотреть соотношение отдельного закона и их группы. В данной главе я делаю попытку уйти как от крайнего преувеличения роли законов, так и от скептицизма в отношении их. Для этого среди прочего показываю, что невозможно и неверно рассматривать влияние законов как сил, изолированных и равномерно действующих в пространстве и времени. Но это не значит, что закон нельзя представить как **в принципе вычлняемую** часть совокупной силы, которая воздействует на исследуемые объекты и явления и дает определенный результат. При таком подходе указанная совокупность перестает быть иррациональной, таинственной и

² О пропорциях между фазами цикла мы поговорим в соответствующей главе следующего раздела.

непознаваемой (либо примитивно простой), а в гносеологическом плане выглядит как структурированная, разложенная на составляющие, а значит, более познаваемая³. Таким образом, очевидно, что глубже понять отдельный закон удастся лишь в более широком контексте. Ведь законы, объединенные между собой в какую-то систему и, следовательно, находящиеся в более тесной близости между собой, располагаются уже в порядке относительной важности и занимают более определенное место. В конце прошлого параграфа я говорил об относительно главных крупных законах исторического процесса. Их, безусловно, можно представить как отдельные и изолированные, однако при их разворачивании и приведении доказательств возникает неизбежная необходимость привлечь, фактически подпереть их целым рядом других законов. В результате они начинают столь тесно взаимодействовать, что для ряда ситуаций производительнее признать: *налицо группа законов*. Центральную роль в ней будет играть закон, который притягивает к себе большее число остальных. Однако при иных аспектах таковым способны стать и другие. В этом случае меняется не столько состав группы, сколько ее иерархия и структура. Это совершенно естественно⁴. Поставив на место центрального другой, мы лишь придали группе иной вид. При этом нередко открываются дополнительные смыслы. И так можно прийти к более емким формулировкам, в которых отдельные законы будучи как бы одной частью общего выражения.

Но, разумеется, закон можно и должно исследовать и изолированно, если не забывать об ограничениях такой процедуры. Ведь хотя яркое и преобладающее влияние какого-либо закона — явление более редкое, чем смешанное

³ Известный экономист Альфред Маршалл говорил, что людей надо предупреждать о всех возможных значениях при обсуждении действия какой-либо одной причины, чтобы отделить ее от других, эффект действия которых смешивается с ней (Cart E. H. What is History? N. Y., 1961. P. 116).

⁴ Можно вспомнить, что в любом физическом законе, выраженном в формуле, задействовано сразу несколько понятий, но центральным, привычным, стационарным будет определенный вид выражения. Например, $I = U/R$.

Но формула этого же закона Ома для участка цепи изменится, если на место I мы подставим U ($U = IR$). Однако любой угадает его. И поскольку значения тесно связаны, мы всегда можем вернуться к тому или иному варианту.

трансформированное другими силами, для ряда случаев именно оно наиболее интересно. Ибо, когда удастся понять, при каких условиях оно наиболее существенно, хотя бы в реальности подобный эффект был очень редким явлением, появляется и шанс (пусть даже теоретический), что можно будет, шаблонно выражаясь, поставить их себе на службу. А это, собственно, и составляет цепь познания законов.

И еще несколько замечаний, прежде чем перейти к непосредственной задаче параграфа. Здесь перечисляется много законов. Это создает известные трудности. С одной стороны, я выступаю против абстрактных формулировок, за которыми неясны смысл, сфера и ограничения действия, набор определений, методика разворачивания, координаты приложения и прочее, что и делает закон действительным и действенным средством анализа. С другой — естественно, что я не могу описать у каждого из них не только все эти характеристики, но и просто уделить специальное внимание⁵. С разной степенью полноты это будет сделано в следующих параграфах, но только в отношении нескольких законов. Об иных же вообще сложно говорить до того, как читатель познакомится с последующими главами. Но, думаю, несмотря на вынужденную краткость, само обилие приводимых законов и их комбинаций должно сделать более наглядной идею о неограниченном числе относительно важных законов⁶.

Тщательный анализ законов исторического процесса — это тема большого, может быть грандиозного, исследования. Моя задача скромнее. Помимо общих методологических установок,

⁵ Для удобства и чтобы избежать громоздкости во фразах, даже не везде используются полные названия законов.

⁶ Эта множественность вариантов (и бремя обоснования выбора для исследователя) становится видна даже в рамках какого-то одного важного метода исследования, стоит только отказаться от объективистского подхода и соответственно «от обобщений, необходимо содержащих не исторические элементы» (Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках // Философия и методология истории. М., 1997. С. 157). Например, Теодор Шидер говорит о новой форме сравнительного метода в историографии и теории истории — синтетическом сравнении, когда «целое конструируется из частей, имеющих свои характерные особенности». Эта форма «обнаруживает **почти неисчерпаемую способность** конструирования синтетических совокупностей исторической жизни, коль скоро нам даны простые единицы государственно-исторического или национально-исторического характера» (Там же. Выделено мной. — Л. Г.). Стоит особо отметить, что статья Шидера выгодно отличается от многих других сознательным стремлением определить область и условия применения разных вариантов сравнительного метода, что отражено и в названии статьи.

постараться рядом замечаний и иллюстраций показать читателю возможности и ограничения использования законов при анализе исторического процесса; тем самым создать плацдарм, который позволит в дальнейшем аргументировать некоторые идеи.

Существует много параметров, по которым можно делить законы. Начнем с классификации. Продолжим мысль о том, что их можно разделить на те, которые легче обосновать с помощью фактических доказательств, и те, которые доказать просто подбором определенных фактов гораздо сложнее, а то и вовсе нельзя. Первые удобно назвать **фактическими** законами, вторые — **методологическими**.

В качестве примера первого класса назовем законы ускорения исторического развития и все большего сближения обществ. Факты в их реальности и наглядности привести нетрудно. Они, можно сказать, лежат на поверхности. Иное дело, как сформулировать и конкретизировать законы, определить сферу их действия, какие выводы сделать.

Примеры второго класса — законы стадийного (формационного) развития или близости к генеральной линии исторического процесса. Как, скажем, доказать, что исторический процесс развивается по формациям, учитывая его непрерывность? Ясно, насколько спорными выглядят аргументы. Разумеется, трудности не означают, что рассматриваемый закон неправилен, но поскольку он связан с удобством и эффективностью дробления неразрывного и выбора приоритетов для этого, то становится продуктивным средством познания лишь в результате определенного видения исторического процесса. А значит, является более (или даже преимущественно) **методологическим**.

Конечно, и здесь необходимы фактические доказательства. Но чтобы они приобрели нужную убедительность, а масса противоречивых и необъяснимых фактов перестала закрывать нам перспективу и заняла бы достаточно понятное место, прежде необходимо построить целый ряд теорий и концепций. И только избрав определенные исходные посылки и категории-локомотивы, мы более ясно увидим стадии-циклы, движущие силы и логику их движения и смены, а также повторяющиеся моменты в каждой из

них. Аналогично и с близостью к генеральной линии. Сначала надо доказать возможность ее выделения, правомерность объявления таковой именно данной, и лишь тогда станут ясны законы, вытекающие из подобной процедуры.

Таким образом, можно сказать, что *фактические законы позволяют яснее и четче выделять их собственный аспект исторического процесса, а методологические более годятся на роль интегрирующих в группе или даже более широком объединении — системе соподчиненных законов*. Но различия эти не абсолютны.

Законы можно классифицировать и по объему их действия. Одни относятся только или главным образом к историческому процессу, порой лишь к основной его части (например законы близости к генеральной линии). Но поскольку исторический процесс — это часть всемирной истории, то так или иначе они применимы и к теории истории. Другие будут в разной мере (иногда почти одинаково) применимы как в теории истории, так и в социологии истории⁷. К последним относится тип законов соотношения (внутри которого можно выделить много подтипов⁸). Они помогают выяснить, каким образом соотносятся те или иные сферы общественной или более широких систем, и показывают причины развития, поскольку «зазоры» между подсистемами — один из важнейших факторов развития. Мы достаточно подробно разбирали такие законы в рамках общественной системы на примере соотношения базиса и надстройки, бытия и сознания, видели, какие средства могут быть для этого использованы (например последовательное уменьшение системы координат «матрешка», составление модели цикла по

⁷ Что же касается философии истории, то здесь есть, конечно, законы, действующие лишь внутри этой области. Но поскольку философия истории стремится в какой-то мере интегрировать ряд наук, связанных с осмыслением истории, то многие ее законы и имеют прежде всего такую направленность. Те ее сферы, которые определяют соотношение сознания (познания) и реальности, то есть гносеологические, относятся ко всем областям, связанным с историей. Ведь и само понятие законов, применительно к обществу и истории, невозможно без философского обоснования. То же касается и методологии. К теории исторического развития и теории истории относятся, конечно, эволюционные законы, законы прогресса, движущих сил и др.

⁸ Многие из них уже достаточно исследованы, в частности те из системных законов, которые относятся к данному типу.

фазам и др.). Среди законов соотношения указанного уровня можно выделить и более тесную часть — законы соответствия, к которым относится и знаменитый закон соответствия производственных отношений производительным силам.

В теории исторического процесса мы ведем речь уже о формационном уровне, следовательно, имеем дело с законами соотношения (соответствия) формационных составляющих, то есть с более абстрактными соотношениями. Некоторые из них мы видели в предыдущей главе, когда говорили о том, что в формационном масштабе возникает временной лаг между изменениями в производстве и духовной сфере, а подробно рассмотрим их в следующем разделе.

В теории исторического процесса конкретно-общественный уровень значимее, когда речь идет об обществах-первопроходцах, которые находятся наиболее близко от генеральной линии. Здесь граница между уровнями становится более зыбкой. В историческом материализме, кстати сказать, когда приводили примеры соответствия общей теории и конкретной истории, брали именно такие общества. При переходе от одного уровня к другому вообще и в данном моменте в частности необходимо использовать типы законов целого-части, которые облегчают понимание сопоставления исторического процесса в целом и отдельных обществ.

На примере законов соотношения (соответствия) видна условность деления вообще и на типы в частности. Так, все законы можно делить на **типы законов стабильности и развития**. Но законы соответствия, например, производственных отношений и производительных сил, в разных своих фазах могут относиться то к одному, то к другому типу. Особенно это заметно в доиндустриальную эпоху. При аграрно-ремесленном хозяйстве достижение определенного соответствия между этими подсистемами позволяло многим обществам и цивилизациям жить в условиях производственной стабильности целые века. Естественно, что на первое место в такой ситуации часто выходили политические (в том числе войны), религиозные и другие моменты. Переворот в производстве (например промышленный) вызывает разрыв в уровнях производительных

сил и распределительных отношений. А когда одна подсистема вырывается вперед, стремление другой к соответствию перерастает в источник развития⁹. Таким образом, абсолютизация каких-то делений создает предпосылки для абсолютизации тех или иных различий, что подрывает возможность исследования исторического процесса в единстве, общими законами и категориями, но проявляющимися по-разному на разных его стадиях или при разных линиях развития¹⁰.

Законы стабильности в некоторых моментах сходны с законами круговорота. Вместе они образуют множество, которое можно назвать законами полного повторения (воспроизводства)¹¹. Ведь они повторяют свои основные, качественные моменты, по которым мы их узнаем, без больших, серьезных изменений. Только первые эти свойства и отношения поддерживают постоянно (и поэтому к ним можно отнести многие системные законы, поскольку в обычном состоянии система стремится именно к стабильности и должна гасить возникающие в ней несоответствия), а другие имеют своего рода круговорот, где, несмотря на отдельные перемены, новые циклы в основном повторяют прежние. Примеры тех и других мы легко находим в истории. Некоторые общества или институты умудрялись воспроизводить себя в своих главных чертах сотни и тысячи лет. В древности и средневековье в тех или иных моментах хорошо также

⁹ Но это развитие особого типа, отличное от того, как оно трактовалось эволюционной теорией. В понимании развития прежде всего как постепенного, медленного, незаметного накопления изменений, ведущих в конце концов к качественному преобразованию объекта, были одно временно и сила, и слабость эволюционистов прошлого. Как отмечал один из исследователей начала XX века, подобный подход давал им преимущество перед старым взглядом, старой верой в Творение (см.: Teggart F. J. *Theory and Processes of History*. Berkley and Los Angeles, 1941. P. 140). Переход от недостаточно научного к действительно научному взгляду был силой. Слабость же заключалась в односторонности представлений о развитии, в недоучете существования разных его типов, следовательно, в умалении роли скачков, рывков, бифуркаций и прочего.

¹⁰ Так, некоторые исследователи, признающие важное, даже определяющее значение развития производства сегодня, отрицают такую роль для доиндустриальных эпох в принципе. Отсюда идея о якобы совершенно отличных законах развития для разных цивилизаций, определяемых только им присущим духом, потенциями или вовсе чем-то мистическим. Между тем указанная зависимость общества и цивилизации от характера производства (в том числе географической среды) существовала всегда, но действие закона не было столь ярким и значимым, точнее, было таким лишь в отдельные моменты.

¹¹ К ним можно также отнести законы развития по программе, но до определенного потолка, то есть по своего рода генетическому коду.

наблюдался и круговорот¹². Например, фазы централизации — децентрализации; укрепления роли государства в регулировании хозяйства и обобществлении средств производства — ослабления этой роли и приватизация «большими людьми» земли¹³; состояния мира — войны между соседями в течение длительного времени, особенно между кочевыми и оседлыми обществами, и т. п. Но и те и другие законы, как я уже неоднократно говорил, менее интересны для теории исторического процесса, более — для теории истории, и еще более — для социологии истории.

Возвращаясь к мысли об условности деления, отметим, что в истории все же любой цикл, любое повторение несло в себе какие-то изменения, совокупная важность которых видна в ретроспективе¹⁴. Поэтому о полном повторении в абсолютном плане говорить не приходится. С другой стороны, хотя граница между «полным» и «неполным» весьма зыбкая, но в этом различии (особенно при заимствовании нового) есть важный смысл и необходимость, и мы к нему еще вернемся.

Законам стабильности, как ясно, противостоят законы развития, среди которых для нас особенно важны законы появления нового, а среди последних особенно — качественного, стадийного нового. Конечно, определение «нового» достаточно сложно. А выделить из него «качественно новое» также является трудной методологической задачей. Это не редкость среди понятий, которые на эмпирическом или конкретном уровне достаточно ясны, но в определении их никак не удастся схватить. Под новым качеством я имею в виду следующие явления, объекты и прочее:

1. Их раньше не было вовсе или у них появились неизвестные ранее функции (либо эти последние слабо использовались); либо благодаря этим моментам, их пертурбациям и прочему изменилась система, в которую они входили, она

¹² Недаром древние, особенно на Востоке, склонялись к «теории» круговорота в общественном развитии, настаивая на том, что ничего нового под луной не бывает, все это уже случалось раньше.

¹³ Если принять концепцию «власти-собственности» на Востоке, то можно было бы сказать, что в таких циклах преимущество достигалось то властью, то собственностью, однако они всегда составляли симбиоз.

¹⁴ Иоганн Дройзен отмечал, что в противоположность природной форме простого повторения история характеризуется приумножением в себе самой (см.: Гадамер Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 258).

приобрела новые свойства или усилила старые так, что количество перерастает в новое качество, и т. д. Например, древний метод разделения труда приобрел в мануфактуре такое значение, что это способствовало переходу к промышленному производству. Следовательно, иногда «новое» — это неиспользуемое (не так, плохо, не полностью используемое) старое, которое оказалось вовремя под рукой. Недаром же говорят, что, новое — это хорошо забытое старое.

2. Такие вещи всегда есть сочетание большой общественной потребности, необходимости (или хотя бы возможности) и особых сложившихся для их реализации условий¹⁵. Значит, новации в момент их появления неизбежно связаны с какой-то личностью, случаем, ошибками и т. п. Отсюда налицо сочетание поиска решения сиюминутной, конкретной проблемы, с одной стороны, и открывающихся неизвестных (недостаточно, плохо известных) потенций удачно найденных решений — с другой. *Но качественно новое — то, что затем отделяется от этих обстоятельств и может развиваться уже в иных условиях.* Поэтому новшество тем важнее, чем легче оно заимствуется, чем меньше связано с конкретным человеком, местностью, обществом, временем; чем более способно к саморазвитию.

3. Можно подумать и над тем, что обеспечивает ценность новации. Х. Г. Гадамер по поводу идеи Ранке о «подлинно всемирно-историческом действии» замечал, что мерило четкости исторической взаимосвязи — *успех какого-либо исторического действия* (в нашем случае новшества). Этот успех, по его мнению, создает саму онтологическую структуру истории, которая «хотя и без телоса, является телеологической», другими словами, действие становится всемирно-историческим, «если оно делает историю, то есть приносит результат, который придает ему

¹⁵ «Мы видим перед собой ряд следующих друг за другом и друг друга обуславливающих событий. Когда я говорю «обуславливающих», это, конечно, не означает абсолютной необходимости. Напротив, величие состоит в том, что всюду требуется человеческая свобода: история прослеживает сцены свободы, в этом ее величайшая прелесть. К свободе присоединяется сила, а именно изначальная сила; без нее свобода заканчивается, причем как в мировых событиях, так и в мире идей. Каждое мгновение может начаться что-то новое... рядом со свободой существует необходимость. Она заложена в уже сложившемся, непреодолимом, составляющем основу всякой новой восходящей деятельности», — писал Леопольд фон Ранке (цит.: Гадамер Х. Г. ук. соч. С. 252—253).

длительную историческую значимость. Следовательно, элементы исторической взаимосвязи определяются в соответствии с некоей бессознательной телеологией, соединяющей их воедино и исключаяющей из этой взаимосвязи то, что не имеет значения»¹⁶. Если заменить слово «телеология» на историческую эволюцию или — еще лучше — исторические (исторического процесса) закономерности, то с этой мыслью вполне можно согласиться¹⁷. *Ведь для теории исторического процесса это новое качество тем важнее, чем на больший по уровню этап совершается с его помощью переход и чем больше обществ его воспринимает.*

4. Таким образом, нас прежде всего интересуют новации, благодаря которым человечество заметно двигалось вперед. Однако для перехода на новый этап формации, тем более от ее незрелого состояния к зрелому, тем более от одной формации к другой, таких новшеств бывает (и должно быть) не одно, а много. А следовательно, встает проблема, как выявить из многих причин более или менее важные (значимые) и расположить их в иерархии. Соответственно возникает много споров. С одной стороны, для решения указанной проблемы необходимо исходить из общей концептуальной системы. Если в ней мы придаем относительно большее значение определенным моментам (причинам, факторам и т. п.), значит, новация, приближенная к этим моментам, будет важнее прочих. Отсюда я считаю, что *различные изменения, совершенные в рамках отдельных обществ, приобретают разное значение для теории исторического процесса в зависимости от близости данного общества к генеральной линии развития, от востребованности этих новаций другими социальными организмами, а также от исторической ретроспективы*¹⁸.

¹⁶ Гадамер Х. Г. ук. соч. С. 251—252.

¹⁷ Ведь «то, что нечто удастся или не удастся, определяет не только смысл одного этого деяния и обеспечивает ему длительное воздействие либо обрекает на безрезультатное исчезновение — удача или неудача способна сделать осмысленной или бессмысленной целую взаимосвязь деяний и событий» (Там же. С. 251).

¹⁸ Последнее связано с ситуацией, когда нечто, созданное в далеком от генеральной линии обществе, приближается к ней вместе с приближением к этой линии данного общества, сохранившего свою традицию. Так, вместе с быстрым экономическим ростом стран Юго-Восточной Азии вырос интерес к конфуцианству и существенно изменились оценки его исторической роли.

Но, с другой стороны, если некая новация согласно концепции должна быть неважной, не столь важной и т. п., а факты говорят об обратном, значит не все в порядке с нашими идеями. Таким образом, с помощью общей концепции идет постоянное высеивание более важных фактов и событий. И одновременно анализ очевидно значимых, но не вписывающихся в теорию моментов заставляет нас постоянно ее пересматривать и корректировать.

Кроме того, исключительно важно помнить об относительности тех или иных характеристик, о том, что наши утверждения должны быть сделаны в неких определенных рамках, выход из которых осуществляется по определенным логико-методологическим правилам. Тогда удастся избежать многих ошибок и бессмысленных споров.

Теперь мы можем перейти от типологии к группировкам законов (читатель, конечно, обратил внимание, что ни классификация, ни типология полностью не даны). Но прежде отметим, что можно проследить определенную связь между типами законов как более широкого множества и соотносимыми с ними группами законов исторического процесса. Например, тип законов перехода — группа законов формационных переходов¹⁹; тип законов соотношения — группа законов соотношения формационных составляющих; тип законов качественного развития — группа крупных законов развития исторического процесса (неравномерности, ускорения развития и др.); тип законов целогочасти — группа законов соотношения общечеловеческого и обществ-первопроходцев.

В продолжение только что проведенных рассуждений начнем с большой и достаточно многочисленной *группы законов развития исторического процесса*, объясняющих те или иные его черты и аспекты. (Каждый из них и сам мог бы предстать как группа законов несколько меньшего масштаба.) Речь идет о таком развитии, когда нечто, достигая определенного предела, переходит на следующую ступень своего развития, приобретая

¹⁹ Этому типу также соответствуют группы законов перехода системы в другой уровень, в том числе то, что сегодня называют переходом системы из равновесного состояния в неравновесное в точке или моменте бифуркации.

новое, в таком виде неизвестное ранее, качество. И таких ступеней может быть несколько, пока некое явление или процесс вовсе не исчерпают себя, чтобы превратиться во что-то совсем иное, в новое качество особого уровня²⁰. Нередко тут можно обнаружить проявление всех трех законов диалектики сразу.

У процессов, связанных с подобным переходом из качества в качество, полезно, следовательно, искать начало и конец, хотя это всегда относительные вещи. Однако надо помнить, что пока процесс полностью не завершится, при выделении его начала всегда остается возможность ошибки. И «проблема начала, где бы она ни вставала, является в действительности проблемой конца. Ведь конец и определяет начало, как начало конец... Всякое начало — это конец, и всякий конец — начало»²¹. А поскольку «книга истории для каждой современности есть обрывающийся в темноте фрагмент»²², значит, если начало уже достаточно давно идущих процессов еще как-то можно определить (хотя зарождающиеся сегодня явления часто остаются незамеченными), то конец многих процессов либо вовсе не ясен, либо о нем приходится говорить только в самых общих чертах²³. Но с другой стороны, любой процесс должен иметь свой конец, поэтому вести речь о каких-то тенденциях, как о постоянно нарастающих, можно лишь в рамках определенных временных отрезков²⁴. Следовательно, мы обязаны исходить только из известной части процессов. И уже это одно делает относительными многие наши утверждения. Мы вернемся еще в следующем параграфе к этой проблеме на примере понятия формационности.

²⁰ Например, рассматривая процесс образования структур власти, мы можем сказать, что в определенную эпоху появляется государство как совершенно особый институт, затем оно взрослеет, приобретает все новые черты и системность, но в современный период начинает заменяться принципиально иным образованием — надгосударственным. И лет через 50 эта завершенность процесса государственного развития станет самоочевидной.

²¹ Гадамер Х. Г. ук. соч. С. 546.

²² Там же. С. 247.

²³ «Можно предугадать характер широкой исторической тенденции, но предсказать точно те организационные формы, которые она примет невозможно», — справедливо замечает Белл (Белл Д. Постиндустриальное общество // Америка. № 215, сент. 1974. С. 2).

²⁴ «В наши дни такое однозначное представление о линейном характере социальной эволюции и веры в некую ее непоколебимую предопределенность себя уже изжило. История оказалась более непостоянной и непокорной в своей реакции на творчество духа или техники» (Белл Д. Постиндустриальное общество // Америка. № 215, сент. 1974. С. 2).

К указанной выше группе мы относили:

а) **закон стадийного (формационного) развития**, который характеризует исторический процесс как имеющий ряд стадий. Внутри каждой из них развитие идет как бы циклически, а сами циклы имеют определенные черты повторяемости. Такой подход, действительно, во многом помогает структурировать всю теорию исторического процесса. Категория «формация» обстоятельно рассматривается в следующем разделе. Поэтому в этой главе я пока еще пользуюсь терминами «стадия» и «формация» как синонимами, хотя очевидно, что формация — это не просто стадия, а стадия особого типа;

б) **закон все большего ускорения исторического развития обществ и человечества в целом**²⁵. Он говорит, что *чем мощнее производительные силы (включая рост населения, науку, информатику и т. п.), тем быстрее идет развитие*. Этот закон, конечно, можно сформулировать как *ускорение развития в связи с общим ростом человеческих возможностей, знаний, отношений и т. п.* Другими словами, в первом случае мы соотносим такое ускорение прежде всего с одной подсистемой, во втором — с системой в целом. Но, думается, более продуктивно связать его именно с производительными силами. Это будет не только правильно фактически, но такую связь легче проследить и удобнее описывать. А потом уже привлечь законы соответствия как общественных подсистем, так и формационных составляющих;

в) **закон все большего сближения обществ и интеграции человечества**. Для него имеет смысл говорить о некоторых характеристиках, которые можно выражать в цифровых значениях. И тогда разные типы обществ удалось бы сравнить

²⁵ Почувствовавший на своем собственном жизненном опыте это резкое ускорение, Тойнби писал по этому поводу: «Сегодняшний человек недавно осознал, что история набирает скорость — и скорость немыслимую. Настоящее поколение осознавало это набирающее силу ускорение лишь в течение своей собственной жизни; оглядываясь же вспять, человек, вооружившись знанием своего прошлого, обнаружил, что это ускорение началось примерно 30 000 лет тому назад... и что оно совершало один за другим «большие скачки вперед» — изобретением сельского хозяйства, возникновением цивилизации и постепенным — в течение двух последних столетий — обузданием титанических физических сил неодушевленной природы. Теперь со страхом ощущается как событие недалекого будущего приближение завершающей точки, которое некогда интуитивно предвидели пророки. Только сегодня неизбежная угроза этого приближения не является предметом веры: это данность наблюдения и опыта» (цит.: Тарнас Р. История западного мышления. М, 1995. С. 349).

также и по количественным показателям (вроде плотности контактов, интенсивности передачи информации и т. п.)²⁶. Два последних закона полезно в некоторых случаях и объединять, поскольку они тесно взаимосвязаны: *чем сильнее историческое развитие человечества, тем сильнее интеграция обществ между собой*.

Как уже говорилось, поиски особых соотношений законов в группах способствуют обнаружению достаточно емких формулировок. Используя вышеприведенную, например, можно применительно к историческому процессу вывести **закон соотношения внутренних и внешних факторов**: *чем сильнее сближение и интеграция обществ, чем выше темп развития, тем меньшую роль будут играть внутренние факторы в развитии обществ и большую — внешние*. Под внешними здесь понимаются не инородные (вроде природных бедствий или вражеских нашествий), а факторы более высокой системы, куда входит данное общество, причем системы не умозрительной, не теоретической, а достаточно реальной²⁷. Об этом законе подробнее в следующем параграфе;

г) **закон неравномерности развития обществ** (о нем также в следующем параграфе). Разумеется, к этой группе относится и ряд других законов.

Поговорим теперь о *группах законов вертикального и горизонтального развития*. Ведь хотя законы развития позволяют яснее увидеть движущие силы и направление исторического процесса, причины качественных изменений, очень многое остается неясным или выглядит искаженным, если не задать рамки теории с помощью вертикальной и горизонтальной линий развития. В таких рамках многое сразу принимает иной вид, например, и рассмотренные выше законы в каждой линии (в каждой проекции) проявляются особо.

²⁶ Исследования в этом направлении, возможно, показали бы более наглядно опасность безудержного наращивания темпов развития.

²⁷ Применительно к пространственно-временным группировкам, в том числе цивилизациям, можно было бы момент «сближения обществ» раскрыть так: чем сильнее взаимосвязь, взаимозависимость, родство или близость между обществами и чем лучше (яснее) это осознается, тем значительнее влияние обществ друг на друга, а их группы в целом — на каждого члена в отдельности.

Вертикальная линия — условное название для показа исторического развития во времени в определенном качественном измерении, то есть движение «вверх» по шкале времени и перемен к современности. Однако внутри такой объемной группы законов удобно будет выделить две подгруппы: *близости к генеральной линии развития, остальные линии*. Дело в том, что хотя большинство обществ так или иначе и движется «по вертикали», но их модели и темпы развития, успехи, историческая роль крайне различаются. Другими словами, они все идут хотя и в вертикальном направлении, но по разным линиям, из которых только одну мы считаем центральной²⁸.

Что мы имеем в виду под генеральной, линией развития? Упрощенно говоря (а основательно — в следующем разделе), это теоретическая модель главного направления исторического процесса, составленная на основе развития группы передовых («исторических») обществ, достижения которых не просто подвинули человечество вперед, по так или иначе явились «мостиками» в передаче исторической «эстафеты», а многие институты стали в дальнейшем наиболее распространенными среди большинства обществ. А сами исторические пути таких обществ выглядят как звенья в единой цепи развития от прошлого к будущему²⁹. Но эту линию мы выстраиваем отдельно для каждой формации (и даже ее части) и затем ищем «мостики». Поэтому в таких рамках генеральная линия — это теоретическая модель развития на данном этапе исторического процесса, составленная на основе развития группы передовых обществ, которые — что непременно — взаимодействуют друг с другом и качественно обогащают друг друга. Естественно, что чем

²⁸ Чем сильнее изоляция обществ и возможность параллелизма, тем вероятнее, что определенное время (какой-то период формации) могут сосуществовать больше одной генеральной линии развития. Но раньше или позже одна из них превращается в боковую, а иногда и все, если эволюция как бы выпускает новую ветвь развития. Например, несколько параллельных линий было во второй формации. Так, существовало несколько основных центров земледелия и развития цивилизации (Ближний Восток, Индия, Китай). Но с расцветом Эллады все они перестали быть таковыми. После падения Римской империи они вновь начинают претендовать на генеральные линии до расцвета Европы.

²⁹ Единой, значит, если мысленно мы вынем хоть одно звено из нее, она разомкнется и преемственность исторического процесса нарушится. Но точнее говорить не обо всем историческом пути подобных обществ, а о какой-то его части, которая и является наиболее важной с рассматриваемой точки зрения.

завершенное формация, тем большее число обществ мы привлекаем для составления такой модели. Эта модель считается генеральной потому, что сразу или через определенное время становится образцом для заимствования многих других обществ.

Поэтому мы можем говорить о **законе близости к генеральной линии развития**, согласно которому *роль тех или иных обществ в развитии исторического процесса тем выше, чем ближе общество к генеральной линии развития, чем важнее переходный этап к новому, впервые осуществляющийся в данном обществе*³⁰. Это одно из проявлений законов целого-части.

Переход же к такому новому, которое влечет очередную смену направления генеральной линии исторического процесса, связан с **законом складывания особых условий в месте и времени качественных изменений**. Когда формация достигает большой зрелости, то в орбиту таких высокозрелых обществ включается все большее число периферийных, в результате сама формация в мировом масштабе приобретает законченные и системные черты. Это препятствует качественному скачку. Неудивительно, что нередко такой скачок совершается не в центре, а на окраине формации. Можно также сказать, что *чем уникальнее должны сложиться условия для перехода к новому, и чем труднее они могут повториться в другом месте, и чем легче потом его достижения заимствовать, тем важнее роль данного общества во всемирно-историческом процессе*.

Соответственно, *чем дальше находится общество от генеральной линии, тем меньшее влияние оказывают события в нем на ход исторического процесса*. Однако здесь можно говорить о законах **исторической ретроспективы**. Ведь если в будущем это общество приблизится к генеральной пинии, то какие-то события его истории, даже давние и прежде неважные с рассматриваемой точки зрения, могут неожиданно стать важными, так как они заложили некоторые особенности, теперь вышедшие на первый план. Влияние обществ, находящихся не на генеральной линии развития, способно быть очень большим, если они начинают соперничать или вести прямую борьбу с

³⁰ Соответственно то же можно сказать об отдельных личностях и событиях данного общества, учитывая, конечно, уровень и масштаб.

антагонистическими им обществами, близкими к генеральной линии³¹.

Подгруппа законов остальных линий вертикального развития включает в себя **законы параллельности и вариантности развития и законы, объясняющие связь разных линий исторического процесса и перехода обществ с одной на другие.**

Первые объясняют причины существования и сосуществования разных линий развития истории. При этом вариантность, характерная для отдельных групп обществ, может быть прослежена и для каждой составляющей формацию. Количество различных линий и вариантов тесно связано со степенью интеграции и скоростью исторического развития. В начале параграфа мы уже приводили соответствующий тезис об этом, а также об усилении относительности понятий «генеральная линия» и «боковые линии». Можно добавить и такую формулировку: *чем больше изоляция обществ, тем вероятнее параллелизм и (или) вариантность развития в рамках формации.*

При ускорении развития возможность вызревания альтернативных линий развития уменьшается, так как для этого нет времени, а новации заимствуются очень быстро.

Таким образом, при реализации потенциалов остальные возможности, бывшие альтернативными, исчезают или трансформируются во что-то иное (иногда определенные детали местного варианта общей модели). Это в чем-то напоминает шахматную игру, когда каждый сделанный ход сразу отсекает множество других (лучших или худших) возможностей, которые существовали до него³². *Но чем меньше вариантов развития,*

³¹ Следовательно, и отрицательное влияние на общечеловеческое развитие также пропорционально близости к наиболее важным и передовым регионам. Скажем, при всей отрицательности роли татаро-монгольских нашествий все же они не имели фатального значения для всемирно-исторического процесса, поскольку почти не затронули Европу.

³² Сравнение истории с шахматной игрой, где ход каждого из партнеров зависит от предшествующих ходов противника, от тех идей, которые возникают в уме игрока при скрещивании его комбинаций с комбинацией соперника, появилось уже давно. В частности, его делал Курно, исследуя исторические случайности (см.: Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб, 1913. С. 206). Это сравнение больше подходит для развития отдельных обществ, недаром ведь какие-то роковые события или неумение воспользоваться случаем уводили те или иные из них в сторону от магистрального пути развития. И «переигрывать» историческую партию приходилось уже через большой промежуток времени другим поколениям и в других условиях.

тем очевиднее «генеральность» определенной линии, которая в то же время начинает гораздо активнее вбирать в себя достижения боковых. Тем самым двойной процесс усиливает интеграцию.

Вторые показывают, что генеральная и остальные линии не идут строго параллельно, а тесно связаны между собой. Определенные механизмы этой связи можно понять с помощью некоего закона, например **оптимума развития**. В свое время, исследуя понятие прогресса, мы говорили о том, что существуют определенные точки оптимума развития, отклонение от которых удаляет общество от генеральной линии. На протяжении формации таких точек может быть одна или несколько (в зависимости от масштаба нашего исследования и других причин). До их достижения наращивание количественных показателей достаточно хорошо демонстрирует прогресс. Но после пересечения каждой из них общество как бы проскакивает тот пункт, в котором создаются наиболее удачные и удобные условия для качественного роста к будущему, и начинает все сильнее уходить «вбок». В результате могут возникнуть кризисные явления, гибель, распад, регресс социальных систем. В то же время развитие после преодоления точки оптимума в направлении, отличном от генерального, ведет некоторые общества ко все большей зрелости, консерватизму, устойчивости и самодостаточности. Поэтому можно сказать, что чем дальше общество отошло от такой точки оптимума (и по времени, и организационно), тем сложнее ему самостоятельно перейти к новому.

Но поскольку раньше или позже переходить к иным моделям приходится, то делается это уже не столько под воздействием логики внутреннего развития, но и иным путем: за счет внешних воздействий или вынужденной модернизации. Таким образом, действует **закон победы и распространения «лучшего»**. Он показывает, как среди конкурирующих моделей побеждают и укрепляются немногие, и связан с заимствованием, потребностью в модернизации, реформировании и т. п. Можно сказать, что «лучшее» тем очевиднее, чем ближе оно к своей зрелой форме. Разумеется, «лучшее» — довольно неопределенное понятие. В общем плане таковым можно считать то, что больше

способствует выживанию, военной победе, решению определенных задач. Но в данном случае имеются в виду такие преимущества отдельных обществ, которые способствуют движению формации вперед. Следовательно, *лучшее в данном контексте — это принципиально новое, преимущества которого стали очевидными.*

Однако, как уже говорилось, любое заимствование не может происходить без какого-то влияния местных и исторических условий, а иногда и подвергается сильной коррекции с их стороны. Поэтому здесь нужно учитывать и действие **закона неполного (неточного) повторения передовых моделей, техники, институтов и пр.** Он назван так потому, что повторение путем заимствования сильно отличается от самостоятельного развития. Тем не менее, конечно, определенное сходство имеется. Нужно отметить, что *чем больше разрыв в уровнях развития донора и реципиента, тем больше возможны искажения общего системного плана за счет разницы потенциалов, отторжения, редукции и прочего, тем, стало быть, заметнее различаются модели развития.* Но сами заимствованные институты в этом случае могут быть формально просто скопированы. И наоборот, *чем меньше разница в уровнях, тем более возможны варианты в заимствованных моментах, но больше сходства в моделях.* Следовательно, будет верным — особенно для индустриальных эпох — такое соотношение: *чем позже общество достигает определенной фазы развития, тем значительнее различия с первоначальными моделями* (об этом еще в следующем параграфе). Таким образом, этот закон вместе с законом победы лучшего, с одной стороны, ведет разные общества в вертикальном направлении, но, с другой — может способствовать формированию разных его линий уже на новом уровне и этапе.

К группе законов горизонтальной линии развития относятся законы: а) **формационного сходства отдельных формационных характеристик и обществ в целом** (по сути, это закон стадийного развития в горизонтальном измерении); б) **соотношения влияния внешних и внутренних факторов**; в) **победы и распространения «лучшего»**; г) **неравномерности**; д) **разных форм взаимодействия обществ**; е) **создания достаточных**

условий для перехода к новому и ряд других.

Здесь нужно очень ясно понимать, что вертикальная и горизонтальная линии — это два измерения, две проекции единого процесса. *Следовательно, к ним подходят одни и те же законы, но преломляющиеся по-разному в этих проекциях, либо определенные законы одной проекции имеют как бы свою пару в другой*³³. И только переходя от одной линии к другой, можно увидеть хотя бы схему развития каких-то аспектов исторического процесса. Возьмем, к примеру, процесс смены формации или одного из ее этапов. С помощью закона создания особых условий в местах появления нового (и ряда других) мы можем понять, как совершается прорыв в вертикальном направлении. Но когда новое укрепилось, оно неизбежно должно распространяться вширь и сменять старое. И эта часть процесса описывается уже законами неравномерности, а также победы и распространения нового. В результате старая формация постепенно уступает место новой, однако в связи с неполным повторением, различными формами взаимодействия и прочим она укрепляется уже не в одном, а в нескольких вариантах, которые окончательно утверждаются в период зрелости. Таким образом, мы видим как бы пульсацию: расширения — сужения, то есть два основных цикла процесса, вертикальный — горизонтальный³⁴.

То же касается и других моментов и аспектов, связывающих две линии развития. После того как новое укрепилось в одном или нескольких местах, начинается вновь поиск возможности его экспансии, то есть распространение его из вертикали в горизонталь. Постепенно новшества становятся не просто обычным делом, а приобретают вариантность, усвершенствуются, приходят к своему потолку. Затем можно говорить о **законе создания достаточных условий для перехода к новому**, то есть определенной материальной базы, новаций, институтов, опыта, успехов общественного сознания и т. п. Все это формируется как раз за счет разных вариантов, подвариантов, переходных типов,

³³ Поэтому в принципе можно вести речь о единых (двойных) более емких законах. Но в данном случае, поскольку рассматривается процедура группировки, это нецелесообразно. Кроме того, такое разделение способно лучше подготовить читателя к восприятию теории исторического процесса в следующем разделе.

³⁴ Такие циклы можно проследить для жизни новаций и более мелкого масштаба.

взаимодействия обществ, отпочкования и т. п., которые постепенно и создают необходимые условия в виде соответствующей среды, потребностей, набора новаций и т. п. После формирования достаточных условий в действие вступает закон создания особых условий для перехода к новому, механизм которого мы описывали. Таким образом, мы видим две проекции общего закона. Вертикальная делает акцент на особость, уникальность складывающихся условий в месте и моменте появления нового, горизонтальная — на то, как подготавливается эта уникальность за счет накопления множества менее радикальных изменений.

А чтобы движение вверх в целом могло осуществиться, необходимы постоянные контакты между линиями, ветвями, обществами, их частями и т. д. вплоть до самых низких уровней (межчеловеческих связей). Эти контакты очень разнообразны: соперничество, прямое уничтожение или насильственное изменение, ассимиляция, инкорпорация, кооперация и т. д. В целом же мы сталкиваемся с **законом разных форм взаимодействия обществ**, причем между разными формами можно искать определенные соответствия для разных эпох и типов обществ³⁵. Важную роль в распространении нового и создании условий для его возникновения играют и различные группировки обществ.

Закон разных форм тесно связан с **законом соотношения внутренних и внешних факторов**. Ведь контакты в определенном аспекте можно рассматривать как взаимодействие внутренних и внешних факторов. В принципе любое новшество (не обязательно формационного масштаба) может быть описано как появившееся в результате такого взаимодействия. Но чаще правильнее считать, что оно появляется там, где в данном случае преобладали внутренние факторы над внешними, а распространяется в обществах, в которых это перенимание уже вызывается больше внешними факторами. Естественно, что градации здесь очень велики (вспомним, что мы видели, например, в отношении идеологии). При этом *чем позже идет по времени*

³⁵ Например, между торговлей и войной. Чем сильнее общества зависят от взаимной торговли, тем меньше вероятности войн между ними (а когда такие войны случаются, то чаще связаны именно с торгово-экономическими интересами).

заимствование и чем зрелее новое, тем в более готовом виде это новое перенимается. Но, с другой стороны, и возможность отторжения (несовместимости) нового и местного из-за разницы в уровнях системных элементов возрастает.

Относительно закона сходства формационных характеристик. Мы говорили, что во всех подсистемах отдельных обществ определенных формаций можно выделить некоторые сходные черты. Но значение такого выделенного качества по сравнению со спецификой конкретного общества может быть как большим, так и небольшим. И эти различия в яркости проявления невозможно игнорировать.

Очень важно понять, что сходные формационные качества правильнее всего определять на стадии зрелости формации, когда они приобрели только им свойственные черты, а старое или исчезло, или трансформировалось в составную часть нового³⁶. Следовательно, для переходных периодов такие качества больше определяются ретроспективно, поскольку в переходные периоды возникает, опробуется и сосуществует много различных комбинаций. Поэтому общие категории и свойства, найденные для данной формации, имеют весьма существенные особенности для ранних и поздних ее этапов.

Большую роль в распространении общих черт играют и законы неполного и неточного повторения. Однако в любом случае такие заимствования приводят к появлению в каждом обществе собственной специфики. Отсюда законы формационного сходства одновременно предполагают и вариантность (подтипы) таких свойств. Количество подтипов и степень их различия зависят от достоинств выведенной нами категории и от особенностей той сферы, которую мы анализируем. У некоторых категорий обобщение более нейтральное, у других — менее; спектр проявлений такого качества может быть шире или уже.

Идея движения к качественно более высоким, сложным уровням ведет к необходимости особое внимание уделить проблемам перехода и переходных периодов от одного состояния к другому. Поэтому есть смысл выделить *группу законов*

³⁶ Эти черты могут приобретать еще большую наглядность на стадиях высокой зрелости.

формационных переходов и переходных периодов, которые выражают общее, показывают варианты перехода и конечную победу лишь некоторых моделей. Отнесем к ним, во-первых, те законы, о которых уже шла речь: **создания особых условий в местах качественных изменений, неравномерности, победы и распространения лучшего, близости к генеральной линии** и другие, также и те, о которых мы еще не говорили: а) **закон неизбежности переходных периодов**. Как бы быстро ни шли заимствования, как бы правильно ни действовали реформаторы, все равно какой-то переходный период должен быть. *Но переходный период тем короче, чем более зрелые моменты заимствуются и чем лучше учитывается разница в уровнях между донором и реципиентом*, б) **закон сходных (несходных) реакций на сходные (несходные) условия и вызовы**. Здесь могут быть самые различные комбинации, которые проясняют причины неравномерности развития, создания особых условий в местах качественных изменений, разные линии развития, роль тех или иных факторов; в) **закон главного и остаточного противоречий**, который включает в себя причины возникновения и нарастания того, что можно назвать основным противоречием формации; формы его разрешения в разных обществах; трансформацию основного противоречия в первые периоды новой формации и превращения его в остаточное; г) **другие законы**.

Группа законов соотношения формационных составляющих показывает два крайних их состояния: **притирки**, когда основные составляющие находятся в таком соотношении, что формацию можно считать находящейся в состоянии расцвета или зрелости (расхождения, если и есть, разрешаются или в «рабочем» порядке, или через кризисы, которые не ведут к разрушению системы); **разрыва в уровнях основных составляющих**. Причем этот разрыв может быть частичным или полным. К этой группе мы относим **законы: инвариантности; большей фундаментальности принципа производства; временного разрыва уровней между способом производства формации и другими составляющими; закон основного противоречия формации**, а также еще целый ряд законов, характеризующих соотношения (соответствия) разных

составляющих формации между собой.

Поскольку речь идет о чередующихся фазах, то необходимо сразу говорить о нескольких законах. Например, **закон инвариантности** нужно объединить с **законами большей фундаментальности принципа производства и основного противоречия формации**, точнее, его частью, связанной с возникновением и нарастанием этого противоречия. Для фазы разрыва будет верным: *вырывание вперед определенной составляющей раньше или позже должно вести либо к подтягиванию к ней других (через преодоление возникшего противоречия), либо к возврату ее назад (хотя и неполному).*

Из этого следует ряд выводов. Во-первых, в зависимости от разных условий преодоление противоречия может осуществляться разными путями и за счет разных подсистем. Но с точки зрения необратимости движения к новой формации такие рывки в политической, распределительной, духовной сферах чаще всего оказываются непрочными или недостаточными. А возможности для заимствования этих достижений другими обществами существенно ограничены. И когда в обществах, совершивших рывок, могут измениться условия, позволившие это сделать, совершается откат к уровню старой формации, хотя и неполный, поскольку сделанные достижения частично сохраняются в живом или возможном для воскрешения виде.

Во-вторых, наиболее устойчивым движением вперед в формационном масштабе является прорыв в хозяйственной области, в переходе на такой тип производства, который знаменует начало переворота в мировых производительных силах, то есть переход к новому принципу производства. В этом случае возможность заимствования повышается, и даже если само обществопервооткрыватель деградирует, новация начинает жить самостоятельно. Отсюда раньше или позже идет подтягивание остальных составляющих к принципу производства. Это, собственно, и составляет смысл **закона большей фундаментальности принципа производства**.

Но такое подтягивание происходит через нарастание и преодоление основного противоречия формации. Ведь переход от одной формации к другой совершается не автоматически, а как

поиск наиболее удачной формы разрешения накопившихся противоречий или реализации оформившихся потенциалов. Это противоречие наиболее четко просматривается между *принципом производства и типом отчуждения*, то есть производственной и распределительной составляющими формации. *И для этапа зрелости формации чем сильнее разрыв между принципом производства и типом отчуждения в уровнях развития, тем заметнее основное противоречие формации.* В зависимости от близости к генеральной линии и других вещей форма и острота противоречий меняются. Это нарастание проходит ряд этапов, а противоречие в некоторых частностях «расширяется», а затем разрешается радикально. Эта радикальность состоит в том, что появляется такая новация, которая объединяет в систему прежние, а в результате открывается очень большая перспектива в развитии.

После того как тип отчуждения в основном подтягивается к принципу производства и в общих чертах формируется новый **способ производства формации**, остается разрыв между ним и другими составляющими формации, который ощущается весьма остро. *Но поскольку переход в новую формацию не только намечался, но и в первом приближении состоялся, это противоречие уже можно считать остаточным.* Поэтому мы и можем говорить о **временном** разрыве в уровнях способа производства и других составляющих формации. Кое-что по этому поводу мы видели и главе о цивилизациях.

При анализе *группы законов соотношения формационного (общечеловеческого) развития и развития обществ-первопроходцев* в целом надо исходить из того, что наибольшее приближение бывает тогда, когда переход к новому совершается в одном (немногих) местах. Тогда момент перехода к новому в отдельном обществе и формации временно совпадает³⁷. И, следовательно, *чем ближе находится конкретное общество к генеральной линии исторического процесса, тем в том отношении и в тот период, в котором оно приближено к этой линии, его частные законы по характеру приближаются к*

³⁷ Это значит, что определенный период исторического процесса данного общества в вертикальной проекции становится для исследователя как бы базовой моделью вертикальной линии данного периода данной формации.

*формационным, но не могут быть им идентичны никогда, а события, произошедшие в нем, приобретают всемирно-историческое значение*³⁸.

Здесь важны законы: создания особых условий в местах качественного рывка; неравномерности; сходных-несходных реакций на сходные-несходные вызовы; неполного (неточного) повторения. О последнем можно добавить, что повторение тех или иных процессов в разных обществах связано с неполным повторением того, что было в обществах-первопроходцах, уже потому, что в развитии последних очень много индивидуального. Ведь поиск пути в новое идет там наощупь, с компромиссами и колебаниями, часто даже без осознания масштаба новизны. Естественно, что многое из таких индивидуальных особенностей либо отпадает само по себе при заимствовании, либо это не могут, не хотят, не считают нужным перенимать (ведь какие-то вещи, например технику, можно брать в готовом виде, без тех политических или правовых институтов, без которых они изначально не могли бы возникнуть).

Итак, даже некоторые подходы к систематизации законов показывают необъятность задачи и ограниченность наших усилий. Но отнюдь не их бесплодность. Напротив, выявление групп, а внутри них важных связей позволяет гораздо глубже понять исторический процесс, место и возможности отдельного закона в его познании. Эти процедуры также намечают направление действий там и тогда, где и когда масштаб и сложность задач превышают возможности отдельных законов. Важный шаг в этом плане, то есть от отдельных законов к их группам, мы сделали. Но ведь в рамках теории исторического процесса они еще не конечный этап такого укрупнения. Почему? Уже потому, что мы убедились в том, что связь между группами очень тесная, одни и те же законы необходимо включать в разные, группы, а в

³⁸ Проблема соотношения формационного развития и обществ-первопроходцев во многом непосредственно относится к теории истории, точнее, находится на стыке ее и теории исторического процесса. Поэтому о ряде формационных законов применительно к ней следует говорить в их особом преломлении к таким обществам и первоначальным моделям. Например, закон инвариантности принципа производства предстанет в виде особого случая закона соответствия производительных сил и производственных отношений, о котором пойдет речь в следующем параграфе.

определенном масштабе при разворачивании каких-то проблем ограничиться одной группой практически невозможно.

Следовательно, мы должны сделать следующий шаг и перейти уже к **понятию системы соподчиненных законов**. Она создается вокруг и с помощью **объяснительных принципов**.

(О них чуть дальше, когда мы наметим, куда вообще ведет процедура укрупнения, ибо она так же бесконечна, как и реальность, мы ограничиваем ее тогда, когда дальнейшее движение мысли становится уже излишним³⁹.) Это совершенно необходимый этап. Ведь вне системы мы видим только отдельные яркие проявления отдельных законов. Поэтому возможности изолированного изучения законов ограничены, и мы их не расширим, пока не увидим и не поймем картину в целом. Но чтобы распутать пот клубок, чтобы хоть схематично представить механизм функционирования этого уникального и невероятно сложного процесса, нужно осмыслить (и построить) систему законов исторического процесса. А приступив к подобной работе, мы начинаем осознавать, что в рамках такой системы координат законы находятся уже во многом в заданной связи и даже в определенной, хотя сразу и неясной иерархической соподчиненности.

Кроме того, мы обнаруживаем, что эту систему нельзя выстроить с «нуля», то есть начиная с некоего исходного пункта, на который можно «навешивать» все более сложные вещи. Но и построить систему только сверху, не проникая одновременно на разные уровни, не пытаясь совмещать индивидуальное со всеобщим, нельзя.

Таким образом, законы невозможно просто исследовать либо

³⁹ Хочу сразу оговориться, что очень сложную теоретическую (гносеологическую и методологическую) проблему: куда, собственно, ведет процедура укрупнения законов, — только на основе анализа законов и их более крупных объединений не решить, поскольку мы тут же сталкиваемся с более широкой проблемой возможности укрупнения аналитических средств вообще, связывания их в системы и далее теории, выделения областей познания и прочее. Ведь на таком уровне переход законов, категорий, правил, других аналитических средств друг в друга становится особенно сметным. Поэтому, если ждать однозначного объективистского решения, то сделанные здесь выводы не удовлетворяют. Но если полагать, что мы лишь моделируем реальность, при этом для обеспечения самой возможности познавать все глубже и во все больших связях препарируем, делим, огрубляем ее, то высказанные мысли могут помочь по крайней мере в более ясном понимании самих этих операций.

сверху, либо снизу. Перед нами огромный и сложнейший объект, и мы подбираемся к его анализу с разных концов, уровней, аспектов, постепенно объединяя эти фрагменты и моделируя объект в целом, работая для этого одновременно на разных уровнях, как это, скажем, делалось в случае соотношения общечеловеческого и обществ-первопроходцев. При этом мы опираемся на массу (основную) наблюдений, выводов и заключений, сделанных другими.

Итак, базовый уровень *крупного закона* — крупная задача или определенный аспект исторического процесса. Базовый уровень *группы законов* — это аспект, взятый в более широком контексте, или группа близких аспектов и задач. Базовый уровень *системы законов* вместе с объяснительным принципом — теория исторического процесса в целом. Однако это не значит, что подобные системы законов покрывают весь исторический процесс, то есть что он есть их предельный уровень. Нет, базовый уровень — такой, в котором сочетается не слишком много аналогичных систем и принципов. Выше них, связывая указанные принципы, лежит уже целая теория с более высоким **объединительным или интегрирующим** принципом. **Объяснительные** принципы названы так потому, что в них еще очень много фактического, точнее, онтологического. Объединяя ряд групп законов, они способны объяснить (описать) какую-то крупную часть всего процесса. В **интегрирующих** принципах гораздо больше методологического. О них дальше. Можно сказать, что принципы есть результат абстрагирования ряда или большой группы соподчиненных или близких по каким-то основаниям законов. И они подготовлены большой предшествующей практикой и опытом.

Вместо термина «объяснительный принцип» можно было бы, конечно, дать и другие: мегазакон, макрозакон, ведущая тенденция и т. п. Действительно, тут есть некоторые черты приведенных терминов, ведь принцип опирается на конкретизирующие его законы и естественно отражает часть их признаков. Но все же слово «принцип» лучше подчеркивает методологическую сторону дела, показывая, как, с помощью каких логико-методологических подходов можно связать ряд законов при минимуме противоречий

в общую концепцию, а в понятиях «мегазакон» и прочих этот важнейший аспект почти не просматривается.

Очевидно, что границы между уровнями не есть нечто раз и навсегда зафиксированное. Поэтому объяснительный принцип при возникновении системы законов не создается из ничего, а вырастает из какого-то закона, способного выполнять роль структурирующего стержня в ней. Например, мы выводим закон, который говорит, что в развитии многих обществ наблюдается определенное сходство в стадиях развития и, таким образом, эта стадийность есть качество, распространенное и существенно характеризующее всемирную историю. При дальнейшем анализе, однако, выясняется, что не все общества имеют одинаковые стадии. Углубление исследования показывает, что

если ввести понятие генеральной линии исторического процесса, то станет яснее, что именно у обществ, приближающихся к этой линии, больше сходства в стадиях развития и, кроме того, сами взаимодействия этих обществ дают и некое надобщественное качество или, лучше сказать, первичную формационную модель. Однако при таком уточнении первоначальный закон обрывает многими пояснениями и смыкается с целым рядом других, поэтому мы можем говорить уже о группе законов, связанных со стадийным развитием.

Но если ограничиться только генеральной линией, настаивая на том, что она описывает весь исторический процесс, мы, во-первых, теряем всеобщность, которая так же необходима в теории исторического процесса, как и подчеркивание особенности, а во-вторых, многое остается неясным и теоретически не вписанным в общую концепцию, которая становится в целом неэффективной. Фактически так случилось с историческим материализмом⁴⁰. Следовательно, нам обязательно необходимо привлечь и

⁴⁰ Когда же его сегодня пытаются подлатать, возникает именно описанная ситуация: одна линия всемирной истории вырывается из общего контекста без соответствующих методологических обоснований. Например, иногда пятичленную периодизацию трактуют как периодизацию, касающуюся только меньшей части обществ (некоторые ученые и формацию определяют как ступень, которая свойственна только отдельным обществам). В этом случае, если это не делается с целью связать такую периодизацию с всеобщей или чтобы локализовать сферу ее применения, выведенные общности теряют свое значение. Вся же теоретическая конструкция имеет практически один смысл — любой ценой сохранить пятичленку.

горизонтальную линию, с помощью которой можно установить некоторую схожесть на определенной стадии у всех обществ и показать причины неравномерности, которые приводят к рывку в следующее качество и затем к заимствованию передовой модели.

Итак, в результате проведенных операций и поиска более емких формулировок первоначальный закон легко «дорастает» до роли объяснительного принципа, способного сплотить, кроме этих, еще и группы законов формационного перехода, соотношения общечеловеческого и обществ-первопроходцев. Для нашего случая мы могли бы дать следующую формулировку:

В историческом процессе можно выделить ряд качественно отличных по характеристикам стадий формаций, но сами характеристики описываются с помощью единых категорий. Внутри любой из формаций можно выделить определенные этапы, которые идут в одинаковой последовательности и некоторые свойства которых однотипны для всех стадий (такова, например, функциональная роль каждого этапа в развитии формации в целом). У обществ каждой стадии, несмотря на большие различия между ними, можно выделить на определенном уровне абстракции много общего, составляющего специфику именно данной формации.

Поговорим теперь об **интегрирующих** принципах. Их уже нельзя «вырастить» из закона, хотя определенная связь с последним имеется. Как сказано, здесь акцент делается прежде всего на методологию и очерчивание границ областей знания. Отсюда базовый уровень подобных объединительных принципов

— *теория истории в целом, которую они делят на определенные области или уровни*⁴¹. И чтобы выделить теорию

⁴¹ К принципам данного уровня относятся общие характеристики истории, например ее непрерывность, уникальность событий и прочее. Ми по поводу непрерывности Р. Миллс писал: «...вместе с Буркхардом мы, вероятно, считаем, что абсолютная непрерывность является единственной закономерностью, которую можно обнаружить в истории» (Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 50).

Один из подобных принципов — потребность рассматривать и представлять историю как нечто целое. Как бы ни пытались подорвать веру в правомерность такого подхода, практика показывает, что именно он открывает перспективы совмещения объективности и субъективности, обретения наиболее удобных и плодотворных концептуальных конструкции, если, конечно, не впадать в объективизм и отдавать себе отчет в определенной условности такого подхода. Даже некоторые теоретики постмодернизма считают, что возможности построения их моделей все еще проистекают «от идеи объективного познания истории как

исторического процесса из теории истории, этот принцип я бы сформулировал так: *весь поток фактов прошлого людей можно представить как единый исторический процесс, имеющий определенные направления, этапы, движущие силы и прочее. Следовательно, в рамках такого представления одни факты и ситуации становятся более значимыми, чем другие.*

Выше подобных принципов располагается уже интегрирующий принцип теории истории, помогающий отделить ее от историографии и социологии истории. Но при всей важности такой иерархии, позволяющей как-то систематизировать подходы к выделению определенных областей знания, и которую можно проследить и дальше, ей, конечно, нельзя придавать самодовлеющего значения. Могут быть самые разные пограничные и смешанные ситуации.

Возникает вопрос, насколько правомерно выделять такого рода принципы, иными словами, есть ли бесспорные доказательства их обоснования и формулирования или это только игра ума? Надо понимать, что они не выступают какими-то самоочевидными «евклидовыми» постулатами и не «лежат» отдельно от всей концепции. Напротив, их доказательность связана с достоинствами общего подхода, как и наоборот. Ведь говорить о равноправности интерпретаций истории можно лишь априорно. Но если в подтверждение какой-либо из них удастся привести веские аргументы, например выдвинуть ряд законов, а те, в свою очередь, связать общей системой, то разница между точками зрения в плане их научности, доказательности и ценности может быть очень большая. А следовательно, и каждый шаг данной теории приобретает особый смысл.

Но требовать абсолютного доказательства правомерности какого-то принципа или полагать, что к ним можно прийти чисто логически, не стоит. Это противоречит и современным гносеологическим парадигмам. Поясню подробнее.

А. Надо отказаться от декартовой идеи, что все можно вывести из одной мысли, одного постулата и т. п., опираясь просто на

чистое мышление⁴². Только в рамках объективного идеализма (и то не во всякой системе) одна идея выводит из себя все другие. Правда, поскольку все остальные системы так или иначе выросли из объективного идеализма, постольку стремление найти абсолютный исходный пункт или принцип рассуждения чувствуется до сих пор. Отсюда ясно, что искать абсолютных доказательств, как это нередко делала и продолжает еще делать эпистемология, нет смысла. Относительность истины делает относительными также преимущества и доказательства⁴³.

Б. Логическая сторона дела исключительно важна, и во многих случаях именно она решает дело. Но проблема доказательности решается многими путями, включая опыт, самоочевидность, удобство и т. п. Науки, которые добились наиболее важных успехов, как раз больше опираются на опыт. Но здесь будет также недостаточно только чисто фактических доказательств, хотя они нередко играют решающую роль и всегда — важную. Прямая нехватка фактов для отдельных периодов, различия в их интерпретации, а также то, что все факты никогда не могут просто уложиться в теорию, должна быть компенсирована методологическими, гносеологическими и практическими (в соответствии с особенностями избранной области) доказательствами. Причем они должны все впитаться в систему, а также по возможности интегрировать и другие принципы. Таким образом, в нашем случае надо опираться и на опыт (в виде фактов и апробированных выводов), и на логику, но особенно на возможность свести все вместе.

В. При таком взгляде нам требуется определенная порция

⁴² Один из современных философов считает, что хотя сам Декарт не был скептиком, но он поставил скептицизм в философскую «повестку дня» (см.: Landesman C. An Introduction to EpistemoLogy. Cambridge, Mass. USA — Oxford, UK, 1988. P. 2, 32, 47). И я думаю, что важную роль в этом сдвиге к скептицизму играла попытка объявить все исходные пункты рассуждения, кроме одного, недостаточно твердыми. А избрав один абсолютный пункт, неизбежно убеждаешься потом, что и он является в том или ином плане относительным.

⁴³ Тут к месту согласиться с Поппером, что традиционная эпистемология с ее концентрацией внимания на знании в субъективном смысле не соответствует в некотором строгом смысле этого слова стоящей перед ней цели, а именно построению теории научного знания, поскольку как раз для последнего она фактически и не годится. Следствием этого является то, что большая часть современной эпистемологии также не соответствует своей цели, хотя она в первую очередь и должна заниматься исследованием научных проблем и проблемных ситуаций, дискуссий и т. п. (Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 442—445).

прагматизма. Ибо, если нет каких-то абсолютных исходных пунктов и доказательств, что наш принцип единственно верный, то мы вынуждены удовлетвориться тем, чтобы найти достаточно убедительные относительные аргументы и моменты, которые как более удачные, очевидные, продуктивные, чем другие, способны выступать критерием доказательности. Совершенно очевидно также, что не стоит уповать на обнаружение какого-то особого сверхдоказательного метода. История науки опровергла эти надежды и показала, что нет чисто дедуктивного и чисто индуктивного методов, как нет чисто исторического, генетического, критического, логического или какого-то еще. Налицо комплекс или система методов, хотя в каких-то ситуациях тот или иной преобладает.

Г. Итак, очевидно, что можно избирать разные принципы и подходы. Но такой принцип не может просто висеть в воздухе, а должен быть развернут основательно. А как раз при подобном развертывании достоинства разного плана, как и недостатки, и становятся весьма очевидными.

Например, мы можем выразить такой принцип: развитие разных частей человечества идет разными путями и совершается по разным законам. Здесь подмечена определенная тенденция. Но ее роль и объем действия сильно преувеличены, поскольку игнорируется уменьшение ее значения в историческом процессе. Стоит отойти от наиболее ярких ее проявлений, то есть от древности и средневековья, и попытаться развернуть этот принцип параллелизма на весь исторический путь, как сразу станет очевидным уменьшение различий между обществами по мере приближения к современности. Это вынужден был признать и такой сторонник указанного подхода, как Тойнби.

Фактически эту идею необходимо сузить до определенных рамок (периодов). Кроме того, неправомерно говорить о разных законах. Напротив, мы видели, что в данном аспекте можно вывести общий закон, который говорит, что параллелизм больше тогда, когда больше изоляция и меньше контактов. А поскольку сегодня изоляция уменьшается, то закон действует по-иному, то есть на уменьшение параллелизма и различий. Ведь *чем ближе к современности, тем меньше линий развития внутри человечества*

и меньшие различий между этими линиями. Уже индустриализм колоссально сблизил общества в плане образования, производительных сил, профессионального состава и т. п. Сегодня этот процесс усилился многократно. Разумеется, различия до конца не сотрутся, останутся и, возможно, на месте старых появятся какие-то новые, которые могут играть свою роль в конкуренции за ресурсы, власть, права и пр. Но они или не будут создавать параллелизма в развитии, или он станет на несколько порядков меньше, чем прежде⁴⁴.

Таким образом, разнолинейность хорошо укладывается в закон сближения обществ и не противоречит тому методологическому принципу, согласно которому для исторического процесса правильное говорить о единых законах, при обязательном учете, что их проявления весьма разнообразны в зависимости от разных обстоятельств и параметров.

Можно выдвинуть и такой принцип: историческое развитие есть лишь реализация изначально заложенных различий в духе народов (свойствах рас, наций, реализации исторической судьбы и т. п.). Однако развернуть этот принцип так, чтобы объяснить сегодняшнее стремительное сближение обществ, выдвижение в лидеры народов, которые прежде казались обреченными на прозябание, и прочее окажется крайне затруднительным. Фактически при таком подходе мы сталкиваемся с мистицизмом, фатализмом и ненаучностью⁴⁵. К тому же и народы-этноты существовали не всегда, а есть результат сложной исторической комбинации, а их характер более или менее проявляется лишь по достижении ими определенной ступени зрелости.

Подобные принципы, как и формулировки аналогичных им главных законов истории, или «смысла истории», при

⁴⁴ Исторические и культурные различия могут способствовать более быстрому и простому объединению близких в этом плане обществ в наднациональные группировки (об этом мы говорили в прошлой главе). Но этому объединению будут способствовать и совсем иные факторы (например географический), а, кроме того, переход обществ из группировки в группировку будет достаточно легким.

⁴⁵ П. Н. Милоков называл это пережитком «попыток сохранить метафизическое или даже теологическое значение за «индивидуальностью» и ее «свободой». В «социологии» некоторых направлений это рассуждение обычно распространяется с личности на целые народы, «дух» которых также признается «индивидуальным», неразложимым, а потому и необъяснимым» (Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры: Н 3 т. Т. I. М., 1993. С. 41).

разворачивании или превращаются в «прокрустово ложе» для фактов, или просто в бесполезное, не связанное с реальностью утверждение, или настолько усложняются, что теряют всякое значение. Ведь главное их «достоинство» именно в ложной простоте и универсальности. Один философ, рассуждая над «философиями истории», которые формулируют «смысл истории», отмечает, что такие утверждения обычно постулируются малым числом образцов или главных факторов, и «значение» каждого события становится эквивалентным его месту, дате и другим определяющим характеристикам⁴⁶. И он перечисляет условия, при которых подобные концепции неверны: если требуется больше чем один образец или закон для объяснения направления событий; если случаи непознаваемы в терминах этой «закрытой системы», то есть если образец или «икон» сопровождается множеством случайностей; «если образец или закон, детерминирующие события, не заключают в себе широкие вариации человеческих феноменов (социальных, политических и т. д.); или если причинная схема слишком сложна и запутанна, тогда формулировка не подходит для того, чтобы размышлять о «философии истории», вовсе, так же, как и говорить о смысле истории⁴⁷.

Как видим, «простые» принципы практически не могут выполнить этих условий, они неизбежно превращаются в более относительные, условные, сложные и т. п. Но формулируемые в абсолютном виде, они этим обрекаются быть отброшенными.

Можно выдвинуть и иные, более методологические принципы. Например: «Научная социология отодвигает на второй план точку зрения всемирной истории. Она признает естественной единицей научного наблюдения отдельный социальный (национальный) организм»⁴⁸. Но и это положение, приемлемое в области социологии истории (разумеется, с поправками), не годится для теории исторического процесса, поскольку не соответствует очевидным тенденциям, выраженным и в законе сближения, и в законе ускорения развития, и в других.

⁴⁶ Из смысла текста речь идет о жестком закреплении значения.

⁴⁷ Stover R. The Nature of Historical Thinking. N. Carolina, 1967. P. 251-252.

⁴⁸ Милоков П. Н. ук. соч. С. 43.

Таким образом, существует возможность и проверки общих принципов, и использования законов, и совершения с ними различных логико-методологических операций, а следовательно, и возможность доказать большую правомерность, продуктивность и истинность концепции.

§ 4. Пояснения к некоторым законам

Название данного параграфа надо рассматривать в значительной мере как условное, поскольку, как не раз подчеркивалось, границы между законом, группой законов и их системой также достаточно условны и подвижны. Причем я вынужден переходить от уровня к уровню, не всегда оговаривая это.

Продолжим разговор о законе стадийности (формационности). Напомню, что в этой главе я пока еще пользуюсь терминами «стадия» и «формация» как синонимами. Надеюсь также, что читатель простит некоторые повторения.

Итак, мы говорили, что, рассматривая историческое развитие человечества в совокупности, можно увидеть определенную повторяемость как в причинах и движущих силах перехода со стадии на стадию, а внутри них — с этапа на этап, так и в последовательности этапов развития любой из стадий. Другими словами, в историческом процессе можно увидеть не просто стадии, а стадии, каждая из которых имеет принципиально одинаковый с другими цикл своего развития. Он включает в себя: зарождение и укрепление нового, его распространение и расцвет, достижение зрелости и оформление специфических черт, обретение высокой степени зрелости, когда обостряются противоречия; затем кризис и формирование отдельных элементов нового; и опять зарождение новой системы. В рамках такого большого цикла можно также увидеть, что и отдельные составляющие моменты формационного процесса, правда, с разной скоростью и с разрывом во времени, повторяют указанный цикл. В этом смысле и можно говорить, что они инвариантны друг другу. Но, конечно, все эти сходства не точные, поскольку имеет место не простое повторение, а качественное развитие, скорость которого к тому же постоянно увеличивается. Перед нами, если можно

так выразиться, системное и процессно-циклическое сходство.

Это один аспект, связанный с историческим движением человечества в целом. Но есть и другой, а именно: и определенных (но далеко не во всех) случаях и объемах закон стадийности проявляется как закон развития, характерный для общественных организмов, в развитии которых прослеживаются сходные стадии⁴⁹.

Казалось бы, здесь налицо противоречие: или формационный цикл должен быть в любом социальном организме одинаков, или же надо говорить только об общечеловеческом уровне. Но на самом деле никакого противоречия нет. Напротив, именно так и должно быть, что единый (общечеловеческий) характер этих стадий-циклов опирается на весьма неодинаковую их реализацию в разных обществах. Причины этого определяются самой спецификой формационного движения. Например, мы видели, что все этапы формационного цикла (особенно первые, связанные с вызреванием нового) яснее прослеживаются в социумах, близких к генеральной линии развития. В тех же случаях, когда новая система прямо заимствуется, они как бы смазываются. *Таким образом, ускорение развития укорачивает цикл*⁵⁰.

Итак, очевидно, что общечеловеческий формационный цикл все же можно проследить и в большинстве отдельных обществ. Следовательно, от идеи стадийности ни для всемирного масштаба, ни для них отказываться не приходится. Но *нужно понимать: хотя общий принцип касается и частей, однако соотношение это не прямое. Поэтому о **формации** необходимо говорить прежде всего как об общечеловеческой стадии развития.*

И пока она идет на подъем, в ней всегда есть передовой по уровню развития центр (центры) и больше или меньше отсталая

⁴⁹ Собственно, он так и рассматривался в историческом материализме. Но с тем коренным, неустранимым недостатком, что эти стадии считались неизбежными и обязательными для всех (за редкими исключениями), а их смена обусловливалась в основном внутренними причинами. Сам же закон трактовался как имманентный. Но поскольку в исторической реальности у обществ не только не наблюдалось полного сходства в стадиях, но, напротив, имелись очень серьезные различия в этом плане, многие ученые стали критиковать такой подход и отказались от идеи формационного развития.

⁵⁰ Это касается и современного развития вообще, так как очень быстрый темп развития делает границы между этапами производственной революции и формации очень нечеткими.

периферия, и влияние первого на вторую обычно сильнее обратного⁵¹.

Модель формации соотносится с развитием конкретных обществ по-разному, в зависимости от множества причин, в том числе близости к генеральной линии и времени прохождения тех или иных фаз (в частности, идет ли формация на подъем или на спад). Следовательно, соотношение фаз цикла (по длительности протекания), острота противоречий, доминирование внутренних или внешних факторов как источника стадияльного развития и многое другое сильно колеблется от общества к обществу. И такие особенности можно понять, объяснить и даже в чем-то предвидеть, если определить то системное место, которое данное общество занимает в формационной модели.

Сама же эта модель может быть создана только на основе общечеловеческого движения, так как развитие ни одного общества ей прямо не соответствует, уже потому (помимо множества других причин), что закон неравномерности постоянно меняет лидеров. Следовательно, ни одно общество не может быть постоянно впереди всех и, значит, постоянно находиться ближе всех к генеральной линии развития⁵².

При таком подходе многие проблемы снимаются, а многие теоретические противоречия оказываются мнимыми. Чтобы доказать и развить эту мысль, рассмотрим одну цитату. «Принцип историзма... предполагает взгляд на формационность (в плане онтологическом) как на метрический феномен, т. е. имеющий свое начало... становление и пик (с достижением ее капиталистической ступени) и, наконец, завершение... Соответственно тому как формационность — эта объективно данная закономерность и эпоха всеобщей истории — зарождается, «вырабатывается» (или становится) и умирает (или угасает), истощая себя как способ разворачивания всеобщей истории, так и теория формаций претерпевает сходные изменения, приобретая и

⁵¹ И эта формула хорошо увязывает формационный и т. н. миросистемный подходы, достаточно популярные среди некоторых современных ученых. В следующем разделе, я надеюсь, мы подробно рассмотрим этот момент.

⁵² Ведь раз эстафета нового передается от одного общества к другому, значит, и в обществах-первопроходцах какие-то этапы могут заимствоваться, а следовательно, модель их развития не соответствует полностью формационной.

затем теряя силу как выражение одной из важнейших мировых закономерностей. Современная ситуация такова, что формационность, как нам представляется, уже начинает исчерпывать себя, уже передает быть основным способом эволюции человечества, что и лишает теорию формации ее прежней действительно всеобщей силы, делая ее или недостаточной, или неприменимой»⁵³. Далее автор цитаты приводит ряд аргументов в пользу своей точки зрения, суммируя которые, можно сказать, что в результате интеграции человечества, роста производительных сил, в том числе и духовных, таких как наука (что затрудняет разграничение базиса и надстройки), и других факторов, возникает ситуация, когда на большинство стран, особенно развивающихся, «законы формационности воздействуют, так сказать, «извне», а внутри нее действуют в деформированном виде (противоречие между субстанционной и динамической сторонами структур так называемых квазиформаций)»⁵⁴.

Без сомнения, автор говорит о теории формации в ее классическом истматовском виде, считающей главной движущей силой развития в каждом обществе именно внутренние факторы, а потому полагающей, что законы развития действуют принципиально одинаково во всех обществах. Для такого подхода аргумент, что число ситуаций, когда «законы формационности воздействуют извне», а не изнутри, как следовало бы по «правилам», растет, становится весьма серьезной критикой⁵⁵.

Но если отказаться от идеи, что формационное развитие одинаково и в целом, и в частях, и относить понятие формации

⁵³ Чешков М. А. Проблемы общей теории развивающихся стран (по материалам советских исследований 50—80х гг.). М., 1988. С. 47—48.

⁵⁴ Чешков М. А. Проблемы общей теории развивающихся стран (по материалам советских исследований 50—80х гг.). М., 1988. С. 48.

⁵⁵ Хотя я не думаю, что все же он опровергает напрочь идею формационности применительно к сегодняшнему дню даже в рамках исторического материализма. Ведь и в нем в известной мере допускалось системное влияние внешних факторов при смене формаций, например, пользуясь его логикой, такова роль варварских нашествий в падении рабовладельческого способа производства; или можно напомнить о «миновании» какой-то формации под воздействием более развитого окружения.

в первую очередь к общечеловеческому масштабу; если понять, что переход к новому самостоятельно идет лишь в отдельных местах, а затем так или иначе связан с воздействием извне более развитых обществ (моментов) на менее развитые; если увидеть, что, чем дальше идет процесс расширения формации, тем сильнее такое воздействие, поскольку многие системы просто не могут сами перейти к новому без насильственного вмешательства, то аргумент против формационности превращается в объяснение *логики формационного процесса*, начинающегося в отдельных местах и центрах и *идущего от более развитых обществ и регионов ко все более отсталым*.

Немного дальше мы продолжим разговор о формационности. Сейчас же, мне кажется, удобный случай остановиться на **законе соотношения внутренних и внешних факторов**. Варианты их соотношения, само собой, очень разнообразны. Нас, в первую очередь, интересует смена формаций и их этапов. Об этом мы и будем рассуждать. Но и здесь много комбинаций. Однако в определенной мере их можно систематизировать. Стоит только напомнить, что эти очень важные и удобные понятия — «внутренний» и «внешний» — не абсолютны, а относительны, но безусловны, а условны.

Невозможно отрицать, что только некоторые общества самостоятельно создавали производительные силы, становящиеся затем основными в новой формации. Остальные социальные организмы в большей или меньшей степени их заимствовали, внося тот или иной вклад в их развитие. Такие заимствования, то есть внешние факторы, в конечном счете и создавали в них условия для перехода в новую мадию. Это особенно наглядно видно в группе тех обществ, которые брали производительные силы в уже почти готовом виде, например в массовом масштабе, ввозя машины, оборудование, технологии, а нередко перенимая многие общественные отношения и институты передовых стран. Тогда качественный рывок возникал за счет насильственной или вынужденной модернизации. А уже новые производительные силы и выросшие на их базе новые общественные группы способствовали формированию внутренних противоречий также нового типа. При этом последние часто так смешивались с

неразрешенными противоречиями старой формации, что возникла «взрывоопасная» революционная смесь.

Таким образом, об одном из аспектов рассматриваемого закона можно сказать, *что заимствования, то есть перевод внешних моментов вовнутрь, неизбежно большие или меньшие меняют ситуацию внутри принимающего общества*⁵⁶. Но естественно, что степень влияния таких факторов очень различается. И поскольку системные законы стремятся к восстановлению равновесия, *только некоторые внешние импульсы способны изменить систему путем создания внутренних импульсов, которые ведут к развитию и нарастанию противоречий*. А для ряда очень устойчивых, самодостаточных систем только такие и могут сформировать внутренние силы, способные сдвинуть ее с точки равновесия. Производительные силы относятся именно к подобным факторам, особенно индустриальные и тем более современные. Добавим, что иногда система настолько зарегулирована, что внешние воздействия никак не могут изменить ее, а только разрушить. Это особенно относится к доиндустриальным периодам, где производительные силы и внешняя торговля не всегда были способны взять такие крепости. И потому для этого времени войны при всей их дикости выполняли роль движущей силы развития.

Отметим, что и наоборот, внутренние импульсы способны выйти за рамки породившего их общества и перерасти в военную, религиозную, торговую, колониальную, революционную, идеологическую экспансию. И если она исходит от передовых обществ, то и способствует распространению передового на менее продвинутые регионы. *Таким образом, внутренние и внешние факторы могут переходить из одного состояния в другое, выполняя в формационном процессе роль закона сообщающихся сосудов. Естественно, что чем теснее общаются между собой эти «сосуды», тем быстрее в них устанавливается единый уровень*.

Следовательно, исходя из такой диалектики, при рассмотрении

⁵⁶ Отметим, что иногда и чисто внешние моменты трансформируют внутреннюю систему, если она перестает быть самодостаточной, и по-иному структурируют ее. Такова, скажем, внешняя торговля, приспособляющая внутреннее производство к своим нуждам.

общества, в котором произошла революция, для объяснения причин революционной ситуации мы можем часто отвлекаться от того, что производительные силы оказались введенными, и говорить в основном о внутренних противоречиях и факторах. Однако с точки зрения формационных изменений это уже не будет корректным. Ибо первичную роль, роль катализатора изменений, приведших к росту противоречий, сыграли все же внешние факторы, то есть заимствованные техника и институты⁵⁷.

Сегодня революции более редкое явление, но различные внешние факторы, к числу которых добавился и такой, как постоянная информация о внутренних делах других стран, трансформируются где в социальные, национальные, расовые, молодежные конфликты, где в военные перевороты, распад государства, а где в более цивилизованные формы: референдумы, опросы, голосования по поводу серьезных внутренних изменений. При этом мы видим на примере отсталых обществ, что *чем больше разрыв в уровнях развития между внешними и внутренними факторами, тем сильнее влияние первых, на вторые*. В определенном плане такое несоответствие просто подавляет внутренние источники развития. Но, с другой стороны, слишком большая разница препятствует усвоению этих внешних вещей так, чтобы сделать их частью внутренней системы. *Поэтому чем сильнее разрыв, тем сложнее внедрить и приспособить внешние факторы*. Следовательно, нужно говорить о его **оптимальных параметрах**.

Мне думается, что *оптимальным будет разрыв в пределах от одного до двух этапов формации* (из шести, которые я устанавливаю) при полусамостоятельном догоняющем развитии⁵⁸. Здесь заимствуются еще незрелые силы, институты и формы, а потому еще много вариантности, творчества», приспособления к

⁵⁷ Описанная ситуация — одна из моделей перехода к новому, хотя и не всегда к генеральной линии его. Так было в России. Другая модель — революция, точнее, гражданская война, разрешающая некоторые старые противоречия, способствует пересмотру политики в отношении заимствования. И тогда внешние факторы постоянно трансформируют общество, пока оно не приходит к кризису. Таково было развитие в Японии. Есть и другие модели, конечно.

⁵⁸ При слишком малом разрыве, то есть в пределах одного и того же этапа формации, действуют часто уже иные силы, иногда заимствования в условиях жесткого соперничества, а иногда собственные преимущества затемняют факт отставания и не дают его преодолеть. Политическая история Европы в XVI—XVIII веках дает много примеров и того и другого.

своей среде. При перенимании зрелых отношений формации, которые уже просто ввозятся с помощью зарубежных специалистов (или с помощью своих, овладевающих иностранным), *оптимальный разрыв — три-четыре этапа*. Затем уже возникает несовместимость, часто выливающаяся в совершенно особые формы, как это мы видели в предыдущей главе на примере Африки. Но следует заметить, что *чем меньше разрыв между внешними и внутренними моментами по уровню, тем заметнее роль последних в качественном развитии, тем больше вариаций в таком развитии и тем органичнее вписывается новое в систему* (к этому моменту мы еще вернемся немного позже при обсуждении закона неравномерности).

Развивая эту мысль, можно сказать, что *чем ближе общество (группа обществ) к генеральной линии развития, чем новее то, что внутри него создается, тем существеннее роль внутренних факторов в плане качественного развития*. При этом темп не слишком велик по будущим меркам (по прошлым он обычно увеличивается). И, следовательно, развитие идет органичнее, чем при заимствовании. Ведь тут, то есть именно в данном моменте и аспекте, еще нет столь жесткого соперничества, поскольку еще никто не осознает ни что это будет, ни какова его роль в будущем. Часто даже трудно предположить, что это вообще нечто совершенно особое⁵⁹. Особенно это касается далеких от военной или технической сферы областей. Таким образом, *чем сильнее внутренние факторы, тем меньше темп формационного развития* (с учетом прочих равных условий). И это хорошо объясняет некоторые аспекты закона неравномерности: *догоняющие страны проходят отрезок пути, на который они отстали, быстрее, чем страны-первопроходцы, а потому на стадии зрелости формации для передовых регионов уровень во многом сравнивается*.

На взаимодействие внутренних и внешних факторов влияет много причин. Колоссальную роль играет само понимание необходимости заимствовать и брать пример с соседей. С

⁵⁹ Посмотрите на процесс политической (а вместе с этим и этнической, хотя это не осознается или не признается) интеграции европейских стран. Тут нет такой спешки, которая появится, когда важность и необходимость такого объединения осознаются другими.

нового времени это убеждение постепенно растет и становится все более мощной силой, способствующей ускорению развития и сближению обществ. В предыдущие эпохи, когда такое осознание было слабым или вовсе отсутствовало, его заменяла нужда, прежде всего фактор соперничества, особенно военного. Ведь необходимость выиграть войну часто ломала прежние предрассудки и мобилизовывала все ресурсы. В современных условиях экономическое соревнование и соперничество в совокупности с ясным осознанием нужности и важности перемен и заимствований создают как бы двойную тягу и составляют важнейший момент рассматриваемого нами аспекта⁶⁰.

Указанные вещи вместе с пониманием необходимости и ожиданием пользы от заимствования чужого и внедрении его в свое вместе с определенной перестройкой можно объединить в формулу **необходимость (выгодность) заимствований**⁶¹. Очевидно, что наиболее необходимыми и выгодными для перенимания (прежде всего для элиты) чаще всего выступали военные и производственные (технические) моменты. Но нередко была и прямая материальная выгода, которая заставляла все приспособлять, можем, для внешней торговли или охраны торговых путей. В условиях ослабления прежней религии (идеологии) могут заимствоваться новые религии и идеологии (сегодня национализм или приверженность к национальной религии). А когда осознается отсталость страны, то переносятся просто целые институты: правовые и судебные, политические и экономические.

Таким образом, мы могли бы попробовать суммировать сказанное. *Влияние (роль) внешних факторов для качественного*

⁶⁰ И если бы мировое сообщество все-таки решило уменьшить столь стремительный темп развития, то одним из эффективнейших средств для этого был бы перевод такого бесконечного соревнования в контролируемое русло.

⁶¹ К слову сказать, очень часто реформаторы прельщают народ, публику именно выгодностью, быстрой отдачей от реформ. Когда же этого не случается, интерес к ним может резко падать. А поскольку часто не учитываются реальные возможности заимствований и применимость их к национальной среде, реформы далеко не всегда дают ожидаемые результаты. И могут быть случаи, когда новации легче приживаются в более отсталых странах и хуже — в более развитых. Это связано с неучетом (если прилагать вышесделанные рассуждения) оптимальности разрыва, с тем, что при меньшем разрыве нужно больше творчества при заимствовании в «подгонке» институтов именно под себя.

*развития общества тем значительнее, чем оптимальнее параметры разрыва в уровнях внешнего и внутреннего чем необходимее (выгоднее) заимствование для системы; и тем легче их перенимать, чем распространеннее они в мире; чем яснее осознание необходимости перемен; чем органичнее они могут вписаться в систему*⁶². О последнем пункте надо добавить, что новации тем органичнее вписываются в систему, чем меньше затрагивают интересы наиболее влиятельных сил общества (чем больше им соответствуют), а также чем яснее это понимается.

Очевидно, что по этому поводу можно было бы еще многое сказать, но мы вернемся к вопросу о формационности. Итак, тезис о том, что она теряет свой импульс относится к неадекватной теории. Но есть смысл подумать, насколько аргументы об исчерпании формационности противоречат моей концепции, которая полагает формационность *именно общечеловеческим* способом развития при котором варианты и формы формационного развития отдельных обществ зависят от их места в пространстве и времени этого мирового процесса.

Формационность, то есть способ разворачивания смены формаций, в доиндустриальный период, как и сегодня, шел на двух базовых уровнях: внутриобщественном и межобщественном. Только чем глубже в историю, тем важнее был первый уровень и слабее второй⁶³. Следовательно, качественное развитие больше шло за счет внутренних факторов, и формационность разворачивалась основном внутри обществ и групп, хотя постепенно размеры и тех и других от тысячелетия к тысячелетию росли. Постепенно, как мы видели в предыдущей главе, все роль стали играть пространственно-временные группировки разного типа. Поэтому межобщественные факторы с каждой эпохой играли все большую роль, не главное значение среди них все же имели контакты разрушительного рода. Такая пропорция и определяла медленность и непрочность

⁶² Указанные в данном законе моменты (или их составляющие вещи) могут противоречить друг другу, ограничивать или усиливать друг друга.

⁶³ Формационность можно рассматривать одновременно и как онтологическое, и как методологическое свойство. И чем глубже в историю, тем ближе онтологичность к уровню определенного социально-исторического организма. По мере сближения человечества общечеловеческий уровень все органичнее вбирает в себя и ту и другую стороны.

качественного развития. С индустриальной революции пропорция постепенно меняется и межобщественные, а теперь уже и мировые силы (производительные, наука, информатика и другие) начинают играть все большую роль. Конечно, внутриобщественные и особенно силы внутри пространственно-временных группировок еще весьма и весьма велики, но они все очевиднее перестают уже быть решающими. Различные идеи о конце истории (как и о конце формационности) отражают это осознание конца прежнего способа развития, особенно конца цивилизационного в классическом виде развития.

Таким образом, можно согласиться с автором рассматриваемой в начале параграфа цитаты, что формационность как способ разворачивания мирового исторического процесса зарождается и становится (взрослеет). В целом бесспорна и его мысль о том, что онтологически любой способ развития приходит к финишу, за которым его роль падает, а сам он может трансформироваться или исчезать. Но наступил ли такой момент относительно формационности? Думается, нет, если рассматривать ее именно как общечеловеческое движение. Напротив, в таком понимании этот способ развития вступает в свою зрелость, поскольку налицо сближение человечества и поиск путей его общего развития. А когда эти стремления распространятся на большинство обществ и регионов, он достигнет вершины своего развития. Таким образом, можно полагать, что пик формационности придется именно на четвертую формацию, *когда общечеловеческое движение станет более заметным, чем внутриобщественное, то есть когда роль группового (мирового) станет более важной в жизни большинства обществ.*

Затем, весьма возможно, формационность постепенно пойдет на спад, поскольку изменится сам способ перехода на новую

ступень, это будут уже не столько отдельные общества, сколько отдельные сферы или регионы, при этом разница в скорости вступления во многом сотрется, а степень влияния внутренних и внешних факторов будет трудноопределимой⁶⁴. Но

⁶⁴ Вообще стирание некоторых привычных онтологических черт, различий противоречий можно рассматривать как предвестник перехода к новому. Поэтому и смешение внутреннего и внешнего есть, возможно, начало перехода к новому способу развития

это уже вопрос будущего, а не настоящего. Сегодня же, как мне думается, теория формаций (но не истматовская) вполне годится, если ее использовать правильно.

Разговор о формационности дает возможность сделать пояснения к некоторым с ней связанным законам. Начнем с **законов формационного перехода и переходных периодов**. Мы видели, что обязательной частью формационного цикла является молодая фаза⁶⁵, в которой вызревают специфические черты новой формации и устраняются остатки старой. В этой переходной стадии появляется много разных вариантов. Большинство из них впоследствии исчезают или трансформируются в те, что доказали свое превосходство. Здесь к месту вспомнить и закон исчезновения переходных вариантов, достаточно хорошо сформулированный Тейяром де Шарденом для эволюции вообще. «Как в пространстве, так и в длительности черешок (или, что тоже самое, почка) живой ветви обладает минимумом дифференциации, экспансии и сопротивляемости. Как же действует время на эту слабую зону? Неизбежно уничтожая то, что от нее остается. Эту раздражающую, но существенную непрочность исходного материала должны почувствовать все, кто занимается историей!». «Везде — в биологии, культуре, лингвистике, — как резинка в руках художника, время стирает каждую бледную линию в рисунке жизни», — делает блестящее сравнение этот мыслитель⁶⁶.

Но, помимо непрочности самых первых переходных моментов, надо помнить и о группе, так сказать, вторичных и третичных переходных ветвей от старого к новому, точнее, от очень зрелого старого к достаточно зрелому новому. В отличие от первичных вариантов, последующие часто могут быть весьма прочными и устойчивыми. Но обычно эти модели есть путь вбок, то есть в тупик или полутупик⁶⁷. Но часто именно их ошибочно принимают за ту самую переходную ступеньку от одной зрелой формы к другой, которую ищут с особенным интересом. Однако

человечества, который раскроете я значительно позже.

⁶⁵ Фактически ее удобнее делить на две фазы: раннюю (переходную) и моло дости (молодую). Так и я делаю в следующем разделе.

⁶⁶ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1985. С. 103.

⁶⁷ Последнее означает, что выход из них возможен, но только путем заимствования, когда перспективная модель уже сформировалась.

это лишь боковые, двоюродные, чаще троюродные, четвероюродные родственники того, что нужно.

Ведь развитие идет путем создания многих моделей и форм и выбора из них наиболее перспективных направлений и вариантов. Остальные раньше или позже уничтожаются, либо подчиняются, либо трансформируются, либо обрекаются на своего рода изоляцию, тупиковость и т. п. Недоучет всего этого ведет к неверному пониманию исторического процесса, так же как игнорирование того, что самостоятельно открыть путь к перспективному новому способны лишь немногие, причем в их развитии особым образом суммируются достижения других. Следовательно, не каждая языческая религия ведет к монотеизму, не каждая система мифов — к появлению идеологии, не каждое охотничье-собираческое хозяйство — к сельскому хозяйству, не каждое сословное общество — к демократии и т. п.

Такой подход снимает много спорных проблем и предупреждает от серьезных ошибок⁶⁸.

Существенно также, что очень опасно экстраполировать законы и черты, характерные для зрелых явлений, на ранние, переходные или боковые варианты. Например, в предыдущей главе мы видели, что в ранних цивилизациях идеология очень незрела и искать ярко выраженных и четко сформулированных идеологий там нельзя. Собственно, **правило исторической ретроспективы** говорит о том, что *смысл некоего явления, института или эпохи, которую мы рассматриваем как единый процесс, надо определять по их зрелому этапу*. Другими словами, если мы говорим, например, о производственной революции, государстве, частной собственности, феодализме и т. п., то основные черты их можно увидеть, лишь когда они достигли

⁶⁸ Например, в отношении первобытности, когда уже находящиеся в состоянии упадка и явно ушедшие вбок от генеральной линии развития социальные организмы пытаются выдавать за обязательную ступень развития всех первобытных народов. Или пример ирокезов, который мы разбирали в третьей главе. Фактически общество, пошедшее по немагистральному пути и представляющее аналог сложного вожества, а то и раннего государства, Морган и его многочисленные последователи представляли как магистральный путь развития. Это касается и попыток выдать явления, характерные для племенных (или скорее квазиплеменных) групп, за нечто обязательное в характеристике племени как института вообще, хотя в прежние эпохи племена никогда не могли бы достигнуть таких величин по численности.

своей зрелости. В ранние же их периоды эти черты или смешаны, подавлены другими (старыми, промежуточными или — в ретроспективе — боковыми и тупиковыми), или еще не проявились вовсе, или не играют пока заметной роли. Следовательно, придавать им то же значение (системное и фактическое), какое они принимают в зрелой фазе, значит грешить против фактов, ставить логику над историей, а не отыскивать первую во второй⁶⁹. То же касается и основных черт формации.

Но, с другой стороны, переходные этапы не следует отрывать от зрелых, например, при периодизации относить их к прежнему (завершенному) этапу. В этом случае правильнее всего искать начала, видеть генезис и определять прямые и боковые линии развития для этих этапов. Ведь не может нечто сразу появиться в готовом зрелом виде⁷⁰.

Логично теперь будет поговорить и о неравномерности. Ее можно рассматривать и вне связи со стадийностью. Но в рамках общечеловеческого движения неравномерность становится как бы атрибутом формационного процесса, ибо развитие всего человечества, состоящего из очень разных обществ, никак не может идти равномерно.

Илюшечкин пишет, что закон неравномерности «в самой общей форме можно сформулировать так: сначала в силу различий природно-географических условий своего существования, затем во все большей мере в силу обратного воздействия надстроечных институтов на базисные одни из обществ переходят на более высокую стадию развития раньше, чем другие, а третьи надолго задерживаются на одной и той же стадии. Однако более развитые общества рано или поздно и в тех или иных формах воздействуют на отсталые общества, ускоряя так или иначе их развитие или даже способствуя минованию ими отдельных стадий. Поэтому в истории не было и быть не могло «тупиковых

⁶⁹ Так, в раннефеодальном обществе порой «находят» крупную частную земельную собственность (как «находили» ее некоторые историки на Руси до середины XI века) или недоумевают по поводу отсутствия таковой.

⁷⁰ Так, удивляются, что в ранних государствах еще нет каких-то черт развитого государства (например территориального деления, правильной налоговой системы), и на этом основании относят их к догосударственным. Неудивительно, что датировки образования одного и того же европейского государства могут расходиться на триста лет.

ситуаций» или каких-то иных путей развития, отличных от магистрального пути»⁷¹.

Стоит обратить внимание особенно на последнюю фразу. О гносеологии подобных утверждений уже сказано: видение законов везде одинаково реализующимися, равно приложимыми и к целому и к специализированным частям. Само собой очевидно, что представление о ряде направлений в историческом развитии, которые различаются как раз перспективностью и тупиковостью, гораздо более адекватно. Странное (более чем) утверждение об отсутствии «тупиковых ситуаций» совершенно неприемлемо. А как иначе назвать, например, развитие Римского государства, ставшего жертвой именно гигантомании и рабовладения (крепостничества)? А крах и гибель Византии? Да история просто изобилует случаями гибели обществ и народов, зашедших в тупик или ставших жертвой своей слабости, отсталости, невезучести, изолированности и т. п. (как в прямом смысле слова, так и в виде ассимиляции народов, включения в состав более развитых обществ).

Неравномерность также означает, что переход к новому на первых порах никак не может быть осуществлен сразу многими: Ведь он возможен лишь в месте наиболее удачного стечения обстоятельств, то есть на первых порах является скорее исключением. Развитие же большинства обществ исключает условия для подобного рывка. Сказанное, в свою очередь, значит, что места обществ в формационных системах в плане близости к генеральной линии очень непостоянны и на каждом новом этапе могут меняться. А ведь проявление законов развития очень сильно зависит от того, какое место общество занимает в указанной системе, в какое время осуществляются эти движения, идет ли формация на подъем или уже на спад.

Следовательно, чем дальше от генеральной линии по месту и (или) времени находится то или иное общество, тем несходнее может быть путь и сама модель перехода к новому. Соответственно, возникает ряд моделей перехода к новому и его реализации. И от того, внутренние ли силы (классовая борьба, рост

⁷¹ Илюшечкин В. П. Проблемы формационной характеристики сословноклассовых обществ. М., 1986. С. 30—31.

отдельных отраслей экономики, политические движения и пр.) ведут данное общество к рывку или внешние, есть ли у него потенции или его тащат насильно, исключительно зависит удачность таких вариантов и модификаций и дальнейшие перспективы породивших их обществ.

Поэтому неправомерно думать, будто все народы сходно проходят одни и те же стадии, только в разное время. Отчасти это, конечно, так, но только в обществах, составляющих достаточно близкую группу по уровню и времени развития. Чем дальше, тем сильнее заимствуются и переносятся передовые технологии, отношения и институты.

В результате пропорциональность подсистем в обществах, идущих несамостоятельно, сильно нарушается за счет разницы в стартовых условиях и потенциях, потребности в переменах, большей или меньшей остроты кризиса, степени совместимости местного и чужого⁷² и т. п.

Сказанное, на первый взгляд, противоречит тому, что говорилось о законе соотношения внутренних и внешних факторов. Однако там речь шла о вариациях в формационном масштабе в целом единой модели. Весьма яркий пример этому — Европа зрелого феодализма и особенно зрелого капитализма, где при всех различиях от государства к государству сходство между европейскими обществами было все же столь большим, что исследователи любого направления говорят о европейском феодализме или капитализме, как о чем-то реальном.

В пояснение к сказанному можно добавить, что переход к новому качественному этапу требует, во-первых, достаточно

⁷² Тут всегда есть сложности по определению применимости заимствований для данного общества и проблема меры учета его исторических особенностей. Чаще всего они решаются методом проб и ошибок, а в рассуждениях по этому поводу всегда смешано верное и ошибочное.

Насмехаясь над теми, кто был ряженым «в английских панталонах, в парижском жилете, в сюртуке янки и испанском берете», Хосе Марти призывал: «Пусть черенок мировой культуры привьется к нашим республикам, но стволом дерева должны быть наши республики» (см.: Л. Сеа. Философия американской истории. Судьбы Латинский Америки. М, 1984. С. 322—325). Но как это сделать? Если еще в литературе допустимо, то в технологии и точных науках невозможно, чтобы «стволом» оставалась национальная культура. А по мере ускорения развития и вовсе невозможно ждать, когда вызреют собственные институты. Во времена Хосе Марти такие призывы были все-таки более обоснованны, сегодня ситуация меняется в сторону перехода от национальной к общей культуре, но проблема ее совмещения с местным обществом остается.

развитой среды, во-вторых, появления целого ряда достижений и элементов нового, которые в обществе-пионере формируются уже в систему (хотя еще очень слабую), у которой есть перспективы расти. Поэтому после того как такой скачок совершается в одном обществе, его соседям сравнительно легко подтянуться к ним (из-за соперничества, а также потому, что у них уже есть много необходимого для этого). В результате на базе группы впереди идущих обществ происходит как бы «обкатывание» новых явлений, технологий, институтов за счет их модификации⁷³.

Иные модели сложились в обществах, сильнее отставших и дальше стоящих от генеральной линии, но все же самостоятельно модернизирующихся, а также играющих активную политическую роль. Например, в России и Японии. Несколько по-иному обстояли дела в странах, имеющих меньшую политическую значимость, например в Лаги некой Америке. Наконец, на нисходящих этапах формации (какова сегодня третья, индустриальная) переход к ее зрелым стадиям у отставших обществ модифицируется уже явлениями новой, молодой формации. И в странах Юго-Восточной Азии мы видим особые модели (в чем-то напоминающие японскую, но с гораздо большей интеграцией и ориентацией на экспорт).

В принципе мы можем при большом масштабе говорить всего о двух моделях: *самостоятельной и несамостоятельной, точнее, ближе стоящей к самостоятельному пути или ближе стоящей к заимствованию*.⁷⁴ Но вообще-то, чем обстоятельнее мы анализируем определенную формацию, тем больше моделей (а при еще большей детализации — их вариаций) можно выделить.

От формационного обратимся теперь к уровню отдельного общества. Именно на нем и следует рассматривать закон соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Дело в том, что, как уже говорилось, понятия производительных сил и производственных

⁷³ Примеров здесь много. Возьмем хотя бы демократию. Сколько образовалось ее форм и переходных типов. Но все же это была в целом одна модель классического капитализма с определенными неравенством и ограничениями.

⁷⁴ Но иногда удобнее говорить о трех или четырех. Например, добавить полусамостоятельную, а несамостоятельную разбить на две: когда формация идет на подъем и когда она идет на спад.

отношений (так же, как базиса — надстройки и других) целесообразно использовать лишь в рамках отдельной общественной системы. Для формационного анализа пользоваться теми же терминами — значит сознательно запутать ситуацию. Это было методологически обоснованно, когда предполагалось, что формационные законы — процессы, принципиально однотипные и в социальном организме, и в общечеловеческой системе. В таком контексте данный закон мог выставляться как самый ведущий⁷⁵. Однако явные его несоответствия с историческими реалиями все равно заставляли работать в области уточнения формулировок. По поводу последних было много споров⁷⁶, правда, большей частью схоластических, вытекающих из абсолютистских и объективистских подходов. (Нет смысла их рассматривать здесь.) Все это стало, очевидно, одной из причин уменьшения интереса к данной проблеме, о чем остается только сожалеть. В рамках же общественной системы этот закон становится весьма эффективным. Но, конечно, его действие можно проследить и на более высоком уровне, например в пространственно-временных группировках экономического и производственного характера. Для современности, в связи с выходом производительных сил за национальные рамки, такой масштаб можно даже рассматривать как важнейший. Особый случай, когда этот закон применяется для общества-первопроходца, открывающего человечеству путь в новую формацию (ее этап). Тогда обе модели (формационная и одного общественного организма) сближаются, а сам закон находится как бы на стыке этих двух уровней. Тем не менее основной, **базовый** уровень действий данного закона — отдельное общество.

⁷⁵ Но сама постановка вопроса некорректна. Вот один из многих примеров. Японский философ-марксист Янагида Кэндзио на им же самим поставленный вопрос: «Какой же из законов, господствующий в человеческом обществе, является самым основным, коренным законом, пронизывающим все историческое развитие?» — отвечал, что первый состоит в том, что в основе развития всей истории (и всех идей) в конечном счете находится главный фактор, то есть развитие материальных производительных сил; а «второй основной закон истории» «проявляется в том, что производственные отношения по-разному складываются в различные эпохи и должны соответствовать ступени развития производительных сил своей эпохи» (Янагида К. Философия истории. М., 1969. С. 80, 83, 87).

⁷⁶ См., например: Материалистическое учение К. Маркса и современность // Межвузовский сб. Вып. XIII. ЛГУ, 1985. С. 8; Бостамджан К. М. Диалектика становления коммунистического способа производства. М., 1967. С. 187.

Кроме того, в моем понимании, данный закон надо формулировать как закон соответствия *распределительных отношений* производительным силам (причем с учетом включения в последние окультуренной природной среды). Ведь на производство крайне сильно влияют не только отношения, связанные с владением и управлением, но и вся распределительная система. Нередко запреты, налоги, принудительные работы, расстройство денежной системы, поенные тяготы и другое действуют на состояние производства гораздо сильнее отношений собственности. Обо всем этом шла речь в специальном параграфе⁷⁷.

Разумеется, в указанной формулировке этот закон может быть представлен в разных своих аспектах. И одним из важнейших среди них как раз будет соотношение производительных сил и производственных отношений, если последние рассматривать как часть распределительных отношений, более тесно связанных именно с производственным процессом. Такое сужение закона для значительного числа ситуаций и правомерно, и продуктивно, поскольку в ряде случаев здесь и надо искать главный нерв соотношения производства и распределения вообще. И нередко закон будет проявляться наиболее зримо именно в таком аспекте. Весьма полезно вспомнить и о понятии производственной организации общества⁷⁸. В отдельных случаях указанный закон можно сузить до соотношения ее производственно-иерархической и общественно-распределительной сторон (частей)⁷⁹. Например, при исключительно важной роли собственности на средства производства и не слишком большом разрыве между ее функциями владения и управления (каковые сегодня сильно разошлись)⁸⁰.

Что же можно сказать об этом законе? Одна из его формулировок выглядит так: *чем более полное соответствие устанавливается между производительными силами и распределительными отношениями, тем незаметнее*

⁷⁷ См.: Настоящую работу, глава 3, § 4 // Философия и общество. 1997. № 4.

⁷⁸ См.: Настоящую работу, гл. 3. § 3. // Философия и общество. 1997. № 3. С. 86—92.

⁷⁹ См.: Там же. С 89.

⁸⁰ Или в ситуации полного огосударствления и существования правящего слоя управленцев-распределителей, или в ситуации, где производство полностью ориентировано на внешнюю торговлю.

проявляется сам закон.

Это объясняет его «отсутствие» во многие периоды⁸¹. Это позволяет яснее увидеть и разные фазы (стадии) данного закона, в которых его проявления сильно отличаются. Можно сказать, что *в действии закона существуют по меньшей мере две сменяющие друг друга фазы: соответствия — несоответствия*. Но фактически правильнее говорить о четырех фазах.

Первая, которую можно было бы назвать фазой соответствия или притирки, связана с обычным, то есть не кризисным его состоянием. Здесь так или иначе производительные силы соответствуют распределительным (производственным) отношениям. Производственная организация достаточно консервативна. Словом, налицо общие свойства соответствия элементов в системе. Ведь «самым главным и фундаментальным свойством системы является взаимозависимость частей или переменных. Эта взаимозависимость состоит в строгой определенности отношений между частями или переменными и противостоит случайностям изменений»⁸².

Такое соответствие, однако, редко бывает полной неподвижностью производства и распределения даже и в так называемых традиционных обществах⁸³. Обычно более или менее серьезные изменения и в тех и в других в течение не столь длительных временных периодов все же бывают. Свою роль тут обязательно играют природные изменения и прочие особые события. Но едва социальная жизнь становится несколько сложнее, эти колебания все чаще объясняются изменениями в самом обществе или в производстве.

Очевидно, что на состояние производительных сил прямо или косвенно влияют самые различные факторы. Помимо войн и прочих политических событий, огромное воздействие оказывают разнообразные реформы или какие-то административные

⁸¹ И поэтому-то многие ученые, не понимая природы данного закона, отвергают его.

⁸² Так считал Толкотт Парсонс (см.: Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 113).

⁸³ Это может быть лишь у доисторических народов, вроде дикарей, которые жили в условиях природной благодати и стабильности. А в период после перехода к развитому сельскому хозяйству такое состояние правомерно относить только к достаточно коротким периодам.

изменения (ошибки, нарушения и т. п.). Так, земля может перейти из частной собственности в государственную или общинную и наоборот. Налоги могут быть более или менее тяжелыми и соответственно стимулировать рост производства или тормозить его. Правильный денежный оборот увеличивает товарность, порча денег ведет к натурализации производства и т. п. Примеры тут бесконечны.

В свою очередь какие-то перемены в производстве меняют распределительные и общественные отношения, иногда на короткий, иногда на длительный период. Неурожай или стихийное бедствие могут заставить снизить налоги или отказаться от престижных строителей, увеличение населения — провести передел земель и т. п. Какие-то изобретения приводят к введению в оборот новых земель и возникновению производств, росту городов и торговли. Возможность расширять производство экстенсивно в одних случаях (моментах) ослабляет жесткость отношений, в других — усиливает. Например, в России свободные земли ослабляли экономические рычаги пласта, но усиливали закрепощение крестьян.

Такие колебания можно рассматривать как особую промежуточную — между полной притиркой и разрывом и уровнях — форму проявления исследуемого закона. Ведь и здесь на меньших временных и пространственных объемах осуществляются подтягивание отношений к уровню производства⁸⁴ или, наоборот, упадок (редукция) производительных сил в связи с более мощным в этой системе влиянием других элементов.

Однако ситуация эта сильно затемняется влиянием самых различных моментов. Ведь и на распределительные отношения, и на производительные силы временами оказывают очень существенное воздействие факторы, связанные с войнами, религией, жестким социальным делением⁸⁵. В любом случае

⁸⁴ В рамках однотипных производительных сил распределительные отношения могут существенно меняться в результате социальных, политических, военных или иных вещей. Но эти изменения в любом случае нельзя рассматривать как революционные в плане перехода на новые ступени развития.

⁸⁵ Стоит напомнить, что распределительные отношения во многих обществах чуть не намертво сплелись с другими. И только там, где отношения частной собственности ясно отделены от других сфер, эта спаянность не столь сильна. И, может быть, поэтому в

действие закона на коротких временных отрезках просматривается хуже, чем на длительных, из-за различных кратковременных влияний и колебаний. Кроме того, пока нет качественного рывка в производстве, их фундаментальное влияние на всю систему ощущается недостаточно. При этом многие отношения и институты уже как бы отрываются от породившего их базиса. К слову сказать, в этой самостоятельности таится зерно будущего конфликта, когда традиционные общественные отношения и слои, которым они выгодны, препятствуют развитию нового типа производительных сил.

Рассмотренное состояние закона можно назвать не полным, а относительным соответствием. И несомненно, что в реальной истории (и тем более обыденной жизни) подобные изменения и колебания — исключительно важные и весомые вещи, составляющие для историка смысл его предмета исследования. *Однако в целом для крупного (формационного) масштаба времени эти изменения можно считать колебаниями вокруг некоего уровня и в определенных, хотя и достаточно широких рамках.* И уровень, и рамки задаются принципиальным уровнем производительных сил⁸⁶, подъемы и откаты которых не ведут к смене типа распределительных отношений⁸⁷. И аналогично наоборот.

Итак, революционного изменения в производительных силах и непреодолимого в рамках прежней формации разрыва между

капиталистических странах такие минициклы стали принимать характер экономических кризисов, как специфической формы взаимоотношений производительных сил и производственных отношений.

⁸⁶ Нередко географической средой: либо плодородием почвы, либо местом в мировом разделении труда, наличием полезных ископаемых и т. п. Поэтому связь географической среды (той ее части, которая включается в производительные силы) и надстроечных форм можно рассматривать как один из вариантов проявления данного закона. Этот аспект важен для характеристики любой эпохи, но, может быть, особенно — для сегодняшней. «Если страна примет решение, зафиксированное в политическом документе, оплачивать реальную стоимость природной среды, то это вызовет глубокое преобразование всей ее экономической жизни. Ввести в нашу экономику понятие ценности природы, прежде считавшейся ничтожной, — значит' революционизировать ее и вызвать столь же глубокое изменение, какое вызвало появление машин в XIX в.», — справедливо писал почти тридцать лет назад один из защитников природы (СенМарк Ф. Социализация природы. М., 1977. С. 229). Само собой очевидно, что в этой проблеме, как в клубке, спутаны все области, слои, и подсистемы, и интересы общества.

⁸⁷ Имеется в виду принципиально новый уровень распределительных отношений, соответствующий новому формационному типу отчуждения.

ними и распределительными отношениями в состоянии относительного соответствия не может быть. Однако в то же время все эти изменения и колебания в производстве не проходят вовсе бесследно, но в конечном счете создают условия для качественного развития. Постепенно накапливаются производственные, технические и технологические достижения, опыт торговли, организации, понимание влияния различных действий на благополучие общества. Словом, хотя с откатами и медленно, но развитие идет. В некоторых обществах оно идет по пути интенсификации производства. Условия же для такого развития в той или иной мере есть всегда. Ведь в любом обществе технические возможности производительных сил всегда используются не полностью. Какая-то часть людей не работает, имеются резервы, известны (но мало используются) более рациональные приемы труда. И когда резервы экстенсивного развития исчерпываются, эти резервы и потенции могут быть использованы.

В результате интенсификации производства увеличивается и прибавочный продукт. На первых порах это может вести к тому, что старые общественные формы даже растут и обретают невиданную ранее четкость, то есть становятся сверхзрелыми. Намечается разрыв между возросшими производительными силами и распределительными (производственными) отношениями, но разрыв, связанный уже не с колебаниями, вызванными временными явлениями, а с таким качественным изменением производства, которое в будущем «взорвет» соответствие. Закон переходит в следующую фазу: *формирования новых производительных сил*.

В обществах-первопроходцах эта стадия связана не просто с суммированием различных достижений, сделанных в разных местах, но и с созданием (особым использованием) какого-нибудь важного нового фактора в производительных силах, способного в будущем полностью перестроить их и увеличить их возможности во много раз. При заимствовании готовых производительных сил длительность и характер протекания этой фазы, естественно, меняются.

Постепенно новый сектор укрепляется и обретает

системность, но еще не слишком вступая в конфликт с распределительными отношениями, которые в чем-то даже усиливаются. Это может быть связано с тем, что избыточных ресурсов становится значительно больше, но общество еще не выработало правила и идеи о том, как их расходовать. В результате старые представления и объекты затрат проецируются на новые возможности⁸⁸. И соответственно ресурсы расходуются расточительно. Но постепенно интересы и прагматизм тех, кто создает или аккумулирует эти излишки, начинают брать верх. По мере расширения нового сектора новые потребности вступают в противоречие со старыми распределительными отношениями. Закон входит в новую фазу (противофазу первой) — *кризисную*. Здесь уже производительные силы перешли на новый этап, а распределительные отношения сильно отстают от них и мешают их распространению. Действие закона становится кризисным. Но кризис может принимать весьма различные формы. И чем дольше и сильнее он идет, тем большее число сфер и отношений захватывает, так что глубинные его причины оказываются спрятанными, закамуфлированными, непонятными. Причем, *чем длительнее кризис, тем с большими разрушениями для системы он разрешается*. А слишком сильный внутренний конфликт может отодвинуть общество от генеральной линии еще дальше, чем оно стояло прежде.

В случае удачного разрешения кризиса распределительные отношения, а с ними вся общественная система начинают перестраиваться на более высоком уровне. Но перевороты и революции, затрагивающие распределительные отношения, в том числе собственность, как известно, в первую очередь могут менять то, что в наибольшей степени сдерживает эти попытки перемен: духовные, политические, национальные и другие отношения.

Так или иначе, закон вступает в следующую, четвертую фазу (противофазу второй) — *подъема*. Распространение более высоких производительных сил ведет к увеличению прибавочного продукта, росту населения (качества его жизни), изменению потоков благ. А все вместе может вести к тому, что

⁸⁸ Бывает и наоборот, что общество беднеет, а потребности более богатого состояния проецируются на нынешнее бедное. Отсюда часто возникают кризисы.

теперь уже *распределительные отношения как бы открывают простор для дальнейшего роста производства*. Ведь в результате общественных переворотов часто создаются отношения и институты, намного опережающие сиюминутные потребности⁸⁹.

Надо сказать, что в зависимости от разных причин и число фаз, и их протекание могут существенно меняться, и модели могут быть иными. Но рассмотренная — в целом может быть признана базовой. В зависимости от задачи меняется и понятие качественного изменения производительных сил.

Стоит отметить, что действие этого закона наиболее четко прослеживается в определенных исторических (временных) границах: *это эпоха индустриализма до перехода от промышленного к научно-информационному производству*. Недаром же указанный закон был сформулирован в эпоху завершения промышленного переворота. После него развитие производительных сил идет во много раз быстрее, чем раньше. Производство все более технизируется и отделяется от природы. По сравнению с сельскохозяйственной эпохой распределительные отношения «реагируют» на изменения в производительных силах гораздо быстрее. Поэтому цикл отставания и подтягивания распределительных отношений к производительным силам не слишком длителен. Одно из проявлений этого — периодическое возникновение и разрешение экономических кризисов. Экономика сильнее отделяется от других сфер. А расширение демократии делает разрешение общественных проблем более спокойным.

По сравнению же с современностью производство не столь стремительно, а рассмотренный цикл не деформирован непрерывными кумулятивными изменениями. В этот период материальное производство еще достаточно ясно отделяется от

⁸⁹ В такие переходные периоды, когда ломаются или трансформируются старые общественные конструкции и сдержки, когда появляются вакансии на занятие более высоких мест в социальной иерархии и — самое главное — нет четких и строгих правил занятия этих мест, возрастает роль индивидуальной инициативы. Это может объяснить некоторые источники и движущие силы «бурления» обществ в переходные периоды и причины замедления их развития в более зрелые, спокойные периоды. И, кстати, при этом отпадает необходимость во всякого рода теориях, которые вводят лишние сущности, вроде пассионарности. Ведь такая активность-пассионарность часто связана именно с открывшимися возможностями и стремлением занять свое место, поскольку правила игры жестко не определены.

духовной деятельности, а природа еще выглядит внешним фактором по отношению к производительным силам.

В современных же условиях производительные силы, во-первых, все сильнее пронизывают другие сферы, которые ранее противопоставлялись им, во-вторых, их влияние коренным образом меняет параметры географической среды и противопоставление природы и производства в чем-то оказывается перевернутым по сравнению с прошлым, а в чем-то исчезает. В-третьих, в условиях же постоянных изменений в производительных силах так или иначе идут постоянные (хотя и с лагом) изменения и в распределительных и в прочих отношениях, поэтому вся общественная система находится как бы в непрерывном движении. Следовательно, здесь менее четкий цикл, но более наглядна зависимость уже всей системы от производительных сил и, конечно, обратно.

При непрерывном ускорении исторического развития, мотор которого в развитии производительных сил, другие общественные подсистемы просто не успевают за ними. В то же время сегодня невозможны ни автономия, ни консерватизм, ни подчинение им производительных сил, что являлось обычным для прежних эпох. Невозможно и длительное отставание. В результате идет непрерывная деформация разных сфер. Пока устраняется старый разрыв, очередные изменения в производительных силах уже вновь влияют на трансформирующиеся сферы. Особенно это заметно в модернизирующихся и догоняющих странах.

Таким образом, *закон соответствия распределительных отношений производительным силам фактически перерастает в закон соответствия между производительными силами и системой в целом*⁹⁰. При этом разные сферы имеют разную степень соотношения с темпами изменения производительных сил. Это, конечно, прослеживается и для прежних эпох. Именно поэтому и можно говорить о том, что *в конечном счете коренные*

⁹⁰ И это согласуется с тем, что говорилось в § 3 данной главы о законе все большего ускорения развития. Само собой, что независимой переменной можно избирать и любые другие подсистемы, ведь в непрерывном процессе точка отсчета в значительной мере произвольна. Но выбор именно производительных сил и более эффективен, и более доказателен, и более нагляден в современных реалиях. Но я не исключаю, что в будущем, при иных типах развития, чем сегодня, место такой переменной могут занять иные системные элементы.

перемены в производительных силах влекут и коренные перемены в других сферах. Однако прежде такой временной лаг был слишком велик, а отсюда причинная связь была менее очевидной, а различные иные воздействия в этом интервале иногда крайне значительны. И такая зависимость *лучше* просматривалась в формационном, чем в общественном масштабе.

Обратимся теперь к знаменитому спенсеровскому закону. Как известно, важнейшим законом развития мира вообще, включая и общество, Спенсер, развивая идеи биолога и философа Бэра, считал закон перехода вещества по мере его качественного развития из неопределенной (т. е. недифференцированной, неспециализированной и т. п.) однородности к определенной (т. е. более специализированной) разнородности. Вот одна из его формулировок: «Эволюция есть интеграция вещества, которая сопровождается рассеянием движения и в течение которой вещество переходит из состояния неопределенной, бессвязной однородности в состояние определенной связной разнородности, а сохраненное веществом движение претерпевает аналогичное превращение»⁹¹.

Это действительно и глобальный, и соответствующий фактам, и часто весьма наглядный закон. Сорокин определял его как двусторонний процесс дифференциации и интеграции, обоснованный Спенсером и развитый в приложении к обществу Дюркгеймом, Зиммелем и другими, и считал его одним из наиболее достоверных законов социальной жизни⁹². Мне кажется, что и сегодня он очень важен для понимания развития. Но, конечно, как и любой крупный, тем более сквозной эволюционный закон, он, во-первых, имеет и противоположную тенденцию, во-вторых, никак не прикладывается ко всем процессам или имеет очень серьезные отличия при приложении

⁹¹ Цит.: Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К. Буржуазная философия середины XIX — начала XX века. М., 1988. С. 66. При этом, как было свойственно его времени и как часто свойственно ученым всех времен, открывшим нечто действительно объективное и объемное. Спенсер неизбежно преувеличивал приложимость и роль своего закона. «Сущность всего прогресса, начиная с отдаленнейших времен прошлого, которых наука имеет хоть какую-нибудь возможность достигнуть, и до вчерашней летучей новости, и заключается в превращении однородного в разнородное», — писал он (цит.: Там же. С. 52). Правда, это было сказано им в молодые годы, однако и до конца жизни он полностью не избавился от подобных взглядов.

⁹² Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 509.

его к разным областям и явлениям, тем более при попытках использовать его для описания не просто социальной жизни, а исторического процесса. Преувеличение его значения (как и любых других) ведет к его дискредитации⁹³.

Указанный закон во многом постигла общая судьба идей Спенсера, которые во второй половине XX века вообще отвергаются как якобы устаревшие или даже ложные. Например, известный американский философ Коэн пишет: «Тем не менее, если социальная эволюция и означает что-то определенное, то она означает только то, что все вещи изменяются, причем изменяются в определенном направлении, и лишь Спенсер попытался показать, что изменение совершается как переход от простого к сложному, от гомогенного к гетерогенному. Философским критерием этого положения явится вопрос: «Что есть простое? Будем ли мы отрицать, что судебный процесс в настоящее время проще, чем варварские законы с их подробно разработанными сложными правилами? Можем ли мы сказать, что синтаксис современного английского языка сложнее синтаксиса англосаксонского языка с его изменяемыми окончаниями слов, склонениями и спряжениями?» Постановка таких вопросов показывает расплывчатость, если не ложность спенсеровской формулы»⁹⁴.

Конечно, можно спорить о том, что есть простое и как его определить. Однако вопросы, которые задает Коэн, не совсем корректны. Ибо он спрашивает о частностях, об элементах систем права и языка, причем и в отношении этих элементов его утверждения весьма спорны. Но ведь речь должна идти о сравнениях систем в целом. Следовательно, точнее было бы задать вопрос о том, является ли варварское право более простым, чем современное? Является ли современный английский язык

⁹³ И такие преувеличения многократно имели место. Поэтому достаточно скоро, уже в начале XX века, стали очевидными ограничения при использовании эволюционных принципов. Например, в одной работе, использовании эволюционных принципов. Например, в одной работе, написанной в 1918 г., указывалось, что эволюционные исследования не могут быть успешными без осознания того, что изменение, если оно случается, должно иметь место при особых условиях и внутри ограничения времени и места. Все изменения имеют временную и географическую «оправу» (Teggart F. Op. cit. P. 141).

⁹⁴ Коэн М. Р. Американская мысль. М., 1958. С. 63.

как система с его колоссальным лексическим запасом, культурными и фразеологическими матрицами, расхождением между фонетикой и написанием и прочим, более сложным и более дифференцированным, чем англосаксонский? Тогда ответить было бы легче. А ответы подтвердили бы скорее правоту Спенсера, чем его оппонента.

Но дело не в конкретных проблемах. Главное в том, что критика направлена на детали, не затрагивая главного — как отрицательного, так и положительного — в спенсеровских идеях. Мало того. Коэн не только не замечает коренную методологическую и гносеологическую ошибку Спенсера (и вообще его времени), то есть представления, будто действие глобального закона проявляется одинаково и в большом, и в малом масштабах, и в общей тенденции, и в противоположных ей частностях, но как будто фактически солидарен с ним в таком понимании закона, поскольку требует именно такого подтверждения идеи. А раз это невозможно, он отвергает концепцию Спенсера вместе с тем положительным, что в ней есть. Такой подход неизбежно ведет к отрицанию любых законов в истории и даже общественной жизни. Напротив, при отказе от него меняется взгляд на социальную теорию, и закон Спенсера занимает среди них почетное место. Но, конечно, он не является главным, все объясняющим положением, каким представлял себе его автор.

§ 5. Закон подвижности (замены) функций

В этом параграфе мы обстоятельно рассмотрим закон, к которому в дальнейших главах будем еще не обращаться¹. Одновременно представляется случай продемонстрировать возможную методику описания законов².

Под **подвижностью** здесь понимается изменение места функций по значимости в их общей системе. Так, например, у искусства в

¹ Этот закон, как и ряд других, описанных в этой главе, сформулирован и вводится в научный оборот мной. Стоит заметить, что, хотя здесь мы сосредоточимся на общественном развитии, закон подвижности (замены) функций в определенной мере характерен вообще для эволюции.

² В том числе, как использовать тот алгоритм, который описан в § 2 данной главы (см. настоящую работу // Философия и общество. 1998. № 6. С. 48—50).

разные периоды менялись по важности воспитательная, идеологическая, развлекательная, эстетическая и другие функции. В это понятие также включены различия и колебания в полноте и адекватности реализации функций. Степень исполнения законов, поддержания порядка и многое другое легко привести в качестве иллюстраций³. Это вполне тривиально и составляет, собственно, одну из причин разнообразия и неповторимости истории, но, к сожалению, часто забывается, когда универсальные понятия пытаются применить к конкретным задачам.

Под **заменой** имеется в виду утрата каких-то функций (отказ от них) и (или) приобретение других. Например, если в результате преобразований уничтожаются определенные отношения, отпадает и функция их поддержания. Потеря колониальной империи, очевидно, делает лишней и функцию управления ею. Существенная трансформация какой-то организации ведет к потере ею своих главных функций. Скажем, у коммунистической партии России основные для прежнего времени функции утрачены, но зато другие (быть оппозицией) приобретены⁴.

К значению термина «функция» мы вернемся чуть позже. Только оговоримся сразу, что само обобщение каких-то действий или вещей в ту или иную функцию есть результат большего или меньшего абстрагирования и определенного мыслительного огрубления, а значит, нередко в одно целое объединяются достаточно разные или даже спорные вещи. Неучет этого может стать причиной серьезных ошибок.

Данный закон может быть представлен рядом формулировок. Наиболее общая, объясняющая и его название, выглядит так: *развитие какого-либо объекта (то есть явления, отношения, института, организации в широком смысле слова и т. п.)⁵ связано с подвижностью и (или) заменой выполняемых им функций. Поэтому в*

³ Например, армия может начать выполнять не столько боевую, сколько парадную роль. И тогда этой стороне станут уделять главное внимание, как было в русской армии времен Николая I, где господство вала шагистика.

⁴ Иногда такие перемены очевидны и ясны. Но нередко (особенно в традиционных обществах) какие-то функции сохраняют старое название и обрядность, но по содержанию становятся совершенно иными. Подарки перерастают в налоги, добровольность — в принуждение, демократия — в оправдание тирании и т. д. Поэтому граница между заменой функций и их подвижностью не столь очевидна.

⁵ В этом параграфе я буду часто употреблять слово «объект» именно в таком собирательном смысле.

общей системе функционирования объекта могут меняться как число функций, так и их иерархия, а также качество, объем, полнота и прочие характеристики реализации функций.

Но раз функции жестко не закреплены ни в количественном отношении, ни по их важности между собой и в отношении объекта в целом, значит, в разных условиях на первый, второй и т. д. план выходят порой прежде неглавные, второстепенные⁶, совсем новые, а то и вовсе бывшие лишь в потенции и т. д. При этом иногда общий набор функций может в основном совпадать, а их иерархия и комбинация быть весьма разными в зависимости от всей системы и остальных вещей. От этого в огромной степени меняются и характеристика явлений, и смысл категории. Вот для иллюстрации интересный вывод историка: «Являясь, как и европейский город, многофункциональным образованием, восточный город отличался ги-пертрофированностью одной из его функций, а именно военноадминистративной»⁷.

Следовательно, от эпохи к эпохе, от общества к обществу сходные институты, отношения и явления, выражаемые в определенных категориях, по своим функциям часто существенно различны. И чтобы не совершить ошибки или подмены при сравнении одноименных объектов в разных обществах и эпохах, об этом необходимо помнить. Сказанное объясняет, почему одни и те же институты (иногда точно скопированные) дают в несходных обществах разный результат, а функции однотипных объектов порой становятся противоположными.

Механизм действия закона подвижности (замены) функций частично объясняется еще и тем, что в любом действующем объекте всегда есть потенциальные, то есть вообще незаметные, функции, а также те, которые играют очень малую или эпизодическую роль. При этом любое изменение функций может создавать новые потенции, поэтому такой процесс бесконечен. К этому моменту мы еще вернемся.

Для того чтобы лучше понять, какова область применения данного закона и когда он наиболее ярко проявляется, нужно произвести ряд мыслительных операций. Начнем с того, чтобы

⁶ Например, государство всегда осуществляло функцию социального страхования и обеспечения, но в малых размерах и для немногих. В определенный же момент она стала разрастаться и превратилась в важнейшую.

⁷ История Востока: В 6 т. Т. П. Восток в средние века. М., 1995. С. 636.

подобрать противоположный закон, связанный с неизменностью, неподвижностью функций (неважно, если практически он непригоден). Тогда формулировка могла бы быть следующей: чем короче рассматриваемый отрезок времени и чем конкретнее при этом объект, тем неподвижнее функции и сильнее их инвариантность. Таким образом, *закон подвижности (замены) функций неприменим к сиюминутной ситуации, если только это не момент как раз смены функций.*

Теперь стоит сказать о **критических точках**. Можно выделить **временные, пространственные** (то есть связанные с определенным историко-географическим пространством), а также **смысловые**, то есть связанные с объемом вкладываемого в термин содержания. Все их надо разделить на **верхние и нижние**.

Одна из критических точек, а именно **нижняя временная**, только что была задана. Можно также наметить **смысловую и пространственную нижние** критические точки. **Смысловая** ставит следующие пределы: мы опускаемся ниже класса объектов и упираемся в единичный объект⁸. Но обязательно отметим, что речь идет не об уникальных вещах, а имеющих аналоги в других местах. Уникальные вещи требуют особой методики исследования. К ним закон применим с большими оговорками или в отдельных случаях. Нижний смысловой предел — нередко даже не целый крупный объект, а одна из его структурных единиц, например часть важного института или конкретный механизм определенного отношения. Но при этом мы говорим не просто о «колесике и винтике» более широкой системы, а о довольно оформленном в системном отношении и структурно достаточно сложном элементе какого-то объекта. В качестве примера можно взять определенные важные налоги (включая систему их сбора, место в общих поступлениях, отношение к ним в обществе, со стороны идеологии, власти и т. п.) как часть налоговой системы в целом.

Сказанное о смысловом касается и пространственного объема. Так, какой-нибудь отдельный город в рамках единого общества может стать пределом, если мы говорим о базовом национальном рынке, то есть если городское хозяйство тесно интегрировано в национальное.

Что касается **верхних** критических точек, то **временная**

⁸ Единичные фактически или по типу, то есть в принципе однотипные и ограниченные одной системой. Скажем, крестьянская община одной страны есть совокупность множества мелких поселений. Но если структурно они сходны, то мы и считаем их все за один объект.

ограничена тем периодом, в течение которого объект имеет определенные родовые черты своего класса, позволяющие его идентифицировать. Значит, в эпохах до рождения этого явления и после его трансформации в нечто иное сравнение становится уже затруднительным. Рассматриваемый закон, таким образом, может касаться в зависимости от нашей задачи как всего исторического процесса, так и определенной его части.

Пространственная точка показывает, что границы тут широкие, вплоть до всего человечества, поскольку многие объекты можно рассматривать в ряде обществ многих эпох. Но **смысловая** говорит, что предел здесь — достаточно оторванная от реалий абстракция. *Ведь чем абстрактнее категория, чем больше типов и подтипов, обобщающих конкретные явления (отношения, институты), оно вбирает в свое содержание, тем сложнее определить точку отсчета для применения закона и методiku его использования.* Поэтому, хотя общее название объекта по содержанию может включать в себя довольно много (иногда даже очень много) вариаций, однако речь идет о терминах, которые описывают конкретные исторические воплощения⁹. Об этом мы еще скажем.

Рассмотрим теперь, когда он проявляется наиболее ярко. Очевидно, что для него нужны определенные объемы времени, пространства, содержания. Наибольшие сложности могут быть именно с последним. Ибо это должно быть нечто действительно «весомое», «осязаемое», «реальное» в историческом плане, естественно структурированное, а не аморфное, объединяемое лишь силой нашего мышления. Если брать объем общества (социального организма), то при анализе его наиболее крупных подсистем (производственной, политической и др.) проявления закона не столь очевидны. Ведь в таких подсистемах (сферах) мы изначально стремимся выделить именно сквозные и весьма абстрактные функции. А вот отдельные объекты (моменты, институты, отношения), представляющие **второй-третий уровень от уровня подсистем-сфер, и дают наибольшую яркость проявления.** Так, среди политической подсистемы можно выделить государство, отдельные его органы или части (вроде судебной системы, армии, крупных политических

⁹ Данный закон применим не только к одноименным объектам, но и определенных случаях и к разноименным, если они выполняют сходные функции, чтобы сравнивать эффективность их реализации. Так, мы могли сравнивать, скажем, государство и рынок в регулировании хозяйственной жизни.

партий). В духовной сфере — церковную или идеологическую организации. Среди социальной сферы — особые институты, способствующие делению общества или его устойчивости (например община). Можно вспомнить и о том, что я называл единицами анализа (социальными, политическими, этническими и прочими)¹⁰. Часть из них хорошо подходит в качестве примера яркости.

Значит, будучи очень емким во временном отношении, закон не таков в плане содержания, поскольку более подходит для вполне определенных системных институтов или отношений, чем для высоких абстракций. Например, он более эффективен для анализа института частной собственности, налогов и прочего, но меньше — для распределительных отношений в целом. Поэтому хотя он в известной мере и применим для выведения формационных характеристик горизонтальной линии исторического процесса, но гораздо удобнее не для выведения непосредственно формационных категорий, а для предшествующих им уровней и, так сказать, их составных моментов (и даже несколько ниже)¹¹.

Итак, закон подвижности *ярче проявляется для объектов реально-исторических (то есть очевидных, наглядных для любого исследователя), причем в то же время имеющих достаточно широкий и неопределенный набор функций; для больших временных и пространственных объемов; а также там, где старые формы используются для несвойственных им задач или реанимируются.*

Следовательно, более всего он значим в теории истории (а также и в социологии истории, например при типологии явлений), поскольку имеет дело с абстракциями меньшего объема и опирающимися на вполне очевидные реальности (такие, как «средневековый город»). Собственно, именно для таких объектов М. Вебер и разрабатывал свой знаменитый метод идеального типа. При этом выстраивается целая лестница уровней обобщения, от конкретного исторического явления до предельной абстракции¹².

¹⁰ См. Настоящую работу// Философия и общество. 1997. № 3. С. 33—36.

¹¹ Другими словами, если мы ведем речь о типе политической организации обществ как формационной категории, то данный закон будет удобен для анализа составных ее моментов: государств (и их структурных частей), политических организаций, правовых систем и определения их функций в движении. То же касается и такой категории, как тип отчуждения благ и личности. Здесь мы можем говорить об отдельных видах собственности, налогах и прочем.

¹² Возьмите, например, религию, и можно увидеть, как конкретные системы верований и культов обобщаются в понятия примитивных и развитых, языческих и монотеистических

Закон также вполне продуктивен и в историографии, особенно при использовании сравнительно-исторического метода. Но он весьма важен и в теории исторического процесса, так как объясняет некоторые механизмы появления нового качества, некоторые причины неравномерности развития и т. п.

Как и любой другой крупный закон, он тесно связан с целым рядом других и нередко проясняет механизм их действия. Например, его часто следует анализировать в паре со спенсеровским законом перехода однородного в разнородное, простого — в сложное. Ведь процесс дифференциации и заключается в том, что прежде единая функция распадается на несколько обособленных. Или возьмем закон сходных (несходных) ответов на сходные (несходные) вызовы. Новые, особенно судьбоносные для объекта задачи и проблемы требуют крайнего напряжения, часто неординарных или прежде невозможных действий. Отсюда как сходство, так и несходство в ответах, следовательно, изменение или замена функций. Сказанное относится и к закону приспособления системы к внешней среде.

Наш закон также связан с законом победы лучшего, поскольку необходимость заимствования более эффективного заставляет приспособливать собственные институты к лучшим моделям, а тем самым менять их функции. Он важен при анализе закона складывания особых условий в местах появления нового и для понимания некоторых причин образования и сосуществования разных линий исторического развития; проясняет отдельные моменты законов соотношения формационного развития и развития отдельного общества. Он показывает некоторые движущие силы развития и причины использования старых форм для новых задач, а в определенной мере и объясняет, почему одни институты оказываются способными жить в течение ряда формаций, а другие нет.

В масштабе одной конкретно-исторической системы системные законы частично конкурируют, а частично дополняют исследуемый закон. Как известно, система стремится к равновесию, но может порой его достигнуть только за счет перегруппировки функций и мобилизации сил для выполнения наиболее важных задач. Такая трансформация часто ведет к изменению системы функций в целом. Кроме того, при регрессе объекта, естественно, изменяются и

функции, поскольку «разложение — это отказ от ряда присущих режиму функций»¹³. С другой стороны, некоторые общественные системы, подобно велосипеду, могут держаться (то есть существовать) только в движении¹⁴.

Остановимся на том, что следует в данном контексте понимать под термином **«функция»**. Разумеется, это не однозначное слово, хотя оно, как и «слово «структура», не обладает никаким магическим свойством»¹⁵. Здесь не будет смысла зависимости одного момента от другого (функция—аргумент). Часть содержания, если использовать философские словари, — внешнее проявление свойств некоего объекта в данной системе отношений¹⁶.

Но это, конечно, относится только к реальным функциям, потенциальные же, естественно, не проявляются, тем более внешне. Стоит также воспользоваться следующим уточнением: надо различать действия и результаты (последствия) этих действий. Например, в первом случае функция сердца — гнать кровь, во втором — поддерживать жизнь организма путем переноса кислорода и других веществ с помощью кровообращения¹⁷.

Основное же содержание термина здесь: определенные задачи, которые выполняют какие-либо объекты (институты, отношения и прочие), и при необходимости — результаты такой деятельности¹⁸. Но эти задачи-функции, конечно, имеют свою классификацию. Мы можем говорить о главных функциях, второстепенных и совсем незначительных, а также рудиментарных; о присущих (атрибутивных) объекту и случайных; о присущих постоянно и эпизодически; о сквозных для всего периода существования и временных; о всеобщих для данного института и свойственных лишь отдельным его видам и т. д.

Нас в данном исследовании более всего интересуют изменения функций и все, что с этим связано. Можно суммировать наиболее

¹³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. С. 258.

¹⁴ «Идея, Шумпетера о том, что капитализму чуждо равновесие, что он существует лишь благодаря последовательным нарушениям равновесия, деструктивным и созидющим, восходит к Марксу» (Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993. С. 328).

¹⁵ Там же. С. 321.

¹⁶ Философски речник. София, 1978. С. 640.

¹⁷ См.: A. Dictionary of Philosophy / Ed. T. Mautner. Oxford, UK—Cambridge, USA., 1998. P. 159.

¹⁸ Но смысл этого понятия связан также с контекстом. Чем шире и абстрактнее содержание анализируемого термина, тем абстрактнее выглядят и соотносимые с ним функции.

общие причины таких изменений.

1. В результате развития объекта от неразвитого к развитому и далее сверхразвитому (гипертрофированному) состоянию. Следует отметить, что по мере взросления какого-либо института и организации у них появляются и собственные, никем не закладываемые функции (самосохранения, укрепления власти, влияния и т. п.). Мы можем даже попытаться выяснить степень соответствия между задачами, которые ставит система в целом перед объектом, и его собственными интересами. 2. Увеличения или уменьшения размеров сверх предела. Понятно, что как религиозная секта, так и мировое религиозное течение существенно отличаются как по сумме функций, так и по их иерархии от национальной религии. 3. Под влиянием внутренних или внешних факторов, например социальной борьбы¹⁹. Особо отметим: 3а) в результате деградации объекта под воздействием внешних или внутренних причин. Распад государства ведет к примитивизации его аппарата, уменьшение населения — к изменению системы сбора налогов; прекращение государственной поддержки религии меняет функции контроля церкви над мирянами и т. п. 4. В результате изменения условий, породивших или оформивших ту или иную функцию. Например, отсутствие внешних нашествий ведет к уменьшению роли военной функции.

5. Противоположное — в результате появления новых вещей. Чем ближе к современности, тем большую роль среди причин изменения условий играет научно-технический прогресс. 6. Соперничество и подражание. 7. В результате попадания объекта в новую систему или создания принципиально новых условий, которые начинают перестраивать всю систему, например, когда новая задача должна выполняться старыми органами, что ведет порой к неизбежным переменам. В некоторых случаях налицо более или менее существенный разрыв между **объектом и какими-то его функциями**. Например, когда выполняется несвойственная данному органу функция или когда определенный институт, наилучшим образом справляющийся с данной функцией, убирается, и она

¹⁹ Таких примеров не счесть. Вспомним хотя бы один эпизод из истории Афин. До реформ Солона государство там служило интересам аристократии. После них начинается трансформация его для того, чтобы служить интересам в основном среднего гражданина, а не богатого в первую очередь. При этом многие органы государства формально сохранились, но стали другими, а прежде второстепенные функции стали основными.

«поручается» какому-то иному (как государство вместо рынка при социализме).

Очевидно, что характеристики функций очень тесно связаны с характеристиками самого объекта. По сути, степень и качество реализации функций, их соответствие ожиданиям, сравнение с аналогичными ситуациями в объектах того же класса и прочее есть важнейшая (порой основная) возможность анализа объектов. *Поэтому качественное его изменение (прогресс или регресс) должно вести к определенным изменениям и в его функциях.* Но подвижность функций может быть как связанной, так и не связанной с изменением **структуры** объекта. Монархия не меняется ни как институт, ни структурно, если вместо великого правителя приходит ничтожный. Просто в ней изначально заложена амплитуда различий, связанная с тем, какая личность будет править. Зато функции монархии (например ее групповая или классовая роль, способность защитить страну от врагов, поддерживать единство и т. п.) в описанном случае могут измениться. Армия может сократиться по численности в несколько раз (тем самым из агрессивной стать оборонительной), а структурно остаться прежней. И, напротив, структура может измениться очень сильно, а функции — не слишком. И очень часто всякого рода реформы проводятся именно для того, чтобы добиться лучшего исполнения уже возложенных на что-либо функций.

Можно сказать, что для каждого определенного объекта в определенный момент с учетом его резервов и потенций имеется определенный предел деятельности, своего рода «мощности», а сумма его функций составляет как бы определенную неизменную величину. Особенно это касается традиционных обществ, имеющих ограниченные ресурсы. Следовательно, перегруппировка функций ведет к усилению одних, но зато к ослаблению или отказу от других. Отсюда при изменении одной функции можно ожидать существенного изменения и во всех остальных. Значительное же и длительное превышение указанного предела, как это бывает в экстремальных ситуациях или при необычных правителях, способно вести к качественным изменениям объекта (иногда — к скачку в развитии, но часто — к деградации). В процессе таких поисков случается находить и новые неожиданные решения.

Итак, мы видели, что проявления закона зависят от величины рассматриваемого периода. Следовательно, и некоторые его формулировки можно связать с временными измерениями. *Чем*

длительнее существует нечто, тем существеннее меняются его функции. Но это правило, естественно, не действует, если объект находится не в развитии, хотя бы медленном, а в застывшем состоянии²⁰. Ведь соотносимые временные интервалы в первобытном и современном обществах колоссально отличаются. Поэтому *чем выше темп исторических перемен, тем заметнее меняются функции. А степень изменения функций прямо пропорциональна темпам и глубине изменений самого объекта, или стоящих перед ним задач, или окружающей его среды и обратно пропорциональна степени неподвижности его самого и окружающей его среды.* Это правило касается не только появления более высокого качества, но и смены характеристик объекта, которые не несут прогресса. Например, чем чаще идут войны, тем важнее военная функция государства. Чем больше военной (или иной даровой) добычи притекает, тем менее почетен труд и т. п. И исследование таких частных зависимостей может быть весьма плодотворным и продуктивным для теории и социологии истории.

Для теории же исторического процесса важным будет такое утверждение: *чем больше формационных этапов проходит объект, тем сильнее меняются его функции и тем нагляднее проявляется закон подвижности (замены) функций.* Но, рассматривая любой длительно существующий объект, мы видим, что *не только в течение одной формации, но и в рамках крупных ее этапов и даже внутри последних и число функций, и их роль в общей системе различны.*

Данный закон с определенной стороны характеризует **категории общего и особенного в историческом процессе.**

Например, на его основе можно сказать, что *число функций какого-либо института или явления, взятого в формационном (мировом) масштабе, всегда больше числа функций этого явления, взятого в конкретной обстановке.* Другими словами, число (сумма) разнообразных функций, присущих одноименным объектам одного класса (тем же религии, государству, искусству), существующим в разных обществах в рамках какой-либо формации, всегда больше числа функций, присущих одному из объектов этого класса в каком-

²⁰ Добавим, что по аналогии с законом соответствия распределительных отношений производительным силам можно сказать, что полной неподвижности здесь, как правило, нет, а есть колебания вокруг некоего уровня. Эти колебания выражаются в том числе в лучшем или худшем исполнении данной (или основной) функции.

либо определенном обществе определенной эпохи данной формации. Ведь в каждом обществе есть какие-то особенности, необычные, редкие, остаточные и т. п. функции, которые вместе создают весьма широкий спектр различий. Наконец, в общую сумму включаются также и функции рассматриваемого единичного объекта.

Но не только всякие, а даже и наиболее важные функции в полном своем наборе могут быть необязательны для конкретного объекта, либо они очень различно проявляются. Ведь в каждом явлении есть какая-то однобокость, и отсутствие одних институтов и функций объясняется тем, что они либо вовсе не требуются в данной обстановке, либо компенсируются другими, либо просто не появились, не развились, утратились по разным причинам²¹. Тем более это относится к формирующемуся институту, где новое прорывается лишь в определенных линиях, а не по всему фронту.

Это правило позволяет нам избегать ошибок, когда обобщенные характеристики какого-либо института пытаются найти непременно в каждом явлении. Следовательно, применительно к отдельному конкретному явлению определенных общества и эпохи можно говорить о **достаточности** функций (а также органов, институтов и пр.) для его характеристики как принадлежащему к данному классу (виду).

Итак, очевидно, что невозможно требовать полного набора даже главных функций как обязательного условия признания, что нечто относится к определенному классу объектов, а нужно ограничиться лишь **достаточным** их количеством. Но эта достаточность составляет камень преткновения и мучения для исследователей, особенно при анализе ранних, формирующихся объектов. В них ведь тем более невозможно надеяться увидеть полный набор функций, характерных для зрелых объектов. Например, находят отличие государства от догосударственных образований в том, что в нем институционализируется власть. И это в целом действительно так. Только для раннего, переходного государства такая институционализация идет не по всему фронту, а лишь в отдельных

²¹ Для иллюстрации можно обратиться к определениям государства Марксом и Вебером. В первом случае оно определялось как аппарат насилия, во втором — как организация, имеющая право на легитимность убийства (то есть особого рода насилия). И там, и тут, следовательно, подчеркивалось как основная функция насилие, но в разных его масштабах и аспектах. И то и другое определение правильно лишь для некоторых типов государств или для государств разных периодов, и ни одно нельзя рассматривать как всегда универсальное.

местах или даже в одном месте. Но такие перемены далеко не всегда бросаются в глаза и замечаются в массе еще господствующего старого²². Отсюда неправильно фиксируется момент перехода к новому. Поэтому мне кажется, что этот момент весьма часто легче определить не по появлению совершенно новых органов и институтов, а по трансформации функций в старых: выходе ранее менее важной на ведущее место или при переходе определенной функции к институту, ранее ею не обладавшему. Надо помнить и о законе Тейяра де Шардена об исчезновении первоначальных форм.

С другой стороны, в таких переходных объектах должны быть гибкость, большая податливость к меняющимся условиям и способность к развитию (в ретроспективе), что и наблюдается в ранних государствах в отличие от застывших структур их аналогов. Здесь можно проследить связь с законом исторической ретроспективы. С одной стороны, некоторые в зрелом виде важнейшие функции в начальных этапах можно угадать лишь ретроспективно. С другой — некоторые особенности, которые «лежат без движения» или невостребованными, вдруг через столетия или тысячелетия обретают исключительную значимость, выходят на первый план. Об этом уже шла речь.

Итак, очевидно, что данный закон связан как с горизонтальной, так и с вертикальной линиями. В рамках горизонтали он показывает вариантность тех или иных институтов, подсистем, отношений и т. п. Но все-таки в формационном масштабе он более важен для прояснения вертикального развития. Например, разницы между обществами (регионами), одни из которых резко обогнали другие, или для анализа моментов появления и укрепления нового. Речь идет о новом, которое мы характеризовали в прошлом параграфе, то есть способном жить долго, а не исчезнуть тут же. Его возникновение имеет как бы две стороны. С одной — это ответ на проблемы, вызов, потребности какой-то конкретной ситуации. С другой — это результат длительного подготовительного развития, перерыв постепенности, перехода количества в качество. Следовательно, оно может не просто годиться для сиюминутного использования, но

²² В этом параграфе я привожу много примеров, связанных с государством, особенно его генезисом, потому что вопрос о происхождении государства — один из самых спорных и потому, что нам к нему еще придется вернуться. Но указанный подход снимает ряд теоретических трудностей и переводит проблематику в более плодотворный аспект поиска методик и критериев именно в области сравнения отдельных функций.

обладать большими потенциями к развитию и трансформации. Поэтому в ходе такого разворачивания (иногда по самой логике вещей) проявляются функции, которые как бы предполагались, определялись потенциальными законами этого нового качества.

Тут следует сделать небольшое отступление философского плана. Когда говорят об эволюции, возникает и вопрос об имманентности, то есть было ли все последующее заложено заранее или нет. Но такая постановка проблемы ведет в тупик: ибо и отрицать потенции невозможно, а иначе откуда берется новое, но и утверждать, что в атоме заложено современное человеческое общество, немислимо. Мне думается, что правильнее будет сказать так: в рамках какого-либо качества всегда имеются определенные потенции. Однако потолок их ограничен, то есть, доходя до какого-то предела, они исчерпываются. Но вместе с этим возникает возможность прорыва к новому уровню, в котором формируется уже свой потолок потенций.

Следовательно, нужно говорить о нескольких уровнях потенций. Среди них выделим три **базовых**²³: а) потенции в рамках перехода незрелого к зрелому (назовем это «новое 1»). Здесь постепенно черты явления начинают обозначаться достаточно четко, поскольку **чем более зрелым оно становится, тем яснее проявляются его именно специфические качества**; б) потенции в рамках определенной амплитуды реализации уже имеющегося зрелого качества, но полностью еще не обнаружившего всех своих вариантов («новое 2»). Развитие идет в направлении обретения зрелых форм во все большем количестве объектов и переходе в ряде случаев зрелого в очень зрелое. Поскольку специфика явления окончательно выявилась, все яснее обозначаются не только его вариации, но и противоречия, которые и поведут дальнейший процесс развития; в) потенции, рождения нового качества (следующего уже уровня и поколения — «новое 3»), которое может появиться в будущем при реализации потенций нового 1 и 2 и складывания особых условий²⁴.

²³ Но вообще-то уровней больше, число их не ограничено. И чем больше мы стараемся выявить таких уровней в процессе эволюции объекта к новому качеству, тем сложнее понять, где же именно начинается момент перехода. Это напоминает блестящий пример сближения противоположностей Николая Кузанского о том, как бесконечный многоугольник переходит в окружность.

²⁴ Допустим, новое качество 1 — вождество, новое 2 — крупное вождество, новое 3 — государство. Или: 1 — развитое ремесло, 2 — высокоспециализированное ремесло, 3 — мануфактура; 1 — мифология устная, 2 — мифология письменная, 3 — религиозная философия и т. п.

При этом намечается ряд линий реализации этих потенций. Правда, только некоторые ведут в конечном счёте к появлению нового качества 3, остальные к тупику или остановке развития. Но без них, естественно, нет нужной среды и условий для появления всего спектра вариантов, без чего нет и перехода к новой ступени.

Таким образом, будущее качество (новое 3) как бы и не имеется в потенции до тех пор, пока не станет реальностью и не проявится предыдущее качество (новое 2), а то, в свою очередь, не появится без нового 1. После появления нового 2 формируются в потенции и элементы нового 3, и этот процесс по мере развития вариантности нового 2 осуществляется все полнее. А затем постепенно в некоторых частностях происходит уже перерастание потенций в реальность. Процесс формирования новых потенций можно, конечно, представить не только ступенчатым, но и непрерывным.

Из вышеприведенного рассуждения ясно, что *функции какого-либо явления (института, отношения) в незрелом и зрелом видах существенно различаются. И по мере того как новое явление близится к зрелости, оно проявляет новые качества и функции, дотоле бывшие потенциальными.* При этом, с одной стороны, передача или закрепление новых функций нередко осуществляется по аналогии, традиции, привычке, согласно идеологическим установкам, праву сильного (таковы государство, право, церковь, собственность и т. п.). Но, с другой, говоря словами Г. Маркузе, требуются уже новые способы реализации, отвечающие возросшим возможностям²⁵.

Значит, для анализа закона удобно выделять фазы незрелого и зрелого состояния объекта. Но для определенных систем можно говорить и о большем числе фаз. Выделим следующие фазы: **переходная, обретения специфических форм, зрелости, сверхзрелости.** Для явлений разной деятельности, особенно таких, которые развиваются в течение более чем одной формации, характеристика цикла, естественно, имеет большие особенности.

Во всех фазах изменение функций может быть связано с переменами во внешней среде и другими причинами, о которых шла речь выше. Но в каждой фазе есть и специфические для нее источники такой подвижности. Для первой характерна податливость объектов к изменениям, вытекающая из их неразвитости и

²⁵ Marcuse H. One-Dimensional Man // Continental Philosophy. An Antology. Ed. W. McNeill. K. S. Feldman. Maiden, USA. Oxford. UK. P. 280.

столкновения нового и старого. Для второй — различные симбиозы, комбинации нового и старого. Не стоит также забывать о постоянном процессе дифференциации и специализации органов и соответственно функций, а также о параллельности и дублировании исполнения функций разными системами. В третьей образуется ряд вариантов, каждый из которых обладает большими особенностями. В последней возникает гипертрофия старых форм и уже обозначаются отдельные моменты того, что выше названо новым 3.

Большинство институтов (особенно на первых стадиях развития человечества) характерны лишь для определенных этапов формации (реже всей формации), а также лишь для отдельных обществ (а часто даже для отдельных эпох, эпизодов, территорий внутри них). При этом чем обособленнее, своеобразнее общество или их группа, тем они многочисленнее²⁶. Разумеется, определенные параллели между такими замкнутыми системами для ряда задач можно проводить, но с осторожностью, чтобы, говоря словами одного историка, не придать онтологический статус абстрактным аналитическим категориям²⁷. Ведь чтобы сравнить неповторимые и имеющие разное название (на разных языках) исторические явления, нужны какие-то обобщения. А чтобы они были продуктивными, необходимо разработать четкие методики и правила определения сходств и различий между входящими в них объектами²⁸. И данный закон как раз является одним из таких средств.

Итак, можно сказать, что *чем специализированней институт, чем сильнее он связан со строго определенной системой, тем меньше вероятности, что он переживет ее (или определенную эпоху)*. И, напротив, *чем легче институт заимствуется, тем больше шансов, что он переживет эпоху. Так появляется возможность изменения или перегруппировки функций*.

Но есть и вещи, которые не только перерастают свою эпоху, но и

²⁶ Вспомните, сколько таких породил социализм: чрезвычайки, продотряды, парткомы, месткомы и т. п.

²⁷ Седов Л. А. О типологизации средневековых общественных систем Востока (попытка системного подхода) // Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 87.

²⁸ Например, мы можем объединить индийские касты и китайские ранги как формы неэкономического (неклассового) деления населения. Но это весьма различные общественные явления и по типу, и по функциям. Достаточно сказать, что в первом случае их определяли обычаи и религия, во втором — государство. Неучет подобных вещей ведет к тому, против чего всегда выступают историки, — игнорированию исторической специфики или попыткам характеристику явления в одну пору перенести на все эпохи. Но, с другой стороны, и чрезмерный упор только на своеобразие явлений опасен.

являются настолько удачными, что переходят из формации в формацию. Среди наиболее древнейших: институты родства, брака, личной собственности, искусство, религия и другие. Они и не собираются исчезать, хотя, разумеется, метаморфоз претерпели множество, и функции их существенно поменялись. Однако все же часть этих институтов (брак, родство, вероятно, и язык) покоятся в значительной мере на биологических, то есть менее подвижных основах. Поскольку социальные более подвижны, постольку большинство сквозных объектов связано со второй формацией, в которой они либо появляются, либо достигают зрелости (как религия).

Появление или достижение зрелости некоторых институтов было настолько важным, что отмечается как рубеж человеческой истории. Таковы для второй формации государство (и такие его институты, как писаное право), развитая религия (в которой кодифицирована общечеловеческая мораль), наука, философия и другие; для третьей — индустриальная экономика, частная собственность, демократия и другие²⁹. Полагаю, что и современная эпоха даст немало объектов, которые сохранятся в будущем, в частности социальное страхование и гарантии.

Рассмотрим, почему сохраняются многие институты. И тут следует связать исследуемый закон с законом формационного перехода.

Во-первых, можно говорить об использовании старых форм (в принципе даже **о законе использования старых форм**). Ведь переход с этапа на этап и даже с формации на формацию не есть полный отказ от старого. Собственно, это просто невозможно. Мало того, в начале новой формации некоторые старые институты не только не уходят, но даже испытывают как бы расцвет за счет того, что в эти переходные периоды по привычке и аналогии новые функции естественно переходят к ним. Но в дальнейшем оказывается, что для подобных объектов существуют ограничения и потолок развития. Таковы, например, разнообразные родовые институты, приобретшие в период примитивного сельского хозяйства огромное значение и всеобщность. Но они оказались неспособными к дальнейшей эволюции и заменялись

²⁹ Относительно частной собственности, демократии и некоторых других вещей имеется в виду не момент их первого появления (он теряется в глубине времен), а эпоха, когда они доказали свои преимущества и стали объектами заимствования, то есть новое время.

территориальными.

Поэтому развитие какого-либо явления и его использование в новых формационных этапах выше, чем позволяет его норма, может способствовать появлению новых функций (изменению их иерархии). Но нередко ведет к гипертрофии некоторых из них или всей системы в целом. И тогда в будущем приспособленные к новым задачам старые институты могут сделать общества заложниками этого приспособления. Мне кажется, достаточно яркий пример — гипертрофия некоторых государственных органов и функций средневекового Китая, взявшего на себя, по сути, задачи государства уже следующей формации.

Итак, переход на более высокий уровень идет разными путями. Часто новые задачи разрешают, используя уже готовые формы, явления, институты³⁰. Иногда вне их использования вообще невозможно справиться с новой проблемой. Нередко с их помощью удастся гораздо быстрее (и часто без конфликтов) отыскивать нужные решения, меньше деформировать общество. Но в иных ситуациях только слом старого и рождение нового способны открыть путь к развитию. Хотя и здесь могут быть тупики (социализм). Итак, в некоторых случаях преимущество за теми обществами, которые сумели приспособить старые институты к новым задачам. В других — за теми, кто нашел оригинальные решения. Поэтому мы можем сказать, что эволюция расточительна, с одной стороны, а с другой — экономна. И такая избирательность способствует как сохранению того, что доказало свои преимущества и жизнеспособность, так и уничтожению отжившего и появлению на его месте нового.

Во-вторых, в каждом институте в любой определенный момент (период, ситуации) имеется ряд функций, сильно неравных по своей значимости. Одни из них исключительно важны, другие — достаточно важны, третьи — второстепенны, некоторые только в потенции. Но именно это и создает основу для подвижности функций, а также позволяет использовать старое для решения новых задач, в том числе за счет того, что уже готовое, но не играющее важной роли начинает выходить на первый план. Легко привести примеры. Вспомним недавнюю российскую историю. В условиях тоталитарного режима демократические функции были лишь

³⁰ Порой даже возвращаясь к, казалось бы, забытым старым. В этом случае нередко полезен и закон отрицания-отрицания.

формальностью (идеологическим прикрытием). Но они все же были, имелись также квазидемократические институты, процедуры и определенные (хотя и нечеткие) представления о демократии. И при поиске альтернативы господству КПСС сразу же вспомнили о советах.

Таких примеров множество в самых разных областях. Допустим, налоги. Выполняли ли они до современного периода роль регулятора производства? Несомненно, но это была второстепенная (за исключением отдельных периодов отдельных стран) или эпизодическая их роль. В новое время налоги, регулирующие внешнюю торговлю, в рамках концепций протекционизма яснее связываются с такой ролью. Но только с 40-х годов XX века налоги начинают приобретать постоянную функцию регулирования роста производства, которая и становится одной из важнейших их задач. С другой стороны, если прежде налоги чаще служили для того, чтобы перераспределять блага от бедных к богатым (или от незнатных, в том числе и богатых, к знатным), то теперь чаще наоборот.

В-третьих, некоторые институты и объекты достигают зрелости не в той формации, в которой возникли, а только в последующих, поскольку ритм их жизни не совпадает с формационным.

В-четвертых, есть очень гибкие объекты, по природе своей не слишком специализированные и потому многофункциональные. В результате им легче реагировать на различные изменения за счет перегруппировки сил, перекомбинации целей и задач. И эта их способность к подвижности функций оказывается исключительно важной. **Таким образом, чем выше приспособляемость институтов, тем ярче проявляется закон.**

В-пятых, некоторые решения, найденные для одних случаев, неожиданно становятся универсальными или исключительно удобными для совсем иных проблем, а иногда исходным пунктом для качественного рывка (например парламент Англии, собираемый первоначально для решения вопросов о налогах, становится постоянным органом власти и законодательства сначала в этой стране, а потом и во многих других).

Все сказанное очень важно учитывать, поскольку, когда какие-то институты и отношения служат, переходя от этапа к этапу, от формации к формации, возникает представление, что данные универсальные вещи и сегодня, и в прошлом — суть теоретически

одно и то же³¹. Но это допущение правомерно только в рамках социологии истории. Если же нам надо показать исторический процесс и формационные отличия, эволюцию какого-либо явления, причины различий в развитии (не говоря уже о демонстрации исторического разнообразия), то мы должны ясно увидеть, чем такие институты качественно отличаются друг от друга, как изменились их функции. Особенно для таких глобальных категорий, как государство, частная собственность и т. д. Иначе неизбежны подмена и модернизация истории. И для того чтобы избежать подобных ошибок, исследуемый закон очень важен. Ведь если полагать, что сходные по названию институты обязательно обладают и сходными функциями, неизбежны модернизация истории, подмена сущностей, бесконечные и бесплодные споры вокруг многих в принципе решаемых проблем (как мы видели на примере этноса, нации и других).

Ниже мы и рассмотрим обстоятельно, как с помощью нашего закона более точно и правильно объяснять принципиально важные и узловые моменты теории истории.

Применение закона подвижности (замены) функций к анализу особенностей института частной собственности

Существование и важная роль частной собственности в Европе в конце средних веков и начале нового времени (XIV—XVI вв.)³² нередко и не без основания выдвигается как главное ее отличие от Азии и соответственно как главная причина различий в развитии Запада и Востока. **Но такое объяснение правильно только в первом грубом приближении.** И удовлетворившись лишь им, ряд исследователей в конечном счете оказался в тупике, не в состоянии объяснить многих взаимосвязанных проблем³³.

Безусловно, одним фактором проблему различия между Азией и

³¹ Причем переносится и их оценка. Если они сейчас благо (зло), то, значит, таковыми были и раньше. А это совсем не приемлемо.

³² Я придерживаюсь традиционного для немарксистской историографии взгляда на дату начала новой истории: конец XV — начало XVI в. И везде, где говорится о новом времени, подразумевается именно такая хронология.

³³ Для того чтобы аргумент о частной собственности звучал убедительно, некоторые даже начинают уверять, будто на Востоке якобы вообще не было частной собственности, что совершенно неверно. Другие вообще впадают в мистику, объявляя такие различия заложенными едва не изначально.

Европой не объяснить. И у нас еще будет время поговорить обо всем комплексе отличий³⁴. Но если брать отдельно институт частной собственности как, без всякого сомнения, очень важное преимущество западного мира, то просто указанным тезисом о ее наличии не обойтись, поскольку развитая частная собственность возникла задолго до рассматриваемого времени и не была свойственна исключительно европейским обществам. Необходимо попытаться раскрыть и показать изменения в самом характере частной собственности в Европе на пороге нового времени. **Другими словами, дело не просто в наличии — отсутствии частной собственности в указанный период, а в чем-то ином.**

Чтобы лучше доказать это, хотел бы обратиться к интересным взглядам Л. С. Васильева, который придает частной собственности при сравнении Запада и Востока особое значение³⁵. Много раз проводя такие параллели, он приходит к выводу, что появление греческого демократического полиса (в первую очередь Афин) во всей совокупности его особенностей было своего рода исторической мутацией, которая и предопределила все дальнейшие различия между Западом и Востоком. Среди этих особенностей важнейшее место занимает частная собственность, которая, по его мнению, в Афинах впервые стала поддерживаться государством, что привело к ее укреплению и более четкому правовому оформлению. Поскольку Рим многое унаследовал от греков, то там развитие частной собственности пошло дальше, приняло юридически развитую форму³⁶ и после появления христианства создало для Европы тот базис, который и дал ей возможность стать лидером.

Хотя цитируемый автор и подчеркивает особенности греческих городов-государств именно в комплексе, но все-таки частной собственности он фактически и уделяет главное внимание. Впрочем, я

³⁴ См. также: Гринин Л. Е. *Философия, социология и теория истории*. Изд. 2-е. Волгоград. 1998. С. 292—297.

³⁵ См., в частности, его работы: *История Востока: В 2-х т. М., 1993; Генеральные очертания исторического процесса// Философия и общество. 1997. № 2. Разумеется, критика отдельных моментов его концепции несколько не умаляет достоинств работ в целом. Его идеи для решения поставленной выше задачи я избрал прежде всего потому, что мне представлялось наиболее удобным отталкиваться от этих во многом верных, но недостаточно развитых и потому частично искаженных положений.*

³⁶ «Кодификация правовых норм с последующей детальной разработкой частного права была решающим вкладом римлян в развитие античной республиканской демократии, стоявшей на страже интересов граждан-собственников со всеми их сословными, имущественными и иными различиями» (Васильев Л. С. *Генеральные очертания исторического процесса*. С. 114).

думаю, что в плане поиска ответа на поставленный выше вопрос такое предпочтение вполне оправданно. Ведь — добавлю от себя — если посмотреть, что прежде всего заимствовала Западная Европа от античности (не беря во внимание культурную традицию), то, кроме христианства, которого в Элладе не было и которое наполовину, если не на три четверти восточного происхождения, главное — это именно частная собственность в определенных юридических формах и само частное право. Следовательно, в такой ретроспективе вполне правомерно вести речь о противопоставлении обществ, имеющих ее или нет.

Но тут и таится противоречие. Почему же наличие частной собственности не спасло Грецию и Рим от упадка? Васильев, конечно, дает свои ответы, но они не увязаны в единую концепцию и не объясняют достаточно, почему тот же самый фактор в одних случаях оказывается решающим для прогресса, а в других не спасает от кризиса и гибели. Из этого можно предположить, что хотя для античности и для периода, близкого к новому времени, мы и говорим о вроде бы одном и том же институте, но фактически одноименный институт имел очень важные различия. Значит, *частная собственность на пороге нового времени в Европе обладала уже некоторыми новыми чертами и функциями, а ее характер изменился*. Попробуем это доказать.

В рассуждениях Васильева много верного, и с идеей мутации в Греции вполне можно согласиться. Вопрос только о степени значимости такой мутации. Ибо преувеличение ее роли искажает проблему, а взгляд на исторический процесс, как бывший до этого момента в принципе единым, а затем разделившийся на два противоположных направления³⁷, неверен. Качественный скачок не

³⁷ «Итак, начиная с VI в. до н. э. исторический процесс, шедший до того, при всех конкретных его вариантах, со всевозможными опережениями и отставаниями, отходами в сторону и реверсиями, в принципе единым общим путем, раздвоился. Произошло нечто подобное выделению в ходе эволюции гоминид вида *Homo sapiens*, а также отодвинувшей в сторону всех собирателей и охотников неолитической революции или возникновению в зонах урбанистической цивилизации первичных протогосударственных образований. Иными словами, произошел качественный скачок принципиального характера, изменивший ход истории» (Васильев Л. С. ук. соч. С. 99. Выделено мной. — Л. Г.).

Не отрицая качественного рывка, связанного с началом античности, я не могу сопоставить его с теми рывками, о которых говорит Васильев. Не беря уже вопрос о происхождении человека разумного, и аграрная революция, и рождение первых государств — скачки, так сказать, формационного масштаба, появление же греческой демократии мелких собственников — внутриформационного и локализованного в рамках одного из вариантов формации. Именно поэтому такой рывок и не стал основой для перехода к новой формации, а вот рывок

означает, что исторический процесс до него идет единым путем. И он никак не был «в принципе единым» до VI в. до н. э., так же как и после расцвета Греции, как не шел единым путем и позже, как не идет и сейчас, хотя сегодня он ближе к такому состоянию.

Можно говорить, следовательно, что в связи с тем, что произошел синтез заимствований и внутренних процессов и развитие поднялось на более высокий качественный уровень, *одна из ряда линий* исторического процесса сделала определенный поворот и в ретроспективе стала более четкой и обособленной. Действительно, ей суждено было во многом повлиять на генеральную линию развития человечества в будущем. Но начало этой линии никак не относится к VI в. до н. э.³⁸, а прослеживается на много веков ранее: через историю городов малоазиатского побережья, эпоху дорийского вторжения до начала критомикенской культуры. Указанные Васильевым события VI в. до н. э. представляются, таким образом, одним из ряда узловых моментов этой линии.

В свете сказанного слишком резким также выглядит противопоставление Греции и всего остального мира как имеющей развитую частную собственность, защищаемую государством, и не имеющей таковой. На этом пункте следует остановиться.

Во-первых, рассмотрим мысль, что в постсолонической Греции господствовали «свободный рынок и никем не ограниченная, даже, напротив, защищенная законом и огражденная частоколом прав и привилегий частная собственность граждан»³⁹. Хотя автор и подчеркивает здесь независимость в первую очередь от чиновника, все же положение о никем не ограниченном праве частной собственности нуждается в существенном уточнении. Отметим хотя бы такой момент. Расцвет Афин происходит именно после **ограничения частной собственности**. Ведь реформы Солона не только коснулись законов о наследовании, но весьма сильно сузили права заимодавцев и рабовладельцев, ибо они запретили за долги обращать в рабство граждан. Следовательно, закон не только защищал собственников, но и существенно уменьшил их свободу, значит, точнее говорить об

Европы в XIV — XVI вв. н. э. (связанный в том числе с изменением характера частной собственности) стал.

³⁸ Сам Васильев оговаривается насчет того, что причины рассматриваемой им мутации теряются в глубине веков. Но значит и исторический процесс невозможно рассматривать по схеме: единый до определенного момента, а потом разделившийся. Либо это правомерно только для строго оговоренных задач и поставленных для них рамок, чего сделано не было.

³⁹ Васильев Л. С. ук. соч. С. 96.

упорядочении отношений собственности в результате реформ Солона.

Тут следует сказать, что никем и ничем не ограниченная частная собственность не может быть постоянной движущей силой, которая поведет общество к прогрессу, напротив, она способна даже разорвать общество или сделать его жертвой паразитического капитала, что и происходило при господстве откупов, ростовщичества, спекуляции, латифундий и т. д. Вспомним пример Южных штатов в США. Ведь там частная собственность была менее ограничена, чем в Северных, а результат оказался плохим. Следовательно, вполне справедлива мысль Ф. Энгельса, что в течение двух с половиной тысяч лет частная собственность могла сохраняться только благодаря нарушениям права собственности⁴⁰. Поэтому тот факт, что в Афинах частную собственность ввели в рамки, был очень важным для их развития.

Но и тирания закона может быть весьма обременительной и ограничительной для частной собственности. Особенно когда он постоянно меняется в угоду политическим интересам. А такая ситуация нередко возникала и в гражданских общинах, где первенствовали политика и право гражданства, а демократия порой перерастала в охлократию. Мало того, и в Афинах (в IV — III веках до н. э.), и в Риме в позднюю эпоху, и в Византии периодами отношение к частным собственникам существенно менялось. Состоятельные люди чувствовали себя неудобно. Так, после Пелопонесской войны в Афинах воцарился порядок, при котором богатых граждан постоянно облагали поборами в пользу бедных и не защищали от завистников, поэтому они всегда опасались доносов сикофантов. Это было одной из главных причин упадка Афин и афинской демократии.

Во-вторых, разберем вопрос, действительно ли роль частной собственности в Афинах и Греции была столь уникальной и особой, что ничего подобного в древнем мире нигде не наблюдалось. Если так, то идея о раздвоении исторического процесса становится более обоснованной. Если нет, то оценку указанной мутации необходимо пересмотреть.

Бесспорно, в крупных азиатских деспотиях частная собственность не играла важной роли, хотя и существовала (нередко и на землю) там почти все время. Гораздо большее значение она имела в Междуречье и Малой Азии, где, кстати, впервые в мире появились

⁴⁰ И это лишний раз подчеркивает высокую степень приспособляемости данного института.

золотые монеты и откуда их греки и заимствовали. Но и для этих обществ противопоставление Греции и Востока в указанном плане достаточно обоснованно. Иное дело — небольшие торговые государства (чаще города-государства), которые появились задолго до Афин (в той же Финикии). И если вдуматься в факт, что многие из них непрерывно существовали в течение ряда столетий, то легко понять, что институт частной собственности, пусть и не столь зрелый, как в Афинах, никак не мог не играть в них важной роли (а в иных случаях был важнейшим). Ведь без достаточно развитой, уважаемой и защищаемой властью частной собственности нельзя ни торговать, ни накапливать имущество, ни передавать его из поколения в поколение, ни заниматься ссудными или финансовыми операциями.

Следовательно, если речь идет об афинско-греческой модели, включающей в себя полисную демократию, частную собственность, развитое рабство, особую роль искусства и философии, то ни в полном, ни даже в усеченном виде она практически не заимствовалась ни в то время, ни потом, не считая сферы прямого влияния самих греческих городов. Но раз она не стала примером для подражания, значит, такая историческая мутация никак не может считаться началом раздвоения исторического процесса. А если речь идет о мутации в виде появления развитой частной собственности, то ее нельзя считать совершенно уникальной, поскольку она, в том числе поддерживаемая государством, не была единственным случаем в Афинах, а появлялась и ранее, и позже них.

Например, я не вижу принципиальной разницы между «западными» Афинами и «восточным» Карфагеном в плане развития частной собственности⁴¹. Достаточно вспомнить знаменитый трактат Магона о сельском хозяйстве. И даже в политическом устройстве, роли гражданской общины Карфаген имел много сходства с греческими государствами (тем более аристократическими) и

⁴¹ Можно, правда, настаивать, что в Афинах государство больше внимания уделяло мелкой собственности, чем в Карфагене, где господствовала крупная. Но я не думаю, что в нашем аспекте это принципиально. Аналогичная карфагенской была ведь и ситуация в поздней Римской республике. Кроме того, настоящее развитие частной собственности не может не вести к формированию крупных состояний. Следует также учесть, что Афинское государство поддерживало в первую очередь не собственников, а граждан, поэтому в отдельные периоды большую роль начинали играть люди, вообще лишенные значительного имущества. В конце концов политическое преобладание мелких собственников и несобственников в Афинах в большей мере вело как раз к ограничению права собственности, о чем уже было сказано.

особенно с Римской республикой.

Впрочем, можно предоставить слово специалисту. «Карфаген представлял собой гражданскую общину, не подчиняющуюся какой-либо верховной власти вне ее самой. Рядом с общинным сектором экономики не отмечено никакого другого сектора. Граждане владели землями на территории хоры именно как граждане Карфагена». «Можно поэтому говорить, что в Карфагене существовала только собственность гражданской общины, выступавшей в двух ипостасях: как собственность всей общины-государства и как собственность отдельных граждан — мастерские, земли, торговые лавки, торговые корабли. Карфагенская экономика предстает перед нами принципиально одно-укладной». «Основной эксплуатируемой силой были захваченные на войне или купленные рабы, а также зависимые ливийцы. Нет сведений об эксплуатации сограждан...» «В принципе верховной властью обладал народ Карфагена, который осуществлял ее через народное собрание, и официально любой гражданин мог быть избран в советы или магистратом, если он обладал достоинством и, главное, богатством. Граждане могли привлекать к военной службе. Политическим строем Карфагена, за исключением краткого начального периода, была республика». «Итак, можно говорить о том, что Карфаген представлял собой полис, т. е. форму социально-экономической и политической организации рабовладельческого общества, которая и определила античный путь его развития. Это, впрочем, чувствовал уже Аристотель, который выделил Карфаген из общей массы «варварских» государств и использовал примеры из его государственного устройства, а иногда и истории наряду с примерами из жизни греческих полисов в теоретическом сочинении о полисе — «Политике»⁴².

Весьма интересны в указанном плане и частнособственнические отношения в Этрурии, на которых, однако, мы останавливаться не будем. Напомню только, что из этой торговой области Рим многое заимствовал. Кое-что в плане развития рыночного хозяйства было, возможно, взято из Карфагена. И, наконец, ведь если бы социально-политический строй Древнего Рима был коренным образом отличен от греческого, если бы в нем не имелось собственное зерно частной собственности, то разве смог

⁴² Циркин Ю. Б. Карфаген и его культура. М., 1987. С. 105. 96. 105, 106.

бы он заимствовать столь важные вещи от греков и других народов? Следовательно, и в Риме должна была произойти первоначально своя мутация. *Таким образом, частная собственность в Афинах, бесспорно, имела большие отличия от частной собственности многих восточных стран, но такая ее роль не была совершенно уникальной, а наблюдалась с известными вариациями и в некоторых иных обществах.*

Но раз подобное направление развития являлось хотя и достаточно редким, но не уникальным, значит, правильным будет такой вывод. При переходе обществ второй (аграрно-ремесленной) формации к зрелости возникает ряд моделей распределительных отношений. Среди них имеется хотя и второстепенная по значимости, но отнюдь не уникальная модель с большой ролью частной собственности и достаточной степенью ее развития.

Значит, хотя действительно наиболее развитой частная собственность была в Греции и Риме, однако в рассматриваемом сейчас аспекте качественный разрыв между ними, с одной стороны, и некоторыми торговыми обществами античной и предшествующих эпох — с другой, не был слишком велик. Иначе, если такой разнице придавать чрезмерное значение, концы с концами в теории не связываются.

Если частная собственность обладала столь чудодейственными свойствами, то совершенно непонятно, почему общества, где она была наиболее развита, пришли к глубокому и системному кризису? И даже если она обладает такими свойствами только в сочетании с христианством, непонятно, ни почему Европе потребовалось столько времени для рывка, ни почему главный наследник Рима в праве и религии — Византия не смогла реализовать эти преимущества. А дело в том, что *античная частная собственность по характеру и функциям сильно отличалась от западноевропейской на пороге нового времени.*

Без сомнения, в обществах второй (аграрно-ремесленной) формации при появлении развитой частной собственности многое обстояло по-иному, чем у соседей. Могла раскрепоститься личность, на этой базе мог начаться взлет культуры, появиться некоторые элементы капитализма (особенно в денежном обращении). **Но все это — такие изменения, которые не влекут смены формации,** что и доказывает история Афин, Карфагена, Рима, Византии, средневековых торговых государств Европы и Азии.

Следовательно, появление развитой собственности и защита ее государством в античности **не объясняют достаточно** ни причин рывка Европы к третьей (индустриальной) формации, ни почему в это время характер частной собственности изменился так, что (в совокупности с рядом других факторов) это усилило процессы развития капитализма, промышленности, машинной техники и, наконец, способствовало промышленному перевороту XVIII века. Еще раз подчеркну — это ясно вытекает из закона создания особых условий в местах качественных изменений — речь, конечно, должна идти о комплексе уникальных причин, в котором свое важное место занимают и достижения античности. Но и в отношении частной собственности необходимы существенные уточнения.

Во-первых, само по себе ее наличие еще не гарантирует от застоя, паразитизма, регресса. Сам Васильев хорошо описывает, как в условиях ослабления центральной власти на Востоке частная собственность начинала развиваться за счет государственной и к каким губительным последствиям это приводило. Но подобные явления были характерны и для Запада, и для России. И отрицательные черты этого института делают вполне понятным, почему очень многие мыслители древности и средневековья, также некоторые религии были противниками частной собственности или богатства. И, кстати сказать, разочарование в наших сегодняшних реформах во многом связано как раз с непониманием, что частная собственность — благо и двигатель развития не сама по себе, не всегда и в любом случае, а лишь в определенных условиях, ряда из которых в России пока нет.

Во-вторых, до перехода к капитализму у частной собственности имелись следующие основные функции: 1) аккумуляция богатства и передача имущества по наследству и из рук в руки; 2) торговая (или торгово-посредническая, когда были развиты кредит, обмен денег и прочее); 3) быть одним из механизмов эксплуатации;

4) регулирование хозяйственной жизни (если крестьяне были мелкими собственниками) и распределения через рынок.

В-третьих, производительная функция всегда присуща частной собственности, поскольку, если в обществе есть собственники-производители, она так или иначе воздействует на их деятельность. Но в доиндустриальную эпоху эта функция все же не была в числе главных, а как бы пополняла функцию регулирования хозяйственной жизни. Ведь в отличие от индустриального периода она не побуждала собственников постоянно совершенствовать и расширять

производство.

И уж тем более она не могла стать основой для того, чтобы производительные силы начали формационный рынок. Почему? Мелкая собственность, где эта функция была наиболее обозначена, не имела возможности ни для аккумуляции капиталов, ни для того, чтобы сделать расширенное воспроизводство неременной чертой своего существования. Крупная же собственность, которая только и могла стать источником средств для такой модернизации, предпочитала паразитические или торговые операции, приносящие наибольшую прибыль. А огромные частные земельные владения (вроде римских латифундий) отличались плохой организацией и низкой производительностью труда. Поэтому можно сказать, что, как правило, *чем крупнее была собственность, тем слабее она оказывалась связанной либо вообще с производством, либо с развитием производительности труда и ростом объемов производимого.*

Крупная собственность нередко и вовсе становилась паразитом, например в ростовщичестве, или беря на откуп налоги, или приобретая права на монопольную деятельность, или присасываясь к знати, или давая займы монархам — словом, сотрудничая с ведущими силами в деле внеэкономического отчуждения. Даже во вполне европейской Франции XVI—XVIII веков неравноправность буржуазии и богатства государства приводили к паразитическому характеру частной собственности, которая в огромной своей части шла на займы государству и откупа. И все это не удивительно. Ведь капитал устремляется прежде всего туда, где прибыль наибольшая, а условия наилучшие.

Для подтверждения мысли о коренном отличии частной собственности в античности и в новое время обратимся к авторитету Макса Вебера. В работе «Аграрная история древнего мира» он пишет: «Среди способов эксплуатации капитала отступает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в «крупные производства» в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению совершенно отступил на задний план: государственный откуп...»

«Так было в древности в Риме времен республики. Поэтому тут и образовался, несомненно, первоначально главным образом из государственных откупщиков могущественный класс частных

капиталистов, которые во время 2-й Пунической войны — момент достаточно характерный — наподобие современных банков своими деньгами поддерживали государство, но зато уже во время войны могли предписывать ему свою политику, которым для удовлетворения их жадности к наживе такой реформатор, как Гракх, принужден был предоставлять целые провинции и ссуды, чтобы расположить их в пользу своего дела, которых борьба с должностной аристократией, которую они как денежные люди в экономическом отношении имели «в кармане», наполняют собою последнее столетие республики»⁴³.

Нам известны, конечно, в древней и средневековой истории различные случаи направления капиталов в производство. Например, крупные ремесленные предприятия были в Афинах, других греческих городах, Риме. Но они не играли решающей роли в промышленности. Фактически подобная деятельность крупных капиталов была скорее исключением, а периоды такой производственной направленности оказывались не слишком длительными. И только в позднее средневековье и новое время намечается переток капиталов из торговли и других сфер в промышленность сначала для контроля над производителем, потом как организатора и диспетчера производства, а затем уже и все больше создателя новых предприятий.

В-четвертых, в древнем и средневековом мире существовало много торговых государств, где частная собственность в ее товарно-денежной форме, наиболее близкой капиталистической, была высокоразвита. Но обычно это была баснословно прибыльная, уникальная, монопольная торговля, за которую неизбежно разгорались борьба и войны с конкурентами. И тогда раньше или позже политические и военные проблемы отесняли экономические. А бывало, что огромный приток средств приводил к паразитизму и приостановке развития. *Но главное — такая экономика держится на совершенно особых геоисторических условиях и потому неповторима в других местах. Исчезают эти условия — сокращается и мощь торгового государства, и то и вовсе меняется характер хозяйства.*

В-пятых, частная собственность, особенно в товарно-денежной

⁴³ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., 1923. С. 18—19, 33. Вебер также приводит аналогичные примеры из эллинистического мира, особенно Египта.

форме, всегда обладает рядом важнейших черт и свойств: стремлением к инициативе, расширению, поиску наиболее прибыльных вложений. Но в условиях, когда существуют сильное государство, поддерживающее традиционный строй, либо всевластие феодалов, либо рабовладение, когда нет потребности расширять производство, экономить труд либо отсутствуют условия для этого, когда политика не отделена от экономики, имущественные отношения — от права гражданства, частная собственность, хотя порой и может иметь важное значение в жизни данного общества, но выйти за отпущенные ей пределы, создать рычаг для перехода к новой формации, аналогично тому, что стало намечаться в Европе с XIII в., не в состоянии. Следовательно, в рамках второй формации она в целом играла подчиненную и ограниченную роль.

И все же именно в местах наибольшего ее развития, исключительного богатства и при создании особых условий в конце концов и должен был начаться процесс подготовки к переходу к новому способу производства, как это и случилось в итальянских республиках в XII—XIV вв. А далее в некоторых странах Европы торговый капитал стал перерастать в промышленный, хотя для этого и потребовалось сочетание многих факторов (включая особый характер городов и прочее) и целые столетия. О причинах этого мы еще поговорим в дальнейших главах.

В результате на пороге и в течение нового времени в некоторых странах Европы среди качеств частной собственности на первое место стало выходить то, которое у ее античной родственницы было не главным. Другими словами, второстепенная и эпизодическая функция начала превращаться в одну из основных, а постепенно и в системообразующую. Естественно, что существенно трансформировались и другие функции. В конечном итоге стала изменяться и суть данного института. В этот период произошел ряд «мутаций», благодаря которым от Италии через Германию, Голландию и до Англии **частная собственность, имеющая юридически развитую форму и достаточно защищенная властью, соединилась с производительным капиталом. И только тогда она становится основой и движущей силой постоянного количественного и качественного роста экономики, трудо-сбережения, рационализма, новых способов хозяйствования.**

Мне кажется, такой подход снимает ряд сложностей и дает более адекватное решение поставленной проблемы. Но необходимо сразу

оговориться: даже и введенные мною уточнения еще не объясняют всего и не убирают всех трудностей. Легко обратить внимание, например, что в момент, когда Европа уже однозначно обгоняла Азию, капитализм в ней был преимущественно торговым, во многом и спекулятивным, а не промышленным (этому моменту большое внимание уделил Ф. Бродель). В рамках исследуемого закона сразу нужно пояснить, что эта слабость производительной функции по сравнению с последующими эпохами вполне понятна и неудивительна: в переходный период и в незрелой системе она и должна быть такой. Важно, что она уже вполне обозначилась. Кроме того, отметим, что констатировать бесспорный факт усиления производительной функции в частной собственности — совсем не значит дать полный ответ на вопрос, почему это произошло. Данная проблема требует с моего исследования с учетом всех известных закономерных и случайных обстоятельств.

Следовательно, то, что капитализм в Европе на пороге и в начале нового времени был в основном торговым, не умаляет вышеприведенных рассуждений. Они в целом для своего масштаба вполне правомерны. Однако чтобы показать процесс и причины трансформации функций более легально, чтобы снять некоторые трудности, избранного нами масштаба явно недостаточно. Значит, требуется еще более мелкий масштаб, а к нему, естественно, определенные пояснения, уточнения, методики. Мы не можем сейчас заниматься таким анализом, поскольку это увело бы нас в сторону. Но отдельные замечания сделать стоит.

Во-первых, уже в средние века (особенно в конце этого периода) элементы производительной функции в Европе были гораздо сильнее, чем в иных (в том числе торговых) обществах. Все большую роль играла торговля не предметами роскоши, а товарами массового производства. Все сильнее шло развитие техники и трудосбережения. Ведь фактическое или юридическое отсутствие рабства и регламентация трудовых повинностей требовали экономии труда даже в сельском хозяйстве, не говоря уже о горном деле. В результате у частной собственности, получившей импульс к саморазвитию, источники непроизводительной наживы оказались не просто ограниченными, по в ряде случаев постепенно уменьшались⁴⁴.

⁴⁴ Как один из примеров отмечу, что здесь по сравнению с другими регионами или эпохами

Во-вторых, развитию производительной функции способствовал ряд обстоятельств, например, меньшее плодородие земли, достаточная близость европейских обществ между собой, большое морское побережье и ряд прочих географических и иных особенностей, включая прекращение варварских нашествий с XI века. Эти факторы, когда начался экономический подъем в Европе, сыграли роль катализатора.

В-третьих, развитию частной собственности и ее производительной функции исключительно благоприятствовал момент разделения экономической и политической сфер, чего не было ни на Востоке, ни в античности. Частная собственность всегда нуждалась в политической и юридической защите. Но обычно либо происходил перекося в сторону произвола власти, либо собственники сами, по словам древнего пророка, «превращались в князей» и ставили политику себе на службу. А нередко их эгоизм приводил к разложению государства и общества. В Европе в указанный период, в том числе и благодаря автономии городов, устанавливался определенный и благоприятный баланс: власть не позволяла слишком грабить собственников и менять правила игры, собственники не могли подменить государство и разложить его. А там, где такого разделения не произошло, замедлялось и развитие, как в Италии с XVI в.

Таким образом, для получения ответов на более конкретные или специальные вопросы в исследуемом нами здесь аспекте необходимо систематически проследить за тем, как и почему производительная функция постепенно утверждала свои позиции.

В завершение немного о методиках использования закона.

I. Если говорить об анализе класса (его части) объектов по функциям, то для социологии истории или теории истории, где не столь существенны прогрессивность и близость к генеральной линии исторического процесса, удобно будет составить как бы перечень всех известных функций и затем сделать классификацию. Это значит выделить: а) наиболее постоянные и распространенные, а среди них: самые важные; а также редкие, рудиментарные, экзотические, эпизодические и т. п. Исключения в методологическом плане могут

роль военного грабежа для экономики и частной собственности была небольшой. Ведь даже в Афинах грабеж союзников пил экономическим базисом расцвета этой демократии. Грабеж же колоний начался в эпоху уже подъема экономики и частной собственности, к тому же в них надо было с нуля организовывать хозяйство и ввозить туда практически все, поэтому даже при принудительном труде росли специализация и мировая торговля.

быть весьма интересными, как всякие неординарные случаи, а также для поиска более емких обобщений. Надо также увидеть б) симбиотичность функций, учесть степень их чистоты и проявляемости. Затем в) вариантность главных функций как в общей системе, так и в подсистемах, а затем в отдельных объектах.

II. Для теории исторического процесса (тут закон применяется, как сказано, реже) надо сразу выделить линии и формации, а уже внутри такого локализованного объема проводить анализ, описанный выше.

III. Остановимся еще на том, как лучше, **точнее, правильнее применить идею об изменении функций к конкретному объекту.** Ведь одной из важнейших причин *вариантности функций у одноименных, объектов выступают неизбежные особенности каждого из таких объектов.* В то же время нельзя забывать, что рассматриваемый объект есть один из класса подобных. И даже если делается упор на его уникальность, в любом случае такой анализ нуждается и определенном фоне. Следовательно, здесь необходима особая методика применения закона.

Желательно определить: а) место данного объекта в интересующем нас классе, в том числе: а1) по времени и в периодизации; а2) по степени зрелости развития; а3) по отношению к генеральной линии и понять, к какой линии он относится; а4) по тому, насколько типичен или нет данный объект среди других; по его фактической роли в истории в отношении влияния на других или, напротив, заимствования от других, а также с учетом известного прошлого и возможного будущего объекта;

б) уровень обобщения, то есть берем ли мы весь класс или какую-то его часть; в последнем случае следует: б1) понять, какое место занимает интересующая нас часть во всем классе; б2) по отношению к достаточно сходным с ним объектам из выделенной части класса;

в) место данного объекта во всей системе, в которую он включен или которую он объединяет, в том числе: в1) соотношение общего и особенного в данном объекте по сравнению с другими членами системы; в2) понять, несколько особенное детерминировало его эволюцию; в3) сравнить место и роль аналогичных объектов в других системах. Тогда причины изменений, эволюции и подвижности функций станут более ясными и объяснимыми;

г) нужен учет индивидуальных особенностей объекта. Если взять

какой-либо институт, например государство, то очевидно, что в зависимости от размеров, населения, внешней опасности, исторических особенностей, географического положения, стоящих задач, идеологии и многого другого в каждом случае наблюдается вариантность как в количестве и сущности функций, так и в их иерархии. Эта неповторимость усиливается разницей в качестве выполнения разных функций, даже если их роль более-менее одинакова в обществе.

Но, понятно, далеко не всегда нужно выполнять весь алгоритм и строго соблюдать последовательность. А полнота классификации зависит от того, что требует задача.

* * *

Прежде чем завершить разговор о законах исторического процесса, еще несколько слов в заключение. В этой главе я стремился выяснить, в чем причина неудовлетворительности понятия исторических законов⁴⁵, почему, говоря словами одного ученого, для многих великих философов детерминистские объяснения стали проигранной игрой⁴⁶, и в связи с чем произошел фактический отказ от этого научного инструмента. Дело в том, что претензии объективистского подхода на всеобщее и неизменное знание вступили в конфликт с научной практикой. Ведь какие бы широкие обобщения (законы, формулы) ни выводились, они всегда описывают лишь часть реальности, а могут быть продуктивно применимы к еще гораздо меньшей совокупности явлений. Но поскольку они выдаются за универсальные и главные, то начинают входить в противоречие с теми фактами, которые претендуют объяснить, и в конце концов отвергаются. Все это сильно суживает наши возможности. Следовательно, необходимо отказаться от объективистского взгляда на законы.

Но как это сделать, не разрушив само представление о законе? Ведь критика при всей ее важности не имеет положительного полюса. А «чтобы победить старую теорию, недостаточно подвергнуть разрушительной критике ее предпосылки или собрать

⁴⁵ Надеюсь, читатель не забыл, что я разделяю понятия исторических законов и законов исторического процесса.

⁴⁶ Wagner P. L. The Concept of Environmental Determinism in Cultural Evolution // The Origins of Agriculture. Ed. Ch. A. Reed. The Hague-Paris, 1977. P. 51

новые факты — надо предложить новую теорию»⁴⁷. И важнейшая моя задача и заключалась в том, чтобы дать позитивное решение проблемы, то есть показать, каким образом можно использовать законы в теории исторического процесса, теории истории и — в разумных пределах — в историографии, не отказываясь от этого инструмента, но и не разрушая специфики предмета анализа.

Очень важным было найти меру сочетания общих свойств законов и особенностей законов исторических. Если вернуться к сравнению природных и исторических законов, то обнаружится, что специфика вторых по сравнению с первыми имеет разные причины. Во многом она объясняется самим характером исторического материала. Ведь здесь есть то, чего нет вне человеческого общества и что дает совершенно иное качество: совокупность объективных и субъективных факторов. Добавьте к этому непрерывность изменений в истории по сравнению с повторением процессов природы. Но другая часть проблемы коренится в недоразвитости, неразработанности теории общественных законов по сравнению с природными, поскольку трудности такой работы привели к тому, что ею вообще перестали заниматься. Но если найти более удачный подход, можно обнаружить общие черты любых законов, не отвергая специфики общественных. Поэтому подход к «специфическим историческим законам» неправилен ни когда «не допускается особой разницы между историческими, социологическими или иными законами»⁴⁸, ни когда утверждается полная противоположность между природными и историческими законами.

Продуктивными способами решения проблемы применения понятия «закон» к историческому анализу я считаю:

а) расширение содержания этого понятия, то есть отказ от представления о законе только как жестком, универсальном, неизбежном, обязательно повторяющемся в главных чертах процессе совершения чего-либо. Следовательно, классическое представление о законах годится лишь для их определенной части, но не для всех;

б) классификация законов и введение понятия типа законов, каждый из которых имеет большие особенности. Например, нельзя приравнять повторяющиеся без существенных изменений и законы качественного развития. Соответственно общие свойства законов

⁴⁷ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 659.

⁴⁸ Гемпель К. Г. Функция общих законов в истории // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 96.

приобретают более абстрактный вид, а то, что выдавалось за их неперемennые свойства (см. пункт а), характерно лишь для определенного их типа:

в) общественные законы представляются как имеющие в рамках общих характеристик собственные и весьма особые свойства. В свою очередь, они также должны делиться на законы исторического процесса, теории истории, философии истории и т. п. Эти подтипы, хотя существенно связаны между собой, имеют и серьезные отличия. И такое деление необходимо проводить и далее на более низкие уровни и меньшие объемы;

г) для законов исторического процесса необходима была процедура их группировки. Конечно, немало законов сквозных, которые как бы в определенном аспекте пронизывают всю реальность, и тогда находятся примеры, подтверждающие их в самых разных уровнях и системах. Но это не дает права объявлять их абсолютно главными, поскольку число таких аспектов в принципе бесконечно, а на практике достаточно велико. Отсюда понятие закона на более высоком уровне в определенной мере становится условным и переходит в понятия групп и систем законов. Сказанное не только не умаляет значения законов, но, напротив, ставит их в правильные рамки, в которых только они и могут работать;

д) учет того, что прежде чем от относительно главных законов перейти к частностям, нужно выстроить длинную цепочку зависимостей и соотношений, каждое звено которой может существенно трансформировать исходный принцип. Однако это означает не то, что такие обобщения, говоря словами Риккерта, будут слишком высоко парить над жизнью, а что *закон нельзя прямо и просто приложить к конкретному случаю без определенной методики и правил соответствия*. Мало того, к каждому случаю надо сначала подобрать наиболее подходящий для его объяснения закон, подобно тому, как мы подбираем инструменты для совершения каких-то действий, или подобно тому как врач подбирает средства диагностики и лечения для каждого больного.

Итак, логика моей концепции исходила из того, что если отказаться от объективистских претензий на фактически абсолютное знание, если изменить гносеологические и методологические подходы к понятиям законов вообще и исторических особенно, то они способны вновь занять очень заметное место в арсенале теоретиков. Но отсюда следовало, что

необходимо отказаться от идеи найти самые главные законы. Мало того, нужно еще признать положение о неопределенном и очень большом количестве возможных законов, в том числе главных. А это значит, что *историческое развитие никак нельзя объяснить одним-двумя главными законами, и понятие главных — относительно — законов можно использовать только для гораздо меньших объемов: определенных важных аспектов или крупных задач теории исторического процесса.*

Но в таком случае резко возрастает потребность в правилах и методиках, которые бы уменьшили опасность ошибок при определении важности и иерархии законов, способов их применения и т. д. Их разработка способна на многом существенно подтянуть качество этого инструмента и частично компенсировать отсутствие количественных характеристик в формулировках законов исторического процесса. Вот почему я считал совершенно необходимым показать возможные методики всех этих процедур и примеры их применения.

При этом использовались как традиционные, так и новые методы. Согласно Гадамеру, «никакой плодотворно работающий исследователь не может в глубине души сомневаться в том, что хотя методическая чистота неизбежна для науки, но одно лишь применение привычных методов в гораздо меньшей степени составляет сущность всех исследований, чем нахождение новых, — и за этим стоит творческая фантазия исследователя»⁴⁹. Но, применительно к законам, не всегда новое — это именно совсем новое. Весьма часто новое — это правильно измененное старое. И задача как раз состояла в этом поиске возможностей объединить разные подходы и методики так, чтобы такой синтез дал существенно новый результат.

В конечном счете все эти методики нужны, чтобы лучше понять историческую реальность в разных ее аспектах и уменьшить разрыв между теоретизированием над историей, с одной стороны, и историографией — с другой, ни в коей мере не подвергая сомнению значительные особенности и определенную автономность последней.

Заключение раздела

⁴⁹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М, 1988. С. 615—616.

В этом разделе я стремился доказать, что вполне возможно совместить разные точки зрения на исторический процесс и способы его анализа и при этом выйти на качественно новый уровень исследования и объяснения⁵⁰. И надеюсь, что в достаточной мере убедил не только в правомерности собственного подхода, но и большей его объяснительной силе и продуктивности, хотя окончательную оценку, конечно, выносит читатель.

Кроме того, этот раздел, особенно его центральная часть, — исследование цивилизаций и их исторической трансформации, — помимо ответа на тему книги, должен был продемонстрировать плодотворность опоры на масштабные теории при решении не столь крупных, а также, мягко говоря, сложность удачного изложения какого-то аспекта развития человечества вне связи с общим представлением о его историческом движении. Именно поэтому сначала потребовалось сравнить и соподчинить категории «формация» и «цивилизация», показать, что цивилизации есть один из видов пространственно-временных группировок обществ, а их развитие описать как составную часть исторического формационного процесса. С другой же стороны, нужно было еще раз заострить внимание на том, что прямо и просто прикладывать общие теории к более частным проблемам невозможно. Потребовалось найти те специфические понятия и методики, которые позволили обнаружить нечто единое в неповторимых цивилизациях и показать пути и причины трансформации последних в нового типа группировки обществ.

Выше я подвел итоги исследования о законах, без которого нельзя начинать моделирование исторического процесса в следующем разделе. Подходы к процедуре моделирования рассматривались в главе пятой. Но мне хотелось бы вновь вернуться к этому вопросу.

Вся история подобна «канату, сотканному из тысячи нитей, отдельные нити длиной в столетие, тысячелетие, а большая часть их является лишь короткими отрезками в пряже времени. Задача всякого исторического исследования — распутать эту ткань», — образно писал Курт Брейзиг⁵¹. Однако если прибегать к подобным сравнениям, то всемирная история — это не канат, ибо канат

⁵⁰ Как справедливо замечал Роже Гароди, «в конечном итоге самой верной гипотезой будет та, которая окажется способной вобрать в себя все другие» (цит.: Момджян Х. Н. Марксизм и ренегат Гароди. М. 1973. С. 35).

⁵¹ Цит.: Краткая философская энциклопедия. С. 191.

предполагает определенную и достаточно тесную связь, которая между событиями очень часто не просматривается. Правильнее сказать, что она есть поток, состоящий из многих течений, более сильные или постоянные из которых и представляют исторический процесс. Можно представить всемирную историю морем, в котором мы отыскиваем путь. При этом имеется несколько параллельных курсов, по достоинства их различны. Но все эти сравнения, по немецкому выражению, хромают.

Тем не менее всемирная история есть громада событий и процессов, расположенных во времени. Чтобы обзреть их, нужны особые способы. Просто описать их невозможно, получается слишком громоздко. Значит, задача — максимально упорядочить события так, чтобы в оптимальной мере и совместить возможность охватить разом историю, увидев в ней определенный порядок, и не погрешить против ее реалий. Важным шагом в этом плане мне представлялась необходимость разделения понятий всемирной истории и исторического процесса, и соответственно — теория истории и теория исторического процесса. А далее нужны методики, которые помогли бы разобраться в том, какие события и процессы и в какой иерархии по важности отобрать для включения их в исторический процесс. Центральным моментом здесь может выступить модель исторического процесса, которая должна вместить в себя достижения целого ряда очень емких познавательных и методологических средств.

Разумеется, я не вкладываю в понятие модели какой-то строго определенный или все сразу объясняющий смысл. Я вполне согласен с Марксом Вартофским, что невозможно найти четкий критерий «для различения между понятиями «модель» и «теория» или для эмпирического различения их применения»⁵². Поэтому в принципе можно было бы обойтись и просто понятием теории исторического процесса. Но все же, думается, правильнее настаивать на добавлении к понятию «теория» еще и слова «модель», поскольку в нем есть нечто семантически отличное от слова «теория», пусть и не слишком четко уловимое.

Иначе говоря, этим термином мне хотелось бы заострить внимание читателя на определенных и важных (иногда принципиально важных) особенностях той теории, которая ему будет предложена в

⁵² Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 29.

следующем разделе. Очевидно, что теория теории рознь не только по содержанию, но и по методологии. *И вот именно в плане методов теоретизирования я и хотел бы конкретизировать свою позицию идеями моделирования исторического процесса, а не просто его анализа, описания, объяснения.* Ведь раз речь идет о процессе, то желательно показать его энергетику, то есть движущие силы, причины усиления или замедления его скорости и смены направления, обусловленность одних вещей другими и т. п. А все это, думается, лучше объясняется понятием «модель».

В то же время модель вроде бы должна хотя бы в определенной мере, хотя бы в аналогиях, в образах «походить» на свой реальный объект. Но в нашем случае имеется в виду, конечно, модель особого рода, ибо ни история, ни исторический процесс не имеют ника кой формы. Можно вести речь только о мыслительной модели, не являющейся некой уменьшенной копией объекта, поскольку и сам объект нельзя вообразить.

Попробую объяснить, что я понимаю под словом «модель» применительно к моей работе. Модель предполагает выделение частей, важнейших элементов и определенную последовательность операций по их «сборке». При этом отбирается наименьшее число «узлов» и операций, только те, которые действительно необходимы для ее создания. Именно это я подчеркивал, говоря о важности и достаточности двух измерений исторического процесса — горизонтального и вертикального.

Но надо обязательно оговориться, что я веду речь не о такой теории, которая дает объяснение исторического процесса во всех деталях, а о теории-модели, которая способна задать правильные рамки (то есть соотношения, объемы, уровни, периодизацию, движущие силы и прочее) для анализа любых крупных частей, аспектов или линий исторического процесса и дать ключ для их исследования и виде правил и методик. Но задать рамки и дать методики не значит иметь изначально готовые ответы на все проблемы, а значит лишь предполагать направления исследования и — в лучшем случае — иногда предварительные результаты его. Другими словами, *это не жесткая схема, а обладающая свойством подстроиться под материал теория-модель, подвижная, способная менять свои очертания в зависимости от задачи, объема, уровня, имеющая четкие правила таких трансформаций и учитывающая в то же время плюсы и минусы других альтернативных теорий.*

Разумеется, как логично рассуждает Вартофский, возникают два центральных вопроса. «Вопрос первый: в каком смысле, работая с моделями, ученый принимает те или иные экзистенциальные обязательства? Вопрос второй: насколько такие обязательства являются необходимыми или не необходимыми?»⁵³. Иначе, насколько верит ученый в реальность и, так сказать, схожесть своей модели с исторической действительностью, и насколько вообще он обязан в это верить?

Относительно исторического процесса эта вера должна быть, безусловно, осторожной. Попытки связать наши теории с концепцией «отражения» реальности ведут ко всякого рода недоразумениям, а в конце концов к явной или скрытой идее, что историей руководит некая внеисторическая сила, все равно объективная или субъективная, имманентная или обязанная только Случаю, а также появлению лишних сущностей. Кроме того, в любой модели вводятся понятия определенных сил и процессов, принимающих тем более абстрактный и безличностный облик, чем шире обобщения. И здесь таится опасность умаления безусловной идеи о том, что именно люди творят историю, а случай играет в ней очень важную роль. Однако, с другой стороны, отрицать за моделью всякие онтологические, реальные основания было бы абсурдным. Стало быть, проблема в мере сочетания объективности и субъективности⁵⁴.

Итак, история складывается из действий людей, побуждаемых самыми разными причинами к своей активности или пассивности. Но при определенной человеческой массе их действия уже неизбежно (и часто незаметно) приобретают форму, характер и свойства определенных сил и процессов. Это очевидно уже потому, что со смертью одного человека преемственность полностью не прекращается, а организации, институты могут существовать веками и тысячелетиями. Кроме того, человеческие действия всегда так или иначе, в большей или меньшей мере детерминированы обстоятельствами, тем более, когда эти люди представляют не себя, а

⁵³ Вартофский М. Ук. соч. С. 63.

⁵⁴ Без соблюдения этой меры мы либо никогда не найдем, либо будем постоянно терять «конструктивный взгляд на прошлое». И, если использовать понравившееся Эдварду Карру выражение, нас будет тянуть либо в мистицизм (в духе Бердяева, Нибура, Тойнби), либо в цинизм, понимаемый как крайний субъективизм (см.: Carr E. H. What is History? N. Y., 1961. P. 144—145).

социальные организмы, государства, армии и т. п. Опять же и реакции людей нередко похожи и могут быть сведены к определенным типам.

Все это и многое другое объясняет существование таких пластов общественной жизни, которые, несомненно, длительнее и фундаментальнее деятельности отдельных людей. Такие длительности, формы преемственности и изменяемости определенно и весьма наглядно могут быть выявлены на протяжении больших исторических периодов. Но и число таких пластов, и их комбинации, и взаимная обусловленность, и накладывание одних длительных процессов на другие, и степень детерминации в разных аспектах, и последствия каких-то действий и событий, и многое, многое другое может быть по-разному интерпретировано.

Таким образом, говоря о модели исторического процесса, мы должны верить: а) в реальность и большую роль фактов, которые мы объявляем значимыми, важными, переломными и ключом к объяснению процесса;

б) в реальность каких-то длительных событий и процессов и их несомненную важность, хотя степень важности всегда под вопросом⁵⁵. Если, скажем, речь идет о сельскохозяйственной революции, то мы убеждены, что некогда сельского хозяйства не было, а затем в результате определенных событий оно появилось, развилось и распространилось. *Под сомнением всегда вопрос о решающих причинах такого появления и о степени влияния этого события на остальные, но не само оно;*

в) в избранной нами системе ценностей мы должны максимально избежать нарушений той логики, которую увидели. И если мы добьемся этого, то можем считать, что такая логика действительно существует. Не в том плане, что она заложена изначально или внеисторична, а в том, что правильно понятый процесс развития и в самом деле оказывается не случайным, а опирающимся на определенные важные свойства субъектов и объектов истории. Но эта логика не единственно возможная и может быть

⁵⁵ Следует согласиться, что мы не можем однозначно сказать о какой-либо теории или идее, что «это истина, если она соотносится г фактами», поскольку они не могут быть взяты в абсолютном виде. Ведь факты, с которыми соотносятся теории, сами должны быть представлены в определенной форме, то есть в виде каких-то утверждений (актуальных или возможных). Отсюда утверждение об истине на основании лишь соответствия фактам может быть лишь частичной истиной, ибо мнение о самих фактах необходимо еще исследовать и проанализировать (см.: Walsh W. H. An Introduction to Philosophy of History Bristol. 1992. P. 73, 76).

скорректирована впоследствии;

г) наша модель объясняет какие-то вещи, до того не достаточно ясные, и в целом лучше решает проблемы. Мало того, она и ставит новые, более сложные и глубокие проблемы, которые не просматривались ранее за грудой нерешенных.

Итак, мы верим, что историю разных обществ и стран можно представить как единый исторический процесс, поскольку, помимо алогичности, непознаваемости, неизвестности и пр., в ней можно увидеть и логику развития, и повторяемость, и направленность движения, и причинность, и прочее. И мы верим, что можем создать теорию-модель, которая позволит отсеивать более важные события (в избранных рамках) и объяснять достаточно крупные исторические явления. Правда, степень адекватности такого объяснения не всегда удовлетворительна, но точность нашего анализа способна расти, и процесс улучшения здесь неограничен.

Тем не менее раз и навсегда проблему объективности и субъективности не решить. Причем надо готовить себя к мысли, что при открытии новых фактов, зависимостей или аспектов придется переделывать свою модель, оставляя какие-то ее части, узлы и удачные решения, чтобы повысить КПД соответствия реальности и объяснения возникающих проблем.

Если исходить из духа марксизма, который, как тонко уловил Роже Гароди, «предполагает необходимость критического усвоения, впитывания в себя всех частичных истин, открытых благодаря плюрализму гипотез, призывает преодолеть их»⁵⁶, то следует искать возможно более широких обобщений, чтобы снять противоречия частичных гипотез и подходов, чтобы создать более интегрированную теорию, более удачную модель.

«Многие мыслители ставили своей целью развить такой культурный способ видения, наделенный внутренней глубиной и универсальностью, который, не навязывая априорных ограничений возможному ряду законных интерпретаций, смог бы сложить разбросанные осколки знания в подлинную и связную картину»⁵⁷, — говорит Тарнас. Далее он, однако, добавляет, что, «учитывая нынешнее положение, следует признать подобную интеллектуальную задачу почти непосильной»⁵⁸. Но все же мое мнение: непосильной

⁵⁶ Шт.: Момджян Х. Н. Ук. соч. С. 35.

⁵⁷ Тарнас Р. История западного мышления. М., 1995. С. 348.

⁵⁸ Там же.

она кажется только до тех пор, пока не признана как насущнейшая, рубежная, решающая. Когда она станет таковой в понимании значительной части ученых разных направлений, тогда могут и найтись способы ее решения. Необычная задача может родить и новые средства, тем более с учетом колоссальных возможностей информатики.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Как всегда, приступая к систематическому изложению сложной и объемной теории, сталкиваешься с проблемой: с чего начать и как правильнее сгруппировать материал? Можно, конечно, сразу приступить к характеристике центральной категории теории исторического процесса. Как и в историческом материализме, у меня это — формация. Однако в моей трактовке данная категория вовсе не равна общественно-экономической формации, что и неудивительно, поскольку я исхожу из иных, чем это учение, гносеологических и методологических посылок. Поэтому я не только показываю различия, но и несколько изменяю название: говорю не об общественно-экономической формации, а о **формации исторического процесса**.

По этим причинам начинать с обстоятельной характеристики формации оказалось неудобным. Кроме того, чтобы показать полную ее структуру, причем в нескольких аспектах (временном, пространственном, системном), законы и движущие силы ее разворачивания и смены, цикличность и особенности этого цикла и т. д. нужно сначала подробно рассмотреть ее составные части. А каждая из них сама по себе — очень сложное и объемное понятие. Поэтому раздел пришлось разбить на два подраздела.

В первом подробно разбираются категории, система которых и составляет основное (или первичное) содержание формации. Поэтому я называю эти категории **формационными**. Они, по сути, аккумулируют в себе то общее, что можно выделить в развитии отдельных слоев (сфер, областей) жизни разных обществ, и схематично показывают развитие этих сфер в историческом процессе как в вертикальном, так и в горизонтальном его измерении.

Таким образом, мы получаем как бы несколько теснейше взаимосвязанных линий, показывающих разворачивание определенных моментов (или параметров, аспектов, частей) исторического процесса. Каждая из них сама по себе представляет большой интерес, так как позволяет увидеть логику развития отдельных аспектов истории и как самостоятельных процессов, и как части общих сил, а также дает возможность перехода к менее широким (но не менее важным) задачам теории истории. Однако необходимо объединить эти линии и аспекты в общую систему на

основе идеи, с одной стороны, их инвариантности друг другу, а с другой —относительно большей фундаментальности некоторых из них.

Опираясь на анализ соотношения основных формационных категорий между собой и введя некоторые дополнительные, можно уже переходить к обстоятельной характеристике модели формации с рассмотрением ее цикла и разбором переходных периодов. Второй подраздел и посвящен этому и связан непосредственно с моделированием исторического процесса.

Моделирование же неразрывно с периодизацией. Последняя операция играет очень важную, во многом структурирующую роль в теории исторического процесса, ибо вопрос времени, длительности периодов и значимости их места в общем движении составляет суть историчности. Поэтому я считаю необходимым рассмотреть периодизацию самым тщательным образом, привести не просто первичное, то есть достаточно приблизительное, неточное и грубое деление, но и более тонкое.

Формации и есть основные ступени исторического процесса, определяющие периодизацию первой очереди. Этапы формационного цикла дают основу для более подробной — вторичной — периодизации, объясняющей логику формационного цикла. Затем идет еще более детальная — третичная. С периодизацией так или иначе увязаны и формационные категории. Все сказанное позволяет дать полное описание модели исторического процесса.

Кратко охарактеризовав структуру раздела, я вновь хочу вернуться к вопросу, к которому приходится обращаться постоянно: насколько соответствует реальности представленная модель. Ведь если верно, что «природа социальной реальности — это ключевая проблема философии социальной науки»¹, а одна из главных задач последней состоит в том, чтобы проверить, насколько ее тезисы прикладываются к самой социальной реальности²; если, чтобы сделать объяснения социальной реальности более ясными и убедительными, необходимо увеличить тонкость и остроту анализа современных философских категорий³, то сказанное вдвойне верно для **исторической** реальности и проверки категорий философии

¹ Collin, F. Social Reality. — N. Y., 1997 (Аннотация к книге).

² Collin, F. Op. cit. — P. X.

³ Ibid. — P. XI.

истории и теории исторического процесса. Ибо если социальную реальность можно наблюдать непосредственно, то историческая воспринимается нами опосредованно, а часто наши знания вообще основываются на догадках и предположениях.

Боулдинг в шутку говорил, что интерпретация истории — опасное занятие. Действительно, может быть, как ни в какой другой области, обобщения здесь связаны с возможностью ошибок, перекосов и искажения перспективы. А по точному замечанию Марроу, трудности, опасности и неуверенность исследователя пропорционально растут вместе со степенью абстракции, уровнем обобщения и шириной синтеза исторических конструкций⁴.

Выходом из этих сложностей мне представляется повышение роли методологии и гносеологии, что уменьшит число ошибок и позволит эффективнее их обнаруживать и исправлять⁵.

Мы очень часто забываем, что нет абстрактной истины, она всегда конкретна. А значит, нет и универсального для каждого случая объяснения, оно просто невозможно. Но это совершенно не значит, что правы те «философы истории, которые готовы согласиться, что описание отдельных фактов может быть истиной, но отрицают, что генерализации и классификационные описания [истории] могут быть таковыми»⁶. Помимо ловушки сугубого объективизма, считающего, что «между природой и знанием существует полное совпадение»⁷, есть еще ловушка сугубого релятивизма. Последний ныне все чаще выступает в форме постмодернизма, в котором ценность поиска истины рассматривается через призму умственных упражнений, в плане того, «что можно сделать с “истиной”»⁸. Причем эти упражнения весьма напоминают выверты древнегреческих софистов. Не попасть ни в ту ни в другую ловушку — вот обязательная задача.

Модель, следовательно, не соотносится прямо с действительностью, а категории весьма опосредованно связаны с массой описываемых ими объектов. Однако результат, выводы,

⁴ Cite: Kracauer, S. History. The Last Things Before the Last. — N. Y., 1969. — P. 123.

⁵ Зигфрид Красауэр называет как необходимые при увязке микро- и макроистории два правила (принципа или закона): перспективы и уровней (Kracauer, S. Op. cit. — P. 123—127). Но, разумеется, их гораздо больше, и мы о многих из них говорили (в том числе о правилах исторической ретроспективы, возможно большего охвата конкурирующих взглядов и т. п.).

⁶ Mc. Cullagh, C. Behan. The Truth of History. L. — N. Y., 1998. — P. 62.

⁷ См. Bunzl, M. Real History: Reflections on Historical Practice. — L. — N. Y., 1997. — P. 105.

⁸ Ibid.

практические рекомендации должны способствовать более глубокому и верному пониманию исторического процесса и шире — истории.

Итак, этот раздел завершает построение авторской теории исторического процесса. Она с учетом объясненных в первом разделе законов, гносеологических и методологических подходов и принципов, а также изложенного в первой части позволит в третьей части перейти уже от модели к более подробному описанию исторического процесса. И это даст возможность остановиться на многих частных по отношению к глобальному масштабу, но очень важных (а в некоторых смыслах — важнейших) проблемах теории истории.

ПОДРАЗДЕЛ 1

ФОРМАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ

Данный подраздел необходим, чтобы, во-первых, развернуть категориальный аппарат моделирования исторического процесса в целом и каждой формации в отдельности. Во-вторых, показать в достаточно схематичном, но все же весьма обстоятельном виде, как разворачиваются эти категории в рамках формации и всего исторического процесса, как связаны они с периодизацией. Это позволит более четко обосновать периодизацию, увидеть генеральную и иные линии развития, причины и механизмы смены формаций.

Каждая глава посвящена одной или нескольким важнейшим формационным категориям. Однако невозможно говорить о формационных категориях, хотя бы кратко не очертив, что понимается под формацией. Это сделано в первой главе, которая посвящена показу достоинств и недостатков трактовки понятия формации, объяснению причин и сохранения, и изменения этой категории, рассмотрению соотношения формации и формационных категорий, общим правилам анализа последних. И в некоторых отношениях эта глава как бы предваряет второй подраздел, в котором категория «формация исторического процесса» разбирается более глубоко. Следовательно, повторы неизбежны, но зато они позволяют лучше понять всю теоретическую конструкцию.

В этом введении есть смысл несколько остановиться на содержании понятия «категория» вообще и его методологическом аспекте. Мы уже говорили, что категории во многом сходны с

законом, в известном смысле их правомерно трактовать как «свернутый» закон, который с помощью определенных правил можно «развернуть». Неудивительно, что порой границы между ними не столь очевидны. О своих главных категориях К. Боулдинг образно говорит, что они незаметно переходят друг в друга, как цвета в радуге⁹. В известной мере то же можно сказать и о переходе законов в категории и обратно. Поскольку о законах мы много говорили, то будет нетрудно перенести ряд положений и на категории.

Сходство заключается, например, в том, что категории, как и законы, неодинаково «ведут себя» в разных случаях, то есть у них есть более и менее яркое проявление. При этом важно отметить, что *чем конкретнее объект, к которому прилагается крупная категория, тем важнее момент изменчивости*. Категории не некий монолит и абсолютизм, а особая мыслительная конструкция. И забывать о том, что и в ней есть, пусть в скрытом виде, изменчивость, значит обрекать себя на ошибки. Также возникает опасность объективизации категорий. Тогда они начинают жить собственной жизнью и заставляют всегда и везде искать подтверждения своего стереотипа. Именно такая ситуация сложилась в историческом материализме, в том числе и с формацией.

Однако категория имеет бесспорные отличия от закона. Во-первых, изменчивость в ней гораздо более скрыта. Если закон должен формулироваться как какое-то соотношение (зависимость, условие, вероятность и т. п.), то есть тут уже заложены некие условия изменчивости, определенный намек на область применения и т. п., то в категориях на первый план выходит единство, и в этом их огромная познавательная сила. Таким образом, в категории на первом месте некий синтез «субстанции», а в законе — соотношение переменных¹⁰.

Поскольку категория обладает меньшей подвижностью содержания, представлять ее как какой-либо закон удобнее, так сказать, не в условной (соотносительной), а в утвердительной его форме. Например, я ввожу категорию «основное противоречие формации». Смысл ее в том, что можно выделить постоянные источники развития, которые описываются как особая форма

⁹ Boulding, K. E. A Primer on Social Dynamics. History as Dialectics and Development. — N. Y. — L., 1970. — P. 54.

¹⁰ Правда, в обществознании это часто не соблюдается, отсюда и методологическая бесполезность таких абсолютных законов.

сосуществования некоторых формационных категорий (прежде всего принципа производства благ и типа отчуждения благ и личности). Каждая формация имеет свое специфическое противоречие, которое называется основным.

В качестве утвердительной формы закона можно сказать: *изменение указанного соотношения ведет к нарушению состояния некоего формационного равновесия и переходу к качественно новому этапу формации*. Но есть аспекты, которые правомерно представить и как соотношение. Например: *чем зрелее формация, тем острее это противоречие. Чем дальше общество находится от генеральной линии, тем своеобразнее проявляется в нем основное противоречие, тем важнее его собственные моменты*¹¹.

Второе отличие в том, что в законе обычно (часто) существуют две стороны, которые связаны определенным образом, и вот эта связь и создает собственно закон. Сторонами закона нередко выступают именно категории. Говоря о том, что категории и законы переходят друг в друга, не следует, разумеется, также забывать об уровнях абстракции. И часто категорию можно представить как закон более низкого уровня, чем тот, в который она входит в виде одной стороны.

Сказанное должно показать, что к вырабатываемым категориям надо относиться, как к гибким инструментам, а не как к догмам. В меру возможностей я буду оговаривать, когда и как ведут себя различные категории и что из этого следует.

Таким образом, система категорий, конечно, не отражает описываемой действительности, а дает определенный инструмент для ее анализа¹². Но она зато в некотором отношении должна отражать (в смысле демонстрировать, делать более наглядным) сложность описываемой действительности, неисчерпаемость ее. И поэтому крупная категория может разворачиваться в принципе до бесконечности, но только при определенных уровнях такое

¹¹ Поскольку это лишь пример, аргументации этих тезисов не требуется. Она приводится в своем месте.

¹² Объяснения в истории нужны по той же основной причине, что и в других науках, потому что мир сильно отличается от способа, которым мы обычно представляем его, — считает Майкл Стэнфорд. (Stanford, M. An Introduction to the Philosophy of History. Maiden. USA — Oxford, UK 1998. — P. 123). И он даже ссылается на книгу современного ученого с оригинальным названием «Неестественная природа науки» («The Unnatural Nature of Science»), который подчеркивает, что наука не совпадает с нашими естественными представлениями (Ibid. — P. 123—124).

разворачивание теряет эвристический смысл, поскольку появляются иные, более эффективные средства анализа. Это позволяет использовать модель в более или менее крупном плане, то есть вводить или не вводить в нее дополнительные этажи и пристройки, в зависимости от масштаба исследования.

Итак, мы должны совместить четкость категорий с подвижностью их содержания в зависимости от исторического периода, масштаба, линии исследования и т. п. В некоторой мере подвижность и нарастание сложности категории должны соответствовать самой логике исторического процесса. Здесь также действуют многие методологические правила, о которых шла речь: выбор базового уровня и аспекта, соблюдение правил соответствия, необходимость сворачивания и разворачивания категорий, существенная трансформация содержания более высокого уровня на низкие и т. п.

ГЛАВА 8. ФОРМАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ФОРМАЦИОННЫЕ КАТЕГОРИИ

§ 1. Противоречия, достоинства и возможности категории «формация». § 2. Формация и формационные категории в аспекте вертикального и горизонтального измерений исторического процесса. § 3. Формация как категория особой сложности

Я не сочувствую безапелляционным заявлениям, будто историческая специфичность — это все, что нам доступно. Напротив, мы даже не можем толком разглядеть частных без общих понятий.

Р. Коллинз

Понятие «общественно-экономическая формация» обладает несомненными достоинствами. Но из-за того, что навязываемая историческим материализмом модель противоречила исторической реальности, в конце концов наступила понятная реакция на то, что иногда называют «формационным редукционизмом»¹³. Термин

¹³ См.: Формации или цивилизации?// Вопросы философии. — 1989. — № 10. — С. 34.

«формация» в последние лет десять многими отвергается (или оттесняется на периферию) наряду с такими, как базис — надстройка, бытие — сознание, как заидеологизированный, ведущий к схематизму и малопродуктивный. Есть и попытки заменить его «цивилизацией».

Но, помимо простого отторжения надоевшей за десятилетия категории с ее очевидными методологическими пороками, нигилизм в этом отношении подпитывается еще и тем, что многие считают, будто понятие формации легко можно заменить более нейтральными выражениями: ступень, этап, фаза, стадия и т. п. Однако здесь коренится большая ошибка. Ведь для описания и анализа таких крупных ступеней исторического процесса нужна гораздо более емкая и сложная категория, чем вышеприведенные. И «формация» как раз является такой, поскольку, как уже было сказано (и мы вернемся к этому подробнее), ее содержание гораздо шире и глубже, чем просто ступень развития¹⁴.

Даже в историческом материализме она была более сложной структурно, чем все остальные, поскольку через нее стремились представить модель общества как системы. Тем более сложной она становится, если это модель всемирно-исторического этапа. А если привычный (пусть несколько измененный) термин обладает качествами, которые легко не заменить, то нет никакого резона от него отказываться¹⁵.

Сама идея формаций как определенных спиралевидных циклов, имеющих одновременно и повторяемость, и качественное развитие, мне кажется весьма важной. Убрать ее совсем — значит обеднить общественную науку. Поэтому, думается, эта категория еще способна хорошо послужить. Но необходима работа, с тем чтобы избежать ненужной многозначности и путаницы при использовании данного термина. В настоящей главе я и хочу расставить все точки над *i* и больше уже не возвращаться к этим проблемам, чтобы читателю стали совершенно ясными и противоречивость

¹⁴ А вот в значении макроформация, то есть «как стадия “укрупненной” периодизации истории человечества», как иногда используется понятие формации, оно как раз легко заменяется терминами «ступень», «эпоха», «период» и т. п. Ведь тогда формация как бы теряет свою структуру и лишается важных смысловых достоинств.

¹⁵ Кроме того, семантическая нагрузка сообщает не просто о стадиях истории, но как бы о напластовании исторических слоев, о том, что каждый последующий опирается на предыдущие, а во многих случаях (как при разломах земной коры) идет перемешивание пород разных слоев.

марксистского понятия, и в каком значении оно употребляется в данной работе. Но для этого требуется много пояснений, о которых будет сказано ниже. Здесь я бы хотел только уточнить следующее.

Поскольку неправильно связывать формацию с уровнем отдельного общества, так как это категория иного, гораздо большего масштаба, постольку определение «общественная» необходимо отбросить. Но тогда, естественно, лишним будет и определение «экономическая». В значении экономического базиса оно (как не раз уже сказано) может относиться только к социальному организму.

Кроме того, определение «экономическая» показывало доминирование форм собственности в смене формаций. Однако — и это исключительно важно — я считаю невозможным связывать характеристику и причины смены формаций с формами собственности. Даже если бы мы относили первый термин только к уровню отдельного общества, и тогда это являлось бы одной из самых серьезных теоретических ошибок. Ведь четкой связи между сменой форм собственности и переходом к качественно более высоким производительным силам для большинства обществ обнаружено не было¹⁶. А без этого говорить о переходе от формации к формации было затруднительным даже в рамках исторического материализма. И тем более это неправильно, если считать формации только общечеловеческими ступенями.

Если уж связывать смену формаций с изменениями в определенной области, то скорее с производительными силами, но опять же не отдельного общества, а с мировыми производительными силами, точнее, их качественными уровнями, называемыми мной принципами производства благ.

Наконец, я считаю, что невозможно определять название отдельных формаций ни по формам собственности, ни по каким

¹⁶ «Исследования последних десятилетий показали, что взаимосвязь производительных сил и производственных отношений в докапиталистическую эпоху была настолько сложной и неоднозначной, само их развитие оказалось столь многомерным и нелинейным, что историки, пытавшиеся поставить в соответствие каждому докапиталистическому способу производства какую-либо строгую определенную ступень развития материальных производительных сил, стали испытывать все большие затруднения, а у части социологов-марксистов даже стали возникать сомнения: действительно ли в докапиталистическом мире существовали какие-либо определенные ступени развития производительных сил с соответствующими им достаточно определенными типами производственных отношений?» (Коротаев, А. В., Кузьминов, Я. И. // Обсуждение книги В. П. Илюшечкина «Сословие-классовое общество в истории Китая» // Народы Азии и Африки. — 1989. — № 1. — С. 157).

другим частичным признакам и характеристикам. В предшествующих главах для упрощения я кое-где говорил об аграрно-ремесленной и других формациях. Однако редуцировать более широкое понятие к менее широкому можно лишь в строго определенных случаях, а при моделировании это тем более опасно. Эту проблему у нас еще будет возможность обсудить. Поэтому я считаю, что название формаций должно быть нейтральным (по номерам: первая, вторая и третья, четвертая).

Если исходить из вышеизложенного, то, мне кажется, лучше говорить именно о **формациях исторического процесса**. И в дальнейшем, за пределами этой главы, когда мы окончательно разберем все аспекты понятия «общественно-экономическая формация», если речь идет о формации, это означает именно *формацию исторического процесса*. А понятие «формационность» будет означать качество именно исторического процесса в целом, то есть разворачивание его в виде смены (и сосуществования) формаций.

Надо еще оговориться об определении «формационный». Оно относится только к тем категориям, которые достаточно ясно связаны с формацией как ступенью исторического процесса человечества в целом, следовательно, не прикладывается к категориям, предназначенным для характеристики прежде всего отдельного общества. Но чтобы отличить чисто исторические этапы и эпохи в конкретных обществах, с одной стороны, от таких ступеней в их развитии, которые связаны в первую очередь именно с глобальными изменениями исторического процесса в целом, — с другой, я ввожу понятие **«формационная стадия»**, то есть *стадия развития отдельного общества, так или иначе соотносимая с общечеловеческой формацией*.

§ 1. Противоречия, достоинства и возможности категории «формация»

По проблемам общественно-экономических формаций существуют обширная литература и довольно большой спектр мнений.

В абсолютном большинстве случаев формацию определяют как «исторически конкретное общество, то есть на данном этапе его развития»¹⁷, «особый социальный организм», «исторически

¹⁷ Келле, В., Ковальзон, М. Исторический материализм. — М., 1962. — С. 39.

определенный тип общества»¹⁸, некую универсальную модель развития общества, которая может быть приложена практически к любому историческому обществу. Уже и эти взгляды противоречат друг другу. Более правильно, даже в рамках ортодоксального подхода, считать формацию **типом** общества. Но тип никак не может быть конкретным социальным организмом, поскольку последний обладает массой индивидуальных черт, от которых абстрагируются при типизации.

Еще правильнее полагать ее теоретической **моделью** обществ, обладающих определенными абстрактными характеристиками. Но модель есть известное огрубление и упрощение, поэтому формация тем более не может быть «исторически конкретным обществом на данном этапе развития». Во-первых, потому, что интервал времени, в течение которого общества вступают в формацию, весьма велик. Между тем каждая эпоха внутри данного интервала существенно отличается от остальных по уровню развития производства, общественных отношений и другим параметрам. Значит, в модели могут быть только самые общие характеристики. Во-вторых, формационная модель изначально предполагает цикличность и связанную с этим возрастную вариантность, то есть фактически речь идет о нескольких моделях, представляющих начальные, зрелые и кризисные этапы формации.

Самое удивительное, что формацию одни и те же авторы в одних и тех же текстах определяют то как социальный организм, то как тип¹⁹, а иногда еще и как модель. Путаница такого рода происходит, вероятно, от того, что теоретической конструкции фактически придают онтологические свойства и думают о формации как о некоей действительно наличествующей сущности. Иначе бы не говорили, что «каждая общественно-экономическая формация представляет собой особый социальный организм, отличающийся от других не менее глубоко, чем отличаются друг от друга биологические виды»²⁰.

¹⁸ Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. — Т. 3. — М., 1979. — С. 146.

¹⁹ См., например, Фархiev, Р. Д. О последовательной смене общественно-экономических формаций и ее своеобразии в истории отдельных стран и народов // Диалектика общего и особенного в историческом процессе. Философские проблемы общественного развития. — М., 1978. — С. 61.

²⁰ (Философский энциклопедический словарь. — М., 1983. — С. 745). В этой фразе напутано так много, что просто удивительно. Совершенно очевидно, что организм не может быть видом. И в любом случае неправильно предполагать, как здесь, такую же идентичность между обществами одной формации, как внутри одного биологического вида (волков, львов и т. п.).

К слову сказать, хороша была бы биология, в которой существовало всего пять видов. И если уж использовать биологические сравнения, то формацию надо было бы уподобить типу или хотя бы классу. Но вообще же она имеет временные характеристики, и обычная классификация здесь неуместна.

Понятие «формация» теперь еще применяют (в противовес цивилизации) как определенную модель, срез, проекцию общества, взятого в экономическом (в отличие от духовного) аспекте. Для теории исторического процесса это неудачный подход, поскольку выявить универсальную последовательность смены форм экономических отношений на уровне отдельного общества нельзя (см. сн. 10). Значит, придется говорить о слишком большом числе формаций, что лишает категорию смысла, а суть идеи об исторически сменяющихся общечеловеческих ступенях вовсе затемняется. Аналогичные возражения применимы и к идее Э. Лооне разделить формации на так называемые чистые и комплексные²¹.

Вообще же проблема наличия — отсутствия «чистых» формаций хорошо показывала сложности использования истматовских формационных моделей при отнесении формации к одному обществу²². Те, кто утверждал, что «чистых» формаций нет, с точки зрения исторической практики были правы, поскольку любое общество многоукладно, хотя там может быть абсолютно ведущий сектор²³. Но сторонники их существования справедливо указывали, что в случае отвержения этой идеи теория вообще лишается смысла.

С моей точки зрения, подобная проблема как раз

²¹ Чистые — это такие, которые соответствуют теории. «Комплексной формацией можно назвать формацию, частями которой являются формации, объединенные в одно целое посредством регулярных и достаточно интенсивных связей так, что существование каждой из частей предполагает существование другой части. Предположим, в товарно-рыночном способе хозяйствования могут участвовать хозяйства, основанные на рабовладении, и хозяйства капиталистические. Тогда мы имеем комплексную рабовладельческо/капиталистическую формацию. В качестве комплексной формации можно рассматривать и общество, в базисе которого производственные отношения одного типа господствуют во внутренней экономической жизни, а производственные отношения второго типа — в экономических взаимоотношениях с остальным миром» (Лооне, 3. Современная философия истории. Таллинн. — 1980. — С. 212).

²² Формально исторический материализм говорил, что «история не знает “чистых” формаций» (Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 5. — М, 1970. — С. 394). Но фактически выводы, которые делались из формационной теории, противоречили такому утверждению.

²³ Среди тех, кто видел, что в реальной истории «чистых» формаций практически нет, но не хотел отказаться от идеи формации, возникло предположение разделить формации на исторические и социологические, то есть теоретические и реальные. Но это лишь запутывает дело.

свидетельствует о методологических пороках общеизвестной формационной теории, которая не только игнорирует вариантность, но как бы требует, чтобы новые формы утверждались в чистом виде. Но это совсем не типично, так как в реальности чистые случаи (даже почти чистые) встречаются намного реже, чем смешанные. Правда, в определенной мере это характерно для обществ, начинающих как бы с «чистого листа» свою историю. И в этом плане они часто оказываются в более выгодном положении, поскольку у них гораздо меньше этих самых «пережитков». Неудивительно, что в некоторых отношениях английские белые колонии обогнали метрополию, а США смогли сделать такой колоссальный рывок. И феодальная Европа смогла устранить множество ненужных моментов древности (то же язычество), благодаря чему западные страны смогли быстрее развиваться.

Если же относить термин «чистая» формация к мировому уровню, то выражение это теряет смысл. С одной стороны, совершенно ясно, что в мире всегда сосуществуют разные формации. И именно в этом органическом сосуществовании, в переходе, перетекании одних в другие и выражается одно из свойств исторического процесса и формационности²⁴.

С другой стороны, поскольку это понятие теоретическое, то естественно, что мы «наделяем» его нужной степенью чистоты, не забывая ни о сосуществовании, ни о том, что абстрактные формационные качества имеют большую амплитуду проявления в разных обществах.

Таким образом, для всех мнений об общественно-экономической формации (за отдельными исключениями, о которых будет сказано) основной недостаток, на мой взгляд, заключается в неразведении (или нечетком разведении) уровней общечеловеческого исторического процесса и развития отдельного общества.

Это вполне понятно, если вспомнить, что формация считалась стадией развития человечества, но не как ступень, присущая только человечеству в целом, не как нечто более широкое, чем новации в отдельных обществах, а как повторяющиеся в каждом обществе изменения, которые вместе и ведут все общества и народы по одинаковой дороге (либо, как вариант, часть обществ)²⁵.

²⁴ О последней будет идти речь в третьем параграфе этой главы. (См. также настоящую работу // Философия и общество. — 1998. — № 1. — С. 53.)

²⁵ Соотношение мирового и конкретно-общественного уровня для ортодоксальной

«Такой взгляд, несомненно, находится в вопиющем противоречии с исторической реальностью, что и дало основания... объявить эту концепцию ложной»²⁶.

Основной недостаток составляет и главную проблему в применении этой категории. Ведь если формации — это стадии развития всех, пусть большинства, обществ, то модели формаций должны подтверждаться в большинстве же случаев. Однако этого нет, и по данному поводу написана бездна теоретической и исторической литературы. Напротив, формационные модели подтверждаются только в меньшинстве ситуаций. Причем дело запутывает также многозначность и неразделенность понятия «общество», которым жонглируют от всего человечества до общества в конкретном историческом эпизоде.

Итак, нужно выделить два базовых уровня: отдельного общества²⁷ и формационный, который всегда больше единичного социального организма, но в период зрелости дорастает до мирового. О причинах совершенной необходимости их четкого и полного разделения я говорил достаточно подробно, но есть смысл повториться. Замечу только, что, подчеркивая определение «базовый», нельзя упускать из виду, что вообще уровней обобщения не два, а много (неопределенное число), и любой из них может в конкретной ситуации стать важнейшим.

Во-первых, это разные уровни абстракции по исторической длительности, по составу участников, полноте и силе учитываемых нами законов, а также и по возможности использовать такие инструменты, как группа и система законов. По всем этим и многим другим моментам формационный уровень качественно выше, чем уровень отдельного общества. *И чем большей зрелости достигает*

формационной теории представлялось аналогично взглядам на государственность. Сначала все общества существуют в догосударственных формах (племенах, союзах племен, вождествах), потом под воздействием раскола на антагонистические классы они становятся государствами. При этом можно говорить и о мировой ступени достижения государственности, которая складывается как раз из многочисленных актов превращения отдельных обществ в государства. Но государство, в отличие от формации, гораздо менее абстрактный и более реально существующий объект, гораздо яснее связанный именно с обществом, хотя полной идентификации здесь нет. Но даже и в отношении государственности такой взгляд во многом неверен, тем более он неправомерен в отношении формации.

²⁶ Семенов, Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // *Философия и общество*. — 1997. — № 1. — С. 158—159.

²⁷ Как основной единицы социологии и теории истории, то есть как относительно самодостаточной и не зависимой от других систем (см. подробнее: настоящая работа // *Философия и общество*. — 1997. — № 3. — С. 24).

формация, тем шире формационный масштаб и выше уровень обобщения. И лишь в обществе-первопроходце происходит максимальное (но далеко не полное) сближение в этом (только в этом) плане мирового и общественного развития.

Во-вторых, переход на новую формацию в отдельном изолированном обществе невозможен, ибо такой переход есть дело, масштаб и уровень надобщественный, перерастающий во всемирный. Даже когда кажется, что он определяется именно внутренними процессами отдельного общества, на самом деле он подготовлен ходом исторического процесса в целом.

В-третьих, человечество (его часть) в системном плане выступает как целое, а отдельное общество как составная часть этого целого, причем каждое общество занимает во многом неодинаковое с другими положение в этой системе (ибо сложная система, это не механическое объединение сходных элементов, а структура специализированных и потому различных между собой частей).

В-четвертых, развитие человечества — это не единая линия, а движение обществ по разным направлениям, часть из которых ведет в полный или частичный тупик. А чтобы выйти из него, отсталые общества должны заимствовать модели передовых. В результате же симбиоза собственных и привнесенных форм возникает много существенно различных комбинаций.

В-пятых, генеральное направление развития идет как раз в сторону все большей интеграции обществ и в целом человечества. А поскольку при этом наблюдается ускорение темпа исторического процесса и региональное укрупнение, надобщественные силы становятся все более мощными и влияют все сильнее на отдельные общества, но результаты воздействия на каждое из них оказываются неодинаковыми.

Стоит напомнить, что у нас уже шла речь о том, что из двух главных смысловых аспектов понятия «формация»: 1) модель одного общества и 2) ступень развития мирового исторического процесса — отказаться от первого, сохранив только второе, намного легче, а сделать наоборот — гораздо сложнее, в этом случае термин теряет серьезное теоретическое значение²⁸.

Таким образом, разведение базовых уровней абстракции при применении понятия формации становится крайне важным,

²⁸ См.: настоящую работу // Философия и общество. — 1998. — № 2. — С. 31—32.

фактически решающим для преодоления ряда «неразрешимых» в течение долгого времени проблем и сохранения лучшего в формационной теории. Однако четкое понимание необходимости такой операции встречается весьма редко²⁹ и практически нет работ, в которых бы такое разведение было сделано до конца. Ведь оно требует, кроме общей идеи, очень большой и систематической работы во всех разделах и направлениях формационной теории, чтобы привести их в соответствие с таким разделением. На практике же некоторые ученые расшивали теорию в одних местах, но не делали это в других. Например, указанная проблема не решается без пересмотра всего массива и терминов.

В отношении последнего, пожалуй, наиболее последовательным был В. П. Илюшечкин, пытавшийся создать систему параллельных категорий для этих уровней. Но поскольку он не смог отказаться от ряда марксистских догм, его термины оказались громоздкими, а различия между ними и истматовскими далеко не всегда уловимыми. Создается впечатление, что фактически он и сам запутался в собственной терминологии. Это еще раз показывает, что частичное решение вопроса невозможно, проблема всплывает в самом неожиданном месте.

Приведенная ниже цитата Илюшечкина дает также возможность порассуждать об очень непростом моменте определения соотношения общемировых стадий и этапов развития отдельных социальных организмов в плане их сопоставления и выделения зависимостей, сходства и отличия.

«Что же касается членения процесса развития общества на формационные эпохи, то оно применимо в равной мере как к истории всего человеческого общества, так и к истории составляющих его отдельных народов»³⁰, — считал он. Очень характерная оговорка «в равной мере» показывает, что он впадает в ту же самую ошибку, о которой сказано выше: в модели исторический путь отдельных

²⁹ Один из немногих, кто достаточно определенно говорит об этом, Л. Б. Алаев. Он считает, что формационную теорию надо отнести лишь к общемировому, глобальному уровню, противопоставив ей более узкие закономерности, поскольку части не могут развиваться по тем же законам, что и целое; формации — это именно общемировые, общечеловеческие этапы (см. его выступление на «круглом столе» «Формации или цивилизации» // Вопросы философии. — 1989. — № 10). Но его мысли остаются в целом на уровне пожеланий.

³⁰ Илюшечкин, В. П. Сословие-классовое общество в истории Китая. — М., 1986. — С. 42 (выделено мной. — Л. Г.). Он делает только две оговорки: хронология, то есть человечество, вступает в формацию обычно раньше, чем отдельное общество, и возможность перешагнуть, миновать отдельному обществу какую-то формацию. О последнем мы еще скажем особо.

обществ ему представляется аналогичным развитию человечества в целом. Но деление на формационные эпохи применимо к истории отдельных обществ и всего человечества никак не в равной мере, а общее прикладывается к единичному только с учетом линии развития, времени, места и ряда других особенностей конкретного общества.

Итак, с одной стороны, формациями следует считать только общемировые стадии. Однако с другой — утверждать, что идея схождения развития обществ как между собой, так и с человечеством в целом является на сто процентов ложной, неправильно. Несомненно, что у многих социальных организмов есть определенное схождение в стадиях развития, и, следовательно, эта стадийность есть важное качество, характеризующее всемирную историю. Другими словами, значительная доля истины в том, что общества проходят одинаковые этапы, есть, поэтому данный подход до сих пор имеет сторонников. Но доля истины — это только часть ее, а приравнять часть к целому — значит исказить дело. Попробуем разобраться здесь основательнее. Это облегчит также и понимание причин, почему термин «формация» целесообразно оставить.

1. Указанная стадийность наблюдается далеко не у всех обществ, поскольку часть из них так и не в состоянии перейти на новый этап либо вообще (исчезает, уничтожается), либо в виде самостоятельных социальных организмов и этносов. Тем не менее нередко стадийность можно проследить как историю именно одного и того же общества.

2. Сходства между обществами в этапах развития во многом объясняются именно всемирным характером смены и разворачивания формаций. Но когда начинаешь сравнивать схему таких стадий в разных социальных организмах, видишь, что единообразия нет. Это может касаться как соотношения подсистем обществ, так и последовательности стадий и их числа, разного ритма изменений в подсистемах, причин перехода, характера и темпа их смены. Такие различия уже связаны с разницей в месте, времени и модели изменений в каждом обществе.

3. В то же время масса различий не имеет отношения к мировым процессам, а объясняется чисто внутриобщественными (региональными) вещами. Понять, какие моменты являются результатом особенностей данного общества или региона, а какие есть преломление в них мировых стадий, можно только когда

удается найти ясное основание для выделения последних именно как свойственных человечеству в целом, а не как обобщения независимых изменений во многих обществах.

4. Хотя в каждом социальном организме соотносимые с формациями стадии имеют свои особенности и поэтому сильно различаются от общества к обществу, эти вариации могут быть объединены в несколько существенно различных моделей развития формации.

5. На характер модели сильно влияет соотношение внутренних и внешних причин перехода к новой формационной стадии. Поскольку марксизм отдавал основное предпочтение внутренним факторам, постольку движущие силы исторического развития очень сильно искажались. Между тем, как мы видели, развитие самостоятельное, под воздействием преимущественно внутренних причин — более редкое явление, чем смешанные или связанные с внешним воздействием модели. *При этом чем ближе формация к своему завершению, чем менее самостоятельна модель перехода к ней, тем важнее становятся внешние факторы, роль которых, однако, всегда весьма велика, даже в самый начальный период.*

6. Очевидно, что модель развития общества и этап «жизни» формации четко соотносятся между собой. Самостоятельная модель может иметь место, когда формация идет на подъем; полусамостоятельная — когда та достигает зрелости или высокой зрелости; несамостоятельная — когда она уже идет на спад, а свое влияние оказывает молодая следующая формация. И в каждом случае уровень развития производительных сил, науки и техники, политической и иной культуры, численность населения и общепринятые правовые нормы, плотность контактов и масса других параметров очень сильно отличаются.

7. В результате контактов возникает некое надобщественное свойство, которое не присуще ни одному обществу в полной мере, а только в какой-то части (аспекте, разделении функций и т. п.)³¹. В то же время возникает и множество таких вещей, которые носят явно надобщественный характер. *И чем ближе к современности, тем больше таких моментов и тем они важнее.*

Итак, делаем вывод: мысль о нераздельности формаций как сразу

³¹ Примерно так, как в определенной группе людей ни одному из них не принадлежит свойство группы в целом, но каждый составляет какую-то большую или меньшую ее часть.

и стадий общества, и стадий мирового процесса надо признать неправильной, искажающей реалии, не дающей ответа на главные вопросы. Но полностью и начисто отвергать идею соотносимости формаций и соответствующих изменений в обществах неверно. Необходимо разделить эти уровни. Ведь смена стадий (формационных) внутри обществ есть только **часть смены формаций исторического процесса**. Разумеется, часть неотъемлемая и исключительно важная. Но поскольку исторический процесс включает в себя не только внутренние процессы обществ, но и внешние по отношению к последним, значит, есть и другая, столь же важная и неотъемлемая часть смены формаций, по своему уровню качественно превосходящая уровень социального организма.

Желательно сделать и терминологические оговорки. Для соотносимых с формациями стадий внутри общества можно употреблять термин **формационные стадии**, чтобы, с одной стороны, отличить их и от фаз, связанных с местными или региональными особенностями, и от формаций исторического процесса (на уровне человечества), а с другой — показать их связь с последними. Также правильное говорить, что общество достигает формационной стадии или — что синонимично — находится (вступает) в рамках (системе) формации.

Таким образом, *понять процесс, причины и последовательность смены формационных стадий в каждом обществе мы можем, только имея ясное представление как о ходе смены соответствующей формации исторического процесса в целом, так и месте (по времени, важности, первичности и т. п.) этого общества в системе указанной формации.*

Такой подход позволяет нам, во-первых, органически сочетать два рассматриваемых базовых уровня и переходить от теории исторического процесса к теории истории с помощью ряда правил и законов. Во-вторых, строить модель исторического процесса, показывая в одном измерении сходство, в другом — различия.

Итак, несмотря на всю важность разведения уровней, до конца это не сделано даже в работах наиболее глубоких исследователей.

Далее я бы хотел остановиться на взглядах Ю. И. Семенова, поскольку они достаточно близки мне в ряде отношений, являются интересными и ценными. Продуктивно выделение им генеральной (магистральной в его терминологии) линии исторического процесса и, соответственно, менее перспективных линий; центрального

исторического пространства, подчеркивание, что формации относятся не к отдельному обществу, а к мировому процессу. Есть и другие положительные стороны.

Но многого и не хватает. Так, не доведено до логического конца понятие «формация», нет достаточного категориального аппарата для анализа именно общечеловеческого уровня, то есть уровня всемирно-исторического процесса. Есть и вещи, с которыми я не могу согласиться. И поэтому совершенно необходимо показать, в чем я вижу недостатки такого подхода и чем он отличается от моего. Разумеется, задача совсем не в критике Семенова, просто вопросы столь важные и принципиальные, что не дискутировать по ним невозможно. Кроме того, интересные взгляды тем и хороши, что от них удобно отталкиваться, чтобы лучше изложить свои собственные.

Семенов совершенно верно указывает, что лучше представить процесс развития формаций как «только вместе взятых» социальных организмов прошлого и настоящего, «то есть всего человеческого общества в целом»³². Но далее он пишет: «В таком случае общественно-экономические формации выступают прежде всего как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социальных организмов. Но это совершенно не обязательно»³³. И в другом месте: «История человечества есть единое целое, а общественно-экономические формации прежде всего являются стадиями этого единого целого, а не отдельных социально-исторических организмов. Формации могут быть стадиями в развитии отдельных социоисторических организмов, а могут и не быть ими. Но последнее ни в малейшей степени не мешает им быть стадиями эволюции человечества»³⁴.

Такой взгляд фактически полностью или частично выводит из формационного процесса очень многие, если не большинство обществ. Ведь одно дело, что большинство обществ вступают в систему новой формации несамостоятельно. Но они все-таки включаются в нее! И, собственно, законы развития именно на этом и строятся, что самостоятельно могут перейти только некоторые, а остальные так или иначе идут в фарватере первых. Но совсем другое, считать, что только некоторые общества могут находиться в какой-то формации, а большинство — нет. Более правильным логически и

³² Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 159.

³³ Там же. — С. 160.

³⁴ Там же. — С. 206.

более продуктивным будет положение о единой формации для сопоставимых по уровню развития (особенно в производстве) обществ, с учетом важных различий внутри нее. Формации необходимо рассматривать не «прежде всего», а только как общечеловеческие этапы, поэтому нельзя говорить, что они «могут быть стадиями развития отдельных социоисторических организмов, а могут и не быть ими». Гораздо точнее будет вывод, что, с одной стороны, по определению, формации не могут быть этапами развития отдельного общества, а с другой — формационные стадии любого из обществ, которые вступили в систему данной формации исторического процесса, обязательно соотносятся с ней, только соотношение это не прямое, так как зависит от многих вышеуказанных вещей.

К другим взглядам Семенова мы вернемся позже, а пока стоит сформулировать, каковы основные характеристики, составляющие содержание понятия «**формация исторического процесса**»³⁵ и показывающие сложность его замены другими терминами.

Во-первых, как сказано, стадийность.

Во-вторых, цикличность, показывающая рост, развитие и кризис определенных черт. Эта повторяющаяся очередность фаз и достаточно устойчивые временные соотношения между ними позволяют анализировать формацию со значительной долей научности.

В-третьих, системность, предполагающая иерархию между составляющими формацию категориями.

В-четвертых, многоуровневость. Это значит, что между конкретным историческим эпизодом и анализируемым теоретическим понятием располагается неопределенное число уровней обобщения, среди которых мы выделяем несколько базовых. И в зависимости от характера материала, задачи исследования и других вещей выбирается необходимый масштаб анализа, а для этого можно больше или меньше разворачивать содержание категории.

В-пятых, формация не просто временное, но и территориальное (историко-географическое) понятие. И в этом аспекте ее структуру правомерно представить в виде совокупности обществ, входящих в ее систему и делящихся на центр и периферию; пространственно-

³⁵ Причем эти характеристики в той или иной мере присутствуют и в марксистском термине, только они четко не осознаются и не используются в достаточной мере.

временные группировки разных типов и т. д.

Возникает вопрос, а зачем нужна такая громадная категория? Не лучше было бы ограничиться несколькими менее объемными и сложными? По мере того как в моей концепции это понятие все разрасталось, требуя новых и новых характеристик и категорий, я и сам задавал себе подобные вопросы. Ответ может быть таким.

Если мы исходим из принципа единства исторического процесса, то просто декларировать его бесполезно. Требуется показать (насколько возможно убедительно) это единство и в категориях, и в ряде аспектов, и в пространстве, и в законах. Далее его нужно представить в системе уже на отдельных больших этапах развития человеческого общества, то есть дать продуктивное и удобное членение исторического процесса по времени, иначе — его периодизацию.

Но если при этом мы не будем иметь общей категории, занимающей промежуточный базовый уровень между всем историческим процессом (в совокупности) и отдельными его аспектами, линиями и характеристиками и объединяющей их в систему, доказать такое единство вряд ли удастся. Формация и есть эти уровень, система и центр пересечения линий исторического процесса, поскольку формации — основные блоки, составляющие временное пространственное и смысловое содержание модели исторического процесса.

Сложность исторического процесса между тем практически безгранична. И чтобы модель хотя бы указывала на такую сложность, она, во-первых, не может иметь простую структуру, а во-вторых, должна обладать способностью при необходимости усложняться, включая в себя новые моменты. Но без деления исторического процесса на части-формации достичь этого невозможно.

«Мировую историю, рассматриваемую как последовательность событий, можно описать как цикл, как драму и как прогресс», — писал Теггарт³⁶. В формационной теории совмещены все три аспекта (возможности): тут есть формационный цикл, есть прогресс, налицо и «драма» как в виде накопления и разрешения основного противоречия, так и в виде соперничества разных исторических линий развития. Но помимо этого здесь имеется и такой важнейший

³⁶ Teggart, F. J. *Theory and Processes of History*. Berkley and Los Angeles. 1941. — P. 47—48.

момент, как единство истории. Все это лишний раз демонстрирует достоинства анализируемой категории.

Теперь сформулируем основные задачи этого понятия по их важности (не забывая об их единстве). Ограничимся четырьмя (из целого ряда).

Главная — показать системность и единство. *Формация должна объединять все линии и общества с помощью определенных (весьма абстрактных) характеристик.*

Вторая, неразрывная с ней, — показать в этом единстве важнейшие различия, связанные с разными линиями и темпами развития. Но именно **важнейшие**, а не любые различия, поскольку, чтобы сделать акцент на разнообразии, есть и многие другие способы и средства, вплоть до историографических.

Третья — показать в системности иерархичность, позволяющую выделить главные движущие силы исторического процесса и дающую основания для более точной его периодизации.

Четвертая — позволяет сравнивать развитие отдельного общества с человечеством и определять близость первого к генеральной линии, прогрессивность в ряде моментов, его место в мировой системе (роль в истории).

Таким образом, эта категория показывает *одновременно единство и многообразие исторического процесса, его непрерывность и членение во времени.*

Но вправе ли мы вместе со Шпенглером заявить: «Теперь наконец можно сделать решительный шаг и набросать картину истории, не зависящую больше от случайного местоположения наблюдателя в какой-либо — его — “современности” и от его качества как заинтересованного члена отдельной культуры, религиозные, умственные, политические и социальные тенденции которой соблазняют его расположить исторический материал сообразно некой ограниченной во времени и пространстве перспективе и тем самым навязать событию произвольную, поверхностную и внутренне чуждую ему форму»³⁷.

Идея о том, что можно найти некие правила, которые позволяли бы сегодня и в будущем в любое время одинаково объективно и строго анализировать интенсивно саморазвивающуюся реальность, какова всемирная история, наивна. Напротив, только признав, что

³⁷ Шпенглер, О. Указ. соч. — С. 248.

мы всегда зависим от нашего «местоположения» и прочих субъективных ограничений, удастся найти способы свести к допустимому уровню ошибки, связанные с этим.

И это напрямую относится и к нашим категориям. Если мы понимаем их ограниченность, временность, смотрим на них не как на платоновские идеи, а как на инструменты, которые можно бесконечно совершенствовать (но именно совершенствовать, а не менять по прихоти на худшие), есть надежда минимизировать трудности, связанные с их недостатками. И эту мысль мы разовьем в параграфе 2.

§ 2. Формация и формационные категории в аспекте вертикального и горизонтального измерений исторического процесса

В историческом материализме, как известно, считалось, что модель формации для всех обществ примерно одинакова. Но фактически она создавалась на основе лишь отдельных обществ. Подобный метод В. П. Илюшечкин назвал «эталонным» и справедливо подверг резкой критике. По его описанию, он заключается в том, что «некоторые страны древней и средневековой (а затем и новой истории. — Л. Г.) Западной Европы (античные Греция и Рим, средневековые Франция, Германия и Англия) произвольно принимались за некие “эталоны”, или “классические образцы”, общественной эволюции, будто бы наиболее полно и адекватно воплотившие в себе самые общие закономерности развития общества»³⁸. Естественно, что возникло сильное несоответствие между теоретической моделью и историческими реалиями.

Кроме догматического — не замечать противоречий, из этих трудностей в рамках формационной теории логически виделось два выхода: 1) либо найти всеобщие, но абстрактные характеристики, чтобы было меньше исключений; 2) либо сузить понятие формации только для части более прогрессивных, проходных, «исторических» обществ.

Первый, следовательно, заключается в поиске более абстрактных формационных моделей, способных охватить

³⁸ Илюшечкин, В. П. Указ. соч. — С. 52. Он также дает краткий обзор взглядов приверженцев этого подхода.

действительно большинство обществ. Работая в этом направлении, можно до определенной степени развести указанные базовые уровни и создать обобщенные формационные характеристики, которые годятся для любого общества, но не прикладываются прямо ни к какому³⁹.

Но даже самые удачные обобщения в этом плане есть только одно измерение⁴⁰, которое я называл горизонтальным. И если ограничиться только им, не учитывая в теории в необходимой мере различия между обществами, проблему полностью решить не удастся. Возникают трудности с объяснением причин и движущих сил перехода к новой формации, разницы в моделях обществ-первопроходцев и идущих в их фарватере и т. п.

Тут было много более или менее удачных попыток разных ученых, среди которых я бы особо отметил идею Илюшечкина о единой докапиталистической формации, основанной на внеэкономическом принуждении (объединяющей рабство, феодализм и азиатский способ производства), и концепцию Алаева, стремящегося найти общие черты как для западного, так и для восточного феодализма.

Другой путь, по сути, констатирует, что формационные модели прилегают только к небольшой части «исторических» обществ, а к другим требуются иные концепции. Здесь наиболее интересными являются взгляды Семенова.

Обе эти модернизации марксистской формационной теории, на мой взгляд, оказались односторонними, так как в них одновременно есть и правда, и неправота. В первом случае верная идея о том, что необходимо найти более широкие, чем истматовские, характеристики, под которые подошло бы большинство обществ, сочетается с фактическим преуменьшением роли проходных обществ, обеспечивших прорыв в новые формации. Тут налицо уклон во всеобщность, но недостаточно историчности.

Во втором — справедливо отбрасывается неправомерная идея о

³⁹ Я сам первоначально искал решение именно в таком ключе. И это оказалось намного более правильным, чем заикливаться на некоторых догматических моментах, например формах собственности. В результате мне удалось найти ряд обобщений более высокого, чем в формационной теории, плана. Они затем органически вошли как составная часть в представленную в этой книге теорию исторического процесса.

⁴⁰ Я думаю, что будет точнее говорить не о вертикальной и горизонтальной **линиях**, как это делалось в предыдущих главах, а об **измерениях**, которые соединяют в себе ряд линий. Но иногда эти термины будут употребляться как синонимы.

том, что все общества развиваются принципиально одинаково, но появляется также неправомерное утверждение: существует небольшая часть обществ, к которым приложимо понятие формации (или отдельных формаций), к остальным оно неприменимо (или применимо частично). Но это противоречит принципу единства исторического процесса. Фактически и здесь в основе лежит «эталонный метод», только наизнанку. В этом случае сохраняется историчность, но теряется всеобщность.

Однако я не думаю, что в каждом из этих подходов нельзя разделить верное и неверное. Напротив, есть надежда синтезировать лучшее из них. Поэтому-то и необходимо более подробно остановиться на некоторых моментах каждого из направлений, чтобы затем показать возможность синтеза обоих взглядов и какие выводы для построения категорий следуют отсюда.

Начнем с рассмотрения второго направления. Стремление сохранить традиционную (так или иначе связанную с пятичленной) периодизацию и не погрешить при этом против истории вело к противопоставлению более и менее удобных (правильных) обществ с точки зрения этой формационной теории. Возникает идея представить формации как характеристику общемирового процесса, но в то же время присущую и некоторым выдающимся обществам. Но если мы встанем на такую позицию, тогда и модель всемирной формации неизбежно будет опираться лишь на эти эталонные страны. Либо — либо. Либо отдельные общества и создают формацию, но тогда она не общечеловеческая ступень, поскольку большинство социальных организмов находятся вне ее. Либо мировая формация не может быть «увеличенной копией» отдельных обществ, а должна быть абстрактной моделью многих, не будучи прямо похожей ни на одно.

Значит, если формация — это общечеловеческая ступень, то отдельные общества не могут быть формациями, а будут в лучшем случае занимать в системе формации более центральное место, то есть они временно находятся наиболее близко к генеральной линии. Но временно, а не всегда. И в любом случае их развитие есть только частица, а не полная модель общего. Таким образом, хотя противопоставление более и менее прогрессивных с точки зрения теории исторического процесса обществ правомерно, но необходимо делать это только в рамках единой формации. Другими словами, *большинство сравнимых обществ относится к единой для них*

формации, но только некоторые избрали модель, способную их вести дальше, а не вбок.

Продолжим теперь рассмотрение идей Семенова. Когда он пишет: «Сейчас существует настоятельная нужда в таком подходе, который, продолжая оставаться унитарно-стадиальным, в то же время учитывал бы всю сложность всемирно-исторического процесса, подход, который не сводил бы единство истории только к общности законов, а предполагал бы понимание ее как единого целого. Действительное единство истории неотделимо от ее целостности»⁴¹, — он прав. Как и в том, что понять исторический процесс можно только в единстве, учитывая «не только хронологию мировой истории, но и ее географию»⁴². Но в очень нужных поисках действительного единства исторического процесса он делает слишком сильный крен только в одну его генеральную линию. Иной раз получается, что он как бы отождествляет исторический процесс и его часть, значит, недоучитывается момент количественного, вширь распространения формации, появления ее видового разнообразия и формирования разных, конкурирующих между собой линий. Всемирно-исторический процесс есть совокупность ряда разных линий, то сливающихся, то перекрещивающихся, то уходящих в небытие, то дающих пучок новых и т. п. Без этих негенеральных линий нет формации, и данная категория должна отражать и единство, и различия линий.

Сведение же всеобщего к одной только линии ведет и к неправомерному сужению пространственных (и системных) характеристик формации. «Начиная с перехода к классовому обществу, — пишет Семенов, — общественно-экономические формации как стадии всемирного развития существуют в качестве мировых систем социально-исторических организмов того или иного типа, систем, являющихся центрами всемирно-исторического развития»⁴³. А где же периферия? Без нее нет формации⁴⁴. Частью она является просто продолжением центра как колонии, частью менее развитыми областями, частью переходными. Но по мере

⁴¹ Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 159.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. — С. 206.

⁴⁴ В этом плане подход Алаева, который включает в формационную систему и периферию, представляется точнее: «Итак, капитализм возник, подобно первой классовой формации, как очаговое явление, и в качестве формации его следует рассматривать вместе с периферией — колониями, полуколониями, странами третьего мира» (Алаев, Л. Б. Указ. соч. — С. 37).

взросления формации все большее число стран входит в ее систему.

Смена формаций также должна вести к ротации обществ, приближенных к генеральной линии. Поэтому представление, что смена общественно-экономических формаций хотя и происходит именно в форме ротации мировых систем, но «может сопровождаться, а может не сопровождаться территориальным перемещением центра мирового исторического развития»⁴⁵, неверно. Иначе получается, что смена формаций обуславливается развитием именно тех обществ, в которых прежняя формация приобрела наиболее развитые или пышные формы. Между тем появление качества такого уровня требует сочетания исключительных условий, и некоторыми из них являются определенные пропорциональность и свобода в рамках прежних отношений. Первая же обычно в местах наибольшей зрелости существенно нарушена, и точка оптимума давно пройдена, вторые бывают настолько зарегулированы, что разорвать их становится непосильным.

Следовательно, генеральная линия исторического процесса не является линией развития не только одного общества, но и даже региона. Иное дело — переход внутри формации от незрелых к зрелым формам. Он может быть в пределах одного региона, но не в одних и тех же странах. Во всяком случае, так было до сих пор⁴⁶.

Таким образом, у Семенова нет достаточной увязки двух очень важных принципов: различения генеральной и остальных линий развития как совершенно необходимого и продуктивного аналитического и методологического приема, с одной стороны, и представление формаций как общечеловеческих стадий, внутри которых и существуют эти разные линии, — с другой.

В моем представлении грубая схема выглядит так: генеральная линия опережает остальные, но они пусть и с отрывом все-таки к ней подтягиваются. Следовательно, исторический процесс идет, условно выражаясь, пульсациями: прорыв — расширение (в зрелой формации начинается сужение в той области, где может быть качественный рывок. Затем происходит прорыв в этом узком месте; далее расширение за счет того, что новое дает ряд вариантов. И после достижения новой зрелости цикл повторяется).

⁴⁵ Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 206.

⁴⁶ Например, переход к торгово-ремесленному капитализму начался в Италии, затем центр сместился в Германию, далее — в Голландию, а уже индустриальная революция произошла в Англии, откуда центр стал перемещаться в Германию и Америку.

Значит, правомерно говорить о чередовании качественного и количественного этапов развития формации. В самом общем виде можно представить момент зарождения и достижения зрелости как этап качественный, а распространение нового, доказавшего свое превосходство, — как количественный. Более точно (если пренебречь вообще сложностью разделения этих категориальных качеств) смена количественного и качественного этапов совершается в течение формации несколько раз. Без какого-либо из этих этапов переход к новой формации (и даже внутри нее к новой фазе) немислим.

Перекус только в одну «линию всемирного развития», то есть в генеральную, ведет и к возрождению идей, которые уже были подвергнуты разнообразной и в основном справедливой критике. «Но в целом европоцентристский подход ко всемирной истории последних трех тысячелетий существования человечества совершенно верен», поскольку «начиная с VIII в. до н. э., магистральная линия развития человечества идет через Европу. Именно здесь все это время находился и перемещался центр мирового исторического развития, здесь последовательно сменились остальные три мировые системы — античная, феодальная и капиталистическая»⁴⁷, — пишет Семенов.

Поскольку вопрос о европеизме не только давний, но и по-прежнему очень актуальный, мне хочется задержаться на нем подольше, тем более что от того или иного решения зависит очень многое в периодизации и иных принципиальных моментах.

Формационная схема Семенова выглядит так⁴⁸. Первобытная, затем политарная формации (последняя в целом соответствует общеизвестному азиатскому способу производства). Первобытная была полностью универсальной, характерной для всех регионов.

Политарную можно считать почти универсальной, так как она господствовала везде, кроме Европы. А до рождения греческого античного общества существовала и в этой части света (крито-микенская цивилизация).

Затем, выходя из варварского предклассового состояния, Греция с VIII в. до н. э. совершает рывок и, минуя политарную, переходит

⁴⁷ Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 205.

⁴⁸ Хочу обратить внимание, что в статье Семенова понятия «формация», «способ производства», «эпоха» и «мировая система» употребляются как синонимы, поэтому при переложении его идей я везде использую одно понятие «формация».

сразу в античную (или рабовладельческую) формацию. А в начале нашей эры ряд европейских народов, опираясь на достижения античности, вступает в феодальную формацию. Однако, в отличие от предыдущих, античная и феодальная формации уже теряют свойство быть универсальными, так как распространяются только на Европу (точнее, даже только на часть ее⁴⁹).

Наконец феодализм сменяет капиталистическая, вновь универсальная для всех регионов формация. И азиатские общества, в свою очередь, минуют античную и феодальную формации⁵⁰.

Итак, получается, что, пока восточные страны находились в одной формации, европейские прошли (или миновали) политарную, античную и феодальную, то есть вроде бы обогнали их на целых две формации. Но уровень производительных сил, культуры, религии, жизни в конце средних веков (XIII—XIV вв. н. э.) оставался на Востоке и Западе принципиально сравнимым. А ведь разрыв даже в одну формацию (между первобытной и политарной; или феодальной и капиталистической) создает колоссальные, качественные различия во всех сферах жизни. Иначе формационный процесс теряет свои важнейшие характеристики: поступательность и прогрессивность в сочетании с периодическими качественными рывками.

Таким образом, попытка сохранить рабовладение (античность) и феодализм как главную схему развития формаций исторического процесса с VIII века до н. э. до XV в. н. э. оказывается неудачной, поскольку существенно искажает историческую перспективу вообще, а так называемые политарные общества «лишаются» свойства соотноситься с общемировым развитием. *Но если мы говорим о всемирном характере и едином процессе развития человечества, то в систему формации должны входить ранние или позже большинство уцелевших и сумевших сохраниться обществ.* Иначе всякие утверждения об общечеловеческих ступенях декларативны.

В начальных этапах формационное пространство действительно еще достаточно узкое. Но формация тем и отличается от своего варианта (или местной вариации), что заставляет принять новые

⁴⁹ По мнению Семенова, ни скандинавские страны, ни восточноевропейские, включая Венгрию, «не были феодальными, как западноевропейские. Но не были они и политарными, как общества Востока. Они относились к одной или нескольким общественно-экономическим параформациям, природа которых требует выяснения» (Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 194).

⁵⁰ О так называемом «миновании» формаций мы специально будем говорить в следующем параграфе, поэтому я сейчас на обсуждении возможности его не останавливаюсь.

отношения большинство обществ, которые тем самым включаются в ее систему. Если этого нет, невозможно говорить о формации как всемирном явлении.

Если придать чрезмерное значение одной линии (пусть и генеральной) исторического процесса, то мы не сможем создать продуктивную периодизацию и правильно вычленить стадии. Внутри отдельных обществ или регионов могут быть свои собственные стадии и фазы, но они необязательны для других групп социальных организмов, даже если связаны с вариантом формации (пусть даже ведущим вариантом). Но если они со временем не становятся общепринятыми, то их нельзя называть формациями. Известно немало подходов, когда стадии или характеристики отдельных регионов начинали (безрезультатно!) переносить на всю историю: то во всемирной истории видели чередование феодализма и капитализма, то рабовладения и феодализма, то централизации и децентрализации и т. п. Да разве цикличность истории древнего и средневекового Востока в теории цивилизаций не выдавалась за всеобщую закономерность?

Таким образом, если переход к сельскому хозяйству, а на их основе к государственности и цивилизованности, раньше или позже произошел практически везде, если переход к индустриальной экономике и индустриальному обществу захватывает уже все новые и все более отсталые страны, а античность и феодализм существовали только в одном регионе, значит, мы имеем дело с разными по уровню и масштабу явлениями. В первом случае это действительно формации, во втором — локальный вариант внутри единой формации.

Следовательно, период от конца первобытности до индустриализма есть единая формация с рядом более или менее прогрессивных ее вариантов и линий. А так называемую рабовладельческую и феодальную «формации» нельзя рассматривать как формации исторического процесса, а только как европейский вариант разворачивания единой формации, связанный с особенностями развития части Европы. Тем не менее значение этого формационного варианта в некоторых отношениях исключительно велико.

Можно все-таки задаться вопросом, почему в анализируемой схеме одни формации (первобытная и капиталистическая) имеют такую важнейшую характеристику, как всеобщность, другие

(политарная) наделены ею в меньшей степени, а третьи — рабовладение и феодализм — лишены ее вовсе? Если бы еще данное качество увеличивалось или уменьшалось в зависимости от близости к современности, можно было бы считать это проявлением определенной тенденции. Но тут логика иная: сначала уменьшение качества, затем вновь возрастание. Дело, на мой взгляд, объясняется тем, что в исследуемом подходе термин «формация» фактически (непреднамеренно, конечно) употребляется в разных значениях, в то время как считается, что смысл его не меняется. Причем это никак не оговаривается и никак не объясняется.

В самом деле, если на Западе сменяются три формации, а на Востоке существует одна, но по уровню развития производительных сил, урбанизации, производительности труда, культуры, религии эти регионы вполне сравнимы, то, значит, категория «формация» употребляется в значении не всемирная, а **региональная** ступень, то есть как характеристика определенных социально-экономических (политических) совокупностей, различных на Западе и Востоке. Но если учесть, что первобытная и капиталистическая формации признаются общими и для Запада и для Востока, то, значит, в этом случае в категорию формации вкладывается уже смысл именно **всемирной**, общей и для Европы и для Азии, ступени развития.

При этом и так называемая политарная формация также получает разный смысл для Востока и Запада. Почему-то в Европе она исчерпала свои возможности уже в конце II тыс. до н. э., а в Азии шла на подъем по крайней мере еще полторы-две тысячи лет. Ведь к VIII в. до н. э. еще не родились Персидское, Арабское и много других государств, не достигли зрелости китайская и индийская цивилизации, не появились основные восточные достижения. И, думаю, любой согласится, что разница между крито-микенской культурой и средневековым Китаем (равно Индией или арабскими государствами) в уровне производительных сил (особенно ремесла), религии, философии, науки, литературы и т. д. была на порядок больше, чем разница между античными и современными им восточными обществами.

Но тогда непонятно, по какой же причине на ранних стадиях политарной формации Европа перешла в новую формацию⁵¹. Ведь

⁵¹ Причины, которые приводит Семенов, «характер исходного предклассового общества», «природа и сила внешнего воздействия» (Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 187), на мой взгляд,

мысль классиков марксизма о том, что ни один способ производства не может смениться, пока не исчерпал своих возможностей, — это одна из тех исключительно верных и ценных принципиальных установок, которые нельзя игнорировать. Такую неувязку можно объяснить только использованием разного значения для одноименной стадии. Но очевидно, что специально не оговоренное употребление одного термина (названия) в разных значениях ведет к логическим парадоксам.

Итак, всемирный характер формационного движения делает невозможным сведение исторического процесса только к одной линии. Говоря словами Шпенглера, «это ограничивает объем истории, но гораздо хуже то, что это сужает ее арену»⁵², и добавим, еще хуже, что это существенно искажает вообще перспективу исторического процесса. Но невозможно и утверждать полное равноправие всех обществ и культур в рамках теории исторического процесса (и даже теории истории), как это делал тот же Шпенглер⁵³.

Итак, мы снова наталкиваемся на односторонность правоты и европоцентристов, и приверженцев равноправия обществ. С одной стороны, когда Илюшечкин выступает против того, чтобы черты определенных обществ распространять на все общества данного периода, он, безусловно, прав. Но опять же только частично. Ибо отмахнуться от того, что есть более «исторические» общества, есть некая генеральная линия истории, никак не удастся. И в недоучете этого момента одна из серьезных ошибок самого Илюшечкина и причина неудачи его теоретического подхода.

годятся для объяснения появления особого варианта формации, но не дают ответа на поставленный вопрос.

Васильев (см. предыдущую главу) здесь последовательнее: он говорит о мутации, которая свернула Грецию в новое состояние. А мутация, понятно, происходит внезапно, и ее причины могут быть чисто случайными. Но для того, кто придерживается формационной теории, таких объяснений явно недостаточно. Как знает читатель, я не только не игнорирую роли случайности (мутаций и т. п.), но как раз уделяю им большое внимание. Однако случайности, которые не подготовлены всем ходом эволюции, которые не являются тем, что я называл «решающей деталью», не могут перевести мир в иное состояние. В лучшем случае они, удивившись в одном месте, способны сохраниться и через длительное время заиграть по-новому. И именно так случилось со многими античными достижениями. Но чтобы перевернуть весь мир, нужно и многое иное, кроме мутаций и случайностей.

⁵² Шпенглер, О. Закат Европы. Т. 1. — М., 1993. — С. 145.

⁵³ Поэтому никак нельзя согласиться с его уничижительным сравнением: «Я вижу во всемирной истории картину вечного образования и преобразования, чудесного становления и прехождения органических форм. Цеховой же историк видит их в подобии ленточного глиста, неустанно откладывающего эпоху за эпохой» (Там же. — С. 151).

С другой стороны, когда Семенов говорит о том, что европоцентризм в сущности правомерен, он не прав с точки зрения единства исторического процесса. Но в то же время он во многом и прав, ибо попытка растворить генеральную линию исторического процесса в общем потоке также ведет к сугубым ошибкам.

Поэтому сначала продолжим рассмотрение вопроса, почему нельзя ограничиться лишь европейской линией исторического процесса, если она достаточно очевидна и уже имеется теоретическая модель европейского развития (пусть спорная). А затем обратимся к недостаткам нивелирующего подхода. И после этого станет яснее возможный выход из ситуации и какие следствия он влечет для категориального аппарата.

Идея исторических народов весьма и весьма давняя. Она лежит в основе средневековой периодизации по царствам или империям, ее придерживались многие мыслители Возрождения и XVII—XVIII вв. (например Ж. Б. Боссюэ), ей следовал, по сути, Гегель, на нее опирались и выдающиеся ученые XIX в., такие как А. Сен-Симон и О. Конт. Не избежали ее влияния Маркс и Энгельс. В той или иной мере она продолжала воздействовать на умы даже и в тот период, когда раскопки в Передней Азии и расшифровка древних языков дали в руки ученых колоссальное количество фактов из истории Востока.

Европоцентризм — один из вариантов теории «исторических народов» и имеет весьма почтенные традиции⁵⁴. В конце XIX — начале XX в. он даже усилился идеями о вечной природе (и соответственно — неравноценности) рас и народов. Этот узкий подход к анализу всемирной истории, с одной стороны, есть наследие слабости знаний об истории Востока⁵⁵, а с другой — объясняется высокомерием колониализма, убежденного в своем превосходстве.

Аспектов, с которых можно критиковать европоцентризм, много. В контексте нашего исследования главный его порок — неизбежность отказа от идеи единства мирового процесса, даже если это единство избирается исходным принципом и целью исследования. Ибо фактически подобная теория годится лишь для одной линии, а

⁵⁴ Его корни легко увидеть в античности, ведь греки называли остальные народы варварами. Роберт Нисбет в числе пяти главных предпосылок исторических идей, прослеживаемых от Греции до наших дней, выделяет убеждение в благородстве, даже превосходстве западной цивилизации (Nisbet, R. History of the Idea of Progress. — 1980. — P. 317).

⁵⁵ Например, даже О. Конт был уверен, что такие народы, как китайцы и индийцы, не могли оказать никакого влияния на прошлое европейских народов.

для других потребуются иные теории, и в результате единство процесса теряется.

Если Европа переходит к капитализму после трех (двух) последовательных формаций, а Азия — после одной (да еще и минуя ранний капитализм), значит, перед нами фактически все та же идея двух принципиально различных и параллельных линий исторического развития: историчного, творческого и динамичного Запада и неподвижного, застывшего Востока.

В предыдущей главе мы комментировали мнения Л. С. Васильева. Поскольку он как раз достаточно ясно формулирует идею об этих двух теоретически несовместимых линиях, есть смысл вновь посмотреть на некоторые его взгляды именно в рассматриваемом в данном параграфе аспекте, чтобы очевиднее стали недостатки менее откровенно сформулированных в этом смысле концепций⁵⁶. Напомню: он считал, что единый исторический процесс разделился на два: европейский и неевропейский в VI в. до н. э., то есть с эпохи расцвета Греции.

Эти две линии у Васильева приобретают фактически онтологический статус. На первый взгляд кажется, это и не подлежит сомнению: вот Европа, а вот Азия, и результат, как говорится, налицо. Но так ли все просто? Все-таки по какому из многих возможных критериев выделяются эти направления? Согласно логике Л. С. Васильева — по отношению к частной собственности. Ведь он объединяет все неевропейские общества в концепцию государственного способа производства, суть которого «сводится к отсутствию частнособственнического начала в качестве ведущего стержня традиционной структуры и к господству в ней государственно-регулирующего начала, надежно защищенного всеми элементами и всей системой связей этой структуры, этого типа обществ»⁵⁷.

Но частная собственность до нового времени не может выполнять роль такого критерия (и об этом шла речь в последнем параграфе прошлой главы). Да и четкое деление по такому

⁵⁶ Хотя Васильев отрицает необходимость понятия «формация» вообще (как и ряда других категорий исторического материализма), а Семенов резко критикует идею «о двух совершенно самостоятельных и качественно различных путях или линиях исторического развития — западной и восточной» (Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 203), но как раз по вопросу этих двух линий и некоторых других их взгляды неожиданно оказываются заметно сходными.

⁵⁷ Васильев, Л. С. Что такое «азиатский» способ производства? // Народы Азии и Африки. — 1988. — № 3. — С. 74.

основанию прослеживается далеко не везде и не всегда. Главное же, что если способ производства определяется по формам собственности: государственная — частная, — в теории исторического процесса в целом возникают серьезные концептуальные трудности⁵⁸.

Сейчас не место задерживаться на этом, но напомним, что деление всех обществ на общества с закрытым и открытым типом, на общины и общества и т. п. неоднократно имело место. Это приемлемо в определенных случаях в социологии истории, но не как «ось», вокруг которой строится концепция исторического процесса.

С учетом сказанного рискну предположить, что фактическим и более глубоким основанием, по которому Васильевым выделяются эти линии, является, по сути, констатация того, что есть линия прогрессивная, а есть ряд линий непрогрессивных. И единство последних больше именно в этой непрогрессивности, чем в сходстве их структуры и характеристик⁵⁹.

Понятие же прогрессивности лишь частично онтологическое, в огромной степени оно именно методологическое. Ведь прогресс можно определять по-разному, особенно если не придерживаться единого подхода и критерия. А значит и линии исторического процесса можно выделять по разным основаниям, причем в зависимости от исходных принципов и поставленной задачи число их будет различным. Следовательно, и количество, и теоретическое описание этих линий не есть простая констатация очевидного момента, а в определенной мере всегда условность, хотя и опирающаяся на реальность.

Напомним свои возражения по поводу идеи Васильева о разделении единого процесса в VI в. до н. э. на два потока. И до этого времени исторический процесс не шел не одной линией, не двумя, а целым рядом их. Однако по мере укрупнения обществ и их группировок, по мере усиления контактов между ними общая тенденция развития вела к сближению человечества. Но и сегодня этот процесс далеко не завершен, а только более ясно обозначился. Поэтому я предпочитаю говорить не о двух линиях, а о генеральной и

⁵⁸ Например, с социализмом. Я не знаю, как трактует Васильев социализм в СССР и Европе с точки зрения мирового процесса, но согласно его теории о государственном способе производства эти страны надо относить туда. Но как быть с производительными силами?

⁵⁹ Он сам справедливо оговаривается, что «история демонстрирует бесконечное множество конкретных вариантов обществ и государств с господством государственного способа производства» (Васильев, Л. С. Указ. соч. — С. 74).

остальных линиях. И поэтому, на мой взгляд, гораздо продуктивнее **не делать установку преимущественно на различие, а показывать его в общем, едином.**

Таким образом, деление всемирно-исторического процесса именно **на две — не больше и не меньше** — линии развития мира (пусть две главные) является обычной методологической условностью. Да, это правомерно и для некоторых случаев вполне продуктивно, если четко объяснить, почему и для чего совершается такая операция. Но если придать им статус непререкаемой истины, вся концепция приобретает однобокость и в целом становится малоприменимой.

Подобный подход в конце концов ведет к тому, что «удержать» теорию исторического процесса не удастся и в рамках двух линий. И сам Васильев в определенных случаях как будто отказывается от такого видения (например в своей «Истории Востока»). Так, говоря о современном периоде, он помимо западной выделяет уже не одну, а ряд линий (прежде всего страны, принадлежащие к конфуцианской и исламской цивилизациям, но отмечает также отдельно индусскую цивилизацию, Африку и другие). При этом он считает, что конфуцианская модель имеет гораздо больше предпочтительности перед исламской в плане развития капитализма. А между тем в мусульманских странах отношение к частной собственности всегда было более терпимым, а регулирующая роль государства меньшей, чем в конфуцианской. Следовательно, он видит главную разницу между незападными направлениями теперь уже не столько в экономическом строе, сколько в религиозно-культурных факторах. Но тогда его позиция становится сходной с тойнбианской, согласно которой есть не две, а более линий развития, и различия между ними определяются в первую очередь духовными основами. Есть и еще один момент, который не позволяет делать **чрезмерный** упор на исключительности Запада, путь которого не столь прям, как кажется на первый взгляд. Если проследить развитие Востока и Запада с глубокой древности, то обнаружится не только ошибочность представления о параллельности и чуть ли не независимости развития каждого из них, которое укоренилось с эпохи, когда история Востока была известна лишь по Библии и Геродоту. Мало сказать, что обе линии были тесно связаны между собой (тесно, конечно, соответственно возможностям времени) и взаимно обогащали друг друга. Фигурально говоря, европейская

линия все время опирается на азиатскую, как плющ на ствол, чтобы в конце концов перерастить свою опору. Запад чаще выступает как ученик, чем как учитель. Да, европейцы оказались очень хорошими учениками и каждый раз превосходили своих учителей, но это только показывает, что мы говорим именно о генеральной (синтезированной) линии **мирового** процесса, даже если последнее время она проходит в одном регионе.

Если посмотреть на колебания европейской линии с древности, то можно сказать, что каждый рывок Запада связан с мощным заимствованием достижений с Востока, творческой переработкой полученного и возникновением принципиально нового синтеза. Крито-микенская культура «училась» у Египта и Ближнего Востока. Античная Греция, продолжая эту традицию, обогащалась восточной мыслью. Эллинизм и расцвет греческой культуры в большой мере есть результат взаимопроникновения азиатских и античной цивилизаций. Республиканский Рим во многом продолжал традиции эллинизма, но учился также и у пунийцев. Особая стадия синтеза двух линий — возникновение христианства, без которого, очевидно, западно-европейская цивилизация не вырвалась бы вперед (а может, и не сформировалась бы вообще).

Античная традиция не прерывалась в течение более чем тысячи лет. Падение Западной Римской империи в этом плане означало, что одна из линий исторического процесса, которая длительное время претендовала на то, чтобы быть генеральной, окончательно зашла в тупик и прервалась. Средневековые нельзя считать прямым ее продолжением.

К тому же Европа далеко не сразу подхватила эстафету генеральной линии⁶⁰, и достаточно длительное время шел поиск того, кто окажется ее наследником. Фактически эволюция в этот период как бы пробует несколько линий (и старых, и новых). Пока Европу терзают волны переселенческих орд, пока там только-только идет складывание христианской цивилизации, на расположенной от Дальнего Востока до Италии⁶¹ территории в это первое

⁶⁰ Семенов указывает на этот момент, но данное им объяснение не во всем совпадает с его формационной теорией (см.: Семенов, Ю. И. Указ. соч. — С. 193). Он также много внимания уделяет взаимному влиянию Востока и Запада.

⁶¹ Стоит обратить внимание, что в указанное время Италия в известной мере являлась периферией Востока. Ведь она несколько раз возвращалась в состав Византийской империи. Кроме того, она являлась пограничной зоной между Востоком и Западом, между античностью и варварством, поскольку лучше, чем в других местах Европы, сохраняла традиции

тысячелетие новой эры идут весьма интенсивные процессы качественных изменений, как бы готовые появление и расцвет нового направления, которое на относительно короткий срок (в три-четыре века) и становится генеральной линией исторического процесса.

Это арабы. Триумфальное шествие новой религии, рождение грандиозной империи в конечном счете привели к мощному расцвету городов и ремесла, торговли и литературы, архитектуры и науки. Именно торговля с арабами (и крестовые походы) оплодотворили расцвет Италии.

Самое интересное в нашем плане, что в указанный период именно арабы стали наследниками античной мудрости. И именно от них христиане узнали, сколь ценно такое наследие. Без них возврат к античному знанию сильно замедлился бы. Но от арабов европейцы получили и многое другое. Представьте, что индийские цифры не пришли бы в Европу в свой срок. Сколько времени потребовалось бы, чтобы развить математику? А какой прогресс науки мог быть без нее? Европейцы заимствовали бумагу и порох, возможно, печатный станок и прочее, без чего развитие могло оказаться иным.

Таким образом, очевиден зигзаг генеральной линии исторического процесса после падения Западной Римской империи и некоторого перерыва: из Европы в арабский мир, чтобы потом вновь вернуться в Европу, усвоившую многое из мудрости Востока⁶².

Зато второе тысячелетие меняет местами положение Востока и Европы. Европа уже не испытывает нашествий, а Азия — одно за другим. Вот теперь, начиная с XII—XIII вв., можно говорить о том, что генеральная линия непрерывно проходит через Европу (однако наиболее прогрессивные общества тут постоянно меняются)⁶³. Но в

древности и подвергалась самым разнообразным, но не гибельным влияниям. И, может быть, в этом одна из причин расцвета Италии с начала второго тысячелетия, поскольку указанное сочетание порой способно родить качественно новое.

⁶² Этот перерыв имеет некоторую аналогию с древностью. Когда дорийцы разрушили ахейскую Грецию, им потребовалось несколько веков, чтобы вернуться к прежнему уровню.

А обычно завоевателям хватало одного — максимум двух столетий, чтобы восстановить ими разрушенную цивилизацию и продолжать ее. Но зато в новой Греции произошел качественный рывок во многих отношениях. Германским завоевателям также потребовался ряд веков, чтобы начался новый качественный подъем.

⁶³ Но и тут надо заметить, что развитие Европы в конце средних веков и начале Нового времени опиралось на Восток. При слабости контактов в средние века Европа сама по себе никогда не смогла бы перейти к капитализму. Италия скорее всего не смогла бы, а без Италии

XX в., с первой мировой войны, мировой центр перешел к США, где пока и остается. Сегодня вновь намечается его возврат в Европу (но уже в ином, чем прежде, виде: не в отдельные страны, а в единый регион).

Европоцентризм уже с середины XIX в. подвергался разнообразной и резкой критике. Можно считать, что теория цивилизаций — это реакция на него. Освальд Шпенглер называл эту концепцию скудной и бессмысленной схемой и метал громы и молнии в адрес ее приверженцев. Но и взгляды Данилевского, Шпенглера, Тойнби и других теоретиков цивилизационного подхода, будучи верными в определенных моментах, все-таки не давали ключ к адекватному пониманию исторического процесса.

Современник Шпенглера и Тойнби Фредерик Теггарт⁶⁴ отвергал европоцентризм с иных (скорее методологических) позиций и

считал, что даже история Рима может быть рассмотрена как дающая единство лишь европейской, но не мировой истории, и еще менее удовлетворительно рассматривать Европу как мировой центр в средние века⁶⁵. По его мнению, превращение Рима в мировую державу оказало слишком сильное влияние на умы историков. Последние и в другие эпохи хотели бы найти такое «мировое государство», с помощью которого можно было бы представить мировую историю как единство. И мысль о том, что в каждый ее момент должно быть одно доминирующее государство, давила на исследователя, стремящегося дать единство истории человека, но не обнаруживающего таковой державы⁶⁶.

Однако справедливая критика идеи мирового центра в виде определенного государства не означает, что такого центра не будет в виде региона, группы государств или чего-то другого. Только здесь следует речь вести не о фактическом политическом, а о **формационном** центре (то есть в определенной мере теоретическом, но опирающемся на реалии).

Параллельно европоцентристскому подходу в XIX в. получила большое распространение и идея о том, что все народы и общества

развитие капитализма не состоялось бы, как не начался бы поиск путей в богатую Индию и золота. Именно восточные страны давали тот излишек богатства и знаний, которые оплодотворяли европейскую цивилизацию.

⁶⁴ Исследователь идеи прогресса Р. Нисбет называет его одним из самых пронизательных критиков этой концепции (Nishet R. Op. cit. — P. 322).

⁶⁵ Teggart, F. J. Theory and Processes of History. Berkeley and Los Angeles. 1941. — P. 46.

⁶⁶ Ibid.

развиваются примерно однотипно с разницей лишь во времени⁶⁷.

Почему такие утверждения о полной теоретической равноправности всех линий и обществ неправомерны? Во-первых, потому, что отвергать сведение всемирно-исторического процесса к истории только одного региона не значит отвергнуть бесспорный факт наличия важнейшей исторической линии из античности в сегодня именно через Европу и еще более бесспорный факт культурного и технического превосходства Запада.

Во-вторых, хотя разные линии истории в каких-то аспектах действительно можно считать равноправными, но это вовсе не значит считать их равноправными также в скорости развития или техническом прогрессе.

В-третьих, мы видим, что общества и регионы очень сильно различаются по степени своего влияния на другие и по значимости своих достижений. **При этом чем больше такое влияние и чем надобщественнее явление, тем бесспорнее относить эти события к всемирно-историческому процессу⁶⁸.** И «историчность»

общества прямо пропорциональна тому, сколько внутренних событий стало частью надобщественного.

В-четвертых, идея равноправия лишает возможности понять крайне важные для теории исторического процесса вещи: причины и механизмы перехода к новым формациям и формационным этапам. Умалется значение внешних факторов исторического эволюционного отбора. Затуманивается принципиальное положение о том, что переход к новому не запрограммирован генетически, а является результатом неповторимого сочетания условий, когда предшествующее развитие уже достигло высшей зрелости. И т. д.

В советской формационной теории неразрывно сплелись оба рассмотренных подхода: с одной стороны, идея эволюционистов, что все народы развиваются одинаково, а с другой — что все-таки некоторые общества наиболее полно отразили черты той или иной формации. Отсюда возник синтез «эталонного» метода и универсализма, создавшего порочный круг.

⁶⁷ Возможно, это было связано с особенностью сформировавшегося убеждения в сущности и характере прогресса, которая, по словам Нисбета, в период 1750—1900 гг. достигла зенита популярности в западных умах (Nisbet, R. Op. cit. — P. 171).

⁶⁸ Стоит подчеркнуть, что не все из этих событий и процессов, идущих внутри отдельных обществ, входят в надобщественное качество, а только та часть, которая так или иначе влияет на другие общества сразу или позже, прямо или косвенно, но достаточно заметно.

Какой выход из ограниченности указанных подходов? Мы говорили, что необходимо ввести два измерения: горизонтальное и вертикальное, — способных объединить идеи равенства и неравенства. Признание теоретического равноправия обществ задействовано в горизонтальном измерении. Тут упор делается также на широту распространения каких-то качеств. Поэтому формационные сходства обществ по горизонтали удобнее определять в зрелой фазе формации. Вертикальное измерение показывает общее направление движения по оси времени большинства социальных организмов, способных к развитию. Но поскольку невозможно отмахнуться от того, что есть более и менее прогрессивные линии, совершенно обязательно среди прочих вертикальных особо выделить генеральную линию.

Все сказанное в предыдущем абзаце подробно аргументировалось прежде (в главах 5 и 7). Сейчас необходимо остановиться на том, как должны строиться формационные категории в аспекте указанных измерений.

Прежде всего с учетом сказанного о разведении уровней необходимо вновь подчеркнуть: систему категорий для теории исторического процесса нужно не подстраивать к той, что есть в историческом материализме, а, фигурально выражаясь, надстраивать, достраивать и перестраивать. Это значит, что категории надо относить строго либо к уровню общества, либо к мировому уровню. А выявившиеся прогалы заполнить новыми понятиями, одновременно уточняя те, что мы оставляем. Конечно, как в реальности нелегко разграничить уровни, так и в категориальном аппарате далеко не все удастся четко разделить. Но, во-первых, к этому надо стремиться, во-вторых, осознавать, когда, где и почему появляются различные смыслы одних и тех же терминов и как уменьшить возникающую от этого нечеткость.

Далее я хотел бы остановиться на такой мысли. Бесспорно, создание категорий имеет определенные общие правила. Однако это вовсе не значит, что все категории создаются однотипно. Напротив, если наша цель — сделать их более точным инструментом, то они должны в некоторых моментах учитывать свое назначение, в том числе цель, способ и сферу применения. Категории, призванные показывать всеобщность или типичность, по определению отличаются от тех, которые должны показывать уникальность или специфику.

Когда Р. Арон пишет: «Понятие создается не общими для всех этих исторических индивидуальностей чертами и не усредненными характеристиками. Оно суть стилизованное построение теоретической конструкции, вычленение типичных признаков»⁶⁹, — то скорее это относится к тому, что Вебер называл идеальным типом. Но для ряда категорий теории исторического процесса говорить о типичности невозможно, потому что этот объект вообще единственный в теории. Таковы, например, вертикальное измерение и генеральная линия. Слабо соотносится типичность и с понятием формации. В отношении формационных категорий ситуация следующая.

Больше оснований говорить о типичности для категорий горизонтального измерения. Но это особого рода, так сказать, **абстрактная** типичность, показывающая некоторые отвлеченные свойства реальных обществ. Например, категория «тип общественного сознания» фиксирует мысль, что социальные организмы могут быть разделены на типы в зависимости от уровня сложности и особенностей структуры общественного сознания и каждая формация имеет свой собственный тип.

Типичность свойственна и вертикальному измерению, но в меньшей степени. Ибо тут упор сделан не на абстрактном сходстве, а лишь на определенной соотносимости формационных категорий с теми категориями (и соответственно явлениями), с помощью которых описываются отдельные общества. А это подразумевает уже не просто вариантность, но и оценку их по какому-то критерию.

Если же речь идет о категориях, относящихся к генеральной линии, то здесь совсем мало типичности и гораздо больше уникальности. Ведь генеральная линия и определялась как линия не типичного, нового. Но это такая новизна, которая через определенное время станет всеобщностью, то есть это *потенциальная типичность*.

Благодаря вариантности и особенности определяется «неравноправие» моделей и обществ по прогрессивности, исторической роли, востребованности их достижений и т. п.

Как сказано, особенности категорий связаны с тем, для каких целей они предназначены. Но формационные категории — это весьма объемные понятия, поэтому существуют определенные вариации в их использовании. Ведь каждая из них, как и формация в целом,

⁶⁹ Арон, Р. Этапы развития социологической мысли. Т., 1993. — С. 512.

имеет два измерения. И в зависимости от того, какое из обоих задействовано, делается и соответствующий акцент на всеобщность, вариантность или исключительность.

Но хотя и в разных пропорциях, симбиоз всеобщности и специфичности обязателен и для горизонтального и для вертикального измерений. Всеобщность так или иначе предполагает наличие вариантов, а специфичность каким-либо образом может быть включена во всеобщность. Об этом важно помнить, потому что, когда выводится какое-то абстрактное общее свойство, часто предполагается, что оно должно быть присущим каждому члену этой абстракции в одинаковой степени. Но так ли это? Насколько выделенное сходство «обязательно» для отдельного общества? Другими словами, каково соотношение в каждом конкретном случае общего и индивидуального?

«Выводить общее непосредственно из отдельного удобно лишь в тех случаях, когда оно достаточно просто и не выражает глубинно сущностного. В тех же весьма многочисленных случаях, когда общее предстает как нечто очень сложное... двучленная формула “отдельное — общее превращается в трехчленную “отдельное — особенное — общее”», — говорит Илюшечкин⁷⁰. Относительно первой части своего утверждения он в целом прав, хотя, строго говоря, двучленная формула не годится даже в простых случаях, фактически она много сложнее. Что касается второй части утверждения, то упрощение здесь еще более очевидно. При «очень сложном» общем применима не трехчленная, а многочленная формула, число членов которой не определено. И поэтому всегда в принципе можно добиться большей точности, если ввести дополнительные и промежуточные уровни обобщения.

Неправомерность такого упрощения будет еще более понятной, если вдуматься в дальнейшие его рассуждения. «Общее всегда одинаково для данного ряда объектов, тогда как особенное всегда в чем-то своеобразно, ибо оно в каждом случае воплощает в себе не только одинаковое общее, но и различное отдельное, различные оттенки общего и потому в каждом случае отличается от другого особенного своеобразным колоритом, своей неповторимой конкретикой, своеобразными формами своего бытия»⁷¹.

Хочу заметить, что «общее для данного ряда объектов» никак

⁷⁰ Илюшечкин, В. П. Указ. соч. — С. 48.

⁷¹ Там же. — С. 48—49.

не может быть одинаковым. В противном случае перед нами находятся одинаковые без всякого отличия объекты. Общее не есть нечто, что присуще в полной мере какому-либо объекту вообще. *Общее — это выделенное свойство, которое присуще объектам, входящим в его систему, именно в разной мере. Это тем более очевидно, чем абстрактнее общее.* В социологических терминах, вроде государства, это тоже присутствует. Как бы мы ни определили его, всегда есть государства, в которых это свойство выражается сильнее, и те, в которых оно выражается слабее. Здесь важно, что общество в целом попадает в **ту амплитуду различий**, которую мы признаем нормальной⁷².

И в зависимости от выведенных нами качеств, терминов, их нейтральности⁷³ какие-то общества ярче воплощают наше качество, а какие-то менее ярко, в каких-то более ярки одни аспекты, в других — иные, какие-то характеристики могут быть еще ближе к прежней формации. Добавим, что яркость проявления какого-то качества совсем не обязательно свидетельствует о перспективности общества, а то и наоборот⁷⁴.

И только признав, что выделенное для категорий масштаба теории исторического процесса качество присутствует в обществах в разной степени, но все же в некоторой амплитуде, мы можем считать, что исходим из теоретического равноправия обществ. Только тогда правомерно говорить об абстракциях действительно всемирной ступени, которая, однако, может быть применена ко всем обществам. И только в этом случае можно надстроить терминологию общечеловеческого (формационного) масштаба над уровнем общества и тем самым сделать очень важный шаг к разведению этих уровней.

Наконец нельзя также забывать, что категории находятся в определенной системе и мы вправе установить среди них определенную иерархию и выделить среди них обладающие большей фундаментальностью. Это крайне важные процедуры, которые дают нам основание для периодизации и установления более прогрессивных моделей. И об этом в следующем параграфе.

⁷² Мы еще вернемся в дальнейшем к последнему понятию и к тому, какие процедуры могут быть тут использованы.

⁷³ См. об этом: настоящую работу // Философия и общество. — 1999. — № 1. — С. 29.

⁷⁴ Например, в категории «внеэкономический тип отчуждения благ и личности» яркость проявления свидетельствует, что в данном обществе господствуют жесткие социальные и экономические отношения: рабство, крепостничество.

§ 3. Формация как категория особой сложности

Основная цель этого параграфа — показать, насколько сложна категория «формация исторического процесса». Конечно, здесь дан лишь предварительный и беглый набросок эскиза ее структуры. А раз приходится ограничиваться, образно говоря, только штрихами и мазками, неизбежны схематизм и фрагментарность. Но, надеюсь, и такой поверхностный анализ убедит читателя, что формацию нельзя безболезненно заменить более узким по содержанию понятием «ступень исторического процесса». Рассуждения о структуре формации потребовали также затронуть некоторые методологические проблемы.

Полное определение формации будет дано в следующем подразделе. Предварительно же можно сказать, что это **категория, с помощью которой описываются основные составные части модели всемирно-исторического процесса и даются различные проекции этой модели**⁷⁵.

Таким образом, структуру формации можно представить в разных, но взаимосвязанных характеристиках-проекциях. Среди них **временная**, связанная с повторением фаз формационного цикла; **пространственная**, показывающая, как объединяются общества в группы в рамках формации. Наконец, проекция, которая показывает разворачивание отдельных аспектов (областей) исторического процесса в общей системе формации. Условно ее можно назвать **системной**.

В принципе любая проекция структуры формации показывает ее главные черты: определенное единство при очень существенных отличиях в вариантах; системность, цикличность и другие. Но каждый аспект, во-первых, делает больший упор на отдельные характеристики, во-вторых, вводит свои важные понятия. А любая категория, которую мы считаем формационной, так или иначе преломляет в себе все эти характеристики, но все же может иметь какие-то «предпочтения».

⁷⁵ Говоря о том, что формации есть основные части модели исторического процесса, я не имею в виду, что нельзя провести и иное, более (или менее) крупное его деление. Например, мы можем разделить весь исторический процесс на две части: догосударственный и государственный; доиндустриальный — индустриальный периоды и т. п. Но такое деление удобно только в отдельных случаях.

Наша задача — увязать все аспекты в научную систему, достаточно логичную, непротиворечивую и эффективную. По уровню абстракции можно выделить как бы два замера и разделить категории на две группы.

Категории, относящиеся **к первому** замеру, **составляют группу базового уровня**. Они напрямую входят в систему категории «формация». Поэтому они называются **формационными**. Другими словами, между ними и понятием «формация» разница только в один теоретический уровень. Разумеется, между ними возможно вставить промежуточные уровни абстракции, но последние нельзя считать базовыми, поскольку они либо становятся малопродуктивными, либо связаны с менее универсальным аспектом представления структуры формации⁷⁶.

Однако роль тех или иных формационных категорий в модели весьма различна: некоторые нужны нам почти всегда, другие — достаточно часто, третьи — эпизодически. Прежде всего мы, конечно, ведем речь о наиболее тесных связях. Поэтому надо выделить **первичные формационные**, анализ которых обязателен, **вторичные и третичные категории**, которые привлекаются в отдельных случаях и которыми даются дополнительные характеристики, например тип демографической характеристики, степень плотности контактов, степень информированности о других обществах⁷⁷.

Второй замер — это категории уровня, точнее, ряда уровней ниже базового, которые являются как бы составными моментами формационных категорий. Чем выше уровень, тем реже и менее обязательно привлекать их для анализа. Но иногда они совершенно необходимы для объяснения ряда формационных процессов. Тем более, если мы ведем речь об обществах-первопроходцах. Особенно это касается таких терминов, которые обозначают важнейший элемент какой-либо формационной категории⁷⁸. Понятия второго

⁷⁶ О некоторых уже шла речь в первой части книги: тип прогресса, основные (специфические) движущие силы каждой формации, тип эволюции и другие.

⁷⁷ Так, скажем, государство можно считать центральным термином в категории тип политической организации общества. (См. дальше.)

⁷⁸ Ведь даже у историков, исследующих достаточно узкие временные и пространственные объемы, модели включают в себя минимум. Тиллингхаст, например, говорит, что теоретический каркас или система («framework»), внутри которой работают историки, предполагает прежде всего наиболее важные линии (моменты) для исследуемого общества. Для современного (нашего) общества такой каркас, по его мнению, обычно есть комбинация политической, социальной или экономической истории с необходимыми экскурсами в историю

замера нужны также при сравнении обществ разных линий, например, при попытках ответить на такие вопросы, как различия между Западом и Востоком, где требуется более скрупулезный и тонкий анализ и где мы фактически уже переходим к теории истории.

Таким образом, особая сложность содержания рассматриваемой категории требует и особой методики. Очень важно и не перегружать модель исторического процесса⁷⁹ и в то же время не упрощать ее настолько, чтобы существенно исказить важные параметры. Такую задачу можно решить, используя подвижную модель, способную в зависимости от объема и задачи становиться более или менее сложной⁸⁰, и привлекая по мере надобности различные категории второго замера, в то же время всегда сохраняя ядро в виде первичных формационных категорий.

Хотя каждой из первичных формационных категорий будет уделено большое внимание в специальных главах, однако есть смысл сейчас сказать о них кратко (и не добиваясь большой точности в определениях). Важно, чтобы читатель мог представить их в системе. Ведь особая сложность категории «формация» выражается не только в большом количестве входящих в нее формационных категорий, но и в том, что последние составляют достаточно стройную систему, в которой произвольные изменения в отдельных частях затруднительны, так как неизбежно требуют логических изменений и во всех остальных.

Когда рассматриваешь какое-либо понятие отдельно или в узких рамках, оно нередко выглядит удачным и полезным. Но часто все же возникает «несовместимость» со старыми теориями, ради спасения или улучшения которых они, собственно, и создавались. Так, за десятилетия многими авторами введено в оборот большое число различных понятий, которые, по идее, должны были разрешить теоретические противоречия формационной парадигмы. Но они очень часто, вопреки правилу Оккама, лишь умножали сущности без необходимости, а если и были удачны в одних моментах, то

идей (Tillinghast, P. E. *Approaches to History. Selections in the Philosophy of History from the Greeks to Hegel* — N. J., 1963. — P. X.).

⁷⁹ Например, если мы рассматриваем только одну формацию, то есть объем, в четыре раза меньший теории исторического процесса, какие-то аналитические средства окажутся излишними. Но зато потребуются дополнительные средства, чтобы развернуть некоторые формационные категории.

⁸⁰ Gadamer, H.-G. *The Universality of the Hermeneutical Problem* // *Continental Philosophy. An Anthology*. Ed. By W. McNeill, K. S. Feldman. — Maiden, USA — Oxford, UK. — P. 187.

усложняли теорию в других. В последнее время добавились еще заимствованные понятия из западной науки, что еще больше утяжелило и запутало терминологию.

Важность системности для исследователя растет пропорционально росту осознания безграничности познания одних и тех же объектов и того, что тотальное постижение действительности невозможно. В то же время категории должны давать эффект всеобщности, не претендуя на нее. А достичь этого можно (помимо прочего) именно за счет системности и применения правильной методологии.

Гадамер говорил, что реальная задача философии с XVII в. состояла в том, чтобы быть посредником между новым использованием человеческого познания, то есть опытной наукой, и творческой способностью к полному охвату всего нашего опыта жизни. А Ясперс противопоставлял в этом плане науку и философию, отмечая частичность научного познания вещей⁸¹.

Эту посредническую роль между стремлением к полному охвату и конкретикой философия продолжает выполнять и сегодня. Одно из свидетельств тому — появление самых разных «философий» (культуры, психологии и т. д. и т. п.). Однако и философии тоже, хоть и в меньшей степени, присущи ограниченность и фрагментарность познания реальности. И когда мы начинаем применять общие выводы к более конкретной ситуации, сразу возникают трудности. В философии истории это более чем очевидно. Приходится либо подгонять случай под вывод, либо — что гораздо правильнее — признать, казалось бы, полное знание только определенным принципом и искать методики перехода от общих выводов к более частным ситуациям.

В современных условиях границы между философским и научным знанием становятся весьма неопределенными и подвижными. И философии по мере роста знания становится все сложнее выполнять роль указанного посредника. Поэтому гораздо более эффективным будет ее союз с методологией, так как последняя способна развернуть общие принципы в более точные алгоритмы.

О некоторых правилах выведения формационных категорий речь уже шла. Разумеется, само их содержание, способ абстрагирования и т. п. связаны с логикой развития соответствующих областей жизни.

⁸¹ Jaspers, K. *Philosophy of Existence // Continental Philosophy...* — P. 134—135.

Но многое вытекает из более широких вещей. Так, число качественных уровней (типов) каждой формационной категории как бы уже определено числом формаций. А их, как читатель помнит, я выделяю **четыре**. Поэтому и в характеристике каждой первичной формационной категории обязательно отмечаю **четыре формационных ее типа**, соответственно по одному для каждой формации. Закономерен вопрос, чем же все-таки определяется количество выделяемых формаций?

Мы уже несколько раз бегло касались проблемы обоснования периодизации. В свое время будут представлены более подробные аргументы за мою периодизацию. Но несколько задержаться на этом вопросе придется и сейчас. Это очень непростая операция, требующая сложной методики. Так, много проблем связано с тем, что начальные и зрелые этапы формаций существенно различаются между собой. В начальных этапах уже новой формации наряду с новыми явлениями сохраняются и старые, причем последние выглядят более заметными, чем первые. Поэтому неудивительно, что некоторые теоретики продолжают относить начальные этапы уже новой, но еще незрелой формации, все еще к прошедшей. Так сделано в историческом материализме. Однако методологически это непродуктивно и ведет к серьезным ошибкам. Например, когда давно уже перезревшие и, по сути, лишь сохраняющие старую оболочку явления экстраполируют на зрелые черты формации и тем самым искажают представления о ней. Это особенно характерно для эпохи примитивного сельского хозяйства, черты родового строя которой необоснованно переносят на охотничье-собираческое общество.

Но еще хуже, когда эти начальные переходные периоды выносят как самостоятельные этапы периодизации. В результате нарушаются все правила периодизации и, кроме того, мы теряем цикличность развития, столь важную в категории «формация».

При анализе отдельных формационных категорий сложности связаны и с тем, что хотя формация в целом определяет изменения и в главных своих элементах, но само обоснование деления исторического процесса на формации осуществляется по определенному их элементу. Однако было бы ошибкой считать, что здесь целое редуцируется к своей части. Просто задача в том, чтобы найти наилучшее и более точное основание, которое одновременно и проясняет многое в самом механизме перехода от формации к формации.

Как же все это совмещается? В определенной мере исследователь исходит из вполне наглядных вещей. Например, наличие по крайней мере трех формаций (ступеней, периодов и т. д.) во всемирной истории самоочевидно, так как отличия по всем параметрам обществ примитивных (охотничьих), традиционных (аграрных) и индустриальных настолько бросаются в глаза, что почти не требуется никаких доказательств⁸². Эрнст Геллнер даже говорил, что деление истории на три периода является, так сказать, классическим, и большего числа не требуется.

Следовательно, крупные ступени исторического процесса в значительной мере сами обозначают себя. Но в окружающем нас мире сплошь и рядом есть, казалось бы, самоочевидные вещи, научное обоснование которых, однако, стоит больших усилий. А без этого очевидное не является еще научным положением. Ведь сколько раз вроде бы аксиомное оказывалось совсем не таковым или вовсе не правильным.

Теория же истории в этом смысле не только не является исключением, но, напротив, есть область ярких примеров обманчивости в оценке эмпирически очевидного. Недаром Шпенглер говорил, что «гештальт всемирной истории» крайне нуждается «в крупице того скепсиса, который со времен Галилея разложил и углубил прирожденную нам картину природы»⁸³.

Поэтому с учетом непрерывности истории научное доказательство любой периодизации требует сложных операций и пояснений. Например, вопрос о четвертой (кроме трех более очевидных) формации решается, исходя из того, что все-таки мы кладем в основание периодизации и откуда начинаем отсчет. Ведь четвертая формация проходит пока начальные фазы и не раскрыла своих главных черт, равно как и не освободилась еще от ряда признаков прежней эпохи. И на первый взгляд кажется, что современный период все еще относится к третьей (индустриальной) формации. Но как не видно было, в свою очередь, молодой индустриальной формации в XVII—XVIII вв., а потом она стала зримой для всех, так и лет уже через пятьдесят признание указанной

⁸² Конечно, тут можно вспомнить остроумное замечание Шпенглера: «Разумеется, если спросить любого, он наверняка будет убежден в том, что ему ясно и отчетливо видна внутренняя форма истории». Но это «иллюзия» (Шпенглер, О. Закат Европы.— М., 1993. — Т. 1. — С. 144). И все же очевидные вещи есть.

⁸³ Шпенглер, О. Закат Европы. — Т. 1. — С. 144.

четвертой формации (ступени) станет общим местом, хотя и сегодня уже все больше сторонников этого взгляда.

Итак, обоснование четырех формаций опирается на достаточно ясные и доступные любому исследователю вещи. Если корректно сравнить, то так же, как наглядно существование именно четырех океанов на Земле. Но, продолжая сравнение, когда пытаются научно обосновать этот факт, возникают некоторые трудности. Так, можно выделять пятый океан — Южный Ледовитый за счет южных районов Тихого, Индийского и Атлантического. Значит, требуются более тонкие доказательства.

Тогда в процедуре периодизации на авансцену выходит проблема ее наилучшего основания и обоснования. Тут уже надо смотреть, что вкладывается в понятие этапа и для чего служит данная операция. Если исторический процесс просто делится на какие-то части, главным образом для удобства идентификации события, то требования менее строгие (вплоть до наиболее простой и в то же время наиболее отдаленной от сути событий — чисто метрической шкалы).

Если же речь идет о том, чтобы показать логику исторического процесса, тем более построить его модель, то требования сложнее. Особенно важно соблюдение **принципа одинаковых оснований**. Нельзя, скажем, одну ступень выделять на основе перехода к сельскому хозяйству, другую — в связи с началом государственности, третью связывать с заменой рабства в Европе на иные формы зависимости. Либо в этих переменах надо найти то глубинно общее, что их может объединить в одну систему. Второй **принцип полноты перемен** означает, что в новой формации должны измениться

все составные части. Но поскольку циклы развития областей жизни не совпадают, а в результате перемены в разных сферах совершаются в разное время, надо, чтобы периодизация объясняла такое несовпадение. И хотя любое деление по любому основанию где-то обрезает непрерывный процесс, но особенно сильно нарушает этот принцип выделение переходных этапов как самостоятельных периодов.

Основные формационные категории⁸⁴

⁸⁴ Конечно, формационные категории можно скомбинировать или выразить и по-другому. Но, я думаю, это оптимальный вариант, который дает удобный инструмент в руки

Эти категории относятся ко всем проекциям, но особенно полно они характеризуют системную. В нашем случае один из важных моментов системности заключается еще и в том, что формационные категории должны обобщать (и быть соотносимы) с категориями, характеризующими структуру и функции общества как социального организма. Ниже очень кратко указано такое соотношение.

Принцип производства благ. Соотносится с понятием производительные силы и показывает некий **принципиально отличный от предшествующих** уровень развития производства в формационном пространстве. Поэтому и идет речь о **принципах** производства. В рамках каждого из них амплитуда колебаний по объему производства, его номенклатуре, разделению труда и его производительности, количеству возможного на этой базе населения и т. п. очень велика. Но у всех обществ одного принципа производства есть важные сходства, так как рождение и развитие его связано с производственными революциями. Также и границами между принципами производства следует считать **производственные революции**: аграрную (неолитическую), промышленную и научно-техническую. Эти революции являются составной частью принципов производства, точнее, их начальными этапами и являются важным основанием при разделении формаций. Новый принцип производства постепенно захватывает страну за страной, регион за регионом.

Данное понятие в моей концепции обладает среди других формационных категорий большей фундаментальностью.

Принципы производства⁸⁵. 1. Охотничье-собирательский (присваивающего хозяйства). 2. Аграрно-ремесленный (простого производящего хозяйства). 3. Индустриальный (машинного производства). 4. Научно-информационный.

Но при выделении типов этой и других формационных категорий нельзя забывать, что подчеркивается специфическое качество в каждой формации, но оно не устраняет полностью и предыдущие.

Тип отчуждения благ и личности. Соотносится с понятием распределительные (производственные) отношения и показывает их

исследователя. Я очень бы хотел, чтобы читатель просто принял характеристики категорий к сведению, а свою критику оставил для того времени, когда будут даны подробная аргументация и все пояснения к этим понятиям и всем названиям. Сейчас важно увидеть все основные категории сразу.

⁸⁵ Здесь и далее цифры перед названием означают номер формации, к которой принадлежит данный тип категории.

общие характеристики в следующих аспектах: а) степень физического и психологического насилия и воздействия на людей для перераспределения, отчуждения и циркуляции благ; б) способы закрепления этого порядка; в) характер приспособления личности и общественных групп к этому воздействию.

Необходимо подчеркнуть, что отчуждаются не только блага, но и «личность»: иногда целиком (например при рабстве), но чаще ее определенные черты, свойства, возможности, характеристики или атрибуты (труд, время, здоровье, права, интересы и т. п.). И в любом случае личности так или иначе подстраиваются под господствующие отношения, развивая одни качества, стремления, предпочтения и т. п. и подавляя другие. Эта социализация определяется группами, в которые они входят. И, в свою очередь, определенный

«стандарт» личности укрепляет эти группы.

Важно, что отчуждение — понятие более широкое, чем принуждение и эксплуатация, так как включает в себя целый спектр иных видов отношений и действий (между равными по статусу партнерами, например в торговле; действия, определяемые волей и желаниями человека, например дарение и т. п.).

Типы отчуждения: 1. Дозэкономический. 2. Внеэкономический. 3. Полуэкономический. 4. Экономический.

Тип политической организации обществ. Соотносится с понятиями: политическая система (система управления) и политические отношения, но поскольку в политической системе часто есть доминирующий элемент, то также с понятием государство (в догосударственных обществах — племя, вождество и прочее).

Показывает типичные способы и принципы объединения в политические образования, в том числе: степень институционализации власти и главные ее институты, соотношение власти и населения (общества), объемы контролируемой территории и населения (в широкой амплитуде, конечно), главные формы взаимоотношения независимых политических образований и т. д.

Типы политической организации обществ: 1. Родовой. 2. Государственно-областной (племенной)⁸⁶. 3. Государственный

⁸⁶ Здесь и в дальнейшем в названиях типов слово в скобках означает вариант, подтип. Число их, конечно, можно увеличить. При этом, если перед скобкой стоит сложное, двойное

(государственно-национальный). 4. Надгосударственный. Для последнего надо добавить, что поскольку четвертая формация еще в начальных стадиях, постольку ряд ее характеристик еще не проявился ярко, поэтому определение типа еще во многом гипотетическое⁸⁷. Это замечание относится и к некоторым другим формационным категориям.

Тип этнической организации обществ. Соотносится с понятиями этнос (доэтносовые этнические единицы), а также народность, нация, этнические отношения, этническая граница. Показывает сходства в этническом оформлении обществ: по степени осознанности этнической идентификации себя и других, уровню этнического самосознания, по объемам этнических единиц, их гомогенности, устойчивости и прочему.

Типы этнической организации обществ: 1. Родоплеменной.

2. Народностный (народно-областной). 3. Национальный (национально-автономный). 4. Наднациональный.

Тип социальной организации обществ. Соотносится с понятиями социальной подсистемы (сферы), социальных отношений (борьбы), социальных единиц.

Показывает основные характеристики и принципы социального деления (жесткость, мобильность, устойчивость и т. п.) и основания для такого деления (родовитость, обладание собственностью и т. п.), объем прав и обязанностей, вытекающий из деления.

Типы социальной организации обществ: 1. Родственно-половозрастной. 2. Сословно-классовый (ранговый). 3. Классово-собственнический (чиновничье-классовый). 4. Профессионально-информационный, то есть связанный с образованием и степенью известности человека⁸⁸.

Тип общественного сознания (или тип духовной организации обществ). Соотносится с понятием общественное сознание (и с его формами). При огромных различиях верований, обычаев и прочего

слово, то первая его часть относится и к тому, что помещено в скобках. Например, в данном случае наряду с типом государственно-областным указывается государственно-племенной.

Термин «областной» подчеркивает недостаточную глубину проникновения государственной власти в контролируемую ею территорию по сравнению с последующими периодами, большую роль местных обычаев и традиций, нередко полусамостоятельность племен и, как правило, недостаточную степень нивелировки территорий. Отсюда и частые распады государств.

⁸⁷ См. об этом подробнее: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // Философия и общество. — 1999. — № 4.

⁸⁸ См. об этом настоящую работу: Философия и общество. — 1997. — № 5. — С. 49—50.

можно выделить и сходства по ведущим формам общественного сознания⁸⁹.

Типы общественного сознания: 1. Примитивно-религиозный.

2. Религиозно-идеологический (философский). 3. Политико-правовой (идеологический). 4. Научно-информационный.

Основное противоречие. Соотносится с понятиями общественные противоречия, системный кризис в обществе и т. п., раскрывающими механизмы движения обществ от старых форм к новым.

Показывает механизм развития и смены формации в виде формирования и разрешения противоречия между принципом производства и типом отчуждения. Становится зримым, когда устраняются остатки старого противоречия, то есть в период зрелости формации. Затем по мере дальнейшего ее развития противоречие распространяется и на другие формационные категории.

Основные противоречия: 1. Между возможностью производить больше и отсутствием для этого потребностей и социальных возможностей. 2. Между способностью хозяйства создавать большой излишек благ и непроизводительным его потреблением. 3. Между все более общественным характером производства и частнокорпоративным способом распоряжения им. 4. Между общечеловеческими потребностями в единых действиях, вызванных развитием производительных сил, информатики и глобальными проблемами, и национально-групповым эгоизмом⁹⁰.

Остаточное противоречие. Это неустранимое основное противоречие предыдущей формации в начале следующей, когда противоречие между принципом производства и типом отчуждения частично разрешилось, а теперь развитие ведет к необходимости устранить его во всех сферах, включая тип сознания. Остаточное противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже

⁸⁹ В названиях типов формационных категорий я нередко прибегаю к такому приему: называть тип по ведущим элементам или формам, если они в очень большой степени влияют на остальные элементы и формы.

⁹⁰ Это предположительное противоречие для будущего, то есть периода зрелости четвертой формации, — означает эгоизм одной страны или их группы перед лицом общечеловеческих интересов (которые к тому же разные группы будут трактовать по-своему, уверяя, что они-то и действуют в истинных интересах человечества, подобно тому, как это происходит во время общественной борьбы в одном государстве, где разные силы ведут речь от имени всей нации, народа и прочее). В настоящее время это противоречие еще не сформировалось полностью и вторая часть его принимает вид **национально-корпоративного эгоизма**.

приспосабливается к настоящему и, образно говоря, стремится вырасти и в будущее. Оно носит черты и старого, и нового. И поэтому острота и широта такого остаточного противоречия могут быть в этом случае больше, чем у основного. Остаточные противоречия — это измененные основные противоречия, поэтому в данном параграфе на их формулировках можно не останавливаться.

Мы рассмотрели большинство первичных формационных категорий. (О тех, которые характеризуют формацию с пространственной и временной сторон, дальше.)

Они составляют базовую модель формации. Однако может возникнуть и противоположная потребность: представить ее более сжато. В этом случае принцип производства и тип отчуждения с основным противоречием между ними можно объединить в понятие **способ производства и отчуждения благ и личности**⁹¹ (кратко — способ производства и отчуждения). А категории: тип политической организации, тип этнической организации, тип социальной организации — в общее понятие **тип организации обществ**, тем более что они весьма тесно связаны, особенно в первых формациях, когда дифференциация социальных функций еще не была столь сильной. Но пользоваться такими крупными категориями удобно только в отдельных случаях, когда достаточно самого схематичного анализа.

Теперь следует обратиться к взаимосвязанным характеристикам формационных категорий: их инвариантности, с одной стороны, и большей фундаментальности некоторых из них — с другой.

«Основной идеей теории формаций является идея соответствия между собой инвариантных систем каждого слоя общественной

⁹¹ Тогда он будет составлять, если использовать марксистскую метафору, скелет формации.

жизни — инварианту экономики и инварианту государства...

Закон совместимости утверждает, что если имеется некоторый способ производства, то может иметь место только некоторый тип государства... Закон совместимости утверждает, что, если в пределах одного слоя совершается стадиальный переворот, эквивалентный переходу от одного способа производства к другому, то либо в остальных слоях совершается такой же переворот, либо в слое, в котором совершался переворот, совершается обратный переворот, либо гибнет данное общество»⁹².

Хотя тут много путаницы, связанной с неразделением уровней, но можно сказать, что Лооне близко подошел к очень важным вещам, однако не сумел сделать из них необходимые выводы. Действительно, **формационные категории инвариантны друг другу**. И верно, что качественное изменение в одной из них либо должно вести к соответствующим изменениям в других, либо происходит откат, чаще — остановка в развитии. (Конечно, изменения происходят не в категориях, а в реальности, но для простоты будем говорить о соотношении категорий.)

Но возникает вопрос: можно ли определить, в каких категориях и когда изменения послужат началом кумулятивного процесса перемен в остальных, а когда произойдет откат или торможение? В этом нам поможет понятие **относительно большей фундаментальности**. Оно означает, что некоторые категории можно считать в плане влияния на другие более значимыми (то есть некоторые области жизни относительно сильнее влияют на другие, чем наоборот). При этом роль такого влияния определяется в первую очередь именно тем, как реагируют остальные категории на изменения в более фундаментальной (и соответственно, наоборот).

Добавим, что понятие фундаментальности соотносится с понятием базиса. И не только природно-производственного базиса 1, но и с базисами более высокой степени⁹³. При этом, применяя принцип матрешки для формационной теории, можно сказать, что в менее общих случаях роль более фундаментальной могут играть и другие формационные категории. Следовательно, большая фундаментальность означает, что среди первичных формационных категорий по определенным основаниям есть **иерархичность**.

Таким образом, возвращаясь к проблеме обоснования

⁹² Лооне, Э. Современная философия истории. — Таллин, 1980. — С. 208—210.

⁹³ См. настоящую работу: Философия и общество. — 1997. — № 3. — С. 53—56.

периодизации, следует сказать: хотя вывод формационных категорий должен опираться на их собственную логику, но, согласно принципу инвариантности, их типы должны соответствовать числу и логике самих формаций, границы которых как раз удобнее определять с помощью более фундаментальной категории.

Относительно более фундаментальным я считаю принцип производства. (По степени фундаментальности за ним следует тип отчуждения благ и личности.) Рассмотрим кратко (подробно в своем месте), почему переход к новому принципу производства является более устойчивым в формационном плане, чем аналогичный отрыв других категорий. Дело тут в том, что в производстве больше возможностей и больше стимулов для заимствования, чем в других сферах, а также в том, что переход к новым общественным отношениям, религии или идеологии, распределительным отношениям и прочему не связан так прямо с изменениями в демографических характеристиках, как смена принципа производства. А ведь резкое увеличение количества населения ведет к тем или иным изменениям в его организации и соответственно политическим, этническим, социальным, экономическим и духовным переменам. Но эти перемены в каждом обществе, естественно, зависят от многих предшествующих и сопутствующих обстоятельств.

Но фундаментальность области, которая описывается категорией «принцип производства», не означает, что поиск путей в новую формацию идет прежде всего в этом направлении. Нет, он идет в разных направлениях и достаточно долго. Однако перерыва постепенности, качественного формационного рывка не будет без рождения нового принципа производства. Поэтому, когда последний наконец появляется, налицо уже ряд достижений и в других характеристиках, которые постепенно складываются в систему.

Первоначальный поиск дороги в новое чаще идет по пути доведения прежнего принципа производства до сверхзрелого (сверхизобильного) состояния за счет исключительных условий и аккумуляции предшествующих достижений⁹⁴. При этом появляются и частичные достижения, способствующие закреплению (или рывку) будущего принципа производства.

⁹⁴ Таковыми были, например, присваивающее хозяйство в северозападной Америке за счет очень богатой охоты и рыбной ловли с возможностью делать большие запасы; исключительно интенсивное сельское хозяйство в Китае в XVIII — начале XIX столетия; торгово-ремесленное хозяйство итальянских государств в XII—XIV вв. и т. п.

Такие вещи, как исключительное изобилие природы, особое географическое положение, неожиданный рост или приток богатств, могут давать эффект существенных качественных перемен в отдельных формационных характеристиках. Поэтому в обществах, ими обладающих, при прорыве одной составляющей согласно принципу инвариантности идет определенное подтягивание и других характеристик. Но для формации как мировой ступени этого недостаточно, поскольку указанные выше преимущества могут быть утрачены либо их невозможно перенять (как нельзя перенять гениальность).

Разумеется, такие достижения полностью не пропадают и могут заимствоваться, но с точки зрения перехода к новой формации они выступают уже как необходимая добавка к тем переменам, которые произошли в принципе производства в другом месте. В XII— XIV вв. Италия достигла очень высокого уровня почти во всех сферах жизни, и некоторые итальянские общества представляются раннебуржуазными. Однако эти успехи не смогли остановить упадок Италии в последующих веках и значительное офеодаливание ее отношений. Между тем ее достижения оказали огромное влияние и на развитие нового принципа производства и капитализма в целом.

Я думаю, что и античность в этом плане напоминала итальянское «средневековое чудо» и ее можно трактовать как поздний вариант второй формации, в котором произошли определенные изменения в некоторых формационных характеристиках. Последние достигли очень высокого для этой формации развития и в отдельных случаях (например в отношении частной собственности) даже переросли ее. Но поскольку (при всех успехах) не было принципиального изменения в производстве, этот вариант зашел в тупик. Однако его достижения в разных сферах позже все-таки оказались востребованными.

Теперь рассмотрим пространственную и временную проекции структуры формации. Начнем с последней. Здесь очень важны понятия **цикла и его этапов фаз**.

Внутри любой из формаций можно выделить определенные этапы, которые идут в одинаковой последовательности и некоторые свойства которых однотипны для всех формаций (такова, например, роль каждого этапа в развитии формации в целом в плане разворачивания ее потенций и черт). Естественно говорить о трех фазах цикла: начало — зрелость — упадок. Но

более удобным является деление на шесть этапов, каждые два из которых могут быть объединены (и вместе соответствовать одному из вышеприведенных). Условно первый из пары можно считать качественным движением, а второй — количественным.

В отдельных вариантах и обществах в системе формации в зависимости от модели (первичной или догоняющей) характер цикла существенно меняется, например, если перенимается уже готовое, то какие-то его фазы будут более сжаты. Здесь стоит напомнить о **законе соотношения внутренних и внешних факторов**⁹⁵. *Внутренние и внешние факторы могут переходить из одного состояния в другое, выполняя в историческом процессе роль закона сообщающихся сосудов. Естественно, что чем теснее общаются между собой эти «сосуды», тем быстрее в них устанавливается единый уровень. Поэтому догоняющие страны проходят отрезок пути, на который они отстали, быстрее, чем страны-первопроходцы.*

На примере отсталых обществ мы видим, что *чем больше разрыв в уровнях развития между внешними и внутренними факторами, тем сильнее влияние первых на вторые*. Но слишком большая разница в уровнях препятствует такому усвоению этих внешних вещей, чтобы сделать их частью внутренней системы. *И чем сильнее разрыв, тем сложнее внедрить и органически приспособить внешние факторы*. Поэтому **оптимальным** будет разрыв в пределах от одного до двух этапов формации (из шести) при полусамостоятельном догоняющем развитии. При несамостоятельной модели *оптимальный разрыв — три-четыре этапа*.

Сказанное поможет нам лучше разобраться с вопросом о миновании формаций, вокруг которого было сломано много копий. Совершенно очевидно, что его решение очень сильно зависит от того, какие и на каком основании выделяются формации, каковы их границы, как разделяются мировой и страновой уровни. Так, если не считать рабовладение и феодализм особыми формациями, то фраза типа «славяне (германцы) миновали рабовладение и сразу перешли в феодализм» просто означает, что эти народы вступили в ту же вторую формацию, что китайцы, греки или римляне, но только в другом ее варианте, что определялось в том числе достижениями античности и крахом Римской империи.

⁹⁵ См. настоящую работу: Философия и общество. 1999. № 1. — С. 46— 51.

Пятичленная теория, как известно, считает «минование» возможным. Но эта идея создает массу теоретических трудностей. Например, даже в рамках ее логики минование не должно означать, что догоняющее общество сразу же и становится мировым лидером. Отсюда, если и признавать минование возможным, то при условии: чтобы отсталое общество перепрыгнуло через формацию, должны уже быть общества, обогнавшие его на две формации. А когда говорят: после падения Западной Римской империи некоторые европейские народы, минуя античную формацию, перешли к феодализму, — получается, что германские варварские народы, находясь в первобытной формации, перескочили более высокую рабовладельческую, чтобы сразу перейти в еще более высокую феодальную, до тех пор человечеству неизвестную.

Кроме того, непонятно, почему некоторые формации «минует» много обществ, а некоторые не пропускает никто. Скажем, рабовладение оказалось необязательным для большинства народов, а феодализм был распространен везде. Это только доказывает, что когда речь идет о таком «массовом» миновании формаций, значит в концепции имеются теоретически лишние формации. «Минование» капитализма также было «возможно», пока признавался социализм как более высокая стадия.

Но если принять идею о единой второй формации, то вся невероятность такого рывка в целую формацию становится совершенно

очевидной. Ибо из состояния охотников-дикарей миновать эпоху сельского хозяйства и перейти к индустриальному обществу или из традиционного аграрного общества перейти сразу в информационное — невозможно. Даже из незрелых стадий сельскохозяйственного общества или капитализма перейти соответственно в индустриальное и информационное общество можно только в исключительных случаях (о которых ниже мы скажем), и то не самостоятельно.

Следовательно, речь может идти только о миновании отдельных этапов формации. Но даже и прыжок в одну-две фазы формации совсем не простое дело. Рывок, который совершила феодальная Япония после революции Мэйдзи, вызвал своей неожиданностью удивление и у европейцев, и у азиатов. Но это было минование не более чем двух этапов индустриальной формации.

Кстати будет привести одну цитату Семенова. Он говорит, что

для политарных (азиатских) обществ с развитием капитализма «стал не только возможным, но и неизбежным их переход от политарной стадии развития к самой высокой, достигнутой человечеством, минуя все промежуточные... Иными словами, они не просто получили возможность миновать все эти стадии; для них, и в этом вся суть дела, стало невозможным не миновать эти ступени. Таким образом, когда человечество в лице группы передовых социоисторических организмов достигло капитализма, то все остальные стадии стали пройденными не только для них, но и для всех прочих обществ»⁹⁶.

Разумеется, именно столкновение с более развитыми западными государствами и стало решающим фактором для того, чтобы некоторые азиатские государства начали попытки модернизации. И с этим нельзя не согласиться. Но ведь рад азиатских стран совершил модернизацию в конце XIX — первой половине XX вв. более или менее самостоятельно (в политическом, а не техническом плане, конечно) только потому, что эти государства стояли в последней фазе второй формации (а в некоторых отношениях существенно превзошли ее, хотя бы в области образования в Японии и Китае), то есть отставали, грубо говоря, на половину формации.

Поэтому с идеей, что европейцы в новое время обгоняли азиатов на две-три формации (а не на два-три этапа формации только), никак нельзя согласиться. Так же, как и с тем, что еще в начале нашей эры европейские народы обогнали азиатские на две формации. Иначе получается, что хотя азиатские цивилизованные государства все еще оставались в низшей политарной формации, а европейские полуварварские общества «обогнали» их на две «формации», а все же в XII в. (во время крестовых походов) учились у азиатов именно «передовые» европейцы⁹⁷.

Итак, если принимать мою теорию, то **минование невозможно**. Но это утверждение требует определения границ его

⁹⁶ Семенов, Ю. И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. — 1997. — № 1. — С. 204. (Выделено мной. — Л. Г.).

⁹⁷ Основные аргументы против признания особыми формациями политарной, античной и феодальной и за то, чтобы считать их (наряду с некоторыми другими вариантами) единой второй формацией, уже приводились в предыдущем параграфе. Но все же дополню их еще одним. Если задаться вопросом, почему такое минование не произошло в политарных обществах ранее, когда рабовладение сменилось феодализмом, то видится два ответа: либо каждая формация в этом смысле индивидуальна, либо рабовладение и феодализм — это не общечеловеческие формации, а европейский вариант развития второй формации. И я думаю, что и логика и факты говорят как раз за последнее.

правомерности, а значит — целого ряда уточнений. Самостоятельно, то есть хотя и под воздействием внешнего окружения, но оставаясь политически независимым и мобилизуя внутренние ресурсы, такой прыжок невозможен. Однако в будущем некоторые препятствия для этого уменьшатся и такой случай станет более вероятен (об этом дальше). Далее мы поведем речь о несамостоятельном в политическом плане развитии, которое дает больше шансов для минования.

Во-первых, надо учесть необходимость разделения мирового и конкретно-общественного уровней. Тогда вопрос должен звучать так: *может ли общество миновать формационную стадию при условии, если уже есть передовые общества, обогнавшие его более чем на одну формационную стадию?*

Поясню смысл выделенных слов:

а) именно формационную стадию, а не формацию. Ведь человечество никак не может миновать один из этапов своего развития, иначе он перестает быть мировым;

б) **более чем на одну** формационную стадию. Это значит, что разница между отстающим и самыми передовыми обществами должна быть больше, чем одна формационная стадия, то есть две или хотя бы полторы. Тогда в результате очень большого разрыва в уровнях под прямым влиянием передовых стран и при исключительных обстоятельствах можно предполагать вероятность такого рывка в полную формационную стадию. Но пока мы рассуждаем только о **гипотетической**, а не реально исторической возможности.

Следовательно, если есть общества четвертой формации, хотя бы в незрелых ее фазах, то общество второй формации гипотетически может миновать третью. Но если самые передовые общества находятся только в третьей формации, то отсталое общество второй формации никак не может вырваться вперед сразу в четвертую. Ибо отсталое общество может лишь догнать передовые, и именно быстрая ликвидация такого разрыва и должна считаться минованием. И только когда оно догонит лидеров, тогда теоретически возможно, что именно оно и станет пионером в дальнейшем. Но это уже будет иная ситуация, и для такого лидерства потребуется уже нормальное, с точки зрения исторического развития, время.

Представить же, что отсталое общество «транзитом» может перейти в неизвестную дотоле формацию (как в идее перехода от первобытности сразу в феодализм), даже гипотетически нельзя. В

новейшей истории были случаи сознательного стремления к такого рода историческим скачкам. Россия в октябре 1917 г., едва достигнув среднего уровня капитализма, пыталась перейти в новую коммунистическую формацию. Но результатом оказалась лишь иная (и худшая) вариация индустриального общества.

Во-вторых, сразу возникает трудность: что считать обществом. По идее, речь должна идти о таком «миновании», когда общество более высокой формации идентифицирует себя с обществом более низкой, то есть считает себя все тем же народом или государством. Поэтому проблему следует уточнить следующим образом: *может ли какое-то общество (этнос), соотнося себя с собой прежним, миновать формационную стадию?* Тогда окажется, что миновать полностью стадию, соотносимую с формацией, никакому обществу и этносу, если они не полностью растворяются в других, нельзя. Следовательно, из высшей фазы первобытной формации прыгнуть в начальную фазу третьей, то есть ранний капитализм, невозможно. Из высшей фазы второй в первую фазу четвертой также нельзя перескочить.

В-третьих, подумаем, о каких исключениях может идти речь. Земледельцы среднего уровня развития могли при особых условиях из второй формации перейти в ранний капитализм, то есть миновать по этапам как бы комбинированную, составную формацию. Так, некоторые народы Океании, у которых государственность стала складываться к моменту прихода европейцев или в начале их присутствия, благодаря тому, что историческая память человечества стала существенно иной и островному положению⁹⁸, смогли за сто — сто пятьдесят лет сделать указанный рывок. (Особенно это относится к Гавайям.) Но и то в этническом составе многих народов Океании произошли колоссальные изменения, в первую очередь за счет выходцев из Азии, которые теперь кое-где даже преобладают.

Но еще раз подчеркнем, что это возможно только под властью более развитых обществ и их тотальным воздействием. А в таких условиях для неразвитых народов сохранить свою этническую или государственную идентификацию с прошлым стало возможным (и то далеко не всегда) только в близкие к современности эпохи, поскольку в прежние и историческая память была слабее, и роль

⁹⁸ В «черной» Африке географическое положение не позволило совершиться такому сохранению, за исключением Эфиопии.

этнической ассимиляции, прямого уничтожения народов больше.

Отсюда, в-четвертых, чем ближе к современности, тем больше возможностей для столь сильно изменяющихся этносов и государств сохранить при таком большом рывке преемственность. Поэтому в будущем за счет более тесной интеграции и при сохранении уважения к самоидентификации обществ для самых отсталых из них перейти от раннего капитализма к информационному обществу станет более вероятно.

Наконец, уместен и вопрос о том, каков исторический срок минования, то есть в какой по длительности отрезок времени догоняющее общество должно миновать определенную формационную стадию? Разумеется, сейчас не время заниматься вычислениями. Но думается, что этот отрезок должен быть не менее чем раз в 8—10 короче длительности формации и раза в 4—5 истории обществ, проходящих эту формационную стадию нормально. Так, если третья формация длилась лет 500, то общество должно пройти ее лет за 50—60. Но если мы обратимся к реальной истории, то увидим, что, поскольку начальные фазы формации более длительны, чем остальные, то и наверстывание времени у догоняющих обществ происходит в первую очередь именно за счет этих ранних фаз⁹⁹. И это вытекает из закона соотношения внутренних и внешних факторов, о котором несколько выше шла речь.

Для временного аспекта формации очень важно определить соотношение формации в целом и отдельных ее фаз, а также между последними по качественным характеристикам. Глубже понять эту проблему поможет анализ следующего высказывания: «Любые утверждения, имеющие силу для данной формации, имеют, естественно, силу и для любой ее ступени или варианта. Но, кроме них, для любой ступени формации имеют силу еще некоторые специфические множества высказываний, не относящиеся к другим ступеням или вариантам»¹⁰⁰.

Хотя на первый взгляд это кажется логичным, но здесь таятся большие методологические ошибки и противоречия. Ведь формация — очень сложная система. И к ней не подходят методы простейшей классификации, когда, допустим, выделив группу белых

⁹⁹ Если Япония за 40—50 лет до Первой мировой войны прошла в плане развития производительных сил период, равный 200—300 годам, то в дальнейшем до Второй мировой войны ее развитие не слишком отличалось по темпам от других индустриальных стран.

¹⁰⁰ Лооне, Э. Указ. соч. — С. 212.

предметов, мы правомерно заявляем: здесь общее для каждого «белое», но, кроме того, у любого предмета много индивидуального. И, значит, «любое утверждение, правильное для всех, имеет силу для каждого». В прошлом параграфе уже шла речь о том, сколь своеобразно типичное входит в формационные категории. Формация же включает в себя не только содержание каждой из них, но и каждой фазы своего цикла.

Поэтому получается, что утверждения, характерные для любой фазы формации, в какой-то степени относятся и к ней. Например, мы говорим, что для очень зрелой фазы характерно, что в ней уже появляются некоторые элементы новой формации. Значит, мы можем сказать, что в старой формации на определенном этапе появляются уже элементы будущей. Это будет высказывание, имеющее силу для данной формации, но не распространяющееся на ее раннюю и среднюю фазы. Следовательно, сказанное, что для данной формации характерно то-то и то-то, не будет всегда относиться ко всем ее фазам и вариантам.

Это относится и к характеристикам горизонтальной линии, которые выводятся именно по зрелым чертам. Ведь в начальных стадиях просто еще не могут появиться те черты, которые и составят собственно специфику формации, поскольку они еще в потенциальном состоянии¹⁰¹. Поэтому-то бесперспективны попытки найти в ранних стадиях отчетливые черты, *свойственные лишь зрелой формации, хотя это делается очень часто*. Фактически получается, что мысль Лооне вообще надо перевернуть: свойственное части целого относится и к целому. Наоборот же получается не всегда.

Собственные черты формации удобнее всего отмечать в зрелости еще и потому, что они уже наглядны, но еще не перезрели, то есть не обременены появлением элементов, свойственных будущей формации¹⁰². Очевидно, что черты зрелой формации в ее дальнейших фазах и в начальных фазах следующей (остаточное противоречие) представлены уже в иных пропорциях и с иным знаком: в зрелости

¹⁰¹ Думать наоборот — все равно что говорить, что любое утверждение о взрослом человеке относится и к его детству. Но ведь половая зрелость и возможность иметь потомство, как и масса иных вещей, нехарактерны для ребенка.

¹⁰² Правда, иногда ретроспективно некоторые черты, которые уже имеются в зрелости, но еще недостаточно очевидны, в перезрелой фазе становятся яркими, и тут только мы и понимаем, что возникли они раньше.

это норма, в высокой зрелости обстоятельство, создающее кризис, в начальных фазах новой формации — момент, который надо устранить.

Говоря о временной характеристике, есть смысл остановиться и на понятии **формационность**. Разумеется, она имеет не только временные, но и другие аспекты.

Формационность — это категория, которая обозначает важнейшую характеристику исторического процесса и подчеркивает, что он может быть представлен как процесс зарождения, развития, сосуществования и смены формаций. При этом меняются и некоторые черты самих формаций как ступеней исторического процесса. Они приобретают раз от раза все большую зрелость. Например, для доиндустриальных формаций особенно характерны параллельность моделей и сосуществование их очень долгое время. В индустриальной эта параллельность сильно смазывается, так как времени для вызревания новых моделей не остается; в четвертой — сближение будет еще заметнее.

От формации к формации также ускоряется темп исторического развития, а мировая (надобщественная) их сторона усиливается. Возможно, что в четвертой формации формационность достигнет пика, а мировая составляющая формационного процесса станет окончательно доминирующей над общественной. В дальнейшем же формационность как форма разворачивания мирового исторического процесса может окончательно исчерпать себя. А различия между генеральной линией и другими будут все меньшими.

Таким образом, с момента определенного уровня интеграции человечества прорыв в одном месте будет означать не тупик в других, а более-менее совместный поиск новых рубежей. В чем-то это может напоминать соотношение развития разных районов в национальном масштабе. И здесь ускорение развития одних регионов может приводить к негативным влияниям на другие и вести к внутренней конкуренции между ними. Но в целом успех одного — это благо для всех. Ведь отсталые регионы могут оказывать большое политическое воздействие на общество в целом, а в результате получать компенсации, льготы или помощь за счет передовых, и соответственно уровень в определенных рамках выравнивается.

Формация — очень длительный период. Общества вступают в ее систему разновременно. И, следовательно, категории должны

охватывать не только синхронный, но и диахронный срез. В этом помогут, кроме прочих, понятия **моделей** развития (самостоятельная, полусамостоятельная и несамостоятельная) и **этап жизни формации**, *то есть отрезок существования формации, который показывает, идет ли она в целом как мировое явление на подъем, находится ли в зените или пошла на спад*¹⁰³. С этими понятиями (и соответственно временной проекцией) связаны и **варианты** формации, хотя деление формации на варианты учитывает также региональную близость, генетическое сходство, вхождение общества в те или иные пространственно-временные группировки.

Посмотрим теперь на **пространственную** проекцию. Здесь нужно вести речь о понятиях, связанных с территориально-структурным делением обществ, входящих в формацию: *локальные варианты, различные группировки, типичные связи, центр — периферия, буферные с предыдущими формациями территории*.

Естественно, что пространственная структура формации сильно отличается в зависимости от степени зрелости последней. Сначала отдельные места, затем уже целые регионы, позже — периферия этих регионов, далее новые очаги и наконец охват большей части человеческой ойкумены. После же рождения новой формации одни территории начинают отпадать от старой, но другие все еще продолжают включаться в эту пространственную систему. Наконец, с завершением первых фаз новой формации старая окончательно идет на убыль и к моменту высокой зрелости новой формации либо трансформируется прямо, либо становится территорией, в которой присутствуют сразу две формации. Так было, например, с колониями в Азии в конце XIX — начале XX вв. И уже с момента появления следующей формации позавчерашняя окончательно теряет свои самостоятельные черты, которые, однако, продолжают жить в существенно трансформированном виде в отдельных обществах или в виде уже более низкого уклада в развитых.

Следовательно, будет верным: *чем дольше сосуществуют старые и новые формации, чем больше этапов прошли последние, тем сильнее трансформируются характеристики старой формации под воздействием более высоких, и тем своеобразнее могут быть*

¹⁰³ Не путать с этапом внутри формации, который определяется прежде всего по генеральной линии. В то время как в передовых обществах формация уже может находиться в кризисе, для человечества она еще в самом расцвете, а когда она пошла на спад для человечества, передовые общества уже вступили в новую формацию.

комбинации этих характеристик относительно классического варианта генеральной линии. Отсюда ясно, что попытки к обществам затухающей формации прикладывать классические характеристики формации будут неудачны без учета указанных трансформаций.

В заключение скажу еще о том, что могут быть и иные, очень важные проекции-характеристики. Например, с помощью **количественной проекции** можно систематизировать ряд важных количественных характеристик формации в целом. Например, освоенная площадь территории, количество населения, его плотность, другие демографические характеристики; примерная производительность труда, степень его механизации, урожайность и т. д. и т. п. Получив средние для формации данные, можно увидеть, как они меняются поэтапно, а также от общества к обществу в рамках формации. Здесь будут очень кстати наработки социологии и экономической истории. Кроме того, к некоторым другим аспектам жизни пусть и не столь просто, но также в принципе приложимы математические методы.

Таким образом, привлечение математики в теорию исторического процесса и теорию истории наполнит особым содержанием качественные категории, дав им важные подтверждения, и придаст самим исследованиям более высокий научный характер.

ГЛАВА 9. ПРИНЦИП ПРОИЗВОДСТВА БЛАГ И ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ*

1. Принцип производства благ — формационная категория, описывающая качественные ступени развития мировых производительных сил. 2. Производственная революция. 3. Охотничье-собираТЕЛЬСКИЙ принцип производства. 4. Аграрная революция. 5. Аграрно-ремесленный принцип производства: зрелые этапы. 6. Промышленная революция и промышленный принцип производства. 7. Научно-техническая революция и научно-информационный принцип производства.

В действительности все несет на своей широкой спине материальная жизнь: если она набирает силу, то все движется вперед...

Ф. Бродель

В данной главе мы остановимся на производственном аспекте исторического процесса. Сначала рассмотрим формационные

категории, а затем — каким образом развивались и сменялись мировые производственные системы. В этой главе для удобства я буду делить параграфы на части.

§ 1. Принцип производства благ — формационная категория, описывающая качественные ступени развития мировых производительных сил

1.1. Обоснование категории

Я уже неоднократно объяснял, почему для формационного уровня требуются особые категории. Отсюда ясно, почему нельзя удовлетвориться только общеизвестным термином «производительные силы». Удобный в рамках социологии истории и теории истории, то есть для описания производственной подсистемы отдельного общества, он не позволяет анализировать качественные этапы развития мировых производительных сил в рамках теории исторического процесса. Он также не дает возможности вывести общий знаменатель, чтобы приравнять друг к другу различные в физическом, географическом и отраслевом плане, но стадияльно однотипные производительные силы (например, собирательство и охоту, земледелие и скотоводство, добывающее и обрабатывающее направления промышленности и т. п.), а, объединив их, затем отделить от стадияльно более низких или более высоких¹.

И не случайно понятие «уровни (ступени) производительных сил» теоретически оказались неразработанными, поскольку не удалось найти достаточно ясный критерий их различения.

Справедливости ради напомним, что в нашей науке выделялась категория, которая претендовала на описание крупных этапов именно мировых производительных сил — технологический способ производства, то есть особый способ (исторический тип) связи человека с техникой. Выделялось три таких способа: ручной труд, механизированный труд (с превращением орудия ручного труда в машину), автоматизации². Однако чрезмерный упор на технику и перенос решающей ее роли в производительных силах также и на доиндустриальные формации приводит к тому, что производственный

¹ Даже сходного типа производства в разных обществах сравнивать весьма трудно. Например, при одной технике урожайность сельскохозяйственных культур может различаться за счет плодородия во много раз.

² Философская энциклопедия: в 5 т. — Т. 4. — С. 390.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. — 1997. — № 1—6; 1998. — № 1—6; 1999. — № 1, 2, 3, 5.

аспект исторического процесса раскрывается неадекватно³. Неудивительно, что не удастся выделить особый тип техники и ее соединения с работником для аграрного производства, поскольку для последнего роль техники не была ведущей.

Смена технологических способов производства не вписывалась органически в истматовскую формационную парадигму, поскольку не совпадала с изменениями в производственных отношениях. Но не это являлось недостатком данной теории, так как четко соотнести коренные этапы развития производства с известной схемой форм собственности на средства производства невозможно. Хуже было то, что развитие технологических способов производства не увязывалось вообще с каким-либо приемлемым членением исторического процесса либо последнее было просто нелогичным. Поэтому данная теория не могла дать критерий выделения формационных ступеней производительных сил.

Не выполняет роль такого критерия и понятие *«мировые производительные силы»*. Оно скорее удобно для анализа некоего статического (одномоментного) состояния мирового производства, но не для того, чтобы в историческом процессе выделить ряд качественно отличающихся уровней с четко обозначенными рубежами между ними. Возникают вопросы: на основе чего вычленять такие ступени и как их увязать с периодами исторического процесса, а также с изменениями в других его аспектах?

Сделать это весьма непросто. Ни один из структурных элементов производительных сил не может служить универсальным показателем качественного развития. Ведь с каждой эпохой производительные силы усложняются, их структура радикально меняется, а на первое место в ней выходят то одни, то другие компоненты. Роль техники, то есть орудий труда, для аграрного производства менее важна, чем для индустриального. Подобная же разница между последним и информационным производством — в отношении науки и информации. Но подобная «ротация», как увидим позже, весьма показательна и важна для нахождения основания выделения качественных ступеней, если ее правильно интерпретировать.

Количественные показатели могут быть очень полезными. Но при их применении нужно учитывать различия в природных

³ Поэтому можно согласиться, что «если мы будем логично следовать этому подходу, то должны прийти к отказу от идеи приоритета производительных сил» (Формации или цивилизации? // Вопросы философии. — 1989. — № 10. — С. 46—47).

условиях, исторические и иные особенности обществ, неполноту или отсутствие данных и прочее. А главное, любые цифры будут правильно поняты, только если есть масштабная сетка для их сравнения. Иными словами, если качественные этапы уже обоснованы, определенные цифровые показатели помогут отнести интересующие нас общества к тем или иным из них. Значит, неправильно искать простые показатели.

Итак, мы опять возвращаемся к проблеме, как же выделять качественные уровни. Сделать это удастся только с помощью достаточно объемной и четкой теории. Но она невозможна без специальной категории, которая бы описывала *качественные ступени мировых производительных сил*, позволила бы проследить процесс зарождения, развития, победы и упадка каждой из них. Но желательно обозначить ее по-новому, так, чтобы избежать ненужной путаницы с разноуровневыми, но похожими по названию категориями⁴.

Очень важно, что для такой операции в науке уже выработаны понятия, которые позволяют обобщить глубинные сходства в производстве разных эпох и обществ, увидеть определенные рубежи в развитии мирового производства. Это понятия **присваивающее** хозяйство, **производящее** хозяйство, **индустриальное** производство и современное **информационное** (постиндустриальное и т. п.) производство. Но для того чтобы их использовать наиболее плодотворно и применить для выработки нужной категории, необходимо найти их общие черты, обобщив это в родовом для них понятии. И связать его с понятием **производственные революции**.

Что общего в приведенных выше понятиях? Мне кажется, что каждое название указывает на новое качество, свойство, основу типов хозяйства и производства. По сути, речь идет о том, что направление, структура, отраслевой состав хозяйства и производства меняются в **принципе**. Иными словами, подчеркиваются глубина и системность перемен. Поэтому и категорию, которая описывает эти **четыре** ступени в развитии всемирных производительных сил, качественно различающихся между собой, автор предлагает назвать

⁴ Кроме того, термин «ступени развития мировых производительных сил» слишком громоздок, а сокращать его нельзя, так как иначе будет непонятно, о каких производительных силах и ступенях идет речь.

принципами производства благ⁵.

Последнее слово надо пояснить: нельзя ограничиваться только материальными благами, поскольку «духовное производство» нередко является «органическим подразделением» всего производства⁶. В современности же это не просто большой и все растущий сектор, а сектор, который может стать ведущим. Подчеркнем также, что речь идет прежде всего о производстве обычных, типичных (неважно, материальных или духовных) благ, предназначенных для поддержания или расширения жизненного цикла обществ и самого производства. Оговорив этот момент, в дальнейшем буду использовать краткий вариант термина — принцип производства.

Итак, принцип производства — формационная категория, которая описывает очень крупные качественные ступени развития мировых производительных сил в историческом процессе. Каждой формации соответствует только один, собственный принцип производства. Каждый принцип производства — особая ступень, поэтому сходство между ними весьма абстрактное, прежде всего в масштабе перемен, их революционности. Используя сравнение Тоффлера, можно сказать, что новый принцип производства атакует старый по каждой позиции⁷.

Границами между принципами производства служат производственные революции: **аграрная (неолитическая), промышленная и научно-техническая**. Но эти революции не просто рубежи, отделяющие один принцип производства от другого, но и четкие показатели начала качественных перемен в мировых производительных силах, которые знаменуют смену принципов производства. Любая революция — это некий переход от одного состояния к другому. Производственные революции к тому же — длительные эпохи. И чтобы не запутывать периодизацию переходными ступенями, гораздо правильнее считать время

⁵ Эта категория не совпадает с общеизвестным термином «способ производства материальных благ». Во-первых, потому что понятие принципа производства относится только к формации (человечеству), а не к отдельному обществу, а способ производства — и к одному, и к другому уровню сразу. Во-вторых, потому что принцип производства охватывает лишь сходство в хозяйстве, в отличие от способа производства, который объединял в себе как производительные силы, так и производственные отношения.

⁶ Толстых, В. И. Социально-философские проблемы теории общественного производства // Вопросы философии. — 1982. — № 4. — С. 49.

⁷ Toffler, A. The Third Wave. — N. Y., 1980. — P. 22.

производственной революции неотъемлемой частью соответствующего принципа производства.

Наитеснейшая и многосторонняя связь принципов производства и производственных революций вообще очень важна для авторской теории исторического процесса. Ведь мы видели, что формации — это оптимально крупные части исторического процесса, которые не просто делят его на этапы, но и имеют структурное и прочее сходство между собой: в цикле, полноте перемен во всех аспектах и т. д. А это позволяет изучать исторический процесс хоть в какой-то (самого общего плана) повторяемости. Поэтому проблема обоснования такой периодизации не может не быть очень важной.

Я выдвигал принцип относительно большей фундаментальности принципа производства среди остальных формационных категорий, благодаря которому можно найти конец путеводной нити в членении непрерывного. Его начало условно можно считать и рубежом новой формации. А то, что удастся связать эту границу с началом достаточно очевидных и бесспорных явлений мирового масштаба, каковы производственные революции, на мой взгляд, придает всей концепции убедительность и стройность.

Совершенно естественно, что общие идеи нуждаются в достаточно сложных методиках и приемах, чтобы провести их хотя бы на один-два уровня ниже. Исходя из такой задачи, вся эта глава во многом и строилась с расчетом объяснять те или иные теоретические трудности уже в контексте рассмотрения производственного аспекта исторического процесса.

Итак, принцип производства выделяется на основе **принципиального** (качественно-стадиального) схождения производительных сил разных обществ. Но принципиальное сходство не только не означает фактического совпадения в укладах, отраслях, технике и технологии и т. п., но, напротив, предполагает и разные варианты хозяйствования, и большую **амплитуду** в количественных характеристиках. Задача — установить рамки этой амплитуды и наиболее важные параметры сравнения. К таким параметрам нужно отнести:

- а) определенный уровень производительных сил: по сложности их структуры; производительности труда; взаимодействию с природой;
- б) способность производительных сил:
 - к развитию и распространению на другие территории; перенимать

достижения и вступать в контакты, не подвергая коренной трансформации общество;

в) возможности производительных сил:

прокормить определенное количество населения; создать такой излишек благ, который ведет к образованию определенных политических, социальных и культурных систем и т. д.

Но данные критерии во всей полноте имеют смысл только для формационного масштаба. Производительные силы обществ, входящих в систему принципа производства, не могут соответствовать всем параметрам из-за специализации, ограниченности ресурсов, включенности в систему разделения труда и т. п. Иначе говоря, при сравнении обществ, принадлежащих к разным принципам производства, не по всем моментам низшее общество будет уступать высшему. Так, производительность труда охотника в отдельных местах может быть выше производительности земледельца; плотность населения ирригационной страны прошлых эпох может быть выше плотности некоторых индустриальных стран сегодня и т. д.

Весьма часто такие кажущиеся несоответствия возникают при сравнении обществ, принадлежащих к более высокому принципу производства, но на ранних его стадиях, с обществами более низкого принципа производства, но на высших (или даже перзрелых) этапах. О таких случаях еще будет речь. Но важно не забывать, что каждый принцип производства — это огромная эпоха, и сравнения должны делаться с учетом степени его зрелости.

Итак, при смене принципа производства происходят следующие изменения, в конечном счете затрагивающие основную часть человечества:

1. В самом производстве

- усложняются структура и функции производительных сил, появляются новые элементы и секторы. Постепенно новые секторы, технологии, подходы, знания становятся ведущими и частично перестраивают уклады прошлых принципов производства;

- производительность труда увеличивается многократно;
- резко возрастает излишек благ;
- переход к новому принципу производства позволяет прокормить во много раз большее население. Соответственно наблюдается либо его количественный рост, либо (как в современных развитых странах) рост качества и продолжительности

жизни;

- сильно уменьшается зависимость от природы, и возрастает способность влиять на нее. Принципиально изменяются пределы, поставленные географической средой

- резко увеличиваются плотность производственных и экономических контактов между обществами, обмен достижениями, объем потребляемой энергии, информации и т. п.

II. Во всех других сферах жизни

- с отставанием и в разном темпе, но обязательно везде происходят глубокие качественные изменения. Сейчас перечислять их нет смысла, в следующей главе (частично и в этой) данной проблеме будет посвящено значительное место.

Хотя кое-что из перечисленного может происходить и при смене принципиально одинаковых хозяйственных занятий (например, при переходе от примитивного земледелия к скотоводству, от развитого сельского хозяйства — к ремеслу), в совокупности такие изменения характерны только при смене принципа производства. Однако никогда новый принцип производства полностью не покрывает всей экономики, она всегда технически многоукладна.

Но смена принципа производства — это радикальное изменение всех основ производства. Поэтому с каждым принципом производства происходят подвижки по иерархии в его составных частях. Отсюда даже в формационном масштабе не все параметры одинаково важны для разных принципов производства, что связано с большим или меньшим значением определенных компонентов производства в них⁸.

Напомню, что я выделяю четыре принципа производства, разделяемых тремя производственными революциями⁹:

1. **Охотничье-собирательский** принцип производства (или принцип присваивающего хозяйства).

2. **Аграрно-ремесленный** принцип производства (или принцип простого производящего хозяйства).

3. **Промышленный** (индустриальный) принцип производства

⁸ Скажем, между I и II принципами производства разница в способности прокормить определенное население более важна, чем между III и IV, когда мы видим, что во многих развитых странах население не растет (а то и уменьшается). Разница в производительности труда между II и III — более существенный момент за счет использования техники и машин, чем между I и II. И т. д.

⁹ В скобках даны синонимы названий, которые иногда будут использоваться.

(или принцип машинного производства).

4. **Научно-информационный** принцип производства. Относительно некоторых названий нужно сделать пояснения.

Ранее я говорил именно о принципе присваивающего хозяйства и принципе производящего хозяйства. Это соответствовало сути дела, указывало на коренное различие при присвоении и производстве пищи и сохраняло преемственность в научном развитии. Но ведь требуется соблюдение определенной логики в системе названий.

А тут возникало формальное логическое противоречие: ведь и промышленное производство, и научно-информационное также производящие. По правилам логики сначала весь процесс следовало бы разделить на две части (присваивающее — производящее), а потом уже производящее — на простое и более сложное. Но в таком случае части второй очереди деления не должны быть таксономически равны частям первой очереди. Значит, возникло бы более серьезное фактическое несоответствие, поскольку речь идет именно о четырех сопоставимых по их качественному значению периодах.

Чтобы выйти из этого круга, я решил изменить названия, сохраняя старые как синонимы.

1.2. Характеристики принципа производства

Принцип производства (как и другие формационные категории) можно представить в разных проекциях: системной, пространственной и временной. Особенно важно проанализировать временную, так как с циклом принципа производства я связываю весь формационный цикл.

Цикл принципа производства можно представить как классический трехэтапный: зарождение, зрелость, упадок. Это имеет свои удобства. Но более продуктивным является деление на шесть этапов: каждая пара из них показывает дополнительный ритм смены качественных и количественных характеристик.

1. Первый этап, «переходный», связан с появлением нового принципа производства в одном или нескольких местах, еще очень неразвитого и несовершенного. Можно считать, что собственно наиболее важная техническая инновация зарождающегося принципа производства появляется либо на шестом этапе старого принципа производства, либо в тех обществах, которые частично уже

преодолели основное противоречие, но не нащупали генерального направления. Зато в обществах, идущих следом, эти инновации приобретают уже иной характер, то есть новые производства используются уже в другой, чем до этого, среде, системе, направленности, значимости и т. п.

Далее идет упрочение новой производственной системы. Она начинает занимать все более существенное место во всем хозяйстве, но еще не основное. Идет сближение (обмен достижениями) между передовыми областями и районами, в результате чего новое приобретает уже достаточную структурную сложность.

2. Второй этап, «молодости», связан с более широким распространением новых укладов и укреплением нового принципа производства, который теперь уже господствует во многих местах. Молодой принцип производства на первой стадии экстенсивен: возможность его окончательной победы лежит именно в наиболее широком распространении, чтобы выявились разные варианты перехода к зрелым формам. Да и природные ресурсы, которые вводятся им в оборот, в этот период являются еще огромными. Идет обмен достижениями уже в более широком объеме, одни новации вызывают изменения в других. Новое дифференцируется в виде особых специализированных укладов. Среди последних угадываются направления, которые в будущем станут ведущими. Таким образом, из пары первый — второй этапы первый следует считать более качественным, второй — более количественным.

3. Третий этап, «расцвета», связан с новым качественным рывком (со вторым этапом производственной революции). Появляются основные компоненты, с помощью которых новый принцип производства может перейти к зрелости, реализоваться полностью, трансформировать старые отрасли. Такой перелом начинается процесс больших изменений в профессиональном и социальном составе населения и других сферах¹⁰.

4. Четвертый этап, «зрелости», связан с процессом распространения новых технологий на большинство областей или отраслей. Принцип производства приобретает свои классические формы. Зрелость — это период, когда новое качество получает

¹⁰ Поскольку три первых этапа принципа производства совпадают с производственной революцией, то принцип производства можно представить как двухэтапный: незрелый, во время которого происходит производственная революция, и зрелый.

заметный количественный размах, и это связано с появлением невиданного ранее числа всевозможных производственных изменений. С точки зрения первичного рывка, перелома в историческом процессе, эти усовершенствования менее важны, чем качественные изменения предыдущего периода. Но с точки зрения производительности труда и развитости технологии они, безусловно, более весомы, чем достижения этапа расцвета. Поэтому внешне этап зрелости — это эпоха больших, зримых, фантастических по прежним меркам перемен. Следовательно, в паре третий — четвертый этапы третий является более качественным, а четвертый — более количественным.

5. Пятый этап, «высокой зрелости», ведет к интенсификации производства, доведению его потенций почти до предела, за которым уже возникают кризисные явления. За счет преодоления некоторых прежних технических ограничений возникают несистемные для данного принципа производства явления. Появляется огромный, по прежним меркам, прибавочный продукт, и с позиции прежних масштабов дело идет к некоему «обществу изобилия». Из пары пятый — шестой этапы пятый можно условно считать более качественным, а шестой — более количественным.

6. В шестом, «подготовительном», этапе интенсификация усиливается, появляется все больше элементов, которые готовят рождение нового принципа производства. Но они еще не складываются в систему. Тем не менее таких моментов накапливается весьма много, а их влияние растет. В некоторых отношениях (и справедливо) кажется, что наступает иная эпоха. Но в логике исторического процесса это завершение прежней.

Далее в некоторых обществах, близких к генеральной линии, возможен переход к новому принципу производства, и цикл повторяется. Таким образом, с точки зрения генеральной линии исторического процесса *шестой этап принципа производства — последний*¹¹. Но в целом старый принцип производства еще продолжает развиваться. Только развитие это идет по нисходящей линии, поскольку уже появилась или должна появиться восходящая. Развитие по нисходящей не означает ни прямого регресса, ни даже стагнации. Это прогресс, но старого типа, уже менее существенный, менее приемлемый, поскольку появляется прогресс иного рода, обладающий гораздо большими потенциями.

¹¹ Схему шести этапов принципа производства см. на с. 35.

Поскольку ряд обществ проскакивают возможность перейти из шестого этапа старого принципа производства в первый этап нового, но все же двигаются вперед, развитие в них можно представить как продолжение старого принципа производства в нисходящей его части, обозначаемое как 7-й и 8-й его этапы.

7—8. Седьмой и восьмой этапы характерны для обществ, отошедших от генеральной линии, но продолжающих развитие и преодолевших во многом основное противоречие (о котором дальше).

Развитие идет, но в сторону от генеральной линии исторического процесса, тем не менее возможен возврат к ней.

Хотя начинается нисходящая часть формации, однако чисто хронологически седьмой этап в отдельных обществах может наступать раньше, чем первый этап в обществах, которым суждено стать основоположниками начала нового принципа производства. Это совершенно естественно, поскольку для рождения нового в плане наилучшей модели необходима проба, то есть появление достаточно удачных, но ретроспективно непроходных вариантов. А на их основе следующие за ними общества могут родить более интересное.

Таким образом, моменты перехода к седьмому этапу старого принципа производства и до начала первого этапа нового принципа производства генеральная линия исторического процесса как бы приостанавливается или даже временно отходит назад в поисках общества, которому суждено принять историческую эстафету. На первых этапах нового принципа производства параллельно сосуществуют и старый и новый принципы производства.

Скажем еще несколько слов о системной проекции принципа производства, представив ее в следующих моментах, для каждого из которых можно (по горизонтали) выделить наиболее типичные черты¹².

1. Характер отношений с природой и основной предмет труда.
2. Характер техники и технологии.
3. Характеристики работников

¹² Сравнения обществ, уже достигших данного принципа производства, — это горизонтальное измерение. В плане же выяснения причин и хода первоначальных качественных рывков, то есть генеральной линии вертикального измерения, в понятии принципа производства объединены наиболее передовые хозяйственные уклады, которые обречены в дальнейшем победить.

и форм их организации. 4. Тип коммуникаций, информации, энергии, хранилищ. 5. Наиболее типичные способы воспроизводства и развития производительных сил. Особое сочетание этих частей создает варианты принципа производства. Последние могут составлять особые линии развития.

Достаточно условно можно считать, что в охотничье-собираательском принципе производства ведущей является природная составляющая, в аграрно-ремесленном — производственная организация, способствующая постоянному разделению труда, в промышленном — техническая, в научно-информационном — информационная¹³.

1.3. Принцип производства и основное противоречие

Развитие принципа производства станет наиболее ясным, если показать, каким образом оно связано с преодолением основного противоречия. Именно так и сделано в дальнейших параграфах. Поэтому необходимо кое-что сказать о категории «основное противоречие», хотя к ней мы еще вернемся в свое время.

Основное противоречие формации — это категория, которая конструирует несоответствия внутри формации между принципом производства и типом отчуждения благ и личности. Эти несоответствия связаны с невозможностью использовать потенции производительных сил из-за ограничений распределительных и иных отношений. Но это противоречие формулируется в целом для исторического процесса, а не для отдельных обществ и потому имеет весьма абстрактный характер, хотя так или иначе угадывается в любом социальном организме соответствующего уровня развития. В каждом из них оно может иметь большие особенности и по проявлению, и по степени важности для данной системы.

Основное противоречие формируется и институционализируется на этапе зрелости и развивается на дальнейших этапах. Сначала оно еще не кризисно. И на первых порах более всего в нем ощутим, условно говоря, его технический аспект, то есть его особенности связаны в первую очередь с ограничениями самих производительных

¹³ Но далее, возможно, она сменится на составляющую управления природно-производственными процессами.

сил¹⁴. Иными словами, производство еще не в состоянии обеспечить слишком большой прибавочный продукт либо нет условий для более выгодного его использования (хранения, обмена, передачи на дальние расстояния и т. п.). Определенная скудость (отсутствие изобилия) является главной проблемой, и под нее подстраиваются распределение и иные общественные институты, в том числе мораль, право и прочее.

Однако по мере того как новации ширятся, по мере все более полной реализации потенций принципа производства (то есть на этапах высокой зрелости и подготовительном) это техническое противоречие в значительной мере снимается, и общество получает в руки техническую возможность и производить гораздо больше, и более выгодно использовать произведенное. Однако тут уже прочно утвердившиеся отношения и представления являются препятствием для более прогрессивного использования производственных ресурсов и потенций¹⁵. Теперь проблема в большем изобилии, чем система была рассчитана.

Таким образом, при существенном устранении технических ограничений основное противоречие как бы отодвигается и модифицируется. Но, разрешаясь в каких-то частностях, оно в целом создает еще большее несоответствие между производством и общественными отношениями. Теперь на первый план выходит общественная сторона основного противоречия.

1.4. Относительно большая фундаментальность принципа производства

Теперь кстати будет остановиться на очень важном методологическом моменте об относительно большей фундаментальности принципа производства. Этот принцип позволяет лучше понять, почему начало новой формации правильнее связывать с началом нового принципа производства и

¹⁴ В этой главе я нередко использую определение «технический» не в узком, а в широком смысле слова, как синоним определений «производственный», «хозяйственный», «технологический». Делается это для улучшения стиля, так как слово «производственный» и его синонимы и без того употребляются очень часто. Поэтому использование в указанном смысле слова «технический» не противоречит тому, что говорилось о разной роли техники на протяжении исторического процесса.

¹⁵ Когда Маркс говорил о законе, ведущем к абсолютному обнищанию рабочих, он просто проецировал еще незрелое основное противоречие капитализма на будущее, однако рост производительности труда и прочее существенно изменили ситуацию. То же можно сказать и о знаменитом законе убывающего плодородия.

соответственно с началом производственной революции. А вместе с обратным ему принципом инвариантности объясняет, почему хотя и с запозданием и с разной скоростью, но неизбежно происходят аналогичные по глубине и системности перемены и в остальных сферах, описываемых формационными категориями; почему указанным уровням развития мировых производительных сил строго соответствуют уровни развития остальных сфер в историческом процессе.

Иммануил Валлерстайн справедливо замечал, что споры о фундаментальных вещах всегда трудны¹⁶, поэтому данное положение требует дополнительных обоснований и пояснений.

Развитие любого социума как системы по сравнению с обобщенным формационным всегда односторонне, поскольку все части общества не могут быть одинаково развиты, слабость и недоразвитость одних компонентов компенсируется силой и продвинутостью других. Роль большинства обществ в плане рождения чего-то действительно нового и важного обычно пассивна или случайна. И только меньшая часть из них является первопроходцами. Но и то лишь в отдельных направлениях, а не сразу во всех. Чем в большем числе областей удастся добиться таких достижений, тем реже подобные случаи и короче блестящие исторические периоды.

Иногда такое продвинутое общество, оставаясь еще в своей формации, в каких-то моментах перерастает ее. Так, эллинистическая культура и наука, равно как и позднеримское (византийское) право, можно считать, превзошли уровень второй формации. Но зато античные общества отставали в развитии религии¹⁷, погрязли в рабовладении (внеэкономический тип отчуждения — характернейший признак второй формации), не консолидировались в достаточно крепкий этнос.

Другой пример. Средневековый Китай в отдельные периоды представлял удивительно мощное и совершенное по тем временам государство, которое цементировало этнос, а его идеология могла заменить религию. Это уже черты третьей формации. Зато частная собственность была развита слабо.

Разумеется, такие прорывы могут быть только на высших стадиях формации, близких к ее завершению, либо в обществах-

¹⁶ Wallerstein, I. World-Systems Analysis / Social Theory Today. Cambridge, England,

¹⁷ Во всяком случае, христианство не спасло Римскую империю от крушения.

переростках, которые по общему уровню уже превзошли пределы старой формации, но ретроспективно оказываются на тупиковом направлении¹⁸.

Конкретных причин подобных продвижений в отдельных узких областях в следующую формацию немало. Среди наиболее общих — большой, чем обычно, избыток благ, удачно принятая эстафета или плодотворный синтез достижений других, образование внутри своей пространственно-временной группировки особой политико-культурной общности, способной к взаимообогащению, и т. п. Но в целом эти явления говорят, что идет подготовка к переходу в новую формацию путем развития определенных аспектов жизни и даже создания новых моделей. Часть достижений заимствуется или приспосабливается к своим нуждам все новыми обществами, одни вещи цепляют и тянут другие — словом, накапливается количество перемен, которые должны перейти в новое качество. Без всего этого рывка в следующую формацию не бывает и быть не может.

Но той завершающей части, которая наконец-то начнет (только начнет еще) собирать все это в систему, преобразовывать и растить, не может быть без рождения нового принципа производства. Дело в том, что прорыв ни в одной другой сфере, кроме принципа производства, не будет тем импульсом, который обеспечит переход к новой формации, то есть вовлечет в себя основные регионы, потянет за собой раньше или позже и остальные области жизни, перестроит их коренным образом.

Стоит порассуждать об этом. Возьмем тип общественного сознания. Ряд форм общественного сознания, например религия, может широко распространяться и заимствоваться. Рассмотрим наиболее яркий случай, когда переход к новой религии совпал с изменениями глобального по качеству и масштабу характера, — Реформацию в Европе. Не повторяясь о споре, открытом знаменитой работой М. Вебера о причинах капитализма¹⁹, обращу внимание на следующее.

Во-первых, в плане развития религии этот перелом, думается, был менее важным, чем переход к христианству. Однако результаты

¹⁸ Такие общества, как было сказано, находятся в 7—8-м этапах нисходящей фазы принципа производства.

¹⁹ О роли эпохи Реформации, как и Возрождения, мы подробно говорили (см. настоящую работу // Философия и общество. — 1998. — № 4).

по значимости (в аспекте перехода мира к новой фазе) почемуто оказались обратно пропорциональными: более важный духовный рубеж не привел к революционным изменениям в экономике, а менее важный — вызвал их. В плане теории исторического процесса это, конечно, несерьезно и нелогично. Во-вторых, реформированная религия распространилась в меньшинстве стран, а капитализм — не только на весь христианский, но и нехристианский мир. Выходит, что для перехода к капитализму перенимания религии не требовалось, а вот заимствование техники и технологии было нужно обязательно.

В целом религия (как и духовная культура) не может радикально изменить уровень производства, а при переносе в общества более низкого уровня просто редуцируется и варваризируется. А вот заимствование более высоких производительных сил обычно ведет и к общему подъему культуры. Совершенно очевидно, что вместе с новой формацией меняется и тип общественного сознания. Но по времени значительно позже, чем принцип производства, который опосредованно дает этому толчок²⁰.

Возьмем тип политической организации обществ. Иногда законы или институты, в том числе политические, если они уже получили широкое распространение и как бы «положительную оценку», заимствуются. Однако без необходимого базиса они не приживаются (история различных демократий и реформ здесь исключительно характерна)²¹. Таким образом, смена типа политической организации невозможна без изменений в принципе производства.

Несколько иная ситуация с типом отчуждения. Выгодная торговля или возможность эксплуатировать других, богатство почвы или недр, монополия на что-то и т. п. могут вести к изобилию, что взламывает старые пропорции и способно иногда существенно и качественно трансформировать общество. Но при всей важности таких рывков данная ситуация малопригодна к заимствованию, поскольку держится именно на исключительности. А при ухудшении положения в производстве более высокие распределительные

²⁰ Мы уже рассматривали эту связь в шестой главе (см.: *Философия и общество*. — 1998. — № 3).

²¹ Переход к государству имел революционное значение для ряда варварских обществ, но любое государство базировалось на уже совершившемся переходе к производящему хозяйству.

отношения сменяются менее развитыми.

Значит, даже преодоление старых ограничений в целом, но только в одном обществе и в виде исключения, которое не может превратиться в правило, не способно стать исходным пунктом смены формации. В формационном же масштабе тип отчуждения не может измениться без достаточного объема прибавочного продукта. А последнее опять же в формационном масштабе может обеспечить только смена принципа производства²².

Итак, хотя объектом копирования становятся разные институты, но в общем случае технологию и технику заимствовать гораздо легче (тем более предметы потребления или орудия производства, получаемые при торговле). Кроме того, очень часто кажется, что это не потребует никаких радикальных изменений в устоях. А уже когда общество втянулось в новшества, возникает необходимость и дальнейшей модернизации.

Таким образом, роль каждой области жизни очень велика, и в конечном счете переход к новой формации не может завершиться без перелома во всех них. Но, повторяюсь, и фактически, и методологически более правильно считать именно принцип производства той частью, которая дает первотолчок. В отдельных случаях как будто именно изменения в других аспектах жизни начинают отсчет той или иной формации (как в примере с протестантизмом), но для всего исторического процесса вполне очевидно, что новая формация начинается именно с принципа производства.

Вновь повторяюсь, что, когда смена формации стала уже достаточно наглядным фактом, а разница между старым и новым во всех областях заметна, что называется, невооруженным глазом, можно начинать отсчет новой формации и с более поздних, более зрелых ее этапов. Но тогда, во-первых, надо такой прием проводить последовательно, а во-вторых и в главных, понять генезис и движущие силы нового, пропорции между незрелыми и зрелыми этапами, причины коренных перемен в разных областях жизни и многое другое будет существенно сложнее.

Итак, прежде чем появится самый первый вариант нового принципа производства, должно накопиться очень много разных

²² Аналогично обстоит дело с типом социальной организации обществ. Социальная структура может меняться так или иначе, но основные характеристики не могут смениться без радикальных перемен в демографических характеристиках и объеме благ.

новшеств во всех областях. Но только с его рождением возникает возможность, что многие из них сложатся в новую систему, причем ряд этих достижений начинает играть роль только далеко впоследствии.

Это не значит, что именно общество, где новый принцип производства родился, и станет сразу обладателем всех преимуществ. Увы! Эти преимущества становятся видны далеко не сразу и уж во всяком случае далеко не полностью. У них иные достоинства. Если новый принцип производства на первых порах и не дает столь быстрого эффекта, как удачная война, растущая, как на дрожжах, выгодная торговля и т. п., зато способен широко распространиться и заимствоваться.

Однако не сразу, не вдруг и не просто. Дело в том, что он еще однобок, а потому неустойчив, может быть отброшен, регрессировать. Но он уже начал жить и так или иначе вовлекать в свою орбиту новые области. Постепенно идет обмен достижениями между разными однобокими вариантами нового принципа производства, и вот тогда он становится более способным к распространению и заимствованию.

Другое важнейшее преимущество нового принципа производства — создание условий для увеличения населения. Такой рост ведет к давлению на иные сферы жизни, которые начинают трансформироваться, хотя и с меньшей скоростью, чем принцип производства. Очевидно, чтобы система изменилась, нужно изменить ее пропорции. Большой рост населения, а также его концентрация в определенных местах — очень эффективное средство для этого. Кроме всего, новый принцип производства обычно вовлекает в свою систему гораздо большее количество людей и специалистов, чем иные сферы (управление, культура), поэтому и распространение его идет гораздо быстрее.

Таким образом, с появлением нового принципа производства начинаются кумулятивные изменения в социумах и, что важнее всего, район таких изменений постоянно увеличивается. Рост населения, новые технологии, обмен достижениями и т. п. ведут к появлению гораздо большего объема благ, чем ранее. А это, как сказано, способно взломать пропорции и привести к изменению в общественной системе.

На втором этапе новый принцип производства приобретает намного более широкую базу, а его преимущества становятся

гораздо очевиднее. Возникает стремление закрепить их в экспансии²³. Но на этой стадии обычно превосходства еще не хватает, чтобы взломать иные общества (а только втянуть их в орбиту своего существования).

Среди обществ, достигших второго этапа принципа производства, одни совершают прорыв в одних сферах, другие — в других. И перед новым качественным рывком в известной мере ситуация повторяется, то есть опять создается масса достижений, которые окажутся необходимыми в будущем и многие из которых органично войдут в структуру зрелого принципа производства. Но сейчас эти достижения не могут продвинуть мир на новую ступеньку, поскольку еще не могут сложиться в систему. И только когда в наиболее близком к генеральной линии обществе появляется недостающее звено, тогда совершается прорыв во второй этап производственной революции и открываются новые, невиданные горизонты развития. Затем через какое-то время начинаются изменения в других сферах и других обществах.

Большая фундаментальность принципа производства становится более наглядна. Скажем, ирригационное хозяйство Египта легче связывается с его цивилизацией, а индустриализация Великобритании — с переменами в политической или социальной сферах.

§ 2. Производственная революция

2.1. Понятие и этапы производственной революции

Категория «производственная революция» (или ее аналоги) появилась в отечественной и зарубежной науке довольно давно, хотя встречается не так часто, как следовало бы. Интерес к таким рубежам усилился в 40—50-е гг. XX в. вместе с исследованием неолитической революции (Г. Чайлд и др.) и осознанием того, что мир вступил в НТР.

Несмотря на сказанное, эта категория носит все еще как бы полунаучный статус и отсутствует в справочных изданиях. А содержание ее определяется полуинтуитивно. Нет также ее анализа в связи с остальными философско-социологическими категориями. Аналогично и идея связывать с производственными революциями

²³ Тут уже вовлекаются и иные, помимо чисто технологических, силы, но поддерживается это именно техническим в самом широком смысле (нередко переведенным на доступный военный или денежный язык) превосходством.

крупные этапы исторического процесса не представлена достаточно развернутой и обоснованной теорией, часто напоминает простую декларацию или запутывается попытками механически совместить ее с цивилизационными подходами.

О каждой из трех производственных революций написано много. Но на уровне теории исторического процесса исследований этих революций как повторяющегося явления, каждое из которых знаменует важнейший рубеж в истории человечества, мало, и к тому же они поверхностны. Нет ответов на очень важные вопросы: какова длительность революций в отношении формаций вообще и каждой из них в частности? Каковы общие черты (об отличиях речь идет чаще) и природа таких революций? Как соотносится такая революция в общечеловеческом масштабе и в локальных вариантах? Какие этапы она проходит? И т. д.

Я уверен, что обосновать теорию производственной революции возможно только в увязке со всей теорией исторического процесса, как и в том, что пока не будет ясности в понимании природы и сущности производственных революций, не будет и приемлемой периодизации истории. Последнее тем более важно, что указанные рубежи человеческой истории не оспариваются, подтверждаются многочисленными фактами и являются достаточно наглядными.

Производственную революцию можно определить как коренной переворот в мировых производительных силах, который начинается в одном или немногих местах, а затем приводит к смене принципа производства и — как результат — к смене формации.

Эта революция представляет собой длительный по времени процесс, постепенно распространяющийся на все большее количество обществ и территорий. Каждая революция — результат долгого накопления количественных и качественных изменений, крупный перерыв постепенности. Каждая ведет к нарастающему усложнению общественного разделения труда и интеграции человечества. Напомню, что речь идет:

1. **об аграрной**, или сельскохозяйственной, революции (которую по привычке часто называют неолитической). Ее результат — переход к систематическому производству пищи и на этой базе к сложному общественному разделению труда;

2. **промышленной**, или индустриальной (или машинной), в результате которой основное производство сосредоточилось в

промышленности и стало осуществляться при помощи машин и механизмов;

3. **Научно-информационной** (обычно говорят о научно-технической революции), в результате которой появились мощная информационная техника и технология, стали использоваться новые материалы и виды энергии, распространилась автоматизация. Но основные результаты этой революции еще впереди.

Очевидно, что каждая из них уникальна и имеет совершенно неповторимые черты. Но в то же время во всех есть и много принципиальных сходств, которые позволяют создать модель производственной революции как явления. Эти свойства прежде всего связаны с тем, что *производственные революции являются составной частью принципов производства, точнее сказать, их начальными этапами от рождения до обретения ими своих специфических черт.*

Следовательно, именно совершение производственной революции ведет к тем переменам, которые были описаны в предыдущем параграфе, при смене принципов производства. Вернее, производственная революция кладет начало этим процессам. Однако наиболее массовые и широкие изменения, затрагивающие всех и все, происходят уже после нее, когда качественный сдвиг приобретает количественный размах, когда на базе первичных (и теоретически наиболее выдающихся) качественных перемен накапливаются вторичные, третичные и т. п., которые меняют и весь спектр качества. Меняют образ жизни и представления о нем.

Производственная революция имеет и свой собственный цикл. Вот на нем необходимо остановиться подробнее, поскольку это имеет концептуальное значение. Указанный цикл состоит из **трех** главных этапов (они совпадают с тремя первыми этапами принципа производства). Каждый этап производственной революции — очень крупный рывок. Эти три этапа можно интерпретировать по-разному. Мне важно подчеркнуть, что среди них можно выделить два качественных этапа и разделяющий их один количественный.

Тут следует оговориться, что нет чисто количественного и чисто качественного развития, а всегда налицо совокупность и того и другого. Но пропорции качественного и количественного в них очень различны. Исходя из этих пропорций, можно говорить о смене первого качественного этапа количественным, во время которого новое качество получает необходимую ему количественную базу, а

затем вновь наступает качественный этап.

От революции к революции понятия качественного и количественного становятся все относительнее. Так, после промышленной революции количественный рост органически сочетался с качественным. А сейчас или в недалеком будущем речь должна идти, если можно так выразиться, о количестве качества, то есть о том, насколько быстрее и радикальнее одни качественные изменения по сравнению с другими²⁴.

Мне все же хотелось особо оттенить идею о двух качественных рывках в одной революции, с каждым из которых можно связывать и качественные перевороты в других сферах жизни. Для этого удобнее, на мой взгляд, представлять количественный этап как своего рода перерыв после первого качественного этапа, связанный с количественным распространением нового в таком объеме, который необходим для подготовки второго качественного рывка. В настоящем исследовании я и буду говорить о перерыве между двумя качественными этапами. Длина перерыва вообще зависит от темпа исторического развития. Чем ближе к современности, тем он короче. Поэтому сегодня перерыв между первым и вторым этапами научно-информационной революции может быть не слишком большим либо окажется «смазанным» и не столь ясным.

Первый этап как бы переводит часть человечества в новый принцип производства. Формируются его очаги, укрепляются те секторы, в которых сосредоточено принципиально новое. Но старые общественные отношения еще долго сопротивляются этому и трансформируются лишь частично. Во время перерыва новое качество получает количественное развитие, распространяется на новые общества и территории. Возникают новые очаги, происходит обмен достижениями в самой разной форме. Идет приспособление производственных достижений, сделанных в одном месте, к иным условиям. Например создание местных сортов растений и пород животных. Накапливаются изменения, которые становятся все системнее. В этот период происходит мощная трансформация старых отношений, устраняются те из них, которые наиболее мешают прогрессу.

Но уже на первом этапе производственной революции и в

²⁴ Поэтому при столь высоких темпах перемен современной революции можно говорить о трех качественных этапах, из которых средний все же имеет меньшее (в теории) по революционности значение.

перерыве между этапами намечаются разные варианты и уклады нового производства. При этом некоторые выглядят как прообраз второго этапа революции. Так, в начале аграрной революции появлялись среди других и примитивные поливные хозяйства, а в начале Нового времени имелись секторы с достаточно высокой механизацией, например в горном деле. Но второй этап производственной революции прямо не вытекает из таких типов хозяйств. Он может начаться, только когда сложится весь спектр вариантов нового принципа производства, когда они взаимообогалятся, и эти достижения превратятся в определенную систему, способную при благоприятных обстоятельствах начать новый рывок.

Таким образом, из ряда моделей побеждают немногие, в которых как бы аккумулируются достижения остальных.

Там, где создались не только производственные, но и общественно-политические условия и сформировался наиболее перспективный вариант производства, совершается переход ко второму этапу производственной революции, что знаменует расцвет нового принципа производства. По мере дальнейшего развития открываются, так сказать, «смысл» принципа производства и формации в целом, его возможности и пределы.

Схема двух качественных этапов производственных революций выглядит так.

Аграрная:

первый этап — переход к примитивному ручному (мотыжному) земледелию;

второй — к ирригационному или неполивному плужному.

Промышленная:

первый этап — переход к примитивной промышленности в виде мануфактур разных типов, создание различного рода машин и очень широкая специализация районов; усовершенствование морского транспорта и невиданное расширение торговли;

второй — промышленный переворот, связанный с внедрением паровых машин.

Научно-информационная:

первый этап связан с созданием электронных средств управления, связи и информации, интеллектуальная продукция занимает все большее место в объеме произведенного;

второй — впереди (о нем речь далее). Он может иметь

«биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управление природой). И весьма возможно (судя по сегодняшним новинкам), начнется он с изменения биологической природы самого человека.

Обязательно отмечу, что, поскольку производственная революция — явление мирового масштаба, ее схема может не совпадать с локальными вариантами такого рода переворотов в производительных силах ни по числу этапов, ни по их производственной направленности (технологии). Например, далеко не все общества начинали переход к земледелию с зерновых, многие с огородных или клубневых растений. В ряде случаев переход к интенсивному земледелию происходил путем селекции или за счет особых агрономических приемов при примитивной технике (а не с помощью ирригации или пашенного земледелия). В некоторых странах на ирригацию перешли не в этапе расцвета аграрно-ремесленного принципа производства, а значительно позже (как в Китае). Первый этап промышленной революции в некоторых европейских странах также породил ряд тупиковых вариантов (как колониальный вариант Испании). В США промышленный переворот совершался на водной энергии. И т. д.

В формационной схеме производственной революции учитываются по генеральной линии наиболее перспективные модели. Но по горизонтали она может быть рассмотрена как сумма разных локальных вариантов, имеющих принципиальное сходство в своих результатах. В дальнейших параграфах будет сказано о таких боковых формах.

2.2. Производственные революции и периодизация исторического процесса

Признание двух этапов и перерыва между ними позволяет убрать целый ряд теоретических трудностей как в объяснении движущих сил исторического процесса, так и его периодизации. Дело в том, что в связи с неразработанностью теории производственной революции и нестыковкой ее с теорией исторического процесса в целом при попытках использовать эти революции в качестве основания периодизации и объяснения важнейших изменений в ходе исторического процесса возникают серьезные несоответствия. Их будет удобно систематизировать в проблемных вопросах, которые мог бы задать оппонент периодизации на основе качественных ступеней развития

производительных сил, разделяемых производственными революциями. А затем я отвечаю на них.

1. Если каждая формация должна иметь одну собственную производственную базу, тогда почему первая (первобытная) формация базируется на двух типах экономики: присваивающем и производящем? И почему охотничье-собираческое и раннеземледельческое общества столь похожи, если их разделяет производственная революция?

2. А если первая формация заканчивается с началом аграрной революции, то почему переход к сельскому хозяйству, с одной стороны, и возникновение государственности и переход к цивилизации — с другой так разнятся во времени? Вероятно, между этими процессами нет причинной связи²⁵. А раз так, значит, аграрную производственную революцию совершенно верно относить к первобытности, а начало второй формации связать с переходом к государственности и цивилизациям.

3. Если же все-таки производственная революция должна предшествовать смене формации, тогда почему капиталистические отношения и вся система капитализма возникают до промышленной революции?

4. Аналогично вопросу 2, почему не произошла смена капиталистической формации, которая все еще продолжается (ведь и сегодня основные отношения все те же, что и раньше), несмотря на все углубляющуюся научно-техническую (информационную) производственную революцию?

Действительно, если ограничиться только поверхностными представлениями о производственных революциях, например ассоциировать аграрную только с переходом к **примитивному** сельскому хозяйству в мезолите-неолите, считать промышленную революцию и промышленный переворот второй половины XVIII столетия синонимами, проблемы становятся неразрешимыми.

Однако практически все они снимаются и все становится на свои места, если принять идею совершения производственных революций в два этапа с переворотом²⁶.

²⁵ «Особо губительным для марксистской философии является то обстоятельство, что важнейшие отличительные черты надстройки (государство и письменность) не соотносятся... с началом организованного производства продуктов питания» (Геллнер, Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 240).

²⁶ И некоторых с ними связанных идей, высказанных ранее, в частности переходе основного противоречия в остаточное, которое преодолевается в первых этапах новой

1. Верхнюю границу первой формации надо связывать с переходом в некоторых местах к сельскому хозяйству, а не с появлением первых государств. Тогда первая формация (как и все остальные) имеет свою единственную производственную базу, свой собственный принцип производства, основанный на присваивающих видах хозяйства. Нет ничего удивительного в том, что охотничье-собирательское и раннеземледельческое общества во многом похожи, раз изменения в других сферах идут с запозданием по сравнению с переменами в производительных силах. Поэтому на ранних этапах принципа производства во многих областях жизни между старым и новым очень много сходства.

2. Переход к примитивному земледелию не мог привести к возникновению государственности и развитой культуры, поскольку он являлся лишь первым этапом сельскохозяйственной революции.

Однако неправомерно представлять, что аграрная революция закончилась задолго до появления государств²⁷. Нет, закончился лишь ее первый этап. И если считать переход к ирригационному земледелию вторым этапом аграрной революции, с которым начинаются расцвет и позже зрелость формации, то формирование государства и цивилизации легко соотносится с этим производственным рубежом. Все вполне объяснимо: на основе невиданного ранее изобилия, созданного вторым этапом аграрной революции, идут демографические, политические и культурные процессы. Хотя они очень разные в разных местах, но принципиально и функционально похожи. Для этого случая вполне справедливыми будут слова Чарльза Рида: «...Одно необходимо помнить, что в эволюции, биологической или культурной, одна вещь случается [только] после другой»²⁸.

3. В свою очередь, капитализм не опережает промышленную революцию. Ведь под ней имеется в виду только промышленный переворот, то есть второй ее этап. А первый этап промышленной революции начался в XV—XVI вв., и с ним сформировались некоторые черты раннего капитализма, хотя феодальные отношения в обществе еще преобладали.

4. С началом НТР надо говорить о конце промышленного

формации.

²⁷ В этом смысле название «неолитическая» начинает вводить в заблуждение, будто аграрная революция окончилась много раньше, чем на самом деле.

²⁸ The Origins of Agriculture / ed. Ch. A. Reed. — The Hague — Paris, 1977. — P. 885.

принципа производства и третьей формации в целом (а значит, и капитализма как ее варианта) и переходе к научно-информационному принципу производства, а следовательно, и к четвертой формации, которая еще будет разворачиваться ряд десятилетий. Уже сегодня во многих отношениях характеристики третьей формации кардинально изменились, но, поскольку четвертая еще не обрела своих специфических черт, остается и много общего с прошлым. Все эти моменты более основательно рассматриваются в последующих параграфах.

Таким образом, представление о производственных революциях как временных и системных процессах, имеющих собственный ритм (два качественных этапа и перерыв между ними, которые совпадают с тремя первыми этапами принципа производства), представляется весьма удачным, продуктивным и подтверждающимся основными фактами.

Но не следует упускать из виду следующий нюанс. Такова структура производственной революции, если она рассматривается как составная часть исторического процесса. Но если анализировать ее как изолированное явление, то, естественно, границы ее расширятся. Ведь нужно будет учесть, во-первых, «предреволюционный» этап. Он занимает часть последнего, шестого, подготовительного этапа старого принципа производства, во время которого накапливаются несистемные изменения. Во-вторых, «послереволюционный», который занимает часть четвертого (зрелости) этапа принципа производства. Образно говоря, в это время революция затухает, а новые отношения широко распространяются.

В этом случае в цикл производственной революции включаются как бы два дополнительных этапа, и вся схема выглядит так:

предреволюционный (подготовительный) — **первый качественный этап** — **перерыв (количественный этап)** — **второй качественный этап** — послереволюционный (второй количественный этап).

Более наглядно временная структура производственной революции и принципа производства видна на следующей схеме.

Этапы производственной революции и принципа производства

Условные обозначения

- /// Временной объем производственной революции
 — Границы между принципами производства

2.3. Характеристики производственных революций **Аграрная**

революция начинается включением земледелия и скотоводства в постоянный производственный процесс. Постепенно были одомашнены многие растения и животные. Первый этап сменяется распространением новых промыслов, обменом достижениями между сельскохозяйственными районами и в целом расширением набора культур и животных. Второй этап аграрной революции связан с переходом к ирригации и созданием устойчивой и достаточно крупной системы ирригационного земледелия. Следовательно, земля и вода становятся главными предметами труда²⁹. Но поскольку, в большинстве неполивных районов, в отличие от поливных, вручную много земли не обработать, во многих местах этот план был связан с использованием тягловых животных и плуга, а для последнего часто требовались еще и металлы.

«Смысл» аграрной революции наиболее наглядно виден в переходе на производство пищи. Однако он более широк, поскольку эта революция связана с использованием новых источников энергии (силы животных) и материалов; открывает процесс постоянного разделения труда³⁰.

Вторая — **промышленная** — революция начинается в XV—XVI вв. Ее первый этап связан с мощным развитием техники и морского транспорта, широким распространением водяного двигателя и мануфактуры, усложнением разделения труда, развитием кредита, денежного обращения, интенсивных видов сельского хозяйства, расширением торговли до мирового масштаба. Затем наступает перерыв, количественное распространение новшеств. А уже в XVIII в. начинается второй этап — промышленный переворот, который привел к переходу на энергию пара, распространению паровых машин, в том числе и на транспорте.

«Смысл» этой революции наглядно виден в замене ручного труда машинным, а биологической энергии — водной и паровой. Но если брать шире, то это **революция трудосбережения** (не только в физическом труде, но и в учете, контроле, управлении, обмене, кредите, передаче информации), и этот процесс идет постоянно и после нее.

²⁹ Проблемы истории докапиталистических обществ. — М. 1968. — С. 275.

³⁰ При этом такое разделение труда захватывает не только само производство (и обмен), но и все общество, можно сказать, что идет как производственное, так и социальное разделение труда, поэтому социальная структура очень часто вытекает именно из такого разделения. Отсюда часто трудно провести грань между собственно производственным и социальным аспектами.

Наконец, третья революция началась в 40—50-е гг. XX в. и продолжается по сию пору³¹. Она получила название научно-технической, хотя точнее ее было бы назвать научно-информационной, так как наметился переход к научным методам управления производством и обращением, а в сфере создания информации и интеллектуальной продукции произошли наибольшие изменения. При этом сбор, обработка, создание, распространение, прием и расшифровка (толкование) информации становятся все более важной частью производства. Весьма возможно, что нынешнее время — это как раз перерыв между двумя этапами современной революции, связанный с широчайшим распространением новых техники, технологии, образа жизни.

Тут кстати отметить, что НТР имела ряд направлений: в энергетике, области создания искусственных материалов, информатике, науке, медицине, сельскохозяйственной сфере (в селекции и прочем), автоматизации и т. д.

Главные изменения, по-видимому, еще впереди. Многие ученые вполне аргументированно предполагают еще один этап этой революции, связанный с глобальным информационным (и научным) проникновением во все сферы деятельности, изменением отношения к природе и возникновением мощных природовосстановительных и природоохранных секторов хозяйства. И этот второй этап может начаться в ближайшие десятилетия (если будут достаточно благоприятные условия в политическом и социальном климате основных регионов мира).

Как сказано выше, сегодняшняя направленность науки дает основания говорить, что первичный прорыв может состояться в области планируемого воздействия на человеческий организм³². Но в целом очень вероятно, что эта революция станет революцией

«управляемых систем», иными словами, широким развитием способности планируемо влиять и в целом управлять самыми разными природными и производственными процессами.

Очевидно, что всем трем производственным революциям присущи общие черты. Однако они присутствуют и проявляются в каждой из них в разной степени. Это вполне понятно, поскольку в

³¹ Хронология ее, естественно, затруднена, поскольку она может быть установлена лишь после ее завершения, ретроспективно.

³² Нельзя сказать, что это вызывает только восторг, но, во всяком случае, такая тенденция есть, а отношение к ней — вопрос иного плана.

связи с ускорением исторического развития, сближением обществ и прочими явлениями те или иные качества приобретают разную степень значимости в разных периодах исторического процесса. Да и как могут одинаково проявляться противоположные качества, (скажем, наличие локальных и параллельных вариантов производственных революций, с одной стороны, и обязательность обмена достижениями между разными регионами, идущими к новому, — с другой)? Ясно, что чем плотнее контакты, тем меньше самостоятельных вариантов и наоборот.

Таким образом, одни качества более присущи аграрной революции, другие — научно-информационной; промышленная революция, как средняя, в чем-то соединяет в себе черты и той и другой, причем первый ее этап может более тяготеть к ранней, а второй — к поздней по времени революции.

В заключение параграфа кстати будет заметить, что совершенно неприемлема подмена понятия «производственная революция» другими, более узкими по содержанию, например «техническая революция»³³. Ведь в аграрной революции главный момент отнюдь не технического свойства. И напротив, такой глобальный технический сдвиг, как переход к обработке металлов (даже железа), во многих обществах не вел к переменам в производстве, сравнимым с переходом к земледелию.

Производственная революция обязательно связана с технической, но это не синонимы. Последняя — составная часть первой. Ведь любая производственная революция включает в себя технические перевороты, равно как революции в энергетике, транспорте, передаче информации, с Нового времени — и в науке.

Но в каждой производственной революции и даже каждом ее этапе роль тех или иных составных процессов меняется по значимости³⁴. Первый этап аграрной революции был мало связан с техническими изменениями, и во многих местах обходились простой палкой-копалкой. Гораздо большие перемены были в обработке камня, домашних промыслах и зарождающихся ремеслах. Но это не

³³ Фактически так делал, например, В. П. Илюшечкин, который стремился разработать концепцию этапов развития производительных сил, но ошибочно полагал, что это можно сделать на базе этапов развития прежде всего техники (см.: Илюшечкин, В. П. Сословноклассовое общество в истории Китая. — М., 1986. — С. 59—60; Он же. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. — М., 1990. — С. 43—44).

³⁴ Сравните, например, роль научной революции конца XIX — начала XX века и современной в плане влияния на принцип производства.

играло еще решающей роли. И даже второй этап аграрной революции в его ирригационном варианте все еще мало зависел от техники. Зато другой вариант второго этапа аграрной революции не мог быть завершен без начавшейся технической революции в металлургии. Но все еще роль техники была не решающая.

Значение технических изменений заметно возросло уже на первом этапе промышленной революции (хотя бы в усовершенствовании парусных судов). А со второго ее этапа роль техники стала решающей. В современной революции она также очень важна, но, мне кажется, первенство уже перешло к иному: переменам в информатике, новым материалам, видам энергии и своего рода научной технике (инженерии), особенно в биологии.

§ 3. Охотничье-собираТЕЛЬский (присваивающий) принцип производства

3.1. Проблема предЫстории

На протяжении исторического процесса значимость разных движущих сил менялась. Но все они являлись силами социального плана. Даже когда речь идет о влиянии природы, характер приспособления к ней был именно социальный, а не биологический. А вот период антропогенеза имел совсем иную комбинацию движущих сил, где сначала преобладают, а потом остаются исключительно важными именно биологические движущие силы, хотя роль социальных все время возрастает. Но даже еще и в длительные тысячелетия после появления *Homo sapiens* роль биологических сил была очень велика³⁵. Поэтому я считаю правильной точку зрения ряда ученых, которые предлагают рассматривать период антропогенеза как предЫсторию³⁶. Теория антропогенеза должна разрабатываться особо, и комбинация биологических и социальных факторов будет там центральной проблемой, поскольку «нарождающееся социальное еще не могло оторваться от цепко держащего его в своих руках биологического»³⁷.

При таком подходе теория исторического процесса становится более цельной. И в то же время она может активно использовать

³⁵ Хотя бы потому, что еще весь верхний палеолит и даже несколько позже продолжался раскогез (см.: Алексеев, В. П. Этногенез. — М., 1986. — С. 130—134).

³⁶ Изложение этих взглядов, аргументацию за и против см.: Борисковский, П. И. Древнейшее прошлое человечества. М., 1980. — С. 171—173; Румянцев, А. М. Первобытный способ производства (политико-экономические очерки). — М., 1987. — С. 19.

³⁷ Алексеев, В. П. Становление человечества. — М., 1984. — С. 165.

теорию антропогенеза. Таким образом, отсчет собственно исторического процесса надо начинать с 30—40 тыс. лет назад, когда, по общепринятому мнению, появился человек разумный³⁸. А нижний палеолит продуктивнее считать пред(до) историей.

Уже те виды обезьян, которые дали начало гоминидам, вероятно, использовали орудия труда (особенно деревянные) и употребляли животную пищу. Орудия труда сопровождают человека с самых первых шагов его выделения из животного мира. Находки Лики в Африке показывают, что история каменных орудий насчитывает 2—2,5 миллиона лет. Но, не беря во внимание те факторы биологической эволюции, которые двигали вперед процесс антропогенеза, думается, что главными достижениями были переход к организованной охоте, то есть создание или трансформация (если в определенном виде она существовала еще у обезьяньих предков) организации по добыванию пищи, а также овладение мощным энергетическим источником — огнем — и переход на приготовление пищи.

И количество видов орудий труда, и техника их обработки, и число используемых природных материалов, и объемы заселяемой территории — все это хотя и крайне медленно, но росло. Неандертальцы (в целом как биосоциальный вид), по некоторым подсчетам, производили до 60 видов различных орудий из камня, кости (в том числе рубила, скребки, шила и т. п.). Судя по находкам костей животных, поселения неандертальцев были ближе к оседлому, чем бродячему типу. По самым приблизительным подсчетам, широко расселившиеся по земле неандертальцы насчитывали уже сотни тысяч особей. Однако в указанный выше срок они были то ли вытеснены, то ли истреблены кроманьонцами, то ли смешались и растворились среди них³⁹.

3.2. Сложности теоретической модели охотничье-собираательского принципа производства и возможные их решения

Прежде чем перейти к изложению теории, выскажу несколько

³⁸ Правда, время от времени появляются сообщения о том, что какие-либо находки удлинили время его появления от 50 до 90 тыс. лет. Однако доказательность их невелика. Но и в любом случае корректировки даты появления *Homo sapiens* принципиально не изменяют изложенной здесь концепции.

³⁹ Недавно проведенные немецкими и американскими генетиками исследования структуры ДНК неандертальца (особь, жившая 30 тыс. лет назад) как будто не подтверждают генетического родства между неандертальцами и кроманьонцами (о чем давно говорили некоторые антропологи). Но судьба первых по-прежнему неясна.

принципиальных соображений, которые кажутся мне вполне очевидными. Первое. Длительное время люди могли существовать только в условиях достаточной щедрости природы. Даже большинство этнографически известных народов жило в условиях, когда не требовалось чрезмерных усилий, чтобы обеспечить себя пищей. Те же, что обитали в скудных районах, обладали культурой, которую в таких местах создать было невозможно, едва сохранить. Значит, ранее предки этих народов жили в более благоприятных местах. Но если десятки тысяч лет назад планета была почти необитаема, то кто бы стал селиться в таких скудных местах, если были более благоприятные? Речь не идет о райском климате, вроде некоторых островов в Тихом океане. В холодных зонах, конечно, жить было непросто. Но зато там водилось великое множество дичи и рыбы, которую к тому же можно было долго хранить.

Поэтому нельзя признать верной мысль, что первобытные люди были вечно голодны, заняты только поисками пищи, подавлены трудностью существования и постоянно кочевали.

Второе. Размеры коллективов, орудия труда, способы хозяйствования, образ жизни и основные общественные отношения — словом, почти все исключительно зависело от окружающих природных условий. И важнейшей частью производительных сил в обществах являлись природные производительные силы⁴⁰. На базе разных географических условий начинает зарождаться и специализация. При этом из-за различий в доступности и изобилии ресурсов более высокоразвитые группы могли иметь меньше благ, чем низкоразвитые. Ведь индивидуальная охота может быть не столь продуктивной, как загонная, хотя уровень техники, сноровки и выучки у самостоятельных охотников был несравненно выше⁴¹. Сказанное только подчеркивает важность теоретического включения в состав производительных сил природных компонентов и подтверждает идею о том, что до определенного этапа появление техники и особой технологии явилось одним из ответов на вызов относительной скудости природы.

⁴⁰ Стоит отметить, что социальная часть производительных сил еще не отделяется достаточно от самого человека, ибо важнейшая их часть — это тело, интеллект и органы чувств его самого, а также способы объединения этих человеческих сил.

⁴¹ Подобная ситуация, впрочем, характерна и для следующего принципа производства, поскольку пашенное земледелие не на столь плодородных почвах может быть менее продуктивно, чем даже ручное — на более плодородных.

Отсюда ясно, что со сменой привычных природных условий жизнь могла (и должна была) резко меняться: нужно было либо приспособливаться на месте, либо искать районы с похожими на прежние условиями, либо переселяться в иные по характеристикам места. Это и было одним из важнейших факторов социальной эволюции первой формации. Поэтому можно сказать, что *главной движущей силой, специфической силой уже социального плана, являлось взаимодействие человека с природой, в результате чего люди расселились почти по всей планете.*

Смене природных условий, возросшему демографическому давлению, уменьшению изобилия люди могли противопоставить возрастающее умение полнее приспособливаться к наличным природным условиям. И чем лучше они это делали и чем лучше специализировались, тем выше становился уровень их развития. **Следовательно, при анализе охотничье-собираательского принципа производства на степень приспособления к природе (овладения ею) необходимо обратить особое внимание и в целом с ним увязывать этапы развития данного принципа производства.**

Третье. Самой большой сложностью в изучении первобытности остается скудость сведений. Это вызывает к жизни массу гипотез, иногда очень остроумных, но однако не заменяющих точные знания. По археологическим данным частично восстановить характер производительных сил возможно, но без связи их с общественными отношениями многое непонятно. Кроме того, археологические находки фрагментарны и далеко не всегда толкуются однозначно.

Данные этнографии исключительно важны, но далеко не все из жизни таких народов можно переносить на древность: немало наблюдаемых племен либо уже столкнулись с более развитыми обществами, либо прежде знали лучшие времена, поэтому имеют остатки более высокой культуры. Наконец, и для теории исторического процесса это исключительно важно, народы, находящиеся на подъеме, по движущимся силам развития, жизненной энергии, потенциям и реакциям на вызовы и многим другим вещам существенно отличаются от находящихся на нисходящих фазах, то есть когда уже реально существуют гораздо более высокоразвитые общества. Тем более это касается этносов уже раритетных формаций, каковыми и являются в последние два-три века первобытные народы⁴².

⁴² Особенно, если мы вспомним, что прорыв в новое реализуется в местах складывания исключительных обстоятельств и условий. Естественно, что у народов маргинального типа,

В нашем случае важно, чтобы логика теории не нарушалась, но и в то же время не нарушалась бы фактическая сторона дела. Между тем скудость данных не позволяет говорить ни о какой хронологии в этапах охотничье-собираательского принципа производства. А это усложняет и вопрос о том, каким образом выделять такие этапы. Кроме того, о человечестве в этот период можно говорить только в абстрактном плане.

Можно предположить, что большинство коллективов, обретая социальность, при благоприятных природных условиях застревало на достигнутом, поскольку потребности в каком-либо прогрессе не было. Уже здесь намечалось основное противоречие первой формации, о котором дальше. Но, без сомнения, в течение долгих тысячелетий немало обществ двигалось дальше и расцветало, а затем по разным причинам происходили остановка в развитии, деградация или уничтожение. По-видимому, одно и то же открывали много раз в разных местах. Историческая память была очень слабой, уровень контактов тоже, достижения закреплялись медленно. И все же бесконечные эпизоды подъема и упадка, бесчисленные переселения, появления и смерти протоэтносов, приспособление тысяч первобытных орд и племен на протяжении десятков тысяч лет в конце концов привели к заселению огромных территорий и появлению первых очагов земледелия.

Таким образом, даже подобия линейного движения не было, также неизвестны и общества-первопроходцы, а потому наметить генеральную линию существенно сложнее, чем для периодов, исторически известных, и она носит более гипотетический характер. Особенно туманно выглядят первые этапы человеческой истории.

В то же время, как уже сказано, производственные революции открывают новую формацию. Но для первой формации, естественно, невозможно говорить о производственной революции. Однако и ее начало связано с очень важными, по-своему революционными переменами.

Исходя из сказанного и для того чтобы общая теория смены принципов производства и производственных революций не нарушалась, а также чтобы придать бóльшую четкость характеристикам первого принципа производства, имело бы смысл

например, оттесненных или запертых в скудных природных зонах, таких условий быть не может по определению.

говорить здесь о чем-то аналогичном производственной революции, ввести понятия **аналога производственной революции**. Аналога по своим результатам и функциональной роли каждого из ее периодов.

«Смысл» его заключается в переходе от биосоциальных реакций в качестве приспособления к окружающей среде на чисто социальные.

Тогда можно завершение антропогенеза считать **первым** этапом аналога такой *революции, в результате чего не только появился и утвердился как ведущий вид человека разумного (*Homo sapiens*), но и создались хотя и примитивные, но уже социальные производительные силы*. Ведь в этот период сами физические, интеллектуальные и психические характеристики человека являлись наиболее новой и важной частью производительных сил. А значит, вполне логично считать такую революцию не только сапиентной, но и производственной. Сказанное хорошо увязывается и с предположениями некоторых первобытников о резком росте населения в период перехода от раннего к позднему палеолиту⁴³.

Перерыв между этапами аналога производственной революции возможно связать не только с освоением подходящих для жизни мест (заселением Сибири, Америки и других регионов), но и преодолением того, что можно назвать остаточным противоречием антропогенеза: между биологическими и социальными регуляторами жизнедеятельности. Процесс окончательной трансформации животных инстинктов и биологических форм регулирования в социальное регулирование и составлял основу его разрешения. С одной стороны, зоологический индивидуализм, слабость контроля за поведением отдельных особей и самоконтроля, с другой — биологические способы регулирования совместной жизни должны быть сведены к минимально допустимым величинам. Те коллективы, которые не сумели это сделать, были обречены на исчезновение.

А период максимального похолодания во время последнего оледенения (Вюрм III), примерно 20—18 тыс. лет назад, можно будет соотнести со **вторым** этапом аналога такой революции. И хотя это было далеко не первое оледенение (последствия таких ледниковых испытывали и неандертальцы), но в этот раз реакция была чисто

⁴³ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. — М., 1986. — С. 100.

социальной (а не биолого-социальной) в виде увеличения технических, производственных и общественных способностей людей приспосабливаться к природе, в том числе за счет специализации, расширения источников пищи, освоения новых территорий, усовершенствования орудий труда⁴⁴. Такой подход дает возможность хоть как-то привязаться к абсолютной хронологии в общечеловеческом масштабе⁴⁵. Но совершенно ясна вся примерность и условность датировок этих далеких эпох.

3.3. Охотничье-собираТЕЛЬский принцип производства: основные этапы, черты, варианты

Весь период первой (первобытной) формации в моем понимании в ее восходящей части составляет примерно 25—30 тысяч лет: от начала позднего (верхнего) палеолита, то есть появления человека разумного, до конца вюрмского оледенения и начала так называемого голоцена (примерно 10—12 тыс. лет назад), когда начинается переход к сельскому хозяйству. После этого общества присваивающего хозяйства еще существовали и развивались многие тысячи лет, но они уже были вне генеральной линии истории.

Итак, первые два этапа (**переходный**, в данном случае от антропогенеза, и **молодости**) охотничье-собираТЕЛЬского принципа производства можно соотнести с периодом до последнего ледникового (в Европе это ориньякская и более ранние культуры), то есть до эпохи 20 тыс. лет назад⁴⁶. Что наиболее важного о них можно сказать?

Достаточно долго господствовала идея (и сегодня не полностью преодоленная), что древние люди, будучи не в состоянии прокормиться, постоянно кочевали, подобно некоторым, известным этнографам первобытным народам. Это неверная мысль. Почему? С одной стороны, этому противоречат многие факты. На некоторых стоянках археологи находят остатки костей тысяч убитых животных. Значит, здесь люди жили, и большими коллективами⁴⁷.

⁴⁴ В то же время из многих данных вытекает, что появление человека разумного не было реакцией на очередное похолодание, напротив, некоторые полагают, что он появился именно с наступлением потепления (см.: Рогинский, Я. Я. Проблемы антропогенеза. — М., 1977. — С. 171—172)

⁴⁵ Кроме того, тогда первые этапы по величине будут намного длиннее, чем остальные, что хорошо увязывается со всей формационной концепцией и идеей ускорения исторического развития.

⁴⁶ Точнее, до фазы его максимального похолодания, хотя существенные изменения климата начались на 3—5 тыс. лет раньше.

⁴⁷ Например, как подсчитали археологи, в Пржедмосте в Словакии обнаружены кости

Это объяснялось не только тем, что добычи было много, но и тем, что часто для охоты требовались коллективные усилия (а также для защиты от хищников, постоянного поддержания огня и других вещей). Таким образом, постепенно вырабатывались формы воспроизводства и сохранения таких коллективов, включая весь арсенал известных примитивных, но достаточно эффективных социальных регуляторов.

С другой стороны, если вдуматься, то могли ли язык, общественное сознание (включая религиозные представления), социальные нормы и многое другое появиться, если бы люди не жили какое-то достаточно длительное время относительно стабильно и кучно (пусть с сезонными перекочевками и экспедициями отдельных партий), а постоянно кочевали бы малыми группами? Сомнительно.

Выработка этого социального и являлась главным на первых этапах первобытности. А некоторый излишек пищи создавал условия для развития культуры и социальности. Свидетельство тому — великолепные и очень древние пещерные рисунки. Успешная загонная охота могла давать периодами изобилие в стойбищах (это не исключает, конечно, и голодовок, но удачи должны были быть более частыми). А вместе с изобилием (и оседлостью) наступают праздность, веселье, возможность кормить носителей знаний и верований, а также старых или больных, возможность рожать больше детей.

Третий (расцвета) этап принципа производства, как сказано, можно связать с периодом последнего ледникового и максимального похолодания (в Европе это культура солютре и дальнейшие). В течение этого и следующего **четвертого** (зрелости) периода принципа производства степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает.

Пятый этап (высокой зрелости) удобнее связать с концом оледенения и началом послеледникового периода, когда происходит переход к индивидуальной охоте и заселению огромных территорий. Разумеется, у каждого региона и общества могли быть свои особенности. В северных районах развивались прежние и сравнительно новые направления (в том числе рыболовство и охота

около 1000 мамонтов, а на Украине, в Амвросиевке, — не менее 1000 бизонов, в Солютре — около 10 000 лошадей (Всемирная история: в 24 т. — Т. 1. Каменный век. — Минск, 1996. — С. 76).

на морского зверя). В иных местах расцветало интенсивное собирательство.

Из сказанного читатель легко поймет, что известные с Нового времени этнографические народы охотников, рыболовов и собирателей я отношу по этой периодизации не ниже, чем к пятому — высокой зрелости — этапу⁴⁸. Эта мысль подтверждается и выводами ученых-первобытников: «Как известно, даже наиболее примитивные культуры из числа изучавшихся этнографами находятся на уровне не ниже мезолита»⁴⁹.

Далее от интенсивного хозяйства некоторые общества шли к **шестому** (подготовительному) этапу, откуда открывался путь к новому аграрно-ремесленному принципу производства.

На первых этапах орудия труда еще очень несовершенны. Но их количество и техника обработки уже существенно отличаются от орудий неандертальцев⁵⁰. Но, мне кажется, главное — изменения в производительных силах не в технике даже, а в самом человеке, который был важнейшей частью этих сил и уже коренным образом отличался от предков по интеллекту, уровню организации и способности к совместным действиям.

Очередное изменение климата явилось серьезным испытанием. Однако к этому времени люди уже имели определенный уровень развития производительных сил и социальности, чтобы часть коллективов смогла не только выжить в более суровых условиях, но даже благоденствовать на базе получения некоторого излишка продукции и способности запасать пищу на достаточно длительный период. Прогресс был не только у охотников. Появлялись также интенсивные собиратели⁵¹, возникло или приобрело важное значение рыболовство речной и озерной рыбы (позже охота на морского зверя).

⁴⁸ Это касается и маргинальных этносов, попавших в суровые природные условия, но относительно них нужны специальные оговорки, в этой главе невозможные.

⁴⁹ Файнберг, Л. А. У истоков социогенеза (от стада обезьян к общине древних людей). — М.: Наука, 1980. — С. 7.

⁵⁰ Например, Борисковский говорит, что типов орудий было более ста (Борисковский, П. И. Древнейшее прошлое человечества. — М., 1980. — С. 180).

Правда, не всегда точно ясны различия. Так, одни ученые (Чайлд, в частности) говорят, что копье, то есть палка с каменным или костяным наконечником, — достижение именно верхнего палеолита. А иные считают, что копья были и в мустье.

⁵¹ Примерно 17 тыс. лет назад на равнине Ком-Омбо южнее Ассуана жили люди, которые жали колосья диких злаков и собирали столько зерна, что большая часть их пищевого рациона могла им одним покрываться. Найдены каменные серпы, зернотерки, камнерезки (см.: Придо, Т. Кроманьонский человек. — М., 1979. — С. 45).

Известны также собиратели моллюсков и раковин. Вообще с освоением разных природных ниш усиливается специализация.

Изменение природных условий потребовало специализации орудий труда, что привело к более полному освоению природных ресурсов, дало мощный толчок развитию производительных сил. Изобретаются и совершенно новые орудия труда: лодки, гарпуны, остроги и т. д. Некоторые ученые настолько высоко оценивают степень такой приспособленности, что говорят о первом антропогенном кризисе, связанном с уничтожением мамонтов.

Но непостоянство природы в конечном счете разрушает эти общества. В результате потепления и очередного изменения климатов и ландшафтов в мезолите крупной дичи стало меньше⁵², и «большие общины... которые поддерживали свое существование коллективной охотой и рыболовством, были вынуждены расколоться и научиться каким-то новым техническим приемам»⁵³.

Поэтому стадию высокой зрелости для формации в целом следует связывать с появлением технических и технологических возможностей для поддержания автономного существования более мелких групп и даже отдельных семей. В некоторых случаях это можно связывать с появлением лука и стрел, в других — духовой трубки с отравленными стрелами, в-третьих — было достаточно копье-металки⁵⁴, в-четвертых — имелись особые метательные снаряды и т. д. Способы охоты все совершенствуются. Ю. Липс в своей книге «Происхождение вещей» говорит, что первобытные народы изобрели сотни ловушек для зверей. Некоторые из них поразительно остроумны, хитры, другие даже можно назвать первыми машинами или автоматами, так как они срабатывали от легкого прикосновения, но могли убить медведя, а то и слона.

Все это позволило людям заселить места, где прежде прокормиться или жить большими коллективами было сложно. Гибкая общественная организация позволяла коллективу распадаться на мелкие группы или семьи, чтобы в определенные периоды или для

⁵² «Почти повсеместно в мезолите большое распространение получает охота на птицу, что можно объяснить сокращением числа крупных животных и усовершенствованием оружия, применением лука и стрел с тупыми наконечниками; метательных палок, изогнутых палиц» (Марков, Г. Е. История хозяйства и первобытной культуры в первобытнообщинном и раннеклассовом обществе. — М., 1979. — С. 51).

⁵³ Чайлд Г. Прогресс и археология. — М., 1949. — С. 40.

⁵⁴ «Современные эксперименты показали огромное преимущество копьеметалки. Брошенное рукой двухметровое копье пролетает не более 30—70 м, а копьеметалка посылает его на 150 м с такой силой, что оно убивает оленя в 30 м» (Придо, Т. Ук. соч. — С. 69).

определенных действий сходиться вновь. Уменьшение величины хозяйственных единиц и переход на мелкую и среднюю дичь привели и к изменению многих правил раздела продукции, поскольку теперь роль индивидуального охотника должна была учитываться сильнее.

Однако в северных и некоторых других районах сохранялась возможность жить более или менее оседло, с сезонными перекочевками. При этом, если климат был подходящим, способы сохранения пищи были весьма разнообразны: копчение, вяление, заморозка, квашение, даже засолка, иногда и консервация.

Несомненны и большие успехи в других участках производства: в построении и освещении жилищ, создании одежды, хранилищ, транспорте (плоты, лодки, лыжи, сани-волокуши), количестве используемых материалов, производственном сознании (этнографические народы часто удивляли европейцев способностью использовать сотни растений). Научились добывать огонь, кое-где приручили собаку. Распространялось применение растительных ядов, в том числе и для рыбной ловли. В некоторых случаях появлялись и интенсивные способы рыболовства и поддержки поголовья рыбы, так что общества могли существовать на этой базе тысячи лет⁵⁵. В связи с миграциями усиливались контакты и, следовательно, быстрее распространялись достижения.

3.4. Основное противоречие. Высшие этапы принципа производства

Основное противоречие, как уже сказано, — это категория, которая конструирует те несоответствия внутри формации между принципом производства и типом отчуждения, которые сначала

⁵⁵ Г. Н. Матюшин рассказывает, что на некоторых уральских озерах найдены поселения первобытных рыбаков. Часто на выбранном озере люди жили тысячелетиями, а на некоторых из них (Карабалыкты и др.) жили непрерывно удивительно долго — около 10 тыс. лет. И все это время главным их занятием было рыболовство сетями с грузилами. Самое удивительное — как удавалось сохранить продуктивность водоемов? Ведь вокруг поселений должны были скапливаться кучи разлагающихся отходов, развивались всевозможные процессы гниения. И эти отходы так или иначе должны были попадать в озера и вызывать заморы, то есть массовую гибель рыбы, особенно в зимнее время. Каким-то не очень ясным образом древним рыбакам удалось создать систему охраны и разведения рыб. Ведь чтобы «питаться за счет рыбы тысячелетиями на одном и том же озере, нужно было не только хорошо знать условия жизни и размножения рыб, но и вести сложное рыбное хозяйство. Эффективность ведения такого хозяйства убедительно подтверждается многочисленными археологическими находками» (Матюшин, Г. Н. У колыбели истории. — М., 1972. — С. 180—182).

являются источником поддержания формационной системы, а затем — источником ее кризиса и трансформации.

Вопреки распространенному мнению о том, что древние люди вечно страдали от голода (и холода), полевые исследования показали, что даже не в самых изобильных местах первобытные охотники и собиратели обеспечивали себя пищей в относительно короткое время. Это не означает, конечно, вечной праздности, но означает, что они настолько приспособились к окружающей их природе, что могли **в среднем** трудиться не более нескольких часов в сутки⁵⁶. При этом если добытого хватало на последующие дни, то никто и не спешил продолжать трудовую деятельность.

Обязательно стоит отметить, что трудовая нагрузка часто распределялась очень неравномерно. Иногда требовались большие усилия в течение нескольких дней или даже недель (особенно при сезонных миграциях животных или рыбы, сборе дикорастущего урожая и т. п.). А затем могли быть недели и даже месяцы безделья. Нагрузка женщин обычно была более равномерной.

По имени этнографа М. Салинза, привлекшего внимание к ситуации, при которой первобытные народы могут создавать излишек продукции (пищи и вещей), но не делают и не хотят этого делать, это назвали парадоксом Салинза⁵⁷. Однако это не парадокс, а скорее, основополагающее условие жизни в этой формации, которому не противоречат временные голодовки и неудачи. И чем более благоприятна природа, тем меньше у людей потребности работать. Сегодня такой взгляд стал весьма распространенным⁵⁸. Сам Салинз называл такие социумы обществами изобилия.

Разумеется, современные первобытные народы могли иметь более высокую степень приспособленности, чем доисторические. Но, думается, что такая экстраполяция вполне оправдана, поскольку наблюдения в самых разных условиях в целом подтверждают сказанное. Археологические раскопки также говорят о достаточно продуктивных занятиях и аналогичных описанным этнографами

⁵⁶ Многие охотники-собиратели в среднем 2—5 часов в день (см.: The Origins of Agriculture. — P. 179).

⁵⁷ 50—60-е годы было собрано много фактов об этом разными этнографами (см. об этом: The Origins of Agriculture. — P. 179).

⁵⁸ «Хотя и может показаться странным, но человек, ведущий первобытный образ жизни, располагает значительным досугом», — пишет один автор (Иди, М. Недостаток звено. — М., 1977. — С. 29). «Человечество проделало путь от охоты и собирательства, когда все имели время для праздности...», — вторит ему другой (Геллнер, Э. Нации и национализм. — С. 241).

приспособлениях.

Таким образом, основное противоречие первой формации можно сформулировать так: **производитель имеет возможность, но не хочет и не считает нужным производить больше, чем этого требуют обычная потребность и общепринятые нормы. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.**

Конечно, амплитуда различий в этом плане у разных племен была очень большой. Но в целом можно суммировать некоторые причины, по которым первобытные люди считали накопление бессмыслицей.

1. Многие не умели по-настоящему и надолго запастись пищу, тем более что во влажном климате все гниет, портится, уничтожается насекомыми и т. п. К тому же если отсутствовала сезонность, то и запастись много не было резона: свежее мясо всегда предпочитают

«консервам». Даже на севере мясо не хранится слишком долго. Да в этом обычно и нет нужды, запасы нужны лишь до нового заготовительного сезона⁵⁹.

2. Во-вторых, при перекочевках лишний груз был в тягость, тем более если учесть, что женщины должны были нести детей.

3. Внутренняя потребность отсутствовала, а обмен с другими был редок и слаб.

4. Общество не одобряло жадность и стяжательство, напротив, поощряло щедрость, а обычаи требовали делиться.

Итак, слабость возможностей для хранения, транспортировки и обмена ставила жесткие преграды для накопления, а сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения жестко ориентировали их на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

Описанный принцип производства и основное противоречие соответствовали доэкономическому типу отчуждения. Общества были в основе своей эгалитарными, с уравнительным уклоном, но с половозрастным неравенством. При этом социально труд не был заметно отделен от отдыха⁶⁰. Речь идет именно о социальном, а не

⁵⁹ Тут кстати отметить, что по чисто природным причинам собиратели в этом плане оказались в гораздо более выгодном положении, поскольку зерно, злаки, орехи и прочее могут храниться гораздо дольше, чем мясо, хотя их надо уметь прятать от грызунов.

⁶⁰ Поэтому употребляемые для данного принципа производства выражения «труд», «трудиться», «трудовая деятельность» достаточно условны.

психологическом аспекте. С одной стороны, труд еще не стал уделом социально слабых и презираемых и был достаточно почетен, с другой — праздность, когда для нее были условия, не воспринималась как порок.

Теперь посмотрим, как развивались принцип производства и основное противоречие на более поздних этапах.

В четвертом (зрелости) этапе многие качественные достижения распространяются на основные области хозяйства. Это ведет к росту производства, населения и излишка продукции. На дальнейших этапах экстенсивный тип хозяйствования сменяется интенсивным. Поскольку народы — собиратели урожая ретроспективно представляли собой более прогрессивную ветвь развития, рассмотрим такую эволюцию на их примере.

Использовались самые разные растения: водяной рис, дикие злаки, саговая пальма, тропические плоды и корнеплоды, даже желуди. Разумеется, охота и другие виды деятельности сохранялись. Важно отметить, что эти народы изобрели много орудий труда и приемов, которые позже перешли к земледельцам: серпы и жатки, зернотерки, печи и выпечку теста, емкости для хранения зерна и муки, приемы ирригации и агрономии и др. Такое собирательство может быть очень продуктивным⁶¹.

Следовательно, на пятом (высокой зрелости) и особенно шестом (подготовительном) этапах появлялся заметный излишек благ, который можно было запастись. Излишек так или иначе приводил к появлению **престижных благ**, таких, которые удобны в хранении и отчуждении и есть предмет зависти, жизненных устремлений, высокого престижа. Такими были: шкуры, бивни, красивое оружие и одежда, лодки, сети, особые камни, раковины, кости и т. п. Новые виды продуктов требовали и особых форм их производства, хранения, распределения, которые иногда пытались подогнать под привычные «стандарты», иногда, напротив, выводили из-под них. И в любом случае это означало усиление противоречия между новыми условиями и старыми отношениями и правилами.

На этих стадиях усиливается разделение труда в обществе,

⁶¹ «Сейчас выяснено, что в Галилее в дождливый сезон дикий эммер и ячмень дают урожай 500—800 кг с га. В Турции, пользуясь орудиями древних форм, исследователи за 1 час собирали до 1 кг зерна. Они подсчитали, что семья из четырех человек за три недели такой работы могла собрать тонну зерна» (Примечания к книге: Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М., 1982 / сост. Е. В. Антонов. — С. 129.)

начинают зарождаться частная собственность, имущественное расслоение, социальное неравенство, накопление богатств в руках руководителей и удачливых людей. Изобильные места повышают плотность населения, в результате усиливаются престижный обмен и торговля, а также и войны за обладание этими территориями⁶². А как известно, война способна быстро аккумулировать богатства, открывать путь к развитию неравенства и рабства.

Народы — собиратели урожая кое в чем начинают помогать растениям⁶³. Такие приемы известны даже охотникам. Например, некоторые австралийцы при переселении брали на новые места родные растения⁶⁴. Очень интересным примером переходного от собирательского к аграрному было хозяйство в долине Оуэнса (в горах Сьерра-Невада), где индейцы строили дамбы, чтобы орошать дикорастущие злаки и другие растения⁶⁵. В целом важно отметить, что элементы ухода, полива и даже культивации растений имелись у собирателей и охотников самых разных частей мира, а не только там, где перешли к земледелию.

Таким образом, **шестой** этап принципа производства называется подготовительным потому, что здесь уже очень много элементов будущего принципа производства. Только не хватает того, вокруг чего все это завяжется в систему и — при благоприятных возможностях — перерастет в самое примитивное сельское хозяйство. Но это все еще очень зыбко, неустойчиво, не играет решающей роли и, если отпадет необходимость, исчезнет⁶⁶.

На этапе зрелости противоречие еще не противоположность системы, а, скорее, его часть. Общество находит эффективные пути институционализации противоречия. Особенно важно отметить рост престижа удачливых охотников и добытчиков. Условно можно

⁶² Еще в XVIII в. один поселенец записал в своем дневнике: «...Старые индейцы рассказывали... о том, что между сиу и чипеваями происходили кровопролитные сражения за обладание этими дикими рисовыми полями» (Липс, Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. — М., 1954. — С. 105—106).

⁶³ Так, некоторые племена использовали только дикое саго, другие непреднамеренно прореживают его, что благоприятно, третьи иногда сажают отростки саго (см.: Шнирельман, В. А. Собиратели саго // Вопросы истории. — 1983. — № 11. — С. 183).

⁶⁴ См. об этом: Шнирельман, В. А. Возникновение производящего хозяйства. — М., 1989. — С. 365.

⁶⁵ Там же. С. 296.

⁶⁶ Шнирельман рассказывает о группах индейцев северного побережья Калифорнийского залива, у которых земледелие носило крайне примитивный и подсобный характер. Если они узнавали о большом урожае диких растений, то бросали свой и уходили к диким растениям (см.: Шнирельман, В. А. Возникновение производящего хозяйства. — М., — 1989.). — С. 295—296.

сказать, что в данной формации блага, которые производитель отдает гостям, родственникам, соплеменникам, как бы обмениваются на престиж, который приобретают наиболее удачливые добытчики, и соответственно более высокий статус. Это достаточно обычно и для более поздних (и современной) эпох, когда дарения, пожертвования, благотворительность дают жертвователям престиж и известность. Но в первой формации не было иных форм накопления, поэтому данный приобретал большую значимость, которая постоянно росла.

Пока основное противоречие еще не кризисно, главное в нем, как было сказано, его **технический** аспект, то есть действие его в первую очередь связано с ограничениями самих производительных сил. В частности, с неумением запасать, создавать богатство в виде престижных благ, отсутствием обмена и т. п. Достаточно характерна и огромная расточительность (в основном преодолеваемая на более поздних этапах): поджоги саванны, буша, лесов; несоблюдение «правил» охраны природы, что приводило к гибели животных, рыбы, дикорастущих растений и т. д.

Однако по мере того как новации ширятся на пятом — шестом этапах, это техническое препятствие в значительной мере снимается, и общество получает в свои руки техническую возможность запасать, обмениваться и прочее. Теперь можно производить гораздо больше, чем раньше.

Но сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производительные силы, отношения являются препятствием, скажем, имущественному неравенству, праву наследования, отказу от помощи и т. п.

В результате основное противоречие, разрешаясь в каких-то частностях, усиливает общее несоответствие производства и общественных отношений⁶⁷. И чем больше создается прибавочного продукта, престижных благ, тем заметнее этот процесс нарастает.

Если плотность и количество населения растут, контакты увеличиваются, развиваются дарообмены и обмен, то начинается

⁶⁷ Для иллюстрации можно привести пример индейцев Северной Америки. Пока у них не было выючных животных, их имущество было небольшим. С момента разведения лошадей их грузы сильно увеличились. И те, у кого лошадей было мало, а значит и мало имущества (бизонных шкур и другого), теряли в престиже. В то же время правила охоты, взаимоотношения родственников, условия жизни и прочее еще сохраняли прежнюю коллективистскую направленность.

выделение более авторитетных и богатых людей. Теперь уже полученный статус тем или иным образом позволял изменять пути распределения. Но возможности для этого все еще оставались ограниченными, а пути — непрямыми и запутанными, поскольку отношения, традиции и общественная мораль всячески сдерживают развитие личного богатства, возможности передавать его потомкам и пр. Но поскольку общество уже не то, часть членов коллектива пытается всеми правдами и неправдами изменить прежний порядок. Сделать это удастся, часто только сохраняя видимость преемственности, «вспоминая» о каких-то якобы древних обычаях, симуляцией исполнения правил, перетолковыванием их и т. п. В результате жизнь представляет теперь конгломерат прежних и псевдопрежних обычаев, новаций и все более частого нарушения представлений о должном, обильно сдобренном усиливающимся недовольством почти всех по самым разным основаниям.

У обществ, перешедших в шестой, подготовительный этап, имеются различные пути для дальнейшего развития. В аспекте генеральной линии можно говорить о двух: перспективных и неперспективных. Первый связан с переходом к примитивному сельскому хозяйству. Второй — с перерастанием нормального уровня охотничье-собираетельского принципа производства благодаря особой щедрости природы, частичному разрешению противоречия и иным достижениям. Общества перерастают шестой, высший для генеральной линии этап и вступают в седьмой (переходя далее в восьмой) этап старого принципа производства.

Такие социумы-переростки весьма похожи на общества ранних фаз следующего принципа производства. Но это дорога в тупик. И с точки зрения исторического процесса, они становятся в конце концов маргинальными. Об этом мы еще поговорим в следующем параграфе.

Таким образом, на ранних стадиях новой формации обе формации как бы сосуществуют в одних и тех же зонах. Одна уже идет по нисходящей линии, а другая по восходящей. Решаются одни и те же проблемы, но решаются принципиально по-разному.

§ 4. Аграрная революция

4.1 Пути. Пути преодоления основного противоречия охотничье-собираетельского принципа производства

Итак, расслоению социума, социальному неравенству и свободному накоплению богатства как способам разрешения основного противоречия жестко препятствовали обычаи, традиции и нежелание перемен со стороны большинства. Только часть коллективов сумела справиться с этой проблемой. При этом генеральная линия преодоления основного противоречия лежала через **переход к новому принципу производства**. Но иногда разрешение этого противоречия оказывалось возможным и на базе присваивающего хозяйства.

Возьмем некоторые племена Северо-Западной Америки, допустим тлинкитов. Они охотились на морского зверя и ловили лососевых, шедших в местные реки на нерест. У них существовало различие между богатыми и бедными, было много рабов (по некоторым данным, до 30 % от всей численности жителей). Владелец раба мог убить или продать его. Часть добычи отдавалась вождю. Последний обладал большой властью и мог передавать ее по наследству. Нередки были войны, в том числе и за рабов. У этих индейцев получили развитие ремесло (плетение, ткачество, резьба по дереву и кости, холодная обработка меди), торговля и даже имелись деньги в виде пластин меди. «Покрытые рельефной резьбой тотемные столбы высотой 15—20 метров» стояли у домов и на могилах выдающихся вождей⁶⁸. Таким образом, перед нами уже не первобытное, а, скорее, варварское общество. Оно даже, думается, во многом опережало в развитии некоторых примитивных земледельцев⁶⁹.

Имея в виду именно такие ситуации, Э. Геллнер пишет: «Если верить Джеймсу Вудберну, важнейшее структурное изменение происходит уже внутри некоторых категорий обществ охотников и собирателей» и предшествует переходу к производящей экономике. Поэтому «в целом определение типа обществ по имеющейся экономической базе не оправдывает себя»⁷⁰. Иными словами, раз новые отношения могут возникнуть и на старом производственном базисе, то идея, что для перехода к новой формации нужны революционные изменения в производительных силах, «не

⁶⁸ Аверкиева, Ю. П. Индейцы Северо-Западного побережья Северной Америки (тлинкиты) // Североамериканские индейцы. — М., 1978. — С. 335.

⁶⁹ Впрочем, следует учитывать, что там, где земледелие было заимствовано, исходный уровень развития мог быть намного ниже, чем в обществах, самостоятельно перешедших к нему.

⁷⁰ Геллнер, Э. Указ. соч. — С. 240, 241.

оправдывает себя». И все же мысль К. Маркса, что народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся вне того пункта, откуда начинается действительное развитие, остается неоспоримой.

Возможность за счет природных и иных условий перейти к более высоким общественным отношениям, чем это обычно свойственно данному принципу производства, вполне объяснимое явление. *Ведь объем, характер и удобство хранения прибавочного продукта в огромной степени определяют уровень развития общества*⁷¹. И раз такой излишек возможен в рамках старых технологий, то он будет объективно толкать общество к частичному преодолению противоречия. Но это в конечном счете путь в тупик. Почему?

Дело в том, что переход к новому принципу производства не просто создает больше продукции. Он меняет всю хозяйственную жизнь и ведет к огромному росту населения, что, в свою очередь, трансформирует многие отношения⁷². Главное же, во всемирно-историческом плане **переход к нему означает создание не просто новой, но такой системы хозяйствования, которая имеет большие потенции в будущем и способна быть предметом широкого распространения и заимствования.**

Преодоление же основного противоречия на базе особых природных условий не имеет таких потенций. Ведь исключительные условия потому и исключительны, что они не типичны, могут исчезнуть и — главное — **не способны быть предметом заимствования и распространения для других.** Но такие варианты играют важную эволюционную роль. Ибо прежде чем произойдет переход к новому принципу производства, должен появиться целый спектр различных ответов на эту задачу, а уже среди них, возможно, родится наиболее перспективный. Мы и сосредоточимся на нем.

⁷¹ «В самом деле, для общественной эволюции особую важность имела не столько сама форма хозяйства, сколько его эффективность, способность поддерживать и стимулировать развитие сложной социальной структуры. В этом смысле потенциал развитого присваивающего хозяйства в ряде случаев был ничуть не меньше, чем у ранних форм производящего хозяйства. Вот почему общественные отношения и социальная структура высших охотников и собирателей нередко сильно напоминала соответствующие параметры в обществах ранних земледельцев и скотоводов» (Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 400).

⁷² А тех же глиняных было в начале XIX в. всего меньше 6 тыс. человек (Аверкиева, Ю. П. Указ. соч. — С. 320).

4.2. Аграрная революция: основные характеристики

Аграрная революция заняла тысячелетие, но, несмотря на такой медленный, с сегодняшней точки зрения, темп, она резко ускорила ход истории. Сначала мы определим сущность этого явления, а потом ее причины и этапы.

Предварительно хотел бы оговориться. Доместикация животных — такая же неотъемлемая часть аграрной революции, как и одомашнивание растений. Но с точки зрения генеральной линии исторического развития, растениеводство выглядит более важным, чем животноводство. Конечно, зрелые формы аграрно-ремесленного принципа производства немыслимы без последнего. Но по крайней мере некоторые варианты аграрной революции могли иметь место на базе исключительно (или главным образом) растениеводства. Цивилизации Латинской Америки являются здесь ярким примером.

В отличие от земледелия животноводство долго не могло быть главной отраслью⁷³, а когда стало такой в некоторых регионах, способно было прокормить во много раз меньшее население, чем земледелие. И на его базе не могли возникнуть ни государственность (если не было контактов с более развитыми соседями), ни тем более цивилизация. Поэтому животноводство можно считать в рамках генеральной линии дополнительной отраслью, по крайней мере очень длительное время. Следовательно, достаточно правомерно определять границы этапов производственной революции по развитию наиболее важных направлений земледелия.

Дать однозначное определение аграрной революции весьма затруднительно. В самом широком плане, это революция, которая ограничивает власть природы над человеческим обществом. В ее ходе «человек впервые подчинил непосредственные природные процессы своему контролирующему воздействию. Там он использовал главным образом биологические процессы почти в том виде, как они существовали в природе»⁷⁴. Преодоление ограничений природы наблюдалось и в области транспорта, связи, коммуникаций.

⁷³ Появление первых полукочевников в Передней Азии имело место не раньше V— IV тысячелетия до н. э. (История первобытного общества. Эпоха классовобразования. — М., 1988. — С. 39), то есть такое еще не полностью специализированное хозяйство выделилось лишь через три тысячи лет после появления сельского хозяйства, и лишь много позже сложилось хозяйство классических кочевников.

⁷⁴ Материалистическая диалектика: в 5 т. М., 1984. — Т. 4. — С. 313.

Но роль природного фактора все еще оставалась огромной. Поэтому можно вполне согласиться с Томасом Боклем, что из всех последствий, происходящих для какого-нибудь народа от климата, пищи и почвы, самое первое и во многих отношениях самое важное есть накопление богатства. Другими словами, при данном принципе производства богатство общества, количество населения и объем прибавочного продукта в огромной, часто даже определяющей степени зависели от щедрости природы.

По распространенному мнению, эта революция **есть переход от присвоения пищи к ее производству**. И это совершенно верно. Но стоит уточнить, *она связана не просто с созданием пищи, но и с возможностью запастись ее в больших объемах, в том числе и в виде домашнего скота, а также с созданием огромного числа удобных для запаса и практически бесконечно долгого хранения благ, олицетворявших богатство*. Важной чертой ее, как уже сказано, было открытие новых источников энергии (силы животных и другой), материалов, средств производства⁷⁵.

Она не только привела к созданию **производящего хозяйства, но и открыла** новые движущие силы развития в виде разделения труда⁷⁶. И в ее ходе и после нее процесс разделения труда стал спутником общества, пока ручной труд не дошел до своего предельного разделения в мануфактурах.

Первый этап этой революции привел к победе нового (но еще незрелого) принципа производства. Второй — к утверждению интенсивного хозяйства. Уже первый этап способствовал выделению ремесла и торговли, со второго они стали самостоятельными областями производства. И по мере зрелости принципа производства роль ремесла, торговли и кредита становится все более важной.

Магистральными путями перехода к интенсивному земледелию были сначала ирригационное, а потом плужное

⁷⁵ «Подлинный экономический секрет земледельческой революции заключается в том, что земледелие — и в этом его всемирно историческое значение — дало в руки человека новое, могущественное средство производства — землю» (Бахта, В. М. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // Проблемы истории докапиталистических обществ. — М., 1968. — С. 275).

⁷⁶ Внутри сельского хозяйства между растениеводством и животноводством, а также внутри каждого из них; между сельским хозяйством и ремеслом, между ними и торговлей; внутри ремесла и торговли; между производственной и социальной деятельностью (по управлению, военной, интеллектуальной и прочая) и т. д.

неполивное хозяйства. Однако варианты могли быть различными. В некоторых местах они были связаны с выведением высокоурожайных сортов (например, у майя), в других велось комбинированное хозяйство: частично селекция, частично ирригация (или пашня), как в некоторых районах Индии. Одним из вариантов мог быть переход от выращивания клубневых к зерновому хозяйству. В некоторых случаях могло быть и три этапа: овощи — зерновое неполивное — зерновое поливное⁷⁷. А в случае чистого заимствования мог быть и один этап.

Интенсивное земледелие связано в первую очередь с зерновыми. Исследователи давно обратили внимание, что все цивилизации так или иначе связаны именно с зерновыми культурами⁷⁸. Многие общества были не способны дойти до второй фазы сельскохозяйственной революции как раз из-за того, что начали разводить «тупиковые» культуры (то же касается и специализации животноводства). Ведь иные сельскохозяйственные народы, по сути, занимались огородничеством, разводя тыквы, горох, огурцы, капусту, бобы и т. п. Это касается и клубней и корнеплодов, например таро и ямса. Клубни не только менее калорийны, но и хуже сохраняются, а объем имеют намного больший, чем зерно. Иное дело, скажем, кукуруза или рис⁷⁹. Огромное значение имели также пшеница, рожь, овес. Конечно, в копилку человечества вошли все культуры и животные, но «локомотивными» оказались лишь некоторые.

Рассмотрим теперь некоторые причины перехода к сельскому хозяйству. Как уже сказано, этнографии известно много примеров, когда охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ народы старались помогать природе в выращивании растений, в том числе окультуривая и поливая почву.

Очевидно, что если люди осознают благотворность новинок, то при соответствующих условиях раньше или позже неизбежен

⁷⁷ В этом случае средний этап таких изменений в отдельных обществах можно соотносить с переходом между двумя этапами аграрной революции в мировом масштабе.

⁷⁸ См., например: *The Origins of Agriculture*. — P. 879.

⁷⁹ «Маис — определенно чудесное растение. Он быстро формируется, и фактически его зерна бывают съедобны даже еще до того, как созрели. Урожай в сухой зоне колониальной Мексики составлял сам-семьдесят — сам-восемьдесят». Но были и гораздо более высокие урожаи. «В той же Мексике в жарких и умеренных районах удается даже получать два урожая — риего (с орошением) и темпораль (за счет осадков)» (Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: в 3 т. — М., 1986, — Т. I. — С. 177—178).

Рис — исключительная культура в том смысле, что земле не требуется отдыха, а следовательно, можно было постоянно и все более интенсивно использовать каждый клочок.

качественный рывок. Это, так сказать, общие эволюционные предпосылки. Что же касается конкретных условий самых первых (или независимых) переходов от присваивающего к производящему хозяйству, то о них можно строить только предположения.

Земледелие, похоже, впервые возникает у каких-то народов — собирателей урожая. Что же касается скотоводства, то тут меньше ясности. Есть предположения, что обе формы возникли почти одновременно у тех же народов. Но многие археологические данные говорят о более позднем по сравнению с земледелием рождении животноводства. И роль его была, как сказано, в целом меньшей⁸⁰. Переход к приручению животных прослеживается сложнее, чем к земледелию. Не сходятся исследователи и в объяснении мотивов сохранения животных. Последние могли быть разными, но важно, чтобы люди имели достаток в питании, позволяющий сохранять животных. У народов — собирателей урожая при наличии подходящих животных были для этого хорошие возможности. Так, собиратели саго откармливали им свиней⁸¹.

Шнирельман утверждает, что «повсюду процесс становления производящего хозяйства проходил в обстановке кризиса, который вызывал необходимость изыскания новых способов добычи пищи». При этом кризис мог возникать по самым разным причинам⁸².

В целом, весьма вероятно, к переходу к сельскому хозяйству могли побудить какие-то переломные обстоятельства (природного или социального типа), например ухудшение климатической обстановки, создавшее кризисную ситуацию для прежней системы хозяйства⁸³. Не лишено оснований и утверждение Ч. Рида, что рост населения был одним из факторов, даже если не всегда это можно доказать, предшествующих первоначальному сельскому хозяйству⁸⁴. Демографическое давление для ранних периодов истории — вообще одна из важнейших движущих сил.

⁸⁰ «Скотоводство получило распространение в более узком регионе, чем земледелие, и на первых порах было тесно с ним связано. Для раннего скотоводства характерно содержание небольшого числа в основном мелких животных (коз, овец, свиней, морских свинок)... На первых порах уход за скотом сводился к минимуму, и скот находился в основном на вольном выпасе» (Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 396).

⁸¹ См.: Кабо, В. Р. Первобытная доземледельческая община. — М., 1986. — С. 184. Шнирельман также считает, что белковое обеднение рациона земледельцев могло вести их к domestikации животных (Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 368—369).

⁸² Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 369—370.

⁸³ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 272.

⁸⁴ The Origins of Agriculture. — P. 890.

Однако не исключено, что переход мог происходить и на подъеме производства, например, если значительная часть урожая шла на обмен с другими обществами или в силу каких-то иных причин, побуждающих людей увеличивать (или сохранять при колебаниях) объемы производства. Это могло быть временным или эпизодическим явлением, важно, что сама технология искусственного выращивания растений была уже известна. Тут кстати напомнить об основном противоречии первой формации, еще очень сильном: общества могут, но не хотят производить больше, а также знают иные способы производства, но не применяют их или применяют от случая к случаю.

Такое предположение соотносится с очень верной мыслью Шнирельмана о том, что сложность перехода к производящему хозяйству заключалась не в выработке каких-то новых знаний и техники, а прежде всего в перестройке жизненного уклада⁸⁵.

Следовательно, в переходе к новому принципу производства самое главное — создание производственной системы, в которой эти новинки станут стержнем.

Поэтому даже первичный (или независимый) переход к сельскому хозяйству не означает обязательного самостоятельного открытия самих производственных новинок. Иными словами, мне кажется весьма правдоподобным, что земледелие и скотоводство, скорее всего, изобретаются в обществах-переростках как дополнительный и неважный в общем объеме сектор. В этих социумах в связи с изобилием есть возможность поиска, но в то же время нет возможности для перестройки, так как они уже проскочили нужный период. Зато общества менее продвинутые, но главные достоинства которых заключались в способности к заимствованиям и структурным перестройкам, могли перенять такие достижения и сделать их основой для своего развития.

Поэтому я думаю, что первые следы земледелия — это еще не начало аграрной революции, а только подготовка к ней в недрах старого принципа производства.

Такое разделение изобретения сельского хозяйства и перехода к нему важно не только для выяснения причин аграрной революции (ведь легче перейти к новому, используя уже готовые технологии, чем сразу и изобрести технологии, и перестроить систему хозяйства).

⁸⁵ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 371.

Оно важно и для выяснения, с какого же момента надо определять ее начало.

Думается, нельзя считать таким началом момент, когда в присваивающем хозяйстве появились какие-то элементы производящего (эпизодическая культивация растений или полуприручение каких-то животных), которые либо не играют важной роли, либо призваны именно усовершенствовать старый тип (как санный транспорт с собаками на севере; культивация ядовитых растений рыбаками и т. п.). Такие нововведения способны интегрироваться в него и существовать очень долго, не вызывая постоянных качественных перемен к новому⁸⁶. Например, прибрежные рыболовы могли выращивать некоторые технические растения для изготовления сетей, веревок, корзин, циновок и прочего, а также высокотоксичные растения для глушения рыбы⁸⁷.

Переход начинается, когда новое, появившись, ведет к постоянным переменам, все более сильным, пока эти нововведения не станут самостоятельным сектором.

Первичное возникновение наиболее важного, зернового хозяйства могло произойти только в определенных природных условиях. Многие сходятся на том, что такое растениеводство впервые зарождается в горных очагах, где был подходящий микроклимат и росло много растений⁸⁸, причем именно на таких горных участках, где существовала периферия ареалов диких сородичей культурных растений, поскольку именно на таких окраинах потребность в земледелии чувствовалась наиболее остро⁸⁹. В таких местах колебания климата заставляли людей не только заниматься сбором растений, но стремиться поддерживать их существование путем создания благоприятных условий⁹⁰.

Предполагают, что дикие злаки стали культивировать раньше всего на склонах Палестины. Но есть и предположения, что в Междуречье Тигра и Евфрата⁹¹. Во всяком случае, где-то на

⁸⁶ То же можно сказать и об отдельных машинах в древности и средневековье.

⁸⁷ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 122—123.

⁸⁸ Это происходит, вероятнее всего, «лишь в определенных зонах — горных засушливых районах с теплым субтропическим климатом, создававшим обилие природных микрорайонов на сравнительно узкой территории и обладавших богатейшей и разнообразной флорой, в том числе дикорастущими злаками» (Гуляев, В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. — М. 1972. — С. 50—51).

⁸⁹ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 273.

⁹⁰ Мелларт. Указ. соч. — С. 128.

⁹¹ Алексеев, В. П. Становление человечества. — С. 418.

Ближнем Востоке.

4.3. Аграрная революция: основные этапы и варианты. Первые этапы аграрно-ремесленного принципа производства

Шнирельман (как и некоторые другие исследователи) выделяет три этапа становления производящего хозяйства (то есть первого этапа аграрной революции).

Этап А. Вызревание предпосылок для перехода к производящему хозяйству у охотников, рыболовов и собирателей.

Этап Б. Возникновение земледелия и скотоводства в качестве уклада в рамках присваивающего хозяйства.

Этап В. Победа земледельческо-скотоводческого образа жизни и завершение процесса становления производящего хозяйства⁹².

Такой подход вполне укладывается в описанный мной цикл производственной революции. Напомню, что я выделял в полной производственной революции три этапа (а с двумя дополнительными: пред- и послереволюционным — пять этапов). Если же вести речь лишь о начале такой революции, получается два основных и один дополнительный, то есть всего три: предреволюционный (подготовительный) — первый качественный этап — перерыв между качественными этапами (количественный этап). Это в основном совпадает с вышеприведенной периодизацией Шнирельмана.

Но поскольку мы сейчас говорим об отдельной производственной революции, то можно показать ее ход и этапы и более подробно. Хотя процесс складывания сельского хозяйства во многом неясен, спорен и непонятен, все же во всемирно-историческом масштабе он мог бы выглядеть так:

1. Сложение предпосылок для технического изобретения сельского хозяйства.

2. Начало domestikации растений и животных (техническое изобретение сельского хозяйства, не меняющее структуру производства изобретших его обществ).

3. Сложение предпосылок для перехода к производящему хозяйству.

4. Начало перехода.

5. Сельское хозяйство становится заметным укладом.

⁹² Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 364—371.

6. Сельское хозяйство становится наиболее динамичным (престижным) укладом и имеется уже в ряде обществ, но в валовом производстве еще не преобладает.

7. Победа сельского хозяйства и земледельческо-скотоводческого образа жизни в достаточно крупном регионе.

Из этих семи ступенек первые три принадлежат еще присваивающему принципу производства. Правда, некоторые из подобных обществ должны были уже перейти в седьмой его этап. Иногда полагают, что древнейшее земледелие появилось уже 14—13 тыс. лет назад. Но если исходить из идеи, что первые следы земледелия — это еще не начало аграрной революции, то ее начало надо относить к более позднему времени. Поэтому, вновь оговариваясь, что датировки весьма условны и спорны, можно считать, что период 15—12 тыс. лет назад охватывает первые три ступеньки.

Ступеньки 4—5 составляют собственно первый качественный этап аграрной революции, который можно датировать 12—9 тыс. лет назад (с неизбежными допусками). От первых археологически зарегистрированных обществ, «бесспорно содержащих материал, свидетельствующий о вполне оформившемся земледелии»⁹³, до периода, когда земледелие распространилось в Малую Азию и на Кавказ⁹⁴, то есть до формирования Переднеазиатского региона земледелия. В этот же период укладываются и первые сведения об одомашнивании коз и овец (9—10 тыс. лет назад). Но они недостаточно убедительны. Бесспорными считаются сведения о периоде VI тыс. до н. э. (7—8 тыс. лет назад)⁹⁵.

Затем наступает перерыв между двумя качественными этапами, или период количественных изменений (ступеньки 6—7). Он включает в себя образование новых очагов земледелия и животноводства, распространение сельскохозяйственной культуры из Передней Азии в другие регионы (в частности в европейское Средиземноморье и в Северную Африку), обмен достижениями между и внутри очагов. Условно этот этап можно датировать 8—5 тыс. лет назад, до формирования ирригационного хозяйства Древнего Египта (то есть вторая половина, конец VII — конец IV тыс. до н. э. В этот период приручаются первые тягловые животные — быки, а в

⁹³ Алексеев, В. П. Указ. соч. — С. 413.

⁹⁴ Там же. — С. 418.

⁹⁵ Там же. — С. 436.

Новом Свете зарождается земледелие.

Хочу обратить внимание, что приспособление растений и животных к местным условиям часто не было легким делом. Многие растения или их сорта не сразу приживались в каких-то почвах, климате и т. д. Словом, такое приспособление всегда являлось новаторством и позволяло расширять видовую базу принципа производства.

В этот период складываются различные типы производящего хозяйства. «Определенные предпосылки для возникновения этих систем возникли еще в условиях усложненного собирательства: пожоги и сев зерен в оставшуюся золу вели к залежному земледелию, искусственный полив и обводнение участков открывали путь к ирригационному земледелию, а посадки растений в хорошо удобренную почву первобытных стоянок влекли в перспективе возникновение придомных огородов»⁹⁶. В некоторых местах посевы производились накануне дождей, более распространены были посадки во влажные почвы поблизости от водоемов. Иногда применялась необычно высокая для ранних стадий агротехника: смешанные посевы (например фасоль с маисом), одновременно выращивалось много растений, чтобы гарантировать урожай; сажали рассадку, а не зерна, проводили снегозадержание и т. п.

Системы, основанные на орошении, могли быть уже и не столь примитивными. Так, в южной части Аризоны (культура хохокам) обнаружены колодцы и каналы длиной пять и более км⁹⁷.

Очень часто складывались комплексные присваивающе-производящие хозяйства, в которых аграрный сектор был сезонным. В целом такие типы хозяйства обладали высокой степенью приспособленности и интенсивности. Например, индейцы, населявшие территорию штата Нью-Йорк, к моменту прибытия европейцев жили так: «Расчистив землю методом подсечно-огневой системы, люди селились полуседлыми поселениями, окруженными обширными огородами, соседствующими с мелкими речушками. Весной, после посадки зерновых культур, большая часть людей переселялась во временные стойбища, разбивавшиеся вдоль

⁹⁶ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 387.

⁹⁷ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 287. Это подтверждает, что среди многочисленных вариантов перехода к новому принципу производства обнаруживаются и такие, которые являются как бы прообразом второго этапа революции. Но в условиях первого этапа они еще не имели каких-то решающих преимуществ.

побережья или по обрывам рек. Там они проводили лето, занимаясь рыбной ловлей и сбором в огромных количествах моллюсков. Большую часть добычи они сушили и заготавливали впрок к зиме. В сентябре индейцы возвращались в свои селения для сбора урожая маиса, бобов, кабачков, тыквы, сопровождавшегося праздниками урожая. Осень же была периодом коллективной охоты, сбора диких плодов и орехов в окрестных лесах...»⁹⁸ Но были и гораздо более скромные по разнообразию используемых продуктов хозяйства. Так, в Северном Китае в течение нескольких тысячелетий весь рацион земледельцев составлял один-единственный злак, чумизу, важнейшим источником белковой пищи являлись свиньи и собаки. Но и такой скудный набор оказался достаточным для перехода к земледельческо-скотоводческому образу жизни⁹⁹.

В этот период активно идут вырубка лесов, расчистка пашни, освоение целины на базе уже сложившихся технологий и агротехнических навыков. Подсечное (подсечно-огневое) земледелие возникло далеко не сразу. Его роль в изменении образа жизни и природы очень велика. Но хотя технологически это уровень первого этапа аграрной революции, и такой способ широко применялся и в каменном веке, наибольшее распространение такой метод хозяйствования получил уже после образования очагов интенсивного ирригационного земледелия и развития металлургии, особенно железной. Ибо без топоров превратить миллионы га леса в сельскохозяйственные земли было невозможно.

Уже медный топор (по экспериментальным данным С. А. Семенова) вдвое сокращал затраты труда на рубке деревьев. Еще более продуктивным был железный. И появление металлических орудий было уже большей гарантией против возврата к присваивающим формам в случае изменения природной среды. Человек был способен бороться с лесом¹⁰⁰.

⁹⁸ Североамериканские индейцы. — С. 32.

⁹⁹ Шнирельман, В. А. Указ. соч. — С. 379.

¹⁰⁰ Индийский автор пишет: «Мощная аграрная экспансия в изобилующую дождями аллювиальную зону среднего Ганга невозможна без расчистки джунглей. Конечно, для этого практиковалось их выжигание, однако, чтобы сделать землю пригодной для обработки и строительства поселений, необходимо было выкорчевывать пни, причем деревья в этом ареале дают в земле горизонтальные корни. Просто невозможно представить, чтобы все это можно было делать без железного топора и железной мотыги» (Шарма, Р. Ш. Древнеиндийское общество. — М., 1987. — С. 363).

Вторым этапом аграрной революции (и одновременно третьим этапом принципа производства) стал переход к орошаемому (иригационному) земледелию. Как сказано, и на первом этапе использовали воду ручьев, прудов. Но лишь много позже научились регулировать разливы больших рек и рыть каналы, запастись водой на засушливый период. При плодородных почвах результаты были поразительными.

Теоретически важно отметить, что в районах больших рек или благоприятных условий (мягких почв) для перехода к поливному земледелию, которое и было основой для появления государств и цивилизаций, особой техники и металлов в целом не требовалось. Мало того, иногда техника была совершенно примитивной.

«...Инки пользовались простой заостренной палкой с опорой для ноги, чтобы рыхлить землю под посевы. Но они же построили целую систему насыпных террас-полей, снабдили свои земли искусственным орошением, для чего проложили каналы иной раз в десятки и даже более ста километров длиной. Отдельные участки этих каналов и многие насыпные террасы действуют и поныне. Инки поняли значение удобрения, необходимость использовать его постоянно. Птичий помет — знаменитое и сегодня гуано — стал эффективным средством повышения урожая, а в бесплодных песках Тихоокеанского побережья индейцы придумали способ посева кукурузы, позволявший собирать там обильный урожай»¹⁰¹.

Таким образом, в благоприятных природных условиях решающим фактором совершения второго этапа аграрной революции выступала не техника, а ирригация, селекция, агрономические приемы, использование государственной власти для организации работ и т. п., которые позволяли ввести в оборот плодородные земли либо решительно повысить их урожайность¹⁰².

Однако на более зрелых этапах в этих плодородных местах появляется и техника. И не только водополивочная. Скорее всего, в Египте (но, может быть, и в Междуречье) изобрели плуг¹⁰³ и возможность использовать для пахоты быков. Этот гигантский шаг все

¹⁰¹ Кузьмищев, В. Царство сынов солнца. — М., 1985. — С. 126.

¹⁰² Стоит добавить, что и много позже железо в главном секторе экономики далеко не везде играло решающую роль. Я не говорю уже о таких отраслях, как виноградарство и садоводство, интенсивное овощеводство. Но в легких лесных почвах и там, где целина уже поднята, долгое время можно обходиться сохой с железным наконечником, а то и просто деревянной сохой.

¹⁰³ Исследователи различают легкий плуг (рало), имеющий множество разновидностей, и тяжелый, последний появился гораздо позже.

же для них был менее революционным, чем ирригация. Зато исключительно важными эти достижения оказались для тех районов, где земледелие было дождевым. Только с появлением упряжных животных и плуга (да еще с металлическим лемехом) в Европе и других местах мог совершиться второй этап сельхозреволюции. И только с ним туда пришла цивилизация. При этом на втором этапе возросла и роль животноводства.

Таким образом, второй этап этой революции не мог закончиться без технических и энергетических нововведений. Ибо без них невозможно было, во-первых, задействовать достаточные объемы географической среды, во-вторых, сформировать нужное разнообразие вариантов интенсивного сельского хозяйства.

§ 5. Аграрно-ремесленный принцип производства: зрелые этапы¹

5.1. Черты и характеристики аграрно-ремесленного принципа производства

Итак, первый этап его был связан с переходом к новым формам хозяйства. Однако своеобразие при этом в зависимости от климата, набора выращиваемых культур и другого было очень много. Охота и собирательство еще долго играли очень заметную роль, а в некоторых случаях и в зрелости оставались важными (экспортными) отраслями хозяйства. На втором этапе зона примитивного и экстенсивного сельского хозяйства географически расширяется, количество одомашненных растений и животных увеличивается.

На этих этапах появляется и делает заметные успехи собственно ремесло, то есть работа уже не для удовлетворения потребностей домохозяйства (домашние промыслы), а специализация на какой-то деятельности и работа на заказ или рынок. Отделение ремесла от сельского хозяйства и домашних промыслов — длительный и часто непростой процесс, завершающийся (и то не полностью) лишь на зрелых этапах данного принципа производства.

Техника обработки камня доводится до совершенства. А у обществ, вступивших в эту фазу хронологически позже, появляется металлургия. В зависимости от разных обстоятельств важную роль могли играть гончарство, ткачество, плетение, изготовление лодок, резка камня и кости, плотницкое дело, а также производство различных престижных и ритуальных предметов. Есть мнение, что на первых порах наиболее престижные или доходные виды ремесла могли

¹ Продолжение. Начало см.: *Философия и общество*. 1997. № 1—6; 1998. № 1-6; 1999. № 1, 2, 3, 5; 2000. № 1.

сосредоточиваться в руках знатных родов и семей.

Первобытная уравнительность, нежелание делать большие запасы и прочие проявления остаточного противоречия чувствовались еще очень сильно. Известны случаи, когда требование дележа не позволяло сохранить даже семенной фонд².

И все же новый сектор обычно был менее опутан старыми традициями, чем прежние занятия³. Не случайно формирование любого принципа производства начинается прежде в новых (технологически или географически) секторах. На этом этапе в целом люди стали работать больше, чем раньше, а производитель был сильнее заинтересован в результатах своего труда.

Существенным стимулом для накопления являлись общие празднества и другие формы престижной экономики. Иногда к торжествам готовились годами, уничтожали в короткий срок столько продуктов, что потом могли длительное время недоедать. В зависимости от природных условий и методов хозяйствования поля могли быть общими, а урожай распределяться между семьями облеченным властью лицом; участки могли выделяться для индивидуальной обработки семьям, которые и владели урожаем; могли быть какие-то комбинации (семейные участки наряду с общими полями; огороды в личном пользовании, а поля в общем и т. п.). Но теоретически представляется, что генеральная линия выстраивалась как переход от коллективной к посемейной обработке земли.

Схематически возможный путь устранения основного противоречия заключался в развитии сначала родовой собственности и укреплении власти родовой знати, затем в усилении неравенства, отчуждении продукта у соседей, сломе родовых и общинных препон и в конце концов переходе к государственности.

На первых двух этапах известны случаи, когда общества под влиянием изменившегося природного фактора возвращались к прежним присваивающим занятиям. Позже подобного не бывает. Ведь **третий (расцвета) этап** принципа производства, то есть второй этап производственной революции, открывает и утверждает для развития производительных сил качественно иные возможности. Последние в значительной мере уже существовали, теперь они развились и сложились

² Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989. С. 371.

³ «Давно замечено, что в позднеродовых общинах земледельческая продукция (и тем более животноводческая. — Л. Г.), как правило, потреблялась внутри домохозяйств или отдельных семей, тогда как охотничья, а иногда и рыболовецкая добыча широко распределялась между всеми общинниками. В отношении первой, таким образом, действовали нормы, выработанные в условиях развития производящего хозяйства, а в отношении второй — древние традиционные нормы, доставшиеся в наследство от предшествующей эпохи» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 356).

в систему, обладающую мощными потенциями.

На третьем этапе **совершается переход к интенсивному земледелию**, в результате выделяются в самостоятельные области скотоводство, ремесло и торговля (но процесс общественного разделения труда идет и на последующих этапах). Именно в этот период появляются первые, слабые еще государства. В течение третьего этапа (где-то позже, где-то раньше) образуются уже и крупные государства. Вместе с этим увеличивается и роль государственного регулирования.

Поскольку урбанизация в целом связана с усложнением общества и социального разделения труда, для этого этапа обязательно наличие городов. Функции их были различные, далеко не всегда связанные с ремеслом и даже торговлей. С появлением профессиональных воинов и управителей они становятся административными центрами, куда стекается знать. Нередко они были крепостями, центрами политической или религиозной жизни. Часто города господствовали над сельской округой, эксплуатируя ее с помощью близости к власти, силы или денег.

Но хотя крупные города существовали и в обществах, подобных инкскому, то есть без товарно-денежных отношений, за счет централизованного перераспределения продуктов, однако в формационном масштабе урбанизация без рыночных отношений и торговли не могла достигнуть высокого уровня. Поэтому расцвет городской культуры приходится на более поздние этапы. С другой стороны, города появляются в некоторых случаях очень рано. Один из древнейших (если не самый древний) город на Земле Иерихон в Палестине возник более 10 тыс. лет назад. Население его составляло 2 или более тыс. человек⁴.

С переходом к интенсивному земледелию резко, взрывным образом, стало расти население Земли, составлявшее теперь десятки, а на более поздних этапах и сотни миллионов человек⁵. По сути, основные

⁴ Поскольку уровень сельского хозяйства был невысоким, если хозяйство не было вообще присваивающим, есть предположение, что должен был «существовать другой источник доходов, и им могла быть торговля. Иерихон был расположен удачно для коммерческих предприятий: он контролировал ресурсы Мертвого моря, соль, битум и серу, полезные для древних обществ продукты. Обсидан, нефрит и диорит из Анатолии, бирюза с Синая и раковины каури из Красного моря найдены в руинах города» (Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982. С. 38— 39).

⁵ Правда, демографические характеристики не представляли линейную функцию, так как подъем и рост чередуются со стагнацией, уменьшением, а время от времени и катастрофическим уменьшением населения. Как восклицал М. Блок, «кто смог до сих пор по-настоящему объяснить хоть одно демографическое колебание?» (Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 56).

сгустки населения сосредоточивались именно в районах ирригационного или просто высокоурожайного хозяйства, территориально сравнительно небольших, то есть различия в плотности населения были колоссальными.

Выход на уровень интенсивного сельского хозяйства, стабильно дающего большой излишек продукции, составляет смысл четвертого (зрелости) этапа. Во многом это было связано с необходимостью увеличить производство различной продукции как для растущего населения, так прежде всего для возросших потребностей государственной власти и правящего класса (в том числе для военных нужд), а также с расширением зоны цивилизации и интенсивными контактами между ее частями.

Вариантов такого хозяйства было много, наиболее ранний и изобильный — ирригация в достаточно крупных регионах. Еще один, но более поздний тип — комбинированное растениеводческо-животноводческое хозяйство, в котором один сектор поддерживает другой (корма и удобрения, чередование культур, выпас и т. п.). В ряде стран такой переход задерживался из-за огромных резервов неиспользуемой земли.

Все шире распространяется пашенное земледелие с упряжными животными. Хотя проблеме места и времени изобретения плугов и их эволюции в литературе уделено значительное внимание, многое остается неясным и спорным. Первые плуги были относительно легкими орудиями, которые лишь немного взрыхляли, царапали почву. Много позже различные усовершенствования привели к тяжелому плугу, который тянули обычно 4 пары быков (волов). Определенные, иногда довольно хитрые приспособления позволяли переворачивать почву. Были разные виды плугов для разных почв (насчитываются многие десятки видов). Технические характеристики плуга могли влиять и на поземельные отношения. Тяжелый колесный плуг появился сравнительно поздно.

Специалисты отмечают необходимость различать раю как более простое и древнее орудие, которое, однако, употребляется и до сих пор, если не требуется глубокой вспашки, и собственно плуг⁶.

Высокую производительность имели оросительные приспособления. Так, с помощью шадуфа для поливки высоко расположенных полей можно было поднять в течение часа на высоту 2 метра 3400 литров

⁶ Рало — «это орудие, все существенные элементы которого расположены симметрично. В результате этого ось сопротивления совпадают с грядилем, который приходится на середину орудия. Наоборот, плуг — асимметричное орудие. Глыба земли, которую он подрезает по горизонтали, с одной стороны шире и больше, чем с другой» (Сказкин С. Д. Очерки истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968. С. 17).

воды, на 3 м — 2700, на 4 — 2080, 5 — 1880, 6 — 1650 л воды⁷. Это, естественно, значительно увеличивало возможности принудительного орошения. Приспособления для орошения хотя и медленно, но совершенствовались, особенно важным было использование для их работы мускульной силы животных. По словам Чайлда, такой оросительный механизм для откачки воды из рек и каналов, приводящийся в действие быками, был изобретен около 200 г. до н. э.⁸

С переходом на использование мускульной и двигательной силы животных наступает зрелость животноводства. Но процесс перехода от разведения животных просто для пищи к активному их использованию как энергетического источника, транспорта и в виде «тяжелых машин» был небыстрым⁹. Существенно влияли на это, как и вообще на производство, военные цели. Самые неразвитые народы, веками игнорировавшие простейшие изменения в быту, охотно заимствовали военные новинки.

Приручение лошади изменило военное дело. Именно она (и верблюд) сделали кочевников при их малочисленности столь грозными¹⁰.

Интенсивная специализация, кооперация, торговля и прочие формы контактов, обмена и разделения труда и составляют смысл пятого — высокой зрелости — этапа. Расточительность в плане использования природы уменьшается. Сельское хозяйство становится все более и более интенсивным, специализированным. Во многих случаях создается система город — пригородное сельское хозяйство. Происходит выделение сотен ремесленных специальностей, идет развитие денежно-кредитных отношений, торговли, наконец, появление промышленности, бурный рост городов.

Тут к месту пояснить, что этот принцип производства назван аграрно-ремесленным, поскольку в зрелый его период ремесло является обязательным атрибутом любого общества. То же можно сказать и о торговле. Поэтому точнее было бы говорить об аграрно-торгово-ремесленном, но уж очень громоздкое и неудобное название. Важно иметь в виду, что, став самостоятельными, ремесло и особенно торговля в некоторых случаях могли выполнять функциональную роль интенсивного сельского хозяйства. Это значит, что там, где проходили

⁷ См.: Экономическая история капиталистических стран. М., 1966. С. 28.

⁸ Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949. С. 53.

⁹ Так, хотя лошадь, по некоторым данным, была приручена во 2 тыс. до н. э. (а по другим, даже раньше), эффективно использовать ее для пахоты стали много позже, когда в VIII и IX вв. н. э. в Европе был изобретен (или заимствован) хомут, чтобы не сдавливать животному горло. Это также дало возможность перевозить на нем намного больше грузов. Теперь крестьяне могли использовать лошадь в самых разных целях и гораздо легче осваивать новые земли.

¹⁰ «Использование верблюда в Северной Африке в военных целях можно сравнить с появлением огнестрельного оружия» (Ковальска-Левицка А. Мавритания. М., 1981. С. 84).

выгодные пути транзитной торговли или добывались дорогие полезные ископаемые (золото, соль), могли появиться государства (или аналогичные им образования) даже на базе скотоводства или примитивного земледелия за счет прибавочного продукта, получаемого от несельскохозяйственных отраслей¹¹. Поэтому могли существовать государства (или их аналоги) в Африке и других местах при самом примитивном и

малоурожайном земледелии, порой без крупных домашних животных, если они контролировали добычу или транзит золота, соли, меди, пряностей, рабов и т. д.

5.2. Основное противоречие

Это противоречие между возможностями к росту производства населения, техническому совершенствованию, использованию накопленного для расширенного воспроизводства, с одной стороны, и внеэкономическим отчуждением, а также таким регулированием деятельности и потребления, которое лишает производителя стимулов к расширению хозяйства и к производительному использованию богатства — с другой.

Говоря иначе, отчуждалось много прибавочного продукта, но последний либо превращался в непроизводительное богатство, либо транжирился и служил источником паразитизма. *Обратная связь между распределением и производством, когда часть прибавочного продукта вкладывают в развитие хозяйства, была весьма слабой* (кроме отдельных периодов). Личная инициатива сдерживалась. Удобство для власти и высших групп эксплуатировать и держать в подчинении население вело к консервации данных отношений.

Вот некоторые из проявлений основного противоречия.

■ В обществах, где не освободились от родовых обычаев, продолжали мешать уравнилельные тенденции, отсутствие права наследования, всякого рода традиции, разорявшие крестьян (круговая порука, пышные похороны, свадьбы, помощь многочисленной родне и т. п.).

■ Войны и грабежи постоянно разрушали созданное, губили население, препятствовали накоплению.

■ Там, где внеэкономическое отчуждение было жестким (рабство, крепостничество), производитель вообще лишался стимулов к развитию и, напротив, стремился к тому, чтобы меньше работать или скрыть накопленное. Отсюда технический застой и жалобы на лень рабов,

¹¹ У других, особенно у кочевников, к этому добавлялся (иногда становился ведущим) военный грабеж.

бегство крестьян. Свободное же население нередко считало труд позором.

■ Сильно влияло регламентирование производства (рабочий день, заработок, приемы работы) и потребления. Нередко законы строго оговаривали, какому званию что носить, есть, пить и т. п. Производитель-организатор был стеснен запретами и регламентацией.

■ Религия и обычаи почти повсеместно одобряли не накопление, стремление к прибыли, а, напротив, — щедрость и праздность.

■ Частная собственность, особенно в виде капиталов (денег, товаров и пр.), занимала соответствующее ее возможностям место в экономической жизни только как исключение. Собственник не имел достаточной защиты, неприкосновенности, стабильности, нужных законов.

■ Налоги и повинности часто были разорительными, а непроизводственное потребление чрезмерным. Государство гигантские средства и труд тратит на военные цели, строительство, содержание двора и т. п. Земельные собственники и местные правители содержат тысячи прихлебателей, соперничают в роскоши друг с другом. Церковь увлекается украшательством и т. п. Мало кто из власть имущих видел главное достоинство в росте производства и поощрении производительных слоев. Но очень многие — в военной славе, роскоши и забавах.

Итак, данный принцип производства почти везде, а в ряде мест особенно, был способен создавать большой излишек благ. И если бы последний — хоть в определенной своей части — постоянно использовался производительно, а хозяйственная инициатива поощрялась, развитие шло бы гораздо быстрее. К сожалению, такое отмечается сравнительно редко¹².

И только когда Европа сумела перейти к системе, где часть экономики могла под военной и политической защитой государства развиваться несколько более свободно и самостоятельно, начался процесс наращивания производства и перехода к промышленной революции.

Основное противоречие складывается в период зрелости формации, когда производительные силы еще не реализовали своих потенций, поэтому общественные отношения в достаточной мере соответствовали им. Главная задача в области экономики: защитить население от нашествий, поддержать внутренний порядок и не сделать бремя повинностей непосильным — лучше или хуже решалась на этапе

¹² В некоторые периоды, когда государство остро нуждалось в восстановлении хозяйства, оно поощряло хозяйственную инициативу, закрепляло освоенные площади за работником, снижало налоговое бремя, карало тех, кто лихоимничал, и т. п. Но это обычно не продолжалось слишком долго.

зрелости с помощью государства. Но на дальнейших этапах принципа производства развитие производительных сил начинает обгонять рост экономических и иных отношений и в значительной степени уже устраняет технические проблемы, не разрешимые ранее.

Техническая сторона основного противоречия заключалась в недостатке удобных способов накопления, сохранения и циркуляции благ. Ведь в натуральном виде богатства, во-первых, были слишком громоздки и неудобны в хранении, во-вторых, при господстве натурального хозяйства разделение труда оказывалось недостаточным. Это, в частности, выражалось в слабой производительности и низком качестве ремесленного производства. Частично это преодолевалось путем государственного регулирования. Но очевидно, что рост прибавочного продукта в такой форме имел физические пределы.

Этот технический аспект разрешался путем развития торговли, товарно-денежных и договорных отношений, постоянным разделением труда. В Египте натуральность (полунатуральность) хозяйства сохранялась до эпохи эллинизма, поэтому торговля всегда была там второстепенной отраслью, а ремесленники работали в основном на государство или на заказ. Гораздо дальше развитие денежных отношений и торговли пошло в Междуречье. И еще более в торговых обществах Средиземноморья в I тысячелетии до н. э. Появление золотой монеты придал богатству не только компактную, но исключительно мобильную и удобную форму, а кредит позволял развивать дальнюю торговлю и вращать большими капиталами. В римскую эпоху появились и достаточно совершенные юридические формы удобного распоряжения богатством. Наконец, в I тыс. н. э. в арабском мире, Китае указанные отношения в некоторые моменты достигают еще более высокого уровня и масштаба¹³.

Кроме того, эта техническая часть противоречия разрешалась и развитием других элементов производительных сил, особенно транспорта. Развитие мореходства, собственно, и позволило создать наиболее развитые торговые общества, а также обеспечить существование городов-государств, которые неизбежно были ориентированы на ремесленное производство. Многие греческие города без заморского хлеба просто не могли существовать. Важную роль играл и колесный (вьючный) транспорт, позволяющий поддерживать устойчивые торговые контакты, что дополнительно увеличивало емкость богатства в виде иноземных товаров, таких как шелк, пушнина, перец и т. п.

Аккумуляции и циркуляции богатства, а значит разрешению

¹³ Например, появление бумажных денег в Китае.

технической части противоречия способствовало и развитое ремесло, прежде всего те отрасли, которые производили очень дорогие и престижные вещи. «Между 4000 и 3000 гг. до н. э. какое-то общество или общества Передней Азии сделали новое открытие, обнаружив, что медь можно плавить... и... придавать ей любую форму... Можно сказать, что это открытие положило начало металлургии»¹⁴. Металлические вещи долго были очень престижными, а оружие и доспехи всегда ценились, порой составляли целые состояния¹⁵. Чем богаче и утонченнее было общество, тем больше там было ремесленников, производящих очень дорогие вещи (одежду, украшения, предметы искусства и т. п.).

Но такое развитие производства и обмена обостряло общественную часть основного противоречия. Расширение возможностей накапливать, обменивать и потреблять блага в любом виде, количестве, месте и в любое время наталкивалось на различные ограничения. Помимо нестабильности из-за войн и стихийных бедствий, имелись препятствия в самом устройстве общества. Ведь сословно-ранговые перегородки, религиозные или юридические запреты позволяли делать это только узкому кругу лиц, часто с трудом включавшему в себя даже богатых простолюдинов. С другой же стороны, непроизводительное потребление имело жесткие пределы, так как основное производство не могло адекватно расти из-за бедности, тягот или иных причин, не поощрявших развитие производительности труда и производственных вложений.

Влияние роста непроизводительного потребления могло иметь разные последствия. В одних случаях это выражалось в том, что знать усиливала и усиливала изъятие прибавочного продукта, прибегая ко все более жестким мерам внеэкономического принуждения (например превращая крестьян в крепостных рабов). В других — вело к усилению войн и превращению хозяйства в придаток военной организации. В Римском мире это проявилось в кризисе рабовладения. Для стран Востока важно напомнить, что производство могло развиваться только под защитой государства, так как смуты, распад и прочее вели к катастрофическим последствиям. При ослаблении власти частная собственность получала силу, но стремилась в первую очередь не к

¹⁴ Чайлд Г. Прогресс и археология. С. 67.

¹⁵ Конечно, по мере распространения металлов, особенно железа, оно начинает играть и огромную, чисто производственную роль, позволяя осваивать те земли, которые иначе остались бы втуне. «В Италии осушали болота посредством тоннелей, проложенных в твердых породах с помощью железной кирки и лома, в то время как в таких знойных пустынных странах, как Иран, во избежание испарения родниковую воду для орошения направляли по подземным каналам, которые можно было прорыть только с помощью железных орудий» (Чайлд Г. Ук. соч. С. 78).

увеличению производства, а к паразитизму¹⁶. Сильное же государство сдерживало рост производства, препятствовало поиску нового. Экономика и политика не были разделены.

Наконец, в начале II тыс. н. э. в Италии и некоторых частях Европы благодаря заимствованиям с Востока и их развитию¹⁷ торговля, кредит, денежное хозяйство, работа на рынок, специализация достигли уровня, который позволил впервые преодолеть и основное противоречие. Но об этом позже.

5.3. Хронология этапов аграрно-ремесленного принципа производства

По сравнению с охотничье-собирательским принципом производства хронология, конечно, существенно точнее, но в целом достаточно условна. К тому же невозможно забывать о крайней неравномерности и цикличности развития государств в этот период. Временами историческая эволюция как бы стоит на перепутье, ищет наилучший путь вперед, иногда намечается сразу несколько конкурирующих генеральных линий.

Тут крайне важно отметить, что хотя производительные силы могли достигать достаточно высоких форм и в рамках отдельных обществ, окруженных отсталой периферией, но развитие принципа производства и формации как всемирного процесса требовало гораздо более широкой базы в виде многих обществ, близких по уровню развития и имеющих всевозможные, в том числе торговые контакты. Поэтому требовалось подтягивание к авангардным и некоторым другим обществ. А поскольку такое расширение по срокам запаздывало и очень часто осуществлялось в виде завоеваний (с неизбежными разрушениями, уничтожениями и регрессиями), то в забежавшем вперед обществе обычно наступал кризис, заканчивающийся потерей независимости. Если его развитие и продолжалось, то оно шло уже на иной политической и этнической базе, к тому же вбок от генеральной линии.

Поэтому подтягивание периферии к уровню вырвавшегося вперед общества происходит не путем продолжения предыдущей линии, а за счет формирования новых линий. А значит, дальнейшее развитие продолжается не с момента остановки, так как сначала происходит некий откат назад (за счет варваризации, прерывания культурных и

¹⁶ О различии в развитии частной собственности во второй и третьей формациях, а так же между Европой и Востоком мы уже говорили (см. настоящую работу // Философия и общество. 1999. № 2. С. 26—40).

¹⁷ Например, в XIII веке Леонардо Фибоначчи ввел в употребление арабские цифры, которые нашли свое главное применение в торговой бухгалтерии. Уже через несколько десятков лет каждый купеческий ученик должен был знать четыре правила арифметики, что до этого было достоянием лишь горстки ученых.

производственных, особенно политических традиций). Но зато, начиная подъем с более высокой отметки и имея более широкое основание, чем их предшественники, эти общества проходят ранние этапы гораздо более быстро и продвигаются намного дальше вперед. Затем цикл в общем виде повторяется. **В результате нет и намека на линейность развития**¹⁸.

От появления первых государств и цивилизаций до начала нового времени можно наметить по меньшей мере 4—5 таких спиралевидных циклов. Египет и Месопотамия (но их можно и разделить); Малая Азия и Греция¹⁹; эллинистические государства и Рим; арабы; Европа. При этом каждое из этих обществ приближается к генеральной линии лишь в отдельные эпохи, а затем уходит от нее вбок или гибнет. В результате хронология каждого из перечисленных спиральных витков не совпадает с генеральной линией.

Следовательно, в мировом масштабе датировать этапы продуктивнее с учетом завершения подготовки того базиса, который обеспечивает прорыв в более высокую фазу. Иными словами, если одно авангардное общество достигло нового этапа (допустим, 4-го, то есть зрелости), но ретроспективно далее оно не пошло, то начало указанного четвертого этапа принципа производства в целом правильнее датировать не по этому обществу, а по более позднему, но такому, которое ретроспективно способно выйти на более высокий этап (в нашем случае, пятый — высокой зрелости).

Поясним сказанное на примере. Если Египет впервые в мире вступил в третий (расцвета) этап, то и для принципа производства в целом это начало третьего этапа, поскольку Египет же первым вступает и в фазу, аналогичную четвертому (зрелости) этапу. Однако далее это государство утрачивает роль лидера. Значит, для принципа производства все еще продолжался этап расцвета до тех пор, пока в зрелость не вступила Греция, оказавшаяся способной достигнуть следующего, пятого (высокой зрелости) этапа.

Рассмотрим теперь хронологию аграрно-ремесленного принципа производства более подробно на двух уровнях: общемировом и обществ-первопроходцев. Итак, где-то в середине или в конце IV тыс. до н. э. на

¹⁸ Недаром ведь некоторые теоретики настаивали на внутренней независимости таких циклов каждой цивилизации (этноса) и даже определяли отпущенные им сроки жизни от 1200 до 1500 лет.

¹⁹ Одновременно с ними Персия, Китай, Индия, причем каждая из этих цивилизаций насчитывает ряд внутренних циклов подъема — остановки (регресса, внутренних смут, завоеваний, распада и т. п.) — нового подъема. Кроме того, нужно сказать и еще о ряде как бы дополнительных линий, например, Месопотамия — Индская цивилизация; Египет и Месопотамия — Финикия и Карфаген; Месопотамия, Египет Крито-Микенская цивилизация — Греция.

базе объединения Египта начинается третий этап принципа производства. Он продолжается в эпохи Раннего и Древнего царств, или до конца III тыс. до н. э. (условно до первого распада Египта), и характеризуется формированием общеегипетской ирригационной системы. Несколько позже аналогичные процессы начались в Месопотамии. Но там на первых порах не было ни столь мощных ирригационных сооружений, ни единого государства. Зато более развитыми, чем в Египте, были товарно-денежные отношения.

В последнем с конца III тыс. до н. э. и до конца II тыс. до н. э. (эпохи Среднего и Нового царств с междоцарствиями) наступает этап зрелости²⁰. Система орошения усовершенствуется: прорывается множество каналов, создаются водохранилища, благодаря особой технике (шадуфы и прочее) теперь поливаются и так называемые верхние поля; заметно усовершенствуется плуг. Развиваются животноводство, ремесло, в меньшей степени торговля. В последующие эпохи развитие хотя и продолжается, но все дальше уходит от генеральной линии исторического процесса, в котором появляются новые лидеры.

На несколько сот лет позже, примерно с начала II тыс. до н. э. (то есть с эпохи Старовавилонского царства), в этап зрелости вступает и Месопотамия. Начинает складываться общая система ирригации, и распространяется плужное земледелие. Но особенно важным было развитие товарно-денежных и договорных отношений. Эпохой Нововавилонского царства (VII—VI вв. до н. э.) этот период заканчивается. После этого Междуречье, и так являвшееся своего рода проходным двором истории, окончательно теряет независимость. Но его многообразные достижения продолжают жить в других обществах, от Карфагена до Индии.

Итак, с конца II — начала I тыс. до н. э. генеральная линия постепенно уходит с Ближнего Востока. За полторы тысячи лет (с момента вступления Египта в зрелый период) мировая цивилизация расширилась колоссально. Уже оказались уничтоженными не только много государств, но и ряд цивилизаций (Индская, Крито-Микенская).

Если вступление в зрелость при благоприятном географическом факторе могло происходить в рамках крупного государства, то вступление в этап высокой зрелости даже отдельных обществ требовало во много раз большего цивилизационного пространства (а для появления последнего требовалась иная агротехника). **Таким образом, одно из важнейших отличий второй формации от первой заключается в том, что локальность уступает место региональности, которая на пороге нового времени начинает перерастать во**

²⁰ Определенным показателем вступления в зрелость явился отказ от сооружения гигантских пирамид.

всемирность.

Эволюция вновь на распутье. Намечаются потенциальные генеральные линии: Персия, Индия, Китай, Карфаген. Но им суждено было стать лишь боковыми, хотя и весьма важными, ибо без них никакого рывка вперед не могло быть. В конце концов генеральная линия дальше пошла через Малую Азию и Грецию, которые в VIII— VI веках до н. э. вступили в период зрелости. Благодаря общеизвестным достижениям Греции в области торговли, денег, ремесла, особенно поддержки частной собственности, потенциально стал возможен ее переход в пятый этап (высокой зрелости)²¹.

Таким образом, во всемирном масштабе третий этап аграрно-ремесленного принципа производства продолжался примерно 2500 лет. Он начался в середине (конце) IV тыс. до м. э. и закончился в первой трети I тыс. до н. э.

В период эллинизма площадь активно взаимодействующих высокоразвитых социумов, объемы торговли, денежных оборотов, кредита и многого другого стали несопоставимыми с прежними временами. В результате эллинистические общества стали переходить к этапу высокой зрелости²². Но развитие Италии (не считая некоторых греческих колоний и Сицилии) отставало от эллинистических государств и Карфагена. Однако под влиянием греков оно пошло семимильными шагами. В области строительства, городского хозяйства, коммуникаций римляне долгое время были недостигаемы. Уровень агротехники в ряде отраслей растениеводства также был высок и в огородничестве и особенно садоводстве «был достигнут в Западной Европе не раньше XVI в.»²³. Появляется также ряд технических новшеств, в том числе и первые машины с передаточными механизмами и колесами и с немускульной энергией: водяные мельницы (впервые где-то за сто лет до нашей эры).

В первые века нашей эры Римская империя вступила в период высокой зрелости. Свидетельство тому — наличие многих элементов, которые много времени спустя оказались крайне необходимыми для дальнейшего развития и которые в столь развитом виде не существовали до этого. Особенно важным было развитое право. Но позже начались необратимые кризисные процессы, которые остановили развитие.

Таким образом, несмотря на все достижения античности, принцип

²¹ Косвенное свидетельство тому — отличие греческой науки от ее предшественниц. Как справедливо замечает один историк науки, греки не были первыми учеными, но они были первыми, о ком мы имеем письменные свидетельства, первыми, кто стал рассматривать науку как особый процесс, причем как процесс бесконечный (Singer Ch. A Short History of Science to the Nineteenth Century. Oxford, UK. 1941. 399 с. P. 5).

²² Индия и Китай находились в это время и до середины I тыс. н. э. в этапе зрелости.

²³ Сказкин С. Д. У к. соч. С. 14.

производства все еще оставался на этапе зрелости, а чтобы продвинуться дальше, потребовались глобальные перемены, разрушения, миграции и временный откат культуры.

С падением Римской империи и окончанием эпохи античности эволюция вновь оказалась на распутье. Мир готовился к новому рывку. В VII веке н. э. начинается подъем в Китае (династия Тан) и, несмотря на междоусобицы, в Индии. В предшествующее время были успехи в Византии и Иране. Но особенно важен выход на мировую сцену арабов, которые оказались способными не только встряхнуть и объединить Восток, но и дать новый импульс его развитию, обогатившись достижениями различных, в том числе античной, культур.

И с конца VII (начала VIII) до XII в. генеральная линия перемещается в арабский мир. В результате эти и некоторые другие страны прошли пятый, высокой зрелости, этап и иступили в следующий, аналогичный шестому этапу формации, но уводящий их вбок. К месту будет вспомнить, что арабские купцы и мореплаватели объективно во многом подготовили начало Великих географических открытий, особенно открытие морского пути из Европы в Индию.

Итак, четвертый этап (зрелости) в мировом масштабе длился со второй трети I тысячелетия до н. э. до последней трети I тысячелетия н. э., то есть около полугода тысяч лет. В течение нескольких веков Европа, обогащенная достижениями арабов и иных восточных стран, быстро ликвидировала отставание, и примерно в XII—XIII веках некоторые ее области вышли в шестой, подготовительный этап. Генеральная линия вновь оказалась здесь.

Следовательно, в мировом масштабе пятый — высокой зрелости — этап нужно датировать VII—XIII веками (с известными поправками). А уже период XIII — первой половины XV веков соответствует в мировом масштабе шестому этапу аграрно-ремесленного принципа производства²⁴.

5.4. Поиск путей в новый принцип производства

Из всех вариантов развития второй формации ретроспективно наиболее удачными оказались те, где внеэкономическое отчуждение было не столь всеобъемлющим, а более органично сочеталось с полуэкономическим и существенными вкраплениями экономического, как в Западной Европе. Это было возможно, потому что неполивное земледелие, хотя было менее производительным, чем ирригационное, зато и требовало меньше государственного вмешательства. В сочетании с рядом других вещей это давало больше возможностей для

²⁴ В этом случае датировки совпадают уже с датировками передовых европейских обществ, поскольку далее развитие не имело столь драматических, как прежде, перерывов.

разрешения основного противоречия.

В восточных странах при большом населении и дешевизне рабочей силы торговцы и коммерсанты лишь в редких случаях думали о повышении производительности труда, поскольку условия и так обеспечивали им сверхприбыль. В Европе механизация в широком плане, то есть использование не только различных технических приспособлений, но и силы животных, воды и ветра, была развита относительно выше. Этому способствовали более редкое население и более скудные почвы, подходящие для механизации природные условия (изрезанное побережье, множество рек и ручьев и т. п.), возможность и способность использовать многочисленные достижения предшественников и соседей.

Отсюда неизбежен переход к истории ремесла второй формации и истоков появления техники. Однако сейчас нет необходимости сколько-нибудь подробно говорить об этом. Достаточно напомнить, что различные приспособления, механизмы и машины появились задолго до новой эры. Много их было в военном деле, и, возможно, наиболее совершенные по тем временам машины применялись именно для этих целей.

«Технический прогресс, первые признаки которого начинают наблюдаться в это время (то есть X—XI вв. в Европе. — Л. Г.), — пишет, например, Жорж Дюби, — затрагивал в первую очередь совершенствование военного снаряжения и развитие производства металлов, используемых для изготовления оружия»²⁵. А осадные орудия, греческий огонь, крепости, корабли? Наконец, ружья, порох, пушки?

Общеизвестно, что в античности было много искусных механиков и изобретателей. Один из самых известных, Герон, даже создал в Александрии нечто вроде инженерной школы. Но таланты конструкторов древности использовались либо в военном деле, либо для забав²⁶.

Хотя механизация труда (включая применение животных) постоянно росла, но было и много причин, мешающих этому. Например, водяная мельница была изобретена и сто лет до нашей эры, но рабский труд препятствовал ее распространению. Зато в Европе уже в раннее средневековье водяные мельницы быстро распространились, чему способствовало в большой степени отсутствие рабов, которые могли с успехом заменять колесо. Можно сравнить индийских и европейских

²⁵ Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 20.

²⁶ Сам Герон восхищал современников своими механическими игрушками, например неким подобием паровой турбины. Его куклы-автоматы разыгрывали драму в пяти актах: спускали в бутафорское море игрушечные корабли, плыли на них в сопровождении ныряющих дельфинов, терпели кораблекрушение, обманутые ложным маяком, и т. п. Практически использовалась лишь изобретенный Героном автомат для продажи священной воды (см.: Кудрявцев Б. Б. Биография великана. М., 1967. С. 67).

ткачей. Первые брали потомственными навыками, вторые — большей механизацией, так что цехам приходилось ограничивать в этом своих членов.

Так или иначе, в Европе с XI—XII веков происходят очень серьезные перемены. Особенно заметны они в росте городов. Последние стали появляться очень быстро именно как центры ремесла и торговли, и вся их внутренняя жизнь складывалась вокруг этого. В течение нескольких столетий они выросли и окрепли, создали новые общественные слои, подготовившие рождение буржуазии. С ростом же городов происходит и концентрация производства, а с ней, как справедливо отмечает Бродель, концентрация промышленных районов, в той или иной степени связанных с городами. А со всем этим — и рост технических новинок.

Очень важными были изменения в местной и особенно международной торговле, кредитном и банковском деле, в кораблевождении, возникновение специализированных хозяйственных и промышленных зон, появление мануфактур, новое в сельском хозяйстве и пр.

Столь высокое развитие ведет к обострению основного противоречия, так как избыточное богатство требует приложения. Но как? Вновь ли на расточительство, роскошь, войны или во все большей мере в торговлю и промышленность? Накопление разнообразных достижений при стечении еще множества самых разных обстоятельств: от отсутствия нашествий до некоторых духовных и социальных явлений — создают условия для преодоления основного противоречия и перехода к новому принципу производства.

Теперь в Европе стало гораздо больше возможностей и для производительного вложения капиталов, и для трансформации высших сословий в производительные классы, и в плане уважения прав частной собственности, личной свободы и проявления инициативы. Поэтому первый бастион основного противоречия был взят уже в XV—XVI веках. Затем в виде остаточного оно разрешается только буржуазными революциями и реформами.

Но даже в Европе путь не был прямым. Раньше всех (в XII—XIII вв.) переход к новому начался в итальянских государствах: Венеции, Генуе, Флоренции и др. Богатство там было огромным, и создавалось оно прежде всего благодаря выгодному географическому положению за счет монопольной торговли пряностями с Востоком, банковского обслуживания папской курии и ряда королевских дворов. Конечно, развивалась и промышленность, в частности мануфактуры. Но в целом основа прогресса была непрочна: исключительность положения, которая впоследствии исчезла. Однако Италия дала очень много для рождения

нового способа производства, особенно в денежном обращении (вексель, бухгалтер, кредит и т. п.).

Во многом похожая ситуация складывалась и во Франции, в которой, по мнению Броделя, в XIII веке находился центр европейского мира — экономики «посреди подвижного четырехугольника шампанских ярмарок»²⁷. Однако в конце XIII века роль этих ярмарок уменьшается, а затем во Франции начинается глубокий и затяжной кризис.

Таким образом, если Северная Италия и некоторые другие области Европы и преодолевают основное противоречие за счет исключительного развития торговли, кредита и ремесла, то уходят вбок от генеральной линии. Но это не было столь роковым расхождением с генеральной линией, как в восточных странах²⁸.

Что касается последних, то некоторые из них также сумели в определенной части преодолеть основное противоречие и выйти в более высокие этапы второй формации, однако уже в ее нисходящей части. Но они настолько уклонились от генеральной линии, что для возврата к ней потребовалось несколько веков.

Китай из всех восточных стран в развитии аграрно-ремесленного принципа производства, можно считать, пошел дальше всех. Этого удалось достигнуть с помощью исключительно высокого развития государства и длительно царившего мира. В XVIII—XIX веках здесь проживало огромное даже по сегодняшним меркам население, невозможное в рамках второго принципа производства на такой площади (к этому моменту мы вернемся еще в следующем параграфе). А разве население не есть часть производительных сил? При этом агрокультура также достигла очень высокого уровня развития, в частности были выведены скороспелые сорта риса. Мало того, даже и по доходам на душу населения Китай очень долго не только не отставал, но и опережал Европу²⁹. Таким образом, он достиг сначала седьмого, потом восьмого этапа в рамках аграрно-ремесленного принципа производства. Но поскольку это все же был путь в тупик, его развитие столкнулось в конце концов с более передовыми в техническом и военном отношении странами.

Турция (частично и Иран) переросла высший уровень аграрно-ремесленного принципа производства во многом за счет достаточно

²⁷ Бродель Ф. Что такое Франция? Книга вторая. Люди и вещи. Часть первая: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М., 1995. С. 146.

²⁸ И по причине культурной и географической близости, и по причине включения ряда европейских обществ в общий экономический процесс, и по причине того, что базовые моменты в виде частной собственности, права и прочего были сходны. А технология и техника заимствуются легче.

²⁹ Я уже приводил соответствующие данные (из статьи: Петров А. М. Новые задачи старинной науки // Народы Азии и Африки. 1989. № 2. С. 75) о том, что, по подсчетам современных исследователей (Петров ссылается на П. Бэрока), ВВП на душу населения в 1800 г. в развитых странах Европы составлял 200 дол., а в Китае — 210.

тесных связей с Европой, особенно в связи с необходимостью поддерживать боеспособность армии. Это и помогло ей быстрее модернизироваться. Индия, Египет развивались по модели более сильного принудительного вмешательства передовых государств.

Япония в период длительного мира до революции Мэйдзи также перешла в седьмой этап этого принципа производства. Это происходило во многом за счет развития торговли и товарно-денежных отношений, сильно захвативших и высшие сословия; за счет специализации и товарности как сельского хозяйства, так и ремесла, роста урбанизации и длительных, хотя и ограниченных контактов с голландцами. Однако все это шло в условиях эволюции весьма специфических государственно-феодальных институтов, что и не позволяло долгое время выйти из старого русла развития. В то же время в Японии в отличие от Китая не было столь сильного централизованного правительства, была влиятельная и относительно прогрессивная оппозиция высшей элиты на Юге, поэтому (одна из многих причин) она не зашла столь далеко в развитии аграрно-ремесленного принципа производства, как Китай, и смогла модернизироваться за счет мобилизации внутренних возможностей.

Таким образом, мы видим неоднolineйность движения, сочетание разных способов преодоления основного противоречия. Формирование черт нового принципа производства (тем более формации) и уход старых — процесс очень долгий. И этот переходный период от одной формации к другой принадлежит в известной мере как бы им обеим. Но его гораздо удобнее и продуктивнее относить именно к новой, а не к уходящей формации. Кроме того, колониальная и полуколониальная периферия Европы приобретала как бы двойственное положение: внутреннее развитие оставляло их во второй формации, внешнее связывало уже с третьей.

§ 6. Промышленная революция и промышленный принцип производства

6.1. Предпосылки для преодоления основного противоречия и перехода к промышленному принципу производства. Некоторые сравнения Европы и Востока

Итак, начиная с XI в. процессы развития городов, техники, ремесла и торговли постепенно подводят ряд европейских обществ к промышленной революции, первый этап которой можно датировать второй третью XV — XVI вв.

Некоторые предпосылки для перехода к новому принципу

производства можно увидеть при выяснении тех отличий, которые помогли Европе обогнать Азию (в аспекте прежде всего, конечно, производственным и экономическом).

Начнем с того, что население в Азии было гораздо большим, чем в Европе. В XVI в. один европеец отмечал, что в Китае «не было ни пяди земли, даже крохотного уголка, который бы не возделывался»³⁰. В результате внешнего и внутреннего мира и доведения хозяйства до полной интенсификации население там стало невероятно большим и продолжало расти³¹.

Во Франции же в начале XVII в. при населении в 20 млн человек казалось, что она перенаселена, «полна доверху», по выражению современника³². А вот в Англии в это время жило всего 5 млн человек. Но ведь именно там произошла машинная революция! А первая буржуазная революция победила в Нидерландах, в которых жило где-то 3 млн чел.

Следовательно, нужны были определенные пропорции в территории, населении, наиболее благоприятные для перехода к новому. Восток в них не вписывался³³. Подобно античному рабству, избыточное население также вело развитие в тупик, так как оно могло воспроизводиться только при крепком государстве или иных жестких системах (вроде индийской общины), которые не могли обеспечить рывок в новое.

О другой важной особенности — более высоком уровне механизации на Западе — уже шла речь. Стоит только добавить, что и содержание работника стоило дороже (отопление, зимняя одежда и пр.), чем в теплых краях, что западная цивилизация начинала с более высокой технической базы, чем восточные страны, более суровый климат и недостаток населения привели к тому, что здесь гораздо больше использовали лошадей и тягловый скот для самых разных работ, чем в крупных цивилизациях Азии. К тому же животноводство на Западе было развито относительно лучше, чем в дальневосточных государствах³⁴.

³⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. М., 1986. Т. 1. С. 164.

³¹ «По оценочным данным, население Китая в 1750 г. составляло 260 млн человек, в 1760 — 268 млн, в 1810 — 385 млн, в 1830 — 409 млн, в 1840 — 412 млн» (Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 207).

³² Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 66.

³³ Добавим о населении. В Англии, с ее сравнительно немногочисленными жителями, при переходе к машинам и огораживаниям появилось много лишнего народа, который частью уезжал, частью попал под репрессии. А куда нужно было уйти десяткам миллионов «ненужных» людей в Китае или многомиллионным кастам ремесленников в Индии, ткани которых продавались по всему миру? И могла ли власть представить такое и способствовать этому? В известном смысле, когда Европа нащупала нужный вариант, восточные системы оказались обреченными.

³⁴ В Европе после того как леса уже были переведены на золу, в качестве удобрения использовали, главным образом, навоз, который могло поставлять только животноводство: так

Вместе с рядом других вещей (например запретом рабства и более высоким уровнем права, прекращением варварских нашествий с XI века) это делало в Европе условия для принудительного труда хуже, а для трудосбережения — лучше.

Кризисы XIV—XV вв. усилили дефицит рабочей силы, проблемы уровня заработной платы, повинностей и прочего. И кое-где (во Франции, Англии и других местах) пошли по пути фактического освобождения крестьян. В результате у частной собственности, получившей импульс к саморазвитию, источники непроизводительной наживы оказались не просто ограниченными, но в ряде случаев постепенно уменьшались³⁵.

Итак, труд стал более свободным, а следовательно, трудосбережение — более выгодным. Особенно в ремесле и торговле, то есть в областях более квалифицированного труда. Неудивительно, что именно с XIV в. процесс создания и усовершенствования различных механизмов (прессов, колес, мельниц, сукновален и т. п.) усиливается. Это ускорило также поиск наиболее прибыльных сфер приложения капитала. В отличие от более богатого Востока значительная часть прибавочного продукта стала вновь вкладываться в производство, в т. ч. и в новые отрасли.

Многие исследователи отмечают особенности европейских городов как центров промышленности и торговли, которые экономически господствовали над сельской округой, создавая своего рода агропромышленные зоны³⁶. Специально стоит также выделить **значительную самостоятельность во внутренней жизни и распределении благ при переходе заботы о безопасности к центральному правительству** (насколько это было возможно в то время).

Частная собственность всегда нуждалась в политической и юридической защите. Но обычно либо происходил перекося в сторону

органически сочетались обе отрасли сельского хозяйства.

³⁵ Кстати будет отметить, что в Европе в XIV—XV вв. роль военного грабежа и других внешних источников внеэкономических изъятий для экономического и культурного роста была невелика по сравнению с другими регионами или эпохами. Ведь даже в Афинах грабеж союзников был экономическим базисом расцвета этой демократии. Когда же начался грабеж колоний, решающий шаг к новому принципу производства был уже сделан. Кроме того, колониальная эксплуатация (за исключением самых первых контактов) не была чистым паразитизмом. Ведь в колониях надо было с нуля организовывать хозяйство и ввозить туда практически все, поэтому даже при принудительном труде росли специализация и мировая торговля.

³⁶ Хотя и на Востоке временами товарно-денежные отношения достигали весьма высокой стадии в некоторых местах, все же главный сектор был аграрным. Города же имели специфику: в них скапливалось гораздо больше людей, чем нужно было по оптимальным размерам для оплаты труда и использования техники.

произвола власти, либо собственники сами, по словам древнего пророка, «превращались в князей» и ставили политику себе на службу. А нередко их эгоизм приводил к разложению государства и общества.

В Европе в указанный период начинал устанавливаться определенный и благоприятный баланс: власть не позволяла слишком грабить собственников и менять правила игры, собственники не могли подменить государство и разложить его³⁷. В результате политическая сфера начинает постепенно отделяться от экономической и перестает подавлять ее. Этого не было ни на Востоке, ни в античности. А раз экономик (причем не паразитическая, а в целом производительная) начинает обретать самостоятельность, с одной стороны, и перекладывает безопасность на власть, с другой — она развивается гораздо быстрее и свободнее. А там, где такого разделения не произошло, замедлялось и развитие, как в Италии с XVI в.

Конечно, препятствий для перехода к новому хватало и в Европе: цеха, сеньоры, войны, децентрализация, монополия на отдельные виды торговли или деятельности, попытки регламентировать производство (в частности, порой боролись с роскошью) и т. п. Неудивительно, что раннее развитие в Европе в XIII—XIV вв. подобия капиталистических отношений оказалось непрочным. И это характерно для первых поисков, расчищающих путь для нового принципа производства.

В шестом подготовительном этапе старого принципа производства вместе с появлением многих элементов будущего возникают и различные кризисы, историческая роль которых становится яснее лишь ретроспективно. Они способствуют появлению и расширению новшеств. Первичный переход к примитивному сельскому хозяйству многие исследователи связывают с неясными пока нам переломными явлениями. XIV — начало (первая половина) XV в., то есть эпоха, предшествующая началу промышленной революции, также характеризуется различными по характеру кризисными явлениями в Западной Европе.

Во-первых, это чума XIV в., которая в ряде мест унесла до одной четверти или даже трети населения³⁸ и резко обострила проблему рабочей силы и ее оплаты, что, бесспорно, способствовало появлению технических новинок и их более широкому распространению.

Во-вторых, с конца XIII в. началось похолодание и стало ощущаться ухудшение почв в старых районах пашенного земледелия. Время от времени возникали сильные голодовки. Как отмечают исследователи, пик

³⁷ Но отделение экономики от политики шло не только там. В связи с постепенным переходом земель в полную собственность дворян последние получают экономические выгоды, но зато в результате объединения королевств теряют политическую самостоятельность.

³⁸ Даже в Германии, легче перенесшей эпидемию, чем Англия или Италия, болезнь за 1348—1349 гг. унесла одну седьмую часть населения (Сказкин С. Д. Ук. соч. С. 247). А с 1326 по 1400 год в той же Германии было 32 года эпидемий чумы (там же. С. 246).

демографического роста в Европе заканчивается в конце XIII века, и начинается уменьшение численности населения, причем этот спад в течение некоторого времени ускоряется³⁹. Во Франции за время Столетней войны XIV—XV вв., по некоторым данным, население сократилось вдвое: с 20 до 10 млн человек⁴⁰.

В-третьих, в ряде стран свирепствовали тяжелые войны и восстания. В них «наблюдались деколонизация культурных земель, забрасывание пашен, нехватка рабочих рук, падение урожая и рент, повышение цен на продукты питания и сырье»⁴¹.

«Выход из аграрного кризиса был достигнут путем значительной хозяйственной перестройки: развития наиболее товарных сфер сельского хозяйства, новой организации землепользования и труда в поместьях, более интенсивного использования природных ресурсов, особенно промышленного значения»⁴².

Со второй трети — середины XV в. начинается хозяйственный подъем. Но на этот раз он не был обычным экономическим колебанием, а означал начало новой производственной революции. Предпосылки для вступления в новый принцип производства, которые складывались в Европе уже несколько веков, теперь, наконец, реализовались. Очень интересное свидетельство начала коренного изменения в принципе производства именно с XV века можно увидеть в том, что с этого времени начинается завоз хлеба из отдельных стран в области, где его не хватало, «особенно перевоз хлеба и других сельскохозяйственных продуктов по морю, и рассказы об ужасах голода в качестве постоянного рефрена постепенно сходят со страниц хроник»⁴³. С этого же времени, по определению Броделя, «от Польши до Атлантического океана, от Северного моря до Испании утверждается единая история»⁴⁴.

Основное противоречие во многом было сломано, так как такое хозяйственное развитие требовало огромных вложений и создания самовозрастающего капитала. Укрепились частная собственность на землю, денежные и иные капитальные средства, а государство стало больше уважать права собственников. Торговля переставала быть непочетным занятием. Деньги и в торговле, и в промышленности все время находились в обороте, делали новые деньги.

Крайне важно, что крепостное право в основном уже было уничтожено, а крестьяне становились лично свободными. Появилась

³⁹ См.: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч. 1. С. 140.

⁴⁰ См.: Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч. 1. С. 140-141.

⁴¹ История средних веков / Под ред. З. В. Удальцовой и С. П. Карпова. В 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 412.

⁴² Там же.

⁴³ Сказкин С. Д. Ук. соч. С. 246.

⁴⁴ Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2. Ч. 1. С. 146.

тяга к нововведениям.

6.2. Первый этап промышленной революции: изменения в технике и организации производства

Итак, появлялись все новые изобретения, складывались и новые отрасли. В XIII — начале XV в. в Европе не только усовершенствуются старые механизмы, но и появилось множество по тем временам выдающихся вещей, к которым следует отнести «горнорудный подъемник с приводом от водяного колеса и конную откатку руды, буровую машину с конным приводом, портовый поворотный кран, сукновальню... выплавку чугуна, прокатку и волочение цветных металлов»⁴⁵, а также немало различных станков (сверлильных, металлообрабатывающих, токарных и др.) с ножным или водяным приводом, механические пилы и многое другое.

Невозможно перечислить все технические новинки. Отметим разнообразные прессы. Еще в XIV в. для производства бумаги стали использовать прессы, которые раньше применялись для отжима винограда, масел, в сукноделии. Изобретение же печатного станка создало новую, книгопечатную отрасль. Уже с XIII в. шла механизация с помощью водяного колеса (сначала ниже-, а потом и верхнебойного — весьма удобного и мощного). Такое колесо применялось во многих производствах: на бумажных мельницах, в прядильных машинах, на лесопильнях, в том числе и в металлургии (для подачи воздуха, опускания молота, для вытягивания проволоки и т. д.).

Значительным толчком послужило изменение в характере войн. С изобретением огнестрельного оружия потребовалось гораздо больше металла и возникли новые способы его получения и обработки (домны, механический молот и многое другое).

Надо отметить, что такого рода явления требовали и нового вида работников: во-первых, вольнонаемных, во-вторых, мастеров новых специальностей — по ремонту водяных и ветряных мельниц и прочих механизмов, связанных с колесами, механиков, печатников, гранильщиков линз.

К концу XV — началу XVI века (а кое-где даже раньше) можно говорить о том, что в отдельных местах сложилась первая примитивная, но уже именно промышленность. Приведу длинную выдержку о свинцово-цинковых копях в Верхнем Гарце в Германии для доказательства сказанного.

«Вода была для горняка силой столь же яростной, сколь и благотворной. Она могла принести смерть, она же утверждала жизнь.

⁴⁵ Эйххорн В., Бауэр А., Кох Г. Диалектика производительных сил и производственных отношений. М., 1977. С. 108.

Вода и месторождения полезных ископаемых составляли то единство природных противоположностей, в борьбе которых тысячелетиями развивался горный промысел. Вода угрожала подземным выработкам и одновременно давала энергию для их осушения, заставляла горняка изобретать все новые устройства, способные смирить мощь воды и заставить ее служить горному промыслу. Так появились насосные и штанговые водоотливные машины, приводные механизмы для транспортировки руды, толчеи, где руду измельчали и отделяли от пустой породы, воздуходувки для плавильных и кузнечных печей, кузнечные молоты и приводившие все эти механизмы в движение водяные колеса... Не было в мире другого места, где бы многочисленные оригинальные устройства, использующие энергию воды, соседствовали друг с другом теснее, чем в Верхнем Гарце.

Одним из первых приспособлений для откачки воды была водоотливная машина с черпаками, установленная в 1535 г. на руднике Вильдеман и работавшая от водяного колеса. Ее называли «Хайнцем», именем, весьма распространенным в ту пору как для крестьян и слуг, так и для всех орудий, облегчавших ручной труд. «Хайнц» представлял собой трубопровод из просверленных еловых бревен с пеньковым канатом или железной цепью внутри. На канате были укреплены кожаные черпачки. Концы соединялись в бесконечное «ожерелье», которое поднимало вверх рудничную воду. Прежде кожаные ведра с водой передавали друг другу стоявшие на лестницах водоносы, а подъем воды в бурдюках осуществлялся с помощью ручной лебедки или конного ворота... Без непрерывно работавших водоотливных машин эксплуатация рудника была невозможна. А поскольку вода, вращавшая колеса, оказывалась главной движущей силой осушения выработок, ее нужно было постоянно иметь в достаточных количествах даже во время засухи.

Чтобы обеспечить бесперебойное поступление воды к водоотливным машинам и водяному колесу, на Клаустальском плоскогорье, местности с обильными осадками, дождевую воду стали накапливать в канавах и прудах. Судя по документам, начало этому было положено в 1565 г.»⁴⁶. Подобные машины имели по тем временам огромную мощность. Только в Фрайбергском горном округе для обслуживания процесса подъема рудничных вод требовалось 2100 лошадей и 250 водоносов. Затем они были заменены энергией воды⁴⁷.

Таким образом, меняется, хотя и очень трудно, с откатами и повторами ошибок, отношение к техническому развитию. Уже

⁴⁶ Бакс К. Богатства земных недр. М., 1986. С. 205—206.

⁴⁷ Там же. С. 199.

складываются общие теоретические представления об устройстве механизмов. Свидетельство этому — выход таких книг, как

«Различные хитроумные машины» в конце XVI в. в Париже. Еще в середине XVI в. Георг Агрикола выпустил свое капитальное сочинение «О горном деле и металлургии, в 12 книгах», снабженное 292 гравюрами, в котором содержалось систематическое и технически толковое описание многих машин. Много было литературы по военному искусству, с иллюстрациями и точнейшими чертежами орудий, видами крепостей и укрепленных районов. В конце XVI — начале XVII в. появляются всяческие «театры машин», изображения новых приборов, экспериментов, препаратов⁴⁸. Стоит также упомянуть развитие оптики и химии.

Приведу еще несколько фактов, чтобы показать масштабы зарождающегося принципа производства. Так, на богемских просторах Рудных гор большой славы достиг Санкт-Иоахимсталь, основанный в 1516 г. Найденные там руды оказались так богаты, что уже через 11 лет (!) в этом горняцком городке насчитывалось свыше 14 тыс. жителей, «двое больше, чем в это же время в Лейпциге и Эрфурте»⁴⁹. Таковы были масштабы промышленности перед ремеслом!

В колониях масштабы могли быть еще больше. Использование процесса амальгамации, то есть особого способа получения серебра с помощью ртути, резко увеличило производство серебра в Мексике и Южной Америке. Американской ртути не хватало, и ее везли из Европы. В конце концов груз попадал на Боливийское нагорье, в знаменитый город Вилья-Империаль-де-Потоси у «серебряной горы». В XVI веке этот город стал гигантским хозяйственным центром, превосходившим Рим, Лондон и Мадрид. В нем насчитывалось свыше 120 тыс. жителей⁵⁰. В Европу потекли сотни тонн золота и тысячи — серебра. «Дж. Гамильтон указывает, что в период с 1503 по 1660 г. из Америки в Испанию наряду со 185 т золота было доставлено 16 тыс. т серебра, количество, втрое превосходившее резервы всех европейских стран»⁵¹. И без такого мощного притока драгоценного металла рост мировой торговли, а с ней и новой промышленности был бы невозможен или крайне ограничен.

Конечно, промышленная революция в начале нового времени —

⁴⁸ Стоит отметить, что именно в этот период появляется идея вечного двигателя, весьма способствовавшая созданию науки механики. О развитии техники свидетельствует и такой факт: в 1623 г. в Англии был принят закон, по которому собственность и авторские права изобретателей, трудившихся в различных областях науки и ремесла, охранялись жалованной грамотой или патентом.

⁴⁹ Бакс К. Ук. соч. С. 195.

⁵⁰ Там же. С. 123.

⁵¹ Там же.

явление гораздо более широкое, чем только перемены в технике. Мало того, несмотря на столь значительный технический прогресс, стоит особо подчеркнуть — и к этому вопросу мы еще вернемся позже, — что *на первом этапе промышленной революции изменения в технике не были наиболее выдающимися среди всех остальных по своим результатам*. Но я указываю на них как наиболее понятное доказательство того, что промышленная революция (первый этап ее) началась именно в указанное время, а не в XVIII только столетии (когда проходил второй ее этап). Ибо раз в целом промышленная революция связана с заменой ручного труда машинным, значит, ретроспективно техника имеет особое значение.

Точка зрения, что, помимо промышленного переворота XVIII в., была и более ранняя промышленная революция (или революции), широко утвердилась с 40-х — 50-х годов XX в. О том, что «признаки промышленной революции появляются задолго до XVII в.»⁵², писали ученые самых разных направлений, в том числе Неф, Хилл, Бернал, Бродель, А. Г. Джонсон и многие другие. Сейчас не так важно, что есть заметные расхождения в датировках этой ранней революции, а также и в определении количества таких революций (позже мы еще вернемся к хронологии), а более важно, что наличие революционных изменений в технике и промышленности в Европе в интервале между XIII и XVII веками признается многими.

При этом иногда такой рубеж у авторов совпадает с общепринятым началом новой истории в западной науке, т. е. концом XV — началом XVI в.⁵³. Правда, соединение этих рубежей часто не только неразвернутое, но и малоосознанное. Однако, если сделать такой синтез более обоснованным, доказательность вышеизложенной идеи существенно возрастет. Тут к месту напомнить, что начало новой истории уже весьма давно датируется именно концом XV — первой четвертью XVI в.

И этой хронологии придерживалась также русская дореволюционная историография⁵⁴. Рубеж же, принятый в послереволюционной отечественной науке, — середина XVII века — не совпадает ни с началом первого этапа промышленной революции, ни с промышленным переворотом XVIII века, что делает уязвимой и всю теорию формаций.

Важнейшим направлением промышленного развития первого этапа

⁵² Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск, 1993. С. 52.

⁵³ Например, в предисловии к своей книге «Европа в шестнадцатом столетии (1494—1598)» А. Г. Джонсон не только утверждает, что конец XV века — это рубеж между средневековой и новой историей, но и говорит об «экономической революции» в XVI в. (Johnson A. H. Europe in the Sixteen Century. 1494—1598. L., 1955. P.2).

⁵⁴ Эта датировка поддерживается и некоторыми отечественными современными историками.

промышленной революции была мануфактура. Однако она появилась на высших этапах аграрно-ремесленного принципа производства, т. е. задолго до начала промышленной революции. Как уже говорилось, многие явления в конце старого и начале нового принципа производства одновременно принадлежат и одному и другому. Такова, на мой взгляд, и мануфактура. Мануфактуры существовали во многих странах, но в некоторых случаях они были, так сказать, пристройкой к старому⁵⁵, и в других — важным центром в формировании системы нового, где основа производственного цикла — именно шальное разделение труда, а не цеховая организация или что-то подобное⁵⁶.

Мануфактура являлась, таким образом, переходной формой между старым и новым, а потому в отличие от 1,1 шин, расцвет которых наступил со вторым этапом промышленной революции, именно с промышленным перепоротом она постепенно уходит в прошлое.

6.3. Первый этап промышленной революции: торговля и колониальное хозяйство

Итак, разговор о ранней технической революции в Европе вовсе не является преувеличением, но очевидно, что не промышленность (и тем более не техника) играла на первом этапе ведущую роль. *На авансцену выходят те виды деятельности, которые одновременно были способны к нововведениям и могли аккумулировать наибольшее количество прибавочного продукта.* Такими были торговля и колониальное хозяйство. Роль географических открытий трудно переоценить (и о них еще будет сказано).

Однако на первых порах даже и без колоний важнейшим моментом было то, что торговый капитал стал выступать как центральный элемент новой промышленности, что было и логично, и удачно, поскольку без мощнейшего расширения торговли не состоялся бы и промышленный капитализм. Говоря о капиталистах, Манту подчеркивает, что «именно в качестве купцов они приходят к тому, что завладевают всем производством»⁵⁷. И добавляет: «Промышленный

⁵⁵ «Мануфактура... выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого были городское ремесло и сельские побочные промыслы», — писал Маркс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 381).

⁵⁶ Манту подчеркивал, что главное в мануфактуре то, что она затрагивает не техническую сторону, а именно организацию производства (Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937. С. 61). Э. Липсон указывал, что она оказывается не столько новым способом производства по сравнению со средневековым ремеслом, сколько *результатом отделения рыночных функций от функций производства внутри того же ремесла* (См.: Лавровский В. М., Барт М. А. Английская буржуазная революция XVII века. М., 1958. С. 59). (Выделено мной. — Л. Г.)

⁵⁷ Манту П. Промышленная революция... С. 61.

прогресс был в те времена почти невозможен, если ему не предшествовало какое-нибудь торговое движение», т. к. старая промышленность «принуждена была соотноситься с состоянием торговых сношений»⁵⁸.

Действительно, капитализм в начальные этапы был преимущественно торговым, во многом и спекулятивным, а не промышленным (этому моменту большое внимание уделил Ф. Бродель). Но в переходный период и в незрелой системе это и должно быть так. Поэтому так непросто разграничить торговлю как прежде всего часть распределительной системы и торговлю как цементирующую часть складывающейся производственной организации⁵⁹. Но недаром историки говорят о «сломе старой организации торговли в виде системы закрытых гильдий» и начале роста современной системы конкуренции именно в конце XV—XVI вв.⁶⁰

Постепенно меняет характер частная собственность. Ее второстепенная и эпизодическая **производительная** функция начала превращаться в одну из основных, а постепенно и в системообразующую, о чем мы подробно говорили в своем месте⁶¹.

Итак, масштабы нового принципа производства превысили все прежние представления. Никогда не было столь совершенных кораблей, которые смело можно считать очень эффективными машинами, более производительными, чем любые сухопутные⁶². Они способствовали не только развитию торговли и транспорта, но и взлету рыболовства и морского промысла⁶³.

«Крупномасштабный лов трески на ньюфаундлендских отмелях с конца XV в. стал настоящей революцией»⁶⁴, — пишет Ф. Броши». Никогда не добывалось столько золота и серебра. Никита не было столь большой

⁵⁸ Там же. С. 61–62.

⁵⁹ «Экономический тип товарного производства для рынка, где господствовали денежные платежи, существовал кое-где в городах начиная уже с XII в. Преобладающей же формой экономики он впервые стал в XV в. на узкой полосе земель, тянувшейся из Италии, через Верхнюю Германию и Рейнскую область, до Нидерландов» (Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 207).

⁶⁰ Johnson A. H. Europe in the Sixteen Century. 1494—1598. P. 2.

⁶¹ См. настоящую работу // Философия и общество. 1999. № 2. С. 26–40.

⁶² В XV в. преобладали суда грузоподъемностью от 50 до 200 т. В XVI в. появились исполинские суда от 500 до 2 тыс. т (История средних веков. Т. 2. М., 1991. С. 15).

⁶³ После экспедиций Баренца в XVI в. было замечено, что у берегов Шпицбергена имеется бесчисленное количество китов. Англичане, датчане, голландцы, французы, испанцы и немцы немедленно включились в великую охоту на китов. Каждое государство пыталось добиться монополии на их добычу. На летний промысел собиралось до 300 различных кораблей. Часто китовая добыча велась под охраной военных эскадр и дело доходило даже до морских сражений (см.: Зингер Е. М. Между полюсом и Европой. М., 1981. С. 42—43).

⁶⁴ Бродель Ф. Материальная цивилизация... Т. 1. С. 234.

плотности городов и городского населения, как в ряде районов Европы. Никогда торговля не велась на таких огромных пространствах, столь большие районы не зависели от промышленности, торговля промышленными изделиями не была столь велика. Никогда не было такой высокой концентрации машин и столь высокой производительности труда. Никогда не было в таком объеме мануфактур с наемным трудом; никогда не делали столько металла и не использовали его в таком количестве в производстве. Никогда не было столь монокультурного хозяйства, какое появилось в колониях.

Хотя в новых секторах создавалось еще не большинство валового продукта, но это были, во-первых, наиболее престижные и дорогие товары и услуги, в которых как бы концентрировалось богатство. Во-вторых, эти вещи являлись наиболее выгодными, поскольку при обмене давали прибыли гораздо больше, чем обычные, рядовые. Поэтому-то, в-третьих, в эти отрасли устремлялась в надежде разбогатеть или увеличить состояние наиболее энергичная и способная часть населения. А стоит развиваться такому стремлению в обществе, как процесс начинает идти сам собой. И так же, как в начале аграрной революции сельское хозяйство, оставаясь длительное время добавочным промыслом, тем не менее начинало перестраивать все остальные, так и сейчас промышленность и новые промыслы начинали перестраивать все.

6.4. Первый этап промышленной революции: характеристики и хронология. Варианты нового принципа производства

Мы датировали начало первого этапа промышленной революции 30—60-ми годами XV в. Однако строгую границу между концом старого и началом нового принципа производства провести сложно. Ведь машины (и многое другое) не являлись совершенно неизвестными. Напротив, они имели давнюю

историю, а в конце аграрно-ремесленного принципа производства в XIII—XIV вв. возникло много новых⁶⁵. В прежнем принципе производства, особенно в конце его, на шестом подготовительном этапе, всегда есть элементы будущего. Но их возникновение не открывает начало нового принципа производства, а лишь готовит его появление.

Пока нет системы, нет и рождения нового. Последнее же в нашем случае — почти неуловимый момент, одновременно и условный, и реальный. *Новый принцип производства, даже в самом примитивном виде, — это уже система, которая действует по-иному.* Например, на горных промыслах машина — центральный элемент технологического цикла. В то же время на первых этапах принципа производства старое и

⁶⁵ За точку отсчета можно, конечно, взять одно из изобретений, например печатного станка Иоганном Гутенбергом. Но это будет слишком формально.

новое неразрывны, но постоянно меняются акценты, потенции, пропорции.

Я думаю, что такая зыбкость границ и создает разницу в датировках первого этапа промышленной революции (или, как часто говорят, ранней промышленной революции): от XIII до XVII веков. Если не иметь общей теории производственной революции, то, действительно, нет критериев, которые помогли бы более точно установить такое начало.

Наличие же такой теории позволяет уйти от крайностей. Так, вести отсчет с того периода, когда новое уже стало очень заметным, в данном случае с XVII в., — значит, проглядеть истинное начало нового, которое не может быть сразу и развитым, и широко распространенным. Важно также видеть, что принципиально новое — это не всегда совершенно новое. Уже имеющееся может стать принципиально новым при складывании его в иную систему и приобретении определенных размеров. Но без складывания в систему заметные элементы нового еще не означают перехода на следующую ступень. Поэтому период XIII—XIV вв. — это еще не начало, а только подготовка к промышленной революции.

Итак, в XV—XVI вв. вместе с первым этапом промышленной революции и Великими географическими открытиями целый ряд стран Европы перешел к новому принципу производства. Процесс формирования нового принципа производства занял длительное время, в целом полтора столетия. Этот его первый (переходный) этап можно разбить на следующие подэтапы:

1. Развитие на собственно европейской базе. Он заканчивается к концу XV века. Явственно ощущается демографический рост.

2. Эпоха первых географических открытий и осознание их возможностей. Технический, торговый и иной прогресс в Европе очень удачно совпал с эпохой открытий и колонизации. Разумеется, именно поиск новых богатств и вызвал открытия, но ясно, что удача не была запрограммирована. Поэтому, начавшись на собственных ресурсах, первый этап промышленной революции получил могучий импульс, благодаря которому смог широко распространиться.

Европа могла бы остановиться в развитии или стать переростком, если бы не Великие географические открытия, *изменившие и масштаб, и характер торговли, позволившие получить огромные количества драгоценных металлов, заставившие создавать колониальное хозяйство специально для метрополии.* Этот период продлился где-то до 30—40-х годов XVI в. В некоторых странах демографический рост усиливается, однако с 20-х годов XVI века во Франции, Германии и других местах он замедляется, что свидетельствует о первых трудностях уже именно

нового принципа производства.

3. Связан с систематическим и широким использованием результатов Великих географических открытий многими странами, с началом организации колониального хозяйства (после первого грабежа) на более основательном фундаменте. Новый принцип производства окончательно утверждается, и формируются некоторые его уклады (о них дальше). Продолжался где-то до 70-х годов XVI в. Перешел во второй этап промышленного принципа производства, продлившийся до начала XVIII в.

В чем же абстрактный смысл первого этапа промышленной революции? Он в целом должен вытекать из абстрактного смысла всей промышленной революции и соотноситься со вторым ее этапом как менее развитый с более развитым.

Существует ряд мнений, каждое по-своему верное, суммирующих суть промышленной революции. Так, например, Бернал говорил о переходе от продовольственного к энергетическому хозяйству⁶⁶. Н. Винер — о замене человека и животных как источника энергии. Чаще всего говорят о замене ручного труда машинным.

Однако мне кажется, что обобщения эти недостаточно широки. Например, в мануфактуре подчас не было новых механизмов, но зато разделение труда доводилось до совершенства. Поэтому я думаю, что правильнее было бы обобщить все изменения так: **шла экономия человеческого труда (и работы животных) в самых разных сферах и формах**. И энергии, и сложного труда с заменой его простым; и повышение производительности труда путем механизации, специализации, рационализации; и экономия сил всякого труда в учете (подсчет, хранение и перевозка денег упрощаются с векселем, кредитом, банками и др.); и в иных формах. Достаточно только представить, какое количество писцов сэкономил печатный станок.

Но если во втором этапе наиболее ясно такая экономия обозначалась в виде замены ручного труда машинным, то на первом этапе выражено это было не столь ярко и не столь концентрированно. Но весьма и весьма ощутимо. В самом деле, что такое специализация? Это более полное использование каких-то преимуществ, значит, и экономия труда в широком смысле слова. Что такое кредит в условиях металлических денег? Это гигантская экономия затрат на перевозку и охрану денег. Что такое мануфактура? Это повышение производительности труда за счет специализации рабочих.

К концу XVI — началу XVII в. сформировалось несколько однобоких (как и должно быть вначале) вариантов нового принципа

⁶⁶ См.: Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 284.

производства. В одних случаях это были торгово-промышленные общества. Примером являлась Германия. Здесь наряду с торговлей (города Ганзы и др.), мощно росла горнорудная промышленность (добыча серебра, свинца и других металлов). А вместе с этим появилось много новых механизмов, машин, изобретений, зримо проявился процесс трудосбережения. Дальнейшее развитие немецких земель в XVI в. затормозили Реформация и гражданские войны, а в XVII — европейская 30-летняя война. Непреодолимым препятствием стало отсутствие централизованного государства.

Другим вариантом были торговые прежде всего общества. Но тут имелись свои вариации. Швейцария занималась сухопутной посреднической торговлей. Португалия контролировала мировую торговлю наиболее прибыльными товарами. Итальянские торговые республики имели уклон в ростовщичество.

В Нидерландах был более комплексный вариант. Наряду с торговлей очень распространились мануфактуры по переработке шерсти, а также лов сельди, деревообработка, пригородное сельское хозяйство и т. п. Но когда позже Голландия прибрала к рукам мировую торговлю и фрахт, этот торгово-монопольный уклон стал тормозить ее развитие.

В Испании сформировался ярко выраженный колониальный вариант. Но богатства Америки не пошли ей впрок. Ограбление колоний и сверхприбыли монопольной торговли с Новым Светом в конечном счете предопределили ее отставание в будущем. Уже в конце XVI в. производство в самой Испании стало сокращаться, а золото все сильнее утекало в другие европейские страны, способствуя быстрому росту цен.

Одной из важнейших особенностей более позднего английского варианта было «тесное переплетение и взаимодействие путей промышленного и аграрного развития», что представляло «основную предпосылку раннего созревания капиталистического уклада в Англии»⁶⁷. И к этому вопросу мы еще вернемся в следующем параграфе.

Все эти варианты все сильнее переплетались между собой, образуя вместе зону нового принципа производства.

(Продолжение следует)

⁶⁷ Лавровский В. М., Барг М. А. Ук. соч.

6.5. Упрочение промышленного принципа производства*

В XVI в. новый принцип производства укрепился, хотя еще не преобладал. Его упрочение вызвало ожесточенную идейную и политическую борьбу в виде Реформации и религиозных гражданских войн, а также ранних буржуазных революций. Последняя треть XVI — первая треть XVIII вв. — это второй его этап (молодости), период роста и развития новых секторов, пока они не стали в отдельных обществах (Голландия и Англия) ведущими¹. Но во всех странах однобокость хозяйств заметно уменьшается, идет процесс распространения новых форм производства с постоянным их усовершенствованием.

Этап молодости, разумеется, несет в себе множество качественных перемен, открытий и изобретений, но, как уже сказано, в плане периодизации исторического процесса они менее значимы, чем изменения предыдущего этапа. Поэтому конец XVI — начало XVIII вв. будем считать перерывом между двумя качественными этапами промышленной революции, в течение которого количественный размах нового принципа производства стал гораздо больше.

Некоторые новые отрасли демонстрируют очень впечатляющие темпы роста и объемы производства. Так, в Англии добыча каменного угля с 1560 по 1680 г. выросла в 14 раз, достигнув 3 млн т в год. В Англии же за 1540—1640 гг. добыча свинца, олова, меди, соли увеличилась в 6—8 раз, железа — в 3 раза². Во Франции, Англии, Северо-Западной Европе начался процесс формирования фермерского и капиталистического хозяйств, шли изменения в агрокультуре: многополье, внесение неорганических удобрений, травосеяние, дренаж и мергелирование, особые способы обработки

¹ Так, например, в одном английском официальном документе около середины XVII в. говорилось, что благополучие 2/3 англичан зависит от мануфактуры (Лавровский, В. М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII века. — М., 1973. — С. 248). Это объяснялось тем, что и сельское хозяйство, и промышленность были ориентированы на производство и продажу шерсти, а «сукноделие стало к концу XVI в. главной отраслью английской промышленности... Обработкой шерсти занимались в местечках и в новых городах, в сотнях деревень, во множестве графств страны цеховые мастера и свободные от цеховых регламентаций сельские ремесленники, совмещавшие ремесло с земледелием» (Лавровский, В. М., Барг, М. А. Английская буржуазная революция XVII в. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII в. — М., 1958. — С. 64).

² См.: Лавровский, В. М., Барг, М. А. Указ. соч. — С. 63.

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. — 1997. — № 1—6; 1998. — № 1—6; 1999. — № 1, 2, 3, 5.

почвы и т. п. К концу XVII — середине XVIII в. в наиболее развитых странах внедряются правильные севообороты с чередованием зерновых и корнеплодов, даже применение сельхозмашин: веялок, усовершенствованных плугов и др.³. Можно отметить и специальное разведение молочного скота для городских рынков, улучшение породистости и продуктивности скота, стойловый откорм и т. п.

Это время развития потенций, открытых первым этапом промышленной революции. И в том числе в плане более свободного технического творчества. Делается множество изобретений, и создается патентное право⁴. В XVII в. формируется прародительница современной науки. И в связи с тем, что «математика стала инструментом физических исследований»⁵, роль науки как непосредственной производительной силы принципиально возросла. Если раньше только астрономия (в сельском хозяйстве и навигации) могла быть отнесена к производительным силам, то теперь таковыми становятся оптика, механика, химия и другие отрасли.

Огромные изменения произошли в средствах информации вместе с распространением книгопечатания. XVI столетие стало, по мнению исследователей, переломным моментом в оформлении специфических видов информации, то есть технических и практических книг. До этого «в сущности вся информация в сфере материального производства (кроме отчасти сельского хозяйства) в течение тысячелетий оставалась изустной и традиционной»⁶.

С одной стороны, указанный период — это время экстенсивного развития, когда постоянно расширяется использование вновь открытых или введенных в оборот ресурсов. В XVII в. начинается скупка пушнины в широких масштабах в Северной Америке. Огромных размеров достигает не только рыболовство, но и добыча китов и других морских животных. Из Африки пошел поток слоновой кости. Мощные флоты и металлургия потребовали колоссального

³ В 1731 г. вышел в свет труд Джетро Туля «Новый способ ведения пахотного хозяйства, или Опыт и принципы обработки земли и выращивания растений», который как бы подводил итог сельскохозяйственных достижений этого периода (см.: Всемирная история: в 10 т. — М., 1958. — Т. 5. — С. 482).

⁴ В 1623 г. в Англии был принят закон, по которому собственность и авторские права изобретателя в разных областях науки и ремесел охранялись жалованной грамотой или патентом (Орд-Хьюм А. Вечное движение. — М., 1980. — С. 205—206).

⁵ Singer, C. A Short History of Science to the Nineteenth Century. — Oxford, UK, 1941. — P. 189.

⁶ Люблинский, В. С. Книга в истории человеческого общества. — М., 1972. — С. 161.

количества древесины⁷. Часто потребление обеспечивается самым варварским образом, причем это касается не только природы, но и людских ресурсов. Даже в европейских странах в ряде случаев эксплуатация резко усиливается. В других же частях мира хищничество становится просто чудовищным. В Новом Свете были истреблены миллионы индейцев. Широко распространилась работорговля. По некоторым довольно умеренным подсчетам, только в «Бразилию начиная с 1574 г. продавалось ежегодно около 20 000 рабов»⁸. При этом, как известно, едва ли не половина невольников погибала во время перевозок от тесноты и болезней. Я не говорю уже об ужасах каперства и пиратства.

С другой стороны, столь напряженное потребление традиционных ресурсов приводит в некоторых странах к их дефициту. Наиболее ярко проявлялось это в отношении древесины, необходимой в строительстве судов и в металлургии, в Нидерландах и Англии. Данная ситуация вела к расширению торговли и прочному включению в международное разделение труда таких стран, как Польша, Прибалтика, Швеция, Россия и других. Но главное — способствовала широкому внедрению новых видов сырья и энергии, особую роль среди которых играл каменный уголь. Аналогичное значение для развития сельского хозяйства имела нехватка хлеба в ряде мест, что было связано с урбанизацией и ростом посевов технических культур. Торговля хлебом стремительно расширялась, а дефицит продуктов кое-где способствовал интенсификации сельского хозяйства.

Семимильными шагами развивается денежное хозяйство, наличные деньги все сильнее вытесняются из крупного оборота, зато появляются банки, биржи и страховые компании. Стоит отметить и новации в транспорте. Изменения в морском судоходстве были самыми важными. Но, помимо него, развивалось и речное судоходство. Причем кое-где, особенно в Северной Германии, начинают рыть судоходные каналы, появляются системы шлюзов. Произошли перемены (хотя и не столь радикальные) и в наземном транспорте. Улучшаются дороги, вдоль них появляются гостиницы и своего рода станции обслуживания и смены лошадей. Уже с начала

⁷ Только для постройки одного военного парусного корабля требовалось до 400 вековых дубов. Одна лишь «Непобедимая Армада» стоила Испании более полумиллиона вековых деревьев (Толстухин, О. Н. Земля в руках людей. — М., 1981. — С. 36).

⁸ Меркс, Ф. В поисках «голубой земли» / пер. с нем. — М., 1982. — С. 54.

XVI в. выходят в свет схемы с обозначениями дорог и всей инфраструктуры, а в конце этого века и первый атлас европейских торговых дорог.

Таким образом, налицо мощное развитие молодого промышленного принципа производства. Уже возникают и первые промышленные кризисы, связанные с изменениями технологий, открытием более мощных или дешевых природных ископаемых. Так, прежде крайне важные серебряные рудники в Германии, Богемии, Венгрии хиреют под влиянием конкуренции американского серебра.

Однако в связи с тем, что другие области жизни еще очень отстают от принципа производства, обостряется и принимает самые разнообразные формы остаточное противоречие. Так, различные монопольные права на производство отдельных товаров или торговлю ими, патенты на которые щедро раздавали некоторые государи, сильно препятствовали развитию конкуренции и повышению производительности. В Испании привилегии аристократии и дворянства, некоторых городов, имевших исключительное право на торговлю с колониями, фактически задушили развитие экономики.

Все еще крайне сильными были регламентация, стремление все упорядочить и определить.

Старая цеховая система в городах весьма сильно противилась техническим и иным новшествам путем прямых запретов или королевских указов в свою пользу, изгоняя изобретателей и промышленников, уничтожая изобретения, а иногда и их авторов⁹. Например, в документе кануна английской революции читаем:

«Другой причиной упадка суконного производства мы считаем ворсовальную машину, которая часто применяется вопреки закону и о которой мы получаем различные жалобы в связи с тем большим злом и вредом, который приносят эти машины при изготовлении сукон; никакими иными путями невозможно устранить этого, кроме как окончательным уничтожением их каким-нибудь осторожным и искусным образом; мы не можем знать, как какая-либо из этих

⁹ Стереотипной формулой многих немецких цеховых уставов XVI в. было: «Никто из ремесленников цеха не должен задумывать и изобретать какие-либо новшества или вводить их» (История Европы: в 8 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 70). Цеховая грамота города Торна от 1523 г. объясняла это тем, что «каждый должен следовать велениям гражданской и братской любви к своему ближнему» (Эйххорн, В., Бауэр, А., Кох, Г. Дialeктика производительных сил и производственных отношений / Пер. с нем. М., 1977. — С. 110, сноска). Впрочем, желание уничтожить машины наблюдалось еще и в начале XIX в.

машин используется в других странах, но в нашем королевстве, где эти машины запрещены во всех частях, кроме Глостершира, и где их с каждым днем все больше, и больше [они используются] к великому, немилосердному ущербу и вызывают опасность разрушить производство, если не будет принято своевременных мер»¹⁰.

Нередко не просто препятствовали новому, но запрещали уже и широко распространившееся. В Италии с конца XV в. применялись в разных модификациях многоярусные шелкопрядильные механизмы с сотнями шпинделей, вращавшихся трансмиссией от мельничного колеса. Однако в начале XVII в. в результате спада в этой отрасли и протестов прядильщиков-традиционалистов такие механизмы были запрещены¹¹.

Даже в самых развитых странах политическое и социальное значение цехов было очень велико. Впрочем, тут нет и ничего особо удивительного. Если в городах имелись самоуправление и определенный элемент выборности, а цеховики составляли большинство населения, то нередко они могли диктовать условия. И в тех же Нидерландах во время городских восстаний цехи иной раз в первые же дни добивались восстановления всех средневековых вольностей и привилегий цеховых корпораций. Стоит отметить, что, поскольку главное дело буржуазии были торговля и ростовщичество (кредит), это ослабляло силы, стремящиеся убрать препоны на пути молодой промышленности. Отсюда и неудачи радикальных слоев буржуазии и купечества Голландии в борьбе за ликвидацию цехов и гильдий в середине XVII в. «Они были уже близки к победе, когда начавшийся спад, неудачные войны с Англией изменили общую обстановку в стране в пользу консервативных сил»¹².

Но, несмотря на ожесточенное сопротивление старого уклада, стремление к улучшениям и прибыли остановить не удавалось ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Общеизвестно, что капитализм быстрее всего развивался в новых и (или) не связанных регламентацией отраслях. Поскольку в новых городах запреты были

¹⁰ Отчет королевской комиссии о суконной промышленности, 1640 г. / Лавровский, В. М. // Сборник документов. — С. 32. Еще и в XVIII в. действовали и даже принимались законы, ограничивающие возможности развития производства, в том числе закон об обязательном 7-летнем сроке ученичества для того, чтобы завести какое-нибудь дело.

¹¹ См.: История средних веков: в 2 т. / под ред. З. В. Удальцовой, С. П. Карпова. — М., 1991. — Т. 2. — С. 15.

¹² История Европы: в 8 т. — М., 1993. — Т. 3. — С. 67.

слабее, капиталы устремлялись туда. Предприниматели также переносили производство за город, в села, раздавая работу на дом. Так развивалась рассеянная мануфактура. В английском сукноделии к концу XVII в. разделение труда зашло столь далеко, что отдельные производственные операции, как-то: сортировка, чесание, прядение, ткачество, крашение и т. д. — стали основным занятием десятков тысяч людей, «детальных» рабочих. Целые районы страны специализировались на производстве определенных сортов шерстяных изделий»¹³.

В сельском хозяйстве той же Англии новый тип владельцев осваивает пустоши и осушает болота, чтобы без помех со стороны общин устраивать пастбища, вводить усовершенствования. Еще более активно развивалось создание новых сельскохозяйственных угодий (польдеров) в Голландии, имевшей многовековой опыт в отвоевании земель у моря. При этом откачка воды производилась специальными двигателями, работающими на ветряной энергии.

С 1590 по 1665 г. компаниями купцов и горожан было осушено до 110 тыс. га таких земель¹⁴.

Механизация шла особенно интенсивно там, где было мало работников или их заработная плата была высока, в частности в Новом Свете. Например, к 1739 г. в Новой Франции (Канаде) работало 70 лесопилок, применявших механические циркулярные пилы. Одна такая пила заменяла 12 ручных пил, на каждой из которых работало 3 человека¹⁵.

Подводя итог, можно сказать, что на протяжении XVII — первой половины XVIII в. в целом идет борьба против регламентации, за инициативу в сочетании с частным интересом, которая была одним из главных двигателей нового типа прогресса (хотя она, конечно, может быть и разрушительной и очень часто бывает эгоистичной). Таким образом, остаточное противоречие постепенно разрешается как путем чисто производственных изменений, неизбежно ведущих за собой остальные, так и путем политических революций и изменений в законодательстве. И в результате, говоря словами одного историка, в Европе устанавливается «новый дух» во всех сферах¹⁶.

¹³ Лавровский, В. М., Барг, М. А. Указ. соч. — С. 64.

¹⁴ История средних веков: в 2 т. — М., 1991. — Т. 1. — С. 159.

¹⁵ См.: Райерсон, С. Б. Основание Канады / пер. с англ. — М., 1963. — С. 207.

¹⁶ Rayner, R. M. European History 1648—1789. — L. & Colchester. 1964. — Ch. 17.

6.6. Второй этап промышленной революции

Прежде чем переходить к анализу второго этапа промышленной революции, имеет смысл остановиться на его своеобразном прологе. Несмотря на то, что промышленный переворот начался в Англии, в XVII в. она сильно отставала от Голландии. «До конца XVII в. экономическое значение Англии оставалось второстепенным», — говорит Манту¹⁷. Затем разрыв уменьшился, но во многих отношениях отставание было наглядным и в первой половине XVIII в.¹⁸, а по ряду важных показателей — и во второй его половине, хотя это время упадка былого торгово-промышленного величия Нидерландов и мощного экономического подъема Британии. Но то, что конкуренция с другими странами, неудачные войны и все более ростовщический характер капитала Голландии привели ее к серии финансовых и прочих кризисов, в целом к закату ее первенства, не умаляет факта ее длительного лидерства и делает необходимым оценить ее место в генеральной линии.

Можно считать, что фактически она достигла уровня не только расцвета, но в чем-то и зрелости третьей формации. В самом деле, уже в XVI в. в Голландии наблюдается невиданная в Европе степень урбанизации — 50 % населения¹⁹. Столь высокий уровень был связан, конечно, прежде всего с особыми условиями: мирового торговца, банкира и перевозчика. Поэтому в XVII в. со второго этапа промышленного принципа производства Голландия стала уклоняться в сторону от генеральной линии и превращаться в своеобразного переростка. И все же такой уровень был невыносим без высокой степени механизации. В Голландии произошел своего рода промышленный переворот, только в иной сфере, чем впоследствии в Англии, а потому он и не мог быть толчком для второго этапа промышленной революции в мире.

Я имею в виду, что для Голландии главное направление механизации оказалось связанным именно с ее главными видами деятельности — торговлей и транспортом. А в этом смысле исключительно важны были грузоподъемность, скорость, экономичность судов, а также удобство портов, емкость складов,

¹⁷ Манту, П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. — М., 1937. — С. 63.

¹⁸ Еще в первой половине XVIII века Джон Смит в своих «Заметках о шерсти» писал: «Великобритания отличается от Голландии, как деревенский арендатор отличается от лавочника-лондонца» (Лавровский, В. М., Барг, М. А. Указ. соч. — С. 76).

¹⁹ История средних веков: в 2 т. — М., 1991. — Т. 2. — С. 13.

механизация трудоемких операций при погрузке-разгрузке в портах, на судовых верфях и т. п. И как раз во всем этом Голландия достигла большого прогресса и не знала себе равных долгое время²⁰. Есть данные, что «до 2000 судов бросали ежедневно якоря в амстердамской гавани»²¹.

Корабль в то время, по моему мнению, был наиболее производительной и прибыльной машиной, которая оказалась совершенно необходимой для перерастания торгового капитализма в промышленный. И таких «машин», то есть средних и крупных морских судов, в первой половине XVII в. в Голландии было 15 тыс., в 30 раз больше, чем во Франции²². А строилось судов в Голландии до тысячи в год, половина из них шла на экспорт. Таким образом, продукция этого «машиностроения» снабжала всю Европу. Кроме того, это было еще и прямое средство производства, с помощью которого добывалось гигантское количество рыбы и морских животных²³.

Итак, в XVIII в. в Англии начинается **второй** этап промышленной революции, приведший к созданию машинной индустрии. Почему именно в этой стране?²⁴ Налицо неповторимое сочетание внутренних и внешних факторов, а также особенностей предыдущего развития. Отсюда и самые разные ответы. Конечно, очевидна огромная роль

²⁰ Вот только один пример. Голландские верфи располагались в устьях сравнительно мелких рек, да и порты не везде могли принимать большие суда. Поэтому был изобретен плавучий док (спаренные понтоны), с помощью которого оказалось возможным буксировать в мелководные гавани суда большого водоизмещения (см.: Ханке, Х. Люди, корабли, океаны / пер. с нем. — М.: Судостроение, 1976. — С. 106—107).

²¹ Там же. — С. 106.

²² Там же. — С. 109.

²³ В XVII в., например, голландцы ежегодно отправляли на китобойный промысел только в район Шпицбергена 200—250 судов и добывали по 1300—1400 китов ежегодно, а чистый доход в отдельные годы превышал 10 млн гульденов (Всемирная история: в 10 т. — М., 1958. — Т. 5. — С. 88). Еще больше был объем лова сельди. Дважды в год в период расцвета этого промысла на лов выходило до 1500 только крупных судов с 12 тыс. рыбаков и 300 тыс. бочек для сельди. Рыбу разделывали, засаливали и укладывали в них прямо на кораблях (Всемирная история: в 24 т. — Минск, 1996. — Т. 15. — С. 433).

²⁴ Сторонники 'технологического детерминизма указывают на паровую машину, экологи — на уничтожение британских лесов, экономисты — на колебания в цене на шерсть. Иные подчеркивают роль религиозных или культурных изменений Реформации, Просвещения и т. д. Так, Тоффлер перечисляет разные причины и иронизирует, что никто точно не знает, почему же совершилась промышленная революция (Тоффлер, Э. Третья волна // Американская модель — с будущим в конфликте / под общ. ред. Г. Х. Шахназарова; пер. с англ. — М., 1984. С. 40—41), О точках зрения см. также: Историческая энциклопедия. — Т. 11. — С. 611; Промышленный переворот и его социально-экономические последствия (Заседание «круглого стола») // Новая и новейшая история. — 1984. — № 2.

успешных политических революций XVII в., превративших ее в конце концов в конституционную монархию и открывших беспрепятственный путь для капитализма. В нашу задачу не входит анализ многообразных социальных и политических предпосылок. Но все же на некоторые причины производственно-экономического характера необходимо указать.

Об оптимальных пропорциях территории и населения мы уже говорили. Очень важны островное положение и внешняя безопасность. Бесспорно, Британия выиграла и от войн в Европе (поскольку из разных стран туда переселялись искусные мастера²⁵), и от географических открытий. Пока в Англию не потекли рекой богатства Индии, первоначальное накопление оплодотворял насильственно отведенный ручей испанских богатств. «В царствование Елизаветы английские пираты принесли своей стране доход 12 млн фунтов — огромная по тем временам сумма»²⁶. Возможность

«лишним» людям уезжать в колонии рано дала толчок в направлении экономии труда. Англичане сумели победить свою главную торговую соперницу — Голландию. В результате постепенно накапливаются необходимые условия.

Стоит остановиться на особенностях развития английского сельского хозяйства, которое было издавна связано «с далекими рынками, намного раньше английской промышленности стало выгодным объектом приложения капитала, сферой крупного производства, рассчитанного на массовый сбыт. Экономическую эволюцию английской деревни ни в коем случае нельзя понять и объяснить вне связи с городским хозяйством не только Англии, но и континента»²⁷.

Говоря современным языком, Англия была сырьевым, аграрным придатком европейской промышленности, и это дало впоследствии ей преимущества. Поскольку она являлась «единственной в мире страной, где соответствующая мануфактурная стадия производства была достигнута в земледелии не только одновременно с промышленностью, но и в ряде случаев раньше ее,

²⁵ Этот момент переезда в Англию немецких шахтеров и металлургов, сукноделов из Бельгии, шелкопрядов из Франции и т. д., эмигрировавших в результате религиозных войн или упадка этих отраслей на родине, на мой взгляд, даже в самом осязаемом смысле показывал переход генеральной линии развития из Европы (прежде всего Северо-Западной) в Англию.

²⁶ Форстер, У. Очерк политической истории Америки. — М., 1955. — С. 147.

²⁷ Лавровский, В. М., Барг, М. А. Указ. соч. — С. 76—77.

где буржуазный способ производства внедрялся наиболее решительно в деревне вопреки феодальным формам землевладения»²⁸, база для капитализма там была шире, так как тем или иным способом захватывала основную массу населения, а сверхприбыльных непроизводственных источников — меньше²⁹.

Мы уже говорили, что сущность обоих этапов промышленной революции можно определить как трудосбережение. Но второй этап особенно заметно связан с заменой ручного труда машинным, с систематическим расширением сферы последнего. Машинное производство не просто более производительное. Оно открывает совершенно новые возможности, позволяет соединить с производством науку и образование. К. Маркс подчеркивал, что «только с введением машин общественное производство в крупном масштабе обретает силу для того, чтобы целиком вводить в процесс труда продукты, представляющие большое количество прошлого труда»³⁰. При этом «принцип машинного производства — разлагать процесс производства на его составные фазы и разрешать возникающие таким образом задачи посредством применения механики, химии и т. п., короче говоря, естественных наук, — повсюду становится определяющим»³¹.

Правда, дать точное определение, что же такое машина и чем она отличается от инструмента или приспособления, весьма сложно. Однако можно отметить, что большинство инструментов и механических приспособлений лишь усиливали природные качества людей или выступали как специализированное продолжение руки. Они представляют собой всего один элемент-посредник между человеком и предметом труда, причем основную работу делает человек, а инструмент лишь увеличивает его усилия. При этом обычный инструмент не изменяет характер движений человека, например не превращает однообразные движения ног (нажим на педаль) во вращательные, как делает элементарный ножной механический станок.

Машиной можно считать сложных посредников между человеком

²⁸ Лавровский, В. М., Барг, М. А. Указ. соч. — С. 77.

²⁹ В Голландии в некоторых смыслах было еще более интенсивное сельское хозяйство, особенно на польдерах. Однако частые войны разоряли землевладельцев. Но, повторюсь, главное, — слишком высокие доходы от торговой и ростовщической деятельности подавили возможность совершения машинного промышленного переворота.

³⁰ Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. — Т. 47. — С. 360.

³¹ Там же. — Т. 23. — С. 472.

и предметом труда, имеющих по крайней мере два звена передачи, *специфика которых в передаче усилия на рабочий инструмент, в результате чего выполняется более сложная операция*³². Механизмы, которые имели больше двух звеньев, представляли собой более сложные и нормальные в нашем понимании машины³³. Применение пара сделало человека более независимым от природы³⁴.

Второй этап промышленной революции выразился в новом подъеме развития техники и началом замены водной энергии паровой. Начало этому положил переворот в хлопчатобумажной отрасли 60—70-х гг. XVIII в.

Но, конечно, промышленный переворот начался не вдруг и не на голом месте. Паровая машина, ставшая символом индустриализации, создавалась и совершенствовалась на протяжении ста пятидесяти лет, пока не стала универсальной³⁵. В начале XVIII в. паровую машину уже применяли для откачки воды из шахт. Позднее она была приспособлена для дутья в горны иковки железа, а затем и для замены водяного колеса в силовых установках.

Замена ручного труда машинным произошла в новой для Англии отрасли — хлопчатобумажной, причем характерно, что она укрепились во многом благодаря покровительственным мерам в пользу традиционной шерстяной промышленности, представители которой добились запрета на ввоз индийских тканей. Неоднократные же попытки запретить и отечественное хлопчатобумажное производство не увенчались успехом. Однако до тех пор, пока механизация не касалась ее, эта отрасль оставалась второстепенной. Но в результате изобретения челночного ткацкого станка Джоном

³² Машина — «это механизм, который под давлением простой движущей силы выполняет сложные движения какой-нибудь технической операции, производившейся раньше одним человеком или несколькими людьми» (Манту, П. Указ. соч. — С. 151).

³³ Именно о таких машинах Маркс говорил, что это орудие труда, приобретающее «такую материальную форму существования, которая обуславливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания» (Маркс, К., Энгельс, Ф. — Т. 23. — С. 397).

³⁴ Конструктор паровоза Джордж Стефенсон так выразил смысл происшедших событий: «Лорд-канцлер все еще восседает на своем мешке с шерстью. Ему давно пора сидеть на мешке с углем. Уголь — основа нашей мощи, а не шерсть» (Бакс, К. Богатство земных недр. — М., 1986. — С. 195).

³⁵ Манту начинает отсчет с 1615 г., когда Соломон де Кю указал на практические возможности использования водяного пара и построил машину, напоминающую эолипил Герона Александрийского (Манту, П. Указ. соч. — С. 264). Паровой котел в конце XVII в. впервые изобрел французский физик Дени Папен для выварки костей под давлением. Много позже он же построил пароатмосферную машину, в которой котел был отделен от цилиндра.

Кэем в 30-х гг. нарушился баланс между двумя ее секторами: ткачеством и прядением. Ткачество стало резко опережать прядение. В последующие десятилетия (30-е — начало 60-х гг.) готовился переворот в прядении, создавались первые варианты прядильных машин и осуществлялись не очень удачные попытки их внедрения, пока, наконец, не появились прялка Джеймса Харгривса и машины, используемые Аркрайтом.

Таким образом, 30-е — начало 60-х гг. XVIII в. — это переходный период между вторым и третьим этапами промышленного принципа производства. Этот временной отрезок можно отнести и к тому и другому. Но все же, на мой взгляд, точнее считать его уже началом (подготовительной фазой) промышленного переворота.

В конце 60-х гг. не без трудностей, но новшества в прядении закрепились, а в 70-е гг. Аркрайт сумел создать уже систему машинного производства хлопчатобумажных тканей, «способную выполнять все последовательные операции этой отрасли промышленности, за исключением, однако, последней и самой трудной — тканья»³⁶. Но затем и эта проблема, равно как и другие (отбелка, набивка и прочее), была разрешена. В результате с 1780 по 1820 г. продукция хлопчатобумажной отрасли увеличилась более чем в 16 раз³⁷. Итак, впервые не просто была механизирована отдельная отрасль (степень механизации в отдельных случаях в горном деле или в обработке древесины была достаточно высокой). Но впервые такая механизация стала источником непрерывного и систематического расширения сферы применения машинной техники в одной смежной отрасли за другой.

С 70-х гг. началось промышленное использование уже достаточно продуктивной паровой машины Уатта, которая продолжала совершенствоваться длительное время. Применение пара сделало человека более независимым от природы, поскольку теперь не обязательно было строить фабрики у воды или рыть к ним протоку. Постепенно паровой двигатель вытеснил водяной. В 1810 г. в Англии насчитывалось уже около 5 тыс. паровых машин³⁸, а в 1826 — 15 тыс. со средней мощностью в 25 л. с.³⁹

Возникает мощная отрасль — машиностроение. А изобретение

³⁶ Манту, П. Указ. соч. — С. 184.

³⁷ Экономическая история СССР и зарубежных стран. — М., 1978. — С. 51.

³⁸ Экономическая энциклопедия: в 4 т. — М., 1979. — Т. 3. — С. 385.

³⁹ Экономическая история СССР и зарубежных стран. — М., 1978. — С. 51.

парохода и паровоза совершило такой переворот в наземном (и закончило в водном) транспорте, без которого расширение капитализма было немислимо. Шли постоянные усовершенствования в металлургии (широкое применение каменного угля, пудлингование, горячее дутье и т. д.).

Однако английский вариант второго этапа промышленной революции не был единственным. И там, где водной энергии было много, например в США, водяное колесо успешно конкурировало с паровым двигателем аж до 60-х гг. XIX в. «Машина и пар — вот формула технической революции в Англии. Машина и водяное колесо — вот формула для первого этапа машинной стадии американского капитализма», — подчеркивал А. В. Ефимов⁴⁰.

В США промышленный переворот в текстильной промышленности происходил почти исключительно при использовании в качестве основной двигательной силы воды. Американская промышленность (кроме железных дорог и пароходов), естественно, отставала от английской по применению паровых машин. Но это, понятно, если вспомнить, сколько в Северной Америке рек, энергию которых было дешево и просто использовать, и насколько дороже оказывалась добыча и транспортировка угля.

Но при примитивной, на первый взгляд, энергетической базе американская технология была весьма высокой и во многих отношениях превосходила английскую. Американские машины на выставке в Англии в 1851 г. произвели такую сенсацию, что из Англии в США были направлены эксперты, которые представили правительству доклады. В одном из них отмечалась высокая производительность американской мюль-машины, имевшей 1088 веретен и производившей в день работу 3 тыс. рабочих⁴¹. Еще в 50-е гг. XIX в. достоинства паровых и водяных двигателей были предметом оживленных споров⁴². В целом даже в 1860 г. основным источником энергии для американской промышленности оставалась

⁴⁰ Цит.: История США: в 4 т. — М., 1983. — Т. 1. — С. 216.

⁴¹ Авторы доклада объяснили исключительные успехи, достигнутые американцами в производстве машин, в первую очередь острой нехваткой в стране рабочих рук, наличием огромного внутреннего рынка, высоким уровнем образования и широким использованием зарубежного опыта (История США: В 4 т. Т. 1 М, 1983. С. 215—216).

⁴² Форстер, У. Очерк политической истории Америки. — М., 1955. — С. 301. Он же пишет: «В 1840 г. в Лоуэлле энергия воды и энергия пара обходилась соответственно в 12 и 90 долларов за лошадиную силу. Тем не менее паровая машина прочно вошла в быт промышленных центров Новой Англии, где водной энергии уже не хватало, а топливо стоило недорого» (Там же).

вода. Но там, где было совершенно необходимо, в использовании паровых двигателей, американцы могли и обогнать англичан, недаром же первый пароход был изобретен в Америке.

Таким образом, «индустриальная революция всегда по существу одинакова, но методы, которыми она осуществляется, различны из-за различных исторических (и, добавим, географических. — Л. Г.) условий»⁴³. На первых порах во втором этапе промышленной революции, как доказывает вариант американской индустриализации, главным надо считать именно машину, заменяющую труд человека, а вопрос об энергии может решаться до определенного момента различно.

Но, разумеется, использование паровой энергии — более перспективный и универсальный вариант, поэтому он повсеместно и закрепился. *Следовательно, паровые машины дали новому принципу производства ту основу и тот центральный элемент, вокруг которого и создалась вся индустриальная система*⁴⁴.

Промышленный переворот в Англии в основном завершился в 30-е гг. XIX в.⁴⁵ После него производительные силы стали, по образному выражению Геллнера, испытывать страшную, непреодолимую жажду экономического роста⁴⁶. Идут мощные демографические изменения. Население быстро растет. Недаром же знаменитые труды доктора Мальтуса появляются именно в конце XVIII в. В Англии и Уэльсе за 50 лет (1750—1800) население выросло в полтора раза, с 6 до 9 млн, а за следующие 50 лет и

⁴³ The Industrial Revolution 1700—1914 / Ed. C. M. Cipolla. N. Y., 1976. — P. 14.

⁴⁴ «Пар не создал крупной промышленности. Но он дал ей ее мощь, он сделал подъем ее столь же непреодолимым, как непреодолимы силы, которыми он располагает сам. В особенности же он сообщил ей ее единство» (Манту. Указ. соч. — С. 288).

⁴⁵ Ерофеев дает такие этапы промышленного переворота: 1. 60—80-е гг. XVIII в. Машинное производство делает первые шаги в одной отрасли — хлопчатобумажной. 2. 90-е годы XVIII в. — 1830 г. Приемы и методы машинного производства и фабричные организации, опробованные в хлопчатобумажном производстве, переносятся на другие отрасли. 3. 1830—1850 гг. Массовое распространение машин и фабричного производства, окончательная победа машин над остатками ремесленного производства (см.: Промышленный переворот и его социально-экономические последствия // Новая и новейшая история. — 1984. — № 2. — С. 72). С этим можно согласиться. Однако с точки зрения моей концепции время широкого распространения машин, окончательной победы машинного производства — это, действительно, последняя фаза промышленной революции, но она относится уже к началу четвертого этапа принципа производства (зрелости).

⁴⁶ По некоторым данным, производительность труда в промышленности Англии с 1770 по 1840 г. (то есть за 70 лет) выросла в 27 (!) раз (см.: Экономическая история СССР и зарубежных стран. — М., 1978. — С. 52).

удвоилось, достигнув 18 млн⁴⁷. В целом же население Европы (без России) за век, с 1750 по 1850, выросло со 120 до 210 млн чел.⁴⁸ Таким образом, в XIX в. рост населения переходит в то, что называют демографической революцией, явление, характерное для индустриальных стран (или, позже, индустриализующихся)⁴⁹.

В 30-е гг. XIX в. остаточное противоречие в Великобритании было в основном преодолено. Экономическая и политическая сферы разделились, частная собственность и гражданское право упрочились, установилась цензовая демократия как наиболее соответствующая новому принципу производства форма правления; были устранены многие всякого рода стеснения, и прекращены действия властей, которые прямо мешали промышленности и более честной конкуренции — в целом создались хорошие возможности для развития экономики.

Когда А. Смит говорил о полном совпадении при таких условиях частного и общественного интереса — это было квинтэссенцией идеологии уничтожения того, что я называю остаточным противоречием, путем устранения всяких препон для технического прогресса (а их было немало на пути многих изобретений), свободы выбора деятельности, помех со стороны рабочих и т. п., неправильных налогов и импортно-экспортных пошлин.

6.7. Зрелость и основное противоречие промышленного принципа производства

Второй этап промышленной революции в основном соответствует третьему (расцвета) этапу промышленного принципа производства, который продолжался примерно 100 лет (с 30-х гг. XVIII по 30-е гг. XIX в.). К его концу успехи индустриализации, хотя и не столь очевидные, как в Англии, были уже в целом ряде стран, например в США⁵⁰.

Окончание третьего этапа хронологически совпало в Англии с первой парламентской реформой 1832 г. И это не случайно.

⁴⁷ The Industrial Revolution... — P. 15.

⁴⁸ The Industrial Revolution... — P. 15.

⁴⁹ Павлик, З. Проблемы демографической революции // Брачность, рождаемость, семья за три века. — М., 1979. — С. 160—161.

⁵⁰ Очень интересным примером являлась хлопкоочистительная машина Уитни, которая повышала производительность труда при очистке хлопка от семян в сотни раз. Она сделала рабский труд гораздо более рентабельным и, без преувеличения, намного продлила жизнь плантационному рабству в США.

Подобно тому как быстрый рост поливного в больших масштабах земледелия наилучшим образом мог быть осуществлен и — главное — воспроизведен в условиях централизованного и крепкого государства, *для капиталистического машинного производства нужна была политическая власть, на которую производители могли влиять и которая бы считалась с ними.* Ведь развитие фабричной промышленности и новых средств сообщения, непрерывный экономический и технический рост значительно усиливают влияние новой индустрии на общество. Теперь требуются быстрые и достаточно частые изменения в самых разных областях жизни (социальной, профессиональной, демографической, в области права, образования, внешней политики и т. д.), чтобы обеспечить простор для развития экономики.

С 30-х до 90-х гг. XIX в. — четвертый (зрелости) этап. Трудно представить всю мощь конструкторской мысли, гения изобретателей в это время. Только за 10 лет, с 1851 по 1860 г., и только в США «было запатентовано 23 — 140 изобретений, некоторые из которых произвели подлинную революцию в производстве продукции отдельных отраслей американской промышленности»⁵¹. А в последующие 30 лет, с 1860 по 1890 г., масштабы изобретательства возросли в цифрах в 7 раз, и в это тридцатилетие «в США было выдано около 440 тыс. патентов на изобретения в различных областях науки и техники»⁵².

В период зрелости, как уже не раз сказано, формируется и растет собственное, специфическое противоречие. **Основное противоречие третьей формации — это противоречие между общественным характером производства, с одной стороны, и частным (корпоративным) способом присвоения благ, распоряжения капиталами и принятия важнейших экономических решений — с другой**⁵³. Иными словами, порядок распоряжения

⁵¹ Джинчарадзе, В. З. Экономическая история США. — М., 1973. — С. 30.

⁵² Там же. — С. 44.

⁵³ Это видоизмененная и расширенная формулировка основного противоречия капитализма, которая годится и для любого индустриального (в том числе и социалистического) общества. Поэтому оно много шире, чем полагали Маркс и Энгельс. И, кроме того, они считали его эволюционно неразрешимым: «Ждать от капиталистического способа производства иного распределения продукта имело бы такой же смысл, как требовать, чтобы электроды батареи, оставаясь соединенными с ней, перестали разлагать воду и собирать на положительном полюсе кислород, а на отрицательном — водород» (Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 19. — С. 80).

производительными силами подчиняется целям извлечения прибыли и интересам отдельных лиц, групп и корпораций (будь то монополии, министерства, союзы промышленников, профсоюзы и т. п.). Но поскольку все компоненты производства очень тесно взаимосвязаны, каждое частное изменение в нем, предпринятое в личнокорпоративных целях, может отражаться на многих людях или даже на всем обществе, иногда весьма болезненно.

Стоит пояснить относительно распространенности групп и объединений предпринимателей и работников. Объединения купцов и промышленников весьма характерны для раннего капитализма. Правда, товарищества рабочих в это время, как правило, запрещались, и они часто существовали нелегально. Затем развитие пошло в сторону атомизированных предпринимателей, но с середины XIX в. направление переменялось, поскольку возникли большие трудности с аккумуляцией капиталов, ведь машинное производство требовало гораздо больших средств, чем мануфактурное. Поэтому все больше предприятий становились корпоративными: сначала акционерными, затем и вовсе пришли к гигантским по размерам и могуществу монополистическим союзам. С этого же времени классовая борьба рабочих и другие причины позволили им объединяться в профсоюзы, партии и т. п. Так возникли и рабочие корпорации, получившие в XX в. огромную власть и часто пользующиеся ей в корыстных и узкогрупповых интересах. Корпоративность тем более характерна для социализма.

Следствий указанного противоречия много.

1. Наиболее известными можно считать **экономические кризисы перепроизводства** (при социализме, напротив, постоянный дефицит благ). Кризисы, по определению Маркса и Энгельса, — это возмущение современных производительных сил против современных производственных отношений.

2. Основной производитель юридически свободен, но он отчужден от средств производства. Работодатель же не заинтересован в сохранении его здоровья и нравственности, поскольку рабочий не капитал, он как бы дается даром. Между тем вся тяжесть воспроизводства и обучения рабочей силы перекладывается на общество. Это приводит к новому в истории явлению — массовой и постоянной безработице (при социализме она заменяется дефицитом рабочих рук, низкой производительностью, своего рода скрытой безработицей). Расточительство, свойственное любому типу

производства, тут проявляется исключительно наглядно. Период индустриализации часто ведет к падению уровня жизни большей части населения.

3. Принцип частной собственности ведет к классовому делению и, как следствие, к острой общественной борьбе. А наращивание экспорта — к международным трениям. Бремя же поддержания внешнего и внутреннего мира полностью возлагается на общество.

4. Наблюдается постоянное стремление пользоваться общим ради частных выгод, желание поставить государство себе на службу, частный интерес вознести над общим.

5. Очень распространены случаи хищнической эксплуатации колоний, земель, природы, ресурсов, людей.

Техническая же сторона основного противоречия третьей формации означает недостаток удобных форм объединения капиталов, а также противоречие между техническим и человеческим компонентами производительных сил, связанных с возвышением первого и понижением второго. В ремесле искусство мастера было главным. Теперь же главное — капитал в виде машин и оборудования, приобретение и обновление которого требует строжайшей экономии на заработной плате.

Кроме того, сказывалась непропорциональность разных областей и отраслей экономики. Наряду с очень производительными механизированными отраслями в большинстве все еще использовали главным образом ручной труд. Например, та же добыча угля велась большей частью вручную, ручной оставалась в основном и разгрузка-погрузка. И внутри самих фабрик было еще очень много ручного труда. Следовательно, общая производительность все еще оставалась низкой. С другой стороны, вознаграждение за труд снизилось, так как усовершенствование машин позволило управлять ими неквалифицированным рабочим, даже детям.

Сказанное потребовало много и по возможности дешевой рабочей силы. В орбиту промышленности вовлекалась гигантская масса населения, в том числе женщины и дети. Таким образом, рост общественного богатства происходил только частично за счет механизации труда, а в большей мере — за счет понижения жизненного уровня массы рабочих и ремесленников.

Обратной стороной описанной ситуации являлась слабая покупательная способность населения. Кроме того, рост городского

населения делал продукты питания достаточно дорогими для основной его массы. Все это означало узкий рынок потребления, жесткую конкуренцию, самоэксплуатацию мелкой буржуазии, крестьян и ремесленников, которая, по словам Гэлбрейта, бывает еще жестче эксплуатации, а также создавало основу для регулярных кризисов перепроизводства и жестокой безработицы.

Таким образом, бедность становилась естественным спутником капитализма. Мало того, столь напряженная эксплуатация, характерная именно для молодого капиталистического фабричного строя, вела к обострению общественных противоречий. Ибо для развития экономики теперь требовалось подчинение интересам производства всего общества и даже других обществ (колоний). Это обостряло политические проблемы, а социальные конфликты оказывались неизбежными.

Неспособность производительных сил создать достаточное богатство, а общество должным образом изменить распределительную и правовую системы, открывали путь увеличения абсолютной эксплуатации работников: увеличение рабочего дня, интенсивности работ, штрафов и натуральной зарплаты, занижение расценок, обман и т. д. И если демографические ресурсы позволяли, это длилось достаточно долго⁵⁴. Естественно, что в этом случае технический прогресс замедлялся. Нередко капитализм паразитировал на дешевом крестьянском труде своей или чужих стран, даровом сырье и рабочей силе колоний и полуколоний, принудительном ограничении торговли⁵⁵. Правда, важно отметить, что, в отличие от прежних эпох, производительные силы стали самовозрастающими, а взаимосвязь экономик мира выросла многократно. Поэтому случаев полного застоя почти не было. Вопрос состоял в том, какой путь более прогрессивен и менее разрушителен.

Наиболее перспективным оказалось направление совершенствования техники и технологии, интенсификации производства, повышения квалификации рабочих, роста образования.

⁵⁴ Капитал также стремился к экстенсивному росту. Иногда это прогрессивно (например, освоение земель Америки, Австралии, новых месторождений). Иногда, когда направлено на расширение внеэкономически эксплуатируемой периферии, реакционно.

⁵⁵ Вообще попытки закрыть рынок, навязать своим гражданам (или жителям зависимых стран) товары более дорогие или худшего качества очень характерны для этого способа производства. Недаром так много говорят о борьбе за рынки сбыта при капитализме.

Такой путь вел к уменьшению внеэкономического отчуждения и созданию элементов нового типа отчуждения. Начинается и отход от прежнего **расточительства** (прежде всего в использовании человеческой жизни, например запрете рабства, детского труда и т. д., меньше — в эксплуатации природы).

Следует учесть, что усилению эксплуатации препятствовало то, что буржуазия не была политически всемогуща, как рабовладельческая аристократия на Юге США или коммунистический режим. В Англии, например, с одной стороны, буржуазия стремилась ограничить власть аристократии, для чего опиралась так или иначе и на другие слои, включая рабочих. Последние же расширяли возможности отстаивать свои интересы. С другой — и после парламентских реформ буржуазия полностью не господствовала на политической сцене и была вынуждена считаться с общественным мнением других слоев. Все это ставило пределы для эксплуатации.

Поэтому в историческом плане *техническое противоречие решается за счет все большей механизации и машинизации производства и повышения производительности труда в увязке с уменьшением эксплуатации и повышением жизненного уровня рабочих*⁵⁶. В США нехватка рабочих тем более делала технизацию главной возможностью промышленного развития.

Техническое противоречие было, как сказано, связано также с трудностью концентрации капиталов и высоким личным риском в случае неудачи. Но XIX в., помимо многого другого, был еще и веком «законов о корпорациях, освободивших бизнесменов от необходимости принимать специальные юридические постановления всякий раз, когда им предстояло учредить компанию с ограниченной ответственностью, и создавших простейшие правовые предпосылки для новых деловых операций»⁵⁷. И по мере того, как появлялась юридическая возможность организовывать различные формы акционерных, с ограниченной или смешанной ответственностью компаний, последние «создавались со скоростью лавины»⁵⁸. Правда, только там, где экономическое развитие было достаточно высоким. В тех же США на Севере это приняло самый массовый характер, а

⁵⁶ Правда, в Англии добавлялись и доходы от эксплуатации колоний, и это было одной из причин потери ею лидерства в развитии промышленности.

⁵⁷ Бурстин, Д. Американцы. Национальный опыт / пер. с англ. — М., 1993. — С. 229.

⁵⁸ Аннерс, Э. История европейского права / пер. со шв. — М.: Наука, 1994. — С. 276.

на Юге оставалось диковинкой⁵⁹. Таким образом, в связи с новыми юридическими формами корпораций и по мере появления новых средств связи и транспорта, развития банков, кредита и прочего, позволяющего легче перемещать капиталы, способность их концентрации возросла неимоверно.

6.8. Высшие этапы промышленного принципа производства

Этап высокой зрелости длился примерно с 90-х гг. до Первой мировой войны 1914 г. Мощно развивается химическая промышленность, происходит рывок в стали-плавлении, начинают широко использовать электрическую энергию, которая наряду с нефтью постепенно теснит уголь. Создаются станок за станком, машина за машиной. Телеграф, телефон связали мир. С двигателями внутреннего сгорания появились транспорт и машины, способные действовать автономно. Особое место среди них принадлежало автомобилю и трактору. Последний вызвал переворот в сельском хозяйстве.

Электродвигатели изменили лицо фабрик, быт.

И, наконец, последний, **подготовительный** этап продолжался до середины XX в. Идут мощная интенсификация производства и внедрение научных методов организации производства (конвейер, хронометрирование трудовых операций и т. п.), невиданные прежде стандартизация, укрупнение предприятий, мощнейшее развитие военной техники, науки, расширение вмешательства государства в экономику, рост образования. На заводах появились индивидуальные электродвигатели вместо общего парового. Электроэнергия распространялась столь мощно, что казалось: происходит новая промышленная революция⁶⁰. Стоит отметить развитие такого свойства производительных сил, как способность вызывать новые потребности и сознательно планировать их. По этому поводу Дж. Маршалл писал: «...в эпоху первоначального развития человечества

⁵⁹ Бурстин, Д. — Указ. соч. — С. 228—232.

⁶⁰ Современник этих процессов писал в 30-е гг.: «...в наше время на смену пару приходит электричество, таким образом, происходит такая же великая революция, какой была промышленная революция сто пятьдесят лет назад... масштаб изменений стал до того огромен, что революционный переворот, совершенный ими в промышленности и методах производства, не уступает» промышленной революции. «В XX столетии мы имеем — в особенности в Соединенных Штатах Америки — великую электрическую революцию, порождающую совершенно новые условия жизни» (Неру, Дж. Взгляд на всемирную историю: в 3 т. — Т. 3. — М, 1977. — С. 309—310).

именно потребности порождают деятельность, но впоследствии каждая новая восходящая ступень в развитии рождает новые виды деятельности, которые вызывают иные потребности, и, наоборот, расширение вторых приводит к появлению первых»⁶¹.

В это время уже заметны предпосылки научно-технической революции. Появляются или получают значительное развитие новые виды транспорта (самолеты, первые ракеты), создаются искусственные материалы, автоматы разных видов; новые виды связи и изображения: кино, радио, первые телевизоры. Радио позволяет связать любую точку планеты, управлять на расстоянии. Открываются новые виды энергии (ядерная), идет работа над изобретением компьютеров. Происходят изменения в сельском хозяйстве, как в его механизации, так и в агротехнике (новые способы селекции, искусственное осеменение и прочее). Больших успехов достигает медицина.

Техническая часть противоречия разрешалась, таким образом, гораздо быстрее, чем общественная, а это вызвало цепь разнообразных кризисных явлений (о чем в следующем параграфе). Прибавочного продукта становилось все больше, а главный стержень распределения оставался прежним. Между тем в создании изобилия в связи с мощнейшим разделением труда фактически участвовало все общество, которое также несло все издержки экономической политики в интересах определенных групп. Вокруг возрастающего прибавочного продукта разгоралась все более ожесточенная борьба, причем число реальных и потенциальных участников дележа росло.

В результате классовой борьбы эксплуатация рабочих становится мягче, зато ужесточается колониальная и национальная политика. Важнейшим показателем изменений стала концентрация капитала и производства и появление нового вида корпораций, чрезмерные влияние и власть которых выкристаллизовали проблему соотношения частной собственности и общественных интересов гораздо ярче и по-новому. Все это вызывало обострение основного противоречия, которое проявлялось в разных обществах по-разному.

Например, в США в связи с большими резервами земли и полезных ископаемых переход технической его части в

⁶¹ Цит. по: Пезенти, А. Очерки политической экономии капитализма: в 2 т. / пер. с ит. — М., 1976. — Т. 2. — С. 343—344.

общественную длительное время затягивался. Угроза сокращения свободных земель в связи с экспансией рабовладельцев на Запад вызвала гражданскую войну, победа в которой позволила капитализму расширяться. Неудивительно, что Ленин особо выделял «американский путь развития капитализма». И только рост монополий привел к обострению общественной части противоречия. Но и решалось оно здесь большей частью путем организованной и легальной политической борьбы, демократического воздействия на правительство и изменения законодательства. Естественно, что в России и некоторых других странах обострение противоречий при жестком политическом режиме и отсталости отношений ощущалось и разрешалось совсем иначе.

Преодоление технического противоречия позволило появиться и иному варианту индустриального принципа производства в обществах, где в роли главного организатора и накопителя капиталов выступало государство. Тут производители оказались либо на роли младших партнеров чиновников, либо сами превратились в них. Поскольку направления прогресса выбирало государство, постольку оно стремилось ко всеобщему регулированию, что и породило тоталитаризм. Ведь требовалось соблюсти баланс всяческих интересов и обеспечивать развитие производства вместе с государственной мощью. Это удавалось сделать только при определенной идеологии, контроле за ресурсами и подавлении инакомыслия.

А кроме того, нужно было и ограничивать уровень потребления трудящихся. Экономист Маршалл обратил внимание на внеэкономический уклон в индустриализующейся Японии: «Следует признать, что индустриальное развитие Японии обнаруживает тенденцию, свидетельствующую о возможности отказа от некоторых наиболее дорогих традиционных жизненных средств без соответствующего уменьшения производительности...»⁶². Очень любопытен его вывод по этому поводу: «...но, хотя этот опыт способен принести весьма важные результаты в будущем, он все же не получил широкого распространения ни в прошлом, ни в настоящее время»⁶³. Действительно, такой «опыт», творчески развитый, позже получил очень широкое распространение в СССР и других странах.

⁶² Маршалл, А. Принципы политической экономики: в 3 т. / пер с англ. — М., 1984. — Т. 2. — С. 234.

⁶³ Там же.

Наиболее ярким типом государственной модели промышленного принципа производства стал **социализм**. В этом строе проявились некоторые черты как прошлого (прежде всего крен во внеэкономическое отчуждение), так и будущего: социальное обеспечение, планирование, государственное регулирование экономики и др. Но они основывались на слишком примитивной производственной базе. Если природное богатство позволяло, то временно уровень жизни мог быстро расти⁶⁴. Но источники внутреннего развития были слабы.

§ 7. Научно-техническая революция и научно-информационный принцип производства

7.1. Преодоление основного противоречия третьей формации и начало перехода к научно-информационному принципу производства

Переход к новому принципу производства не идет гладко, а сопровождается сильными кризисами и потрясениями. В конце XIX в. производительные силы достигли пределов роста, дальше которых они могли бескризисно развиваться только при существенном изменении распределительных отношений и хотя бы частичном разрешении основного противоречия. Ведь то, что в нашей науке описывалось как империалистическая стадия капитализма, по сути, довело обобществление производства почти до предела. Роль монополий росла, несмотря на протесты мелких предпринимателей, несмотря на желание правительства ограничить их. Ибо за этими объединениями стояла не только мощь состояний, но и технический прогресс.

Но нужны были адекватные изменения и в контроле за подобным прогрессом, а между тем способ принятия решения и присвоения в главном оставался прежним. Поэтому шестой, подготовительный этап промышленного принципа производства был связан не только с массой различных новаций, но и с большими потрясениями, которые так или иначе захватили почти весь мир. Первая мировая война стала результатом различных, в том числе и

⁶⁴ В условиях богатства недр СССР, и в особенности нефтяного бума, возник эффект псевдовысокого развития: за счет этого богатства страна пыталась создать уровень и образ жизни, которые характерны для более высокой стадии. Когда ресурсы исчерпались, рухнул и социалистический строй.

экономических противоречий. Поиск способов преодолеть болезни общества вылился в чудовищные социальные эксперименты социализма и фашизма во Вторую мировую войну, которая ясно показала неизбежность перестройки мирового порядка. Экономические кризисы становились все разрушительнее, пока не достигли такой силы, что поставили западный мир перед угрозой краха или огромного социального взрыва. Великая депрессия 20—30-х гг. окончательно подорвала веру в чудодейственность рынка, в то, что хозяйство наладится само собой.

Уже с Первой мировой войны, но особенно в 30—40-е гг., в результате антикризисных мер и военной регламентации промышленности во многих странах нащупывались механизмы изменения распределения, контроля и планирования в экономике. Не везде они были удачны, а в ряде случаев (как в Германии) трагичны. Но в целом удалось отыскать пути преодоления основного противоречия. Главную роль в этом играли методы государственного регулирования макроэкономических параметров производства и распределения при сохранении рынка.

После Второй мировой войны США первыми указали дорогу в новый научно-информационный принцип производства и экономический тип отчуждения⁶⁵. Начавшаяся в 50-е гг. НТР закрепила эти трансформации. Почему именно в США впервые начался такой переход? Как всегда, налицо сплав особенностей и закономерностей. Это общество сформировалось без многих феодальных пережитков, отсюда его социальная структура и правовая основа позволяли быстрее разрешать противоречия, и ресурсов в нем было больше. Поэтому достаточно долгое время казалось, что на пути капиталистического развития там не будет никаких особых помех. Однако именно в США некоторые моменты основного противоречия проявились особенно ярко. Так, нигде не было столь крупных и централизованных монополий, и нигде борьба общества с ними не принимала столь ожесточенный характер.

Уже в XIX и начале XX в. было видно лидерство США в производительности труда, «научном выжимании пота» по определению Ленина, в экономическом стимулировании рабочих и всеобъемлющем применении техники. Экономист Маршалл писал: «Во всех подобного рода вопросах лидерство принадлежит Америке,

⁶⁵ 40—50-е гг., по Д. Беллу, переход к постиндустриальному обществу в США.

и там нередко можно услышать, что лучшим является тот бизнесмен, который умудряется платить самую высокую заработную плату»⁶⁶. Первая мировая война и последовавшие за ней революции не только особо не затронули Штаты, но и принесли им несомненную пользу. В 20—30-е гг. это было технически самое передовое общество. Не было страны в мире, где была бы столь высокой производительность труда в ряде отраслей, где достижения науки внедрялись бы так быстро, где производилось бы столько электромашин и автомобилей.

По существу, уже в 20-е гг. уровень техники США в ряде направлений перерос индустриальный принцип производства. Однако идея, что все должно идти, как шло раньше, сдерживала рождение нового принципа производства. Великая депрессия заставила, наконец, включить механизм государственного регулирования. Вторая мировая война добавила необходимый элемент вмешательства государства в регулирование, финансирование и стимулирование ряда направлений научно-технического прогресса. А то, что после войны США оказались в положении едва ли не мирового монополиста, поставлявшего самые разные товары и машины, способствовало их развитию в указанном плане.

Помимо сказанного, очень важным было то, что для перехода к новому принципу производства требовались свобода от колоний, а также территория и внутренний рынок гораздо бóльшие, чем отдельные европейские страны. По всем требованиям США подходили на роль лидера в переход в новый принцип производства⁶⁷.

Основное противоречие было частично разрешено. В чем именно? Теперь при сохранении силы рынка государство регулировало народное хозяйство налогами, заказами, планированием, вмешательством в дела банков, контролем за обращением денег, стимулированием спроса, ограничением промышленных конфликтов и т. д. Фактически правительство в целом стало брать на себя ответственность за экономическое развитие, а позже и за рост уровня жизни. Экономика становится «управляемой», считает экономист Хансен, а современный мир, по

⁶⁶ Маршалл, А. Указ. соч. — Т. 2. — С. 254.

⁶⁷ Это, правда не значит, что они и дальше будут обязательно лидировать. Напротив, чисто национальные мерки, стратегия и прочее могут явиться причиной того, что в дальнейшем они станут переростком, подобно тому как лидирующая в техническом отношении Германия в XVI в. позже уступила его Британии.

его словам, это мир, «в котором правительственное вмешательство всех видов и способов играет стабилизирующую роль», при этом в экономической системе есть «встроенные регуляторы»⁶⁸. По формулировке Р. Дженкинса, государство вмешиваясь в экономику, постоянно восстанавливает равновесие на рынках в пользу слабых⁶⁹. Все это сделало развитие более ровным и смягчало кризисы.

То, что в 30-е гг. казалось ересью или открытием — помощь государства бизнесу для избежания кризисов — в начале 50-х стало общим местом. Американский экономист А. Бернс в 1955 г. писал:

«Учитывая расширение наших познаний относительно промышленных циклов и *всеобщего согласия* с идеей государственной помощи в деле достижения устойчивого процветания, будет вполне разумным ожидать, что мы окажемся в состоянии избежать глубоких и продолжительных кризисов»⁷⁰. Конечно, эти выводы оказались слишком оптимистичными. Тем не менее кое в чем они были правильны, объективно отражая момент неполного преодоления прежнего противоречия.

Существенно меняется и роль рынка, который до некоторой степени становится контролируемым благодаря тщательному изучению и планируемому воздействию на него и потребителя. Уже в 70-х гг. более 90 % американских фирм вели скрупулезное изучение рынка и постоянно совершенствовали организацию сбыта. Такие перемены дали Гэлбрейту основание утверждать, что рынок не только не является контролирующей силой в экономике, но сам все более и более приспособляется к нуждам и потребностям хозяйственных организаций⁷¹. Разумеется, это верно только до определенного момента, воздействие рынка все еще очень велико, причем все сильнее воздействие именно международной конкуренции или конкуренции между старыми и новыми отраслями, все же рынок сегодня существенно иной, чем в первой половине XX в. и тем более в XIX.

Стало слабеть и наиболее очевидное проявление основного противоречия третьей формации, связанное с эксплуатацией рабочих и бывшее длительное время главной осью общественного

⁶⁸ Цит.: Критика антимарксистских теорий в курсе политической экономии. — М., 1983. — С. 158.

⁶⁹ См.: Хватков, Г. Н. Антикоммунизм на службе реакции и войны. М., 1981. С. 54.

⁷⁰ Цит. по: Докукин, В. И. Критика современных антимарксистских экономических теорий. — М., 1974. — С. 83.

⁷¹ Гэлбрейт, Дж. К. Новое индустриальное общество / пер. с англ. — М., 1969. — С. 31.

противостояния. Классовая борьба все заметнее «институционализировалась». «Методы, орудия и техника классовой борьбы официально признаны и законодательно оформлены обществом и благодаря этому поставлены под контроль. Поэтому классовая борьба утратила свое острое, превратилась в узаконенное напряжение между силами, которые уравнивают друг друга. Капитал и труд... заключают взаимные компромиссы, ведут переговоры о разрешении споров и таким образом определяют уровень зарплаты, продолжительность рабочего дня и прочие условия труда»⁷². Безработица также изменила свой жестокий характер, что вместе с различными социальными программами резко уменьшило роль внеэкономического отчуждения.

То, что главное напряжение сместилось с оси капиталист — рабочий в отношении производитель — потребитель, подтверждает и такое очень распространившееся явление, как планируемое и систематическое движение к уменьшению долговечности и прочности товаров. Это заключается, например, в фактической и постоянной фальсификации товаров или стремлении убедить, что только новый товар достоин внимания, хотя бы он имел малопробованные свойства и уступал старому. Это связано именно с особенностями производительных сил, которые должны все время расширяться, пусть в этом и нет потребительской необходимости, иначе неизбежен тяжелый кризис. Отсюда все более крикливый и назойливый характер рекламы, постепенное восприятие обществом идеи, что даже очень дорогие вещи надо постоянно менять, и многое другое.

Еще Гэлбрейт отмечал, что крупным корпорациям часто гораздо проще уступить рабочим и переложить издержки на потребителя, чем создавать угрозу стабильности производства. Неудивительно и то, что движение потребителей, всевозможные протесты и тяжбы по этому поводу стали самым обычным делом.

Европейские страны вступили в новый принцип производства позже США, когда оправались от войны, и одновременно. Для Европы важнейшим этапом была интеграция в ЕЭС..

7.2. Научно-информационная революция: некоторые

⁷² Гайгер, Т. (Цит. по: Нечипоренко, А. А. Буржуазная «социология конфликта». — М., 1982. — С. 87).

характеристики

Производственная революция, которая началась в 40—50-е гг. XX в. и продолжается по сию пору, получила название научнотехнической⁷³. Но на сегодняшний день точнее ее было бы назвать научно-информационной, так как наметился переход к научным методам управления производством и обращением. В сфере же информации произошли огромные изменения. Сама информация является, по сути, новым видом предмета труда, а ее создание, сбор, обработка, распространение, прием и расшифровка (объяснение) становятся все более важной частью производства. В то же время окончательное название эта революция может получить, только когда завершится.

Результаты первого ее этапа были очень многообразны. Помимо создания компьютеров и различных электронных средств управления, связи и информации, НТР имела еще ряд направлений: в энергетике, в области создания искусственных материалов⁷⁴, автоматизации, в освоении космоса, а также части морской акватории и дна, сельском хозяйстве (в селекции и прочем), а также в медицине и ряде наук.

Развитие разных направлений шло неравномерно, а рост некоторых из них имел взрывной характер. Так, в 60—70-е гг. начался промышленный выпуск лазеров, и за 7 лет, с 1968 по 1975, в США сумма стоимости выпущенных лазеров увеличилась в 20 раз⁷⁵. Парк промышленных роботов с 1974 по 1982 г. в развитых странах вырос в 10 раз, более 40 % всех роботов пришлось на Японию⁷⁶.

Поэтому на протяжении разворачивания этой революции на первое место выдвигались то одни, то другие направления, соперничая друг с другом. Космос завладел умами людей, и появились самые невероятные проекты, вплоть до разрушения малых планет на части. Роль космоса, правда, в ином плане оказалась совершенно незаменимой в плане удешевления и резкого

⁷³ Распространено мнение, что это название закрепилось с легкой руки Дж. Бернала.

⁷⁴ Уже в 30—40-е гг. были изобретены и начали производиться промышленносинтетический каучук, пластмассы, нейлон и многие другие искусственные материалы. Но особенно мощный рост промышленности и химического синтеза пришелся на 60-е гг., поэтому в этот период «оборот крупной химической фирмы на 90 % состоял из продуктов, которых в 1945 г. еще не существовало» (Байнхауэр, Х., Шлаке, Э. Мир в 2000 году / пер. с нем. — М., 1973. — С. 12).

⁷⁵ Илларионова, Ж. И. Научно-техническая революция и мировое хозяйство. — М., 1979. — С. 16—17.

⁷⁶ Наука и техника современного капитализма: Социально-экономический справочник. — М.: Мысль, 1987. — С. 89.

увеличения объема связи. Автоматизация и роботы вызывали и социальные конфликты, и всевозможные прогнозы, и безудержную фантазию⁷⁷. Длительное время казалось, что главным переворотом XX в. будет овладение практически бесплатной энергией. На роль источника выдвигались то солнечная, то внутриземная, то морских течений и приливов, но чаще всего — управляемая термоядерная. Лидером НТР сегодня, как известно, стали компьютерное направление и связь.

При всех вариациях в формулировках главными чертами НТР чаще всего выдвигают следующие:

1. Едва ли не самой главной — во многом справедливо — считают превращение науки в часть производства, сокращение во много раз периода от начала разработок до внедрения и широкого распространения. Д. Белл даже утверждал, что «ключевым общественным институтом в грядущем 50-летию станет научно-исследовательская организация»⁷⁸. Роль науки видна и в цифрах роста расходов на нее. По некоторым данным, затраты на науку за 30 лет (с 1940 по 1970) в США возросли в 70 раз⁷⁹.

2. Автоматизация и робототехника.

3. Новые виды энергии.

4. Изменение места человека в процессе труда.

5. Новые материалы.

6. Роль информатики (кибернетики) и т. п.

7. Повышение роли интеллектуального труда и доли услуг, роли образования.

Все это совершенно правильно. Но думается, что ни одно из этих направлений, включая и информационное, и даже все они вместе не определяют сути данной революции. Сначала эти плюсы, возможно, и какие-то новые моменты создадут необходимую базу для второго этапа научно-информационной революции, а уже в результате него и особенно после него станут яснее более общие и глубинные черты и «сущность» этой революции⁸⁰. Поэтому можно

⁷⁷ Некоторые, особенно сторонники так называемого технологического способа производства, считают это направление самым главным, определяющим сущность НТР.

⁷⁸ Белл, Д. Постиндустриальное общество // Америка. 1974. № 215. — Сент. — С. 5.

⁷⁹ Актуальные экономические проблемы современного капитализма. — М.: Мысль, 1973. — С. 20.

⁸⁰ Предположение о втором этапе НТР высказывалось давно (см., например: Материалистическая диалектика. — Т. 4. — С. 314; Волков, Г. Промышленная революция. С. 391).

смело считать, что основные результаты этой революции еще впереди.

Этот второй этап может начаться в ближайшие десятилетия (если создадутся благоприятные условия). Возможно, он будет иметь «биологический» уклон, ведущий к изменениям в отношении к природе (управлении природой). И, судя по сегодняшним новинкам и направленности науки, есть основания говорить, что первичный прорыв может состояться в области планируемого воздействия на человеческий организм⁸¹. Поскольку люди — важнейшая часть производительных сил, вполне правомерно считать такое направление и производственным.

Но вообще открытое им направление может быть связано с глобальным информационным и научным проникновением во все сферы деятельности, изменением отношения к природе и возникновением мощных природовосстановительных и природоохранных секторов хозяйства. Это было бы вполне логичным. Ведь в течение исторического процесса от производственной революции к революции меняется в сторону уменьшения степень независимости общества от природы.

Аграрная революция создает независимость (хотя и неполную) в производстве пищи. Промышленная революция на первом этапе ведет к преодолению океанического барьера, созданию мирового рынка и качественно более полному использованию ресурсов природы за счет специализации и торговли. А второй (машинный) ее этап уменьшил роль природного фактора как главного в производительных силах и как главного ограничителя роста населения. Теперь технические средства и новые виды энергии могли компенсировать недостаток плодородия земли и числа жителей.

Современный этап научно-информационной производственной революции развивает этот процесс далее. Промышленность все менее связана с природными веществами как главными за счет искусственных, да и вообще материально-вещественная часть предмета труда начинает все больше уступать место идеальной (информации). Следующий же этап научно-информационной революции, возможно, сделает природные процессы управляемыми, точнее, откроет для этого путь на этапах зрелости и высокой

⁸¹ Нельзя сказать, что это вызывает только восторг, но, во всяком случае, такая тенденция есть, а отношение к ней — вопрос иного плана.

зрелости четвертой формации.

Весьма возможно, что нынешнее время — это как раз перерыв между двумя этапами научно-информационной революции, связанный с широчайшим распространением новых техники, технологии, образа жизни, форм связи и информации. Кроме того, налицо как бы взаимопроникновение и дополнение различных направлений НТР, что и делает новый принцип производства динамичным, более эффективным и склонным к широкой экспансии. В самом деле, элементы электроники и ЭВМ есть практически в любом приборе; освоение космоса сделало прорыв в средствах связи, без чего немыслимо развитие коммуникаций; только с помощью искусственных материалов и возможны все «чудеса» современной электроники и связи; без автоматизации не может быть никакого высокотехнического производства, и само это производство обязательно ведет к развитию автоматизации. И т. д.

В известной мере первый этап производственной революции как бы завершает, подводит итог тенденциям прежнего принципа производства и одновременно открывает новое. Поэтому он представляет своего рода симбиоз (частью синтез) старого по форме, но нового по содержанию и функциям, с одной стороны, и принципиально нового, которое еще не играет решающей роли, — с другой. Как уже говорилось, промышленная революция открыла процесс экономии труда и энергии. Первый этап НТР продолжает этот процесс. Вот почему на первом этапе научно-информационной революции наиболее заметна **экономия сложного и интеллектуального труда в производстве, науке, информационном деле и др.** НТР в то же время есть революция **экономии энергии** в самом широком смысле слова: и труда, и природы, и ресурсов, и здоровья, и др.

Но в целом очень вероятно, что эта революция станет революцией «управляемых систем», иными словами, откроет возможность в широких размерах планируемо влиять и в целом управлять самыми разными природными и производственными процессами, включая безотходность производства, в региональном и, позже, мировом масштабах⁸². И в НТР уже можно угадать некоторые черты этого, но они еще нечеткие.

⁸² В дальнейшем это может распространиться и на управление социальными процессами.

7.3. Первые этапы научно-информационного принципа производства: хронология и некоторые характеристики

Поскольку четвертый принцип производства находится еще в начальных стадиях и только готовится вступить в свой этап расцвета, после которого уже станут более очевидными его собственные черты, говорить о его характеристиках и хронологии приходится во многом предположительно.

В настоящее время мир в лице передовых стран, по-видимому, вступил во второй (молодости) этап научно-информационного принципа производства. **Первый его этап проходил в 40—80 гг. XX в.** В нем можно выделить такие подэтапы:

1. 40—50-е гг. — преодоление основного противоречия в США и утверждение здесь некоторых черт нового принципа производства.

2. 60—70-е гг. — мощный экономический подъем ряда европейских стран и Японии, вступление в новый принцип производства этих и других стран. Разворачивание ряда направлений НТР становится очевидным.

3. 70—80-е гг. начинаются трудностями и потрясениями, преодоление которых готовит переход во второй этап принципа производства. Энергетический кризис ознаменовал конец многих прежних тенденций и начало действительной экономии ресурсов. Вместе с расширением мер по охране окружающей среды это свидетельствует о начале формирования собственных черт нового принципа производства и четвертой формации в целом, о наметках на будущее⁸³. В этот период преимущества нового принципа производства уже становятся более очевидными на фоне кризиса в конкурирующем лагере социализма. Идет мощный экономический рост ряда азиатских и латиноамериканских стран.

С середины 80-х гг. вместе с появлением или достаточно широким распространением удобных в обращении компьютеров, средств связи и прочего, думается, *мир стал вступать в этап количественного распространения новшеств*. Ведь большинство из сегодняшних технических и электронных чудес не являются принципиально новыми. Но они представляют собой самые

⁸³ Подобно тому как уже в ранних мануфактурах взаимоотношения хозяев и работников становились весьма острыми и требовали регулирования, но были принципиально разрешены только века спустя, так и эти первые шаги свидетельствуют о том, что в будущем экологические проблемы должны быть решены радикально и на иной основе.

разнообразные комбинации новшеств предшествующего периода, доведенных уже до определенной степени совершенства и рассчитанных на неспециалистов. Поэтому они распространяются в массовом количестве, круто изменяют лицо мира, быт и прочее. Новые сектора с учетом, конечно, международного разделения труда становятся в некоторых странах ведущими.

В то же время ряд открытий в области генетики и медицины, а также принципиально новые поколения компьютеров, еще не столь радикальных, чтобы начать новый виток изменений, но крайне важных в качестве составных частей будущего, возникают на глазах. И, как сказано, *весьма вероятно, что где-нибудь в 20-е г. XXI в. начнется второй этап научно-информационной революции (или революции управляемых систем)*. Правда, очевидным это станет лет на 10—15 позже фактического начала.

О характеристиках современных производительных сил, а также о тенденциях к интеграции, уменьшению национального суверенитета, необходимости выработки международных стандартов, правил, каких-то органов, которые позволяли бы выравнивать уровни развития, уменьшить анархию в экономическом развитии и т. п., я уже довольно подробно писал, поэтому в данном параграфе некоторые моменты будут опущены⁸⁴.

Как сказано, на первом этапе производственной революции, помимо совершенно новых явлений, налицо и развитие тех, что уже имелись к ее началу. Но теперь они складываются в иную систему и приобретают такие масштабы, что начинается переход количества в качество. Весьма наглядно это видно на примере роста экономики услуг. Ее отход от традиционных форм второй формации (домашнего услужения, ремесленной работы на заказ и т. п.) и рост новых тенденций прослеживаются по крайней мере с конца XIX в. Ныне же огромная часть населения занята оказанием различных услуг: одни — бытовых, другие — интеллектуальных и иных, им родственных (медицина, юристы и т. п.), управленческих, охранных и т. п. Экономика ориентируется на блага, связанные с развитием (или псевдоразвитием) и развлечением личности: спорт, медицина, отдых, туризм и пр. Производство товаров духовного назначения: книг, фильмов, песен и т. п. — стало промышленно массовым,

⁸⁴ См. настоящую работу. 1998. № 5; а также: Гринин, Л. Е. Современные производительные силы и проблемы национального суверенитета // Философия и общество. — 1999. — № 4.

причем качество их по сравнению с прошлым, естественно, ниже, как всегда бывает, когда индивидуальные произведения переводятся на поток (таковы же были жалобы на плохое качество мануфактурных вещей перед ремесленными).

Хотя старые тенденции нарастают очень быстро, но еще быстрее разворачиваются новые. При этом особенно важным будет подчеркнуть, что **производительные силы становятся все более интернациональными. Мало того, новые, быстро растущие области производства (Интернет, космос, перетоки информации, новые виды связи и другие) как раз по природе своей наднациональны или планетарны.** Это делает национальные границы перед современными производительными силами гораздо менее серьезным, чем ранее, рубежом.

Сегодня экономика все сильнее опирается уже не на национальные единицы, а на наднациональные экономические объединения с проникновением во все мировое пространство. Неудивительно, что все чаще говорят о **глобализации** производства.

7.4. Основное противоречие современной эпохи

Новый принцип производства еще только в начале пути. Одни страны вступили во второй его этап. Иные лишь в первом переходном. А большинство еще в разных этапах индустриального принципа производства. Некоторые же, по-видимому, представляют собой переростки, уклонившиеся в сторону от генеральной линии⁸⁵.

Поэтому, если следовать логике тех закономерностей, о которых шла речь в этой главе, сейчас пока устраняется остаточное противоречие прежней эпохи. **Прежнее основное противоречие, разрешившись в национальном масштабе, проявляется теперь уже как остаточное в региональном и планетарном.** Ведь экономика все больше становится мировой, а использование ресурсов, законы и нормы, принятие решений остаются во многом частнокорпоративными, партийными (или, в лучшем случае, национально-корпоративными). **А значит, возникает противоречие**

⁸⁵ Вероятно, подобными переростками были ГДР и Чехословакия, имевшие самый высокий среди соцстран уровень развития экономики и качества жизни и поэтому более легко вернувшиеся на магистральный путь. Переростком можно считать Южно-Африканскую Республику, которая сейчас с трудом возвращается на нормальный путь. Не исключено, что такими переростками станут (или уже стали) некоторые нефтедобывающие страны.

между общепланетарными судьбами человечества и корпоративно-национальной ограниченностью. Оно выражается по-разному, в том числе как противоречие между тягой к мировой и региональной интеграции и национальным (партийным, корпоративным) эгоизмом, между общепланетарными судьбами человечества и узко или ложно понимаемыми национальными интересами.

Это глобальное противоречие уже сегодня весьма заметно, а завтра будет угадываться гораздо яснее. В будущем оно в ряде стран может стать особенно непримиримым в плане сохранения окружающей среды, как сегодня в правах человека. Уже сейчас очевидно, что, став независимыми от частных ограничений природы, люди столкнулись с ограниченностью ее возможностей в целом. Поэтому необходимы какие-то договоренности, органы и нормы, а также шкала ценностей в региональном и планетарном масштабах. Необходимо понять, что развитие не может идти все время вширь, что требуются сознательное ограничение в потреблении, а также механизмы, способные заставить большинство стран принять такие ограничения.

Желательно также определенное выравнивание уровней развития, жизни и культуры районов мира, в то же время с учетом невозможности простого использования американско-европейской модели развития. Такая унификация приводит к неудачам в реформах, социальной напряженности и прочему.

Стоит еще раз подчеркнуть, что, частично разрешаясь, видоизменяясь, прежнее противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже вырастает в будущее, носит черты и старого, и нового, сильно непохоже на то, как оно выглядело раньше. Это можно проиллюстрировать на примере экономических кризисов. Со времени Великой депрессии они не были разрушительными. Поэтому, несмотря на ошибочность, не выглядят глупыми утверждения конца 60-х — начала 70-х гг. XX в., вроде подобного: «Достижений экономической науки и инструментария экономической политики теперь достаточно, чтобы в зародыше задушить всякий кризис»⁸⁶. Возможностей правительства и достижений науки в самом деле могло бы быть достаточно для решения проблемы кризиса, но

⁸⁶ Рюстов, Х. (цит. по: Востриков, П. А. Инфляция идей об инфляции. — М., 1982. — С. 29).

только если бы хозяйство замкнулось в основном на внутренний рынок, поскольку внутренние факторы контролируются в большой степени (хотя и неполной). И это свидетельствует о значительном преодолении противоречия. Но внешние факторы контролируются гораздо слабее, поэтому воздействия извне могут вызывать сильные кризисные явления.

Таким образом, *главный момент остаточного противоречия сегодня — в расхождении тенденций производства и обращения, ставших наднациональными, и все еще преимущественно национальными методами их регулирования.* Ведь остаются неурегулированными многие вещи и в первую очередь темпы экономического развития разных стран и регионов, а также возможность одних стран влиять решающим образом на финансовые потоки. А поскольку изменения национальных форм влияния неизбежно становятся проблемами политическими, социальными и идеологическими, постольку остаточное противоречие захватывает все сферы национальной общественной системы.

Сказанное особенно касается крупных государств, в первую очередь США. Чрезмерная концентрация финансовых ресурсов, а главное, то, что эта страна по-прежнему ориентируется на национальный тип развития, способны привести к жестокому кризису, который отразится на всех и может стать эпохальным или началом ряда эпохальных кризисов. Если это случится, то такой кризис, с одной стороны, будет в чем-то похож на прежние, но, с другой — поскольку явится проявлением уже не столько противоречий производства и распределения внутри самой страны, сколько между наднациональными и национальными тенденциями, он будет иметь и неизвестные ранее черты.

Если позволена историческая аналогия, то в известной мере США сегодня это Голландия XVII в., центр мировых денежных ресурсов, спекуляции, богатства и одновременно наивысшего промышленного развития. И как торговая направленность оказалась препоной для того, чтобы именно в Голландии начался промышленный переворот, так и нынешнее положение сверхдержавы может стать в дальнейшем причиной потери экономического лидерства США.

7.5. Некоторые предположения о будущем

Надо сказать, что человечество уже заметно продвинулось в направлении уменьшения опасности истребительной войны и войн вообще, борьбы с терроризмом, выработки правил мировой торговли, помощи странам, испытывающим кризисы, защиты прав человека и многих других вопросах. Но в целом мир еще в начале пути в создании механизмов регулирования общечеловеческих интересов. Как, в каком направлении пойдет это развитие?

Футурологических прогнозов множество. Существуют три главные точки зрения на будущее: мрачная, которая предрекает неизбежность ужасных катастроф; оптимистическая, сторонники которой полагают, что у людей должен проснуться инстинкт самосохранения и до непоправимых последствий дело не дойдет⁸⁷; и средняя между ними, заключающаяся в том, что человечество испытает весьма крупные неприятности, но не погибнет и в конце концов научится регулировать свою деятельность.

Мой взгляд ближе к оптимистическому, хотя очевидно, что сами собой проблемы не разрешатся, а затягивание в осуществлении необходимых действий уменьшает шансы на успешное их преодоление. Поэтому в зависимости от того, насколько люди сумеют осознать опасность и как удачно сложатся обстоятельства, в той или иной мере вероятен любой из указанных выше прогнозов.

Я попытаюсь нарисовать некую схему, хорошо понимая, как мало шансов, что реальность будет ей соответствовать. Но, хотя знание прошлого не может обеспечить надежное предвидение будущего, все же другого способа, кроме как основываться на познанном, нет. Кроме того, прогнозы имеют ту большую пользу, что позволяют существенно лучше понять настоящее, поскольку в них отбрасываются одни тенденции и усиливаются другие. Отсюда, как верно подмечено, в прогнозах наиболее трудная и важная часть заключается даже не в оценке того, что случится завтра, а в подлинном понимании того, что происходит сегодня, какое значение может быть дано фактам, насколько правдоподобно они могут быть пересмотрены, как наилучшим образом согласовать их, когда они приводят к противоречивым заключениям, и т. д.⁸⁸

⁸⁷ Есть, конечно, и сверхоптимистические, приверженцы которых думают, что научно-технический прогресс, подобно «невидимой руке» А. Смита, все отрегулирует сам.

⁸⁸ Это вольное переложение мыслей авторов пособия по прогнозированию, которые цитировались в книге: Докукин, В. И. Критика современных антимарксистских экономических теорий. — М, 1974. — С. 209.

Как уже сказано, в одиночку глобальные проблемы не одолеть. А для совместных действий необходимо найти способы подчинения (и совмещения) национальных интересов мировым. Лишь с началом решения (или хотя бы перспективой решения) ряда общемировых задач по-настоящему начнется второй этап научно-информационной революции и расцвет четвертой формации.

Я уже говорил в шестой главе этой книги, что должна произойти своеобразная политическая революция по функциям (но не по форме), которая изменит соотношение между мировыми и национальными приоритетами. Но тут следовало бы внести некоторое уточнение. Если третий — расцвета — этап начнется в Европе, то можно считать, что политическая революция там в виде европейской интеграции уже осуществилась. И тогда цикл походил бы на ситуацию в предыдущей формации, когда политическая революция в Англии предшествовала промышленному перевороту. Но так же, как последний открыл целую серию политических революций в других странах, так и совершение второго этапа научно-информационной революции может способствовать распространению вширь современной политической «революции».

Затем последует зрелость четвертой формации, в которой, собственно, и проявится ее специфическое противоречие. Последнее уже сегодня начинает чувствоваться в самых развитых странах. Рискну предположить, что оно может быть сформулировано так: **противоречие между стремлением производительных сил к безудержному росту, с одной стороны, и необходимостью создать стабильность в жизни людей и общества — с другой; между гигантской сложностью производительных сил регионального и мирового масштаба, с одной стороны, и ограниченностью физических, интеллектуальных и психологических возможностей людей — с другой; между огромным излишком благ и необходимостью регулировать потребление.**

На этапах зрелости и высокой зрелости, вероятно, найдут способы уменьшить разницу между богатыми и бедными странами, регулировать численность населения, сумеют несколько выравнять диспропорции между человеком и природой, возможностями экономики и регулированием потребностей⁸⁹. В результате наступит

⁸⁹ Распределение, думается, будет идти от наиболее богатых стран, регионов и слоев к

истинно экономическое отчуждение, когда большинство людей мира будет иметь социальные гарантии на уровне более высоком, чем сейчас в развитых странах. Начнется движение в сторону такой экономики, в которой рост будет связан прежде всего с формированием, развитием, восстановлением, адаптацией личности и групп людей.

Поскольку я не делал акценты на негативных сторонах развития, может сложиться впечатление, что автор нарисовал радужную картину. Но, естественно, никогда не возникнет всеобщих гармоний, счастья, довольства. Хватит проблем, противоречий и конфликтов и в будущем⁹⁰. Ни о каком «конце истории» в смысле ее однотипного и скучного протекания речи быть не может. Напротив, XXI в. обещает быть по-своему весьма конфликтным и драматичным. Ведь придется расставаться с привычными и во многом естественными для людей национальными представлениями и идеологиями. Стоит также учитывать, что еще большее, чем сегодня, уплотнение исторического процесса не может проходить безболезненно и бесконфликтно.

ГЛАВА 10. ТИП ОТЧУЖДЕНИЯ БЛАГ И ЛИЧНОСТИ. ФОРМАЦИОННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Труд, который заложил материальный базис человечества, был, главным образом, отчужденным трудом, связанным со страданием и нуждой, — и таким же он остается по сей день.

Герберт Маркузе

§ 1. Понятие типа отчуждения благ и личности. § 2. Тип отчуждения в формационном цикле. § 3. Понятие формационных противоречий. § 4. Доэкономический тип отчуждения. § 5. Внеэкономический тип отчуждения. § 6. Полуэкономический

менее богатым, чтобы создавать общие блага, которые легче контролировать и не столь расточительно потреблять. К числу таких благ можно отнести: здоровые условия жизни, безопасность, уверенность в будущем, уменьшение преступности, хорошее образование, развитие общепользуемой науки, медицины и пр.

⁹⁰ А конфликты, связанные с необходимостью ограничить суверенитет, будут неизбежно принимать самые неожиданные (в том числе и острые) формы. Нажим на Австрию в начале 2000 г. по поводу вхождения в правительство крайних националистов — достаточно яркий пример.

тип отчуждения. § 7. Экономический тип отчуждения (становление).

Мы продолжаем исследование ведущих категорий теории исторического процесса. Настоящая глава посвящена категориям «тип отчуждения благ и личности» (§ 1, 2) и «формационные противоречия» (§ 3). § 4—7 показывают особенности и развитие данных категорий в каждой формации. Однако для удобства я не стал усложнять названия § 4—7, которые, согласно содержанию, должны были бы звучать так: «Тип отчуждения и **формационные противоречия** первой (и т. д.) формации».

Поскольку понятие «формационные противоречия» исследуется лишь в третьем параграфе, а будет использовано уже в первом, необходимо сделать краткие пояснения. В прежних главах шла речь о двух видах формационных противоречий: основном и остаточном. Основное противоречие — это собственное (специфическое) каждой формации противоречие. Однако при переходе к новой формации оно устраняется не сразу, а лишь в течение длительного времени, пока новая формация не станет достаточно зрелой. Вот это устраняемое при созревании формации противоречие я и называл остаточным.

Но семантически слово «остаточное» звучит, будто такое противоречие является уже слабым и не слишком важным. Между тем по напряжению оно может быть значительно сильнее основного. Поэтому я пришел к выводу, что точнее будет называть такое противоречие **переходным**, поскольку его успешное преодоление создает условия для перехода молодой формации к зрелости. А уже затем переходное противоречие превращается действительно в остаточное.

Наконец, еще раз хочу оговориться, что везде, где речь идет о

«развитии», «отставании», «преобладании», «соотношении» и т. п. принципа производства, типа отчуждения и иных категорий, это сделано только для более удобного выражения мыслей. Имеются в виду, конечно, области действительности, которые описываются этими категориями.

§ 1. Понятие типа отчуждения благ и личности

1.1. Распределительные отношения и тип отчуждения благ и личности

Мы уже говорили о распределительных отношениях как о понятии, которое описывает совокупность (систему) отношений, связанных с распределением (в широком смысле слова) благ в обществе⁹¹. Объяснялись и причины, по которым в социологии истории необходимо было ввести это понятие. Одна из главных заключалась в недостаточной широте термина «отношения собственности на средства производства» (и даже просто собственности), которым пытались покрыть всю сферу распределения благ.

Отношения собственности, без сомнения, всегда важны для характеристики общества. Однако теоретически следует различать две ситуации. Первая — когда производство связано с частной собственностью и денежным обращением, а сама экономическая сфера достаточно отделена от других, более автономна и менее подвержена влиянию политики, идеологии, военщины и т. п. Вполне ярко это проявлялось в пору классического капитализма. В этих случаях отношения собственности могут определять социальную структуру общества. Однако подобная разделенность сфер исторически менее распространена. Следовательно, теории, которые переносят ведущую роль отношений собственности на все существовавшие когда-либо общества, совершают очень серьезную ошибку, модернизируя и искажая историю.

Вторая ситуация заключается в том, что имущественные отношения выступают не в ясном экономическом виде, а в неразрывной связи с другими отношениями (социальными, политическими, идеологическими), будучи переплетены с ними, как бы растворены в них, составляя их экономическую «подкладку», «изнанку». И в этом случае они очень существенно отличаются от более чистых экономических отношений⁹².

Частная собственность, доказавшая с конца средних веков в плане прогресса свое превосходство перед государственной, как институт представляет в некоторых случаях теоретически более важный объект исследования, чем иные распределительные отношения. В частности, при выяснении причин перехода к промышленному принципу производства именно

⁹¹ См. настоящую работу // Философия и общество. 1997. № 4.

⁹² Так, при социализме нередко четко разграничить экономику, политику и идеологию было почти невозможно.

западноевропейских обществ. Но в рамках социологии истории, первейшая задача которой — найти единство и общие категории для всего объема исторически существовавших обществ, собственность — лишь один и не всегда самый важный способ получать ту или иную долю благ. Во многих других случаях на первый план выходят иные отношения⁹³.

Кроме того, сам термин «отношения собственности» для многих эпох в правовом смысле весьма неопределенен, а вне юридических рамок расплывчатость содержания не позволяет отделить этот способ от иных способов присвоения благ. Не потому ли понятия «рабовладельческие» или «феодальные отношения собственности» так никогда и не были ясно и строго определены?

Поэтому необходимо отказаться от взгляда, что в любой общественной системе всегда доминируют отношения собственности, тем более отношения собственности на средства производства. От начала производства до конечного потребления лежит длинный путь движения благ, и главное звено этого процесса в каждом конкретном случае может оказаться в любом его месте.

Есть много отношений, связанных с круговоротом благ. И в рамках социологии истории их можно рассматривать в общем ряду, будь то частная собственность или грабеж побежденных; свободный найм с юридическими гарантиями или принудительный труд военнопленных; первобытный обмен дарами или развитая торговля; национализация или дарение; налоги или дань; социальные гарантии или сословные имущественные привилегии; использование монопольных или конкурентных цен и т. д.

Несомненно, что во всех них имеются некие общие родовые свойства. Ведь почти в любом акте, звене, механизме, связанном с «циркуляцией благ», присутствует в той или иной степени момент их **распределения**. И это позволяет обобщить существенные сходства внешне непохожих явлений, а также дает возможность теоретически выделить важные и универсальные свойства, характерные для благ вообще, и даже целую систему таких качеств⁹⁴.

⁹³ «В самом деле, — замечает Альфред Сови, — истинным присвоением является не присвоение земли или каких-либо других благ, а присвоение продуктов потребления. Именно в области потребления осуществляется грабеж, и именно в потреблении следует искать причины гибели людей. Прудон должен был бы сказать: “Потребление — это кража”» (Сови, А. Общая теория населения: в 2 т. Т. 1. Экономика и рост населения / пер. с фр. — М.: Прогресс, 1977. — С. 217).

⁹⁴ О них мы говорили. Это **отчуждаемость** и **распределяемость** благ, также **полезность**,

Способность благ определенное или неопределенное число раз переходить из рук в руки, делиться на какое-то количество частей между претендентами на них, свойство их в связи с таким разделом приобретать разную форму (товарную, денежную, правовую) — **распределяемость** — связано с самим жизненным оборотом общества, которое, чтобы функционировать, должно иметь ту или иную систему перераспределения благ. Это качество и дает теоретическую основу для объединения всех этих часто непохожих моментов и актов в единую систему в обществе — **распределительные отношения**.

Это отношения, связанные со всем циклом движения и распределения благ в самом разном виде и самыми разными способами внутри общества (и частично между ними). Их нельзя путать с понятием **распределения** в узком политэкономическом смысле. Такое **распределение** лишь часть **распределительных отношений**. Последние также намного шире того, что обычно понимается под экономическими и имущественными отношениями⁹⁵.

Распределительные в широком смысле слова отношения включают в себя наряду с другими также отношения собственности и иные производственные отношения. При этом среди распределительных отношений производственные являются важнейшими далеко не всегда, равно как в последних далеко не всегда ведущими будут отношения собственности. В каждом обществе главными могут быть разные (иногда весьма специфические) распределительные отношения⁹⁶. Любая форма политического, идеологического, национального и прочего господства и неравенства предполагает те или иные материальные преимущества

дефицитность, эквивалентность, способность благ аккумулироваться в виде общепризнанных ценностей (см. подробнее: настоящая работа // Философия и общество. 1997.

№ 4. С. 35—38). Конечно, имеются в виду не физические свойства или признаки, присущие вещам самим по себе, а социальные, то есть такие, которые возникают у благ только как у объектов отношений между людьми, только как у субстрата этих отношений.

⁹⁵ Тем более шире, чем эксплуатация, поскольку в обществе масса случаев добровольности или полудобровольности. К слову отметить, что введенный термин хорошо соотносится и с такими весьма распространенными сегодня понятиями в социологии и антропологии, как *реципрокность, редистрибуция, контроль за ресурсами, обмен энергией* и веществом и другими. Распределительные отношения выступают как родовые или более емкие по отношению к ним.

⁹⁶ Среди видов распределительных отношений наиболее важными могут быть налоги, частная собственность, торговые монополии, военно-грабительские или даннические отношения, принудительный труд, свободный найм и др.

определенным группам. Они могут быть меньшими или большими; откровенными, грубыми или прикрытыми, замаскированными; держаться на силе или обмане, праве и духовном рабстве и т. п. Но они обязательно есть — распределительные отношения, следовательно, пронизывают все сферы общества. В своем месте был показан механизм (точнее, один из главных механизмов) их связи с производительными силами через *производственную организацию общества*⁹⁷. В принципе, можно проанализировать их взаимодействие и с остальными подсистемами.

Итак, понятие «распределительные отношения» имеет свои функциональные особенности, которые нужны для выполнения весьма важных задач, но которые не годятся для иных. Оно удобно для определенного уровня, то есть для анализа отдельного общества в рамках социологии и теории истории, но недостаточно для теории исторического процесса. Почему?

Во-первых, распределительные отношения как понятие показывают общее лишь в том плане, что любое общество любой формации имеет определенную систему распределения. Но предполагается, что в каждом обществе эта система может иметь большие особенности и неповторимые черты. Для формационных же характеристик необходим термин, с помощью которого разнообразные распределительные отношения можно было бы привести к общему знаменателю. И этот знаменатель должен показывать принадлежность определенного числа обществ, обладающих этими признаками, именно к данной формации.

Во-вторых, распределительные отношения описывают систему отношений, которая может меняться в связи с изменениями в любой подсистеме общества, а также в результате самых разных причин. Ибо распределение тесно связано с войнами и социальными конфликтами, стихийными бедствиями, экономическим состоянием государства (так, при упадке хозяйства очень часто меняются и налоговая система, и отношения собственности) и массой других вещей, включая изменение торговых путей, изобретения, перемены в религии. Искомый же термин должен показывать большую устойчивость в рамках формации и, кроме того, четко (инвариантно) соотноситься с понятием принципа производства благ и иными первичными формационными категориями.

⁹⁷ См. настоящую работу // Философия и общество. 1997. № 3. С. 86—92.

В-третьих, при рассмотрении отдельного общества обязательно нужно учитывать внешнее окружение, которое иногда исключительно сильно меняет распределительные отношения⁹⁸. При рассмотрении же формационной системы, особенно в ее зрелости, мы можем ее рассматривать в основном со стороны внутреннего развития, а это требует понятия, отражающего большую стабильность и масштабность.

Для выведения нужной категории следует обратиться к такому свойству благ, как **отчуждаемость**. Способность благ переходить из рук в руки определенное или неопределенное число раз (их распределяемость) обязательно связана с **отчуждаемостью благ**, то есть способностью благ отрываться, отделяться от того, кто ими обладает (производит, контролирует), в результате их добровольных или недобровольных решений (выбора).

Особенности отчуждаемости благ связаны с характером и степенью воздействия на участников процесса распределения. Но хотя такое воздействие является результатом разных побудительных причин и стимулов (причем прямое насилие занимает среди них почетное место), оно в целом имеет определенные рамки, амплитуду, задаваемые общими пределами принципа производства и общественного развития. Степень отчуждаемости очень зависит от уровня развития производительных сил, объема прибавочного продукта и технической способности запасать блага, обменивать их, хранить, накапливать, заменять субститутами и т. п. Поэтому отчуждаемость благ можно избрать исходным понятием для выведения формационной категории — **тип отчуждения благ и личности**. Тип отчуждения неразрывно связан с объемом отчуждаемого и прибавочного продукта, производительностью и характером разделения труда, особенностями воспроизводства общества, в том числе основными пропорциями между накоплением и потреблением. Таким образом, будучи сложной формационной категорией, тип отчуждения влияет на многие моменты и, по сути, представляет собой совокупность ряда категорий более низкого уровня.

Понятие тип отчуждения благ и личности описывает

⁹⁸ Как в сторону получения большого богатства за счет соседей или периферии, что часто делает отношения паразитическими; так и в сторону необходимости все средства направлять на отражение агрессии, что создает, говоря сегодняшним языком, мобилизационную экономику.

некоторые общие черты и характеристики распределительных отношений каждой формации исторического процесса.

Наиболее важные его моменты: а) способность общества распорядиться отчуждаемым и прибавочным продуктом, основные направления их распределения; б) характер и степень воздействия на людей для отчуждения и перераспределения благ и характер приспособления личности и общественных групп к этому воздействию; в) способы закрепления этого порядка.

Есть также и иные аспекты, важные для понимания этой категории, о которых позже. Но стоит подчеркнуть, что термин «тип отчуждения благ и личности» охватывает массу обществ на очень большом временном промежутке, поэтому в выделяемом общем качестве амплитуда его колебаний будет очень велика.

Почему речь идет о типе отчуждения, а не о типе распределения благ? Во-первых, в одном названии никак нельзя объединить все аспекты, которые требуется затронуть, поэтому в названии фигурирует лишь теоретически более важный из них. Во-вторых, типы распределения более подвижны, чем типы отчуждения. Ведь примерно на одном технологическом базисе могут существовать совершенно разные типы распределения. Например, на индустриальной экономике базировались как капиталистический, то есть частнособственнический, так и социалистический, то есть государственный, типы распределения. Следовательно, одному принципу производства соответствует несколько типов распределения. А необходима формационная категория, инвариантная принципу производства.

Но совсем от понятия «тип распределения» отказываться не стоит. Он может выступать как часть категории «тип отчуждения», показывая черты распределения, характерные для вариантов формаций или крупных пространственно-временных группировок обществ.

1.2. Некоторые пояснения к термину «тип отчуждения благ и личности»

Сделаем отступление по поводу самого понятия «отчуждение» в философии. Оно, как известно, имеет довольно долгую историю и по сию пору употребляется в различных школах философии, в частности

в экзистенциализме, франкфуртской школе и т. д.⁹⁹ У Гегеля проблема отчуждения — одна из центральных. Само понятие употребляется в разных смыслах, но важно отметить, что уже он «обращает внимание на различия исторических форм отчуждения в условиях римского общества, крепостничества и современного буржуазного состояния»¹⁰⁰.

У Маркса это понятие приобретает более глубокий смысл. Это нашло выражение в понятии «отчужденного труда», разработанном уже в «Экономико-философских рукописях 1844 года». Упор он делал на то, что в процессе капиталистически организованного труда в условиях «товарного фетишизма» рабочий отчуждается от своей человеческой сущности и происходит «тотальное отчуждение» и принесение в жертву «неким совершенно внешним целям» личных целей¹⁰¹.

Нужно отметить и важное положение Маркса о том, что истоки отчуждения — в разделении труда. Но отчуждение труда — только часть процесса отчуждения благ. Следовательно, разделение труда — только частичная причина отчуждения, а более общая состоит в том, что в любом человеческом обществе существует разделение ролей (прав, обязанностей) и присутствует в той или иной степени наравенство. Кроме того, отчуждение благ происходит не только внутри общества, а и при взаимодействии разных обществ.

Следовательно, какой бы способ распределения благ не был найден, он все равно в каком-то смысле будет несправедливым, поскольку так или иначе предполагает отчуждение продукта (труда) от его производителя и(или) владельца. Маркс же предполагал, что возможно общество, в котором не будет отчуждения труда.

Таким образом, чтобы использовать понятие отчуждения для анализа исторического процесса, необходимо придать ему вполне определенный научный смысл (а гуманистический аспект сделать второстепенным). Тогда в рамках каждой формации можно будет

⁹⁹ Среди крупных ученых им пользовались Маркузе, Мангейм, Фромм и др. Причем в XX в. это понятие употребляется более широко, чем в XIX. Появились даже типологии употребления этого термина (см. подробнее: Сулейманов, Л. Р., Зайченко, В. Н. Классификация и характеристика типов отчуждения в философии и социологии Запада // Человек в современных философских концепциях: Материалы Второй международной научной конференции: в 2 ч. Ч. I. Волгоград. 19—22 сентября 2000 г. — С. 118—122).

¹⁰⁰ Философская энциклопедия: в 5 т. — Т. 4. — С. 190.

¹⁰¹ См.: Ойзерман, Т. И. Размышления о реальном гуманизме, отчуждении, утопизме и «позитивизме» // Вопросы философии. 1989. — № 12. — С. 65.

выделять только ей характерный тип отчуждения благ и личности. Для выполнения такой задачи я воспользовался тем, что в нашей науке существовали понятия внеэкономического и экономического принуждения как характеристик соответственно классовых докапиталистических и капиталистических способов производства. Взяв за основу эту идею, я, во-первых, распространил ее на все формации, включая и первобытную, а во-вторых, заменил термин «принуждение», как недостаточно широкий, на «отчуждение».

Дело в том, что в распределительных отношениях, помимо принуждения, есть множество ситуаций выбора, добровольности, пожертвований, неэксплуатационной прибыли. В частности, торговля, взаимные дары и услуги, завещания¹⁰², добровольный (не из нужды, а из выгоды) найм, различные действия ради будущих выгод (например, взносы при вступлении в корпорацию), привилегии. Есть также немало вещей хотя и не добровольных полностью, но не подпадающих и под «принуждение». Например, действия, вынуждаемые конкуренцией. Много интересного можно увидеть в праве (и в ограничениях) наследования, дарения и т. п. Взять хотя бы институт майората в ряде европейских обществ. Отчуждение предполагает, следовательно, и определенную степень невозможности отчуждения, то есть что в разных формациях и обществах то или иное количество благ не может отчуждаться полностью или частично, всегда или в определенных ситуациях. И конкретные варианты таких ограничений и запретов очень много говорят о любом обществе.

Итак, **понятие «отчуждение»** включает в себя содержание как термина «принуждение», так и иных распределительных отношений. Поэтому оно **удобнее в качестве формационной характеристики**.

Но почему речь идет не просто об отчуждении благ, но и об отчуждении личности? Очевидно, что отчуждение благ не может происходить, не затрагивая личности их производителей и владельцев. «Личность» иногда отчуждается целиком (например, при рабстве), но чаще отчуждаются ее определенные черты, свойства, возможности, характеристики или атрибуты (труд, время, здоровье, права, интересы и прочее). Принудительная или по найму работа, торговля, налоги, необходимость соблюдать законы и обычаи и т. п.

¹⁰² Например, в средние века церковь составляла громадные богатства только на завещаниях в ее пользу земель и имущества «на помин души».

неизбежно требуют какого-то приспособления личности, ограничения ее свободы, которое в определенных случаях доходит до прямого насилия над ней. Степень такого насилия, как ясно, сильно отличается в разных периодах, случаях и обществах.

Стоит подчеркнуть, что отчуждение благ и личности касается не только эксплуатируемых слоев, но всех членов общества, только, естественно, аспект отчуждения зависит от их социального положения. Король должен содержать пышный двор, раздавать подарки, подчиняться церемониалу, жениться на нелюбимой женщине и т. п. Рыцарь обязан тратить свой доход на доспехи и воевать; монах — не иметь имущества и соблюдать обет безбрачия; предприниматель — вкладывать доход в производство, влезать в долги и беспокоиться о сохранности имущества. В целом же эти требования, ограничения и неудобства подпадают под формационный тип отчуждения. Например, сословная принадлежность есть уже ситуация «внеэкономическая», мало зависящая от человека и требующая от него установленных заранее действий.

Таким образом, чтобы общество функционировало, люди должны так или иначе принять такие ограничения (примириться, привыкнуть, приспособиться, считать естественным) и подстраиваться под господствующие отношения, развивая одни качества, стремления, предпочтения и подавляя другие. Эта социализация определяется группами, в которые эти люди входят. И, в свою очередь, определенный «стандарт» личности укрепляет эти группы. Следовательно, процесс социализации (приспособляемости) и процесс распределения выступают в данном аспекте, как две стороны одной медали.

Сказанное особенно касается живого труда (услуг). Ведь труд не существует отдельно от человека, как вещь. Процесс его отчуждения можно представить как комплекс больших или меньших потерь для человека (времени, физической, умственной или нервной энергии, здоровья, сил и прочего), а также физических или моральных неудобств. Все это требует определенного воздействия (внутреннего или внешнего к человеку, прямого или косвенного). Поэтому условно можно считать, что такого рода процесс предполагает полное или частичное **отчуждение личности**. Составляющие личность блага и свойства как бы распределяются между физическим и фактическим (юридическим, временным) владельцами: рабочим и предпринимателем, хозяином и слугой и т. д. Но есть и

обратный, хотя и не эквивалентный, поток отчуждения от хозяина, капиталиста к слуге, рабочему и т. п.

Давая комментарии к введенному мной термину, не могу не сказать о том, что у Илюшечкина есть термин, который включает в себя аспект отчуждения: *типы отчуждения и присвоения прибавочного труда (прибавочного продукта) эксплуатируемых работников собственниками средств и условий производства*¹⁰³. Но, сколько можно понять в его громоздкой системе категорий, указанный термин включается в более широкий — «типы экономической реализации отношений собственности». Таким образом, все опять привязывается к отношениям собственности.

Но на одной части термина Илюшечкина хотелось бы остановиться, а именно на словосочетании «**типы отчуждения и присвоения**». Разумеется, само по себе отчуждение без присвоения невозможно и бессмысленно, это две стороны одного процесса, логически его начало и конец. Но в отношении формационной характеристики дело обстоит по-иному. Здесь тип присвоения совсем не обязательно совпадает с типом отчуждения. В идеале нужно было бы делать особую типологию наиболее общих черт присвоения. Но поскольку присвоение — более подвижный элемент, чем отчуждение (продукт крестьян может отчуждаться принципиально одинаково очень долгое время, а присваивают его то одни, то другие группы, часто используя самые разные способы), выработка такой типологии затруднительна.

1.3. Формационные типы отчуждения благ и личности

Напомню, что для четырех формаций выделялись соответственно следующие типы отчуждения:

- 1. Доэкономический.**
- 2. Внеэкономический.**
- 3. Полуэкономический.**
- 4. Экономический.**

Стоит подчеркнуть, что названия типов отчуждения даются по этапу зрелости. Но некоторое соответствие названиям должно быть уже и в молодом типе отчуждения. Такие характерные для его ранних этапов отношения и механизмы отчуждения можно назвать

¹⁰³ Илюшечкин, В. П. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. — М.: Наука, 1990. — С. 5.

незрелыми¹⁰⁴. Важно понимать, что они *специфичны для данного типа отчуждения*, но только для незрелых же этапов. Таким образом, этот молодой вариант типа отчуждения инвариантен молодому же принципу производства, то есть такому принципу производства, который образуется в результате первого этапа производственной революции. Незрелые отношения могут существовать весьма долго и становиться очень устойчивыми. Но при переходе к зрелому принципу производства они уже перестают быть ему инвариантными и поэтому на четвертом-пятом этапах формации заменяются другими, либо теряют свое значение, либо становятся уделом только отдельных обществ, где по каким-то причинам вписываются в систему. Одним из таких незрелых, но весьма важных для молодого полуэкономического типа отчуждения институтов было рабство в Новом свете. Для внеэкономического типа таковыми были войны, имеющие целью в первую очередь грабеж. Подробнее об этом пойдет речь в соответствующих параграфах.

В вышеприведенных названиях, конечно, есть недостатки. Главный — это построение системы названий вокруг одного понятия — **экономический** (до-, вне-, полу-). Возможно, лучше было бы дать названия, которые бы исходили из более специфических основ каждой формации. Например, вместо доэкономического типа отчуждения — примитивно-коллективистский, вместо внеэкономического — сословно-государственный, вместо полуэкономического — наемно-товарный. Но все же пока мне кажется, что первые названия — более емкие, и поэтому их лучше оставить.

Кроме того, я опирался на традицию противопоставления вне- и экономических моментов в характеристике формационных отношений. А если сделать это противопоставление еще более емким, смысл названия станет яснее. Ведь в любой формации есть как бы два главных аккумулятора прибавочного продукта и — шире — благ: первый — сила авторитета, традиции или принуждения, то есть фактор **неэкономический** в прямом смысле, но имеющий, конечно, большое влияние на экономику. Должно быть ясно, что неэкономические характеристики шире, чем внеэкономические.

¹⁰⁴ Они иногда могут быть менее яркими, а иногда даже более яркими, чем в зрелых этапах, в смысле соответствия названиям типа отчуждения. Например, в отношении внеэкономического типа отчуждения военный грабеж более ярок, а добровольные подарки правителю менее ярки, чем характерный для зрелых отношений налог.

Второй аккумулятор благ — **экономический**, когда отчуждение достигается с помощью создания потребности в отчуждении благ у самих их производителей и владельцев через технологическую зависимость, материальную заинтересованность, нужду, выгоду, осознанную необходимость и т. п.

Понятие **потребность в отчуждении** означает, в частности, что товарное производство в известной мере само побуждает производителя к отчуждению, и наоборот, при слаботороварном производстве для отчуждения сильнее требуются неэкономические рычаги¹⁰⁵.

Конечно, на практике существуют обычно симбиозы неэкономических и экономических моментов, часто именно такие симбиозы и являются ведущими и типичными. Но сейчас важно другое. Соотношение этих двух типов аккумуляторов благ существенно меняется от формации к формации, и это подчеркивает смысловую нагрузку приведенных названий.

В I и II (доиндустриальных) формациях ведущими были **неэкономические** факторы, и даже когда важное место занимали экономические, общий характер определяли первые. Только в отдельных сравнительно редких случаях можно наблюдать в более чистом виде экономическое отчуждение. В III и IV (индустриальных) формациях движение пошло в сторону **экономического** перераспределения, хотя, как я уже говорил, тип отчуждения третьей формации еще не чисто экономический, а только полуэкономический. Отсюда, естественно, меняется и роль институтов: частной собственности, налогов, социального страхования и других.

Разумеется, в рамках формации в отдельных обществах может быть крен в какую-то сторону. Так, в СССР в период индустриализации резко усилилась внеэкономическая составляющая отчуждения. Однако должно быть ясно, что название дается по более типичным случаям. Нетипичные случаи выступают как предельные, но и в них обязательно весьма заметен и влиятелен этот типичный элемент.

Итак, можно сказать, что **чем больше прибавочного продукта**

¹⁰⁵ Известны многочисленные случаи, когда только перевод налогов из натуральной формы в денежную изменял такую потребность в отчуждении. Собственно, в бывшем СССР мы все видели такую трансформацию в последние десять лет, связанную с переходом от натурально-плановой экономики к денежно-рыночной.

создается, чем больше вообще благ подлежит отчуждению, чем глубже разделение труда, тем больше потребность в отчуждении у производителя (владельца), тем, следовательно, сильнее экономические моменты в отчуждении и слабее неэкономические. И наоборот.

Избыток или, напротив, недостаток населения могут влиять на распределительные отношения, иногда увеличивая экономические рычаги, иногда — неэкономические, особенно внеэкономические. Аналогично дело обстоит с резервом географической среды. Там, где он велик, могут быть введены внеэкономические методы, там, где мал — экономические. Здесь действует *правило, что если достаточно одних механизмов воздействия и перераспределения, то другие становятся ненужными или слабеют*. Например, недостаток земли при перенаселении делает избыточным крепостное право, и наоборот.

Своеобразную классификацию вокруг деления на неэкономические и экономические формы в течение исторического процесса можно найти у Валлерстайна. Он выделяет три способа воспроизводства хозяйственной жизни, характерных для человеческой истории, в которых можно увидеть ту логику, о которой я говорил: переход от доэкономических отношений к внеэкономическим и затем к более экономическим. Для досельскохозяйственной эпохи — это «мини-системы», то есть небольшие по населению группировки обществ, связанные культурной, хозяйственной и управленческой близостью (иными словами, племена или соплеменности). Для аграрной эпохи — «мир-империи», крупные объединения, основной логикой которых является взимание дани и налогов с сельских производителей и передача собранного через аппарат чиновников в центр. Для промышленной эпохи характерны «мир-экономики», то есть обширные цепи из объединенных структур производства, рассеянных многочисленными политическими структурами. Главная логика здесь состоит в том, что накопленная прибыль распределяется неравно, в пользу тех, кто имеет преимущества на рынках (временные монополии)¹⁰⁶.

Смена неэкономических форм отчуждения на более

¹⁰⁶ Wallerstein, I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / ed. by A. Giddens, J. H. Turner. — Cambridge, 1987. — P. 309—324.

экономические может быть прослежена и в формационных особенностях накопления и потребления, в том числе производственного и непроизводственного.

Если на первой формации, как мы помним, основное противоречие было связано с нежеланием запасать и накапливать, если общество противилось росту личной собственности, если такой собственностью признавались (и то далеко не всегда и везде) «лишь те продукты индивидуального труда, которыми производитель может немедленно воспользоваться», а «все, что он потребить не в силах, весь избыток принадлежит по праву всем членам его общественной группы»¹⁰⁷, то понятно, что общественное богатство почти не растет, а «инвестиций» практически нет. Здесь потребляют сразу (или в течение сравнительно короткого времени) почти все. Потребление приближено к производству исключительно сильно¹⁰⁸.

Во второй формации возможности накопления расширились безмерно. Но сложившиеся в результате длительных процессов способы перераспределения и накопления требовали сильной государственной организации для сохранения стабильности. В результате над производителем возникла мощная непроизводственная надстройка. Богатство стало почетным, но это было богатство расточительства. И раз стимулов для производительного накопления было мало, то основная часть прибавочного продукта потреблялась и растрачивалась.

Лишь с большим трудом удалось перестроить общество так, чтобы стремление к накоплению, в том числе производительному, стало основой в распоряжении прибавочным продуктом. Только в XVII—XVIII вв. в некоторых странах власть стала достаточно четко осознавать всю важность регулирования денежного хозяйства и особенно внешней торговли, выгодность больше продавать и меньше покупать¹⁰⁹. Наконец, по выражению Маркса, в призыве «Накопляйте, накапливайте!» для буржуазии сосредоточились «Моисей

¹⁰⁷ Ковалевский, М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. — СПб., 1895. — С. 52.

¹⁰⁸ Единственная часть общего богатства, которая не растрачивалась, а, хотя и очень медленно, накапливалась, — это знания. Но это происходило в какой-то мере потому, что были группы или линии индивидов, которые в значительной части «монополизировали» эти специальные знания (о таком подходе и термине см. подробнее: Artemova, O. Y. Initial Stages of Politogenesis // *Civilizational Models of Politogenesis*. — Moscow, 2000. — P. 55).

¹⁰⁹ «...Нации стояли друг против друга, как скряги, обхватив обеими руками дорогой им денежный мешок и с завистью и подозрительностью озираясь на своих соседей», — писал Энгельс (Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 1. — С. 544).

и его пророки»¹¹⁰.

Производить как можно больше и экономнее, открыть рынки других стран, заставить правительство помогать в создании условий для роста производства и продаж, но чтобы оно не вмешивалось в дела предприятий и не душило бы их налогами, а, напротив, уменьшило аппетиты производительных классов¹¹¹, — вот что стало идеологией буржуазии.

Но полуэкономический тип отчуждения резко изменил соотношение между накоплением и потреблением, так как требовалось постоянно увеличивать производительный капитал. Отсюда между накоплением и потреблением возникло противоречие уже иного плана — слишком сильный крен в сторону техники и слишком слабые инвестиции в человеческую составляющую породили перманентные кризисы перепроизводства. «Может накапливаться все большее количество сбережений в виде машин для изготовления машин и других, которые, в свою очередь, производят первые машины. Таким образом, период времени, в который “сбережение” даст жатву в виде потребления, может неопределенно увеличиваться», — писал экономист Д. Гобсон, критикуя ситуацию, когда накопление становится самоцелью¹¹².

Общество стало слишком много производить, поэтому потребовалось несколько изменить распределение и пропорции между накоплением и потреблением. Такие идеи стали появляться даже в умах людей, абсолютно убежденных в ценностях буржуазного общества, не говоря уже о социалистах и революционерах. Среди прочих рецептов, высказываемых по этому поводу, все более важное место занимали предложения разумного ограничения накопления путем увеличения эффективного спроса. Один из самых активных их проповедников Кейнс, например, постоянно указывал, что «в современных условиях рост богатства не

¹¹⁰ Там же. — Т. 23. — С. 608.

¹¹¹ «...Землевладельцы составляют в обществе класс, который, оставаясь абсолютно пассивным, прогрессивно обогащается в силу естественного хода вещей. Присвоение государством этого прироста богатства или части этого прироста по мере его возникновения не было бы в таком случае нарушением принципов, на которых покоится частная собственность», — писал по этому поводу не какой-нибудь социалист, а либерал Джон Стюарт Милль (цит. по: Жид, Ш., Рист, Ш. История экономических учений / пер. с англ. — М.: Экономика, 1995. — С. 428).

¹¹² Цит. по: Соколинский, З. В. Теории накопления. — М.: Мысль. 1973. — С. 25. И особенно это видно при ускоренной индустриализации, которая идет в тяжелой промышленности.

только не зависит от воздержания состоятельных людей, как обычно думают, но, скорее всего, сдерживается им»¹¹³.

В результате изменения типа отчуждения было создано «общество массового потребления», которому необходимо постоянно и любыми средствами искусственно стимулировать спрос и дополнительное потребление. Изменился и сам тип потребителя. «Массовое производство требует такого же массового производства потребителей», — полагал Дон Мартиндейл¹¹⁴. «Люди в качестве потребителей вынуждены отказаться от собственных вкусов. В конечном счете производство стандартизированных вещей требует производства стандартизированных людей», — писал Э. Ван ден Хаар¹¹⁵.

1.4. Способ производства и отчуждения благ

Несомненно, между принципом производства и типом отчуждения существует исключительно тесная связь, в чем мы еще не раз убедимся в последующих параграфах¹¹⁶. Поэтому для ряда научных задач целесообразно рассматривать эти категории как единую категорию, которую можно назвать **«способ производства и отчуждения благ»**. И уже в следующих параграфах я иногда буду ее использовать. Центральной осью связи между ее частями следует считать формационные противоречия.

Но роль дополнительных связей между принципом производства и типом отчуждения могут выполнять и некоторые вторичные формационные термины. Таковы, например, характеристики населения (объем, состав и прочее). Они одинаково тесно связаны с производительными силами и принципом производства в целом, с одной стороны, и распределительными отношениями и типом отчуждения благ — с другой. Такая связь была замечена весьма давно.

«На этом общем поле, где могут встретиться демограф и экономист, стоит величайшая проблема, которую трактовал Платон и которая наверняка была выдвинута задолго до него философами

¹¹³ Кейнс, Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. // Антология экономической классики: в 2 т. — Т. 2. — М.: Эконом, 1993. — С. 425.

¹¹⁴ См.: Ашин, Г. К. Доктрина «массового общества». — М.: Политиздат, 1971. — С. 149.

¹¹⁵ См.: Ашин, Г. К. Указ. соч. — С. 152—153.

¹¹⁶ Мы только что видели пример такой связи при характеристике особенностей соотношения между потреблением и накоплением.

Греции; большое внимание уделял ей и Конфуций. Суть ее в том — находится ли благосостояние людей, живущих на некоторой территории, в какой-либо зависимости от их численности, и если да, то какова эта зависимость?» — писал известный демограф Альберт Сови¹¹⁷.

Типичные для формации характеристики населения можно обобщить единым термином. Нарботки здесь есть. Так, некоторые представители исторической демографии говорят об «историческом типе воспроизводства населения»¹¹⁸. Правда, по моему мнению, формационные изменения в народонаселении лучше обобщить более широким понятием — **тип демографических характеристик**.

Весьма характерно, что часть тех, кто разрабатывает «проблему исторической эволюции типов воспроизводства населения (А. Г. Вишневский и др. — Л. Г.), отстаивают гипотезу не пяти-, а трехчленного деления всеобщей демографической истории»¹¹⁹. Первый тип приходится на первобытность (прежде всего, на присваивающие формы хозяйства), второй — на рабовладельческий и феодальный строй (правильнее — на аграрные общества), третий — на промышленные общества.

Указанная триада (подобно триаде племя — народность — нация) не совпадает с пятичленной формационной теорией, но хорошо соотносится с моей, четырехчленной. Однако новый тип воспроизводства населения, соответствующий четвертой формации, только формируется, хотя некоторые его черты (или черты перехода к его зрелости) уже сегодня видны в развитых странах. В том числе: низкий или даже нулевой (а иногда — отрицательный) прирост населения¹²⁰, ранее свойственный только некоторым городам-государствам; рост продолжительности жизни и увеличение доли стариков; рост качества жизни¹²¹.

¹¹⁷ Сови, А. Указ. соч. — С. 31. В другом месте он говорит: «Если мы обратимся к очень упрощенной статической схеме, мы можем сказать, что на некоторой территории экономический оптимум населения, то есть число жителей, обеспечивающее, разумеется при прочих равных условиях, самый высокий жизненный уровень, всегда ниже оптимума могущества (имеется в виду не обязательно военное могущество, но способность достижения любой общей для всего населения цели)» (Там же. — С. 29).

¹¹⁸ См., напр., Шелестов, Д. К. Историческая демография. — М.: Высшая школа, 1987. — С. 124.

¹¹⁹ Шелестов, Д. К. Указ. соч. — С. 124.

¹²⁰ Так, за 1980—1985 гг. для всего мира темпы прироста населения составляли 1,67 %, а для развитых стран только 0,64. А если сравнить Европу и Африку, то разница составит почти 10 раз, соответственно 0,33 и 3,01 %. (цифры взяты из: Шелестов, Д. К. Указ. соч. — С. 148.)

¹²¹ Как замечал К. Каутский: «Чем больше развивается техника, тем больше воля к

§ 2. Тип отчуждения в формационном цикле

2.1. Основная модель развития типа отчуждения

В этом пункте мы посмотрим на движение типа отчуждения в самом общем виде, а в следующем будут сделаны некоторые пояснения к этой схеме. Формационный цикл состоит, как не раз указывалось, из шести этапов. При его изучении в качестве важного и продуктивного метода полезно каждые два этапа рассматривать как пару: **качественный (этапы 1, 3, 5) — количественный (этапы 2, 4, 6)**. Если на первом этапе только начинает складываться система типа отчуждения, то на втором она широко распространяется. Если на третьем этапе складывается ограниченная по объему система более зрелого типа отчуждения, то на четвертом эта система расширяется и наконец приобретает специфические ей черты. Если на пятом этапе техническое противоречие преодолевается только в отдельных моментах, то на шестом оно преодолевается довольно широко, и здесь складываются **условия для перехода к новому принципу производства**.

Теперь яснее станут три важных момента модели: 1) отрыв принципа производства от типа отчуждения и затем подтягивание последнего к первому создают мощные движущие силы развития;

2) в этапах (1, 3, 5), в которых накапливается больше качественных изменений, как раз происходит увеличение указанного разрыва, а в этапах (2, 4, 6), которые больше связаны с количественным распространением качества, — подтягивание типа отчуждения к уровню развития принципа производства.

Только необходимо учитывать, что, поскольку тип отчуждения отстает от принципа производства в своем развитии, ритм смены качественных и количественных этапов типа отчуждения также смещается на некоторую величину по сравнению с ритмом этапов принципа производства¹²²; 3) в модели отставания и подтягивания типа отчуждения к принципу производства подчеркивается прежде всего *разница в степени новизны и системности этих новаций в них*. Но я всегда оговаривал **относительность** доминирования

жизни превращается в волно к лучшей жизни» (цит.: Брайович, С. М. Карл Каутский — эволюция его воззрений. — М.: Наука, 1982. — С. 79).

¹²² Грубо говоря, где-то от одной четверти до пол-этапа. Соответственно смещается и хронология, которая давалась для генеральной линии в предыдущей главе.

принципа производства и **относительно** бóльшую его фундаментальность. Поэтому в ином аспекте ведущим можно считать и тип отчуждения. Ведь если принцип производства вырывается в качественном плане вперед, то только потому, что тип отчуждения мог обеспечить ему значительный простор для такого движения¹²³. И поскольку момент начала в бесконечном процессе всегда условен, за такое начало можно было бы взять и тип отчуждения. Поэтому вполне правомерно говорить — в противоположность методу, который я использую — о периодах отрыва типа отчуждения от принципа производства и о подтягивании последнего к первому. Но продуктивно это будет только в рамках определенных задач.

И последнее замечание. Хотя я стремился показать модель цикла для всех формаций, невозможно забывать ни об ускорении развития, ни о том, что каждая из них занимает неповторимое место в историческом процессе, поэтому в каждой формации такой цикл имеет свои важные особенности.

Первый этап, переходный

В результате отставания типа отчуждения в развитии от принципа производства на шестом этапе формации обостряется ее основное противоречие. Вследствие этого открываются два принципиальных пути: 1) расчистка путей для сверхразвития потенций старого принципа производства (к его анализу мы вернемся позже);

2) рождение нового. Он возможен только в обществе, стоящем наиболее близко к генеральной линии исторического процесса. Этот путь мы и рассмотрим.

Новый принцип производства развивается некоторое время относительно беспрепятственно, так как старое пока еще не видит в нем своего «могильщика». Но системы нового типа отчуждения пока нет, а есть только отдельные важные в плане прогресса распределительные отношения (об этом еще будет речь в своем месте). Однако постепенно его контуры формируются. И к концу первого этапа новый тип отчуждения уже охватывает ряд обществ и приобретает определенную периферию. Формируется и видовое разнообразие его отношений, что позволяет уверенно говорить о

¹²³ Например, революции XVII в. в Англии открыли простор для развития производительных сил больше чем на столетие и обеспечили возможность совершения промышленного переворота.

складывающейся системе нового типа отчуждения.

Новый принцип производства и тем более тип отчуждения на первом этапе еще очень однобоки (и долго остаются такими). И это совершенно естественно. Ведь база нового принципа производства пока очень узка (например, в обществе выращивают всего одну-две культуры; производят промышленным способом небольшой набор товаров). А поскольку передовые секторы экономики еще малы, то в них задействована лишь небольшая часть населения. И даже эти люди нередко рассматривают такую деятельность как дополнительную или вынужденную. Поэтому они могут заниматься одновременно (сезонно) как новыми, так и старыми делами. Рассеянная мануфактура в селах — классический тому пример. При этом распределение в одном случае может происходить по-старому, а в другом — по-новому. Так, в России длительное время существовали крепостные предприниматели и крепостные наемные рабочие.

Все это говорит об однобокости складывающейся первичной системы типа отчуждения. Такая однобокость может выражаться в том, что одни и те же институты в одних случаях и странах ослабляются или исчезают, а в других укрепляются или даже возрождаются¹²⁴. Поэтому, с одной стороны, развиваются элементы нового типа отчуждения, адекватные новому принципу производства, а с другой — прежние распределительные отношения в чем-то даже усиливаются. Это может быть связано с тем, что избыточных ресурсов становится значительно больше, но общество еще не выработало идеи и правила о том, как их расходовать. В результате старые представления проецируются на новые возможности¹²⁵. И соответственно ресурсы расходуются расточительно. Конечно, постепенно интересы и прагматизм тех, кто создает или аккумулирует эти излишки, начинают брать верх.

В течение первого этапа прорыв в основном противоречии настолько расширяется, что оно превращается в переходное. Это

¹²⁴ Например, в начале Нового времени в Европе весьма наглядно это проявилось в роли католической церкви, которая в одних случаях укрепила свои (в том числе и экономические) позиции, а в других сменилась реформатской церковью, игравшей непосредственно в распределительных отношениях весьма скромную роль. Нечто подобное происходило и с укреплением позиций городских цехов в отдельных случаях.

¹²⁵ Когда монархия заводит мануфактуры, это может вести к увеличению государственных доходов. И с этой стороны — источник доходов существенно новый. Но расходовать средства могли по-старому, паразитически. Так это было, скажем, во Франции в XVII—XVIII вв.

последнее постепенно нарастает, поскольку теперь уже видно, что новый принцип производства — «могильщик» старого. В конце первого — начале второго этапа в существенной мере разрешается уже и переходное противоречие, что и обеспечивает расширение и изменение способа производства и отчуждения.

Второй (молодости) этап

На втором этапе широко распространяются уже специфические, но еще незрелые отношения типа отчуждения. Создается своеобразный симбиоз старых и новых моментов. Достаточно широкое распространение новых распределительных отношений и типа отчуждения в целом и сосуществование его со старым типом отчуждения создают эффект сообщающихся сосудов. В результате происходит определенная коррекция — как положительная, то есть слишком одиозные остатки старого устраняются, так и отрицательная, когда более передовые элементы, возникающие из-за исключительности условий либо ограниченности применения, теряют часть своей прогрессивности (так как сильно забежали вперед). Могут возникать весьма крепкие и своеобразные симбиотические комбинации и в других областях жизни¹²⁶.

Созданию и широкому распространению вышеуказанных симбиотических отношений способствуют и другие причины. С одной стороны, на втором этапе должны произойти две вещи: создаться массовая база новых отношений (это естественно, поскольку принцип производства развивается экстенсивно, в том числе и за счет быстрого роста населения); новая элита должна занять достойное место в системе распределения.

С другой стороны, во главе распределения могут стоять по преимуществу или же в большой степени прежние слои. Таковы родовые старшины, таковы новые дворяне и дворяне-коммерсанты. Очевидно, что груз старого либо вообще не дает возможности старым элитам радикально измениться, либо такое изменение идет трудно. Новые же класс, слой, группа еще не имеют такого авторитета и вынуждены (и желают) походить на старых хозяев жизни. То же

¹²⁶ Эти институты или отношения имеют сходство и с прошлым, и с будущим, одновременно и похожи, и не похожи на них. Отдельные черты прошлого здесь доводятся до предела, присутствуют и некоторые черты будущего, но в своей неразвитой форме. Так, если взять Европу XVI—XVIII вв., абсолютная монархия — это нечто отличное от монархий прошлого, а буржуазия далеко не во всем похожа на буржуазию XIX в.

касается и этики. Прежние стереотипы морали, религии и прочего (понятия о справедливости, чести и т. п.) влияют на новые отношения, обычно порицают или обличают их. А новые мораль и идеология, в свою очередь, клеймят пороки старого общества. Значит, неизбежны какие-то компромиссы¹²⁷.

Тип отчуждения, уже приобретший какие-то контуры в рамках молодой формации, в каждом ее обществе пока еще предстает односторонне. И только к третьему-четвертому этапу происходит такого рода синтез, что отношения и достижения, прежде характерные лишь для единичных обществ, начинают аккумулироваться в каждой общественной системе как обязательные элементы.

Односторонность каждого общества в плане нового демонстрирует нам разные варианты и пути развития типа отчуждения. Тут можно наблюдать и формы будущего, еще не характерные для данного уровня развития в целом, особенно если природный фактор или какие-то исключительные моменты способствуют этому. Но может быть и возврат к некоторым, казалось бы, устаревшим, отжившим формам отчуждения. Подобной реанимации иной раз способствуют такие факторы, как демографический взрыв¹²⁸, неравномерность развития разных обществ, неизбежность отката и регресса в некоторых местах новой формации, втягивание периферийных обществ в орбиту новой формации. Таково было, например, усиление крепостного права в Польше, помещики которой поставляли хлеб на европейский рынок. Но в обществах, стоящих наиболее близко к генеральной линии, прямого возврата быть не должно.

На втором этапе молодой тип отчуждения уже достаточно адекватен молодому принципу производства, возникшему в результате первого этапа производственной революции. Поскольку разрыв между принципом производства и типом отчуждения сокращается, они плотно притираются друг к другу. Строй доводится до точки определенного совершенства. Некоторые общества (если условия не меняются) могут существовать так неопределенно долго.

¹²⁷ Реформация, скажем, радикально разорвала ограничения, связанные с осуждением стремления к наживе. Но оставалась еще масса других вещей, которыми религия опутывала общество, они только постепенно уходили в прошлое.

¹²⁸ Если рост населения опережает рост производства, это может повлечь за собой ограничения, связанные с недостатком дохода на душу населения, а механизмы таких ограничений очень часто находят в старом историческом опыте. Таковы, например, возврат к уравнительности в обществах бедных земледельцев, ужесточение цехового законодательства в Новое время.

Таковы, например, кочевники и примитивные земледельцы.

Можно считать, что на втором этапе определенные, очень важные моменты нового типа отчуждения уже институционализируются. И все же самые главные еще впереди. Налицо большой спектр различных отношений, но только некоторые из них в будущем станут ведущими в каждом обществе.

Этот период характерен и географическим расширением новых отношений. Например, великое переселение народов — это именно переселение народов молодого этапа второй формации, будь то степняки, германцы или славяне¹²⁹. Важное место в таком расширении занимает колонизация, которая способствует «размножению» обществ новой формации своего рода «матричным» способом. **И такие колониальные общества могут подобрать эстафету исторического процесса, поскольку являются в плане новаций более чистыми.** Ведь на новом месте нет обычно консервативных слоев, поскольку последние менее склонны к миграциям, нет давления традиций места, первопоселения, примера соседей и прочего. А раз некоторые моменты начинаются с нуля, то многое из отжившего устраняется само собой (тем более если миграция, колонизация, отпочкование связаны с расколом, конфликтом, неполноценностью на старом месте).

Возможно, именно такие мигранты в долину Нила и принесли новые отношения и технологии, создавшие условия для старта цивилизации. В Новое время колонисты Северной Америки создали наиболее буржуазное и демократическое государство.

Третий (расцвета) этап

Третий этап характерен тем, что создаются очень важные элементы зрелого типа отчуждения, которые окажут в будущем большое (иногда решающее) влияние на формирование всей общественной системы. Так, промышленный переворот в хлопчатобумажной и машиностроительной отраслях сформировал современную модель производственного накопления, а также потенциальную возможность увеличивать прибыль в первую очередь за счет повышения производительности труда, а не

¹²⁹ Поскольку разные общества достигают такой стадии в разное время, то подобные волны наблюдаются на протяжении истории постоянно. Разумеется, нашествия и переселения характерны не только для одного этапа формации, а для всех, но именно для второго этапа они очень показательны.

дополнительного найма рабочих или усиления их эксплуатации.

Третий этап — это завершение производственной революции, благодаря чему переходное противоречие все заметнее переходит в остаточное. Возникают уже важные элементы собственного противоречия формации. Начинаются создание и вброс в общество массы нового прибавочного продукта. Конечно, основное влияние этого вброса скажется позже. Но и к концу третьего этапа в каких-то отдельных областях, отраслях возникает очень высокая доходность, и туда устремляются новые средства и люди. А когда растет объем прибавочного продукта, многое меняется и в распределении. Отрыв принципа производства от типа отчуждения увеличивается, и для того чтобы в будущем новые зрелые отношения стали активно распространяться, необходима более широкая база типа отчуждения, чем она была на втором этапе. И такое расширение идет на третьем этапе.

Во-первых, за счет подражания некоторых обществ более передовым и началом в них того, что можно условно назвать модернизацией. Она может быть неполной, но все равно подрывает устои прежнего строя либо заставляет догоняющие общества «сидеть на двух стульях»: частично менять, а частично консервировать отношения. Так, петровские и послепетровские преобразования в России резко расширили в стране товарно-денежные отношения, побудили помещиков ориентироваться на рынок, но и создали условия для усиления крепостного права.

Во-вторых, за счет появления новых элементов принципа производства, новых технологий, которые по своему типу характерны для второго этапа, но появляются сравнительно поздно¹³⁰. Они позволяют расширить колонизацию, отказаться от старых методов ведения хозяйства и соответственно старых отношений. Так, приручение достаточного количества домашних животных создало базу для кочевого скотоводства с его более развитыми отношениями собственности, чем у примитивных земледельцев, и своеобразным вариантом внеэкономического отчуждения.

К этому времени могут появляться и самостоятельные варианты нового способа производства и отчуждения. Это относится прежде всего ко второй формации, поскольку появление альтернативных машинной промышленности форм производства не могло произойти

¹³⁰ Таковым был, например, железный топор, позволивший развить подсечное земледелие.

из-за слишком быстрого темпа изменений.

Четвертый (зрелости) этап

В течение четвертого этапа из главных областей жизни устраняется уже и остаточное противоречие. Таким образом, все основные преграды на пути нового типа отчуждения ликвидированы, а перспективы у него еще очень большие. Этот этап, как неоднократно указывалось, — точка равновесия формации. Формируется ее основное противоречие, а тип отчуждения приобретает свои собственные черты, хотя, конечно, их развитие продолжается. Новая элита теперь уже заняла господствующие или очень важные позиции в политической, правовой, идеологической сферах.

В четвертом этапе происходит резкое увеличение прибавочного продукта, связанное с быстрым распространением более высоких производительных сил. А это ведет к значительному росту населения (качества его жизни), изменению потоков благ. Но, как и во втором этапе, здесь возможны ситуации, когда быстрый рост населения или концентрация его в отдельных местах съедает прибавочный продукт, поэтому уровень жизни довольно многочисленных социальных слоев может падать.

Происходит подтягивание типа отчуждения к принципу производства. И теперь уже *тип отчуждения как бы открывает простор для дальнейшего роста производства*, так как создаются отношения и институты, намного опережающие сиюминутные потребности. Соответственно незрелые механизмы отчуждения либо устраняются, либо модифицируются. Так, после гражданской войны было уничтожено рабство в США.

Новый тип отчуждения уже включает в орбиту своего влияния основную часть мира. Старый тип отчуждения только в немногих местах остается нетронутым, а в большинстве случаев испытывает сильное влияние и начинает трансформироваться.

Идет и видовое расширение нового способа производства и отчуждения: а) за счет модернизации; б) за счет перестройки зависимой периферии. Эти изменения в значительной мере осуществляются насильственно. Новые институты в этот период склонны к своему «клонированию», они навязываются другим обществам как наиболее прогрессивные, естественные, справедливые, гуманные и т. п. Поэтому-то в XIX в. так упорно внедрялись

англичанами частнособственнические институты, суд присяжных и прочее в Индии и других местах. А много позже те же британцы уже старались не вмешиваться в гораздо более отсталые отношения африканских племен.

Пятый (высокой зрелости) этап

Окончательно формируются собственные черты типа отчуждения, и в целом вся система формации раскрывает себя. Зрелые черты типа отчуждения начинают распространяться не только в ведущих секторах экономики, но и в остальных. На пятом этапе, как уже говорилось, начинает преодолеваться техническая часть основного противоречия, а в результате возникает возможность получения существенно большего прибавочного продукта. В то же время появляются зачатки нового принципа производства. Это, например, некоторые машины в позднее средневековье или радиосвязь в начале XX в.

Вновь возникает отставание типа отчуждения от принципа производства. Но, несмотря на это, именно в пятом этапе появляются некоторые отношения, которые в будущем станут ведущими. В первые века второго тысячелетия новой эры такими отношениями была, например, коммутация, то есть замена трудовых и натуральных повинностей денежным оброком. А если брать конец XIX — начало XX вв., то в это время начинаются изменения в налоговой системе¹³¹, перемены в управлении колониями, борьба с выросшими корпорациями и монополиями, расширение экономических и политических прав многих слоев.

На пятом этапе догоняющие страны существенно преодолевают отставание от прежних лидеров, и может происходить смена последних. В целом идет новый виток расширения пространства формации, ее прежняя периферия подтягивается к более высокому уровню, а некоторые прежде отстающие страны выходят вперед.

Шестой (подготовительный) этап

В результате преодоления технического противоречия в производстве появляется много новых и несистемных для данной

¹³¹ «С конца XIX в. был достигнут значительный прогресс в устранении чрезмерного неравенства богатства и доходов посредством прямых налогов: подоходного, добавочного прогрессивного и налога с наследства, особенно в Великобритании» (Кейнс, Дж. М. Указ. соч. — С. 424).

формации моментов. Общество и производство уже не те, что были в четвертом (зрелости) этапе, но институты приобрели устойчивость и инерцию. Поэтому, хотя объем прибавочного продукта сильно вырос, распределение его в главном подчиняется старым правилам, которые тем самым становятся преградой для нормального развития производства.

Также возникает ощущение некоего дисбаланса, связанного с увеличением прибавочного продукта и конфликтов вокруг него. Те слои, которые наиболее тесно связаны с созданием указанного излишка благ, оказываются относительно обделенными и потому неудовлетворенными. Но недовольны и многие другие слои и группы. Некоторые из-за того, что развитие производства сдвинуло их на обочину, другие — чрезмерным обогащением выскочек, третьи считают, что все получают те, кто ничего не делает.

Появляется масса идей (как новых, так и взятых из прошлого), как использовать возникшее богатство. Так или иначе, разумеется, происходят и перемены, которые в целом направлены на смягчение указанного дисбаланса (если их рассматривать в общем виде). Но они представляют собой хаотичное движение борьбы множества интересов и часто неадекватного понимания действительности. В отличие от отставания и подтягивания типа отчуждения на первом — втором и третьем — четвертом этапах, связанных с недостаточным развитием основного противоречия, на шестом этапе для преодоления возникшего отставания необходимо как раз разрешить основное противоречие в целом, точнее какую-то его очень важную часть. Так, в конце первой формации могли преодолевать ограничения на пути накопления имущества в руках отдельных коллективов или индивидов; таково же было фактическое уничтожение крепостного права в Англии и Франции в XIV—XV вв.; таковы же были перемены в роли государства в регулировании экономической жизни в 30—40-е гг. XX в.

Но нужно не просто разрешить часть противоречия, нужно, чтобы в результате этого появилось нечто принципиально новое. А для его рождения, помимо прочего, требуется предварительно расчистить место. Эволюционно такая расчистка может совершаться с помощью особого рода катаклизмов. О них в прежней главе уже шла речь, а именно о чуме в XIV в. в Европе¹³² и о мировых войнах,

¹³² Она унесла, по некоторым данным, только за 1347—1353 гг. 25 млн жизней (см.:

революциях и тяжелых экономических кризисах в первой половине XX в.¹³³ Чума и другие бедствия того времени способствовали трудосбережению, росту товарно-денежных отношений, окончательной отмене крепостного права, а войны и экономические кризисы заставили государство перейти к регулированию экономики.

2.2. Некоторые пояснения к движению типа отчуждения по формационному циклу

2.2.1. Горизонтальное измерение типа отчуждения. Сравнение разных вариантов и линий развития типа отчуждения

Мы рассмотрели движение категории типа отчуждения преимущественно по генеральной линии. Но без **горизонтального измерения** невозможно увидеть варианты типа отчуждения. А они обязательно есть. Однако фактически получается, что реальное видовое разнообразие обнаруживается уже на последних этапах формации, когда подтягиваются к зрелости новые общества. Окончательный же набор вариантов виден только в период, когда уже появляется следующая формация. Тогда совершают прорыв и те, кто был дальше от генеральной линии. Но у таких обществ нередко интереснейшим образом сочетаются остатки прежней формации, черты той, в которой они находятся, и отдельные элементы будущего.

То общее, что обнаруживается между вариантами типа отчуждения, и составляет наиболее абстрактные его характеристики. Но весьма важно также определить, какие варианты типа отчуждения будут наиболее типичными, а какие — более редкими. Не всегда, но может случиться, что в последних окажутся какие-то важные моменты, которые послужат мостиком в будущее. Типичное же обычно не может родить принципиально нового. По общему правилу, самые первые варианты не могут оказаться проходными в следующую формацию.

Поэтому крайне важно понять, какие варианты типа отчуждения или механизмы распределения дадут росток будущего. Так, для первой формации главным вариантом следовало бы считать коллективное распределение произведенного сообща и(или) обязательное отчуждение в пользу группы части продукта при

Шелестов, Д. К. Указ. соч. — С. 135). Но мне эта цифра кажется завышенной.

¹³³ Были и другие испытания в это время, в частности эпидемии болезней, например знаменитой «испанки».

индивидуальной деятельности. Однако в конечном счете в ретроспективе ведущим стало именно индивидуальное или семейное потребление. Для второй формации главным было распределение через государство, которое способствовало отчуждению того, что создавалось в аграрном секторе. Но мостиком в новое качество стала прибыль, получаемая не в аграрном (ведущем) секторе, а в торговле (точнее, в торговле, связанной с промышленностью). Тут, к слову сказать, исследуя ниточку, ведущую к более высоким формам, всегда очень важно установить наиболее доходные секторы экономики или виды занятий, способные аккумулировать значительное количество прибавочного продукта.

В третьей формации (в период зрелости и после) главными, типичными были отношения между частным собственником-производителем и наемным работником; между мелким производителем (поставщиком) товара на рынок и оптовым его покупателем (или посредником). Менее важными были отношения между государством и производителем. Но именно они сыграли очень важную роль при переходе к экономическому типу отчуждения.

В четвертой формации, которая пока еще в начальных этапах, наиболее важными на сегодняшний день оказались моменты перераспределения через государство или с его косвенной помощью, а также связанные с развитием социальной сферы и деятельности в области гарантий и обеспечения уверенности в будущем. Очень важны отношения производитель — потребитель.

Для понимания различий в обществах разных линий нужно иметь в виду, что догоняющие общества проходят первые этапы быстрее, так как производительные силы и институты заимствуются из более зрелых этапов. В этих обществах, так же как и в передовых, вначале используются в первую очередь наличные отношения (например, сильная государственная власть для индустриализации, как это было в Японии XIX в.). Но поскольку эти наличные отношения существенно иные, чем в передовых обществах, это может вести к закладыванию в будущем особых вариантов развития.

Для обществ периферийных начальные этапы вообще связаны с приспособлением к ситуации, сложившейся в центре формации, поэтому интересы последнего могут вести к усилению в них институтов, характерных для старого типа отчуждения, как это было с ростом крепостной эксплуатации в Польше, России и других местах в XVII—XIX вв.

Стоит кратко охарактеризовать общие черты каждого этапа, но уже с учетом разных моделей развития.

Первый этап — это формирование системы нового типа отчуждения, но оно идет прежде всего за счет того, что наиболее важные моменты старого типа отчуждения теряют свое значение (или начинают трансформироваться), а менее важные, второстепенные (или несистемные) для него существенно увеличивают свое значение. Таким образом, новизна в первую очередь достигается складыванием такой системы, в которой уже известное приобретает новое значение.

Но поскольку догоняющие и заимствующие общества часто берут уже готовое, для них роль принципиально новых отношений более значима, чем для обществ генеральной линии. Так, общества со слабыми товарно-денежными отношениями могут заимствовать совершенные гражданские кодексы; общества со слабой государственностью — развитую систему налогов и т. п. Но, с другой стороны, хотя в догоняющих обществах иногда внешне может идти более крутая ломка, чем даже в обществах генеральной линии, глубина этой ломки, ее, так сказать, органичность слабее. Отсюда нередки откаты после, казалось бы, коренных реформ сверху. Ибо эти реформы не вынашиваются обществом, а являются внешней необходимостью для элит.

Второй этап связан с более широким распространением нового типа отчуждения и тем самым с подтягиванием его к принципу производства. Но в догоняющих обществах такое подтягивание может быть меньшим из-за недостатка времени или из-за слабости новых слоев, а переходное противоречие оказывается в достаточной мере неразрешенным¹³⁴. Кроме того, поскольку техника и технология заимствуются уже из более высоких этапов, диспропорции в развитии могут быть намного больше. Отсюда неустойчивость системы, возможности социальных кризисов и революций. Для такой модели на втором этапе характерна не победа нового типа отчуждения, а сосуществование его со старым, который преобладает в огромных секторах хозяйства и(или) географических областях. Типичная ситуация для третьей, скажем, формации, когда в промышленности отношения более развитые за счет заимствования техники и

¹³⁴ Франция перед Великой революцией XVIII в. дает пример неполного разрешения переходного противоречия, так как гражданские религиозные войны XVI в. не кончились победой оппозиции. В результате королевская власть и паразитические сословия, не платящие налогов, стали тормозом в развитии.

технологии, а в сельском хозяйстве господствуют отработки, исполница и прочее.

Третий этап — начало формирования зрелого типа отчуждения. Но в обществах генеральной линии новый зрелый тип отчуждения складывается вокруг наиболее важного производственного сектора (например, ирригационного или пашенного земледелия, машинной промышленности), поэтому в дальнейшем при неизбежном распространении нового сектора отношения, связанные со старым укладом, исчезают или загоняются в дальние уголки. В некоторых же догоняющих или боковых обществах новая система отношений складывается в очень важных для них, но менее важных для формации в целом секторах (например, транзитной или особого рода торговли, как это было в Древней Руси, в ряде степных государств или в некоторых местах Африки; либо за счет развития прежде всего тяжелой индустрии для военных целей, как это было в Новое и Новейшее время в отдельных странах).

Фактически в этом случае второй этап производственной революции совершается не полностью. Поэтому сосуществуют и два разнородных сектора экономики и два типа отношений, которые могут срастаться и взаимно дополнять друг друга.

Четвертый этап — широкое распространение зрелого типа отчуждения. При этом уже утверждаются особые его варианты, отличные от того, что есть в обществах генеральной линии. Такой вариант возник, например, в античной Греции.

В отличие от обществ генеральной линии, где неразвитые формы отношений вытесняются зрелыми, во многих догоняющих обществах незрелые отношения полностью не уходят, а продолжают сосуществовать со зрелыми в самых причудливых комбинациях.

Общества, в которых природные (или иные внешние) условия менее благоприятны, чем в обществах-первопроходцах, за счет заимствованной технологии способны совершить второй этап производственной революции и соответственно перейти к зрелым отношениям типа отчуждения и формации в целом. Но объем прибавочного продукта у них намного ниже, чем в обществах с более благоприятными условиями. Особенно это видно во второй формации, где урожайность из-за качества почв различалась в десять и более раз¹³⁵. А ведь от объема прибавочного продукта,

¹³⁵ Правда, иногда такие более бедные общества уменьшают различия за счет прямого

который удается получить и пустить в распределительный оборот, зависит очень многое в характеристиках отношений типа отчуждения. И вообще **ситуация изобилия или скудости** является одной из важнейших причин возникновения разных вариантов типа отчуждения.

Пятый этап — достижение типом отчуждения высокой зрелости и зарождение отношений переходного периода. Идет эволюционное соперничество вариантов. Так было в XII—XIII вв., когда Европа начинала свой рывок, так было в начале XX, когда обозначилось лидерство США.

Если же речь идет об обществах, которые сильно отстали, поскольку уже существует новая молодая формация, то варианты развития можно представить в двух главных моделях. Первая: общества могут перерасти нормальную стадию формации (перейти в седьмой-восьмой ее этапы) или превратиться в эксплуатируемую (зависимую) периферию передовых. Так развивалась Азия с того времени, когда там появились европейцы.

Вторая модель связана с ускоренной модернизацией и ускоренным же прохождением последних этапов формации. Иногда это позволяет такому догоняющему обществу выходить в число лидеров. Наиболее удачным примером является рывок, совершенный Японией после Второй мировой войны (во многом благодаря тому, что оккупационные власти коренным образом разрешили накопившиеся противоречия). В результате за 20 лет, пока США находились уже в новой формации, Япония сумела завершить третью формацию и вырваться в четвертую. Однако недавний кризис свидетельствует, что полностью наверстать отставание не удалось. Но далеко не всегда ускоренное развитие производительных сил идет рука об руку с развитием нового типа отчуждения.

Шестой этап — распространение отношений переходного периода и различные кризисные явления, реакция на которые приводит к преодолению основного противоречия. Но для обществ негенеральной линии преодоление основного противоречия, когда новая формация еще не существует или в самом начале пути (либо когда изоляция столь велика, что о передовых обществах ничего не известно), означает переход в седьмой этап принципа производства.

заимствования более высоких отношений. Так, скажем, многие европейские общества, сами неспособные дорасти до такого уровня религии, каково христианство, заимствовали ее, тем самым повышая не только культурный, но и экономический уровень.

Однако такой путь в отличие от перехода к новому принципу производства обязательно изменяет все пропорции, а это затрудняет возврат на магистральную дорогу.

Тут возможны разнообразные варианты. Например, появление очень большого прибавочного продукта без соответствующего роста населения. Это способно весьма круто ломать прежний тип отчуждения. Поэтому-то новые системы распределительных отношений и на седьмом этапе старой формации, и на первом этапе новой могут быть весьма похожи. Так, высокоразвитые и богатые охотничье-собираТЕЛЬСКИЕ общества с этой стороны очень напоминали земледельцев (скотоводов)-варваров. И там, и там личная собственность, иерархия населения, рабство, обмен, даже наследственная власть могли достигать сильного развития.

Другой вариант перехода на седьмой этап, напротив, связан с бурным, даже опережающим ростом населения по сравнению с ростом производства. Здесь нет столь решительного изменения типа отчуждения, зато пропорции изменяются почти необратимо. Рассмотрим это на примере Китая. В конце XVI в. эта страна уже находилась на этапе, аналогичном шестому, затем возник кризис, который привел к социальному взрыву и к маньчжурскому завоеванию. В результате уровень развития общества понизился. Но постепенно он вернулся к докризисному, а затем существенно перерос его.

Длительный мир и прекращение варварских нашествий создали условия для перехода в новую фазу. Это выразилось в продолжении преодоления технического противоречия и создании еще большего объема производства, что привело к небывалому в истории росту населения. Число жителей к 1800 г. достигло где-то 320—330 млн чел., то есть превысило население Западной Европы в 3 раза¹³⁶. Оно продолжало расти и, по отдельным данным, к 1830—1840 гг. составило более 400 млн¹³⁷. (Это больше, чем сегодня живет в США, Канаде и Мексике вместе взятых!) Но затем в Китае начался кризис, который, хотя временами переходил в десятилетия

¹³⁶ См.: Мельянцева, В. А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. — М.: МГУ, 1996. — С. 56.

Стоит заметить, что демографический взрыв, создав невиданный для второй формации объем благ, существенно понизил многие показатели, в частности соотношение горожан и сельчан, размер поголовья скота, производительность труда из-за недостатка земли и введения в оборот плохих земель; ухудшилась также экологическая ситуация.

¹³⁷ См.: Илюшечкин, В. П. Указ. соч. — С. 207.

стабилизации и даже подъема, длился в общей сложности полтора столетия.

Показатели перехода в седьмой этап выражались, разумеется, не только в росте населения. Существенные изменения произошли и в распределительных отношениях. Сильно развились товарно-денежные отношения, власть стала меньше вмешиваться в процесс перераспределения земельной собственности, напротив, из тайной и прикрытой сделала куплю-продажу земли более явной и открытой, облагая ее соответствующими податями¹³⁸. Более упорядоченными стали отношения арендаторов и земледельцев, а зависимость первых от вторых уменьшилась. Арендаторы более свободно распоряжались своим участком, а в условиях «высокого демографического давления, с одной стороны, и господства товарной экономики — с другой, право на аренду нередко ценилось даже выше права на владение землей»¹³⁹. Расширились также возможности для землевладельцев получать доходы из неzemледельческих секторов экономики. Были и другие изменения¹⁴⁰.

Теперь еще несколько замечаний о разных линиях развития типа отчуждения.

1. Степень принципиальности нового в типе отчуждения в моменты перехода надо рассматривать прежде всего с учетом того, какие отношения были ведущими в данном проходном обществе в рассматриваемое время, а не с точки зрения — существовали ли где-либо и когда-либо похожие отношения. Ведь за тысячи лет в разных обществах могли иметь место те или иные способы распределения. Например, когда речь идет о том, что в 30—40-е гг. XX в. резко усилилась роль государства в регулировании экономики и перераспределении благ, это новое в отношении именно данной системы капитализма, а не вообще, поскольку государственное регулирование было широко распространено издавна на Востоке. И напротив, для социалистической России возможность перехода к экономическому типу отчуждения заключается в переходе от тотального к рациональному госрегулированию.

2. Вообще же похожесть некоторых моментов распределения у

¹³⁸ История Китая с древнейших времен до наших дней. — М.: Наука, 1974. — С. 168.

¹³⁹ Крюков, М. В., Малявин, В. В., Софронов, М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и Нового времени. — М.: Наука, 1987. — С. 39.

¹⁴⁰ Например, предполагают, что была создана развитая система зернохранилищ и экстренного снабжения населения в случае сильного неурожая или голода (Мельянцев, В. А. Указ. соч. — С. 67).

обществ разных формаций заслуживает особого внимания. Иногда эта похожесть **генетическая**, то есть какие-то формы, появившись, по разным причинам передаются дальше. Иногда — **институциональная**, связанная с похожестью действий принципиально сходных институтов¹⁴¹. Иногда — **ситуативная**, связанная с похожей ситуацией и реакцией на нее. Сходство может быть связано с **опережением** формационного уровня, когда в отдельных обществах распределительные отношения достигают по разным причинам слишком высокого, ненормального для данной эпохи развития. Когда же человечество поднимается на более высокую ступень, то эти отношения появляются и в передовых обществах, но теперь уже как необходимая формационная составляющая. Так произошло, например, с социальным страхованием и обеспечением в последние десятилетия в западных странах, хотя в этом плане СССР их опередил на несколько десятилетий. Но это было забеганием вперед, поскольку отсутствовал достаточно прочный материальный базис.

2.2.2. Особенности формирования типа отчуждения

Рассмотрим, почему новый тип отчуждения первоначально строится из старых элементов. Преодоление основного противоречия означает отказ от наиболее устаревших отношений. Но что же приходит на их место? Когда возникает осознание необходимости переустройства, реже выдумывают нечто, чего вообще не знали, чаще стремятся использовать какие-то уже известные рецепты. А в распределительных отношениях всегда есть элементы, которые играют в наличных условиях не слишком заметную роль, могут быть подавлены, даже запрещены, презируемы. Но они имеют важные потенции и более прогрессивны, поскольку в состоянии открыть большие возможности для развития производительных сил.

Поэтому, образно выражаясь, на первых порах вокруг формирующейся системы нового принципа производства возводятся леса распределительных отношений, большей частью складывающихся из известных, но в старой системе менее важных.

¹⁴¹ Например, при сравнении так называемого азиатского способа производства и социализма видна такая роль идеологического государства. Таковы же и заметные сходства «капитализма» античного и капитализма Нового времени, особенно в таких механизмах распределительных отношений, как откуп, работорговля, спекуляции с государственными финансами и долгами и т. п.

Так, в первобытном обществе имелись элементы внеэкономического отчуждения (те же войны и грабежи, иногда рабство под видом усыновления), а трудовое распределение в некоторых случаях играло и заметную роль. И эти отношения в период варварства стали бурно развиваться. В раннебуржуазных обществах широко стали применять издавна известный свободный найм. При переходе к экономическому типу «вспомнили», что с помощью государства можно очень активно регулировать экономику и распределение.

Таким образом, явление облекания новых отношений в уже известные и даже старые формы можно считать на каком-то этапе нормой¹⁴². Вопрос в том, насколько такая старая форма впоследствии способна исказить новое или помешать ему. Это, а также то, что формационные единицы возрастают в объеме от формации к формации, вполне объясняет, почему *контуры нового типа отчуждения более видны в надобщественном уровне, чем в общественном*. Раз величина общественных единиц растет от формации к формации, следовательно, уровень, который для переходного состояния является надобщественным, в зрелой формации станет нормой для отдельного общества¹⁴³.

Поэтому, хотя элементы нового (внеэкономического) типа отчуждения в начале второй формации и видны внутри родов и племен: рабство, начало имущественного неравенства, выделение привилегированных групп внутри коллективов и т. п., — но гораздо заметнее они в отношениях между обществами, особенно в войнах между ними. Столкновения между охотничье-собираТЕЛЬскими народами бывали всегда. Но все же это гораздо более редкое и менее значимое для них явление¹⁴⁴, чем для варварских народов примитивного сельского хозяйства. Едва лишь появляется некоторое богатство, как войны становятся постоянным и важным, иногда

¹⁴² Даже в принципе производства на первых порах очень много берется уже из старого, которое складывается в особую систему и получает нужный объем. Но все же здесь больше новаций, чем в формировании типа отчуждения.

¹⁴³ Так, племена и группы племен при завоеваниях и объединениях готовят норму для внеэкономического типа отчуждения в виде государства; в Новое время из локутного одеяла феодальных владений выкраиваются достаточно крупные национальные государства; сегодня начинают формироваться экономико-политические союзы ряда государств.

¹⁴⁴ Один из авторов книги «Война: антропология вооруженного конфликта и агрессии» Александр Лезер, ссылаясь на целый ряд этнографов, даже утверждает, что война (то есть борьба группы против группы, а не драки или столкновения между представителями разных племен) отсутствует у ряда примитивных народов, в частности у эскимосов, андаманцев, семангов, австралийцев и др. (Lesser, A. War and State / War: the Anthropology the Armed Conflict and Aggression / ed. by M. Fried, M. Harris and R. Murpfy. — N. Y., 1968. — P. 95).

важнейшим делом, так как они дают возможность выдвинуться, получить славу и престиж, разбогатеть. Войны — это сепаратор богатства, и их «экономическая» роль возрастает до тех пор, пока государства не станут зрелыми.

В начале третьей формации элементы полуэкономического типа отчуждения ясно просматриваются в отношениях промышленников и наемных работников (надомников), но еще более ясно в огромной по масштабу мировой торговле (органически совмещающей добровольность и насилие, конкуренцию и монополию) и новых формах международного разделения труда — иными словами, в формировании того, что Валлерстайн называет «мир-экономикой» с центром в нескольких европейских странах и обширной эксплуатируемой периферией.

В начале IV формации элементы экономического типа отчуждения стали весьма заметны в виде гарантий, пособий и социального страхования. Но вместе с этим формируются наднациональные экономические образования и создаются всемирные экономические организации. Роль и тех и других, думаю, будет увеличиваться.

Таким образом, охватывая группу обществ, новый тип отчуждения тем самым готовит простор для развития принципа производства, создавая для него своего рода форму, которую тот заполняет достаточно длительное время. И по мере заполнения некоторые отношения, характерные для верхнего этажа, становятся нормой для нижнего.

Формирование нового типа отчуждения, как видно, идет внешне противоречиво. С одной стороны, новое очень часто кутается в старые одежды. И это смущает исследователей, которые по формальным признакам относят его все еще к старому. Провести границу между уходящим и приходящим мешает и то обстоятельство, что на первых порах новый тип отчуждения как бы пристраивается к прежнему (так ему легче расти). До какого-то момента такой симбиоз выгоден и старому, поскольку укрепляет его. Так, например, рост торговли и промышленности ведет к увеличению поступлений в казну, что усиливает королевскую власть и позиции дворянства.

С другой стороны, уже на самых первых порах в типе отчуждения могут появляться в чистом виде элементы, которые будут свойственны только зрелому типу отчуждения. Пока это только

сектор, причем высокоприбыльный, в малом масштабе здесь могут существовать отношения, невозможные при широком распространении. Заработная плата рабочих на рудниках Германии или Богемии в XV в. была относительно намного выше, чем при широком распространении мануфактуры и появлении массы свободных рабочих рук.

Следует отметить, что такая прибыльность создается не только за счет производительности нового сектора, но и за счет его новизны, престижности, дефицитности его продукции, благодаря чему он перераспределяет прибавочный продукт в свою пользу. Возникает двойная доходность: за счет передовых технологий и за счет возможности более выгодно обменивать блага со старым сектором¹⁴⁵. Сказанное плюс возможность беспредельного развития и создают движущую силу развития, которая — несмотря ни на какие запреты и попытки помешать, отдельные неудачи в отдельных случаях — пробивает дорогу прогрессу.

Но на втором этапе из-за количественного роста может быть какое-то понижение качественных показателей. Например, падает производительность труда в связи с ростом населения, уменьшается прибыльность промышленного, производства в связи с распространением новой технологии. Однако, несмотря на это, расширение сферы нового принципа производства дает гигантский излишек благ.

¹⁴⁵ Вот один из примеров такого перекоса в распределении в пользу новых секторов: «По исчислениям, сделанным Кантильоном и приведенным у Кондильяка, Франция, оплачивая брюссельские кружева французским шампанским, отдавала Бельгии продукцию 16 000 арпанов земли за продукцию всего лишь одного арпана» (Сови, А. Указ. соч. — С. 216).

§ 3. Формационные противоречия

3.1. Необходимость категорий

Диалектический метод познания, родившийся в Греции и систематизированный Гегелем, стал мощным познавательным оружием. Но схоластичность и объективизм в использовании диалектики сделали ее объектом постоянной критики¹. Однако даже значительная часть оппонентов согласна, что к социальной действительности категории диалектики все же больше или меньше приложимы.

Понятие противоречия одно из центральных в диалектике. Оно способно сыграть важную роль и в теории исторического процесса, поскольку показать его движущие силы без понятия противоречия сложно. Должен быть источник развития, а «энергия» этого источника генерируется как раз за счет каких-то противоположных процессов. В еще большей степени противоречие необходимо для показа движущих сил формационного цикла и смены формаций.

Однако совершенно понятно, что к общественным явлениям понятие единого, общего для всей формации противоречия применимо с существенными оговорками. Точнее было бы говорить о сосуществовании противоречивых (противоположных, разнотенденционных) тенденций или факторов, которые в известном смысле тесно связаны между собой так, что изменение в одном раньше или позже отражается на другом. Но даже о тенденциях и факторах можно говорить достаточно условно.

С другой стороны, без синтетических объемных понятий исследование и обобщение на высоких уровнях немислимы. «...Диалектика развивается в двух весьма различных направлениях... к единству субстанции и в плане множественности субстанций», объяснял подобные ситуации Гастон Башляр².

Итак, использование описываемых в данном параграфе категории

¹ Известный ревизионист Бернштейн оценивал, например, диалектический метод как «ловушку», в результате попадания в которую выводы Маркса разошлись с действительностью. Он даже утверждал, что все, что удалось сделать Марксу и Энгельсу и сохранило свое значение, было сделано не благодаря, а вопреки диалектике Гегеля (см.: Раинко С. Марксизм и его критики / Пер с польск. М.: Прогресс, 1979. С. 126). Дежурными стали также обвинения в некритическом применении «триад», в том, что диалектика превратилась в нечто вроде натурфилософии и метафизики.

² Башляр Г. Новый рационализм. М.: Прогресс, 1987. С. 207.

всегда требует определенных поправок при выводах и особенно приложении их к той или иной ситуации

При этих условиях они могут быть весьма плодотворными. Подобной увязки смысла понятия с масштабом, уровнем и сложностью объекта не только не следует бояться, но напротив, именно такой подход и будет продуктивен. «Мы всегда должны испытывать недоверие к понятию, которое не смогли еще диалектизировать», тонко подмечал Башляр³. И напротив, необходимы категории, с помощью которых ученый, исследуя неопределенности перехода, по выражению Валлерстайна, будет чувствовать себя комфортно⁴.

3.2. Система формационных противоречий и формационный цикл

Главное в системе формационных противоречий связано с длительным процессом замены переходного противоречия основным. Основное противоречие относится к зрелым этапам формации, когда появляются ее собственные черты, а переходное к ранним, незрелым. И хотя оно принадлежит уже новой молодой формации, еще очень тесно связано с уходящей.

Схематично движение формационных противоречий выглядит так. В конце формационного цикла происходит частичное разрешение основного противоречия. Затем в первом этапе уже новой формации начинается процесс его превращения в переходное противоречие. Оно постепенно трансформируется и модифицируется, все сильнее смешивается в нечто устойчивое и симбиотическое с растущим новоформационным противоречием. Постепенно новое противоречие становится зрелым и главным противоречием (при этом переходное превращается в остаточное). По мере того как оно становится все более и более зрелым, нарастают кризисные моменты. И затем начинается процесс его разрешения.

Исходя из этого, система формационных противоречий выглядит следующим образом.

Переходное:

- староформационное (первый этап цикла);
- симбиотическое (то есть слившееся с незрелым основным

³ Башляр Г. Ук. соч. С. 272.

⁴ См.: Валлерстайн И. Миросистемный анализ / Время мира // Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии... Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 123.

второй этап). В конце второго этапа начинается трансформация переходного симбиотического противоречия в остаточное.

Остаточное:

- комплексное (то есть еще представленное в системе -третий этап);

- фрагментарное (четвертый этап).

Основное противоречие:

- незрелое (второй-третий этапы формационного цикла);

- зрелое (четвертый-пятый этапы);

- перезрелое (шестой этап).

Далее в конце шестого начинается разрешение основного противоречия, которое постепенно трансформируется в переходное.

Выделение подтипов внутри главных типов противоречий связано со степенью их зрелости и «чистоты».

Полного вакуума в отношении противоречий быть не может, поскольку наличие одного противоречия компенсирует отсутствие другого, сила одного возмещает слабость второго. Но есть периоды и ситуации, когда общая сила противоречий существенно ослабевает. И, благодаря такому разрежению, при хорошо набранном импульсе развитие может идти очень быстро и вести к новому качеству. Подобный импульс может создаваться, например, мощным демографическим ростом, который сразу не останавливается, а имеет длительную инерцию; или стремлением к выгодному производственному вложению капитала, которое при благоприятных условиях в обществе само по себе мощный двигатель. В настоящий момент такой импульс приобретают наука, образование и информатика.

Другими словами, когда новое стремится к росту и расширению и перед ним ломается преграда, длительное время мешающая этому, развитие становится бурным. Через некоторое время сила этого потока иссякает, появляются новые преграды, и энергия опять начинает накапливаться за счет противоречий. Образно говоря, противоречия выполняют роль своего рода плотины, которая накапливает потенциальную энергию. Затем, после разрешения противоречия, потенциальная энергия развития переходит в реальную. Но величина перепадов не должна быть слишком большой, иначе берега размываются, энергия из полезной становится злой и разрушительной.

Описанное ослабление (разрежение) силы противоречий создается, например, при частичном разрешении основного противоречия в шестом начале первого этапов формационного цикла, а затем вновь в конце первого начале второго этапов, когда в значительной мере разрешается переходное противоречие.

3.3. Основное противоречие

3.3.1. Понятие основного противоречия формации

Основные противоречия уже перечислялись. Однако стоит напомнить их:

1. Между возможностью производить больше и отсутствием для этого потребностей и социальных возможностей.
2. Между способностью хозяйства создавать большой излишек благ и непроизводительным его потреблением.
3. Между все более общественным характером производства и частно-корпоративным способом распоряжения им.
4. Между гигантской сложностью производства и его стремлением к безудержному росту, с одной стороны, и ограниченностью физических, интеллектуальных и психологических возможностей людей с другой⁵.

Основное противоречие показывает, как уже говорилось, некоторые несоответствия между принципом производства и типом отчуждения, которые или поддерживают в главном воспроизводство отношений, или при значительном усилении несоответствий ведут к смене формации. Однако здесь требуется некоторое уточнение.

Основное противоречие это противоречие формации в целом, и в нем реализуется оба правила соотношения формационных категорий: инвариантности и большей фундаментальности принципа производства. Отсюда одной стороной противоречия выступает принцип производства, а второй следовало бы считать остальные формационные категории вместе. Но поскольку соотношение каждой из них с принципом производства особое, то фактически идею основного противоречия пришлось бы заменить идеей нескольких основных противоречий. А для нашего уровня исследования это непродуктивно. Поэтому будем говорить о едином противоречии, но трактовать его как противоречие между принципом производства и

⁵ Это предполагаемое противоречие теперь еще молодой формации в зрелости (то есть в будущем).

типом отчуждения.

Для такого приема есть и важные онтологические основания, поскольку в типе отчуждения преломляются и все остальные составляющие формацию моменты, хотя для каждой формации тут имеются большие особенности. Кроме того, когда принцип производства и тип отчуждения притираются друг к другу, формируется некое единство, которое можно считать стержнем формации.

Таким образом, основное противоречие в системе всей формации, но представленное как противоречие между принципом производства и типом отчуждения. Образно говоря, оно показывает центр равновесия внутри формации, поддерживающий ее баланс, причем если этот центр сдвигается, то нарушается и баланс. Поэтому отношение типа отчуждения и других моментов формации к принципу производства может быть трех видов:

1. Соответствуют принципу производства, тогда развитие замедляется.
2. Становятся тормозом на пути развития принципа производства, и основное противоречие обостряется.
3. Открывают путь для развития принципа производства, и тогда развитие идет быстро.

3.3.2. Преломление основного противоречия в отдельных обществах

Как и другие формационные категории, основное противоречие можно представить в двух измерениях: горизонтальном и вертикальном. Для анализа особенностей отдельных линий развития важнее вертикальное измерение. Исследование первичных переходов, то есть ситуаций, когда основное противоречие впервые созревает или впервые разрешается перспективным способом в обществах-первопроходцах, невозможно без выделения в вертикальном измерении генеральной линии. Для анализа же сходства в разных обществах одной формации, которые сосуществуют на значительном пространстве или диахронно, важнее горизонтальное измерение.

В последнем случае **основное противоречие в своей зрелости предстает как синтез собственных противоречий обществ одной формации.** Но исключительно важно осознавать, что формационное противоречие в каждом обществе преломляется по-своему, а специфические противоречия того или иного общества могут быть для

него гораздо сильнее формационного.

Очевидно, что в отдельных обществах формационные черты в чистом виде присутствовать не могут, поскольку они являются абстракцией. Кроме того, в каждом обществе всегда есть то, что можно назвать историческими традициями или пережитками прошлого.

Определенный процент старого обычно существенно не препятствует нормальному развитию. Однако соотношение староформационного и новоформационного в зрелых стадиях может быть очень разным. В одних обществах (особенно при внешнем заимствовании) вместо достаточно чистых возникает симбиоз старых и новых отношений, своего рода напластование эпох. Примером этого является Япония в первой половине XX века или Индия во второй его половине.

Напротив, в тех обществах, которые свое развитие начинают поздно (уже в данную формацию) и не несут значительного груза исторического наследия, нередко формируются более чистые отношения, что может способствовать их особому или более быстрому развитию. Примером этого служат США, где общий демократизм жизни, роль прессы, отсутствие лендлордов, формирование нации и т. п. все существенно отличалось от Европы, с трудом изживавшей многие вещи.

В колонизируемых обществах формирование и созревание основного противоречия затягивается, пока они не обжиты и не заселены в достаточной мере.

Вообще, пока существует возможность экстенсивного роста без качественных перемен в производстве, основное противоречие не формируется, поскольку нет достаточного накопления **кризисного давления**. Отсюда в рамках формации идет поиск наиболее приемлемых условий для возникновения такой ситуации: в одних обществах, которые слишком малы, кризисные моменты проявляются рано, до срока. В других необходимая кризисная ситуация возникает слишком поздно. Так на малых площадях Аттики демографическое давление возникло раньше, чем это соответствовало формационным характеристикам, а в России — значительно позже.

Следует отметить, что могут перениматься не только производительные силы или отдельные институты, но и формы преодоления противоречий (в частности, революции и реформы).

3.3.3. Формирование и развитие основного противоречия

Только во втором этапе начинается формирование незрелого основного противоречия. Оно во многом еще не похоже на будущее зрелое противоречие, а в какой-то части может напоминать переходное. Так, грабительские войны варварского периода в чем-то сходны с налоговой эксплуатацией, а в чем-то (например, в правилах раздела добычи в демократической форме принятия решений) с переходным противоречием между первой и второй формациями. Но войны и грабежи как способ внеэкономического отчуждения сильно отличаются как от налоговой, так и от отчуждения с использованием традиций, обычаев и общественного мнения в пользу коллектива или отдельных групп, характерных для примитивных земледельцев.

В незрелом основном противоречии еще нет системы из-за неустойчивости, неопределенности форм основных общественных единиц и отношений как внутри них, так и между ними (например, те же войны, всегда есть момент крайней неопределенности и неупорядоченности). И даже когда новые сектора становятся ведущими, незрелое противоречие выступает не в чистом виде, а в симбиозе с переходным, так как новые отношения в большей или меньшей степени на более или менее высоком уровне продолжают кутаться еще в старые отношения.

Например, проникновение товаро-денежных отношений в сельское хозяйство долго не вытесняет антагонизма между крупными господскими и мелкими крестьянскими владениями, а только частично трансформирует их в особые арендно-отрабочные отношения. И даже появление слоя крупных фермеров не перестраивает их, а в значительной мере поощряет паразитизм лендлордов. Исключение, конечно, составляли колониальные страны, где фермерско-капиталистический тип формировался на свободной от феодализма основе.

Но когда незрелое основное противоречие связано с расширением зоны формации, оно предстает в более чистом виде, так как в известной мере становится противоречием между старой и новой формациями, когда последняя стремится подчинить первую, точнее распространить на нее свое влияние, включить в свою орбиту. В отдельных передовых обществах устранение переходного противоречия влечет за собой стремление к экспансии⁶.

⁶ «Если после гражданских смут народы обращают внимание свое на внешнюю политику,

Таким образом, начинает формироваться и географическая структура основного противоречия в виде центра и периферии. Позже, уже в пятом этапе, это внешнее противоречие перерастает в противоречие между зрелой и незрелой частями одной и той же формации⁷.

Третий этап связан с вытеснением переходного противоречия, которое постепенно превращается в остаточное. Одновременно формируется как бы прообраз зрелого противоречия в передовых секторах, в которых совершается второй этап производственной революции. Однако к концу третьего этапа возможности, которые открылись для принципа производства предшествующими изменениями в политической, социальной и духовной сферах, оказываются во многом исчерпанными. Так или иначе выясняется значительное отставание этих моментов. Поэтому в этапе зрелости в надстроечных институтах идут очень серьезные перемены.

В четвертом этапе формируется наконец и зрелое основное противоречие. Как уже сказано, оно стремится законсервировать отношения, стабилизировать их, воспроизводить без существенных изменений. Противоречие начинает выполнять роль сдерживающей силы. Но это нельзя понимать как абсолютный застой. Полной остановке препятствует сила инерции предыдущих процессов. Инерция развития принципа производства особенно велика. Конечно, в доиндустриальную эпоху во многих обществах сила непроизводственных сфер подавляла эти потенции, но все же и в каждом обществе, и особенно на формационном уровне, развитие шло. С другой стороны, какой бы ни была консервативной система, не реагировать на внешние вызовы она не может. А, следовательно, так или иначе изменения накапливаются.

Пока потенции принципа производства не реализовались в достаточной мере, точнее, пока их развитие еще приемлемо (системно) в рамках формации, основное противоречие еще не оформилось полностью, оно еще не кризисно в той мере, чтобы требовалась смена формации (хотя любой кризис на любом этапе в тех

то они оказываются наиболее сильными, т.к. остается предшествующее возбуждение, не имеющее уже объекта внутри и ищущее его в других странах» (Гегель Г. Философия истории. М.-Л., 1935. Т VIII. С. 286).

⁷ Это не всегда означает прямую победу более высоких отношений над менее развитыми. В истории нередки случаи, когда отстающие общества могут воспринять более высокие отношения только через победу над ними, через частичное разрушение их. Так было при падении Римской империи, при захвате кочевниками Китая и других стран.

или иных обществах может принимать внешне острые формы).

Главным ограничителем до определенных пор выступают сами производительные силы, которым нужно время и подходящие условия для реализации ряда потенций. Однако по мере того как новации ширятся, общество получает в свои руки техническую возможность производить (поставлять на обмен, перемещать) блага в гораздо большем объеме, чем ранее.

Поскольку количество прибавочного продукта существенно возрастает, основное противоречие становится более зрелым, глубоким и всеобъемлющим. Теперь на передний план выходит его общественный аспект. Ведь хотя благ стало гораздо больше, чем раньше, но сложившиеся в предшествующий период и более консервативные, чем производительные силы, отношения препятствуют изменению основ распределения. Отсюда возросшие возможности производства используются недостаточно (неэффективно, расточительно) из-за несовершенства распределительных (собственности, правовых и прочих) отношений.

Кроме того, и в производстве, и в распределении, и в других сферах появляется масса новых, во многом несистемных для данной формации моментов. Они еще не образуют новой системы, но их критическая масса такова, что костяку старых и более отсталых отношений становится все труднее сохранять основы старой системы. Отсюда всевозможные компромиссы, отступления от принципов или, напротив, попытки вернуться к истокам, чистоте отношений; отсюда существенная неоднородность общественной ткани, всевозможные и разнообразные давления, влияния и идеи, которые расшатывают положение.

В результате возникает необходимость изменить часть из основополагающих отношений, что в конечном счете и приведет к трансформации всей системы. Этому могут сильно способствовать глубокие кризисы и катаклизмы объективного порядка (не вызванные общественной борьбой) в виде тяжелых войн, эпидемий, экономических кризисов, о которых ранее неоднократно говорилось.

3.3.4. Разрешение основного противоречия

Обострение основного противоречия означает, что:

- а) потенциально подготовлена почва для появления нового принципа производства и формации в целом;
- б) появились уже значительные их элементы, которые однако не

сложились еще в систему;

в) необходима очень существенная перестройка важнейших общественных институтов и отношений, в которых в известной мере как бы заключается «смысл» формации.

У обществ при достижении такого уровня есть два принципиальных пути:

1. Необратимый кризис.

В результате развитие начинается с более низкой отметки. Этот путь был гораздо распространеннее ранее, но он не исчез и теперь. Хотя и без катастрофического уменьшения населения и запустения территорий, но распад государств налицо, падение производства и жизненного уровня тоже⁸.

2. Разрешение противоречия.

Что же составляет смысл разрешения основного противоречия в конце шестого этапа? В результате победы новых сил, либо объективной нужды в перестройке, либо такого заимствования, которое в конце концов требует изменения многих институтов, идет перекомбинация отношений. Более новые и потому более подходящие к изменившимся условиям отношения выходят на первый план. Вместе с такой перекомбинацией появляются и некоторые новые вещи, которые востребуются в полном объеме далее и позже потеснят те, что сейчас открыли им дорогу. Здесь видна непрерывность процесса. Но при заимствовании сразу зрелых отношений такая преемственность может нарушаться.

Разрешение основного противоречия осуществляется также двумя главными путями.

Первый связан с тем, что хотя общество преодолевает в некоторых моментах важные ограничения, но его дальнейшее развитие идет в рамках старой формации. А это означает сильное изменение всех нормальных для нее пропорций. Поэтому спираль формации делает как бы еще один (эволюционно лишний) виток. С одной стороны, уровень, откуда могла бы начаться новая формация, остается позади. Но с другой такие варианты не могут сами привести к рождению новой формации и эволюционно необходимы, чтобы обнаружился более перспективный путь. Таким образом, они обречены стать боковыми линиями.

⁸ Однако то, что касается СССР, это скорее уже результат перерастания пропорций, не шестого этапа третий формации, а седьмого (бокового).

Все же раньше или позже в подобных обществах основное противоречие вновь обостряется. Но при очень высокой зрелости отношений оно принимает уже столь сложные формы, что иногда вообще не может быть разрешено без разрушения системы, либо разрешается уже с чрезмерными потерями.

Второй путь (он описан подробно ниже) также связан с частичным разрешением основного противоречия, но уже не в рамках старой формации, а с созданием нового принципа производства, рост которого раньше или позже неизбежно окончательно уничтожит остатки противоречия.

3.4. *Переходное и остаточное противоречия*

3.4.1. *Развитие переходного противоречия и разрешение его в различных сферах*

Итак, в конце 6 этапа идет частичная замена в рамках общей системы главных отношений неглавными, которые в течение некоторого времени (первого и частично второго этапов), по сути, выполняют роль строительных лесов нового типа отчуждения. И поскольку вместе с уходящей формацией растет уже новая, этот период является переходным. Но процесс разрешения основного противоречия весьма длительный. Поэтому хотя вступление в первый этап означает, что эволюционно теперь это противоречие является старым и уходящим, но фактически долгое время переходное противоречие остается главным, поскольку нового еще нет. Переходное противоречие одновременно сидит корнями в прошлом, но уже приспосабливается к настоящему и, образно говоря, стремится вырасти и в будущее. Оно носит черты и старого, и нового. После разрешения основного противоречия в типе отчуждения, оно должно разрешиться во всех сферах. А раз захватывается столь широкий фронт, острота и широта остаточного противоречия будет больше, чем у основного. Поэтому ретроспективно кажется, что главный перелом происходит именно в это время. Между тем первичный и эволюционно главный перелом совершается существенно раньше. Ведь чтобы столкновение старого и нового стало столь острым и глубоким, должно произойти много перемен.

Возьмем для примера период XIV-XV в. н. э. Эпидемии чумы, войны, изменение климата и прочие природные и общественные явления привели к сокращению населения и рабочей силы. А это сильно повлияло на распределительные отношения в ряде стран и тип

отчуждения в целом. Следствием этого стали отмена крепостного права, рост заработной платы, окончательная экономическая самостоятельность городов и большие перемены внутри них, развитие товаро-денежных и кредитных отношений, рост механизации труда и т. п. Все это были необходимые условия для экономического и технического подъема в XV в. Нельзя сказать, что эти перемены шли гладко, без борьбы. Но ее размах, ожесточение, идеологическое обоснование, длительность и прочее не идут ни в какое сравнение с последующей эпохой XVI веком, веком Реформации. Между тем XV век ознаменовал вступление в новую формацию, а XVI только переход с первого ее этапа во второй. Ибо чтобы кризис в обществах принял столь упорные формы, потребовалось больше века постепенных перемен.

В течение первого этапа переходное противоречие постепенно нарастает, и по мере этого все сильнее ощущается разрыв между новым базисом и старой надстройкой, между новым бытием и старым сознанием. Результатом являются большие изменения в политической, социальной и идеологической сферах.

Нарастает общественная борьба. В начале третьей формации (XVI-XVII вв.), как сказано, в Европе она шла в виде религиозных войн и ранних революций. В начале четвертой формации (конец 60-х начало 70-х годов XX в.) подобные конфликты в Европе и в Америке приняли форму различных молодежных, студенческих, женских, этнических и расовых движений, протестов, столкновений, бунтов.

Такая борьба может иногда разрушить только отдельные Моменты или, напротив, сломать и то, что могло стоять еще очень долго. Это зависит уже от расстановки сил, случайностей, остроты борьбы и прочих ситуативных обстоятельств. **Другими словами, амплитуда глубины и скорости разрешения обострившегося противоречия в каждом обществе может быть весьма большой. А поскольку результаты борьбы не запрограммированы, в отдельных обществах могут победить и консервативные отношения.**

В социальной сфере происходят большие изменения, в связи с появлением масс людей, ориентированных на новые сектора, резким уменьшением тех, кто связан со старыми. Но главное, что требуется для разрешения переходного противоречия, связано с необходимостью ротации (расширения) состава элиты и привилегированных слоев, вплоть до их смены, а также отмена

(расширение, изменение) привилегий.

В связи с изменениями социального состава, ростом населения, территории, связей и прочего требуется изменение политической структуры⁹. Возникновение образований типа вожеств и крупных вожеств; абсолютная (или конституционная) монархия в новое время; изменение характера демократии и появление надгосударственных политических структур во второй половине XX века это свидетельства такого рода политических перемен соответственно в начале второй, третьей и четвертой формаций.

В общественном сознании в этот период происходят глубокие изменения, связанные, во-первых, с новыми средствами информации (для второй-четвертой формаций это соответственно: письмо, печатное слово, информатика), во-вторых, с сильной трансформацией идеологии (соответственно: раннее язычество и развитие мифологии; появление реформированной религии и других идеологий в Европе; появление идеологии глобализма, сохранения природы, нового мирового порядка, необходимости подчинения национальных приоритетов наднациональным и мировым). Особенности смены или трансформации идеологии во многом зависят от соперничества элит, остроты их борьбы и терпимости; сопротивления старой и эластичности как старой, так и новой идеологий.

3.4.2. Некоторые характеристики переходного противоречия

В конце первого начале второго этапа переходное противоречие в существенной мере разрешается, что обеспечивает расширение и изменение способа производства и отчуждения. В течение второго этапа, когда оно в значительной мере теряет свою остроту, формируется незрелое основное. В результате возникает **симбиотическое** переходное противоречие.

Возможность для такого симбиоза обуславливается тем, что качественный разрыв между старым и новым еще не столь велик, каким окажется на этапе зрелости. Кроме того, здесь в значительной мере представлены, хотя и староформационные, но возникшие на последних этапах формации отношения. А значит, по уровню они близки к незрелым отношениям новой формации. Отсюда не только

⁹ Но может быть и наоборот, когда насущные политические задачи требуют изменения социальной структуры. Не так ли случилось в Японии с аграрными и иными реформами в результате революции Мэйдзи или после оккупации 1945 года?

возможность для симбиоза, но и его прочность. Например, у ранних земледельцев и скотоводов родовые отношения уже существенно иные, чем в досельскохозяйственную эпоху (так, во многих социумах на смену беспредковому приходит предковый род). Но все же, в значительной мере эти отношения еще похожи на те, что были у поздних собирателей и охотников. Близость отношений усиливается и за счет того, что старые сектора являются все еще важными. Благодаря прочности симбиоза незрелые формы молодой формации способны существовать весьма долго.

Первоначально переходное противоречие разрешается внутри прежней общественной системы. Затем разрешение противоречия может выноситься за пределы обществ. В новое время такую роль выполняли европейские войны (тридцатилетняя, тринадцатилетняя, семилетняя). Но иногда противоречие сразу может иметь и внутренний, и внешний характер. Это зависит от характера системы, в которой это противоречие обостряется. Так, поскольку католическая религия имела всеевропейский объем, то и реформационные войны приняли во многом наднациональный характер.

Переходное противоречие, говоря словами Грановского, показывает «последнее слово отходящего, основное начало возникающего порядка вещей»¹⁰. Оно есть **противоречие между сильно изменившимися масштабами и возможностями новой формации, с одной стороны, и отстающими от них социальными, политическими и идеологическими отношениями, не позволяющими в необходимой мере реализовать эти возможности с другой**. Масштабы же изменяются почти во всем, но особенно в размерах территории, численности и плотности населения, количестве прибавочного продукта, плотности и широте контактов с соседями. Причем это касается как типичных общественных единиц, так и их пространственно-временных группировок.

Таким образом, в результате победы и распространения нового принципа производства и других формационных моментов масштабы сцены формации и размеры, фигурально выражаясь, каждого из ее актеров существенно вырастают. А политические, идеологические, социальные одежды не успевают за таким ростом и становятся малыми. Отсюда возникают конфликты, в общем виде выражающиеся

¹⁰ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1987. С. 315. (Примеч. авт.)

в понятии обострения и разрешения переходного противоречия.

Вышеприведенное весьма общее и абстрактное определение для любой формации показывает, что направленность, острота и формы переходного противоречия в разных социальных организмах принимают самые разнообразные формы. И так непременно должно быть. Ведь в одних случаях резко увеличивается территория, в других — население или его плотность, в третьих на общество сваливается богатство, в четвертых заимствованные возможности управления, мобилизации ресурсов просто вынуждают к политическим и иным реформам, в то время как остальные сферы отстают. Отсюда в каждом случае главными могут быть какие-то особые конфликты. Скажем, в идеологических обществах они непременно связаны с идеологией в более прагматических с привилегиями, налогами¹¹.

Главное, что они объективны и вытекают из общетрансформационных и общезволюционных процессов. Значит, у них в чем-то общая природа, в чем-то они похожи. Это не дает ответа на конкретные вопросы истории, но облегчает их поиск, облегчает применение сравнительно-исторического метода, который приобретает более прочное основание. «Логика должна годиться для всех новых теорий, изучающих новые динамические объекты. Она должна кристаллизовать их в такие системы, которые представляли бы собою типы объектов, сделанных подвижными»¹².

Разумеется, для каждой формации можно говорить об абстрактных формулировках переходных противоречий, что и будет сделано в следующих параграфах. Но и там эти формулировки лишь общетеоретический каркас, помогающий очертить область исследования.

3.5. Остаточное противоречие

Понятие **остаточного** противоречия введено потому, что и после победы собственного основного противоречия реально процесс идет как постепенный уход старого и приход нового, а не как единовременная замена старого на новое.

Итак, в течение второго этапа острота переходного противоречия

¹¹ Недаром Валлерстайн говорил, что ни одна ситуация не является более сложной, чем длительные периоды перехода, а детерминирование одних моментов другими в этой ситуации выглядит не просто сложным, а сверхсложным (Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. С. 123).

¹² Башляя Г. У к. соч. С. 252

снижается, а незрелое основное формируется и занимает уже определенное место в симбиозе. Для того же, чтобы оно стало в нем ведущим, необходимо, чтобы, во-первых, старые сектора потеряли существенное значение и (или) прочно втянулись в новые отношения, во-вторых, чтобы общественные отношения давали простор для развития производства, в-третьих, чтобы слои и элита, связанные с новыми секторами, стали доминирующими. В этом случае может начаться второй этап производственной революции и формация выйдет в третий этап. По мере его развития указанный симбиоз станет распадаться: основное противоречие начнет обретать зрелость, а переходное все сильнее будет трансформироваться в остаточное.

Длительное время остаточное противоречие носит **комплексный** характер, так как хотя и не играет очень важной роли, но, во-первых, сидит во многих моментах, во-вторых, в ряде секторов представлено в системе, в-третьих, силы, которые стоят за ним, еще имеют вес.

Ситуация меняется во время четвертого этапа. Остаточное противоречие уменьшается, загоняется в отдельные сектора или области жизни, где влияние новых принципа производства и типа отчуждения ощущается слабее. Поэтому оно имеет уже **фрагментарный** характер. Тем не менее в обществе всегда много разнообразных остатков старого, которые не мешают основному функционированию. И расчистка от этих остатков идет не только на протяжении всей формации, но даже в начале следующей.

В социальных организациях, далеких от генеральной линии, поскольку там первые этапы новой формации проходились ускоренно (за счет заимствования), переходное противоречие не всегда трансформируется в остаточное. Здесь диалектика такова, что старое противоречие подавляет или вбирает в себя новое, частично редуцируя новые отношения к старому уровню, частично модифицируя старые. Такой симбиоз часто дает взрывоопасную смесь. Подобные общества, используя выражение Ленина о России в конце XIX в., страдают не столько от развития нового, сколько от недостаточного его развития.

§ 4. Предварительные замечания о первой формации, начальные этапы доэкономического типа отчуждения

В процессе работы над этой главой параграф о доэкономическом типе отчуждения пришлось разбить на два. Необходимо было с

достаточной полнотой изложить некоторые моменты, которые касаются первой формации вообще и особенно ее начальных этапов. Мне хотелось высказать некоторые идеи и предположения, без которых системное изложение развития типа отчуждения и других категорий окажется затруднительным. Проведенный анализ будет иметь значение и для последующих глав, когда придется разбирать проблемы становления политической, социальной и духовной подсистем первобытности.

4.1. Некоторые особенности первой формации и ее хронологии

4.1.1. Зарождение формационности

Как уже говорилось, почти общепризнанно, что этнографические народы стояли на уровне не ниже мезолита (в моей классификации это значит, что этнография дает материал, сравнимый лишь с пятым этапом первой формации). Поэтому отсутствие надежных фактов не только о начальных, но даже о зрелых этапах первой формации, делает многие утверждения о ней только более или менее правдоподобными гипотезами¹³. Конечно, как тонко подметил Гегель, «именно смутные и темные времена составляют излюбленную тему и особенно привлекательны для ученых»¹⁴. Однако такой интерес сам по себе проблем не решает.

Анализ первой формации, и особенно ее начальных этапов, связан и с иными общеизвестными трудностями. В частности, крайне сложным оказывается «адекватно уловить диалектическую грань между изоморфизмом (сходством) животного мира и общества, с одной стороны, и их коренной, принципиальной противоположностью с другой»¹⁵. Есть, однако, и сложности, специфические именно для моей теории.

Дело в том, что именно в эти очень отдаленные и длительные периоды (от рубежа примерно 40 тыс. лет назад) и начинает зарождаться формационность, то есть развитие в уже известном читателю формационном цикле. Но раз периодичность и цикличность

¹³ «От палеолита дошли до нас лишь декорации, а не сами действия, следы которых редки и непонятны. И мы подобны тем, кто пытается восстановить пьесу, не видев ее, по пустой сцене, где написаны, например, дворец, озеро и лес в глубине» (Анри Леруа-Гуран. Цит. по: Андреев И. Л. Происхождение человека и общества 2-е изд., пер и доп. М.: Мысль, 1988. С. 239).

¹⁴ Гегель Г. Философия истории. Соч.Т VIII М.-Л., 1935. С. 214.

¹⁵ Андреев И. Л. Ус. Соч. С. 7.

только-только закладываются, то первая формация должна иметь существенные особенности по сравнению с последующими.

Вторая проблема заключается в том, что начальные этапы любой формации сильно отличаются от зрелых ее этапов, поскольку являются во многом еще переходными от старой формации к новой. Но в нашем случае переход осуществляется даже не от формации к формации, а от доформационного способа развития к формационному. Поэтому начальные этапы первой формации должны иметь тем более существенные особенности и от всего исторического процесса, и при сравнении со зрелыми этапами первой формации. Но сформулировать указанные особенности можно только предположительно, поскольку именно эти эпохи менее всего известны.

Обходить некоторые моменты потому, что недостаточно фактов, часто весьма разумно, но в данном случае я вынужден высказать свою точку зрения, чтобы концепция имела достаточную полноту. Поэтому мне придется полагаться на обычную логику и логику, вытекающую из авторской теории, а также на гипотезы, которые не должны, конечно, противоречить существующим фактам, а напротив, объяснять их.

Относительно особенностей первой формации в целом можно сказать следующее. Главные из них связаны: а) с малыми размерами социумов, а малые коллективы в любом случае не способны были создать широкий фронт достижений (не то, что цивилизации древности и средних веков); б) их изолированностью. А раз степень плотности контактов была весьма и весьма низкой, следовательно, прочность изменений и скорость развития первобытного человечества также были очень малыми.

Значит, эти слабости должны были компенсироваться, во-первых, длительностью развития, во-вторых, большим количеством линий развития. Подобно тому как у низших животных простота зародыша и слабая его защищенность от неблагоприятных факторов компенсируются большим числом зародышей, так и в этой формации слабость сохранения достигнутого восполнялась количеством погибающих и возникающих социумов, массой исчезающих из оборота и вновь открываемых вещей и идей, пока уровень сохранения культуры и обмена с другими обществами не поднялся до определенной высоты.

Сказанное означает, что при благоприятной природной среде и длительной стабильности многие общества верхнего палеолита могли

в гораздо более короткий срок, чем формация в целом, достигать очень высокого уровня развития в тех или иных направлениях (свидетельство тому живопись и искусство, ранние памятники высокоспециализированного собирательства и т. п.). Хотя это были односторонние успехи только в каких-то отдельных областях, все же при их сохранении и заимствовании скорость развития выросла бы во много раз. Однако в большинстве случаев этого не было¹⁶. Поэтому ход первой формации был мучительно долгим, и поэтому же выстроить какие-то четкие линии ее развития крайне сложно.

Движение вперед более заметно в общеоформационном плане. Ведь в мезолитенеолите по сравнению с поздним палеолитом население планеты и ее заселенность значительно выросли, а количество крупных животных не только не увеличилось, а, напротив, уменьшилось в связи с переменами климата. Количество крупных животных сократилось. Следовательно, увеличилась степень приспособленности коллективов к таким обедненным условиям и степень охраны природы. Выросли также общая номенклатура орудий труда и их вариации, общий объем знаний и умений, специализация, количество используемых материалов и формы их использования.

Качественные изменения произошли также в способности поддерживать контакты на огромной территории, в формах, интенсивности и разнообразии этих контактов, в развитии некоторых социальных институтов, в способности коллективов и при распылении на большой площади сохраняться в качестве признаваемых и узнаваемых единиц (племен, родов, общин).

4.1.2. О начале первой формации в свете новых научных данных

На особенностях начальных этапов первой формации от зрелых мы основательно остановимся несколько дальше. Но прежде чем говорить о них, необходимо вернуться к точке отсчета начала формации. Ведь проблема времени появления *Homo sapiens* отнюдь не

¹⁶ Так, например, «только во Франции в конце палеолита, в период маолена, появились полихромные росписи (в пещерах Л. Г.) с применением красной, желтой и черной красок. Иногда с помощью цвета художники умели передать даже объем фигур... Но в последующие эпохи достижения мадленцев развития не получили. Мезолитические, неолитические и более поздние росписи плоскостные и монохромные» (Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение. М.: Наука, 1987. С. 22—23). «Кроме росписей и гравировок, в палеолите были и барельефы, глиняные и каменные (Лоссель, Ла Мадален, Ле Рок). В мезолите и неолите их нет. Наскальные барельефы характерны уже для классового общества, для древнейших государств Египта и Передней Азии» (Там же. С. 79).

решена, и здесь вопросов пока больше, чем ответов.

В настоящее время в западной (особенно американской) антропологии и археологии считается почти общепризнанным, что происхождение *Homo sapiens* гораздо древнее, чем предполагалось, и возраст человека разумного колеблется в диапазоне от 60 до 200 тыс. лет. Эти взгляды сначала базировались на результатах молекулярно-биологических исследований, а затем в Восточной и Южной Африке были обнаружены и стоянки, которые археологи приписывают древнему человеку разумному. Число подобных стоянок, правда, пока невелико. Эти раскопки, таким образом, делают местом появления человека разумного не Европу, а Африку. Результаты археологии по сравнению с молекулярной биологией несколько омолодили *Homo sapiens* и поместили его появление в диапазон от 60 до 130 тыс. лет, а в среднем 90 100 тыс. лет. В сноске я привожу несколько (из большого количества) публикаций по этой проблеме¹⁷.

Отечественные первобытники пока стоят на старой точке зрения, хотя каких-то ясных аргументов против активно не высказывают.

Ранее в предыдущей главе я уже объяснял, почему период антропогенеза непродуктивно включать в собственно исторический процесс, начало которого надо отсчитывать с условной даты 40 тыс. лет назад. Однако теперь представления о времени появления человека разумного изменилось. Признание этого хотя и не ведет к слишком существенным изменениям в моей теории, но по логике требует коррекции в характеристике этапов первой формации.

Однако мне кажется, что можно принять точку зрения западных ученых и в то же время избежать такой коррекции, поскольку есть моменты, которые позволяют примирить разные датировки в одной концепции.

Дело в том, что хотя указанные выше находки генетически законно относят к *Homo sapiens*, есть очень большие и весьма

¹⁷ The Emergence of Modern Humans / by Christopher B. Stringer Scientific American. December 1990. P. 6874.; Modern Humans in the Levant/ by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch Scientific American. April. 1993. P. 94-100 Paabo S. The Y Chromosome and the Origin of All of Us (Men) /Science. Vol. 268 26 May 1995. P. 1141 1142; Gibbons A Y Chromosome Shows That Adam Was an African /Science' Vol. 278, 31 October 1997. P. 804-805; Holden C. No Last Word on Language Origins/ Science. Vol. 282. 20 Number 1998. P.1455-1458; Culotta E. A New Human Ancestor? / Science. Vol. 284. 23 April 1999. P. 572-573; Ламберт Д. Доисторический человек Кембриджский путеводитель / Пер. с англ. Л.: Недра, 1991 С 180-183 Жданко А. Заметки о первобытной истории (современные данные палеоантропологии о возникновении *homo sapiens*) / Философия и общество. 1999 №5. С. 175-177.

обоснованные сомнения, насколько эти человеческие существа обладали и человеческими же общественным поведением и речью. В статье Констанс Холден «Не последнее слово о происхождении речи» проанализированы взгляды на то, обладали ли древнейшие из известных теперь людей разумных речью¹⁸. Очень многие считают, что хотя они «анатомически были готовы говорить более чем 150.000 лет назад (или соответственно амплитуде разных датировок от 60 до 200 тыс. лет назад — Л. Г.), но ясные свидетельства, что они обладали речью, не появляются в течение последующих 100000 лет»¹⁹. Иными словами археологически зафиксированные памятники (захоронения, следы искусства, жилища и т. п.), неоспоримо доказывающие существование речи, не появляются до известной даты 40 тыс. лет назад. В то же время «все согласны, что 40000 лет назад речь существовала везде»²⁰.

К проблемам происхождения речи у нас будет еще возможность вернуться. Сейчас важно отметить другое. Позволю высказать следующее предположение. Мне кажется, что отсутствие речи в более далеком, чем 40 тыс. лет назад, периоде вполне объяснимо с точки зрения эволюции, и этот очень важный момент логично заполняет разрыв между биологическим и социальным взрослением человека разумного²¹.

В самом деле, формирование анатомических способностей еще вовсе не означает, что люди сформировались и социально. Напротив, между тем и другим должен лежать длительный переходный период, когда биологические движущие силы постепенно уходят, а социальные приходят на их место, но пока преобладают какие-то во многом неясные для нас симбиотические отношения: уже не полностью биологические, но еще и далекие от социальных. При этом постепенно, но еще очень медленно возникает речь, формируются отдельные моменты и фрагменты общественного сознания и социального (в нашем понимании) поведения.

Следовательно, где-то в период 40 тыс. лет назад происходит

¹⁸ Holden C. No Last Word on Language Origins. / Science. Vol. 282. 20 November 1998. P.1455-1458.

¹⁹ Ibidem. P.1455.

²⁰ Ibidem.

²¹ Разумеется, опираться только на логику в таких вопросах нельзя, и если будут найдены доказательства обратного, с ними придется согласиться. Но когда гипотеза позволяет объяснить, что отсутствие каких-то фактов связано не с тем, что они еще не обнаружены, а с тем, что их просто и не должно быть, ситуация во многом проясняется.

перелом, связанный с тем, что появляется зачаточная система речи и вместе или следом за ней зачаточная система социального поведения. Появляется человек разумный *говорящий*.

Таким образом, неправильно считать, что появление анатомически сформированного человека разумного, речи и социальности, было одновременным процессом. Антропогенез сильно опережал социогенез. Ибо без речи, без чисто человеческих вербальных контактов общества в нашем понимании нет²².

Социогенез, по моему мнению, это уже процесс, относящийся к верхнему палеолиту, хотя истоки его, бесспорно, уходят в нижний палеолит²³. Поэтому, хотя вполне можно согласиться с И. Л. Андреевым, что формирование первобытной формации «совпадает с генезисом социальности вообще» и, «по существу это один и тот же процесс, поскольку становление первобытной формации означает прежде всего возникновение новых социальных отношений»²⁴, однако коренной вопрос: *когда же все-таки складывается первичная социальность?* остается крайне дискуссионным. И его рассмотрению и посвящен во многом данный параграф.

Вышеизложенные факты, как думается мне, не только не противоречат, но, напротив, хорошо объясняют некоторые моменты моей концепции. Так, первая формация должна иметь какие-то важные особенности от остальных. И эти особенности дополнительный, так сказать, подготовительный период, после завершения в главном антропогенеза и до появления речи, то есть связанный уже с накоплением изменений для начала процесса социогенеза. Он же является и особым переходным периодом от доформационного развития к формационному. Поэтому датировка точки, откуда можно начать отсчет именно формационного развития, 40 тыс. лет назад, а не сто или сто пятьдесят, вполне правомерна.

²² Современные *Homo sapiens* предшествовали неандертальцам в некоторых местах, например в Палестине, где сапиенты жили без изменений 60 тысяч лет. При этом их орудийно-культурный уровень был значительно ниже, чем у людей нижнего палеолита. Биологи не могут объяснить почему затем произошла культурная революция (на границе нижнего и верхнего палеолита) (см.: *Modern Humans in the Levant/ by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch Scientific American. April. 1993. P. 94*). Но если речи не было, а потом она появилась, тогда понятно, с чем связана культурная революция.

²³ И в этом отношении я присоединяюсь к мнению некоторых ученых, например А. К. Астафьева.

²⁴ Андреев И. Л. Ук. соч. С. 363.

4.2. Общий взгляд на развитие первой формации и доэкономического типа отчуждения

4.2.1. О выделении этапов первой формации

Из книг о проблемах первобытности обычно крайне трудно понять ход социальной эволюции вплоть до рождения сельского хозяйства. И происходит это не в последнюю очередь потому, что критерии стадияльного развития не выработаны (а в большинстве случаев даже задачи такой не ставится²⁵). Но многие важные для первобытности проблемы без этого решить не удастся.

Сначала стоит напомнить условную периодизацию первой формации, которая давалась в предыдущей главе по охотничье-собираческому принципу производства. Первые два этапа можно соотнести с периодом до последнего ледникового (в Европе это ориньякская западная и восточная, перигорская, селетская культуры), то есть от 40 тыс. до 23-20 тыс. лет назад. **Третий** расцвета этап можно связать с периодом последнего ледникового и максимального похолодания, то есть очень условно от 23-20 тыс. лет назад до 16 тыс. лет назад (в Европе это культура солютре, восточного граветта, культура рыболовов сальпетриер и другие). В течение этого и следующего **четвертого** (зрелости) этапа примерно 16-13 тыс. лет назад степень приспособления к изменяющимся природным условиям сильно возрастает (мадленская и другие культуры). Таким образом, зрелость первой формации наступает в конце палеолита, а высшие ее этапы относятся уже к мезолиту (13-12 тыс. лет назад).

Из этого следует, что жизнь людей в начале и середине позднего палеолита, то есть в интервале приблизительно 4020 тыс. лет назад, и жизнь людей поздней первобытности (мезолит, неолит), а равно и соответствующих им этнографических народов была во многом похожа, но во многом должна была сильно отличаться. Установить степень сходства и отличия (именно в качественном, стадияльном плане) — значит выяснить параметры такого сравнения и на этой базе показать процесс развития первой формации.

Однако при сравнении обществ позднего палеолита (если бы они были нам известны в достаточной мере), с одной стороны, и ряда

²⁵ Вообще проблема эволюции первобытной экономики, распределительных и социальных отношений «относится к числу наименее разработанных в этноэкономической литературе». А многие «современные зарубежные специалисты...вообще отказываются ставить вопрос о стадиях эволюции первобытных экономических отношений» (Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 15).

охотничье-собираТЕЛЬских обществ мезолита-неолита и этнографических с другой, не всегда вторые превосходили бы первые не только в отдельных областях (типа пещерной живописи), но даже и в целом. Длительная оседлость, определенное изобилие пищи, более или менее крупный размер общины и достаточное время для досуга могли способствовать сильному продвижению палеолитических социумов.

Сказанное будет яснее, если вспомнить, что при сопоставлении государств древности и средних веков не всегда более поздние предстают и более развитыми, как в отдельных направлениях, так и в целом. Сравните, например, древний Египет с Золотой Ордой, Русью и целым рядом подобных государств по уровню государственного управления, объемам прибавочного продукта и другим показателям, и сопоставление окажется в пользу Египта.

Следовательно, поскольку прямое сравнение обществ часто затруднено, указанные параметры должны носить формационный характер. О стадийных критериях развития охотничье-собираТЕЛЬского принципа производства шла речь раньше. В плане общественного развития важнейший критерий качественного превосходства более молодых (мезолитических и более поздних) обществ от верхнепалеолитических связан с усилением, расширением и усложнением контактов между социумами, их упрочением на определенном уровне, ростом обмена опытом и продукцией.

Таким образом, хотя степень автономности и изолированности коллективов продолжала оставаться высокой, она постепенно уменьшалась, а объемы группировок социумов, внутри которых контакты становились постоянными, увеличивались.

Следовательно, понять диалектику изменений в течение этой формации без учета сближения обществ не просто сложно, но и невозможно²⁶.

Сразу оговорюсь, что поскольку существует большое разнообразие форм коллективов даже у этнографических народов и нет никакой уверенности, что палеолитические социумы имели хотя бы известные науке формы, я буду в этом и следующем параграфе в отношении этих социумов чаще всего употреблять понятие **«коллектив»** и по возможности избегать употреблять такие термины,

²⁶ И часть спорных проблем, о которых у нас еще будет возможность поговорить в дальнейшем (в том числе связанных с происхождением и сущностью рода, семьи, брака, общины и прочего), простирается именно из недоучета внешнего фактора.

как род и родовая община.

4.2.2. Коллективизм и индивидуализм как тенденции развития в первобытности

С самого начала развития первой формации коллективизм выступает как одна из ее ведущих характеристик. Естественно, что на коллективизм (коммунизм, коммунализм и т. п.) первобытных людей всегда обращалось внимание.

Однако, во-первых, он в течение формации существенно меняет свои формы. Во-вторых, следует иметь в виду, что всегда имелась и другая тенденция **индивидуализм**, которую можно рассматривать как оборотную сторону коллективизма. Обе тенденции всегда присутствовали в любое время и в любом обществе. Но в разных обстоятельствах, обществах и периодах могли иметь очень неравное значение.

Для малых коллективов, каковыми были древние орды, взаимоотношения коллектива и индивида (семьи) всегда были очень важными. И можно считать, что значение личности для этих обществ могло быть даже выше, чем для цивилизованных²⁷. Общественное мнение и роль коллектива наибольшим образом проявлялись в поддержании традиций и обычаев. Но в их изменении, отмене, замене, введении новых, напротив, сильнее должна была быть роль отдельных людей или групп, осознавших такую необходимость или потребность²⁸. Поэтому развитие коллективизма только частично шло в сторону ужесточения диктата общего над индивидуальным, а в значительной мере в сторону все большего учета последнего.

В-третьих, коллективизм необходимо рассматривать расширительно: не просто как преобладание интересов коллектива над индивидуальными или взаимную поддержку членов коллектива, но и как определенный принцип и общую преобладающую

²⁷ В книге «История первобытного общества Эпоха первобытной родовой общины» подвергается сомнению вывод В. Бека, сделанный в книге «Индивидуум у австралийцев», «что утверждение о полном и исключительном коллективизме на первобытных ступенях односторонне и даже ложно» и что индивидуальных различий на самых ранних ступенях даже больше, чем на позднейших (ибо социальные группы мельче) (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986 С 545). Я думаю, что этот вывод достаточно актуален и для зрелых первобытных обществ, и еще более важен для описываемых ранних обществ.

²⁸ Поэтому наряду с консервативностью первобытных людей в их жизни «нет недостатка в проявлении оригинальности» (Боас Ф. Ум первобытного человека / Пер. с англ. М.-Л.: ГИЗ, 1926. С. 63).

направленность отношений между отдельными коллективами (что, естественно, не исключает ссор и конфликтов между ними). Иными словами, следует учитывать, что коллективизм распространяется не только внутри собственно базовых коллективов, но и далеко за их пределы. Но расширяясь, он одновременно существенно трансформировался и приобретал самые разные формы.

Поэтому развитие коллективизма для формации в целом можно представить в следующих линиях²⁹:

■ Установление оптимального соотношения между положением, статусом и интересами индивидов и малых групп (семей), с одной стороны, и коллектива с другой.

■ Структурирование коллективов в самом разном плане:

а) на малые группы и семьи, с учетом возможности соединения и рассоединения, приспособления к изменяющейся обстановке и т. п.;

б) на слои (по полу, возрасту, а иногда, особенно в поздние этапы, и по другим признакам: принадлежности к тайному обществу или линиджу, обладанию богатством, занимаемой должности);

в) по таким признакам, которые позволяют создавать прочные связи между коллективами (прежде всего родственная сеть, а также брачные секции, тотемические группы и прочее).

■ Установление все более объемных и сложных связей между коллективами в целом и их отдельными группами и индивидами, включая и распределительные (дележные, обменные, дарственные, кооперационные).

И в масштабах формации с развитием этих линий можно связать и развитие типа отчуждения, о чем будет речь в следующем параграфе.

4.3. Проблема формирования социальности

4.3.1. Постановка проблемы: соответствовала ли система регулирования отношений в коллективах людей нижнего палеолита культурному уровню социумов в начале верхнего палеолита?

Многие десятилетия ученые единодушно признают, что при переходе от нижнего к верхнему палеолиту произошел резкий перелом в культуре³⁰. «Между 40.000 и 45.000 лет назад материальная

²⁹ Их развитие продолжалось еще и в период примитивного сельского хозяйства.

³⁰ «Археологические памятники, относящиеся к эпохе, непосредственно следующей за знакомыми нам культурами раннего палеолита, дают замечательную картину подъема всех областей культуры: техники, хозяйства, организации общества и идеологии» (Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М.: АН СССР, 1953. С. 27).

культура в западной Евразии изменилась больше, чем предшествующий миллион лет», не без основания считают Офер Бар-Йозеф и Бернард Вандермирши³¹. И «этот расцвет технологического и художественного творчества означал появление первой культуры, которая с позиции сегодняшнего дня может быть оценена как действительно человеческая, характерная непрерывной выдумкой и вариациями»³².

Чем бы ни был вызван этот переворот: появлением человека разумного, как считалось не так давно, появлением речи, то есть человека говорящего, или чем-то еще, неизбежен вопрос: *мог ли этот перелом не повлечь за собой резких изменений в организации жизни?* Если ранее все регулировалось на уровне инстинкта, полуинстинкта или подсознания, как полагают некоторые, то достаточно ли было их для социума, обретшего речь? Если же и речь, и родовые отношения, и агамия и прочее были уже у палеонтропов, тогда в чем качественное отличие социальных отношений позднепалеолитического общества, то есть сапиентного, от досапиентного?

Тут следует добавить, что масштаб указанных перемен существенно запутывает проблема неандертальцев, которые как будто имели зачатки религии, искусства, возможно, счета и довольно развитые орудия труда. В ряде моментов (особенно орудиях труда) уровень неандертальцев и кроманьонцев существенно не отличается. И, если считать, что неандертальцы это прямое звено в развитии человека разумного, тогда кажется вполне логичным, что социальность появилась до полной сапиентности.

Но в настоящий момент все популярнее идея, что неандертальцы и сапиенты развивались длительное время параллельно, что это разные ветви эволюции. Я также склоняюсь к ней, но считаю, что неандертальцы не просто боковая линия, но своего рода переростки. Иными словами, они существенно переросли исходный уровень появления человека разумного (но еще не говорящего). Поэтому и сопоставимы с кроманьонцами начала верхнего палеолита, и, возможно, даже, что последние кое-что и переняли у первых. Но то, что для неандертальцев было уже пределом, для кроманьонцев только началом. И в этом коренная разница.

Но если неандертальцы не прямые предки кроманьонцев,

³¹ Modern Humans in the Levant/ by Ofer Bar-Yosef and Bernard Vandermeersch Scientific American. April. 1993. P. 94

³² Ibidem.

следовательно, сапиенты Африки и Леванта, о которых шла речь выше (и которые, возможно, были предками людей современного физического типа), имели более низкий уровень, чем неандертальцы. **Значит, величина качественного перелома в начале верхнего палеолита становится еще более значительной и более ясной в некоторых моментах (особенно при сопоставлении системы производительных сил)**³³.

Итак, если указанная верхнепалеолитическая технологическая и культурная революция несомненна, то возникает вопрос: **выработалась ли основная система отношений уже в процессе антропогенеза, а потом она только в чем-то доводилась до зрелости? Или эта раннепалеолитическая система хотя и служила, так сказать, строительными лесами уже собственно человеческого общества в начале позднего палеолита, но постепенно заменялась социальными отношениями?**

Я склоняюсь ко второму.

4.3.2. Почему прежняя система не могла быть достаточной?

Что бы ни послужило причиной бурного развития в начале позднего палеолита, это было очень серьезное изменение, которое должно было повлечь за собой перемены и во всем остальном. Но я буду отталкиваться от предположения, что известный рубеж в 40-45 тыс. лет назад связан с появлением человека говорящего, точнее, с переходом от зачаточной речи к какой-то ее первичной системе, из которой и мог далее развиваться язык.

Появление речи должно было изменить всю общественную жизнь, включая и процессы распределения. Ведь когда основные контакты и отношения, совместная деятельность, воспитание потомства и т. д. проходят через словесные контакты то есть основываются не на инстинктах, ощущениях и смутных представлениях-образах, а на коллективном сознании, система социального регулирования не может остаться без коренных изменений. То, что годилось для людей без речи, не могло удовлетворить людей, у которых развивались

³³ В сказанное хорошо вписывается и идея, высказанная в прошлой главе, что для начального этапа первой формации можно ввести понятие аналога производственной революции Обретение речи, а с ней и многого другого в начале верхнего палеолита как раз и можно считать аналогом производственной революции: разве не являлся сам человек тогда основной производительной силой?

религиозные, моральные, административные и иные установки.

В какой-то момент прежняя система становилась узкой, поскольку не предусматривала возможности столь бурной интеллектуальной, творческой, нормотворческой и прочей деятельности, а также не соответствовала новому темпу развития. Но поскольку эта система базировалась на иной (не вербальной) основе, она не могла быть просто перестроена, а непременно требовала замены (хотя и не сразу). К этому вынуждала уже одна только возможность передачи опыта не просто действием, но и словом³⁴.

4.3.3. Развитие проблемы: могла ли новая система отношений появиться быстро и сразу?

Формы отношений и механизмы их регулирования в течение антропогенеза нам неизвестны. Однако, вне сомнений, они носили еще во многом биологический характер.

Возможно, они выражались в виде доминирования физически более одаренных людей и соответствующей иерархии в коллективе, инстинктов и полуинстинктов, закрепления определенных правил на уровне еще подсознания, животного подражательства и т. п.

Формирование адекватного появившемуся интеллекту и речи человека общественного сознания означало, как уже сказано, что биологические регуляторы должны были замениться словесными, идеологическими в виде общепринятых образцов, обычаев, традиций, убеждений словом, в виде того, что и создает уже собственно социальность.

Однако вновь возникает вопрос: *могло ли это произойти повсеместно, быстро и комплексно (то есть так, что в каждом коллективе должен был появиться достаточный набор таких социальных регуляторов, правил и убеждений)?* Из литературы обычно вырисовывается утвердительный ответ. Авторы считают, что уже с момента появления человека разумного (а многие, что и задолго до этого) определенная социальная система регулирования отношений имела в наличии. Но убедительных доводов в пользу этого не приводится.

Обычно речь идет о том, что коллектив подчинял личность с

³⁴ Представьте, могло ли не измениться общество, перешедшее в обязательном порядке и в широком масштабе от устной речи к письменной, от устного обозначения отношений к письменным договорам? Раньше или позже это меняет и резко усложняет все формы отношений. А ведь переход к письму — менее революционный шаг, чем переход к членораздельной речи.

помощью достаточно непререкаемых правил, обычаев и т. п. И действительно, так было очень часто. Но только подобная система это уже признак достаточной зрелости развития, то есть уже не ранних этапов, о которых сейчас разговор. А как вообще такая система появилась в крошечных коллективах? Если инстинкт коллективизма и подчинения незаметно перерастал в социальные регуляторы, как считают некоторые, то как мог инстинкт помочь выработке совершенно нового: религии, искусства, сложных форм обрядности и прочего? Ведь инстинкт — это нечто очень консервативное, жесткое, что не перестроить.

Следовательно, стоит только отойти от общепринятых догм и задуматься, как возникает масса вопросов. **Я же считаю, что между тем, что было в нижнем палеолите, и тем, что наблюдается у этнографических народов, во-первых, нет прямой связи и преемственности, а есть принципиальные отличия; во-вторых, между этими полюсами лежит длительная эпоха формирования социальности. Причем ранние формы социальности сильно непохожи на поздние.**

Какое-то время в начале первой формации используются еще старые механизмы, но они постепенно заменяются. Выработка новой системы отношений была непростым и долгим процессом. Кто знает, например, сколько времени потребовалось на создание каких-то обобщающих слов, понятий, сколько времени ушло на то, чтобы язык приобрел хоть какую-то систему, объем, возможность выразить не только простое действие? Несомненно, очень много³⁵.

Итак, если же мы принимаем идею, что с начала верхнего палеолита начался процесс замены старых полубиологических регуляторов на социальные, что неизбежно вело к весьма сильным переменам, тогда нужно и определить, в чем именно были эти перемены, а также каковы движущие силы и этапы таких перемен. Ибо социального плана коллективизм не был данностью, и путь даже к его первичной системе не был прямым.

³⁵ По мнению Поршнева, вторая сигнальная система развивалась очень, очень долго. Сначала она управляла лишь некоторыми действиями, затем «целыми цепями действий, вторгаясь там и тут в поведение ранних людей. Она отвоевала все более обширные поля у первосигнальной детерминации поведения. А неизменно позже она приобрела знаковую функцию, слова и системы слов стали нечто означать и значить, в том числе «заменять», первосигнальные раздражители» (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. С. 414).

4.3.4. Путь к социальности через период интеллектуального лидерства

Нельзя сказать, что важность проблемы происхождения социального регулирования не осознается. Но, во-первых, запутывают дело представления о том, что возникли первичные нормы задолго до верхнего палеолита, хотя это не подтверждается фактами. Во-вторых, многим ученым кажется, что хотя конкретные механизмы и неизвестны, но общеэволюционные причины совершенно ясны.

«Особняком стоит и требует специальной трактовки чрезвычайно важный вопрос о возникновении и обусловленности социальных норм поведения, которые в первобытном обществе выступают чаще как традиционные обязательные обычаи, ограничения и запреты и которые осмысливаются зачастую как предписания, исходящие от сверхъестественных существ и подкрепленные религиозно-магической санкцией. Каково реальное происхождение этих норм, этих предписаний и запретов? Какова действительная роль религиозных представлений в их возникновении и закреплении?.. И какова, наконец, первичная основа социально-моральных норм в первобытную эпоху?»³⁶.

Далее идет ответ на вопрос, почему возникли эти нормы. «Возникли они потому, что не могло бы и дня просуществовать какое-то человеческое общество, члены которого не подчинялись бы в своем поведении никаким общеобязательным регулирующим правилам»³⁷. Ответ этот совершенно неудовлетворителен, так как он не объясняет принципиальной разницы между ниже- и верхнепалеолитическими обществами и фактически предполагает, что различия накапливались настолько постепенно, что нижнепалеолитическая традиция как бы и не прерывалась³⁸.

Разумеется, будь то стадо, будь то общество, у них должны быть какие-то регуляторы. И в этом плане вакуума не бывает. Регуляторы имелись и в период антропогенеза, и после. Но нижнепалеолитическая традиция развития механизмов регулирования была прервана, поскольку на рубеже верхнего палеолита по неясным еще причинам произошел переворот в жизни и общественном сознании.

³⁶ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 543 — 544.

³⁷ Там же.

³⁸ Сравни, например: «В марксистской литературе первичная социальность обычно связывается с формированием стада переходных существ и последующим развитием рода общины» (Андреев И.Л. Ук. Соч. С. 372 — 373).

Отсюда вопрос, можно ли хоть гипотетично реконструировать сам процесс такой перестройки сознания и его движущие силы? В какой-то мере это возможно. Я бы хотел предложить следующую гипотезу. Она основывается на идее, **что начальные этапы первой формации — это еще не эпоха господства традиций и обычаев, какой она предстает позже, это эпоха создания первичной системы традиций, обычаев, верований, языка, культуры, искусства, морали и прочего.** А потому более свободный для социального творчества период.

Но как вообще появляются новые идеи? Может ли сразу весь коллектив прийти к ним? Полагаю, это невозможно. Одна и та же мысль не рождается сразу у всех, а только у некоторых. Индивидуум или небольшая группа могут отозваться на насущную общую потребность рождением чего-то небывалого, и это иногда социумом принимается, если оно созвучно и приемлемо для многих.

Сказанное означает, что в создании первичной социальности очень важную роль играли люди, имеющие большие, чем другие, интеллектуальные и творческие способности и возможности. Раз обществу Homo sapiens уже было присуще творчество, значит, в нем появлялись люди, стремящиеся таким интеллектуальным образом проявить себя, обратить на себя внимание, заставить других подчиняться их авторитету.

Будем условно называть таких людей **лидерами**, а сам период выделения определенного числа выдающихся в том или ином плане людей, которые сделали особо значительный вклад в формирование новой социальности, **периодом «интеллектуального лидерства»**. В формационном плане он соотносится с первым и частично вторым этапами формации.

Иногда такие лидеры становились и фактическими вожаками на какой-то сложный период жизни, а то и надолго. Но, вероятно, чаще они имели только больший престиж и лишь иногда использовали его для регулирования. Однако в любом случае если не думать, будто новые идеи сразу и спонтанно приходят в голову всему коллективу принять нечто новое от человека выдающегося и уже признанного как лидера и «законодателя» (да еще способного навязать свою волю) социуму было существенно легче, чем иным способом.

Таким образом, в плане движущих сил и механизмов выработки новой социальности появление лидеров, их соперничество, различные комбинации отношений в коллективах многое способны объяснить.

Ведь если бы сразу существовала жесткая регулятивная система, она не дала бы возможности для развития. И, вероятно, там, где она имелась, развитие останавливалось. Напротив, там, где появлялись неформальные лидеры, в той или иной мере создававшие новое сознание, опираясь, естественно, на весь предшествующий интеллектуальный опыт, коллективы достигали каких-то высот.

Само собой, что речь не идет о том, что существовали только гениальные демиурги и инертная масса. Основную лепту в развитие общества все равно всегда вносит большинство, хотя бы уже тем, что если принимает новое, то переносит его в практическую жизнь, а это значит, дает ему форму, видовое разнообразие, развивает до какого-то уровня. К тому же масса разнообразных новшеств вносится и са-мыми обычными людьми. С другой стороны, уровень самих лидеров был очень разный, большинство из них лишь ненамного превосходило сородичей.

Однако несомненно, что время от времени то в одном, то в другом социуме появлялись и выдающиеся люди, вклад которых в развитие был очень заметным, оставлял за собой след надолго, в целом их деятельность могла существенно менять лицо социума, а часто и многих контактирующих с ним общин.

Разумеется, в малых коллективах интеллектуальное лидерство не могло быть представлено во всей совокупности. Даже появление одного неординарного лидера могло не иметь места вообще или длительное время. Ведь рождение человека с определенными способностями (да еще в относительно замкнутой группе) — довольно редкое явление. Значит, даже чисто естественные причины сдерживали развитие. Но во многих коллективах в совокупности имелись лидеры разного типа. Объединяло их то, что это были интеллектуалы, творцы, создатели нового общественного сознания: с даром внушения, могучей волей, особой памятью, способностью к выдумке, познанию окружающей природы, какому-то осмыслению мира.

4.4. Механизмы формирования социальности

4.4.1. Выделение лидеров и процесс выработки социальных отношений. Характеристика первичных коллективов

Начало формации представляет переход от досоциальных (частично социальных) к примитивным, но уже социальным отношениям. Они должны быть в чем-то похожи, а в чем-то

непохожи³⁹. При этом некоторые новые моменты в чем-то резко, заметно отличаются от старых, а другие новшества часто облекаются в старую форму.

Уловить первичную грань перехода очень сложно. Но чем далее развивается общество, тем менее похожи отношения, хотя какое-то сходство всегда остается, поскольку схож вид занятий.

Похожесть могла быть в системе доминирования. Оно, как известно, есть и у приматов и могло быть у архантропов и палеонтропов⁴⁰. Постепенно оно приобретало некоторые социальные черты, переходя в выделение более сильных и одаренных чем-либо мужчин (доминирование, впрочем, могло быть и среди женщин). Возможно, что ближе к концу нижнего палеолита доминирование стало переходить в лидерство наиболее талантливых охотников, игравших, так сказать, первую скрипку в коллективной охоте (самых быстрых, хитрых, лучше других понимающих повадки зверей, с лучшей реакцией и т. п.). Это были уже иные, чем у гоминид качества, однако лидерство все-таки имело еще полубиологический характер. Оно постепенно перерастало в лидерство, которое определялось уже интеллектуальным превосходством.

Не исключено, что и само появление речи было связано с выделением более умных людей, с потребностью повлиять на сородичей, поскольку слово становилось способом воздействия на других, важным фактором доминирования. Тут стоит сослаться на интересные мысли Поршнева о первоначальных функциях речи. Он считал, что «речь возникла прежде всего как проявление и средство формирующихся общественных отношений: средство людей воздействовать на поведение в отношении друг друга», «особый род влияния одного индивида на действия другого», что слово появилось «как фактор управления поведением»⁴¹.

Такой подход удачно объясняет и первоначальный перелом в конце нижнего палеолита, связанный с изменениями в

³⁹ Относительно отличий можно привести цитату Поршнева: «У порога истории мы находим не «надбавку» к первой сигнальной системе, а средство парирования и торможения ее импульсов» (Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. С 414).

⁴⁰ Стоит напомнить, что стремление к доминированию и к лидерству у какого-то числа особей есть всегда, равно как у какого-то числа особей есть привычка (или стремление) к подчинению.

⁴¹ Поршнев Б. Ф. Ук. соч. С. 403, 408, 407. Подобных взглядов придерживается и А. П. Пецелевский, который писал: «Слово-монумент являлось выразителем не суждения, но воли или желания говорящего...» (Пит по: Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. С. 213).

характеристиках лидеров-доминантов, с изменением набора качеств, которые стали требоваться для подобной роли. Лидерство интеллектуального плана начинало заменять лидерство самых одаренных физически (не только самых сильных). И вместе с появлением речи, зачатков общественного сознания при необходимости жить совместно это дало толчок развитию социальности.

Дальнейшему ее развитию сильно способствовало то, что пищи было достаточно и конкуренция за нее была слабой. К тому же, благодаря оседлости, имелся значительный досуг. Все это создавало условия для формирования новых потребностей. Например, лидеры, которые ощущали в себе творческие возможности, нуждались в благодарной аудитории, восхищающейся их талантом. И поэтому вокруг них группировались менее выдающиеся, более слабые члены группы, но необходимые для создания атмосферы престижа и признания. В свою очередь, рядовые члены коллектива начинали нуждаться не только в пище, но и в «зрелищах».

Сказанное, конечно, не означает, что лидеры физического типа исчезли. Физически сильные люди всегда ценились. Впрочем, весьма возможно и соединение в одном лице физического и умственного превосходства. Но в целом роль лидеров «силы» снижалась, а интеллектуалов повышалась⁴².

Итак, появились люди, которые вносили особый вклад в создание новой системы социальности и общественного сознания⁴³. Это, конечно же, лидеры духовного, религиозного плана. Этнографией зафиксировано много фактов появления таких «пророков» у народов поздней первобытности. Я думаю, что их роль была важной в создании первичной религии. Это также хранители опыта, которые играли роль третейских судей, могли дать совет, выразить общее мнение, объявить, как поступить в сложной ситуации⁴⁴.

⁴² Надо учитывать, что лидер силы, хотя и мог внушать страх или действовать с помощью угроз, в позитивном плане объединить коллектив не мог, а интеллектуальный лидер мог. К тому же страх, который внушал силач, был гораздо меньше того, что внушал человек, овладевший какими-то непонятными другим возможностями. Если он лучше других знал свойства ядовитых растений или животных, разве он не мог этим внушить страх другим? Если он открывал свойства наркотических растений, разве он не мог этим пользоваться?

⁴³ В формационном масштабе можно говорить в этом плане даже о слое людей, подобно тому как говорят о слое коудунов или вождей, хотя в каждом обществе они были представлены часто в единственном числе, а то и вовсе отсутствовали.

⁴⁴ Поскольку такие люди были уже в возрасте, естественно, что с ростом их престижа укреплялось и положение стариков в целом.

Это люди, искусные в изготовлении оружия, каких-то украшений, особых предметов и талисманов, художники и артисты. Это «ораторы» (они ценились у многих народов, и вполне вероятно, что их выделение началось уже с момента, когда речь стала главной формой общения). Лидерами могли быть и женщины, например, овладевшие какими-то секретами лечения, лекарственных растений, помогающие при родах и т. п.⁴⁵.

Конечно, интеллект и мастерство этих людей росли вместе с развитием коллективов. Знания и умения, словарный запас и новые приемы накапливались медленно. Поэтому в начале верхнего палеолита достижения лидеров были весьма скромные и часто не обнаруживаемые археологически. Тем более, если ведущей ареной деятельности было развитие языка. Только через очень длительное время появляются мастера (а кое-где и своего рода традиция, школа), произведения которых достигают совершенства. Это относится не только к искусству (просто оно сохранилось), но и ко всему спектру деятельности, включая социальную, нормотворческую, мифотворческую и иную.

4.4.2. Лидеры и коллективы

Первичные коллективы были слабо структурированы. Возможно, они напоминали хозяйственную или целевую группу. Скорее всего, они состояли из неустойчивых семейных пар (или полигамных семей) и однополых группок более близких между собой людей (друзей, ровесников и т. п.). Необходимость совместной охоты и защиты, привычка к объединению и различные связи крепко держали их вместе. Но отношения родства, а также единства коллектива еще слабо осмыслились идеологически.

Отношения внутри коллективов, вероятно, не были столь же коллективистскими, как это наблюдалось во многих более развитых обществах первобытности. В частности, могло отсутствовать уважение к старикам, забота о них. В условиях временной нехватки они, по-видимому, страдали больше всех.

Не были формализованы и правила раздела, так как техника и природные условия еще не позволяли охотиться индивидуально. Следовательно, не было и охотничьих долей. Поэтому выигрывали те,

⁴⁵ Во всяком случае, в некоторых общинах (например в Костенках) женщины стали объектом искусства.

кто мог съесть больше (а в этнографии зафиксированы факты поразительных возможностей отдельных индивидов, которые съедали по 10-15 кг жареного мяса за один присест). Как говорится, кто смел, тот и съел. Какие-то правила, конечно, могли складываться с учетом того, что не всегда люди шли к добыче, а часто ее нужно было нести в стойбище. Надо было также как-то учитывать доли тех, кого не было или кто не мог прийти к разделу.

По сути, это были своего рода группово-коллективистские отношения. Если коллектив был предельным объединением, то он не мог быть слишком сплоченным. Такая крепость достигается только тогда, когда есть достаточно развитые отношения с другими коллективами, когда действует классическая формула: мы и они.

Институционального баланса между коллективом (группой) и личностью долго не было, возрастные группы пока не приобрели четкого статуса. Этого еще и не требовалось. Такая институционализация появилась много позже, когда выработались брачно-семейные правила. Коллектив состоял из отдельных группок, члены которых спланивались либо по взаимному влечению, либо по тяготению к более сильной личности.

Появление вышеуказанных лидеров могло на определенное время усилить неоднородность общины, вносить в нее элементы соперничества и конкуренции за престиж и сторонников. Но в конечном счете, как мы увидим дальше, это вело к укреплению коллективов.

Вариации лидерства могли быть различны: от отсутствия лидеров вообще до единственного, от нескольких конкурирующих между собой до, напротив, образующих своего рода олигархию.

Хотя жизнь этих людей и была бедна событиями по сравнению с современностью, но нет ничего удивительного в том, что и там порой кипели страсти, была своя «политика», свои «реформаторы» и «консерваторы»⁴⁶. Но, разумеется, было множество коллективов, где царили тишь и гладь, где какие-то еще не вполне социальные установки поддерживали порядок. Однако такие коллективы и не

⁴⁶ В некоторых случаях следы такого «реформаторства» подтверждаются и археологически. Например, «известны памятники с более быстрой сменой типов каменных орудий. Так, в развитии перигордийской культуры во Франции за период от 22 тыс. до 18 тыс. лет назад выделяют шесть или даже семь этапов, каждый из которых заметно отличается от последующего и предыдущего набором каменных орудий» (Григорьев Г. П. Культура первобытного общества и природная среда / Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII Конгрессу INQUA. М.: Наука, 1969. С. 213).

развивались далее.

Соперничество лидеров вело:

а) к более мягкому отношению в малых группах, к определенной зависимости лидеров от аутсайдеров. Сильные должны были заботиться, чтобы их слабых сторонников не обижали, а также чтобы эти сторонники не перешли на сторону соперника. Отсюда формировались определенные дружеские правила в более узкой группе, которые потом могли переноситься и на весь коллектив;

б) к попыткам решать споры путем переговоров или общих соглашений, что также могло вести к выработке обычаев и прецедентов, которые потом или сразу оформлялись идеологически. Вообще надо полагать, что чрезмерное соперничество настолько вредило коллективным интересам, что на лидеров в конечном счете начинали давить и понуждать их к компромиссам, либо они сами приходили к такой идее;

в) лидеры стремились что-то выдумать, равно как и члены их групп, чтобы обеспечить преобладание, перетянуть на свою сторону колеблющихся и т. п. Важно также, что лидерам подражали, а подражание, как известно, очень важная движущая сила.

Наиболее выдающийся лидер мог на какое-то время сплачивать весь коллектив. Обладая авторитетом и харизмой, внушая страх своими способностями, он был заинтересован в укреплении такой ситуации, когда остальные должны были быть ниже его. Сделать это проще всего было, используя правило «разделяй и властвуй», в данном случае разбив людей на возрастные группы с определенными правами. Такой цели также могли способствовать какие-то коллективистские правила, запрет конфликтов, справедливое распределение каких-то дефицитных или особых благ, забота о ком-либо и т. п. Все это могло входить в норму или запоминаться и закрепляться.

Смерть, смена, изгнание или ослабление лидеров вели к изменению баланса сил в коллективе, что иногда для него было хорошо, а иной раз плохо. Но в любом случае появлялись разнообразные вариации, наиболее удачные из которых высеивались и становились ведущими. Однако по мере накопления опыта и усиления контактов между коллективами «роль личности» постепенно уменьшалась, а многие проблемы и трения решались уже почти в автоматическом режиме. Этому способствовали и мощные объективные причины.

4.4.3. *Общие причины формирования коллективизма*

При всей важности роли отдельных людей в формировании социальности, коллективизму нового плана объективно способствовали, во-первых, то, что тяга к коллективизму лежала в биологической природе людей, во-вторых, общие природные и хозяйственные условия. На начальных этапах магистральным или наиболее типичным способом охоты была коллективная охота, что, естественно, способствовало укреплению коллективизма во всем остальном. А если добыча была хорошей целые эпохи, то равно-обеспечивающие тенденции и правила распределения должны были укорениться. Объемы охоты были иногда очень велики. Есть данные о многих стоянках, где найдены кости тысяч крупных и средних животных⁴⁷. Очень часто пища не проедалась и портилась.

Таким образом, *обильная добыча и связанные с этим коллективистские формы распределения пищи помогли заложить предпосылки доэкономического типа отчуждения*. Это позволяло коллективу воспроизводить условия жизни, выживать в случае возникновения экстремальных ситуаций, а также поддерживать менее сильных, одновременно достаточно эффективно используя умения более энергичных членов коллектива.

Этому длительное время способствовала природная среда и способы охоты людей, так как в одиночку с тогдашними орудиями могли жить только единицы. Но главное, коллективизм оказался эволюционно более перспективным, так как более крупные и (или) сплоченные коллективы имели существенные преимущества в выживании и отстаивании своих интересов, и большие возможности развития.

Голодовки, неудачи, изменения в природной среде и прочее должны были у одних выявить слабость коллективизма и обречь их на исчезновение (в прямом смысле или в виде исчезновения самих общин), у других укрепить эти начала, придать им институционализированные формы, поскольку для большей выживаемости и устойчивости требовалась система, которая, безусловно, заставляла бы людей подчиняться, уменьшала трения и т. п.

⁴⁷ «Например, во Франции в Салютре у скалы, к которой загонялись стада диких лошадей, были обнаружены остатки 50-100 тыс. этих животных» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 192).

4.4.4. Трансформация системы неформального лидерства

Помимо вышеуказанных хозяйственных были и иные причины возникновения более совершенной системы регулирования. Неформальное лидерство всегда держится на личных данных и авторитете лидера, которые в любой момент могут быть оспорены. Следовательно, такая система подвержена колебаниям в связи с различными случайными обстоятельствами, особенно в случае смерти лидера. Поэтому, по мере того как лидерство выполняло свою переходную задачу, по мере того как складывалась какая-то первичная регулятивная социальная система, импульс к «реформаторству» тормозился, ибо те ситуации, в которые лидер не мог, не хотел, не имел возможности вмешиваться, регулировались по аналогии, по установленным уважаемыми людьми правилам и т. п.

Кроме того, чем большее влияние приобретал лидер, тем больше было у него забот и ответственности (прав же оказывалось не столь много, чтобы компенсировать их). Выделяясь в одной области, он неизбежно становился ответственным и за многое другое, в чем он мог быть и не силен. Роль его напоминала должность у некоторых народов, которая называлась «тот, кто думает за всех». При этом любая неудача становилась его виной.

Но отказ от руководства означал падение авторитета. Следовательно, практичнее было распределить ответственность, и постепенно ее стали перелгать на некие нерушимые правила и установки. Особенно это необходимо было тому, кто приходил на смену выдающемуся руководителю. Быть равным ему оказывалось нереальным, но можно было освящать действия, его авторитетом, который приобретал статус чего-то неоспоримого⁴⁸. Но коль скоро такие установки становились непререкаемы, их нельзя уже было нарушать никому. Поэтому далее они начинали действовать сами по себе.

И в результате разнообразные системы личных отношений и лидерства (от единоличного «правления» до безвластия, от жесткого

⁴⁸ Тут следует сказать, что, естественно, из-за слабости и самого сознания, и исторической памяти действия каких-то реформаторов неизбежно облекались в мифологические или иные фантастические формы, а какие-то установления, введенные вполне в конкретной обстановке, получали статус рождения от сверхъестественных сил и все это при пересказе постоянно обволакивалось новыми дополнениями и искажениями. Однако наличие культурных героев у охотников-собирателей разных континентов частично может быть объяснено и какими-то смутными воспоминаниями о вполне реальных вещах.

соперничества до системы «сдержек и противовесов», от попыток опереться на мнение остальных в борьбе с «конкурентами» до «олигархии») в конечном счете вели к системе господства коллектива⁴⁹. В классическом виде оно осуществлялось поддержанием безусловных и сверхъестественного происхождения правил, установок, обрядов. Чаще всего власть традиции была не персонифицирована, а анонимна, и фактически руководство передавалось в руки определенной группы лиц с более высоким статусом, которая действовала путем, так сказать, инициативы снизу, реагируя на те или иные отклонения⁵⁰.

Однако путь к такому классическому типу был небыстрый, и на нем появлялись самые разнообразные вариации безусловного и условного, традиционного и реформаторского. Впрочем, и в эпоху господства коллектива социальное творчество и изменения встречались совсем не так редко.

Коллективизм, как уже было сказано, эволюционно оказался самым перспективным путем развития. Но наиболее адекватен он был именно в форме строгих и непререкаемых правил, изменить которые оказывалось трудно. Впрочем, поскольку эти правила проверялись и упрочивались весьма долгое время, поскольку за ними стоял большой опыт, простое их изменение было опасным. Установление четких правил — это также возможность более надежного отпечкования коллективов, расселения людей, поскольку надеяться только на руководителя оказывалось рискованным.

Коллективизм, как сказано, развивался путем установления регулярных контактов со все большим числом коллективов. А это тем более требовало институционализации правил и обычаев.

4.5. 2-й этап. Расширение контактов между обществами

4.5.1. Расширение зоны формации. Формирование незрелого основного противоречия формации

В начале формации новые отношения еще очень однобоки и в

⁴⁹ Например, если какая-то часть более уважаемых людей приобретала некий статус, то она уже начинала ограничивать лидера, в том числе и тем, что он теперь обычно выдвигался из этой группы.

⁵⁰ Но иногда появлялись должности формального (но не слишком авторитарного) Руководства. Однако в этом случае уже не лидер формирует общество, а, напротив, власть лидера становится властью коллектива, которая выступает как «внутренняя Удельная сила подчинения воли индивида воле коллектива» (С. С. Батенин Цит. по: Андреев И. Л. Ук. соч. С. 391).

целом для формации, и в еще большей степени в каждом отдельном обществе. Лишь много позже (уже к зрелости) формационные отношения и в отдельных социальных организмах приобретают достаточно системный вид. Сказанное тем более касается начала первой формации, где и общества были крохотные, и контакты между ними нерегулярные. Естественно, что никакой объемной системы социальных отношений в них еще не было. Эта односторонность тем не менее постепенно устранялась, во-первых, накоплением достижений в отдельных обществах, во-вторых, усилением контактов между ними. Такие контакты готовили расширение базы формации.

Коллективизм длительное время еще был очень узок, он ограничивался в основном своим небольшим коллективом. Однако это были слишком тесные рамки.

Сказанное означает, что на втором этапе складывается незрелое основное противоречие, которое формулируется как *противоречие между коллективизмом внутри социумов и отсутствием такового между ними*. Поэтому новые отношения стали стремиться к расширению, и там, где возникала достаточная плотность коллективов, появлялись и новые социальные контакты. В то же время усиление контактов между коллективами существенно укрепило коллективизм внутри каждого из них, а также зародило представление о хозяйственной территории отдельной общины, правилах их опрелеления и охраны.

Мы уже говорили, что величина общественных единиц растет от формации к формации. Следовательно, уровень, который для переходного состояния является надобщественным, в зрелой формации станет уже нормой для отдельного общества. Само собой, что расширение объема действия нового порядка может быть только до определенных пределов, которые связаны с возможностями принципа производства и других моментов формации. Но в любом случае размеры пространственно-временных группировок в первой формации были во много раз больше, чем небольшие общины древних людей. Из этнографии известно, что соплеменности охватывали иной раз десятки тысяч квадратных километров и тысячи людей. Нужно было иметь определенный арсенал правил для поддержания контактов в таком объеме, и это вырабатывалось длительное время.

Возвращаясь к мысли о том, что и в палеолите многие общества дорастали до высокого уровня, можно сказать, что в какой-то мере это напоминало ситуацию во второй формации. Например, во втором тыс.

до н. э. зона формации уже складывается в весьма больших регионах. Внутри нее идет бурная межобщественная жизнь, в некоторых отношениях эти древние цивилизации достигают выдающихся успехов. Но хотя эти общества и имеют высокий уровень, формация в Целом еще не достигла зрелости. Нужно еще больше объема, вариантов, размаха. И на это требуется еще целая эпоха античности и соответствующий период в Индии и Китае⁵¹.

Также и верхнепалеолитические общества могли не только достигать определенной зрелости, но и образовывать довольно большие пространственно-временные группировки со сложными отношениями внутри них. Но формация еще не набрала нужного объема, поэтому развитие идет циклично, отмиранием, перерождением, деградацией ряда вариантов. Следовательно, когда мы говорим о первом, втором или третьем этапах формации, надо иметь в виду, что отдельные общества в это время могли стоять уже на этапах, аналогичных третьему-четвертому, а то и пятому. Если период 17 тыс. лет назад по моей периодизации это только третий этап формации, то, по-видимому, общество, существовавшее в Ком-Омбо в Египте (южнее Асуанской плотины) 17 тыс. лет назад, стояло на этапе, аналогичном пятому⁵².

Естественно, что эти вырвавшиеся вперед, но затем остановившиеся или исчезнувшие общества могли иметь большие отличия от любых этнографически известных.

4.5.2. Формы установления контактов между коллективами

Хотя и очень медленно, но первобытное население росло. Отпочковывались новые коллективы. В благоприятные для охоты места приходили и мигранты. Таким образом, в определенный момент

⁵¹ Свидетельство тому — археологические факты. Например, морские раковины с берегов Средиземного моря обнаружены в верхнепалеолитических стоянках Германии, черноморские раковины в Мезенском поселении на Десне за 600 км от моря. И. т. д (см.: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М.; Наука, 1987. С. 170-171). Археологические культуры верхнего палеолита были весьма обширны и во много раз превосходили «археологические культуры среднего палеолита», то есть мустьерские (см.: Григорьев Г. П. Культура первобытного общества и природная среда. С. 214).

⁵² Население района Ком-Омбо насчитывало не менее 250 человек при одной из самых высоких плотностей населения верхнего палеолита 1 человек на 2,6 км в кв. Люди здесь, по-видимому, были одними из первых, кто в довольно широких масштабах практиковал сбор дикорастущих злаковых. Для жатвы использовались каменные серпы, а зерно растиралось на массивных каменных зернотерках (см.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. С. 185).

в некоторых районах могли усиливаться контакты между коллективами. То, что в период расцвета позднего палеолита контакты в отдельных местах могли быть достаточно плотными, подтверждается и археологическими фактами⁵³.

Взаимоотношения между коллективами могли быть самыми разными (добрососедские, безразличные, враждебные) Но в целом для первой формации институционализация кровавых конфликтов нехарактерна. Дело, конечно, не в гуманизме дикарей, а в том, что для войн не было ни демографических, ни экономических условий. Мир, даже худой, чаще был много лучше доброй ссоры. Поэтому в большинстве случаев налаживались мирные отношения, а столкновения индивидов способствовали выработке форм улаживания таких конфликтов.

Если более сильные (в разном смысле) коллективы чувствовали себя увереннее, то так или иначе должно было появиться и стремление усилиться. Правило: хочешь мира

- готовься к войне было справедливым во все времена. Для усиления коллективов имелись две главные возможности. Первая увеличивать число членов, например, запретом разделяться, насильственным включением в состав других групп, привлечением иноплеменников. Но тут были естественные ограничения, связанные с возможностью плотного проживания, так как ресурсы были небезграничны; могли также возникать ссоры и конфликты между разнородными частями коллектива.

Вторая возможность укрепления коллективов заключалась в установлении между ними положительных связей, особенно между культурно-этнически близкими группами (например, в виде союзов, побратимств).

Чем больше было у коллектива партнеров, тем стабильнее была бы его жизнь, поскольку тут появлялись выгоды: в совместных охотах и действиях, в обмене, в использовании охотничьих угодий, во взаимопомощи и страховке. Налаживание связей тем самым становилось экономически важным. Пути для этого были разные.

⁵³ Например, на правобережье Дона в пределах селений Костенки, Александрова и Боршево на площади всего 8 кв. км. известны (данные конца 60-х годов, а к разведке было намечено еще 12 мест) остатки 52 поздипалеолитических поселений, с учетом многослойности стоянок приуроченных к 24 населенным пунктам (см.: Величко А. А., Рогачев А. Н. Позднепалеолитические поселения на среднем Дону / Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. К VIII Конгрессу INQUA С. 76).

Но наиболее оптимальным, стабильным и верным способом оказался обмен женщинами и вообще половыми партнерами⁵⁴. «Обмен женщинами и обмен пищей являются способами обеспечить реципрокную пригонку социальных групп либо сделать ее явной», говорил Клод Леви-Строс⁵⁵. И думаю, что это справедливо не только для поздней первобытности, но и для ранней, просто в поздней этот обмен приобретает больший размах и четкие правила.

Это был исключительно плодотворный путь. Он открывал возможность перехода к зрелости формации и типа отчуждения, так как, с одной стороны, спланировал базовый коллектив, а с другой формировал на прочной основе крупные сообщества людей. К таким связям органично притягивались и иные: религиозные, даро-обменные, военно-союзнические и прочие. Кроме того, этот путь позволял:

а) индивидам и небольшим группам налаживать личные связи внутри других коллективов, что значительно усложняло сеть связей и открывало канал проявления инициативы;

б) включать в систему отношений новые группы;

в) отрывать от коллектива, не теряя с ним связи, группам любой величины, вплоть до одной семьи, что было крайне важно для приспособления к менявшейся экологической ситуации. Это также увеличивало распространение тех или иных культур на огромные территории.

4.6. Некоторые достоинства предложенной гипотезы

Предложенная гипотеза существования в начальных этапах первой формации не готовой системы социальных отношений, а только формирующейся, в чем важную роль играли интеллектуальные лидеры, дает ответ на поставленный вопрос об особенностях начальных этапов первой формации по сравнению с зрелыми.

⁵⁴ О проблемах появления агамии (экзогамии), брака и родственных отношений пойдет речь в других главах. Здесь же достаточно сказать, что, по моему мнению, агамия устанавливалась (причем далеко не сразу) под воздействием ряда причин, но особенно в результате расширения брачных контактов между коллективами постепенного сужения их внутри коллектива, вплоть до полного запрета браков между его членами. «Сколько поселений могло существовать одновременно в балках Костенковского-Боршевского района в раннюю пору позднего палеолита?» спрашивают авторы. И отвечают, что вполне возможно, что все культурные слои, приуроченные к одной из двух толщ (нижней или верхней гумусированных толщ) могли быть синхронными (Там же. С. 83). То есть в любом случае значительная или основная часть из указанных 24 пунктов.

⁵⁵ Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 197.

Зрелость формации связывается с появлением достаточно институционализированного коллективизма.

Однако помимо этого, моя гипотеза также позволяет существенно лучше описать ход исторического процесса до появления сельского хозяйства и объяснить некоторые общеизвестные моменты. При этом никакие факты ей не противоречат, а некоторые весьма существенно гипотезу подтверждают. Рассмотрим, в чем ее преимущества.

1. Яснее виден сам исторический процесс именно как процесс, хотя и медленный, но довольно сложный и неоднозначный, а не застывшее состояние.

Становится более ясным, чем начальные эпохи исторического процесса отличались от более поздних и от более ранних (до появления человека говорящего). С одной стороны, сложная система правил, обычаев и общепринятых норм, коллективного сознания и религии не была данностью, имманентно заложенной в коллективы, а являлась результатом длительной исторической эволюции, в которой очень существенна доля «роли личности».

С другой в ордах троглодитов регулятивные нормы имели иную несоциальную основу (хотя внешне могли быть чем-то похожи на социальные). Это, конечно, не исключает, что отдельные элементы регулирования, уже близкие к социальному типу, у них могли быть⁵⁶. Однако система социального регулирования даже еще не начала складываться.

2. Проясняются и некоторые движущие силы исторического процесса в его начальной фазе, которые обычно как-то затушевываются. Это творческая активность отдельных людей, появление всевозможных комбинаций взаимоотношений лидеров между собой и с коллективом, что сильно увеличивало число вариаций регулирования социальной жизни тем самым давало хорошую возможность эволюционного отбора. Это также возможные влияния выдающихся людей на контактирующие с их собственными

⁵⁶ Книга Поршнева «О начале человеческой истории» это своего рода манифест в защиту тезиса, что люди нижнего палеолита не могут считаться людьми даже переходного плана, а их орудийная деятельность не требовала речи и вполне обходилась одними механизмами подражания. Речь же, вторая сигнальная система, появилась как средство подавления (торможения) регуляторов первой сигнальной системы.

Бесспорно, Поршнев слишком категоричен, определяя троглодитов как особого плана животных. И все же многие аргументы его очень и очень весомы и хорошо подтверждают сказанное о невозможности наличия системы (но не отдельных элементов) социального регулирования до верхнего палеолита.

социумы. Благодаря этому происходило подтягивание отстающих обществ к передовым и диффузия различных культурных достижений.

3. Сказанное может лучше объяснить, почему нередко находящиеся географически близко культуры палеолита различаются сильнее, чем располагающиеся за тысячи километров друг от друга. Например, «индустрия западного и восточного ориньяка на огромной территории, от Франции до Дона, ближе, чем индустрия западного ориньяка, шательперрона и перигора, существующие практически на одной территории и в одних и тех же условиях»⁵⁷. Автор цитаты склоняется к совершенно верной мысли, что «эти различия отражают особенности в сфере культуры (традиций, верований, знаний) групп первобытного населения»⁵⁸.

Однако откуда взялись традиции? И почему они были во много раз слабее выражены в нижнем палеолите, чем в верхнем? Идея, что традиции не были данностью, а вырабатывались и формировались под влиянием интеллектуальной деятельности отдельных лидеров, а потом становились уже данностью, лучше отвечает на поставленный вопрос.

4. Яснее видна неравномерность развития разных обществ и некоторые (помимо природного фактора и изоляции) причины такой неравномерности, связанные с наличием или отсутствием указанных лидеров. Поскольку появление выдающихся людей было редкостью, можно предположить, что ординарные общества были таковыми во многом потому, что они таких лидеров не имели. Следовательно, наличие каких-то значительных достижений в отдельных местах является не нормой, как это нередко представляется, а более редким случаем, который иногда оказывает влияние на соседей.

Хотелось бы отметить, что во все времена число обществ ординарных было гораздо больше, чем неординарных. Так было и в указанный период. Подтверждением этому является следующий факт. Только меньшинство палеолитических стоянок содержит остатки произведений искусства, при этом они концентрируются в сравнительно ограниченных зонах. «Отмечено, что палеолитические стоянки, содержащие произведения искусства, концентрируются в определенных районах. Статуэтки из камня и кости и предметы с орнаментом в европейской части СССР найдены только на 33 стоянках из известных 700 позднепалеолитических местонахождений,

⁵⁷ Долуханов П. М. География каменного века. М.: Наука, 1979. С. 82.

⁵⁸ Там же.

а серии таких предметов встречаются еще реже»⁵⁹. Зато на некоторых стоянках находок, свидетельствующих о развитии духовной культуры, обнаружено очень много⁶⁰.

5. Становится очевидным, что не только конец первобытности, но и ее начало представляли собой весьма пеструю картину и по уровню развития, и по характеристикам, и по набору социальных отношений в обществах⁶¹.

Тут хотел бы добавить, что в связи с указанной неравномерностью и тупиковостью ряда направлений, вероятно, масса социумов представляла собой еще не чисто социальные, а симбиотические образования, в которых биологические способы приспособления к изменяющейся природной среде играли большую роль, а язык был очень-очень неразвит⁶². Некоторые из них исчезли, другие смогли измениться под влиянием внутренних процессов или более развитых соседей.

(Продолжение следует)

⁵⁹ Авдусин Д. А. Археология СССР: Учебник, 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1977. С. 36.

⁶⁰ Например, на стоянке Сунгирь под Владимиром, возраст которой 25 тыс. лет, «найден погребение мужчины, сопровождаемое большим количеством украшений, представленных ожерельями бус из бивня мамонта (их 3500) и просверленных зубов песка, а также пластинками, сделанными тоже из бивня мамонта. В трех метрах от этой могилы располагалась другая, где было погребение двух детей: Девочки 7 лет и мальчика 12 лет... Костяки густо посыпаны охрой. Украшений здесь еще больше, чем в первой могиле» (Авдусин Д. А. Основы археологии: Учебник для вузов. М.: Высшая школа, 1989. С. 39). Да это уже целое производство, здесь, видимо, были постоянные мастера-умельцы, обтачивающие и сверлящие кости и зубы.

⁶¹ И это является ответом на вопрос Л. А. Файнберга «насколько древним является такое разнообразие социальных форм. Существовало ли оно в каменном веке или же характерно только для современных отсталых этнографических групп, в течение Длительного времени живших и развивавшихся на периферии классовых обществ и находившихся под их влиянием или составивших устойчивые изоляты?» (Первобытное общество. М.: Наука, 1975. С. 64).

⁶² Наличие среди известных первобытных народов множества малых рас — одно из доказательств сказанному. Можно предположить, что таких рас в начале и середине верхнего палеолита было еще больше, поскольку многие из них исчезли под влиянием разных причин, включая и прямое уничтожение. О морфологических приспособлениях охотничье-собираТЕЛЬСКИХ народов к экологической обстановке в п-лиге см.: Казанков А. А. Особенности адаптации охотников-собираТЕЛЕЙ в полупустынных зонах: эгалитаризм как эволюционная альтернатива / Альтернатив пути к цивилизации: Кол. Монография/ Под ред. Н. Н. Крадина, А. В. Корогае Д. М. Бондаренко, В. А. Лынши. М.: Логос, 2000. С. 207-218.

§ 5. Дозэкономический тип отчуждения: общая характеристика*

5.1. Общая схема развития доэкономического типа отчуждения

Объяснение названия понятия «**дозэкономический** тип отчуждения» и его характеристики будут даны несколько позже. Сначала рассмотрим схему его развития в целом.

1 -й этап — преодоление остающихся еще биологических способов регулирования общественной жизни и формирование первичной системы собственно социальных отношений. Однако в каждом коллективе социальность еще неразвита и однобока, ее формы во многом зависят от личных качеств отдельных лидеров. Контакты между обществами нерегулярны и мало связаны с распределительными отношениями. Поэтому развитие разных коллективов идет очень неравномерно.

Пищи достаточно много, и ее обычно хватает всем. Однако четких правил раздела продукции еще нет, они во многом определяются индивидуальными особенностями членов коллектива, некоторые преимущества имеют более умные, властные, сильные.

2 -й этап. Расширение отношений с другими коллективами. Формы контактов еще незрелые и неустойчивые, но они уже теснее связаны с распределительными отношениями, в частности возникает обмен между общинами¹. В результате происходит некоторое выравнивание уровня развития за счет подтягивания отстающих коллективов к передовым. В целом можно говорить о формировании системы **незрелого** доэкономического типа отчуждения.

3 -й этап. Развиваются разнообразные, в том числе брачные, контакты между коллективами. Развитие орудий труда приводит к увеличению роли индивидуальной охоты и лучшему учету вклада людей в обеспечение всего коллектива. В результате начинает устанавливаться новый баланс между коллективом и личностью, то есть открывается процесс перехода от примитивного коллективизма

¹ По мнению Алексева, обмен между отдельными хозяйственными коллективами возник, очевидно, на самых ранних этапах истории (Алексеев В. П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. С. 373). В. М. Массон также указывает, что обмен сырьем и украшениями имел место уже в верхнем палеолите (см. Массон В. М. Обмен и торговля в первобытную эпоху // Вопросы истории. 1973. № 1. С. 79).

* Продолжение. Начало см.: Философия и общество. 1997. № 1–6; 1998. № 1–6; 1999. № 1, 2, 3, 5; 2000. № 1–4. 2001. № 1.

в распределении к коллективизму развитому.

4 -й этап. Тип отчуждения вступает в зрелость. Многое из того, что только появляется в третьем этапе, теперь становится распространенным. В частности, поскольку жены и мужья были из разных коллективов, приобретают важное значение распределительные отношения, связанные с браком. Правила раздела усложняются и лучше учитывают индивидуальный вклад людей. Растет престиж наиболее удачливых добытчиков. Оформляется половозрастное неравенство. Расширяется хозяйственный обмен между общинами.

5 -й этап. Переход на охоту на мелкую и среднюю дичь и новые виды деятельности ведут к усилению учета индивидуального вклада и хозяйственной роли семей. Идет поиск оптимального баланса между интересами коллектива, семьи, индивида. Существенно увеличивается возможность создания запасов и получения излишков пищи, а также *выделяются престижные блага именно как символ накопления богатства*. Вместе с этим появляется все больше случаев, которые не подпадают под традиции, что ведет к образованию несоответствия между старыми общественными формами и новым содержанием. В некоторых обществах усиливается половозрастное неравенство.

6 -й этап. В связи с ростом социальной значимости престижных благ и увеличением излишка благ в целом, растет стремление уйти от обязательного распределения в своем коллективе. Но это натывается на препятствия в виде обычаев, традиций и морали, направленных на щедрость и мешающих накоплению богатств в руках отдельных людей. Отсюда расширение распределительных контактов вне своего коллектива, что увеличивает возможности более свободного распоряжения благами. Возрастает роль престижной экономики. Помимо половозрастного неравенства, появляется, хотя и слабое, имущественное.

В конце шестого этапа в некоторых обществах основное противоречие, которое выражается в незаинтересованности охотников-собирателей в увеличении объема добычи сверх определенных нужд, разрешается. Тогда побеждает посемейное распределение, увеличивается стремление к накоплению благ, могут выделяться богатые люди как уважаемые члены общества, так как богатство дает определенный престиж.

Следует также указать — хотя в данном параграфе я не

акцентирую на этом внимание, — что при всех сложностях выделения каких-то линий развития для первой формации, все же о двух ее главных линиях условно можно говорить. Назовем их **европейско-сибирской**² и **ближневосточной** (это прежде всего Левант и Египет). Если в период первой половины верхнего палеолита европейская линия была несколько впереди, то затем в результате климатических изменений с конца палеолита вперед вышла ближневосточная, где появились высокоспециализированные собиратели, а в мезолите — и первые земледельцы.

5.2. Путь к зрелости

5. 2. 1. Первые шаги к формированию системы доэкономического типа отчуждения

Можно считать, что уже во втором этапе формируются определенные важные моменты нового типа отчуждения. Но общества еще были недостаточно зрелыми, чтобы порядок раздела, его очередность и прочее могли носить институционализированный (безличный) характер. Строгих, непререкаемых, независимых от воли членов этих древних коллективов уравнительных обычаев распределения еще не было. Напротив, оно было связано с конкретными личными качествами членов коллектива и особенностями их взаимоотношений.

Поэтому полагать, что уже в самых древних первобытных обществах *Homo sapiens* распределение подчинялось четким и строгим коллективистским идеям и правилам, как это делает, например, Ю. И. Семенов, неверно³.

² Такое объединение довольно разных культур Сибири и Европы связано с тем, что влияние оледенений в некоторых смыслах сближает их и отличает от регионов, удаленных от ледников. Но, конечно, для иных задач правомерно говорить отдельно о европейской и сибирско-азиатской линиях. Относительно последней есть предположение, что эта «древняя своеобразная культура верхнего палеолита, следы которой обнаружены на всем пространстве Северной Азии, возникла где-то в центре Азии, всего вероятнее в Северной Монголии, где больше всего найдено ее остатков, а затем распространилась оттуда на юго-восток — к реке Хуанхэ, на север — в Якутию и на запад — к Уралу, а также по направлению к верховьям Иртыша» (Всемирная история: В 10 т. Т.1. М.: Политиздат, 1956. С. 81). Относительно Передней Азии считается, что она «в каменном веке была переходной зоной, отразившей в своей материальной культуре влияние как сибирскомонгольских, так и восточносредиземноморских культур» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 155).

³ Следует сказать, что Семенов — один из очень немногих, у кого не только есть цельная концепция развития «экономических» отношений в первобытности, но и кто пытается показать

«Ни один член коллектива не мог удовлетворять свою потребность за счет подавления потребности других его членов»⁴. Так было, полагает Семенов, изначально и уже в самом примитивном обществе «действовал принцип: от каждого — по способностям, каждому — по потребностям»⁵.

В отличие от него, я считаю, что вектор развития шел не от столь совершенного и строгого коллективизма к появлению все больших элементов индивидуализма, а от коллективизма и индивидуализма (всегда сосуществовавших вместе) **неразвитых ко все более институционализированным. Институционализация отношений распределения в общем виде означала уменьшение зависимости от индивидуальных особенностей людей и их взаимоотношений и усиление роли не зависящих от воли и сознания людей правил и обычаев.**

В прошлом параграфе мы много говорили о том, что даже после появления человека разумного общество с отлаженными социальными отношениями сразу сформироваться никак не могло. Конечно, раз люди были вынуждены совместно жить и совместно охотиться, коллективизм присутствовал уже в самом начале верхнего палеолита, но он был примитивным. Его можно определить как коллективизм, во-первых, недостаточно учитывающий права индивидов; во-вторых, в своих проявлениях гораздо сильнее зависящий от конкретных качеств конкретных людей, чем в зрелых первобытных обществах; в-третьих, узкий, поскольку системных связей с другими коллективами еще нет. А раз собственный коллектив является предельным образованием, то нет и явной актуальной оппозиции свой— чужой. Отсюда и представления о правах члена и нечлена коллектива еще нечеткие, аморфные.

Поскольку заставить кого-либо охотиться для себя, ничего не делая (равно как и отстранить кого-то от охоты), было невозможно и поскольку для облавных охот (и других целей) требовалось много людей, то так или иначе интересы всех участников охоты и членов стойбища принимались во внимание. Но отнюдь не в идиллической мере. И отношения в коллективе не могли не строиться в связи с

эволюцию этих отношений и коллективизма в целом. У него, бесспорно, есть много верных и интересных мыслей, на некоторые из них я ссылаюсь в этом параграфе. Однако далеко не со всеми его идеями можно согласиться.

⁴ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 19.

⁵ Там же. С. 16.

личными качествами людей. Поэтому неравенство имело место в виде разной очередности, получения лучших кусков, преимуществ того, кто может больше съесть, отстоять свое. Однако все это имело характер не санкционированного обществом неравенства, а естественного преимущества сильного, хитрого, умного, властного перед слабым, медлительным, глупым, покорным и т. д. Но эти преимущества нужно было постоянно подтверждать.

Разумеется, постепенно какие-то правила в древних обществах выкристаллизовывались и складывались в систему. Этому могло способствовать и то, что постепенно возрастала роль иных, кроме загонной, форм охоты на крупных животных, в частности, нападения группы охотников (а не всего коллектива) на отдельных крупных животных. Интересным примером здесь является охота на пещерных медведей, которых некоторые ученые называют «мясным скотом» охотников каменного века⁶. Среди способов охоты преобладало открытое нападение на тропах и пастбищах группами охотников⁷. Подобного рода охоты и охотничьи экспедиции неизбежно закладывали какие-то правила и создавали прецеденты раздела добычи как между самими охотниками, так и внутри коллектива.

Таким образом, в известной мере древние общества были даже эгалитарнее, чем этнографические, так как их основная деятельность была связана с коллективной (а не групповой и индивидуальной) охотой, в которой принимали участие все и от которой (хотя и не поровну) получали все. Но с другой стороны, древние коллективы были в чем-то неэгалитарнее современных, так как не было четкого баланса интересов личности, группы и коллектива. И то, и другое свидетельствует о неразвитости отношений.

Серьезные возражения вызывают также представления Семенова о первых, этнографически незафиксированных этапах развития первобытного общества. В частности, это касается выделения особой стадии развития, на которой господствовали — в его терминологии — разборно-коммуналистские отношения.

«Суть разборно-коммуналистских отношений заключалась в том, что вся пища находилась не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Ею мог

⁶ Верещагин Н. К. Почему вымерли мамонты. Л.: Наука, 1979. С. 67.

⁷ Там же. С. 70.

распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов, взятый в отдельности»⁸. По Семенову, это выглядело так: «...каждый член праобщины получал свободный доступ к добыче. Он мог, никого не остерегаясь, подойти к туше, оторвать кусок и тут же съесть его. Если этого было недостаточно, он мог взять и потребить другой кусок. Но *унести хотя бы небольшую часть мяса с собой он не имел права*, ибо это означало бы отстранение всех остальных от доступа к данной части продукта»⁹. Такой поступок считался нарушением первой в истории человечества нормы поведения и сурово наказывался¹⁰.

Это высказывание вызывает недоумение. Совершенно неясно, во-первых, какова была очередность подхода к туше и кто за этим следил, во-вторых, кто определял лучшие и худшие куски. В-третьих, кто следил за тем, чтобы одни, находясь у туши, не съели больше, чем другие? Наконец, вовсе не понятно, каким образом жарилась пища? Не потреблялась же она сырой? Нет, конечно (за исключением некоторых частей, типа печени), она жарилась. Но не целиком же вся туша? Скорее, каждый брал свою долю и жарил ее индивидуально. Об этом свидетельствует то, что на целом ряде очень древних верхнепалеолитических стоянок зафиксированы не один, а много очагов, у которых сидели то ли семейные пары, то ли группки более дружественных друг другу людей.

Следующий этап эволюции распределительных отношений первобытности, по Семенову, выглядит как некий отход от идиллического коммунизма к индивидуализму. Этот этап связан с тем, что теперь уже члены коллектива необязательно должны были сразу потребить (что называется, не отходя от туши) свою долю. Новые отношения, названные им разделоделением, «прежде всего состояли в том, что индивиду выделялась доля общественного продукта, которой он мог распоряжаться. Часть этого продукта он потреблял, часть использовал для разных социальных потребностей, в частности для дарения»¹¹.

Я думаю, что выделяемые Семеновым формы распределения

⁸ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 18.

⁹ Там же. С. 17 (курсив мой. — Л. Г.).

¹⁰ Там же.

¹¹ Семенов Ю. И. Введение во всемирную историю. Вып. 2. История первобытного общества. М.: МФТИ, 1999. С. 18.

пищи в древних первобытных обществах в чистом виде никогда не существовали, тем более как последовательные стадии эволюции распределительных отношений. Первобытный человек всегда имел возможность съесть сразу или оставить кусок на завтра, если он не был голоден, съесть свою долю один или поделиться с кем-то.

5. 2. 2. Формирование зрелого типа отчуждения

Третий этап характерен тем, что уже создаются элементы зрелого типа отчуждения, которые окажут в будущем большое влияние на формирование всей общественной системы.

Во-первых, в связи с установлением более прочных контактов начинает оформляться хозяйственная территория как территория коллектива в противоположность территории других коллективов. Правда, есть мнение, что, поскольку в эпоху верхнего палеолита плотность населения была небольшой и было много свободных территорий, «для охотников и собирателей верхнего палеолита и мезолита какие-то формы собственности на территорию были менее характерны, чем для низших охотников и собирателей этнографической современности»¹².

Однако все-таки думается, что пусть не для всех, но для некоторых коллективов проблема границ хозяйственной территории становилась актуальной уже весьма давно. Вероятно, там, где население реже и территория скуднее, границы хозяйственной территории слабее и прозрачнее, а там, где местность изобильнее, производительность выше, плотность населения выше, при прочих равных условиях и соблюдение границ строже¹³.

Во-вторых, в это время формируется система определения личных долей охотников, развивается идея личной собственности на некоторые вещи. Усложняется и вся система дележа, укрепляются контакты и обмен между индивидами и семьями разных коллективов.

В-третьих, возможно, начинается более четкое оформление полового неравенства в связи с тем, что супруги принадлежали к разным родам. В распределении начинает учитываться более близкое и более дальнее родство и свойство.

В течение четвертого этапа обозначаются главные направления

¹² История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 206.

¹³ См. там же. С. 205—207.

развития и формируется первичная система зрелого типа отчуждения. Но она еще не завершена. Ее полная зрелость достигается в пятом этапе.

Важнейшая тенденция заключалась в развитии более формализованной системы правил распределения. Этому особенно способствовали появление лука (или аналогичного оружия: копьеметалки, бумеранга, духовой трубки) и возможность добывать пищу малыми группами или индивидуально. Роль индивидуальной или небольшими группами охоты стала очень заметной на этапе высокой зрелости. И, думается, в течение длительного времени шел поиск наилучшего учета потребностей той части коллектива, которая нуждалась в перераспределении пищи, и добытчиков.

Там, где последние лишались стимулов к увеличению своих усилий, общество оскудевало. Там, где побеждал индивидуализм, ослабевали социальные связи и общество деградировало. В конце концов сформировались достаточно сложные системы, с одной стороны, обязывающие делиться, с другой — учитывающие «трудовой вклад». Это позволило создать хороший социальный баланс в коллективах. Однако формализация правил раздела вела к тому, что охотники прибегали к различным уловкам, чтобы иметь право получить при разделе больше¹⁴.

Другая тенденция связана с расширением круга лиц и групп, включенных в распределение и обмен, за счет расширения, уплотнения и упорядоченности соответствующих контактов и связей. Возрастает роль межобщинного обмена, а также и посредничество в таких отношениях¹⁵. «Археологические изыскания... подтверждают, что в Европе, Азии и Африке на верхнепалеолитических стоянках имеется немало предметов неместного происхождения, нередко при этом из довольно отдаленных для этого времени мест. Главным

¹⁴ Например, у некоторых северных племен существовал обычай, по которому охотнику доставался олень, который умирал на суше, а коллективу — те, которые погибли в воде. Били оленей на переправе. В этом случае охотники стремились только ранить животных в воде, чтобы добыть их на берегу и взять оленя себе.

¹⁵ Уже в конце палеолита и мезолите обмен различных вещей и материалов в некоторых случаях играл существенную роль. Например, на территории Индостана, по свидетельству А. Я. Щетенко, такой обмен носил сложный характер. «Мезолитические поселения, удаленные от основных источников сырья, получали его путем опосредованного обмена из различных мастерских по добыче камня, поэтому в некоторых контактных зонах существовали орудия, изготовленные из материалов всех перечисленных выше зон (зона кремня и кремнистого сланца, зона агата, халцедона и яшмы, зона сланца и кварцита. — Л. Г.)» Цит. По: Румянцев А. М. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М.: Наука, 1987. С. 178.

образом это были кремьень, сланец, обсидан, лазурит, янтарь, морские раковины и ряд других подобных предметов»¹⁶.

Таким образом, в третьем этапе возникают, в четвертом достигают зрелости, а в пятом приобретают полные характеристики направления, связанные с переходом от неразвитого коллективизма к институционализированному, с одной стороны, и от естественного индивидуализма к индивидуализму, ограниченному правилами — с другой. Механизмы отчуждения с того момента, как отношения институционализируются, все заметнее приобретают характер надличностный и безличностный, хотя конкретные качества людей и их отношений всегда играли важную роль.

5. 3. Система доэкономического типа отчуждения

5. 3. 1. Понятие доэкономического типа отчуждения

Я уже объяснял, почему построил названия типов отчуждения вокруг понятия «экономический»¹⁷, хотя, разумеется, для типа отчуждения первой формации вполне подошли бы названия первично-коллективистский, коммуналистский и другие.

В противоположность усиленным (и бесплодным) попыткам применить к анализу распределительных отношений первобытности политэкономические методы, некоторые исследователи всегда подчеркивали, что в эти эпохи

«...неэкономическая сторона производства господствовала над первой, экономической его стороной» (Н.Тер-Акопян)¹⁸. Но еще точнее будет сказать, что здесь еще вообще нет экономической стороны, а есть только отдельные, похожие на экономические, моменты. Иными словами, и в период зрелости здесь отсутствует даже слабый сектор, где имеется хоть какая-то экономическая система распределения. Ретроспективно некоторые ее признаки угадываются только на высших этапах этого типа отчуждения, но именно как во многом инородные доэкономическому отчуждению. Формируется же как система (хотя и второстепенная) она только во второй формации.

Таким образом, доэкономическим тип отчуждения называется, во-первых, потому, что собственно экономики нет еще, поскольку и производства-то нет, а есть только присвоение продуктов природы,

¹⁶ Румянцев А. М. Ук. соч. С. 170.

¹⁷ См. настоящую работу // Философия и общество. 2000. № 4. С. 17—19.

¹⁸ Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 83.

и человек еще не отделен от природы.

Во-вторых, потому, что добытчик включен в тот или иной коллектив по обстоятельствам вовсе или мало зависящим от его желания, воли, выбора, заинтересованности, а значит, над распределением довлеют первичносоциальные моменты коллективизма, родства, половозрастного положения и прочего, что изменить невозможно. При изначальной принадлежности к определенному коллективу и почти абсолютной необходимости быть с ним связанным невозможно отделить экономическую и неэкономическую стороны. Так же, как это невозможно сделать сегодня в обычной семье, которая существует прежде всего как брачнородственная ячейка и в которой один котел и один карман.

В-третьих, нет заметного социального и имущественного неравенства, эксплуатации, замкнутых социальных групп. Труд еще не стал уделом неравноправных.

Дозэкономический тип отчуждения характерен тем, что от производителя отчуждается часть добытого им продукта. Иногда основная часть. Таким образом, блага делятся так, чтобы, с одной стороны, поддержать жизнедеятельность коллектива (или его части) и воспроизводить те элементы неравенства, что утвердились в каждом обществе, а с другой — чтобы все же в определенной мере учитывать индивидуальный вклад человека.

Следовательно, можно говорить об отчуждении труда и личности производителя первобытным коллективом с помощью соответствующих обычаев, традиций, запретов и поощрения щедрости. Значит, наиболее сильные, энергичные и удачливые люди не имели равноценной своему вкладу доли, подобно тому как это постоянно бывает в семьях или в коллективах, где все трудятся поразному, а получают более-менее одинаково. Все это лишало людей стимулов к увеличению производства и накоплению излишков.

5. 3. 2. Главные черты доэкономического типа отчуждения

Уже где-то в конце палеолита и в мезолите складываются первые варианты зрелого доэкономического типа отчуждения. Можно предположить, что эти варианты существенно отличались от известных нам. И все же, полагаю, что в наиболее абстрактных характеристиках древние и этнографические общества были похожи. Укажем на некоторые очень важные характеристики

доэкономического типа отчуждения. Эти черты проявляются в зрелости, но особенно ясными становятся на этапе высокой зрелости.

1. В известном смысле тип отчуждения можно назвать **равнообеспечивающим**, но **неравным**. Фактически распределение благ не было и не могло быть равным, но, по крайней мере, в идеале, пищи должно быть достаточно, чтобы накормить всех. С одной стороны, для многих охотников и собирателей так же, как для бушменов, «немыслимо, чтобы одна семья имела много пищи, а другие ничего»¹⁹, но с другой — распределение учитывает и индивидуальный вклад и более высокий статус отдельных людей²⁰.

2. Коллектив хотя и не без конфликтов, но достаточно эффективно подчиняет и примиряет требования и желания отдельных людей и групп в распределении пищи и других благ. Для этого применялось множество правил и обычаев, которые сглаживали соперничество и напряжение и должны были «помочь людям избегать ситуаций, возбуждающих враждебность, зависть и недоброжелательство»²¹, не умаляя полностью разницы в распределении.

3. Для реализации того, о чем сказано в п. 1 и 2, существовали специальные правила дележа добычи. Они в каждом племени могли быть особыми и зависели от разных причин (в огромной степени от типа хозяйствования и методов охоты, рыбной ловли). Где-то охотник получал лучшую долю, где-то даже худшую. Нередко главарь, старейшина, вождь первым делил добычу и брал себе самый лучший кусок.

Например, у пигмеев «всякая дичь, убитая из лука, запрещена, — *соха*, пока вождь не отведает ее. Запрет не распространяется на

¹⁹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 152.

²⁰ Правила распределения добычи у бушменов и пигмеев показывают, по словам Фолько Куиличи, что эти народы «нашли весьма разумное соответствие между правами коллектива и отдельного человека» (Куиличи Ф. Тысяча огней / Пер. с ит. М., 1969. С. 329). Куиличи же пишет, что у пигмеев «тот, кто первым нашел старицу, полную рыбы, фруктовое дерево или дикий мед, получает самую большую долю и сам распределяет остаток между пигмеями» (Там же).

²¹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1968. С. 152.

У бушменов (и у многих других) «наиболее важные среди этих обычаев — распределение мяса и дарообмен...» (Там же). «Как сообщают этнографы, слишком энергичного охотника или собирателя могли высоко ценить, но только до определенного предела, за которым начинали действовать чувства зависти и обиды. Удачливого охотника могли обвинить в неправильном распределении добычи и скупости. В результате после серии удачных охот и распределений охотник мог на время прекратить свою деятельность, чтобы дать и другим мужчинам шанс попробовать себя» (Семенов Ю. И. Ук. Соч. С. 69).

печень, которую охотники едят на месте, но которая для женщин остается при любых обстоятельствах *соха*. В добавление к этим общим правилам существует *соха* для определенных функциональных или социальных категорий. Так, жена охотника может есть только мясо и сало с задней половины животного, внутренности и лапы. Эти части убитого животного составляют порцию, предоставляемую женщинам и детям. Мальчики-подростки имеют право на брюшную полость, почки, половые органы и вымя, а охотник на лопатку и ребра правой или левой половины животного. Доля вождя состоит из толстого куска от каждой четверти и от каждой филейной части и по котлете с каждого бока»²².

4. Сказанное в п. 1—3 вполне объясняет, почему в развитых первобытных коллективах одновременно действовало несколько форм и даже систем распределения благ и существовали разные формы обмена с членами других коллективов. Этому могло способствовать и разнообразие хозяйственной деятельности.

5. Часто исследователи отмечают поощрение и даже требование щедрости со стороны удачливых или выдающихся людей. Такая щедрость становится нередко весьма обременительной и тяжелой. Но она же и побуждает людей добывать (иметь) несколько больше, чем они могли бы в иных случаях. Можно считать (как и делают некоторые ученые), что в известной мере щедрость и особый вклад человека в обеспечение коллектива обменивались на повышенный престиж и более высокий статус. Но такой обмен в смысле возврата благ был неэквивалентным.

6. Распределение благ, прав и обязанностей во многом вытекало из родственных и брачных отношений. Но это становилось более заметным уже на высших этапах формации.

7. Сами браки могли превращаться в удобный канал установления хороших отношений и хозяйственных контактов между общинами, родами и племенами, в том числе и связанных с правами охоты и собирательства в группах отдельно проживающих родственников. В Австралии это давало права на использование дополнительной хозяйственной территории, причем даже не с момента брака, а с момента, так сказать, помолвки. «Как только женщина была обещана мужчине, он, его другие жены и их дети

²² См.: Леви-Строс К. Первобытное мышление. М.: Республика, 1994. С. 194.

имели право охотиться и заниматься собирательством на территории локальной группы обещанной ему женщины и своей собственной группы. Если мужчина брал нескольких жен из разных локальных групп, он получал право на использование земель этих групп. Такой охотник имел большой авторитет в обществе, поскольку был связующим звеном между различными локальными группами...»²³

8. По крайней мере, потенциально коллектив имеет права на личность (чаще часть коллектива или какой-то его слой, например старшие мужчины, семья и т. д.). Иногда такое право проявляется достаточно ярко, особенно в вопросах брака. Но в целом эти формы станут актуальными позже, в начале нового типа отчуждения, когда право коллектива на личность (особенно на женскую) вырастет.

5. 3. 3. Некоторые пояснения к характеристике типа отчуждения

1. Совершенно неправильно представлять первобытное общество как общество, в котором поведение людей было всегда жестко обусловлено. Нет, определенная свобода действий и выбор линии поведения имелись всегда. Их степень колебалась от общества к обществу, но порой могла быть весьма большой.

Однако, во-первых, сами условия жизни ставили жесткие границы для свободы и выбора. Поэтому свобода состояла не в том, делиться или нет, а в том, с кем именно и в какой пропорции поделиться в первую очередь, а с кем во вторую, третью и т. д.; не в том, трудиться или нет, а в том, к какой именно группке из большого коллектива временно присоединиться.

Во-вторых, многое ограничивалось тем, что позволяли правила и обычаи, интересы других людей и коллектива в целом. Выглядело это примерно так, как это было у эскимосов ихалмютов: «Да, таков первейший нерушимый закон этих краев: то, что делает человек, священо, и никто не имеет права вмешиваться в его дела, за исключением лишь таких случаев, когда действия одного человека могут представлять опасность для остальных членов общества. Но это вовсе не значит, что здесь отказывают соседу в помощи, если он в ней нуждается. Наоборот, второй и, вероятно, самый главный закон Барренс гласит: пока хоть в одном жилище имеется еда, снаряжение или человек, обладающий физической силой, никто в стойбище не

²³ Роуз Ф. Аборигены Австралии / Пер. с англ. М., 1981. С. 45.

должен испытывать нужды в этом»²⁴.

Чрезмерная свобода, в том числе в распределении благ, которые принадлежали определенному добытчику, угрожала самому существованию коллективистских отношений и обществу²⁵.

2. Способы и степень перераспределения были различны. Они сильно зависели как от способа хозяйствования, так и от объема добываемых благ, равно и возможности или невозможности запастись блага на определенный срок. Наиболее распространенными поэтому были привилегии на более ценную пищу, иногда на редкие вещи.

3. Полное отчуждение продукта с последующим распределением было нечастым явлением. В небольших коллективах при отсутствии особого аппарата обычно не было смысла централизовать и затем распределять продукт. Отчуждалась лишь его часть. Там же, где население было разреженным, отчуждение вообще существовало как бы в потенциальном виде, то есть не постоянно, а в отдельных случаях (при потребности в помощи, при появлении гостя и т. п.).

4. Во многих обществах наибольшие тяготы человек нес именно в связи с браком. Ведь для обретения определенного статуса мужчина (юноша) обязан был жениться. Но он или должен был отдать взамен женщину в другой коллектив, или как-то отработать за нее ее родичам²⁶. При малочисленных коллективах простой обмен женщинами нередко был затруднен и порой приходилось долго ждать возможности вступить в брак. А до этого события мужчина мог иметь повышенные обязанности (по сравнению с женатым, обеспечивающим свою семью) перед коллективом или его частью.

Отработки или своего рода выкуп за жену были весьма распространены. Например, так было у тасманийцев²⁷, у

²⁴ Моуэт Ф. Люди оленьего края / Пер. с англ. М.: ИЛ, 1963. С. 175.

²⁵ «Неопределенность, которая возникала в обществе в результате такой свободы при каждой конкретной раздаче, с неизбежностью порождала напряженность, трения и даже конфликты (Семенов Ю. И. Ук. соч. С. 55).

²⁶ Леви-Строс вообще говорил о циркуляции женщин между кланами, линиями или семьями как о важнейшей, фундаментальной особенности примитивных обществ, как своего рода их особом языке, как множестве операций, обеспечивающих возможность общения между группами и индивидами (см.: Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. М.: Наука, 1983. С. 56—58).

²⁷ Временное (доили послебрачное) поселение брачной пары в группе жены во многом объясняется тем, что «жених или муж обеспечивает пищей родителей своей невесты или жены в порядке своего рода выкупа, компенсации группе, к которой принадлежит или принадлежала женщина, за потерю в ее лице рабочей силы...» (Кабо В. Р. Тасманийцы и

австралийцев, бушменов²⁸ и других.

5. Указанная ситуация позволяет сделать вывод, что хотя накопление материальных благ было по производственным и общественным причинам затруднено или невозможно, тем не менее в некотором смысле накопление все же имело место. Только оно было не имущественным, а социальным и потому носило скрытый характер. И во многих случаях такое накопление было связано именно с выгодами, которые получали родители (родственники) невесты и молодой жены (иногда и жениха). Используя язык политэкономии, их можно было бы образно определить как своего рода **брачную ренту**.

5. 4. Основное противоречие

5. 4. 1. Суть основного противоречия

Я уже говорил, что в нашей науке, особенно в политэкономии, которая в известной мере давила на ученых-первобытников, была распространена идея о хронической нехватке продуктов у охотников-собирателей и что такая нехватка и выступала как основное противоречие, ведущее к развитию, в частности изобретению земледелия. Внешне логичное, это заключение оказывалось неверным, поскольку не подтверждалось фактами. Напротив, выяснилось, что многие охотники, собиратели, рыболовы в обычное время сравнительно легко обеспечивали себя пищей, затрачивая на это в среднем в день 2—5 часов.

Бесспорно, у них нередко возникали нехватка пищи и время от времени голодовки, связанные с отклонениями в природных процессах. Конечно, неожиданное отсутствие дичи, засуха или нечто подобное тяжело отражалось на общинах. Но в целом воздействие таких черных полос было аналогичным тому, что наблюдалось у земледельцев и скотоводов: решительного влияния на развитие производства они не оказывали.

В нормальное же время чаще всего пищи хватало, а нередко ее было больше, чем нужно. С учетом же того, что первобытные люди

тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. С. 131—132).

²⁸ «Хотя браки в большинстве общин вирилокальны, молодые семьи от двух до десяти (выделено мной.— Л. Г.) лет живут в общине родителей жены, а многие остаются в ней навсегда.... В это время муж обеспечивает охотничьей добычей родителей жены и других членов ее общины... Бушмены видят смысл временного поселения молодой семьи в общине родителей жены именно в том, что муж должен помогать им, а фактически всей общине» (Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 143).

умели наесться на несколько дней вперед и относительно легко переносили голод в течение нескольких суток, ситуации неравномерности в получении пищи не были решающей причиной, побуждающей к качественному развитию производства. Главными причинами были смена места обитания и изменение природных условий (и к тому, и к другому нельзя было приспособиться, не меняя ничего в производстве), а также обмен достижениями в разной форме.

Таким образом, люди в зрелых первобытных обществах могли производить существенно больше, чем фактически делали, однако не стремились к этому как к хозяйственной и жизненной цели²⁹. Это и составляло (как говорилось в прошлой главе, где приводились соответствующие примеры) основное противоречие первой формации. Его можно сформулировать как **противоречие между возможностью производить больше, но отсутствием стимулов для этого. Иными словами, производитель может, но не считает нужным добывать благ больше обычных потребностей и общественных нужд. Он не стремится к постоянному накоплению пищи и других благ.**

Это было связано как с чисто производственными (техническими) ограничениями, поскольку слабость возможностей для хранения, транспортировки и обмена ставила жесткие преграды для накопления, так и с тем, что сложившиеся на этой материальной базе общественные отношения строго ориентировали людей на беззаботность, «нестяжательство» и необходимость делиться с сородичами. Все вместе лишало их стимулов к накоплению благ.

Основное противоречие касалось не только взаимоотношений между индивидом и коллективом, но и между семьей и общиной³⁰.

Следует напомнить, что это **формационное** противоречие, поэтому в каждом обществе оно проявлялось своеобразно, неполно, какой-то одной частью, где-то могло не играть важной роли. Можно отметить, что чем оптимальнее было количество необходимого продукта, тем естественнее (спокойнее, легче) было

²⁹ Иногда даже люди знали о более производительных способах добычи пищи, но игнорировали их.

³⁰ «Противоречие между общиной и семьей проявляется в том, что каждая из них стремится расширить свои функции в ущерб другой... Суть противоречия в том, что чем крепче община, тем слабее семья, и наоборот» (Бутинов Н. А. Первобытнообщинный строй (основные этапы и локальные варианты) / Проблемы истории докапиталистических обществ. М.: Наука, 1968. С. 132).

перераспределение. Если его добывалось столько, чтобы хватало всем и никто не голодал, но и не слишком много, чтобы возникал постоянный излишек, значит, все функционировало нормально. В таких обществах основное противоречие формации имело место, но не создавало особого напряжения.

Там же, где природные условия были неблагоприятны и существовала нехватка пищи, основное противоречие ослабевало.

При постоянном избытке неизбежными становились попытки индивида оставить излишки себе. Но они натывались на устоявшиеся институты. Такая ситуация вела к обострению основного противоречия.

5. 4. 2. Техническая сторона основного противоречия

Как уже говорилось в предыдущей и в этой главах, пока общества не достигают уровня высокой зрелости, главными в основном противоречии являются прежде всего чисто производственные и технические ограничения. Недостаточная производительность труда и ограниченность возможности транспортировки, хранения, переработки, обмена и прочего не позволяют создать нужный уровень превышения производства над оптимальными потенциями ведущих отношений. Под оптимальными я имею в виду такие потенции, которые достаточно полно раскрывают основные черты отношений и институтов, но не создают необходимости в их изменении.

Указанное же превышение материальных возможностей, появившееся в результате устранения некоторых производственных ограничений, начинает давить на общество. Поэтому преодоление технического противоречия неизбежно ведет к некоторым переменам в общественных институтах. Но все же степень развития производительных сил и степень изменений в общественных отношениях оказывается в конечном счете в пользу первых. А это ведет к обострению общественной части основного противоречия.

Техническую часть основного противоречия первой формации можно определить как *ограниченность возможностей запасать блага на длительный период, хранить, переносить и обменивать их.*

О чисто производственных изменениях в результате преодоления технической части основного противоречия шла речь в предыдущей главе. Это развитие способов запасать пищу (копчение,

вяление, заморозка, консервирование и прочее), появление более совершенных орудий труда (типа сетей, особых ловушек и прочего), развитие некоторых видов транспорта (сани, лыжи и прочее), приручение собак и т. п.

Изменения в отношениях в первобытных обществах выражались в усилении формализованности правил раздела добычи и определения охотничьих долей; усложнении циркуляции благ; в появлении или институционализации некоторых форм неравенства (или напротив сглаживании неравенства); некотором развитии личной собственности; в усилении или, напротив, ограничении личной свободы в занятиях и использовании своего продукта; в усложнении и углублении взаимоотношений с соседями и появлении возможности пользования их охотничьими и хозяйственными угодьями, ряде других вещей.

У кочевых или лесных народов преодоление технической стороны могло носить характер создания очень гибкой производственной организации, когда состав локальных или целевых групп непостоянен, возможность включения в них облегчена.

5. 5. Основные формы и механизмы распределения благ и неравенства

5. 5. 1. Главные линии неравенства

Если мы посмотрим на то, по каким основаниям возникало неравенство и различия в распределении благ у первобытных людей, то можно увидеть три главные линии, которые всегда имели место в любом достаточно развитом первобытном обществе, но, конечно, в разной степени:

- 1) личные качества индивида как человека и добытчика и шире вообще его социальная роль. С этим был связан авторитет человека, а иногда и должность;
- 2) половозрастное положение;
- 3) положение в семье и как родственника, а также его отношение к общине, где он проживает, в смысле наличия больших или меньших прав. Иногда старожилы имели существенные преимущества перед новоселами.

Мне думается, что первый момент являлся и самым древним. Точнее говоря, сначала он был единственным, так как два остальных в неразвитых обществах являлись как бы частью личной

характеристики человека и лишь затем выделились в особые характеристики. Позже социальная роль стала влиять на социальный статус, а авторитет в некоторых случаях (обществах) переходил в то, что называется институционализацией авторитета. Во всяком случае свобода и возможности «для выбора самостоятельной линии поведения» человека в ряде обществ (особенно у австралийцев) сильно зависели от того, как высоко оценивалась социальная значимость человека³¹. Разная социальная роль могла подчеркиваться, например, различием в похоронной обрядности: от почти лишенного всякой церемониальности закапывания тела до многодневных и многолюдных ритуалов, с перезахоронениями и многократными пышными поминками³².

Более обычными были различия при разделе пищи, существовавшие во многих обществах, где «наиболее авторитетные члены общины пользуются некоторыми привилегиями; так им принадлежит исключительное право делить охотничью добычу»³³. Но это, конечно, и значительная обязанность. «Люди, обладающие особыми способностями, как и старейшие члены общины, при распределении охотничьей добычи имеют некоторые преимущества. Те и другие могут отложить для себя лучшие куски, даже если они и не принимали участия в охоте»³⁴.

Таким образом, возможность отклонения от нормы для выдающихся людей (а такая необходимость неизбежно появлялась) нередко как бы санкционируется дополнительными обычаями общества. Другими словами, отклонение от нормы приобретает характер особой нормы для особых людей и случаев. Следовательно, некоторое неравенство между людьми и половозрастными группами также приобретает более упорядоченный характер.

Нужно учитывать и неравенство между коллективами, связанное с использованием лучших территорий, обладанием запасов непищевого сырья, выгодами от географического положения (посредничество и прочее). Известны случаи, когда одни группы отказывались поставлять другим те или иные виды природных

³¹ Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества / Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: Сборник научных трудов: В двух частях. М.: Институт истории СССР, 1991. Ч. 1. С. 58.

³² Там же. С. 58.

³³ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 123.

³⁴ Там же. С. 122—123.

богатств, и это вело к конфликтам.

«Межплеменные и межгрупповые столкновения возникали из-за... нарушения соглашений — когда, например, одно племя отказывало другому в обещанной охре ...»³⁵

5. 5. 2. Эгалитарные и неэгалитарные общества

В нашей науке преобладало мнение о полном социальном равенстве в обществах низших охотников, собирателей и рыболовов. Однако картина в этом плане существенно различна. «Ряд первобытных обществ (бушмены Южной, пигмеи Центральной, хадва Восточной Африки, некоторые группы негритосов Малайзии и т. д.)... характеризовался практически полным социальным равенством. Но вместе с тем ряду, несомненно, первобытных обществ (классическим образцом здесь являются аборигены Австралии), было свойственно явно выраженное социальное неравенство... социальное угнетение одними половозрастными группами других»³⁶.

Поэтому и возникла у некоторых исследователей вполне правомерная мысль о том, что первобытные доземледельческие общества можно разделить на эгалитарные и неэгалитарные³⁷. К первым относят те общества, где нет заметного половозрастного (и иного) неравенства: бушмены кунг и нхаро, пигмеи, хадва, палийаны Южной Индии и некоторые другие³⁸. Ко вторым — такие, где были сильное половозрастное неравенство, заметная институционализация авторитета и прочее. Это прежде всего австралийцы.

Разумеется, такое деление достаточно относительно. С одной стороны, полностью эгалитарных обществ не было (и не могло быть). С другой — то, что характерно для Австралии, не составляет исключения, просто там многие вещи более ярко и четко

³⁵ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. С. 147—148. Сказанное относится не только к тасманийцам, но также и ко многим другим народам.

³⁶ Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: В двух частях. Ч. 1. Введение (автор Коротаев А. В.). С. 5.

³⁷ Одним из лидеров здесь является О. Ю. Артемова (см., например, ее работы:

Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества / Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: Сборник научных трудов: В двух частях. М.: Институт истории СССР, 1991. Ч. 1. С. 44—91; Artemova O. Y. Monopolization of Information and Social Inequality / Alternatives of Social Evolution. Ed. N.Kradin and other. Vladivostok: FEB RAS, 2000. P. 132—137).

³⁸ См.: Артемова О. Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества. С. 68.

обозначены. У андаманцев, например, молодые неженатые охотники обязаны были отдавать лучшую часть добычи старшим мужчинам³⁹. В любом случае следует учитывать, что многие виды как неравенства, так и институционализированного равенства, — это уже признаки высокой зрелости первобытных обществ.

5. 5. 3. Формы и степень неравенства. Способы распределения

В неэгалитарных обществах мужчины среднего и старшего возраста могли работать меньше, а получать больше, чем молодёжь, и активно пользовались трудом и услугами женщин. Помимо этого, за счет многоженства в пользу старших мужчин шло перераспределение женщин и соответственно детей. Раннее обручение последних, иногда чуть не до рождения еще, позволяло уже заранее пользоваться льготами родственников. Это делает более комфортной и привилегированной жизнь старших мужчин. Но в результате молодые мужчины не могут вступить в брак, остаются неполноценными и к тому же вынуждены отдавать часть своей добычи. Естественно, что стимулы к увеличению производства ослабевают (хотя частично это компенсируется поддержкой в обществе элементов соперничества и соревнования).

Хотя ситуация с половозрастным неравенством у австралийцев в чем-то сходна с тем, что было у ранних земледельцев, но есть и важные различия. С помощью жен и детей австралийские охотники накапливают только престиж, а у многих земледельцев отдельные домохозяйства именно за счет большого количества жен могли создавать излишек благ и накапливать богатства.

В неэгалитарных обществах неравенство выражалось также в том, что женщинам и молодёжи было запрещено употреблять некоторую (наиболее ценную, редкую или вкусную) пищу, участвовать в общественных и религиозных делах. «Мотивы табу разнообразны, но ясно, что они связаны с особым социальным значением мясной пищи и **отражают социальную неоднородность первобытного общества**»⁴⁰.

Но и в зрелых первобытных эгалитарных обществах

³⁹ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 89. Это еще раз свидетельствует и о том, что вступление в брак, как важнейший акт для человека, во многих случаях был под контролем у общины или ее ведущей группы.

⁴⁰ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 152— 153 (выделено мной. — Л. Г.).

половозрастное неравенство также нередко имело место, хотя и не играло важной роли и не было ярко выражено. Здесь также встречаются и пищевые табу, и некоторые привилегии старших членов общины, и некоторые преимущества колдунов, администраторов и авторитетных людей, многоженство. Так, у бушменов кунг более одной жены имеют 5% мужчин⁴¹. При этом у бушменов «положение мужчины, имеющего несколько жен, соответственно повышается»⁴². Не следует забывать и о выкупе (отработках) за жену.

Неравенство также может проявляться в экстремальных ситуациях. Например, в некоторых случаях при голоде или других бедствиях были распространены убийства стариков и детей. У эскимосов, в частности ихалмютов, «в тяжелых условиях существования человеческая жизнь... ценится соответственно строго определенной системе приоритета...». На первом месте мужчина-охотник, затем идет его жена; если их несколько — младшая; затем дети. «Старики располагаются на самой нижней ступени этой своеобразной лестницы»⁴³.

И все же для эгалитарных обществ главная форма неравенства была связана именно с основным противоречием формации, когда мужчины (особенно неженатые и молодожены) отдавали, как общее правило, больше, чем получали.

Таким образом, *в некоторых случаях неравенство в распределении благ и обязанностей было в отношении мужчин-добытчиков, а в некоторых — женщин. И едва ли не везде оно наблюдалось в отношении молодежи.* Но в целом неравенство в первой формации не носило чрезмерного характера, поэтому оно не было в числе главных движущих сил качественных перемен в жизни обществ.

Формы неравенства зависели также от особенностей хозяйства, плотности населения, степени оседлости, изобильности местности.

5. 6. Тип отчуждения на высших этапах. Новые тенденции. Разрешение основного противоречия

5. 6. 1 Новые тенденции

На высших этапах приобретают важное значение тенденции,

⁴¹ Там же. С. 155.

⁴² Бьерре Й. Затерянный мир Калахари / Пер. с англ. М.: Мысль, 1964. С. 129.

⁴³ Моуэт Ф. Ук. Соч. С. 179—180.

которые обозначились раньше: развитие и институционализирование половозрастного неравенства, ограничение прав коллектива на добычу, приобретенную индивидуально, и другое.

Очень важным было выделение среди благ таких, обладание которыми повышало престиж человека. Увеличилась возможность «превращения» обычных, повседневных благ в **форму престижных благ** (за счет дарообмена, торговли и прочего). Это открывало перспективы накопления и длительного хранения благ, а также расширяло возможности повысить свой престиж. Теперь он растет не только за счет щедрости при разделе добычи, но и за счет роста распределительных и хозяйственных контактов отдельных людей с представителями других коллективов. Чем больше было таких контактов, тем активнее должен был вести себя человек и тем большее уважение он мог заслужить. Это открывало некоторые потенции для самореализации личности и также способствовало появлению групп с разным статусом⁴⁴.

Но как только появилась возможность накопления престижных вещей, так возникло и стремление уйти от их принудительного дележа. С одной стороны, общество не позволяло человеку собирать богатства. Оно требовало, чтобы он делился и был щедрым. С другой стороны, такая ситуация лишала не только отдельных людей, но и общество в целом стимулов к накоплению. А оно было объективной необходимостью. Таким образом, противоречие нарастало. И до своего коренного разрешения (то есть до перехода к трудовому распределению, к разрешению накапливать престижные блага и прочему) оно как бы отодвигалось различными компромиссными способами.

Раз общество еще не доросло до идеи: то, что человек произвел, принадлежит ему — стремление к богатству начинало реализовываться как бы обходными способами и путями. Внешне «по букве» они соответствовали требованиям общества, но, по сути, «по духу» им противоречили. Человек еще не может просто копить и отказаться делиться, но он уже пытается извлечь максимум выгоды для себя при неизбежном отчуждении благ. Если просто оставить что-либо себе невозможно, то можно, по крайней мере, отдать вещь тому, кто лучше оценит это и потом сделает ответный подарок; если

⁴⁴ Описанные тенденции с особой силой проявились позже — в начале второй формации.

нельзя прямо отказать в просьбе подарить вещь, то можно сказать, что она уже обещана другому. И т. д.

Из этого противоречия развиваются обычаи побратимства, особые договоры между семьями, ранние помолвки детей, дарообмен и престижный обмен, деятельность тайных обществ и многое другое, что станет очень распространенным в начале следующей формации. Любопытной формой являлся обычай обмена охотничьими долями у некоторых племен Американского Севера. «...Родители решали, что их сыновья, став взрослыми, до тех пор, пока они будут жить в одном стойбище и, следовательно, принадлежать к одной общине, будут давать друг другу определенные части убитых ими тюленей. И отцы мальчиков, заключив такое соглашение, сразу же начинали давать друг другу обусловленные части добычи»⁴⁵. Начинается борьба за возможность передачи по наследству⁴⁶, хотя главные «бои» здесь приходится на начало следующей формации.

Итак, налицо стремление выйти за круг тех людей, которые требуют своей доли как бы по праву и считают щедрость обязанностью. Вне этого круга обмен идет более эквивалентный, чем внутри него. Чаще это было возможно при переносе центра тяжести контактов из своего узкого коллектива в иные, в которых обязанности человека делиться не существовало. Это было тем более возможно, что важнейшей тенденцией развития становились расширение предельной хозяйственной территории и увеличение плотности и частоты контактов (либо появление очень крупных общин).

Для расширения такой территории часто используются традиционные институты, которые, однако, сохраняя форму, существенно меняют свое содержание. «Межобщинные связи жизненно необходимы бушменам, поэтому там, где фактические родственные связи отсутствуют, устанавливается фиктивное родство (или «родство по имени», как его иногда называют в литературе), при котором родственниками считаются все, кто носит одно и то же имя. Люди, включенные в систему фиктивного родства, ведут

⁴⁵ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 204.

⁴⁶ «...Можно... предполагать, что наследование личного имущества возникает еще на этапе раннепервобытной общины охотников, собирателей, рыболовов» (История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 208).

себя по отношению друг к другу как родственники»⁴⁷. Подобные способы имеются у многих первобытных народов, в том числе и у австралийцев. Это позволяет наладить хозяйственные контакты и пользование ресурсами там, где фактически родственных связей не может быть по причине отдаленности или иных проблем⁴⁸. «Так тысячи бушменов кунг связаны цепью фиктивного родства от Анголы на севере до Ботсваны на юге»⁴⁹.

5. 6. 2. Престижная экономика как строительные леса будущего типа отчуждения

Некоторые из вышеописанных отношений при распространении в дальнейшем становятся переходными для внеэкономического типа отчуждения второй формации, своего рода строительными лесами. И подобно тому, как леса убираются, когда стройка окончена, и эти отношения стали не нужны и исчезли, заменившись отчуждением с помощью государства или иным способом.

Среди таких «строительных лесов» особенно следует отметить дарообмен и в целом престижную экономику.

Дарообмен представляет собой довольно распространенные среди разных народов обычаи обмениваться различными благами. Иногда это могли быть вполне обыкновенные вещи: пища, утварь, орудия труда и т. п. Бушмены говорят относительно дарообмена: «Мы всегда дарим что-нибудь друг другу. Мы отдаем все, что имеем. Это наш способ жить вместе»⁵⁰. Скорее всего такие обычаи возникли в результате желания поддерживать дружественные отношения и необходимые контакты.

Обычаи дарообмена часто кажутся современным людям глупыми и бессмысленными: зачем, скажем, дарить друг другу то, что каждый имеет и так. Зачем человек подаренное ему отдает в дар другим, те — третьим, так что вещь порой проходит через много рук? Но их смысл легко понять, если провести аналогию с современными обычаями дарить друг другу подарки на дни рождения или какие-то важные семейные события. Рассуждая рационально, современным людям нет смысла дарить и получать, в свою очередь, в подарок вещи примерно одной и той же стоимости (и тем более дарить друг

⁴⁷ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. С. 145.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 152.

другу деньги). Никакой особой выгоды от этого нет. Но жить так интереснее. И сегодня, как и в первобытности, также существует примерное равенство ценности подарков, обиды, если человек не отдаривает, доходящие до разрыва отношений и т. п. Чем чаще человек любит ходить в гости и приглашать к себе гостей, тем интенсивнее его «подарочно-отдарочная» деятельность.

Обычаи дарообмена оказались весьма удобными для самых разных случаев. Где-то они являлись способом связи разобщенных общин, которые получали возможность пользоваться ресурсами друг друга. Там, где существовала специализация (например, у одних коллективов были залежи охры, кремня или иных ценностей, а у других не было) такой дарообмен превращался, по сути, в меновую торговлю. При ее усложнении некоторые коллективы начинали играть роль посредников.

Постепенно роль дарообмена менялась. В более развитых и богатых обществах охотников-собирателей — **это один из способов уйти от принудительного распределения, изменить традиционный путь движения благ**. Постепенно возникают своего рода цепочки личных связей между людьми. Число участников таких обменных цепей иногда составляет многие десятки человек.

По ним различные престижные блага переходят из рук в руки в виде даров и отдаров. Чем больше у человека партнеров по дарообмену, тем выше его престиж, тем фактически он богаче, поскольку через него проходит много благ. Это нечто вроде того, как у коммерсанта деньги постоянно «крутятся», находясь в обороте.

Таким образом, по-видимому, человек не накапливает богатство, но фактически находит возможность выделиться из общей массы, реализовать свои физические и умственные возможности, повысить статус, а также — хотя и не в прямой пропорции — увеличить объем потребляемых благ по сравнению с другими.

Дарообмен, престижные пиры, раздачи накопленного и т. п. обычаи в целом получили названия престижной экономики. «Престижная экономика в зачаточном состоянии возникла еще у низших охотников и собирателей, но ее расцвет пришелся на неолитический период»⁵¹. Интересно, что при ее развитии появляется уже и первичная система учета даров и отдаров, какие-то эквиваленты оценки подаренного, то есть значительные элементы

⁵¹ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 348.

торговли. «Престижная экономика, требовавшая точного подсчета «долгов» и «даров», по-видимому, существенно повлияла на развитие системы счета»⁵².

Многие исследователи отмечают, что «престижная экономика существовала только в системе избыточного продукта», а дарообмен «зародился только в конце эпохи раннепервобытной общины, но получил развитие лишь в последующую эпоху в связи с появлением избыточного продукта...»⁵³.

Возможно, там, где не было достаточного количества престижных вещей, роль главного богатства начинают играть женщины и дети. Право на детей — это право на дополнительные блага и престиж за счет установления новых связей через помолвку, брак и получения «брачной ренты».

Многоженство в известной мере можно рассматривать как вариант престижного хозяйства, там, где обмен возможен только в такой форме: чем больше жен и детей, тем «богаче» человек. Отсюда усиление в некоторых обществах низших охотников и собирателей полового неравенства, более характерного не для присваивающей экономики, а для производящей в начальный период.

5. 6. 3. Разрешение основного противоречия

Прежде всего стоит заметить, что не так много обществ были способны к радикальному разрешению основного противоречия. А у тех, кто мог это сделать, как уже говорилось в прошлой главе, было два пути. Наиболее эволюционно перспективным из них был переход к земледелию и скотоводству. Однако нередкими были случаи разрешения его в рамках присваивающего хозяйства, когда обладание очень благоприятными угодьями позволяло иметь большой и стабильный излишек благ и накапливать богатства. Таковыми были многие собиратели урожая или высшие охотники, общества которых могут и перерастать обычный для первой формации уровень развития. Для них также характерны гораздо более крупные общины, чем для низших охотников-собирателей, иногда в тысячи человек. Об этих обществах, в частности о тлинкитах, уже шла речь в прошлой главе.

Очень интересным примером служат некоторые племена

⁵² Там же. С. 309.

⁵³ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1982. С. 141.

индейцев Калифорнии (юрок, хупа, карок). Занимаясь собирательством желудей, они достигли значительного имущественного расслоения. «Богатство накапливалось в форме связок зубчатых раковин, приобретенных в порядке торгового обмена на севере. Накопление перламутровых раковин... было первейшей целью каждого члена племени, и его статус находился в прямой зависимости от количества имеющихся у него раковин. Пожизненный статус ребенка определялся количеством раковин, которые были уплачены за его мать в качестве свадебного выкупа... Каждый поступок, хороший или плохой, имел свою твердую «таксу», выраженную количеством раковин: ими платили за все — начиная от нескольких связок раковин за убийство до нескольких раковин за упоминание имени умершего в присутствии членов его семьи»⁵⁴.

Можно выделить следующие направления разрешения основного противоречия в конце первой формации:

- Все бóльшие возможности накопления и циркуляции благ. Это вело к росту роли престижной экономики, обмена и специализации в хозяйственной жизни в целом. Помимо индивидуального богатства, кое-где росло и общее (всякого рода сооружения, общие запасы и т. п.).

- Повышение престижа за счет накопления богатства. Усложнение социальной дифференциации общества в связи с различной возможностью участвовать в престижной экономике.

- Все более важная роль посемейного производства и распределения. Распределение пищи стало происходить в основном в пределах домохозяйства. Так было у многих высших охотников, собирателей и рыболовов⁵⁵.

- Увеличение срока владения богатством. Если раньше оно раздаривалось очень быстро, то теперь люди могли обладать накопленным богатством до того, как раздать его, годами, порой десятилетиями, а то и до конца жизни.

- Развитие личной собственности, которая становилась важным инструментом обеспечения накопления, приобретения статусов и прочего. Некоторые новые виды ресурсов или орудий труда легко интегрировались именно таким способом, причем даже

⁵⁴ Североамериканские индейцы. М.: Прогресс, 1978. С. 294.

⁵⁵ См.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 204.

не в самых развитых обществах. Любопытным примером являются тасманийцы. Они не знали собак до европейцев, но в короткий срок сумели оценить их достоинства. Собака стала источником перемен не только в приемах охоты, но и в быту. «Многие собаки находились в *личной собственности* мужчин или женщин; у одного человека могло быть *от одной до двенадцати собак*, очень редко — больше»⁵⁶. Аналогичным по типу, но приведшим к гораздо большим переменам в образе жизни, было использование индейцами Северной Америки лошадей.

– Появление хотя и очень ограниченной возможности передавать часть накопленного (обычно окружным и сложным путем) своим родственникам и детям после смерти. Так, у некоторых высших охотников, в частности у медных эскимосов, наиболее ценные вещи, оставленные на могиле покойного, через некоторое время забирались его родственниками. У ряда других групп канадских эскимосов вместо хороших с покойным клали или плохие (сломанные) вещи, или их модели⁵⁷.

– Начало войн и рабства. Войны шли иногда за особо ценные территории. Но войны характерны уже для обществ присваивающего хозяйства, которые имеют соседей-земледельцев.

Но, конечно, в отдельных коллективах обычно реализовывались не все эти направления, а их часть.

В шестом этапе первой формации могли начинаться катаклизмы, характерные для конца формации вообще.

«О том, что приспособление первобытной культуры к новым условиям обитания имело определенные трудности, свидетельствует запустение ряда районов Европы, а также некоторое уменьшение населения и понижение средней продолжительности жизни у людей Восточного Средиземноморья в начале голоцена (то есть в период перехода там к земледелию. — *Л. Г.*). Этот весьма болезненный процесс приспособления человеческого общества происходил на протяжении мезолита...»⁵⁸

(Продолжение следует)

⁵⁶ Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975. С 123 (курсив мой. — *Л. Г.*).

⁵⁷ История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986. С. 208.

⁵⁸ См. там же С. 239.